

Институт языкознания
Российской академии
наук

Тамбовский государственный
университет имени
Г.Р. Державина

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 2 (45)

ЗНАКИ ЯЗЫКА И СМЫСЛЫ КУЛЬТУРЫ

ISSN 2071-9639

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЛИНГВИСТОВ-КОГНИТОЛОГОВ

Когнитивные исследования языка

ВЫПУСК № 2 (45)

**ЗНАКИ ЯЗЫКА
И СМЫСЛЫ КУЛЬТУРЫ**

**Сборник научных трудов,
посвященный памятного юбилею
Вероники Николаевны Телия**

Москва – Тамбов
2021

УДК 40
ББК 80
К57

Серия включена в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации результатов диссертаций. Зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52638 от 25 января 2013 г.
Индекс 79191 в каталоге периодики «Урал Пресс» на 2021 год.

Редакторский совет:

Болдырев Н.Н., доктор филологических наук, профессор (гл. редактор);
Демьянков В.З., доктор филологических наук, профессор;
Ковшова М.Л., доктор филологических наук (отв. редактор выпуска);
Бабина Л.В., доктор филологических наук, профессор;
Виноградова С.Г., доктор филологических наук;
Павасенко Л.А., доктор филологических наук;
Фурс Л.А., доктор филологических наук, профессор;
Шарадин А.Л., доктор филологических наук, профессор;
Златев Й., доктор филологии, профессор (Лунд, Швеция);
Талми Л., доктор филологии, профессор (Буффало, США);
Орлова О.С., аспирант (отв. секретарь выпуска);
Козлова Е.А., кандидат филологических наук (отв. секретарь)

К57 **Когнитивные исследования языка** / гл. ред. Н.Н. Болдырев; М-во науки и высш. обр. РФ, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008– .
ISBN 978-5-89016-442-1

Вып. № 2 (45): Знаки языка и смыслы культуры: сборник научных трудов, посвященный памятному юбилею Вероники Николаевны Телия / отв. ред. выпуска М.Л. Ковшова. – Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021. – 696 с.

ISBN 978-5-00078-450-1

Настоящий сборник посвящен памятной дате – 90-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Вероники Николаевны Телия – ученого, известного во всем мире, теоретика языка, выдающегося фразеолога, лексикографа, начинателя лингвокультурологической парадигмы исследования во фразеологии. Проблематика сборника составлена «в диалоге» с научным наследием В.Н. Телия. В книге рассматриваются теоретические и методологические вопросы когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, изучаются культурные аспекты семантики языковых единиц, описывается их связь с концептосферой культуры. Представлены способы анализа этнического самосознания, запечатленного в языке и проявляющегося в дискурсе. Роль культурного фактора в ментальности и языке исследуется на фоне современных коммуникативных процессов. Книга адресована специалистам в области теории языка, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и широкому кругу читателей, интересующихся живым взаимодействием языка, ментальности, культуры.

УДК 40
ББК 80

ISBN 978-5-00078-450-1 (Вып. № 2 (45)) © ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2021

ISBN 978-5-89016-442-1

© Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, 2021

ISSN 2071-9639

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
TAMBOV STATE UNIVERSITY
NAMED AFTER G.R. DERZHAVIN
THE RUSSIAN COGNITIVE LINGUISTS ASSOCIATION

Cognitive Studies of Language

VOLUME # 2 (45)

**SIGNS OF LANGUAGE
AND SENSES OF CULTURE**

Collection of papers
in Memoriam Veronika Teliya:
Studies on the Occasion of her 90th Birthday

Moscow – Tambov
2021

The publication is included in the List of publications recommended by Higher Assessment Board of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publishing the results of candidate and doctoral dissertations.

Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor), Certificate of Registration PI No. FS77-52638.

The volume enters the catalogue of periodicals of Ural Press agency of 2021. The index is 79191.

E d i t o r i a l B o a r d :

Boldyrev N.N., Doctor of Philology, Professor (editor-in-chief);
Demyankov V.Z., Doctor of Philology, Professor;
Kovshova M.L., Doctor of Philology (volume editor-in-chief);
Babina L.V., Doctor of Philology, Professor;
Vinogradova S.G., Doctor of Philology;
Panasenko L.A., Doctor of Philology;
Furs L.A., Doctor of Philology, Professor;
Sharandin A.L., Doctor of Philology, Professor;
Zlatev J., Doctor of Philology, Professor (Lund, Sweden);
Talmy L., Doctor of Philology, Professor (Buffalo, USA);
Orlova O.S., Post-graduate student (volume executive secretary);
Kozlova E.A., Candidate of Philology, Associate Professor (executive secretary)

Cognitive studies of language / editor-in-chief N.N. Boldyrev ; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, The Russian Cognitive Linguistics Association. – Moscow : Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences ; Tambov : Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin, 2008– .

ISBN 978-5-89016-442-1

Vol. # 2 (45): Signs of language and senses of culture: collection of papers in memoriam Veronika Teliya: studies on the occasion of her 90th birthday / volume editor-in-chief M.L. Kovshova. – 2021. – 696 p.

ISBN 978-5-00078-450-1

This volume is dedicated to the memory of Professor Veronika N. Teliya, a renowned linguist, a brilliant phraseologist and lexicographer, and the pioneer of linguacultural studies in phraseology, on the occasion of her 90th birthday. The themes of the studies are arranged along with those of Veronika Teliya's scientific legacy. The book deals with theoretical and methodological problems of cognitive linguistics and linguacultural studies, cultural aspects of semantics, the connections between language units, their meanings, and the conceptual sphere of culture. It also analyses ethnic self-awareness as it manifests itself in language and discourse. Modern communicative processes serve as a backdrop for studying the role of the cultural factor in mentality and language. The book is intended for specialists in theoretical and cognitive linguistics, linguacultural studies, as well as for non-specialist audiences interested in the vibrant interaction between language, mentality, and culture.

ISBN 978-5-00078-450-1 (Vol. # 2 (45))
ISBN 978-5-89016-442-1

© FSBEIHE «Tambov State University
named after G.R. Derzhavin», 2021

© The Russian Cognitive Linguists Association, 2021

**ЗНАКИ ЯЗЫКА
И СМЫСЛЫ КУЛЬТУРЫ**

**Сборник научных трудов,
посвященный памятного юбилею
Вероники Николаевны Телия**

Москва – Тамбов
2021

**SIGNS OF LANGUAGE
AND SENSES OF CULTURE**

**Collection of Papers
in Memoriam Veronika Teliya:
Studies on the Occasion of her 90th Birthday**

Moscow – Tambov
2021

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ковшиова М.Л.</i> От редактора	15
<i>Телия В.Н.</i> (2000) Коммуникативная функция языка и проблема культурно-языковой компетенции (к постановке проблемы)	19

I. ЗНАКИ, ЗНАЧЕНИЯ И СМЫСЛЫ В ИНТЕГРАТИВНОМ НАУЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

<i>Болдырев Н.Н.</i> Интерпретационная семантика как способ вторичного осмысления мира	34
<i>Демьянков В.З.</i> О двойных рубежах между мнениями и реальностями в русском дискурсе	44
<i>Киклевич А.К.</i> Семантический квадрат	57
<i>Ковшиова М.Л.</i> Языковой знак в обретении смыслов культуры	71
<i>Постовалова В.И.</i> Три пути постижения лингвистической реальности в свете идеала цельного знания (истоки и пределы интегративности)	85
<i>Тер-Минасова С.Г.</i> Другому как понять тебя?	96
<i>Щирова И.А.</i> Холистические тенденции и междисциплинарная интеграция в научных исследованиях	104

II. КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ И ФАКТОР КУЛЬТУРЫ

<i>Беляева И.В.</i> Роль социокультурных доминант в интерпретации фразеологических единиц с компонентом-зоонимом	115
<i>Васильева Н.В., Тритенко Е.В.</i> Синдром Диогена: имя в культуре и в медицинском термине	122
<i>Глинская Н.П.</i> Терминологическая эпонимия в социокультурном контексте (на материале англоязычных терминов психологии)	131
<i>Голубкова Е.Е., Таймур М.П.</i> Теория концептуальной интеграции на службе моделирования значения малафор	138
<i>Гурочкина А.Г.</i> Механизмы восприятия и формирования значения фразеологических координативных словосочетаний	146
<i>Гвишиани Н.Б.</i> О новых терминах фразеологии в компьютерно-корпусных исследованиях английского языка	155
<i>Заботкина В.И.</i> Межкультурная коммуникация: ментальные структуры и когнитивные механизмы	166
<i>Рябцева Н.К.</i> «Грамматикализованные фразеологизмы» как когнитивно-коммуникативные доминанты в научной речи на русском языке и их межъязыковая идиоматичность	171
<i>Харитончик З.А.</i> Семантическая неопределенность имен собственных, или что значит «Ты – настоящий Эйнштейн!»	181

**III. КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ
В СЕМАНТИКЕ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ.
СИНТЕЗ ЯЗЫКОВЫХ СУЩНОСТЕЙ
И «ЯЗЫКА» КУЛЬТУРЫ**

<i>Абрамова В.И., Архангельская Ю.В., Георгиева С.</i> Символика звезды в русских и болгарских фразеологизмах как вербальных текстах культуры	191
<i>Бредис М.А., Ломакина О.В., Мокиенко В.М.</i> Числовой код русинской лингвокультуры (на фразеологическом материале)	202
<i>Додыхудоева Л.Р.</i> Динамика памирской фразеологии: о развитии семантики выражений, связанных с траурными церемониями	212
<i>Иоанесян Е.Р.</i> Стереотипы и эталоны в высказываниях с кванторами	222
<i>Манова И.И.</i> Еще раз об изучении орнитологического кода в русской культуре в сопоставлении с болгарской	232
<i>Масленникова Е.М.</i> Диффузность идиомы <i>better days (seen better days)</i> в языке и культуре: национально-культурные коннотации	244
<i>Мед Н.Г.</i> Соматический код культуры как форматор оценочных смыслов в испанской фразеологии	254
<i>Минченков А.Г.</i> Культурные коннотации в значении английской лексемы <i>middle class</i>	264
<i>Опарина Е.О.</i> Культурная информация в детективном произведении: на примере романа А. Кристи «Скрюченный домишко»	274
<i>Радбиль Т.Б.</i> «Культурный фон» как имплицитный культурный компонент в семантике языковых знаков	283
<i>Токарев Г.В.</i> О специфике квазисимвола	293
<i>Эдельман Д.И.</i> К семантической реконструкции древних лексем	301

**IV. ЯЗЫК – «КЛЮЧ» К САМОСОЗНАНИЮ ЭТНОСА,
СОЦИУМА, ЛИЧНОСТИ**

<i>Алешин А.С.</i> Шведские и русские пословицы с компаративным компонентом <i>bättre/лучше</i> (лингвокультурологический аспект)	310
<i>Высочаньски В.</i> Этнолингвистический подход в компаративной фразеологии (на примере картины бедности)	319
<i>Калинин О.И.</i> Интерпретация иноязычной фразеологии как способ выявления культурной специфики	331
<i>Левцкий А.Э.</i> Языковая личность как лингвокультурный феномен	342
<i>Лецинская О.А.</i> Белорусские фразеологизмы с тропонимами животного происхождения: образы, ценность, оценка	353
<i>Mieder W.</i> “Time spent wishing is time wasted”: temporal worldview in modern American proverbs	365
<i>Никитина Т.Г.</i> Коды культуры и субкультурное перекодирование фразеологизмов	374

<i>Орлова О.С.</i> К вопросу об изменениях в русских загадках	382
<i>Рогозина Н.В., Бухнер Н.Ю.</i> Портрет узбекского этноса: опыт лингвокогнитивной реконструкции	392
<i>Савенкова Л.Б.</i> Как это – <i>по-русски?</i>	400

**V. РОЛЬ МЕТАФОРЫ
В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
И КУЛЬТУРНО ОКРАШЕННАЯ КАРТИНА МИРА**

<i>Абакумова О.Б.</i> Метафоры в пословицах о любви: универсальное и специфическое	411
<i>Борисова Е.Г., Ковалева А.В.</i> Быт как источник образного восприятия мира	422
<i>Бочарникова Е.А.</i> Взаимодействие концептуальных сфер в английской научной гуманитарной литературе	432
<i>Варфоломеева И.В.</i> Метафора как отражение действия механизмов экспрессивности при создании фикционального мира	437
<i>Верещагина А.В.</i> Понятие «душа» в древнегреческой и новогреческой языковой картине мира	447
<i>Красухин К.Г.</i> Деньги и русская культура (историко-этимологический этюд)	458
<i>Манерко Л.А., Чулкова Е.А.</i> Мифологические представления об астрономических явлениях в древнегерманской картине мира (на примере образа змея)	469
<i>Маслова Ж.Н.</i> Современный миф как культурный и языковой феномен	478
<i>Шелепова Н.В.</i> О соотношении концептуальной метафоры, мифа и символа	486

**VI. КУЛЬТУРНО МАРКИРОВАННЫЕ
И ЭКСПРЕССИВНЫЕ ЗНАКИ ЯЗЫКА
В ТЕКСТЕ И ДИСКУРСЕ**

<i>Валуїцева И.И., Хухуни Г.Т.</i> «Текстоцентричность» в переводе: за и против	494
<i>Вдовиченко А.В., Порхомовский В.Я., Романова О.И.</i> Антропоморфизмы в Ветхом Завете по версиям Септуагинты и Вульгаты	502
<i>Ефимова А.И.</i> «Свой/чужой» в конструировании вымышленного языка (на материале научно-фантастической повести Барри Брукса Лонгиера «Враг мой»)	510
<i>Никуличева Д.Б.</i> Время Бога и время человека в паремиях датского языка	515
<i>Николина Н.А., Петрова З.Ю., Фатеева Н.А.</i> Культурно-специфичные лексические единицы как компоненты компаративных тропов	524

<i>Семенова С.Ю., Тарасова Е.В.</i> О языковой игре в газете «Научное сообщество»	535
<i>Тарамжина Л.В., Василькова И.Г.</i> Использование экспрессивных средств языка в современной научной коммуникации	546
<i>Шелестюк Е.В., Шкарин Д.Л.</i> Концептуальный состав англоязычной поэзии о Второй мировой войне в сопоставлении с советской военной поэзией	553
<i>Яковенко Е.Б.</i> Концептуализация тревоги в советской предвоенной литературе	565

VII. ЛЕКСИКОГРАФИЯ В СВЕТЕ КУЛЬТУРОЛОГИИ

<i>Брагина Н.Г., Войславова С.С.</i> Русско-болгарский тематический классификатор: фразеологизмы с опорным компонентом <i>надежда</i> . . .	575
<i>Зимин В.И., Авдеева О.И.</i> Синхронная этимология как средство уточнения значения фразеологизмов	585
<i>Мухина И.К.</i> Мифологические смыслы как культурный компонент идеографического словаря синонимов	596
<i>Рогалева Е.И.</i> Этимологизация фразеологической метатезы в учебном словаре	604
<i>Романов Д.А.</i> Об отдельных символических единицах антропоморфного кода русской культуры (из материалов к словарю)	613
<i>Склярская Г.Н.</i> Лексикография на службе лингвокультурологии: описание религиозной лексики в словаре русского языка XXI века	624

VIII. ВОПРОСЫ ВАРИАТИВНОСТИ И ВОСПРОИЗВОДИМОСТИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

<i>Вознесенская М.М.</i> Сказка о Золушке: метафорический потенциал прецедентного имени	632
<i>Гудков Д.Б.</i> Воспроизводимые единицы в современной русской речи	642
<i>Дронов П.С.</i> <i>Бить себя пяткой в грудь</i> и <i>молчать как рыба об лед</i> : образование вариантов идиом и экспрессивность	649
<i>Дядечко Л.П.</i> Воспроизводимость vs повторяемость во фразеологии и смежных с нею областях	656
<i>Рыжкина Е.В.</i> Модели вариативности английских идиом библейского происхождения с компонентом-антропонимом: лингвокультурологический аспект	667
<i>Сигал К.Я.</i> Устойчивая фраза как аксиологический знак	675
<i>Библиография трудов В.Н. Телия</i> (составил П.С. Дронов)	686

CONTENTS

<i>Kovshova M.L.</i> Editorial	15
<i>Teliya V.N.</i> (2000) Communicative function of language and the problem of cultural-linguistic competence: setting the target	19

I. SIGNS, MEANINGS AND SENSES IN INTEGRATIVE RESEARCH AREA

<i>Boldyrev N.N.</i> Interpretive semantics as a method of secondary reflection of the world	34
<i>Demyankov V.Z.</i> On double borderlines between opinions and realities in Russian discourse	44
<i>Kiklewicz A.</i> The semantic square	57
<i>Kovshova M.L.</i> Language sign acquiring cultural meanings	71
<i>Postovalova V.I.</i> Three ways of conceiving the linguistic reality in the light of the ideal of integral knowledge (sources and limits of integrativity)	85
<i>Ter-Minasova S.G.</i> Can one fully understand another person?	96
<i>Shchirova I.A.</i> Holistic trends and interdisciplinary integration in research	104

II. COGNITIVE MECHANISMS OF FORMATION AND PERCEPTION OF LANGUAGE SIGNS AND CULTURAL FACTOR

<i>Beliaeva I.V.</i> The role of sociocultural dominants in interpretation of phrasemes with zoonym-components	115
<i>Vasilyeva N.V., Tritenko T.V.</i> Diogenes syndrome: proper name in culture and as a part of medical term	122
<i>Glinskaya N.P.</i> Terminological eponymy in the socio-cultural context (based on English psychology terms)	131
<i>Golubkova E.E., Taymour M.P.</i> Conceptual integration theory in modeling the semantics of malaphors	138
<i>Gurochkina A.G.</i> Perception and mechanisms of meaning-making of phraseological units	146
<i>Gvishiani N.B.</i> Concerning new terminology of phraseology in corpus-based studies of English	155
<i>Zabotkina V.I.</i> Intercultural communication: mental structures and cognitive mechanisms	166
<i>Riabtseva N.K.</i> "Grammatical phraseological units": their dominating patterns in Russian academic style and their cross-linguistic idiomaticity	171
<i>Kharitonchik Z.A.</i> Semantic vagueness of proper names, or what does it mean "You are a real Einstein!"	181

III. CULTURAL COMPONENT IN THE SEMANTICS OF LANGUAGE SIGNS. SYNTHESIS OF LINGUISTIC UNITS AND THE “LANGUAGE” OF CULTURE

<i>Abramova V.I., Arkhangel'skaya Ju.V., Georgijeva S.I.</i> Symbolism of the star in Russian and Bulgarian phraseological units as verbal cultural texts	191
<i>Bredis M.A., Lomakina O.V., Mokienko V.M.</i> Numeric code of the Rusin languaculture (based on figurative units)	202
<i>Dodykhudoeva L.R.</i> Dynamics of Pamir phraseology: the case of units related to funeral rites	212
<i>Ioanesyan E.R.</i> Stereotypes and standards in phrases containing quantifiers	222
<i>Manova I.I.</i> Ornithological code in Russian and Bulgarian cultures, revisited	232
<i>Maslennikova E.M.</i> Diffusion of idiom <i>better days (seen better days)</i> in language and culture: national and cultural connotations	244
<i>Med N.G.</i> The somatic code as a way of formation of evaluative meanings in Spanish phraseology	254
<i>Minchenkov A.G.</i> Cultural connotations in the meaning of the English lexeme <i>middle class</i>	264
<i>Oparina E.O.</i> Cultural information in a detective novel: on the example of A. Christie's "Crooked house"	274
<i>Radbil T.B.</i> "Cultural background" as an implicit cultural component in the semantics of language signs	283
<i>Tokarev G.V.</i> On the specifics of quasi-symbol	293
<i>Edelman J.I.</i> On semantic reconstruction of ancient lexemes	301

IV. LANGUAGE AS A “KEY” TO ETHNIC, SOCIAL AND PERSONAL SELF-AWARENESS

<i>Alyoshin A.S.</i> Proverbs with a comparative component <i>bättre/лучше</i> in Swedish and Russian (a languacultural aspect)	310
<i>Wysoczański W.</i> Ethnolinguistic approach in comparative phraseology (as applied to poverty view)	319
<i>Kalinin O.I.</i> Interpretation of foreign language phraseology as a method for determining cultural specificity	331
<i>Levitsky A.E.</i> Linguistic personality as a languacultural phenomenon	342
<i>Lyashchynskaya V.A.</i> Belarusian phraseologisms with troponyms of animal origin: images, value, evaluation	353
<i>Мидер В.</i> «Время, потраченное на желания, потрачено зря»: время в картине мира на материале современных американских пословиц	365
<i>Nikitina T.G.</i> The codes of culture and subcultural transcoding of phraseological units	374
<i>Orlova O.S.</i> About some changes in Russian riddles	382

<i>Rogozina I.V., Buhner N.Yu.</i> The Uzbek ethnic portrait: experimental reconstruction	392
<i>Savenkova L.B.</i> How is it – ‘ <i>po-russki</i> ’?	400

**V. THE ROLE OF METAPHOR
IN CONCEPTUALISATION OF REALITY
AND CULTURALLY DETERMINED WORLDVIEW**

<i>Abakumova O.B.</i> Metaphors in proverbs about love: the universal and national-specific	411
<i>Borisova E.G., Kovalyova A.V.</i> Daily life as the source of conceptual worldview	422
<i>Bocharnikova E.A.</i> Interaction of conceptual spheres in English humanitarian academic literature	432
<i>Varfolomeeva I.V.</i> Metaphor as the action of expressive verbal mechanisms: on the creation of imaginary world in an English fictional text	437
<i>Vereshchagina A.V.</i> The concept “soul” in the ancient Greek and modern Greek linguistic worldview	447
<i>Krasukhin K.G.</i> Money and the Russian culture (a historical and etymological study)	458
<i>Manerko L.A., Chulkova E.A.</i> Mythological representations in astronomical phenomena in the Old Germanic worldview (on the basis of a snake image)	469
<i>Maslova Zh.N.</i> Contemporary myth as a cultural and linguistic phenomenon	478
<i>Shelepova N.V.</i> On the relationship between conceptual metaphor, myth and symbol	486

**VI. CULTURE-SPECIFIC AND EXPRESSIVE
LANGUAGE SIGNS IN TEXT AND DISCOURSE**

<i>Valuitseva I.I., Khukhuni G.T.</i> “Textcentricity” in translation: pro et contra	494
<i>Vdovichenko A.V., Porkhomovsky V.Ya., Romanova O.I.</i> Anthropomorphisms in the Old Testament according to Septuagint and Vulgate	502
<i>Efimova A.I.</i> Linguistic basis for us – them opposition realization in artlang construction (based on the science fiction novel “Enemy Mine” by Barry Longyear)	510
<i>Nikulicheva D.B.</i> Time of God and time of human in Danish proverbs	515
<i>Nikolina N.A., Petrova Z.Yu., Fateeva N.A.</i> Culture-specific lexical units as components of comparative tropes	524
<i>Semenova S.Y., Tarasova E.V.</i> On language game in RAS trade-union newspaper “ <i>Nauchnoe soobshchestvo</i> ”	535
<i>Taramzhina L.V., Vasilkova I.G.</i> The use of expressive language means in modern scientific communication	546

<i>Shelestyuk E.V., Shkarin D.L.</i> British and American World War II poetry vs. Soviet war poetry: conceptual structure	553
<i>Yakovenko Ye.B.</i> Conceptualisation of anxiety in Soviet pre-war literature	565

**VII. LEXICOGRAPHY AGAINST
THE BACKGROUND OF CULTURE STUDIES**

<i>Bragina N.G., Voyslavova S.S.</i> The Russian-Bulgarian topical classifier: a study of idioms with the basic constituent <i>hope</i>	575
<i>Zimin V.I., Avdeeva O.I.</i> Synchronous etymology as a means of clarifying the meaning of phraseological units	585
<i>Mukhina I.K.</i> Mythological meanings as a cultural component in the ideographic dictionary of synonyms	596
<i>Rogaleva E.I.</i> Etymologization of phraseological metathesis in the educational dictionary	604
<i>Romanov D.A.</i> On symbolic units belonging to the anthropomorphic code of Russian culture (materials for the dictionary project)	613
<i>Sklyarevskaya G.N.</i> Lexicography for the purposes of linguacultural studies: description of religious vocabulary in the Russian language dictionary of the 21st century	624

**VIII. THE ISSUES OF VARIABILITY
AND REPRODUCIBILITY OF LINGUISTIC UNITS**

<i>Voznesenskaya M.M.</i> The tale of Zolushka (Cinderella): metaphoric potential of a precedent name	632
<i>Gudkov D.B.</i> Reproducible units in the modern Russian language	642
<i>Dronov P.S.</i> <i>Bit' sebâ pâtkoj v grud'</i> and <i>molčat' kak ryba ob lëd</i> : expressiveness in idiom variants	649
<i>Diadechko L.P.</i> Reproducibility vs repeatability in phraseology and related areas of study	656
<i>Ryzhkina E.V.</i> On variation models of English biblical idioms with an anthroponymic component: a linguacultural study	667
<i>Seagal K.Ya.</i> Fixed phrase as an axiological sign	675
<i>The works of V.N. Teliya (by Dronov P.S.)</i>	686

ОТ РЕДАКТОРА

Сборник «Знаки языка и смыслы культуры» посвящен памятной дате – 90-летию со дня рождения Вероники Николаевны Телия, русского ученого, теоретика языкознания, известного во всем мире фразеолога и лексикографа, с ее именем навсегда соединены московская фразеологическая школа и лингвокультурологическое направление.

Вероника Николаевна Телия была человеком редкой одаренности, замечательная своим пытливым умом и чарующей красотой, – серьезный ученый и настоящая красавица. Прочсть биографию В.Н. Телия и воспоминания о ней, увидеть ее фотографии и услышать доклад можно на сайте Института языкознания по ссылкам: <https://iling-ran.ru/web/ru/scholars/telia>; <https://iling-ran.ru/web/ru/scholars/telia#talk>.

Найдя свой, особенный, путь в лингвистике XX–XXI вв., В.Н. Телия написала работы, ставшие классическими, – о фразеологии, ее семантике, вариативности и воспроизводимости; о коннотации; о метафоре и языковой картине мира; о методологических основаниях лингвокультурологии; о принципах исследования знаков языка в их соотношении с предметной областью культуры. Широко известны монографии В.Н. Телия: «Что такое фразеология?» (1966); «Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке» (1981); «Коннотативный аспект семантики номинативных единиц» (1986); «Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты» (1996). В 1986 г. Вероника Николаевна Телия основала в Институте языкознания РАН проблемную группу «Общая фразеология и компьютерная фразеология», название которой менялось в культурологическом направлении: с 1999 г. это «Общая фразеология и язык культуры», с 2010 г. – «Лингвокультурологические исследования». Семинары, которые проводила В.Н. Телия, стали настоящей лабораторией и для известных ученых, и для начинающих исследователей, – всех вдохновляла масштабность ее научного поиска, глубокий и кропотливый анализ языкового материала, страстное отношение к делу и твердое отстаивание научных принципов. В семинаре были впервые разработаны основы компьютерной обработки фразеологизмов, изложенные в коллективных монографиях «Фразеология в Машинном фонде русского языка» (1990) и «Макет словарной статьи для Автоматизированного Толково-идеографического словаря русских

фразеологизмов. Образцы словарных статей» (1991); см. об этом в статье Е.Г. Борисовой в данном сборнике. Под руководством В.Н. Телия проводились конференции, по материалам которых изданы коллективные монографии: «Фразеография в Машинном фонде русского языка» (1990); «Фразеология в контексте культуры» (1999); «Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках» (2004) и др. В этом поступательном научном движении поистине программной стала монография В.Н. Телия «Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты» (1996). Вероникой Николаевной и ее коллективом был разработан новаторский «Словарь образных выражений русского языка» (1995), на базе которого создавался по всем параметрам уникальный «Большой фразеологический словарь. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» (2006); см. об этом в статье Н.Г. Брагиной. Рядом с Вероникой Николаевной в ее начинаниях всегда были ученики и единомышленники. Мы шли за «великой Вероникой» как за Орлеанской Девой, вдохновенные ее дерзновенным научным поиском.

Настоящий сборник предваряет переиздание статьи, написанной Вероникой Николаевной Телия двадцать лет назад памяти известного лингвиста, ученого и педагога, друга и коллеги Г.В. Колшанского в сборнике «Коммуникативная лингвистика и коммуникативно-деятельностный подход к обучению языкам» (издан небольшим тиражом в 2000 г.). Статья В.Н. Телия и сегодня ведет за собой, поскольку обладает значительной объяснительной силой и при этом является «открытой структурой», поскольку корреспондирует с современными подходами и концепциями, с тем, что есть нового в лингвистике, которая так или иначе расширяется, объединяясь с «нелингвистикой» в движении на пути к целостному гуманитарному знанию.

В научном диалоге с исследовательским наследием Вероники Николаевны Телия составлены и разделы сборника:

- I. Знаки, значения и смыслы в интегративном научном пространстве;
- II. Когнитивные механизмы формирования и восприятия языковых знаков и фактор культуры;
- III. Культурный компонент в семантике языковых знаков. Синтез языковых сущностей и «языка» культуры;
- IV. Язык – «ключ» к самосознанию этноса, социума, личности;
- V. Роль метафоры в концептуализации действительности и культурно окрашенная картина мира;
- VI. Лексикография в свете культурологии;

VII. Культурно маркированные и экспрессивные знаки языка в тексте и дискурсе;

VIII. Вопросы вариативности и воспроизводимости языковых единиц.

В данном, «телиевском», сборнике исследуются различные, но при том взаимосвязанные вопросы: интегративно-междисциплинарное развитие лингвистики; проблемы интеракции ментальных структур сознания и языковых форм их презентации; процедурные механизмы интерпретации культурных смыслов, которые осуществляются осознанно или проходят «на глубине» ментальности; процессы номинации в определенном культурном контексте; отображение и «запоминание» мира в его языковой картине; роль метафоры в осмыслении мира; способы и средства инкорпорации культурных смыслов в семантику языковых знаков и способность говорящего vs. слушающего воспринимать культурную семантику; соотнесение оязыковленных сущностей с симболярием материальной, социальной и духовной культуры; формат представления в словаре культурной информации при описании оязыковленных концептов культуры; проявление этнического, социального, культурного самосознания в коммуникации; выявление личностных смыслов; исследование феномена культурно-языковой компетенции в контексте дискурсивных практик; устойчивость и воспроизводимость фразеологизмов как проявление их культурно-языковой связанности.

При обсуждении теоретических вопросов у Вероники Николаевны была своя присказка: «Как материал покажет». Исследования в сборнике представлены на материале языков: русского, древнерусского, белорусского, украинского, польского, русинского, английского, шведского, немецкого, датского, ряда древнегерманских, иранских, французского, испанского, китайского, новогреческого, древнегреческого, древнееврейского, латыни, а также вымышленных языков. Анализ языковых сущностей в «целостно-многопредметном контексте» (В.Н. Телия) проводится с использованием различных научных подходов и методов исследования и охватывает дискурсивное пространство от мифов и старейших религиозных текстов до интернет-мемов.

Завершает сборник библиография трудов В.Н. Телия, составленная кандидатом филологических наук П.С. Дроновым, которому мы выражаем особую благодарность за тщательную проверку, уточнение и добавление данных. Редколлегия благодарит кандидата филологиче-

ских наук Е.О. Опарину и аспиранта О.С. Орлову за научную и товарищескую помощь в подготовке сборника к изданию.

Сборник «Знаки языка и смыслы культуры», издаваемый в серии «Когнитивные исследования», подарил счастливую возможность собраться вместе тем, кто знал и любил Веронику Николаевну; ученым и специалистам, кому важно разобраться в том, как устроен мир, какими смыслами в той или иной культуре он наполнен и как всё это отражается, сохраняется, передается и действует в языке.

*Руководитель проблемной группы
«Лингвокультурологические исследования»
доктор филологических наук,
М.Л. Ковшова*

В.Н. Телия

КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА И ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Статья впервые опубликована в сборнике «Коммуникативная лингвистика и коммуникативно-деятельностный подход к обучению языкам. Памяти Геннадия Владимировича Колшанского». Москва: Институт языкознания РАН; Московский государственный лингвистический университет, 2000. С. 20-34.

В одной из своих последних работ Г.В. Колшанский писал: «Конкретный коммуникативный акт содержит в себе так называемую обращенность..., что же касается познавательной стороны общения (полное или частичное восприятие – понимание содержания коммуникации), то она должна рассматриваться в плане эквивалентности тезауруса коммуникантов... Тезаурус коммуникантов должен рассматриваться как часть *культурной и научной компетенции коммуникантов при равной языковой компетенции*» [Колшанский 1984: 25] (выделено нами – В.Т.). В контексте этого высказывания ниже и будет рассматриваться феномен культурно-языковой компетенции и современный методологический фон ее постижения. Но вначале представляется необходимым уточнить наше представление об этом фоне.

Современное состояние лингвистики – это поиск такого пространства исследования и описания «языка в действии», в котором подлинный субъект этого речемыслительного процесса, владеющий его порождением vs. пониманием, был бы опознан по сплетенным и отраженным в процессах семиозиса как бы сокровенным следам этого процесса.

Остающееся неоспоримым определение основной функции языка – быть средством общения – по существу голографично, так как оно ставит в центр субъекта речемыслительной деятельности, попеременно выступающего в функции говорящего/слушающего, и оперирует их способностью обмениваться многофакторной информацией о внутреннем и внешнем для них мире. Свидетельство тому – даже редуцированная модель многофакторного фрейма общения: *кто общается, с кем общается, ориентация на ментальность адресанта vs. адресата, на тему, место и социальные кулисы общения, на мотив общения,*

цель общения, намерение и интенции общения, на ожидание «сообщения», чтобы продолжить его и т.п. Таков далеко не полный «бумеранг» общения, проведенный только пунктирно.

Мы прибегли к «голографической метафоре», чтобы показать, что коммуникативный процесс можно уподобить — «анте-спирали», каждый разворот которой содержит (по принципу бумеранга) информацию о ее многофакторной целостности (о синэргетическом контексте голографической метафоры языка см.: [Базылев 1998: 32-57]).

Голографическая метафора языка, отображающая целостность коммуникативного пространства, каждая часть которого — это «эвант» проективно речемыслительного взаимодействия субъекта языка с миром, соответствует идеологии *антропологической парадигмы* исследования языка. Основной постулат этой парадигмы — изучение языка «изнутри» речевой деятельности его субъекта, т.е. «языка в человеке» [Постовалова 1996].

Как отмечает Ю.С. Степанов, в конце 20 века «образ языка» все более приобретает черты «образа пространства», «во всех смыслах — пространства реального, видимого, духовного, ментального; это одна из самых характерных примет лингво-философских размышлений в наши дни» [Степанов 1995: 32]. Однако голографическому образу такого базового для лингвистики понятия, каковым мы считаем понятие языковой компетенции, не уделено должного внимания даже в программном труде «Язык и наука конца 20 века» [1995].

А между тем голографичность этого понятия, или точнее — феномена, обязывает современную лингвистику рассматривать его в целостно-многопредметном контексте. И это, в свою очередь, означает, что эпистемология современной лингвистики, «все более осознающей себя как часть общей семиотики», должна, по мнению Р.М. Фрумкиной, конструировать объект изучения с учетом рефлексии на его бытие в такого рода многопредметном контексте [Фрумкина 1995: 75-76 и сл.].

Поскольку одной из предметных сфер «бытия» языковой компетенции является культура, то оказывается необходимым выделить и сконструировать такой «частный» объект исследования языковой компетенции, как *компетенция культурно-языковая*. И этот объект должен эпистемически отображать рефлексию исследователя на способность носителей языка как субъектов культуры к их интерпретативной деятельности в сфере взаимодействия языка и культуры.

После приведенных методологически фоновых установок, обратимся к истории довольно извилистых путей, приведших осмысление феномена языковой способности субъекта к выводу о том, что владе-

ние языком – это субъектно-активная форма *коммуникативной компетенции*. Однако в связи с проблемой культурно-языковой компетенции, для нас важно выделить лишь те вехи на пути развития этого понятия (преимущественно в рамках отечественной лингвистики), которыми отмечены особенности его междисциплинарной – социолингвистической, психолингвистической, когнитивной и лингвокультурологической аспектуализации.

С середины 80-х годов вместе с разработкой грамматик активного типа, а также на фоне все возрастающего влияния на исследование языковых процессов данных наук когнитивного цикла в теоретической лингвистике вновь возрождается интерес к соотношению участия языковой и неязыковой компетенции при формировании и восприятии продуктов коммуникативной деятельности. И это потребовало ответа на вопрос: какие именно типы информации входят в «умение» говорить на данном языке, а также определения «уровней» этого умения относительно полноты/неполноты владения языком.

Проблема владения языком стала разрабатываться по преимуществу в междисциплинарных отраслях лингвистики – социолингвистике, психолингвистике, а с середины 80-х годов – в рамках бурно развивающихся в отечественном языкознании под эгидой идеи когнитивистики различных версий лингвокультурологии. И в каждой из этих отраслей понятие компетенции рассматривается в контексте тех данных, которые служат предметом их изучения. Естественно, что сложилась ситуация междисциплинарной аспектуализации как понятия языковой компетенции, так и одной из ее важнейших составляющих – компетенции культурно-языковой.

Итак, наша основная задача – попытаться сформулировать на фоне указанной выше аспектуализации понятие *культурно-языковой компетенции*. Отметим заранее, что этот феномен мыслится нами как «основной нерв» лингвокультурологии. Именно с этим феноменом связаны и такие базовые для лингвокультурологического анализа концепты, как *культурно-языковая рефлексия* и *интерпретация* в контексте предметной области культуры, придающие языковым знакам – текстам, высказываниям, номинациям – функцию знаков «языка» культуры и тем самым отображающие коллективную культурную идентичность носителей языка.

Как известно, понятие языковой компетенции, введенное в явной форме в лингвистический обиход в порождающей грамматике Н. Хомского в оппозиции *competence/performance* (которая во многом разде-

ляет свойства оппозиции «язык vs. Речь»), изначально было обогащено таким фактором, как языковая способность субъекта. Этот фактор уже в ранних работах Н. Хомского не только «втянул» в понятие языковой компетенции способность субъекта переходить от «глубинных» структур коммуникативного замысла к его «поверхностному» исполнению, но и дал онтологические основания для этого перехода, которые в более поздних работах усматривались Н. Хомским в знании субъекта о мире и в презентации этого знания в тех формах, которые в современной когнитивистике соотносят с ментальными структурами сознания, готовыми принять языковые формы благодаря знанию языка.

Как отмечает Е.С. Кубрякова на основе анализа понимания Н. Хомским сущности языковой компетенции как проявления креативной деятельности говорящих с языком, идея креативного участия ментальных структур в языковых процессах послужила не только одним из непосредственных стимулов для критически дискуссионного обсуждения этих проблем в постгенеративных версиях порождающей грамматики, но и во многом предварила когнитивную перспективу развития понятия языковой компетенции [Кубрякова 1995: 175-178].

Общеизвестно, что «психологизм» концепции Хомского тесно переплетался с картезианскими идеями о врожденности креативно-конструктивных способностей человека. Рассматриваемый в этом контексте, язык понимался Хомским как интериоризированная система знаний о языке, о языковой компетенции, языковых умениях и навыках, т.е. как система «языковленной» ментальной деятельности (см., например, [Chomsky 1980]).

Однако тот тип знания, который соотносится с предметной областью культуры, а следовательно – с культурно-языковой их презентацией и восприятием, в этой концепции не получил креативно-конструктивной интерпретации.

Социолингвистической аспектуализации понятия языковой компетенции и уточнению его в этом ракурсе во многом способствовала развернувшаяся в 60-70-х годах дискуссия, вызванная «хомскианской революцией». В ходе этой дискуссии стали активно обсуждаться социальные контексты коммуникации, на фоне которых концепция языковой компетенции Н. Хомского оценивалась как проявление крайнего «грамматизма». Эта оценка была вызвана тем, что в эти годы Хомским декларировались лишь собственно лингвистические аспекты владения языком vs. языковой компетенции и ее роли в «порождении» высказываний при игнорировании, как справедливо отмечено Л.П. Крысиным,

«каких бы то ни было социальных, ситуативных и тому подобных «прагматических» факторов» [Крысин 1989: 121].

Расширение понятия языковой компетенции до объема «*коммуникативной компетенции*» было вскоре предложено Д. Хаймсом, который считал, что в этом понятии должны быть учтены такие социальные речевые условия употребления слов и грамматических конструкций, как отношения между говорящими, место, цели высказывания, другие способы коммуникации и т.п. компоненты «коммуникативных событий» [Hymes 1974: 75].

Так был сделан шаг к социологизации понятия языковой компетенции, которая была поддержана (хотя и в неявной форме) Ч. Филлмором, выдвинувшим еще в 1977 г. тезис о том, что «значения обусловливаются ситуациями», которые рассматривались им как «когнитивные сцены» [Филлмор 1981: 497, 519].

Обратим внимание на то, что в обсуждении проблемы языковой компетенции в различных версиях социолингвистики вопрос о включенности в коммуникативный процесс как таковой и участия в нем субъекта культуры вообще не ставился, хотя, по афористическому замечанию Н.Д. Арутюновой, «человек живет в контексте культуры. Она является для него «второй реальностью»» [Арутюнова 1991: 3]. Поэтому умолчание о культурно-языковой компетенции субъекта коммуникативных событий всегда приводит к редукции их культурного фона, поскольку такого рода умолчание чревато игнорированием форм и способов воплощения в значениях языковых продуктов тех смыслов, которые лежат в основе окультуренного владения языком его носителями.

Интегративно-междисциплинарный аспект исследования языковой компетенции, а следовательно – и компетенции культурно-языковой, с начала 80-х годов стал активно разрабатываться и в психолингвистике, все более осознающей себя как своего рода «отпрыск» когнитивной психологии.

В сферу внимания современной психолингвистики входит круг проблем, связанных с формами осознания мира *homo dicendi*, в том числе – осознания, проявляющегося не только в национально-специфических особенностях членения мира и его картирования [Шахнарович 1983], а также в стереотипах поведенчески-деятельностной ориентации в мире, но и в характерных для того или иного этноса, народа, нации чертах национально окультуренного менталитета.

Решение этого круга проблем, постановка которых, как известно, восходит в европейской этнолингвистике к В. Гумбольдту и неогум-

больдгианству, а в американской – к трудам Ф. Боаса, Э. Сепира, Б. Уорфа, в психолингвистических штудиях ведется по двум основным направлениям.

Одно из них, восходящее в отечественной традиции к трудам А.А. Потебни и наиболее распространенное в настоящее время, занято на основе анализа лексикона (в том числе – и внутреннего, т.е. проявляющегося в форме ассоциативных сетей), а также текстов, соотносимых с разнообразными дискурсивными практиками, выявлением и описанием того, какие культурно маркированные сущности обнаруживаются в языке, как воплощенные в языке культурно значимые вкрапления придают тому или иному языку и соответственно – языковой картине мира национально-культурную специфику (см., например: [Залевская 1982; Тарасов 1987]). Уместно отметить, что в психолингвистических штудиях, близких по методологии к приведенным выше работам, используются по преимуществу экспериментальные методы. Однако в этих методах не уделяется должного внимания культурно-языковой компетенции говорящего/слушающего, на основе которой они и способны интерпретировать языковые сущности в кодах «языка» культуры.

Парадоксальным образом цели и результаты этого направления психолингвистических штудий взаимодействия языка и культуры почти полностью совпадают с теми, которые преследует социолингвистика. Так, в свое время А.А. Леонтьевым была намечена программа исчисления факторов, обуславливающих национально-культурные «отличия в организации, функциях и способе опосредования процессов общения...». К этим факторам автор относит: 1) «факторы, связанные с культурной традицией...» (разрешенные и запрещенные типы и разновидности общения, а также стереотипные ситуации общения); 2) «факторы, связанные с социальной ситуацией и социальными функциями общения...» (функциональные подязыки и этикетные формы общения); 3) «факторы, связанные с этнопсихологией в узком смысле, т.е. с особенностями протекания и опосредования психических процессов и различных видов деятельности...»; 4) «факторы, связанные с наличием в тезаурусе данной общности тех или иных специфических реалий, понятий и т.п., т.е. со спецификой денотации...»; 5) «факторы, определяемые спецификой языка данной общности...» (стереотипы, образы и сравнения, кинесические средства и т.д. – эти пояснения принадлежат Ю.А. Сорокину [Сорокин 1987: 84-85]) [Леонтьев 1977: 8-10]. Исчисленные факторы практически полностью «укладываются»

в те языковые факты, которые Л.П. Крысин относит к «национально-культурному уровню» коммуникативной, или «социолингвистической компетенции» [Крысин 1989: 125-129]. Эту парадоксальность можно объяснить тем, что языковое общение социально по своей природе, и когда социальный фактор превалирует при описании национально-культурной специфики, различие в методах как бы нейтрализуется, а результаты оказываются во многом сходными.

Другое направление психолингвистических исследований, интенсивно развивающееся в настоящее время, стремится ответить на вопрос, как эксплицитно или имплицитно проявляется связь между этническими формами мироосознания, или ментальности, семиотически презентированных в специфических для того или иного этноса, народа, нации архетипах, стереотипах, символах, мифологемах, эталонах и т.п. знаках «языка» культуры, когда они воплощаются в языковенных формах коммуникации.

Отметим сразу, что это направление близко смыкается в описательной части с этнолингвистикой, одной из главных задач которой, сформулированной в программных для этнолингвистики трудах Н.И. Толстого [1983, 1995], является выявление «культурной семантики» языковых сущностей. Как и этнолингвистика, обращенная (в указанной ее версии) в историческую ретроспективу и потому не имеющая дела с живыми коммуникативными процессами, это направление оперирует скорее изучением типов соотношения форм сознания и характерных для них знаков «языка» культуры, нежели процессами протекания культурно-языковой интеракции, «свершающейся» в речевой деятельности ее акторов, ипостасных субъекту языка и культуры.

В качестве примеров такого разворота проблематики можно привести описание на материале сравнительных конструкций национально-культурных эталонов внешних и внутренних качеств человека в [Маслова 1988; Шмелева 1988]; культурологически ориентированное исследование Ю.А. Сорокина «компаративных цепочек», отражающих в языковой форме национально-культурное мировидение, восходящее к различного рода кодам культуры, и служащих средством «измерения» свойств человека и мироздания [Сорокин 1994; 1997] (такие средства и являются, в нашем понимании, эталонами — «языка» культуры); изучение стереотипов восприятия личности как индикаторов социально-духовной ментальности [Уфимцева 1995; Eismann 1999], а также целый ряд других исследований, ставящих своей задачей выявить связь между формами сознания и их презентацией в культурном

и языковом кодах [см., например: Маслова 1997; Телия 1999а; Канон, эталон, стереотип в языковом сознании и дискурсе 1999а,б]. Эти исследования пролагают путь к новому междисциплинарному направлению – психолингвокультурологии.

Таким образом, психолингвистика, теснейшим образом связанная с исследованием коммуникативных процессов, вплотную подошла к решению проблем формирования и проявления в речемыслительной деятельности языковой компетенции и ее культурно-языковой «части». Но проблема выявления механизмов языковой компетенции «изнутри» способности носителей языка к культурной рефлексии в психолингвистических штудиях в открытой форме не ставится – эти механизмы, особенно ярко проявляющиеся в реакциях, имеющих характер так называемых «личностных смыслов», остаются здесь, насколько нам известно, эксплицитно не разработанными (попытка экспериментально «прорваться» к формам культурно-языковой рефлексии принята в [Кабакова 1999]).

Сложность исследования культурно-языковой компетенции заключается в том, что последняя связана с осознанным или бессознательным усвоением «языка» культуры. Владение этим кодом и обеспечивает референцию языковых знаков к предметной области культуры и тем самым награждает дискурсы культурной семантикой – этнической, национальной, универсальной для определенных лингвокультурных ареалов (в этой последней связи достаточно сравнить понятия: «общеевропейский стандарт», «мусульманский мир», «южно-американский мир» и под.) либо же культурными смыслами, которые можно считать «общечеловеческими» (например, культурный смысл такой реалии, как небо, у всех народов, населяющих землю, ассоциируется с наличием «небожителей», а земля – с архетипом матери-прародительницы и т.п.).

Архетипы сознания, являющиеся «первообразным» освоением человеком макро- и микромира, могут сохранять свой смысл и в современном их восприятии, т.е. осознанно. Так, в сочетаниях типа *свои люди* (ср. также целый текст пьесы Островского «Не в свои сани не садись» и т.п.) архетипы типа «свой/чужой» напрямую или косвенно соотносятся с их изначальным культурным смыслом, а в идиомах типа *выносить сор из избы* архетип «свой» погружен в глубинные культурные слои слова *изба*, архетипическая значимость которого опосредованно (на уровне подсознательного) воспринимается как «свое пространство». Другой пример демонстрирует флуктуацию архетипов

в различные дискурсы культуры: слово *крест* в идиоме *нести крест* в христианском миропонимании может восприниматься как символ спасения или искупительного страдания, а в обиходном сознании – как символ необходимости выполнять тяжкие обязанности и т.п.

Таким образом, насущной остается задача исследовать ментальные глубины процедурных механизмов интерпретации культурных смыслов, осознанно или на уровне глубин подсознания протекающих в речедейательностных актах, ибо в этих процедурах и «свершается» ментально культурно-языковая компетенция носителей языка как субъектов культуры.

В последние годы ведутся интенсивные поиски когнитивно ориентированных путей исследования языковой компетенции. Проблема интеракции ментальных структур сознания и языковых форм их презентации стала одной из основных для когнитивной психологии, которую принято считать одним из действенных источников когнитологии.

Как известно, когнитивная психология ставит перед собой в качестве одной из главных задач моделирование «отражения мира в мозгу человека и формирование с этой целью разных типов его ментальной репрезентации – всего того, что получает название «человеческой ментальной деятельности» – *human mentation*» [Кубрякова 1996: 66]. Поскольку язык также отображает и «запоминает» мир в конструируемой его носителями картине мира, он рассматривается в когнитивной психологии как один из модулей когнитивной системы, а проблема языковой компетенции, языковых умений и навыков вписывается в контекст процессов обработки и переработки информации человеком. Поэтому понятие языковой компетенции выступает здесь как один из важнейших процессов презентации ментальных структур сознания в языковых «модулях» при порождении и понимании речи.

Тем самым в когнитивной психологии выдвинута гипотеза о том, что в языковой компетенции синэргетически «воссоединяются» такие параметры субъектов языка (говорящего vs. слушающего), как их языковая способность и ее рефлексивно-интерпретативная реализация в речевой деятельности. Новизна постановки этой гипотезы заключается, с нашей точки зрения, в том, что эти базовые параметры голографически разворачиваются, что, в свою очередь, предполагает многофакторное взаимодействие обработки субъектами языка знаний о мире, обретающих формы ментальных структур сознания, – с одной стороны, а с другой – презентация последних в процессах оязыковления сопровождается переработкой информации, характерной для этих

структур, в информацию, манифестируемую знаками языкового кода, но при этом языковые знаки не теряют своей соотнесенности с ментальными структурами сознания, подобно тому, как фигура соотносится с фоном в той или иной их пространственно-временной активации (если употребить для пояснения соотношения ментальных и языковых структур метафору, вышедшую из гештальт-психологии).

Сама постановка проблемы языковой компетенции как вербализуемого или уже вербализованного осознания ментальных состояний намечает качественно иной подход к решению этой проблемы. Суть этого подхода, с нашей точки зрения, заключается в том, что языковая компетенция, неотъемлемой частью которой, как отмечалось выше, является ее корреспонденция с ментальными структурами сознания, мыслится не только как владение языковым кодом, но и всеми теми видами фонового знания, которые активируются говорящим/слушающим как полифоническим субъектом в речемыслительной деятельности (следует заметить, что идея «полифонического субъекта» была выдвинута еще в «докогнитивный период» Н.И. Трубецким [1995]; аналогичная идея – основной стержень концепции М.М. Бахтина [1979]).

При такой постановке проблемы исследование языковых фактов меняет свой ракурс: их изучение и описание должно осуществляться не с позиций «внешнего», как бы объективного наблюдателя, а «изнутри» – с позиций субъекта-актера, рефлексивно-интерпретирующего знания о мире, приводя язык в действие (ср. в этой связи метод «тренированной интроспекции» исследователя, имитирующий речедействие субъекта-актера, разрабатываемый А. Вежицкой в идеологии, близкой к когнитивной психологии [Wierzbicka 1992]).

Итак, языковая компетенция субъекта включает в себя владение всей полифонией когнитивно-языковой его деятельности, которая, как справедливо отмечают В.З. Демьянков и Е.С. Кубрякова, «разворачивается в определенном культурном контексте» [1996: 51-52]. Следовательно, неотъемлемой частью владения языком является и культурно-языковая компетенция его носителей.

Стремление описать «язык в человеке» – значит исследовать и полифоническое владение языком «культурной личностью» говорящего vs. слушающего. И это составляет «ядро» того направления лингвокультурологических исследований, которое, формируясь в идейном конформизме с постулатами когнитологии, вписывается в антропологическую парадигму исследования языка [Телия 1996; 1999а; Ковшова 1996]. Напомним, что для этой парадигмы, как пишет В.И. Поставало-

ва, «центральной методологической задачей становится эксплицитное включение в онтологию языка универсума человека, позволяющее объяснить на единой методологической основе все важнейшие моменты существования языка...» [Постовалова 1995].

В соответствии с указанной выше аспектуализацией культурно-языковая компетенция мыслится нами как владение установками культуры, с которой говорящие себя идентифицируют, и способность оперировать ими в коммуникативно-языковой их презентации. Субъект культурно-языковой компетенции – это полифонический носитель языка, находящийся как бы «изнутри» используемых им когнитивно-языковых систем интерпретативной переработки, концептуализации и лингвокреативной (в смысле Б.А. Серебrenникова [1988]) презентации информации, принадлежащей предметной области культуры.

Культурно-языковая компетенция проявляет себя в способности говорящего/слушающего на основе осознанного или бессознательного владения топосами языка и культуры соотносить в дискурсивных практиках оязыковляемые и/или уже оязыковленные языковые сущности с симболарием материальной, социальной и духовной культуры и на этой основе интерпретировать эти языковые сущности как знаки «языка» культуры. Такого рода референция и интерпретация оставляет свой след в *культурной коннотации* языковых знаков.

Способы и средства формального выражения культурных коннотаций разнообразны. Они обнаруживают себя в прямой цитации прецедентных текстов (или их фрагментов) из культурно маркированных дискурсов или в аллюзиях к ним, во внутренней форме однословных и фразеологически оязыковленных концептов культуры, которая и служит основным источником когнитивно-культурных интертекстуальных ассоциаций с такого рода дискурсами и т.д. – вплоть до прощодических сигналов, если они обретают культурный смысл.

Содержанием культурных коннотаций являются ценностно осмысленные установки культуры, т.е. ментальные прескрипции, оценивающие социальные и духовные практики человека, а также артефакты как «достойные» vs. «недостойные» его культурного самосознания. Небезынтересно отметить в этой связи, что узаконенные в лексикографической традиции (и не только в отечественной) пометы, фиксирующие чувства-отношения к обозначаемому знаком, типа *одобр.*, *неодобр.*, *презр.*, *пренебр.*, и подобные им отображают нерелексивно — «живное» описание содержания культурных коннотаций (подробнее о сущности культурной коннотации см. [Телия 1993, 1996]).

Таким образом, разработка проблемы культурно-языковой компетенции в интроспективной версии лингвокультурологии предполагает погружение этого феномена в контекст дискурсивных практик, в которых голографически запечатлевается, как носители языка воплощают в актах номинации и коммуникации культурно значимую для них информацию – с одной стороны, а с другой – на этой основе интертекстуально отображается их способность воспринимать культурную семантику языковых знаков, когда эти последние, сохраняя в когнитивной памяти соотнесенность с предметной областью культуры, выступают в функции знаков этой (по словам Кассирера) «символической вселенной» (см., например: [Teliya 1998; Teliya, Bragina, Oparina, Sandomirskaya 1998]). Оба эти процесса несут сведения о культурно-языковой компетенции субъектов лингвокультурного сообщества и тем самым – о культурной «пресуппозиции» их речедействительностного взаимодействия.

О том, что культурно-языковая компетенция – неотъемлемая часть контекста общения, Г.В. Колшанский писал неоднократно: «Понятие контекста ... вылилось в весьма широкое понятие пресуппозиции как ситуативного фона, включающего в себя как факторы конкретной материальной ситуации, так и факторы языковой и культурной компетенции коммуникантов...» [Колшанский 1984: 165].

Литература

Арутюнова Н.Д. От редактора // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 3-4.

Базылев В.Н. Синергетика языка: овнешнение в гадательных практиках. М.: Диалог-МГУ, 1998.

Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1974.

Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984.

Демьянков В.З., Кубрякова Е.С. Когнитивная деятельность // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ, 1996. С. 51-52.

Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики слова. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1982.

Кабакова С.В. Образное основание идиом (психолингвокультурологические аспекты): дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.

Канон, эталон, стереотип в языковом сознании и в дискурсе: Дискуссия в ИЯ РАН (участвовали Сорокин Ю.А., Базылев В.Н., Вольская Н.Л., Гудков Д.Б., Красильникова В.Г., Красных В.В.) // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. Вып. 8. М.: Диалог-МГУ, 1999а.

Канон, эталон, стереотип в языковом сознании и в дискурсе: Научная дискуссия в Институте языкознания РАН. Участвовали В.Н. Телия (ИЯ), Ю.А. Сорокин (ИЯ), В.Н. Базылев (МГЛУ), Н.П. Вольская (МГУ), Д.Б. Гудков (МГУ), И.В. Захаренко (МГУ), В.В. Красных (МГУ), М.В. Тростников (Рос. правосл. ун-т) // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. Вып. 9. М.: Диалог-МГУ, 1999б.

Ковшиова М.Л. Культурно-национальная специфика фразеологических единиц (когнитивные аспекты): дис. канд. ... филол. наук. М., 1996.

Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М.: Наука, 1984.

Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989.

Кубрякова Е.С. Когнитивная психология // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ, 1996. С. 66-69.

Леонтьев А.А. Национальные особенности коммуникации как междисциплинарная проблема: объем, задачи и методы этнопсихолингвистики // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 5-14.

Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. М.: Наследие, 1997.

Маслова В.А. Экспериментальное изучение национально-культурной специфики внешних и внутренних качеств человека (на материале киргизского языка) // Этнопсихолингвистика. М.: Наука, 1988. С. 116-120.

Понятие судьбы в контексте разных культур. Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1994.

Постовалова В.И. Мировоззренческое значение понятия «языковая картина мира» // Анализ знаковых систем. История и методология науки. Киев: Наукова думка, 1986. С. 31-32.

Постовалова В.И. Наука о языке в свете идеала цельного знания // Язык и наука конца 20 века: сб. статей. М.: РГГУ, 1995. С. 342-420.

Серебренников Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 87-107.

Сорокин Ю.А. Этнические формы культуры: сознание и модусы его вербальной репрезентации (компарационные цепочки) // Лингво-

когнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М.: Филология, 1997. С. 21-36.

Степанов Ю.С. Изменчивый образ языка в науке XX века // Язык и наука конца 20 века: сб. статей. М.: РГГУ, 1995. С. 7-34.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997.

Тарасов Е.Ф. Язык и культура: методологические проблемы // Язык и культура. Сборник обзоров. М. ИНИОН, 1987.

Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. М.: Наука, 1993. С. 302 – 314.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.

Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999а. С. 13-24.

Телия В.Н. Рефлексы архетипов сознания в культурном концепте «родина» // Славянские этноды. Сборник к юбилею С.М. Толстой. М.: Индрик, 1996. С. 466-476.

Толстой Н.И. О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Язык и этнос. Л.: Наука: Ленингр. отделение. С. 181-190.

Толстой Н.И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Н.И. Толстой. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 27-40.

Трубецкой Н.С. К проблеме русского самопознания // Н.С. Трубецкой. История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995.

Уфимцева Н.В. Русские глазами русских // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: сб. статей к 60-летию Ю.Н. Караулова. М.: ИРЯ РАН, 1995. С. 242-250.

Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М.: Прогресс, 1981. С. 496-530.

Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца 20 века: сб. статей. М.: РГГУ, 1995. С. 74-95.

Шахнарович А.М. Семантический компонент языковой способности // Психолингвистические проблемы семантики. М.: Наука, 1983. С. 181-279.

Шмелева Т.В. К проблеме национально-культурной специфики «эталона» сравнения (на материале английского и русского языков) // Этнопсихоллингвистика. М.: Наука, 1988. С. 120-124.

Язык и наука конца 20 века: сб. статей. М.: РГГУ, 1995.

Chomsky N. Rules and representations. N.Y.: Columbia University Press, 1980.

Eismann W. Русские фразеологизмы в иноязычном тексте. Выражение и описание обычаев при формировании стереотипа о «русских» в описаниях немецких путешественников XVI—XVIII вв. // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 41-52.

Hymes D. Foundations in Sociolinguistics: An Ethnographic Approach. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1974.

Teliya V. Phraseological Entities as a Language of Culture (Methodological Aspects) // Eurofras 95. Europäische Phraseologie im Vergleich: gemeinsames Erbe und kulturelle Vielfalt / W. Eismann (Hrsg.). Bochum: Brockmeyer, 1998. S. 28-41.

Teliya V., Bragina N., Oparina E., Sandomirskaja I. Phraseology as a Language of Culture: It's Role in the Representation of a Cultural Mentality // Phraseology. Theory, Analysis, and Applications / Ed. by A.P. Cowie. Oxford: Clarendon Press, 1998. P. 55-75.

Wierzbicka A. Semantics, Culture, and Cognition. N.Y.: Oxford University Press, 1992.

V.N. Teliya

**COMMUNICATIVE FUNCTION OF LANGUAGE
AND THE PROBLEM OF
CULTURAL-LINGUISTIC COMPETENCE:
SETTING THE TARGET**

First published in: Communicative Linguistics and the Communicative-Activity Approach to Language Teaching. In memoriam Gennady V. Kolshansky. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; Moscow State Linguistic University, 2000. P. 20-34.

I. ЗНАКИ, ЗНАЧЕНИЯ И СМЫСЛЫ В ИНТЕГРАТИВНОМ НАУЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Н.Н. Болдырев (Тамбов, Россия)

*Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
boldyrev@tsutmb.ru*

ИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ СЕМАНТИКА КАК СПОСОБ ВТОРИЧНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ МИРА¹

Рассматриваются структуры знания, которые выступают в качестве определенных ментальных ориентиров при вторичной концептуализации и категоризации объектов и событий окружающего и внутреннего мира человека. На основе анализа конкретного языкового материала аргументируется интерпретационный статус семантики языковых единиц, используемых в данных процессах, ее антропоцентрическая природа.

Ключевые слова: интерпретация, вторичные структуры, семантика, когнитивные и языковые механизмы.

Повышенное внимание к интерпретационной, и особенно оценочной, семантике всегда было отличительной характеристикой и сильной стороной отечественного языкознания, см.: [Арутюнова 1988, 1999; Вольф 1985; Телия 1981, 1986, 1993, 1996]. Продолжая философские традиции изучения природы оценки в широком ее понимании и аксиологических понятий, лингвисты, в свою очередь, в большей степени проявляют интерес к анализу значений передающих их языковых единиц, а также к вторичности этих значений, которая обусловлена их ориентацией не на онтологию мира, а на его отражение в сознании человека. Отдавая дань уважения трудам отечественных ученых

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00372) в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина.

в этой области и, в частности, в данном конкретном сборнике – памяти В.Н. Телия, хотелось бы продолжить обсуждение проблемы релятивности интерпретационной семантики с позиций когнитивного подхода, т.е. в контексте познавательных процессов концептуализации и категоризации.

Под интерпретационной семантикой будем далее понимать значения и смыслы языковых единиц, передающие коллективную или индивидуальную интерпретацию человеком первичных знаний о мире, сформированных на основе сенсорных ощущений и моторики. Человек при этом выступает исключительно или одновременно в двух статусах: как представитель определенного социума (этнического, территориального, профессионального, гендерного, возрастного и т.д.) или как самостоятельная личность, имеющая собственный, не всегда разделяемый другими представителями социума или не совпадающий с коллективным взглядом на мир.

Необходимо также подчеркнуть, что процесс вторичного осмысления мира человеком практически бесконечен и может иметь многоэтапный характер. Определяя сознание как психическую деятельность особого рода, Д. Деннет, в частности, отмечает связь сознания с интерпретацией информации, которая поступает в мозг из внешнего мира и от самого организма. Он также специально акцентирует внимание на том, что каждая такая интерпретация условна и может быстро меняться на другую интерпретацию, в большей степени соответствующую реальному положению дел [Dennett 1991: 111], или, возможно, точнее передающую восприятие конкретной ситуации человеком.

Интерпретирующий характер сознания в ментальном конструировании мира так или иначе отражается в семантике языковых единиц, поскольку основные познавательные процессы – концептуализация и категоризация – в подавляющем большинстве случаев опосредуются языком, а языковые явления, в свою очередь, очевидно, относятся к когнитивным репрезентациям как репрезентациям опыта. В отличие от сенсорных репрезентаций, отмечают психологи, когнитивные репрезентации способны представлять в сознании ненаблюдаемые в данный момент объекты и события [Пиаже 1983; Barsalou 2012; Pylyshyn 1973]. Аналогичную способность обнаруживают и языковые единицы, за исключением эмоциональных возгласов и отдельных реакций на непосредственные ощущения, типа: *ай, ой, ах, ох, ого*. Именно с овладением определенным опытом, в том числе опытом коммуникации с ок-

ружающими, связано, вероятно, и появление осмысленной речи у детей на современном этапе развития общества.

Способность человека по-разному интерпретировать опыт взаимодействия с миром, а также само разнообразие этого опыта, обуславливают возможность трактовки языковой интерпретации в широком и узком смысле как первичной и вторичной соответственно. В широком смысле интерпретация (первичная интерпретация) свойственна всем языковым единицам без исключения в силу самой природы языка и его основных функций, поскольку они передают разнообразие мира во всех его проявлениях (разные виды живых и неживых объектов, их дескриптивные характеристики, динамические признаки), а сама интерпретирующая функция языка всегда сопровождает его другие функции. И языковое представление знаний (когнитивная функция), и вербальная коммуникация предполагают конкретный выбор, предпочтение, намерение: выбор характерного признака в процессах номинации, темы или ремы в сообщении и т.д. В этом случае можно сказать, что вся языковая семантика интерпретативна по своей сути или что всем языковым единицам свойственна первичная интерпретация. Тем не менее, это не означает, что все языковые единицы обладают интерпретационной семантикой в узком понимании языковой интерпретации, поскольку сам интерпретирующий компонент представлен в семантике лишь отдельных единиц.

Языковая интерпретация в узком смысле (вторичная интерпретация) – это интерпретация уже имеющихся и закрепленных в языке знаний о мире. Она характерна для определенной категории языковых единиц, в семантике которых в том или ином виде присутствует интерпретирующий компонент, свидетельствующий о намеренном предпочтении (выборе, селекции), классификации, оценке, в том числе об отрицании, эмоциональной, экспрессивной, количественно-качественной интерпретации, об оценке степени проявления признака или отступления от нормы. При этом, в силу бесконечности интерпретационных процессов, вторичная интерпретация может быть результатом множественного переосмысления и охватывать содержательно и этимологически различные явления, которые в самой семантике языковых единиц могут быть представлены однотипно (например, положительная или отрицательная оценка, интерпретация знания, которое само по себе является вторичным, инферентным) либо могут проявляться лишь в составе паремий, фразеологических выражений, синтаксических конструкций, на функциональном уровне – в определенном контексте.

Характерной особенностью интерпретационной семантики является **концептуальная релятивность** – ее косвенная, опосредованная сознанием, соотносительность с другими концептами – концептами объектов и событий, их характеристик, т.е. концептуально-языковая обусловленность, которая определяется целым рядом факторов когнитивного и языкового характера. К числу когнитивных факторов следует отнести разные виды концептуальной соотносительности с носителем языка (антропоцентричность), зависимость от концепта интерпретируемой сущности или области определения (концептуально-тематической области), инферентность, которые прямо или опосредованно прослеживаются в использовании языковых форм. К языковым факторам относятся: собственно языковая природа слов с интерпретационной семантикой, которая не соотносена напрямую с реальным миром, а является результатом интерпретации знаний о нем, в том числе многократной, использование лексических и грамматических единиц нейтральной семантики в их вторичной, интерпретирующей функции.

Антропоцентрическая релятивность интерпретационной семантики заключается в выборе объекта и способов интерпретации, когнитивных ориентиров (доминант), относительно которых она осуществляется: представления о нормах, стереотипах, ценностях, в выборе области определения и ее структурировании, а также в установлении конкретных связей между концептами. Именно человек конструирует мир в своем сознании сообразно своему образу жизни, среде обитания, видам деятельности и отдаваемым предпочтениям, выступая в качестве наблюдателя, концептуализатора и категоризатора. Интерпретируя поступающую информацию в соответствии с этими доминантами и ранее сложившимися представлениями, он постоянно структурирует и переструктурирует знания о мире, давая им оценку в широком смысле этого слова, превращая данную информацию в новое знание интерпретационного характера или отвергая ее.

Соответственно интерпретационная семантика сама по себе всегда вторична и малосодержательна «в чистом виде», поскольку ограничена собственно интерпретирующим компонентом, который требует уточнения: *хороший, плохой, удобный, дорогой, обычный* (для кого? чем? почему?), т.е. зависит от содержания интерпретируемого объекта и области осмысления: *удобный стол – удобный стул – удобный диван – удобный шкаф – удобный человек*. Поэтому в основе формирования и понимания интерпретирующего смысла в процессах общения недостаточно одного концепта интерпретации, а требуется указание на его

связь с другим концептом в виде концептуальной структуры: **ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ КОНЦЕПТ + ИНТЕРПРЕТИРУЕМЫЙ КОНЦЕПТ**, которая на системном уровне, в силу возможного разнообразия таких связей, приобретает характер матричной структуры – когнитивной матрицы, включающей множество допустимых контекстов осмысления (о когнитивной матрице см. подробнее: [Болдырев 2008; Болдырев, Алпатов 2008]). При этом привлекаемое знание может иметь как непосредственный, так и инферентный характер.

Роль человеческого фактора в формировании значений и смыслов интерпретирующего характера проявляется также в выборе определенных когнитивных и языковых механизмов. Под механизмами в данном случае понимаются различные способы и модели конфигурирования, или форматирования, знаний и их представления на концептуальном и языковом уровне в том или ином формате. Значение языковой единицы, отмечает Р. Лэнкер, представляет собой конкретное конфигурирование концептуального содержания на основе определенной образной схемы. При этом он подчеркивает, что значение языкового выражения не сводится к объективной характеристике той сцены, которую оно описывает. Люди способны моделировать любую сцену с помощью различных образных схем таким образом, что определенная семантика не столько формируется под влиянием объективной ситуации, сколько навязывается ей [Langacker 1991: IX, 2-4, 35]. В качестве таких образных схем, выступающих в роли когнитивных механизмов формирования интерпретационной семантики, используются:

профилирование, или фокусирование, концептуального содержания – акцентирование разных характеристик в общем знании об объекте: *автомобиль с автоматической коробкой передач; скоростное шоссе; зеркало заднего вида; Всем глупым – счастье от безумья. Всем умным – горе от ума* (А.С. Грибоедов); *Разумный человек ставит себе предел даже в добрых делах* (М. Монтень);

перспективизация – выбор или изменение перспективы, точки отсчета: *Ни одно доброе дело не остаётся безнаказанным* (Т. Бруке); *Кому щи пустоваты, а кому жемчуг мелковат; В следующее воскресенье мы опять покажем вам, как всё происходило на самом деле, с точки зрения нормального человека* (Новостная программа); *Ох уж эти деньги – то начинают кончатся, то кончают начинаться; Маленькая пенсия бережет вас от наркотиков, игры в казино, прочих соблазнов и дорогих путешествий;*

конкретизация / генерализация – представление знания с разной степенью конкретизации или обобщения: *животное – собака – пудель – королевский пудель; высокий ростом – двухметрового роста; рядом с домом – в ста метрах от дома; близко – в пяти минутах ходьбы;*

двойное фокусирование, или вторичное профилирование, аппроксимация – выделение той части концептуального содержания, для которой в языке не существует конвенционального названия или которая характеризуется некоторой неопределенностью или приближенностью: *едва знакомый, типа овоща, достаточно скромный, приблизительно летом, около трех часов, что-то вроде биологической добавки, слегка подурмяненный, немного не в себе, где-то там на полке, чем-то напоминает фантастический роман; уехал куда-то в деревню; куда Макар телят не гонял;*

сравнение – выделение той или иной характеристики за счет сопоставления разных концептов или концептуальных областей: *с гилькин нос; как нищий на паперти; как корове седло; ...добрыми делами можно навлечь на себя ненависть точно так же, как и дурными (Н. Макиавелли); Стыдит лжеца, шутит над дураком и спорит с женщиной – все то же, что черпать воду решетом: от сих троих – избавь нас Боже! (М.Ю. Лермонтов);*

концептуальная интеграция – объединение двух концептов в ментальной сети, которое приводит к появлению нового, интегрированного смысла, не равного простой сумме исходных концептов: *мраморный Давид ≠ 'мрамор + Давид'; Юный аспирант – уже врач: 'когда был юным аспирантом + стал врачом'; Американский президент Эстонии (Свободная Пресса. 05.04. 2015) – предполагает следующую ментальную сеть концептов: 'Тоомас Хендрик Ильвес + родился в Норвегии, куда родители сбежали в 1944 году от наступавшей Советской армии + почти всю жизнь прожил в США + работал на Радио «Свободная Европа» + слабо говорит на эстонском + призывал НАТО начать реальную войну с Россией в случае кибератаки на республику → интегрированное пространство – 'лицо на должности президента одной страны, но с отношением, характерным для другой страны', новый смысл, которого нет в каждом интегрированном концепте, – 'президент страны, который думает не столько о своем народе, сколько о воплощении политики другого государства' [URL: <http://svpressa.ru/society/article/117748/>];*

концептуальная метафора – интерпретация неизвестного через известное, абстрактного – через конкретное, нематериального – через материальное в результате обращения к другому концепту или кон-

цептуальной области: *серый кардинал; Солнце мое! Свет моей жизни! Ночевала тучка золотая на груди утеса-великана* (М.Ю. Лермонтов); *Впервые в жизни сталкиваюсь (виртуально) с политиками и их «соловьями»* (Рамблер. 15.05.2016); *И подписывают это счастье* [протокол] *со стороны государства (Государственное унитарное предприятие «ММЦ Планета КВН») гендиректор Александр Масляков-папа, а со стороны частного ООО «ТТО АМИК» – гендиректор Александр Масляков-сын* (Рамблер. 10.12.2017);

концептуальная метонимия – использование одного концепта для описания связанного с ним другого концепта в пределах одной концептуальной области: описание действия через его субъект или через средство его осуществления (*по-царски, зашторить*); времени – через событие (*после лекции*); времени – через человека (*викторианские постройки*); человека – через место работы (*Рентген справок не дает*) и т.д.: *«Спартак» разгромил «Севилью» в матче Лиги чемпионов* (Рамблер. Новости. 18.10. 2017); *Дорогие коллеги, аудитория уточнилась весьма стремительно. Доклад состоится в ауд. 844* (Мослинг); *Известие о скорой свадьбе 21-летнего сына Сергея Зверева Сергея вызвала ажиотаж в прессе. Сам же звездный цирюльник искренне недоумевает, зачем его отпрыску нужно жениться в столь юном возрасте* (Рамблер. 18.03.2015). *Треснувший Boeing экстренно сел в Воронеже* (Рамблер. 14.08.2016); *Звонило прошлое, просилось в будущее*;

инференция – формирование смысла за счет имплицитного обращения, посредством использования определенного импликата, к другому концепту или концептуальной структуре, имплицатуре, т.е. на основе выводного, дополнительного знания: *Окончил Оксфорд* (дополнительный смысл 'получил хорошее, престижное образование', выводное знание: 'Оксфорд – название одного из самых престижных университетов мира'); *покупать продукты у фермеров* – 'свежие, экологически чистые, высокого качества, по более низкой цене'. *Саакашвили поможет Киеву сберечь Украину – он на этом галстук съел* (Рамблер. 19.02.2015). *Возможно, эти события и подтолкнули Михаила Саакашвили накануне провозгласить народный импичмент Порошенко. Что из этого получится, пока неясно, но автопокрышки у Верховной рады уже сложены* (Рамблер. 26.11.2017); *Тебе желаю в день рожденья: любви, здоровья, красоты, друзей, ума, работы, денег. Все остальное, вроде, есть...*;

эвфемизация – нейтрализация отрицательного компонента в содержании концепта: *...топ-менеджерам с отрицательными результатами, возможно, понадобится обновлять резюме* (Рамблер. 18.02.2015); *...у спецслужб действительно есть опыт, как "сделать человека мокрым" (т.е. "замочить")* (Рамблер. 19.03.2015); *На записи встречи слышно, как российский министр в момент перевода его речи тихо произносит: «дебилы...», и добавляет нецензурное слово, созвучное с «гладь» и означающее женщину легкого поведения* (Рамблер. 23.12.2015) и др., см. также: [Болдырев 2018].

В качестве языковых механизмов могут использоваться:

разные типы косвенной номинации (метафорическая, метонимическая, метафтонимическая, эвфемистическая): *улицы воспоминаний... Моя Москва, мои года, мои воспоминания* (Н. Доризо); *серийный предприниматель; женщины с пониженной социальной ответственностью; Проблемы индейцев шерифа не волнуют* (Рамблер. 02.04.2016); *Над обоими проектами в поте лица потрудилась депутатская «зондеркоманда» широкого политического спектра...* (URL: <http://svpressa.ru/society/article/117738/?mra=1>); *Вот и нынешним европейским и американским наполеонам нужно бы вернуться в естественные границы своих империй. Пока ещё есть такой шанс...* (РИА Новости URL: <http://ria.ru/columns/20150310/1051741540.html#ixzz3U6v3j1PW>);

словообразование: *жестковатый, глуповатый, любвеобильный, женоподобный, миндалевидный, баблосбор, менеджерство, отморозок, сборище, кумовство, отсебятина, петушиться, луноликий, крапотища, лепота*;

игра слов (одновременное использование омонимов или реализация разных значений одного и того же слова в одном контексте): *Главная проблема умных людей заключается в том, что они думают, что другие тоже думают; Наши политики могут считать себя посланцами народа, поскольку народ их, действительно, посылает* (Портал Ньюсланд); *Работаю довольно редко, а недоволен каждый день; В душе я очень добрый и чуткий человек... Но как выйду из душа...* (Интернет-фольклор).

намеренное нарушение семантической сочетаемости за счет использования слов из разных тематических областей или оценочных шкал: *Не путай острое с белым* (Н. Михалков); *Россияне «с радостью выстраивались в очередь», чтобы получить вместо одежды западных брендов футболки с изображением ракетного комплекса «Искандер»*

и надписью: «Санкции? Не смешите мои искандеры» (Рамблер. 09.03.2015 со ссылкой на Washington Post); *Мосийчук – безразмерный соратник Олега Ляшко* (URL: <http://svpressa.ru/society/article/117738/?mra=1>);

делексикализация (использование полнозначных слов, в том числе интерпретационной семантики, в функции усилителей): *ужасно красивый, страшно умный, прекрасный лжец; Ещё раз прошу прощения за столь длительное промедление* (из эл. сообщения);

фразеологизация и дефразеологизация: *Протяните, так сказать, руку помощи – Нам руки некогда протягивать. Они у нас делом заняты* (Из к/ф «Дайте жалобную книгу»); *Не надо делать мне как лучше, оставьте мне как хорошо; Чтоб дело мастера боялось, он знает много страшных слов;*

инверсия: *Прекрасен наш союз; Чудны крестьянские дети; На место положи! Дверь закрой! Спать хочу! Жили-были старик со старухой; Тянут-потянут, вытянуть не могут; Паспорт покажите; Трочку поставьте;*

использование усилительных частиц, местоимений, вводных слов, риторических вопросов, сравнительных конструкций: *Как удивительны в России вечера; Какое чудесное утро! Такой красивый праздник получился! Столько людей пришло! Ну, ты и сказал! Сколько раз нужно это повторять?! И чтоб никаких разговоров! Надо же было придумать! Его еще не хватало! Уймись уже; Еще бы ты не пришел! Поговори мне еще! Зачем учить нас, как работать, вы научитесь, как платить и др.*

Таким образом, интерпретационная семантика как способ вторичного осмысления мира имеет антропоцентрическую природу и является результатом интерпретации уже имеющихся и закрепленных в языке знаний о мире. В основе ее формирования лежит определенная опосредованная сознанием соотношенность с концептами объектов, событий и их характеристик – концептуальная релятивность. Такой тип семантики характерен для категории языковых единиц, в семантике которых в том или ином виде присутствует интерпретирующий компонент, отражающий мнение, выбор, предпочтение, классификацию, оценку со стороны человека как представителя конкретного социума или как отдельного индивида. Формирование конкретных интерпретирующих смыслов обусловлено использованием различных когнитивных и языковых механизмов.

Литература

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999.

Болдырев Н.Н. Многоаспектность как особый формат знания и лингвистические методы его исследования // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сборник материалов. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 50-55.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2018.

Болдырев Н.Н., Алпатов В.В. Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 4. С. 5-14.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985.

Пиаже Ж. Психогенез знаний и его эпистемологическое значение // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 90-101.

Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М.: Наука, 1981.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.

Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. М.: Наука, 1993. С. 302-314.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты. М.: Наука, 1996.

Barsalou L.W. The Human Conceptual System // The Cambridge Handbook of Psycholinguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 239-258.

Dennett D. Consciousness Explained. N.Y.: Back Bay Books, 1991.

Langacker R. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1991.

Pylyshyn Z.W. What the Mind's Eye Tells the Mind's Brain: A Critique of Mental Imagery // Psychological Bulletin. 1973. N. 80. P. 1-24.

N.N. Boldyrev (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

INTERPRETIVE SEMANTICS AS A METHOD OF SECONDARY REFLECTION OF THE WORLD

The article analyses the knowledge structures that serve as specific mental guidelines for the secondary conceptualization and categorization of objects and events of the surrounding and internal human world. Drawing evidence from empirical data, the author sets forth the interpretative status and anthropocentric nature of semantics of language units used in these cognitive processes.

Key words: interpretation, secondary structures, semantics, cognitive and language construals.

В.З. Демьянков (Москва, Россия)
Институт языкознания РАН
vdemiank@gmail.ru

О ДВОЙНЫХ РУБЕЖАХ МЕЖДУ МНЕНИЯМИ И РЕАЛЬНОСТЯМИ В РУССКОМ ДИСКУРСЕ¹

Выражения «возможный», «вероятный» и «правдоподобный» позволяют аккомодировать дискурс к реальным и фантастическим «мирам», о которых говорится в тексте, помечая границы между этими мирами. Двойные границы – когда сразу две или более подобных помет имеются в предложении. Рассмотрение большого корпуса оригинальных русских текстов позволяет выявить семантические и прагматические свойства этих выражений, а также степень свободы пересечения кросс-мировых линий в рамках русского художественного и научно-гуманитарного дискурсов.

Ключевые слова: употребление языка, хеджинг, семантика возможных миров, кросс-мировая линия, аккомодация дискурса, креативность интерпретации.

---

¹ Раздел 1 данного исследования выполнен за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН. Исследование, описанное в разделах 2, 3 и 4, выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

1. Речь о возможности как аккомодация мнения к действительности

В.Н. Телия как-то заметила, что «[...] в метафоре возможно уподобление понятия о чуть заметном увеличении вероятности осуществления того, на что надеется субъект некоторой ситуации, – *луч, проблеск (надежды)*, отождествление неприятного осознания конфликта с совестью как *укола или угрызения (совести)*, синтез представления о глупости и свойств пробки (*Он – настоящая пробка*), восприятие ситуации пустых разговоров через такие образы-стереотипы, как *болтать, трещать, молоть языком*, человек привык считать, что сердце – орган любви, сострадания и т. п., а глаза – зеркало души и т.д.» [Телия 1988: 182].

Продолжая эту мысль, фигуры речи вообще, а не только метафоры, можно отнести к классу **implied hedges** «имплицитных загородок» [Markkanen, Schröder 1992: 122], которые снимают полемику с тем, что сказано не всерьез, не от своего лица и не для буквалистов. Загородки, подобно эвфемизмам, предотвращают «этикетные, этические и эмоциональные риски» [Ковшова 2019: 42], а «хеджирование» (hedging) как поэтический прием (см. [Азарова 2019: 89]) адаптирует дискурс к нуждам «общественного мнения».

Так, вводные обороты *вероятно, по-видимому, как кажется* и т.п. свидетельствуют о стремлении увидеть мир глазами другого человека, напр.: *Тут он пустился в длинную диссертацию о том, как неприятно узнавать новости годом позже – вероятно, для того, чтоб заглушить печальные воспоминания* (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени, 1840).

Истинность взглядов, в возможности которых когда-то лишь вежливо сомневались, сегодня без обиняков ставится под вопрос. Этикетные в эпоху А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова восклицания *Возможно ли?* сегодня звучат старомодно, уступив место язвительным для когнитивного самолюбия: *Правда? Да ты что?* Предикат *возможно* нередок был в риторических вопросах: *Да и как это возможно, чтобы живу душу да еще родная мать за упокой поминала!* (Ф.М. Достоевский, Братья Карамазовы). Поддакивающее *Да никак-с* по-прежнему звучало бы издевательски. Это же *возможно* как вводное предисловие-загородка вплоть до начала 20 в. встречается значительно реже, чем сегодня, но немного примеров найдется: *Размышления же могут быть даже очень пошлы, потому что то, что сам ценишь, очень возможно, не имеет никакой цены на посторонний взгляд* (Ф.М. Достоевский. Подросток).

В предложении бывает и больше одной эксплицитной загородки: *Горохов сказал: скорей всего, грипп, видимо, у него легко повышается температура, возможно, однако, воспаление легких, с сердцем нехорошо...* (И. Эренбург. Оттепель, 1953-1955). Особенно поучительны двойные загородки, связанные между собой синтаксически или перечисляемые как синонимы, напр.: *Последний потенциальный, последний возможный противник внутри страны сокрушен* (А.Н. Рыбаков. Страх, 1988-1990). Плеоназм *потенциальные возможности* давно уже понимают как «(пока еще) не реализованные, дремлющие способности», напр.: *Дело в том, что у человеческого организма существуют огромные потенциальные возможности развития, и с моей точки зрения, просто оперировать двумя языками – в этом нет ничего сверхъестественного* (И. Бродский. Вокруг Иосифа Бродского).

Посмотрим, как попарно сочетаются в составленном нами большом разножанровом корпусе непереводаемых текстов три русских прилагательных-богатыря – *возможный* (настоящий Илья Муромец, встретился в 758388 контекстах), *вероятный* (поменьше – 179395) и *правдоподобный* (значительно меньше, 9794), а также их производные, в частности, отрицания. Наименее частое *правдоподобный* и его дериваты охотно употребляются в литературной критике, в рассуждениях о художественных достоинствах артефактов, но не как вводное слово. Повинуясь своей внутренней форме, лексемы класса *возможный* характеризуют потенции (от латинского *potens* «могущий») внешнего мира, *вероятный* – доверие к внешним и к внутренним мирам, а *правдоподобный* – адекватность доверчивой установки в конкретных условиях исполнения и интерпретации дискурса или иного артефакта.

Отрицательные *невозможный* (216306), *невероятный* (55894) и *неправдоподобный* (6475), означая «небывалый», бывают маркерами превосходной степени, напр.: *Один торопится доесть утиное крылышко, чтоб поспеть взять пирога, который исчезает с невероятною быстротою* (И.А. Гончаров. Фрегат Паллада, 1858); *Барышня вы милая, раскрасавица вы моя невозможная!* (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы); *А сатана уже сидит на некрашеной табуретке, самодовольно вздернув свой абсолютно неправдоподобный нос* (Анат. Мариенгоф. Бессмертная трилогия). Эксперт-жизневед учует высокую (а не низкую) скорость, суперкрасавицу (а не дурнушку) и крупный (а не малюсенький) нос. Есть еще паукальные «почти отрицания», которые в суперлативы не годятся: *маловозможный* (15), *маловероятный* (4820) и *малоправдоподобный* (151). Статистика утверждает: у челове-

ка что больше болит, о том он больше и говорит. А «болит», выходит дело, о реальном мире в 4 раза больше, чем о своей вере в него.

Адаптируясь к дискурсу (т. е. к интерпретации текста в его становлении), мы «доводим» свое истолкование с помощью гаечного ключа знаний о физических, этических и эстетических стандартах. Так дискурс одомашнивается, привыкая к нам и к нашему бытию [Демьянков 2019].

Оказалось, что приемлемы все попарные комбинации, с разным линейным порядком, с отрицанием и без него, но они по-разному востребованы в нашей культуре. Интерпретация их демонстрирует чудеса аккомодируемости мнения к обстоятельствам. Уроки Дж. Беркли не прошли для русской словесности даром, и явные противоречия между (не)возможным и (не)вероятным смотрятся как расхождения между мыслимым миром и тем, который подозрительно напоминает реальный, ср.: [...] *в этом произведении роман смешан с сказкою, **невероятное с вероятным, невозможное с возможным*** (В.Г. Белинский. Взгляд на русскую литературу 1847 года). Вот до чего доводит хеджирование! Но благодаря ему мы радовались когда-то на безалкогольных свадьбах, а сегодня крепко обнимаем по удаленной связи новобрачных в масках, досрочно переводя «вероятно, временные» ограничения в плоскость «несущественно-правдоподобных». Веселым свадьбам места всегда бывает мало, даже в эпоху глобального коронапотепления, но мы же не кричим: «Ну, Тунберг, погоди!», а революционному целесообразно и хладнокровно радуемся.

2. Возможное и вероятное

2.1.1. Возможность + вероятность: *Так, мой друг, падение наук кажется мне не только **возможным**, но и **вероятным**, не только **вероятным**, но даже неминуемым, даже близким* (Н.М. Карамзин. Избранные сочинения в 2 томах, 1964). Возможное падение наук стало ожидаемым, его вероятность практически 100%: оно «неминуемо». *А возможное вероятие* переносит нас в сферу немного опроса общественного мнения: *Стихотворец не видал Куликова поля; но он рассуждал, собирал все то, что могло происходить на сем поле Российской славы по всему **возможному вероятию** – и составил картину* (А.Ф. Мерзляков. Чтения, 1803).

2.1.2. Вероятность + возможность: *Но да позволится мне сделать догадку; не **вероятие** я утверждаю, но **возможность*** (А.Н. Радищев. [Письмо о Китайском торге]). Так подается не (субъективное) подоз-

рение, а (выдаваемое за объективное) состояние мира. Событий ожидают и по природной мнительности, и из-за «объективно» складывающихся предпосылок: *Все более и более мне казалось это намерение и вероятным и возможным* (Ф.М. Достоевский. Записки из подполья, 1864).

2.2.1. Возможность + невероятность: *За то, что дал мне **возможность** испытать это **невероятное** чувство радости и гордости за тебя* (А.Б. Маринина. Украденный сон). Заметим, что *дать вероятность по-русски нельзя: можно сделать нечто вероятным или невероятным.

Одно и то же может быть и возможным, и невероятным: *Случай был **возможный**, хотя **невероятный*** (В.А. Соллогуб. Воспоминания). Но не различать их нельзя, ср.: *Надо совсем не знать разницы между правдой и ложью, между **возможным** и **невероятным**, как не знают её сумасшедшие, чтобы не почувствовать социалистического бахвальства большевиков и их неустойчивой лжи: то тупой и мёртвой, как мычание пьяного, как декреты Ленина, то звонкой и виртуозной, как речи кровавого шута Троцкого, то беспритязательно простой и наивной, как та ложь, какую обманывают маленьких детей, животных и... народы* (Л.Н. Андреев. Политические очерки 1919). Или следует допустить, что мир с ума сошел, как бывает в начале войны или пандемии. В нормальном же случае о подобном совпадении нельзя и подумать: ***Возможность** такого совпадения совершенно **невероятна*** (К. Домбровский. Повести: Остров неопытных физиков; Серые муравьи, 1965-1968). Для обычного человека это все равно как круглый квадрат, столкнувшись с которым, не верят своим глазам; напр.: *Неужели **возможны** такие **невероятные** пересечения?* (Ю.С. Семенов. Горение: Роман-хроника, 1982). Или (как в Консерватории) «музыка навеивает»?

2.2.2. Невероятность (или маловероятность) + возможность: *Если сие предположение **невероятно**, но **возможно**, – ибо то истинно кажется, как то мы видели в начале сего слова, что семя зачатую было предсущественно* (А.Н. Радищев. О человеке, о его смертности и бессмертии). Когда-то модным было клише *невероятная возможность*, означавшее «highest likelihood»: [...] *загадана **невероятнейшая возможность**: преобразить до «мистерии» жизнь* (Андрей Белый. Кризис культуры); *Угроза еще казалась почти **невероятной возможностью** одним махом закончить спор* (В.А. Каверин. Освещенные окна, 1970-1973). Малая вероятность не исключает физической возможно-

сти, ср.: *Всё это можно было бы считать очень маловероятным, но теоретически возможным совпадением случайностей – если бы не человек-невидимка, убивший свидетеля, и исчезновение всех трех улик* (Б. Акунин. Алмазная колесница: Том II. Между строк). Кстати, теоретически возможный неплохо представлено в корпусе (373 раза), как и теоретически невероятный (75), в отличие от редких теоретически вероятный (8 раз) и теоретически невероятный, напр.: **Теоретически вероятны** шквалы заболеваний, например, пандемии гриппа, неконтролируемое лавинообразное распространение ВИЧ-инфекции и др. (В.А. Ситаров, В.В. Пустовойтов. Социальная экология, 2000). Теоретическое правдоподобие не встретилось вовсе.

2.3.1. Невозможность + вероятность: *А вечность делает невозможное вероятным* (К. Леонтьев. Чужие чувства). Глядя в вечность, а не на конечный интервал вокруг нас, мы готовы поверить в то, что «объективно» невозможно, а потому и должно быть невероятно. «Как бы вера» в это невозможное приподнимает нас в собственных глазах, но не обязательно в реальности. Но она же есть проявление высокомерного всезнания («гордыни»): *Следует предпочитать невозможное вероятное возможному, но маловероятному* (В.Л. Киселев. Воры в доме, 1966). Подвиг терпимости – больше любить то, что никто другой не любит или что бывает «только раз в году». Лишь надеясь на «скромность в желаньях» адресата, можно пообещать: *Все возможное я сделаю, а невозможного, вероятно, Вы и сами от меня требовать не станете* (А.Н. Островский. Письма 1881-1886 гг.).

2.3.2. Вероятность + невозможность: *В ванную он при нас не полез ни разу – что за удовольствие, если не только плавать, но даже двигаться в ней для него, вероятно, невозможно!* (А.Я. Бруштейн. Дорога уходит в даль...: Трилогия: Кн.1, 1955). Реконструкции такого хода мыслей автор скромно приписывает всего лишь долю вероятности, держа за пазухой жестокое «Невозможно!»

2.4.1. Невозможность + невероятность: *И вдруг происходит то, что казалось невозможным, невероятным* (В.А. Каверин. Два капитана). То есть, даже если все-таки возможно, то обычному человеку, а не незаурядному интерпретатору-человечищу, кажется невероятным. Читатель упивается своею гигантскою герменевтической креативностью. Поминая невероятность, мы задаем высокую планку умконтроля, который читатель-непонимаха запросто провалит: *Над ними висело огромное, невозможно-невероятное, нереальное, небратцевское семицветное полукольцо, которое навело меня на мысль, что я*

точно сошел с ума и теперь в ум уже никогда войти не сумею... (Вас. Лобов. Дом, который сумасшедший, 1991).

2.4.2. Невероятность + невозможность. Зыбкая граница между этими понятиями – не для чувствительных натур с комплексами «недополноценности». Н.А. Некрасов в рецензии на одну современную ему пьесу писал: *Самоедов женился на Евлалии, той доверчивой девушке, которую он так странно встретил, той, которая говорит в третьей части: «Вероятность и невероятность, возможность и невозможность в моем уме сливаются в неопределенную бессмыслицу»* (Н.А. Некрасов. Литературная критика 1841-1846 гг.).

Иногда в эпистемическом мезальянсе, через запятую, идут два эпитета из разных когнитивных сред: *Эти храмы средних веков строились какими-то титанами: в наше время подобные здания невероятны, безрассудны, невозможны...* (В.П. Боткин. Письма об Испании, 1851). Лишь вдалеке виден буюк, за который заплывать не надо. Только интерпретационное безрассудство примиряет невероятность с невозможностью: [...] *тут у них шел доклад или беседа, по поводу которой никто ничего достоверного не знал и все сплетничали невероятный, невозможный вздор* (Н.С. Лесков. Павлин). Оно же приглашает помечтать, пройдя из неосуществленности в неосуществимость: *Будущее открывается – невероятное, невозможное, немечтанное, неосуществимое* (А.И. Солженицын. Август Четырнадцатого).

«Невозможное удовольствие от невероятия вполне вероятно, когда есть возможность его испытать», – скажем мы, восхищенно засмотревшись на такую интерпретационную креативность. А осторожно разжав кулак природы, на дне узрим трогательную, помятую, невзрачную Истину...

3. Правдоподобное и вероятное

3.1.1. Правдоподобие + вероятность: *Маша не любила ходить нярхлой, а Пряхина все посулы свои насчет полковницы и секретарши умела всегда облечь такую правдоподобностью и очевидным вероятием, что молодая девушка не находила никаких причин отказать от одолжений своей новой патронессы* (В.В. Крестовский. Петербургские трущобы: Книга о сытых и голодных: Том 2, 1867). На грани с отрицанием, то есть с категорией «неправдоподобное + вероятное», бывает «сомнение в правдоподобии» как мягкий намек на ошибку собеседника, напр.: *Другой анекдот не очень правдоподобен, но, вероятно, и он перешел к французам из России* (П.А. Вяземский. Старая

записная книжка: Часть 1, 1825). В таком предложении «*правдоподобен, но не очень*» относится к содержанию, а *вероятно* – к гипотезе о социальной среде, в которой такое рассказывают (ср. одесское: «Скажите это моей шляпе, она, может, и поверит»). В конъюнкции наминает оборот *это надо запомнить и не следует забывать*, используемый педагогами «для закрепления».

3.1.2. Вероятность + правдоподобие. Кому суждено удовольствоваться всего лишь правдоподобием, вздохнет от осознания своего невежества, ср.: *Но сии предложения не могут иначе иметь некоторую степень вероятности или правдоподобия, как в глазах тех, кои прибыль казенную не почитают никогда прибылью Государственную* (А.Н. Радищев. Письмо о Китайском торге).

Выступая в конъюнкции, одно подкрепляет другое: *Конечно, ответ был вероятен и правдоподобен; видно было, что Петрушка не лгал, что оскорбительный взгляд его и слово другой, употребленное им, были лишь следствием всего известного гнусного обстоятельства; но все-таки он понимал, хоть и смутно, что тут что-нибудь да не так и что судьба готовит ему еще какой-то гостинец, не совсем-то приятный* (Ф.М. Достоевский. Двойник: Петербургская поэма). Иными словами, сам ответ Петрушки не был неожиданным, а его содержание похоже на правду; истолкованное в этом ключе, следующее высказывание получает еще одно измерение: *Вероятное, правдоподобное предполагает существование верного, правды* (М.А. Алданов. Ульмская ночь: Философия случая, 1953). А именно, вероятность вытекает из знакомства с личностью говорящего, а правдоподобие – из содержания речи.

3.2.1. Правдоподобие + невероятность или маловероятность. В отличие от вероятности, правдоподобие конкурирует с вымыслом и относится к технике подачи мнений, а потому подозрительно для интерпретатора средней руки: *Заметим одно: что в повести правдоподобно, естественно, интересно, прилично, – в водевиле невероятно, неестественно, скучно, вульгарно* (В.Г. Белинский. Театральная критика, 1848). Где он, знак качества-достоверности, гарантирующий максимум правды? Ведь по мнению пессимистов склада А. Шопенгауэра ошибочно практически все: *Во Флоренции и при дворе царил такая атмосфера, которая делала правдоподобными самые невероятные слухи* (А.К. Дживелегов. Вазари и Италия, 1933); ср.: *Все версии, и правдоподобные, и маловероятные, ошибочны* (Б. Акунин. Пелагия и черный монах: Провинциальный детектив).

3.2.2. Невероятность + правдоподобие. Правдоподобие имеет свои границы – те швы между кусками реальности и/или вымысла, по которым наметанный глаз опознаёт когнитивную халтуру: *Если это и действительно было, то все-таки остается случаем почти **невероятным**; а поэтические произведения хороши тогда, когда, прочитав их, каждый говорит: «да, это не только **правдоподобно**, но иначе и быть не могло, потому что всегда так бывает»* (Н.Г. Чернышевский. Александр Сергеевич Пушкин. Его жизнь и сочинения, 1856). Помимо «перцептивного слоя» как «когнитивного базиса» [Зыкова 2015: 189] интерпретации высказывания, в дискурсе содержится оценка реальности и/или иллюзорности самого этого перцептивного слоя, ср.: *По экрану неся зверского вида детина с **невероятно правдоподобным** револьвером в руке* (Д. Донцова. Виола Тараканова: Чудовище без красоты).

3.3.1. Неправдоподобие + вероятность. Синтаксическая связь между этими терминами при данном порядке бывает через промежуточное звено *невозможное*: *Так часто мы пророчим на свою голову, так часто сбывается неожиданное, **неправдоподобное**; **невозможное** вчера, а сегодня **сбыточное** и **вероятное!*** (В.И. Даль. Избранные произведения). В фантастическом же жанре чем неправдоподобнее – неожиданнее в качестве художественного приема, – тем лучше: *«Эйнштейнова» картина мира явилась «здравому смыслу» настолько парадоксальной, что уже не внешнее **правдоподобие**, а в иных случаях, как раз **неправдоподобие** выступало признаком **вероятности** того или иного явления* (А.Ф. Бритиков. Отечественная научно-фантастическая литература: некоторые проблемы истории и теории жанра, 2000).

3.3.2. Вероятность + неправдоподобие: *Вследствие этого у меня выработалось правило считать **вероятными** самые **неправдоподобные** истории и проследить их, если, конечно, они не полная нелепость, которая говорит сама за себя; и ко всем неотразимым доказательствам я отношусь с крайнею осторожностью и беспристрастием, стараясь не верить им и искать преступника между малозаподозренными* (А. Шкляревский. Что побудило к убийству? Рассказ следователя, 1879). Даже неправдоподобную дикость сочтут «досрочно-условно» вероятной. Отчего мнения еще не делаются вероятными: ***Вероятность** очутиться в американском поезде, где всё блестит чистотой, где вдоволь сливочного масла, засахаренных сгущённых сливок, а к мясному супу дают ещё и копчёную колбасу, представилась солдату **неправдоподобно-комичной*** (И. Гергенредер. Рыбарь, 1997). То

есть, тот, кому такая фантазия на темы рая хотя бы приснится, пусть ущипнет себя в какую-нибудь заведомую реалию. Социологическую оценку адекватности в духе современных стандартных методов (см. [Кузнецов 2001]) дает мысленный эксперимент: **Вероятно**, для многих покажется крайне неожиданным и даже **неправдоподобным** этот интерес к такому вопросу, как «социальное воспитание» (Н.К. Крупская. Педагогические сочинения: Том 8, 1960).

3.4.1. Неправдоподобие + невероятность: *В древности, о которой сохраняются ныне лишь темные, неправдоподобные, но дивные в своей невероятности воспоминания, как о времени мифическом, как об «Астрее», по выражению Гоголя, – в этой глубокой древности был обычай начинать критические статьи размышлениями о том, как быстро развивается русская литература* (Н.Г. Чернышевский. Очерки гоголевского периода русской литературы, 1856). Насквозь видя подоплеку таких воспоминаний, автор поражается мастерству открытой мистификации. О таком шедевре говорится в следующем примере: *Среди неправдоподобных событий настоящего повествования самым невероятным, пожалуй, выглядит обещанное однажды истосковавшимся родителям и состоявшееся впоследствии свиданье с их злосчастным первенцем* (Л. Леонов. Пирамида: Роман-наваждение в трех частях, 1994).

3.4.2. Невероятность + неправдоподобие: *От себя же замечу, что всякая почти действительность, хотя и имеет непреложные законы свои, но почти всегда и невероятна, и неправдоподобна* (Ф.М. Достоевский. Идиот, 1869). Эпитеты располагают обычно по убыванию степени достоверности: *Да и как, правда, в наше время – время самых невероятных, самых неправдоподобных научных чудес – как можно в наше время сказать: то или это невозможно?* (Е.И. Замятин. Герберт Уэллс, 1922). Градус реалистичности доходит до минимума, если не до нуля: *Вот разница между русской живописью и французской. Русская внутренне убедительна. Французская – внешне убедительна, а внутренне – маловероятна и даже неправдоподобна, по полной непонятности, неосвященности* (В.В. Розанов, О писателях и писательстве. 1892-1918). Но даже малая вероятность все-таки ближе к достоверности, чем неправдоподобие.

4. Правдоподобное и возможное

4.1.1. Правдоподобие + возможность: *Она мне представляется единственной более или менее обоснованной, самой правдоподобной из всех возможных* (Р.К. Баландин. Маршал Шапошников: Военный

советник вождя, 2005). Потому-то возможное иногда неправдоподобно: парик часто живее живых волос. Чтобы дорасти до правдоподобия, действительность должна работать над собой: *Оно только расширяет действительность до правдоподобия и возможности...* (Ф.Е. Савицкий. Иван Никитин: Его жизнь и литературная деятельность, 1898). Здесь уж впору вместе с классиками задуматься: «'Tis better to be vile than vile esteemed» «Уж лучше грешным быть, чем грешным слыть» (W. Shakespeare. Sonnet 121, в переводе С.Я. Маршака). Как синонимы подаются эти термины в русских толковых словарях: **Правдоподобный** рассказ, **сбыточный**, **возможный**, и **вероятный** (В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, 1863-1866).

4.1.2. Возможность + правдоподобие: *Но если есть хотя тень возможности, хотя тень правдоподобия в моих предположениях – удержитесь от приговора* (Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы). Иначе говоря, если оправдательная версия в минимальной степени правдоподобна, лучше не осуждать. Но все-таки возможность и правдоподобие лежат в разных плоскостях, ср.: *И это лучший из возможных и правдоподобных исходов* (Д.И. Писарев. Борьба за жизнь, 1867).

4.2.1. Правдоподобие + невозможность: *Пушкин подчеркивает, что правдоподобие есть невозможное требование также в языке сцены, во временном и пространственном колорите драмы* (Р. Якобсон. Пушкин в свете реализма). Действительно, полная аутентичность, как полагают совестливые творцы, не желающие даром получать лавры на пропитание, – смерть для искусства, художник должен оставить кроме подписи еще какие-нибудь следы, хотя бы царапины на раме картины. Правдоподобие готово совершить salto mortale, обреченно разъясня невозможное: [...] **единственным правдоподобным объяснением невозможного со всех разумных позиций таниного поведения был новый роман** (Л.Е. Улицкая. Казус Кукоцкого). Впрочем, в последнем случае речь может идти о невозможном в суперлативном смысле: «аморалку» издалека видать невооруженным глазом.

4.2.2. Невозможность + правдоподобие: *В ответ Сальвадор, не смущаясь, приволил кучу подробностей, якобы сохранившихся в его памяти, – немислимых, невозможных и все же до жути правдоподобных* (Л. Оспаваг. Гарсиа Лорка, 1965). Как нечто невозможное оценивает детали «всезнающий» человек, полагающий свое достоинство выше всяких там правдоподобий. Художник или композитор преодолевает ограниченность бытия с помощью дополнительных приемов: *Именно трагическая невозможность реализации «чистой мысли», необходимость компромисса с реальностью, перевода косноязыч-*

ной хаотической истины на благозвучный язык организованного **правдоподобия** толкнула его [Шенберга] вслед за освободительным прорывом в атональность к созданию закрепляющих новую истину заповедей – системы додекафонии (А.Г. Шнитке. Беседы, выступления, статьи, 1994).

4.3.1. Неправдоподобие + возможность: *Но они совсем забыли о том, что двигателем его почти **неправдоподобных** (и, конечно, все-таки **возможных**) подвигов над собою и людьми была лишь затаенная любовь к женщине высшей расы* (А.И. Куприн. Заметка о Джеке Лондоне, 1911). Почти неправдоподобным здесь названо то считаемое редким, что, вопреки ожиданиям, все-таки произошло, ср.: *Он понял, до чего **неправдоподобной** казалась **возможность** брака его с Женей даже Штрауху и до чего несерьезной его любовь, если приятель так легко мог заговорить об этом* (Мих. Слонимский. Повести и рассказы: Ч. 2).

4.3.2. Возможность + неправдоподобие: ***Возможно, но неправдоподобно*** (Ч. Абдуллаев. Рандеву с Валтасаром, 2001). Не во все сущее можно поверить с первой попытки. Слово *возможность* в интеллектуальном расследовании имеет значение «одна из версий объяснения», которая бывает и правдоподобной: *Ваши слова меня, каюсь, задели, и я изложил вам – слишком пространно, – почему я такую **возможность** совершенно **неправдоподобной** не считаю* (М.А. Алданов. Ключ, 1929).

4.4.1. Неправдоподобие + невозможность: *Когда я скажу, что земля вертится вокруг солнца, один скажет: несомненно так, другой – что это **неправдоподобно**, третий – что это просто **невозможно*** (Н.Г. Чернышевский. Что делать?: Из рассказов о новых людях: [Черновская редакция романа, варианты, наброски], 1862). Невозможное, как следует отсюда, еще дальше от действительности, чем правдоподобие, ср.: *Больше всего, кажется, чувствами и мыслями о том, чему как-то ни за что не верится, что кажется чудовищно-**неправдоподобным**, изумительным, **невозможным**, а между тем дьявольски-непреложным, – о том, что я живу как какой-нибудь тот, к которому вот-вот войдут в 4 ч.* (И.А. Бунин. О Чехове).

4.4.1. Невозможность + неправдоподобие: *Эти люди убеждены самым добросовестным образом, что Лопухов – **невозможная** и **неправдоподобная** выдумка, что автор романа «Что делать?» только прикидывается, будто понимает ощущения своего героя, и что все пустозвоны, сочувствующие Лопухову, морочат себя и стараются обморочить других совершенно бессмысленными потоками слов*

(Д.И. Писарев. Мотивы русской драмы, 1864). Здесь *невозможный* – суперлатив. При буквальном же толковании эпитета говорят: «Кому сказать – не поверят»: [...] *мысль вдруг взять и поехать к Синцову и выйти за него замуж все чаще представлялась ей не то что невозможной, а какой-то неправдоподобной* (К.М. Симонов, Товарищи по оружию, 1965). А многое для того только и мыслится, чтобы сказать.

Заключение

В жанрах, прослеживающих «умозлоключения» (как сказал бы Н.С. Лесков, доживи он до наших дней), нагромождения возможностей и вероятностей, когда утверждение перешагивает через свое отрицание, бракуя прежние заблуждения и выковыывая новые, выглядит убедительно, органично и уместно. Словом, правдоподобно как художественный прием. Но *вероятность* как понятие математической теории в художественном дискурсе для уха, строгостью не закаленного, – капризная чужестранка.

Казалось бы, двойная ограда – граница на надежном замке. Однако оценка *возможности* относится к объективистскому «внешнему» миру, *вероятность* говорит об ожиданиях и установках субъекта, а *правдоподобие* – оценка адекватности установки. У семи сторожей дача без охраны: не всегда видно, на чей участок лезут без спроса. Поэтому-то над русским корпусом и тучи бродят как-то не очень хмуро, позволяя налетчикам отсидеться в уютной интерпретации, иногда даже одновременно и в (якобы) реальном, и в (якобы же) вымышленном мире. Как только быть с тюками когнитий: тягать их за собой из мира в мир в своей когнитивной торбе – или же держать в каждом мире в отдельной кладовке, предварительно аккомодировав, поплевав и измельчив?

Литература

Азарова Н.М. Философские основания предъявления новизны в поэтическом тексте // Слово.ру: Балтийский акцент. 2019. № 4. С. 85-96.

Демьянков В.З. Приемлемость, уместность и адаптация текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 4. С. 9-19.

Зыкова И.В. Перцепция как когнитивный базис значения фразеологизмов // Человек: Образ и сущность. 2015. № 1 (26). С. 181-190.

Ковшова М.Л. Эвфемизмы и фразеологизмы: Устойчивые структуры в аспекте эвфемизации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 4. С. 35-48.

Кузнецов И.Н. Информация: Сбор, защита, анализ: учебник по информационно-аналитической работе. М.: Яуза, 2001.

Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников М.: Наука, 1988. С. 173-204.

Markkanen R., Schröder H. Hedging and its linguistic realizations in German, English and Finnish philosophical texts: A case study // Fachsprachliche Miniaturen: Festschrift für Christer Laurén. Frankfurt am Main etc.: Lang, 1992. P. 121-130.

V.Z. Demyankov (*Moscow, Russia*)
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

ON DOUBLE BORDERLINES BETWEEN OPINIONS AND REALITIES IN RUSSIAN DISCOURSE

Russian modality expressions *vozmožnyj* „possible“, „*veroátnyj*“ „probable“, *pravdopodobnyj* „likely“ are linguistic means of accommodating discourse to real and fantastic worlds. These expressions mark borderlines between such worlds. Double occurrences of these expressions as well as their negations and nominalizations in a large Russian corpus illustrate semantic and pragmatic differences between these hedges.

Key words: language use, hedging, possible world semantics, world-crossing marker, discourse accommodation, creativity of interpretation.

A.K. Kiklevič (*Ольштын, Польша*)
Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie
aleksander.kiklevicz@uwm.edu.pl

СЕМАНТИЧЕСКИЙ КВАДРАТ

Предметом статьи является обсуждение теоретических проблем функциональной семантики, а также эвристических способов представления языковых значений. Автор рассматривает основные положения современной лин-

гвистической семантики с учетом эвристической модели, известной как семантический треугольник. Показаны ограничения этой модели, а также расширительная, коннексивная концепция семантической функции с учетом социокультурного и прагматического факторов речевой деятельности.

Ключевые слова: семантика, семантическая функция, лексическое значение, ментальная репрезентация, коннексионизм.

1

Определение семантической функции знака требует обращения к трем элементам, которые составляют ее когнитивную базу (об этом понятии подробнее см.: [Taylor 2002: p. 10.2]): во-первых, это – область определения функции (x), к которой относятся лексические и синтаксические единицы номинации; во-вторых и в-третьих, это – область значений функции, которая представлена отношением двух категорий: предмета (z) и понятия о предмете (y). Символически семантическая функция может быть записана следующим образом:

$$[\text{Sem}] F(x) = y R z$$

Представление о семантике как о закрепленной в языковом коде сигнификации укоренилось в первой половине XX века, особенно благодаря публикации в 1923 году книги Ч. Огдена и А. Ричардса, в которой необходимые для определения семантической функции аспекты были визуализированы в форме треугольника [Ogden/Richards 1969: 11].

Рис. 1. Семантический треугольник Огдена/Ричардса

Понятие (или концепт) выражается знаком, который – с другой точки зрения – получает корректную или некорректную семантическую интерпретацию в зависимости от соответствия (общему для речевых субъектов) языковому коду. Предмет (денотат знака) более или

менее адекватно (в зависимости от репрезентации его наиболее существенных свойств) отражается в понятии. Знак служит для называния, именованя предмета – это отношение может быть правдивым или неправдивым.

В той форме, которую представляет собой семантический треугольник, три аспекта значения являются равноправными. Однако в действительности это не так. Во-первых, отношение понятия к предмету непосредственно не связано со сферой языка – здесь мы имеем дело с концептуализацией (ментальной репрезентацией) как психологическим явлением. Процессы концептуализации необязательно получают языковую (например, лексическую) репрезентацию, а если и получают, то какое-то время пребывают в состоянии латентности [Норман 1987: 80]. Неслучайно Ю.С. Степанов писал о существовании «концептов без имени» [Степанов 2007: 192 и др.]. Психологический характер данного отношения объясняет, почему лингвистическая теория значения, как заметил Г. Карделя [Kardela 1999: 23], традиционно имела дело преимущественно с левой стороной семантического треугольника, не задаваясь вопросом о том, насколько адекватно лексическое понятие отражает денотат (см. также: [Lyons 1971: § 9.2.2]).

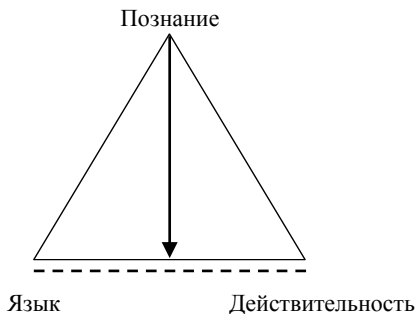
Во-вторых, референция знака в традиционной семантике также оставалась на втором плане – прежде всего в силу того, что, как писали Огден/Ричардс, отношение между знаком и референтом имеет косвенный характер, в том смысле, что существует некто, кто пользуется знаком для обозначения предмета, ситуации или положения дел. Кроме того, референция реализуется только в речевой деятельности, тогда в системе языка знак имеет виртуальное и потенциальное отношение к совместимым с понятием, т.е. значением знака, объектам некоторого множества. На периферию лингвистической проблематики референцию отодвигает и то, что критерий правдивости применим только к предикативным языковым выражениям – предложениям, референция же (подавляющего большинства) лексических единиц осуществляется за счет их участия в строении предложения в качестве синтаксем.

2

Эвристическое и символическое значение семантического треугольника как формы репрезентации лингвистического знания огромно. Если три составляющих семантической функции обобщить, представляя их как 1) язык (< знак); 2) познание (< понятие о предмете)

и 3) материальная действительность (< предмет), а также позволить себе некоторые модификации модели, можно получить возможность операционализации процедур, связанных с выделением главных направлений теории и философии языка.

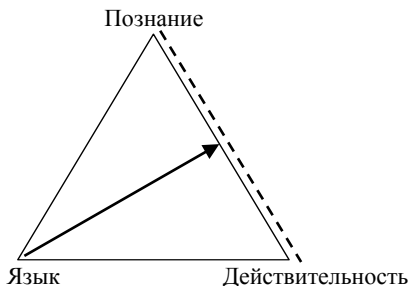
В своей классической форме треугольник символизирует конвенционализм как направление в философии, лингвистике, психологии и семиотике, истоки которого были заложены Аристотелем (см.: [Coseriu 2004: 99 и др.]). Его сущность состоит в том, что отношения между языком и миром опосредствованы человеческим познанием, которое в свою очередь зависит от культуры как системы социальных и институциональных форм удовлетворения человеческих потребностей на разных уровнях существования и деятельности (см. рис. 2).

Рис. 2. Графическое представление конвенционализма

Данное представление о языке характерно для современного антропологического языкознания как разновидности культурализма (или социального конструктивизма), основы которого разработаны, в частности, немецкой Марбургской школой. В современном европейском языкознании это направление прежде всего связано с польской и русской этнолингвистикой [Kiklewicz 2019].

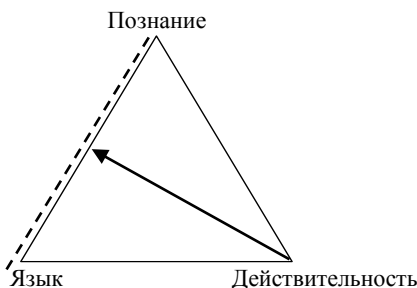
Отношения между сторонами треугольниками могут быть сконфигурированы иначе, а именно – как зависимость ментальной репрезентации предметов от способов и форм ее языковой номинации (как показано на рис. 3). В этом случае мы имеем дело с вербоцентрическим подходом, который опирается на тезис о лингвистическом детерминизме, т.е. влиянии системы форм языковой номинации на познавательные процессы.

Рис. 3. Графическое представление лингвистического детерминизма

Данное направление лингвистических исследований было заложено учеными американской антропологической школы (в первую очередь, Б. Уорфом), а кроме того значительный вклад в ее развитие внесли ученые немецкой школы неогумбольдтизма.

Наконец, можно осуществить модификацию, которая указывает на третий тип философии языка – онтоцентризм (можно употреблять также другие термины: реизм или физикализм). В его основе лежит феноменологический подход, т.е. признание факта, что язык как система репрезентации категорий познавательного опыта детерминирован материальной действительностью, в которой человек существует и к которой адаптируется, в частности, в формах языковой номинации (см. рис. 4).

Рис. 4. Графическое представление онтоцентризма

Материальная детерминированность знаков находит проявление в экзистенциальных пресуппозициях: предмет языковой номинации по

определению существует (в одном из возможных миров). К данному направлению относятся такие области языкознания, как ономазиология, семантический синтаксис, теория референции, теория натуральности (*Natürlichkeitstheorie*), отчасти также теория лексических заимствований.

3

Отношение, которое в английском оригинале книги Огдена/Ричардса определено как *relations between a symbol and a thought of reference* [Ogden, Richards 1969: 10], по существу, является отношением между планом выражения и планом содержания знака. Характер содержания при этом не уточнен. Предполагается, что имеется в виду некоторое понятие, с которым данная языковая форма устойчиво ассоциируется для всех или большинства носителей данного языка. Треугольник как эвристическая модель не содержит никаких элементов, которые указывали бы на наличие дополнительных факторов, влияющих на отношение сигнификации. В то же время в комментариях к треугольнику такие факторы упоминаются: “Between a thought and a symbol causal relations hold. When we speak, the symbolism we employ is caused partly by the reference we are making and partly by social and psychological factors – the purpose for which we are making the reference, the proposed effect of our symbols on the other persons, and our own attitude. When we hear what is said, the symbols both cause us to perform an act of reference and to assume an attitude which will, according to circumstances, be more or less similar to the act and the attitude of the speaker” [Ogden, Richards 1969: 10-11].

Как видим, авторы принимают здесь во внимание не только заключенную в понятие ментальную категоризацию предметов, но также социальные и психологические факторы, связанные с человеческой деятельностью, в частности, воздействием на других людей. Огден/Ричардс ссылаются также на зависимость семантической интерпретации знака от обстоятельств.

Хотя значение слова может быть представлено в виде словарной дефиниции (амбивалентной с точки зрения ситуаций употребления), его содержание не сводится к ней. Усвоение лексики и лексических значений происходит в естественных условиях, независимо от словарных дефиниций. «Языковое существование», о котором пишет Б.М. Гаспаров, – это «бесконечный и нерасчлененный поток языковых

действий и связанных с ними мыслительных усилий, представлений, воспоминаний, переживаний» [Гаспаров 1996: 5]. Можно признать, что словарная дефиниция (как элемент системы языка) – это общая часть всех реальных и возможных ментальных репрезентаций, реализуемых в разных условиях жизнедеятельности человека («языкового существования»), однако это не означает, что она равнозначна какой-либо реальной репрезентации. Другими словами, совершенно необязательно, что все носители русского языка слово *столовая* понимают как «учреждение общественного питания с подачей горячих обедов», а слово *глаз* – как «орган зрения».

В отличие от плана выражения, план содержания имеет латентный характер. Его представление возможно благодаря симптомам: (упомянутым в комментариях Огдена/Ричардса) обстоятельствам употребления знака и его сочетаемости. Подобное определение значения находим, кстати, у В.А. Звегинцева: «[...] Совокупность потенциальных типовых сочетаний, в которых фиксируется область использования данного слова» [Звегинцев 1967: 60]. Так, если мы читаем предложение *Гитлер был вегетарианцем*, мы понимаем, что автор употребил слово *вегетарианец* в специфическом значении: здесь, разумеется, не идет речь о полисемии, т.е. о качественно новом значении слова, а о том, что спецификация лексического понятия в идиолекте автора имеет особый характер, в частности, в связи с наличием элементов оценочной семантики. В.Н. Телия, которая описала место коннотаций в семантике языка, справедливо указывает: «[...] Экспрессивно окрашенная лексика имеет более сложную смысловую структуру, чем лексика нейтральная» [Телия 1986: 12].

Эти разного рода добавочные, комплементарные (и с функциональной точки зрения реальные) элементы обусловлены средой языкового существования, которая в модели семантики, представленной треугольником Огдена/Ричардса, не учтена.

Характерной чертой многих современных подходов к языку является коннексионизм, стоящий не только в оппозиции к онтоцентризму, но и в оппозиции к лингвистическому детерминизму и конвенционализму. Его сущность заключается в том, что семантическая интерпретация знака ставится в зависимость от условий его употребления [Павилёнис 1986: 380]. Эта идея восходит к психологическому языкознанию XIX века: уже тогда Потебня считал необходимым различать понимание языковых единиц «по форме» и «по смыслу в речи» [Потебня 1977: 112]. Именно «смысл в речи» имеет в виду Гаспаров, когда пишет: «Попадая

из языковой среды автора в языковую среду каждого нового адресата, созданное высказывание всякий раз меняет условия своего существования. Любые внешние условия, сопричастные данному моменту языковой деятельности, оказывают влияние на его ход и результаты» [Гаспаров 1996: 9].

На необходимость введения четвертого аспекта семантической функции в первой половине XX века указывали представители функционального прагматизма, в частности Б. Малиновский, который писал, что модель Огдена/Ричардса должна быть расширена с учетом «ситуаций говорения» [Pisarkowa 2000: 153]. Эта идея наиболее последовательно развивается сегодня представителями коммуникативной грамматики [Awdziejew 2004].

Прагматический аспект значения занимает значительное место также в эпистемологии, в частности, в концепции пропозициональных установок (*знаю, верю, надеюсь, сомневаюсь* и т.д.). Положения дел, совместимые с пропозициональными установками (как интенциональными состояниями субъектов), Я. Хинтикка называет возможными мирами [Хинтикка 1980: 72 и др.]. Естественные языки относятся к языкам второго порядка, в которых, по утверждению Хинтикки, функция веритативной интерпретации предложения (реализуемая в значениях «правда» и «неправда») определяется не только с учетом его прямого значения, выраженного лексическими и грамматическими формами, но и с учетом ситуаций употребления. Одно и то же языковое выражение получает разные семантические интерпретации в разных возможных мирах, т.е. в зависимости от установки говорящего. Например, предложение *Иван – математик* в контексте пропозициональной установки *Маша знает, что...* понимается иначе, чем в контексте установки *Маша думает, что...*

Коннексионизм характерен также для современной когнитивной психологии. Это прежде всего касается теории дискурсивного знания, согласно которой когнитивная компетенция представляет собой некоторое множество относительно автономных модулей, каждый из которых связан с определенным типом дискурса и соответствующей программой коммуникативного поведения (см. подробнее: [Stemplewska-Żakowicz, Zalewski, Suszek et al. 2009: 70] и др.). Эта идея получила распространение также в когнитивной лингвистике (см.: [Kardela 1999: 17; Кравченко 2001: 226]).

В.А. Звегинцев писал: «Мы должны считаться с наличием трех величин: мира действительности, мира понятий и мира значений»

[Звегинцев 1967: 62], см. также: [Кравченко 2009: 6]. Действительно, не всё, что человек знает, например, о немцах, необходимо ему для понимания высказывания *Завтра наши играют с немцами*. Звегинцев, однако, идеализировал лексическое значение как элемент языкового кода, т.е. как некоторую константу: «Между человеком и его окружением расположен экран, обладающий символизирующими качествами. Человек познает свое окружение, включая и других людей, только посредством проекции на этот экран. Проекция не представляет собой последовательного воспроизведения точка за точкой объективной реальности. [...] Это – кодированное воспроизведение. Код был создан бесчисленными поколениями наших предшественников, он увековечен вербальной категоризацией, ставшей привычной в нашем языке» [Звегинцев 1967: 65-66].

С точки зрения функциональной (или операционной, по терминологии С. Ульмана) семантики, лексическое значение представляет собой особого рода знание, а знание, по А.А. Леонтьеву [2001: 335 и др.] (см. также: [Кравченко 2001: 216]), – это ориентирующая основа деятельности, при том что формы деятельности разнообразны. Особенность речевой деятельности заключается в том, что она имеет консенсуальный характер: «Человек, погруженный в языковую деятельность, [...] в то же время является и социально познающим субъектом: его наблюдаемое поведение есть описание его взаимодействий в консенсуальной области. [...] Понятие „нормального человека“ нельзя оторвать от того, что происходит в головах других людей и от их языкового поведения» [Кравченко 2008: 114].

В силу консенсуальности лексическое значение представляет собой ментальную репрезентацию, подчиненную потребности общения (социального взаимодействия посредством информации) в соответствующих условиях, т.е. с учетом коммуникативных партнеров, целей, ожидаемых эффектов, обстоятельств и т.д. Под влиянием коммуникативного (или дискурсивного) фактора соответствующая знаку ментальная репрезентация предмета варьируется в определенных границах (ср. приведенный ранее пример – существительное *вегетарианец*). В этом смысле лексическое значение относится к категории «живого знания», как оно понимается А.А. Залевской [2009: 28]. На одном полюсе находится («увековеченное» благодаря идиоматике и «ставшее привычным» – по Звегинцеву) лексическое значение как та необходимая информация, которую должен иметь в виду говорящий, рассчитывая на понимание любого собеседника (говорящего на том же языке),

а также как информация, которой нужно владеть (то, что нужно знать), чтобы понимать любого собеседника (ср. утверждение Звегинцева: «Значение – это понимание» [Звегинцев 1967: 22]). Такое значение закономерно квалифицируется как обобщенное [Лурия 1998: 45]. В связи с этим можно упомянуть мнение Д.Г. Богушевича, что ориентация на языковой код в речевой деятельности обусловлена предполагаемым незнанием адресата, т.е. отсутствием у него специальных знаний [Богушевич 1985: 47].

При этом надо сделать оговорку, что хотя принадлежность к одному культурному сообществу способствует нивелировке индивидуальных различий (Н.С. Трубецкой писал: «[...] На всей культуре лежит отпечаток некоторого среднего для членов данной социальной среды психического типа» [Трубецкой 1990: 54]), представление о «любом собеседнике» не имеет арбитражного, априорного характера – оно формируется у каждого человека в соответствии с его средой языкового существования. Поэтому содержание лексического значения как «необходимой информации» у разных участников информационного обмена различается, особенно что касается непредметных, сублимативных названий (этических, эстетических, мировоззренческих и др.). Существует кроме того явление рудиментарности, когда в обыденной коммуникации сохраняются ментальные репрезентации, характерные для специальных дискурсов. Примером могут служить технократические концепты в речи героев Андрея Платонова.

На другом полюсе находятся окказиональные формы знания или то, что Ю.Н. Тынянов назвал «домашней семантикой» [Тынянов 1968: 130] (ср. высказывание Б.А. Серебренникова: «В строгом смысле слова существует столько картин мира, сколько имеется наблюдателей, контактирующих с миром» [Серебренников 1988: 32]). Одним из ее важнейших факторов является наличие у собеседников общего социального и познавательного опыта, их близкие, в частности, интимные отношения как важнейшая черта фамилиолекта. Когда в повести Константина Воробьева «Вот пришел великан» мы читаем: *Уже с ним, с гривенником, по пути к своей будке я подумал, что Ирена, например, не сможет отказать в помощи человеку* – мы понимаем, что выражение *к своей будке* имеет окказиональный характер: стоящее за ним понятие сформировалось в специфическом интимном дискурсе, т.е. в коммуникации со «своим».

Таким образом, лексическое значение представляет собой некоторое дисперсное поле ментальных репрезентаций, необходимых для ин-

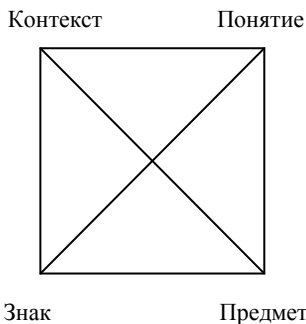
формационно-знакового обмена на разных уровнях человеческой деятельности (включая уровень языковой рефлексии). При таком подходе граница между значением и понятием оказывается размытой (см.: [Шелякин 2002: 113]). В наиболее общей форме эту вариативность семантической функции, т.е. наличие узуальных и окказиональных ментальных репрезентаций, представил А.А. Потебня – ср. его «ближайшее» и «дальнейшее» значение слова [Потебня 1993: 124 и др.]. Иногда эта оппозиция представляется как (обобщенное) значение и (индивидуализированный) смысл [Лурия 1998: 55].

4

Расширительное (коннексивное) понимание семантической функции связано с введением (широкого) понятия контекста, которое обобщает внешние факторы языковой номинации, представленные в литературе в широком ассортименте: среда языкового существования (у Гаспарова), мотивационный контекст (у когнитивистов), область взаимодействий (у Кравченко), социальный контекст (в микро-социологии и социальной психологии) и др. (см. широкое толкование контекста в: [Павилёнис 1986: 380]). Теперь для определения семантической функции требуется обращение к четырем компонентам: для некоторого знака (x) семантическая функция определяет отношение понятия (y) к предмету (z), которое зависит от отношения к контексту (w):

$$[\text{Sem}] F(x) = w R(y R z)$$

Эту зависимость четырех переменных можно представить в виде семантического квадрата.

Рис. 5. Семантический квадрат

Появление в модели нового элемента с необходимостью вызывает новые отношения. Первое из них [контекст – понятие] было уже рассмотрено в предыдущем разделе. В обобщенном виде его можно сформулировать так: ментальная категоризация предметов, связанная с необходимостью информационного обмена посредством знаков, обусловлена обстоятельствами речевой деятельности, т.е. имеет дискурсивно ориентированный характер.

Второе отношение [знак – контекст] означает формальную вариативность языковых выражений в зависимости от условий их употребления. М.А. Шелякин определил данное свойство языка как «принцип экономии в употреблении языковых единиц»: «В соответствии с этой тенденцией в языке [...] вырабатываются способы выражения, которые содержат столько, сколько необходимо для понимания. Количество используемых средств зависит от ситуации, речевого контекста и от большего или меньшего сходства в духовном складе говорящих» [Шелякин 2002: 115].

Наконец, третье отношение [контекст – предмет] означает, что предметная область языковой номинации имеет разный смысл для субъекта в зависимости от характера его деятельности, в частности, от того, насколько предмет номинации ангажирован в нее. Одно дело – номинация объектов чувственного восприятия, с которыми мы сталкиваемся в ежедневной практике (например, частей тела), другое дело – номинация предметов вне сферы нашего языкового существования (например, явлений и процессов из области политики, экономики, финансов и т.п.). Этот аспект семантики разрабатывается в современной когнитивной лингвистике.

В заключение можно констатировать, что семантический квадрат в обобщенной и схематической форме представляет динамическое взаимодействие четырех факторов речевой деятельности: 1) языкового, т.е. объема (и связанных с ним возможностей и ограничений) языкового кода; 2) социо-культурного (а также прагматического), т.е. целей и условий человеческой деятельности; 3) психологического, т.е. процессов и механизмов интеллектуальной переработки информации; 4) материального, т.е. внешней среды, как фактора адаптационных явлений и процессов в системе человеческого поведения.

Литература

Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996.

Залевская А.А. Проблема знания в различных ракурсах // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 2: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. С. 14-64.

Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск: Иркут. обл. тип. №1, 2001.

Кравченко А.В. Когнитивный горизонт языкознания. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2008.

Кравченко А.В. Знание, языкознание и язык // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 2: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. С. 5-13.

Леонтьев А.А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. Избранные психологические труды. М.-Воронеж: МОДЭК, 2001.

Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998.

Норман Б.Ю. Язык: знакомый незнакомец. Минск: Вышэйшая школа, 1987.

Павилёнис Р.И. Понимание речи и философия языка (вместо послесловия) // *Новое в зарубежной лингвистике. XVII: Теория речевых актов*. М.: Прогресс, 1986. С. 380-388.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. Вып. 2. Глагол. М.: Просвещение, 1977.

Потебня А.А. Мысль и язык. Киев: Синто, 1993.

Серебрянников Б.А. (ред.). Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.

Трубецкой Н.С. Вавилонская башня и смешение языков // *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*. 1990. 49/2. С. 152-160.

Тынянов Ю.Н. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1968.

Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс, 1980.

Шелякин М.А. Язык и человек. К проблеме мотивированности языковой системы. Тарту: Тартуский ун-т, 2002.

Awdiejew A. Gramatyka interakcji werbalnej. Kraków: Wydaw. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2004.

Coseriu E. Der Physei-Thesei-Streit. Sechs Beiträge zur Geschichte der Sprachphilosophie. Hrsg. von R. Meisterfeld. Tübingen, 2004.

Kardela H. Ogdena i Richardsa trójkąt uzupełniony, czyli co bada gramatyka kognitywna // *Bartmiński J.* (red.). Językowy obraz świata. Lublin, 1999. S. 15-38.

Kiklewicz A. Польская и русская школы культурной лингвистики: сходство и различие подходов // *Przegląd Wschodnioeuropejski.* 2019, X/2. С. 273-292.

Lyons J. Introduction to Theoretical Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 1971.

Ogden C.K., Richards I.A. The Meaning of Meaning. A Study of the Influence of Language upon Thought and of The Science of Symbolism. London, 1969 [1-е изд.: 1923].

Pisarkowa K. Językoznawstwo Bronisława Malinowskiego. T. 1: Więzy wspólnego języka. Kraków, 2000.

Stemplewska-Żakowicz K., Zalewski, B., Suszek, H. et al. Relacyjnie ustrukturalizowany umysł. Model teoretyczny // *Przegląd Psychologiczny.* 2009. 52/1. S. 69-85.

Taylor J.R. Cognitive Grammar. Oxford: Oxford University Press, 2002.

A. Kiklewicz (Olsztyn, Poland)

University of Warmia and Mazury in Olsztyn

THE SEMANTIC SQUARE

The subject of this article is a discussion of theoretical problems of functional semantics, as well as heuristic methods of representing linguistic meanings. The author considers the main assumptions of modern linguistic semantics taking into account a heuristic model known as the semantic triangle. The author shows the limitations of this model, pondering on an expanded connective concept of semantic function and, above all, the role of socio-cultural and pragmatic factors of speech activity.

Key words: semantics, semantic function, lexical meaning, mental representation, connectionism.

М.Л. Ковшова (Москва, Россия)

Институт языкознания РАН

kovshova_maria@list.ru

ЯЗЫКОВОЙ ЗНАК В ОБРЕТЕНИИ СМЫСЛОВ КУЛЬТУРЫ

В статье на примере анализа выражения *без рук, без ног* обосновывается идея о том, что движение языкового знака в разных дискурсах, развитие его семантики и прагматики изначально сопряжены с семиотизацией смыслов культуры, имеют свои этапы и цельность.

Ключевые слова: смыслы культуры, категории, стереотип, знаки языка и культуры.

Лингвокультурологический анализ начинается там, где знаки языка исследуются как знаки культуры, в которых нашли свое воплощение важнейшие категории, образующие концептосферу культуры, и выделенное в этих категориях ценностное содержание, или смыслы культуры. Вслед за В.Н. Телия, культура понимается как «один из внеязыковых миров, концептуализируемых языком и обретающих в его формах свое знаковое бытие» [Телия 2004: 21]. Процессы категоризации и концептуализации мира отражаются в языке; язык, будучи одной из форм сознания, запечатлевает гносеологический образ мира; всё то, что в познании человеком мира было воспринято, получает осмысление и оценивание в пространстве культуры, в котором существует человек. При употреблении и восприятии языковых знаков осуществляется их соотнесение с окультуренными категориями нормы, правильности, истинности, ценности и др. Значение всех языковых единиц в той или иной мере обогащено смыслами, которые исходят из категорий культуры. В культураносных (по выражению В.Н. Телия) знаках языка – оценочной лексике, лексических метафорах, образных выражениях, идиомах, в художественных образах, паремиях и др. – наиболее прицельно семиотизируется ценностно значимое содержание культуры, утверждаются ее установки и прескрипции, необходимые в интеллектуальной, трудовой, социальной, духовной деятельности человека.

По нашей гипотезе, культурные смыслы изначально воздействуют на мотивацию внутренней формы языковых знаков, лежат в ее основе; культурные смыслы служат развитию языковой семантики; культурные смыслы могут выходить в семантический «фокус» языкового

знака, придавая ему особую функцию – быть знаком культуры, воплощенным в языке эталоном, символом, стереотипом и т.д. Для исследования возникновения культурных смыслов в языковом знаке, их «про-растания», их развития в языковой семантике обратимся к анализу выражения *без рук, без ног*.

Все люди похожи тем, что у них есть две руки и две ноги. Отрицательное описание «без рук, без ног» указывает на то, что, во-первых, обозначается человек, поскольку руки и ноги называют части тела человека; во-вторых, что нарушена норма, основанная на представлении о природной целостности тела и о руках и ногах как неотчуждаемых его частях (в отличие, например, от зубов, ресниц, волос и др.). Данное нормативное представление изначально формируется в перцепции, «неотделимой от концептуального содержания сознания» [Арутюнова 1998: 81]. Представление о природной норме («с руками, с ногами»), как правило, не фиксируется в коммуникации, поскольку естественные качества не обсуждаются до тех пор, пока они не нарушены, – это отвечает известному сдвигу в языковой картине мира в сторону ненормативных явлений. Нормативность представления о человеке как существе с руками, с ногами может находить отражение в описании, когда названия частей «ведут» к целостному образу; ср., например детскую игровую присказку: «Ручки, ножки, огуречик – получился человечек». Ср. также высказывания: *Он (вроде бы) с руками, с ногами* в смысле, что может сам что-то сделать, прийти и т.д.; *Руки-ноги целы* в смысле, что человек здоров.

Выражение *без рук, без ног* отмечено в [НКРЯ]: в Основном корпусе 51 документ на 55 вхождений (вариант *ни рук, ни ног* – 55 документов на 51 вхождение соответственно); в Газетном подкорпусе 14 и 14 (вариант *ни рук, ни ног* – 17 на 17); в Поэтическом подкорпусе 9 на 9 (вариант *ни рук, ни ног* – 11 на 11). Реже встречается вариант *без ног, без рук* (11 документов на 11 вхождений в Основном корпусе; 2 на 2 в Газетном подкорпусе; 1 на 1 в Поэтическом подкорпусе). В основном выражении *без рук, без ног* в самом порядке перечисления компонентов «схвачена» первейшая значимость рук для человека как главной его характеристики, без чего невозможно существование человека как деятеля.

Предпримем следующий новый способ лингвокультурологического анализа – опишем основное выражение *без рук, без ног* в его семантическом развитии и различных функциях и проследим насыщение

данного выражения на всем его «жизненном пути» культурными смыслами.

В языке выражение *без рук, без ног* I. употребляется в прямом значении, является (по синтаксическому и ритмическому повтору в нем) фраземой; II. употребляется в переносном значении, является идиомой; III. служит созданию образов в словесном творчестве, является важным компонентом в структуре фольклорного или художественного текста. По нашей идее, само возникновение выражения *без рук, без ног* обусловлено необходимостью концептуализации в языке представлений о теле человека и естественной соматической норме; отрицание фиксирует кардинальное отступление от нормы. Человек, лишенный рук и ног, не имеет главного, без чего перестает быть похожим на человека, лишен возможности вести полноценную жизнь, что унижает его человеческое достоинство. Само возникновение выражения мотивировано культурными смыслами; с самого возникновения в семантике выражения действует ««вершинный» для языковых знаков, выступающих в роли знаков “языка” культуры модус: “достойно/недостойно человека”», составляющий основу морального и нравственного мироосознания [Телия, Дорошенко 2010: 10]. Представление о нарушении нормы уточняется при употреблении выражения в коммуникации, фиксируется в типичных контекстах, откладывается в семантике, прирастает коннотациями, получает развитие при метафорическом использовании, находит применение в словесном творчестве (фольклоре, поэзии, фантастической литературе). Начиная с возникновения, с мотивации внутренней формы, вся разнообразная жизнь выражения *без рук, без ног* проходит во взаимодействии с установками и ценностями культуры, ее смыслами, которые “насыщают” данное выражение на всех этапах его пути в означивании и описании действительности.

I. Употребление выражения *без рук, без ног* в прямом значении демонстрирует сложившиеся представления о том, что нарушение естественной нормы обусловлено 1) аномалиями внутриутробного развития; 2) экстремальными ситуациями, связанными с риском для здоровья и жизни человека – это травмы, полученные участниками военных сражений или в результате аварии (единичные примеры). В первом случае фиксация ненормативного явления утверждает относительность естественной нормы, возможность природной аномалии, во втором – «узаконенную» ситуацией войны возможность нарушения естественной нормы, разрушительное воздействие вследствие аварии.

Также отклонение от нормы может носить 3) специализированный характер – в коммуникации фиксируется использование выражения для описания профессиональных действий без применения рук и ног. Нарушение нормы также являет собой 4) типичный вид античных скульптур, изображающих человека или антропоморфных божеств. Так язык участвует в формировании и закреплении стереотипов уродства, увечий, обхождения без рук и ног, вида античных статуй.

1) Уродство. «Непорядок информативен» [Арутюнова 1998: 76], и фиксация врожденных аномалий важна, поскольку она ведет к познанию причин физических патологий, их обсуждению в разных дискурсивных практиках. Ср.: «... примеры многочисленны: уроды бесполые, *без рук, без ног...*» [К.Ф. Рулье. Общая зоология (1850)]. «Артисты, свесившись с балкончиков, называют в свои балаганы: «Женщина-паук – *без ног, без рук!* <...>»» [«Трамвай», 1990]. В современной коммуникации врожденное уродство объясняют неблагоприятной экологией, негативными социальными явлениями, научными ошибками и просчетами; прямое описание отсутствия у человека рук и ног сильно воздействует на любое воображение; ср.: Лишь с конца 60-х годов прошлого века во всем мире заговорили о побочном действии лекарств – после известной трагедии, когда стали появляться детишки *без рук, без ног*, с дефектами внутренних органов [Труд-7, 2002.10.14]. *Без рук, без ног*, без головы может родиться ребёнок [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого // «Новый Мир», 2000].

Сочувствие к человеку с физическими недостатками является реакцией, которая сформирована в культуре с ее гуманистическим началом. Проявление естественного физического отвращения, которое вызывает вид увечий, трактуется как бестактность, осуждается как проявление эгоизма. В то же время негативная реакция обусловлена связью в сознании внешнего уродства и дурной сущности человека; истоки такого понимания ведут к суеверным представлениям об уродстве как демонической «метке». Ср., например: Признаюсь, я имею сильное предубеждение против всех слепых, кривых, глухих, немых, безногих, безруких, горбатых и проч. Я замечал, что всегда есть какое-то странное отношение между наружностью человека и его душою [М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841)].

2) Увечье. Фиксация социально детерминированного отклонения от природной нормы необходима не столько для идентификации и характеристики человека по отличительным физическим параметрам, сколько для выражения оценочного и/или эмоционального отношения

к конкретному явлению и самим причинам, которыми оно было вызвано. Поиск социально детерминированных причин, на который нацелена прямо или косвенно коммуникация, означает, по сути, поиск виновных в увечьях, которые представлены в той предельной совокупности, что лишает человека его двигательных способностей, разрушает физиологию, «перекрывает» акциональные функции. Отсутствие рук и ног кардинально меняет вид человека, поскольку нарушает количество частей тела, его размер и пропорции, – данные нарушения находят отражение в появлении в языке лексических метафор: *обрубок, самовар*. Ср.: Человеческим *обрубком*, понимаете, *без рук, без ног* [Игорь Сухих. Жить после Колымы // «Звезда», 2001]. *Самовары – без рук, без ног* инвалиды – и те ничего такого не говорили [Виктор Астафьев. Ясным ли днем (1967)]. И вот человек – *самовар. Без рук, без ног*. А родственники суют деньги. Чтоб хоть такой, но жил! [Алексей Слаповский. Висельник (1994)]. Одного, *без рук, без ног* (таких на жаргоне называли *самоварами*), в детской коляске привозила жена [Александр Чудаков. Ложится мгла на старые ступени (1987-2000) // «Знамя», 2000].

Образ *без рук, без ног* стал предельной мерой в описании увечий; во фраземе концептуализируется представление о недееспособности в последней степени искалеченного человека. Ср.: Калеки – *без рук, без ног*, с забинтованными головами [Вс.В. Иванов. Дневники (1940-1948)]. Ребята возвращаются *без рук, без ног*, а у меня всего-то левая нога... [Г.Я. Бакланов. Мой генерал // «Знамя», 1999]. Даже настоящие инвалиды, *без рук, без ног*, и те надоели всем в очередях своими разодранными рубахами: «Я кр-ровь мешками проливал!» [Александр Мелихов. Книга мертвой скуки // «Октябрь», 2001]. Образ «без рук, без ног» становится мерилom подчас мучительной и бездеятельной жизни инвалида; ср.: ... он не хочет жить вот так – *без рук, без ног*, без движения – всю остальную жизнь [Константин Симонов. Так называемая личная жизнь/ Двадцать дней без войны (1973)]. ... отец с фронта пришел *без рук, без ног*, пользы от него никакой, все на водку променявал... [А.Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Парень из преисподней (1974)]. В то же время с помощью данного образа утверждается идея самой возможности жить и ценности жизни, концептуализируется противопоставление физической немощи – силе духа; ср.: Можно было искалечить, оставить *без рук, без ног*, но живым [Михаил Шишкин. Письмовник (2009) // «Знамя», 2010]. Друзья говорят: «Пижон ты, Серега». Ну, а кто-то не забудет прокомментировать: «Да это тот самый

Бурлаков – *без рук, без ног*» [ДВОЙНОЙ МАРАФОН // Труд-7, 2002.10.31].

В языке возникла также фразема из имен с аффиксами привативной семантики: *безрукий, безногий*. Компоненты фраземы употреблены, как правило, во множественном числе, что указывает на функцию обобщения и типизации. Контекст практически всегда связан с темой инвалидности и жертв войны. Ср.: Дед говорит, что после Отечественной войны в городе было много *безногих, безруких*, просто обрубок [Нина Катерли. Дневник сломанной куклы // «Звезда», 2001]. Валаам: прекрасная природа, полуразрушенный монастырь, где есть корпус для особо изуродованных войной – самоваров: *безногих, безруких*, с обожженными телами [Ю.М. Нагибин. Дневник (1980)]. Его волновала только мысль об открытом выступлении *безруких, безногих*, изуродованных людей [М.А. Осоргин. Сивцев Вражек (1928)]. Сколько *безногих, безруких*, искалеченных детей, и чеченских, и русских, осталось после этой преступной войны! [Г.Я. Бакланов. Жизнь, подаренная дважды (1999)]. [Надя] На рынке у самой дороги / Где нищие рядом сидят / С тобой я столкнулась / *безрукий / безногий / безногий* и рыжий солдат... [Александр Володин, Георгий Натансон. Старшая сестра, к/ф (1966); пер. стихов Р. Бернса]. Звал на помощь убогий. Хохочет от боли / И от испуга. / *Безрукий, безногий*, / Беззащитный обрубок [faget1. Зигзагообразно (2012)]. Свободное перечисление *безрукие, безногие* часто дополняет признак *слепые*; тем самым, конкретизируется класс тяжких увечий. Ср.: Довольно часто захожу в наш лазарет, который теперь расширен на средства города и занимает целых два этажа, и бесполезно отравляю сердце видом раненых, *безногих, безруких, слепых* [Л.Н. Андреев. Иго войны (1916)]. Фотографии искалеченных войной детей – *безруких, безногих, слепых*, прикованных к постели – страшное обвинение взрослым [Труд-7, 2007.10.13].

Также от выражения *без рук, без ног* образуется таутономическое сложное прилагательное: *безрукий-безногий*; функция идентификации у этого имени “перекрывается” эмоционально-оценочной функцией; в позиции субъекта имя не только идентифицирует, квалифицирует, но и осуществляет характеризацию; ср.: Беря в подарок папиросы, *безрукий-безногий* говорит: а зачем они мне, – дескать, ведь я же никому ненужное говно, зачем на меня тратиться... [А.П. Платонов. Записные книжки (1928-1944)]. – Постыдился бы! Вон тут офицер *безрукий-безногий* [М.А. Осоргин. Сивцев Вражек (1928)].

3) Неиспользование рук и ног. Нарочито обойтись без использования рук и ног в деятельности человек может, игнорируя в тех или иных целях наличие своих основных помощников, данных ему природой, или для высвобождения внутренних «резервов» или для демонстрации сверхвозможностей при выполнении трюков. Ср.: Уточкин ездил, лёжа на руле, стоя на седле, *без ног, без рук*, свернувшись в клубок, собравшись в комок, казалось, управляя стальным конём своим одною магнетической силой своих зелёных глаз [Дон Аминадо. Поезд на третьем пути (1954)]. Учти, что ты играешь *без рук, без ног*, без фигуры и без текста! [Лидия Вергинская. Синяя птица любви (2004)]. По традиции зять славит и угощает тещу. Пройдут конкурсы «*Без рук, без ног*», «Верная рука», «Тестовыжималка» [На Масленицу зажгут Олимпийский огонь // Комсомольская правда, 2004.02.16].

4) Некомплектность скульптуры. Устойчивость выражения *без рук, без ног* проявляется в самом порядке перечисления изначально существовавших частей, что может добавляться указанием на отсутствие у статуи головы и более мелких деталей. Ср.: Отбитая штукатурка, кариатиды – *без рук, без ног* и забитый наглухо посеревшими от дождей досками парадный подъезд... [Алла Белякова. Он снова парадный... // «Санкт-Петербургские ведомости», 2000.08.26]. Она интересовалась реставрацией античных статуй, дошедших до нас в разбитом виде – *без рук, без ног*, без головы, со сломанным туловищем, от которого уцелели лишь его части [К.С. Станиславский. Работа актера над собой (1938)]. И образы языческих богов – / *Без рук, без ног*, с отбитыми носами – / Лежат в углах низвергнуты с столбов, / Раскрашенных под мрамор [М.Ю. Лермонтов. Сашка: Нравственная поэма (1839)].

II. Употребление выражения *без рук, без ног* в переносном значении отвечает всем параметрам идиом (слитность значения двух и более компонентов, их устойчивость, воспроизводимость, образность, экспрессивность). Соматическая фразеология часто строится на описании отклонения от естественной нормы и стереотипов жизни; ср.: *руки отваливаются, как без рук, [как] без ног, потерять голову, проглотить язык* и т.д. (см., например: [Захаренко 2003; Дронов 2016]; телесный код описан в [Гудков, Ковшова 2007]). В образе *без рук, без ног* семантика немощи и бессилия интенсифицируется путем отрицания у человека сразу обоих важнейших соматических параметров. Отсутствие частей тела переосмысливается как лишение жизнеспособности; идиома *без рук, без ног* является не только знаком языка – идиома

служит мерой, крайней негативной отметкой на шкале параметризации здоровья и активности человека. Ср. примеры иллюстраций двух значений данной идиомы:

1) „Неподвижно. Не мочь двигаться из-за тяжелой болезни“. [Алена] Годов пятнадцать *без рук, без ног* сидел, травмами его отпаивали [И.Ф. Горбунов. Постоялый двор. Сцены из народного быта (1862)]. А во-вторых, я очень боюсь долго болеть, быть кому-нибудь обузой. Так что если со мной случится что-нибудь нехорошее, если я слягу *без рук, без ног*, то, поверь, найду в себе силы хотя бы на животе уползти в горы, как делают японцы, и там отдать себя на растерзание орлам [Виктор Сухоруков: Меня называют городским сумасшедшим // Труд-7, 2003.09.18]. Идиома может служить описанию определенной болезни; ср.: Добрую старушку Аделаиду Ивановну, как только она получила известие о смерти брата, постигнул паралич, и она лежала *без рук, без ног*, без языка в своем историческо-семейном отделении [А.Ф. Писемский. Мещане (1877)].

2) ‘В крайнем изнеможении, обессилеть’. [Бобрик] Чт́о вы? Вы́ так останетесь *без ру́к без но́г*. [Катя] Я́ и так *без ру́к и без но́г*. Мнѐ обратнó надó [Геннадий Фиш, Иосиф Склют, Константин Юдин. Девушка с характером, к/ф (1939)]. Идиомам, кроме того, присуща языковая игра; ср.: «Я *без рук, без ног*, но с носом» [К.И. Чуковский. Дневник 1922-1935 (1925)].

III. В словесном творчестве выражение *без рук, без ног* используется для: 1) создания вымысла в волшебных сказках, фантастической литературе; 2) создания поэтических метафор; 3) создания антропоморфных образов в поговорках – пословицах и загадках.

1) Вымысел возникает благодаря отходу от стереотипов и переходу от обычного, объяснимого – к необычному, абсурдному. Изображение волшебной, фантастической, ирреальной действительности берет начало в мифологии; ср.: В самую полночь сине море всколыхалось, вышло к нему Чудо Юдо, морская губа, *без рук, без ног* – одна борода седая [Ф.И. Буслаев. Русский богатырский эпос (1887)]. Поэтика необычного, абсурдного устанавливает свои принципы интерпретации, и никого не удивляет, что в волшебных сказках действуют без рук, без ног, а порой без головы всем известные Колобок, Пузырь, Соломинка и Лапоть или Грибы в Войне грибов [Сравнительный указатель сюжетов 1979: № 297 В], Мороз, Солнце и Ветер [Там же: № 298 А*], Ручей и Лес [Там же: № 293А*], Месяц, которому шьют платье [Там же: № 294*] и др. См., например, подробнее про образ безногого, безруко-

го и притом активного Ужа в сюжетах «Справедливый уж» и «Муж уж» [Добровольская 2015]. Имена персонажей могут быть даны по соматическому признаку: *Безручка* [Сравнительный указатель сюжетов 1979: № 706], *Слепой* и *Безногий* (*Безногий* и *Безрукий*) [Там же: № 519]. В детской литературе встречаются персонажи, подобные сказочным; ср., например: Да как сходишь, если ты – лепёшка *без рук, без ног...* [Олег Кургузов. Как Лена лепёшкой была // «Трамвай», 1991]. Выражение *без рук, без ног* служит маркером превращений в фантазийной поэзии; ср., например: Под головой взошел бамбук, / На бёдрах выросли шипы, / *Без ног, без рук* остались вдруг / Она – вампир, и он – упырь. [mithrilian. На лбу пророс мышинный хвост (2002)]. В фантастике образ «без рук, без ног» стал емким приемом в описании инопланетян; авторы часто используют данный антропоморфный образ «от противного» для указания на инаковость существей; ср., например: А ведь Модеста Матвеевича даже сотворенные мною чучела *без рук, без ног* боялись до судорог, по-видимому, инстинктивно [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Понедельник начинается в субботу (1964)]. ... там томился в клетке Бог / без очей *без рук без ног* [А.И. Введенский. «снег лежит...» (1930)].

2) Антропоморфное описание мира лежит в основе персонификации – приема, который присущ поэзии. В стихах выражение *без рук, без ног*, в котором уже есть синтаксический и ритмический повтор, может дополняться финальным компонентом *без головы*; тем самым, в поэтической метафоре концептуализируется нормативное представление о человеке в триединстве его основных признаков. Уподобление человека – природному миру и природного мира – человеку создается путем контрастного отрицания. Ср.: И пляшет лес *без рук, без ног* / Такой живой, знакомый [Н.С. Тихонов. «На белый падают башлык...» (1914-1921)]. Как будто прежний Сож / Ломает берега, мосты, ограды рúшит / И в русло прежнее спешит. / *Без рук, без ног* / Старинный движется над Сожем городок [Е.С. Мозольков. «К полесским спичкам я привык...» [Полесские стихи, 2] (1930)]. Как стебель скошенной травы, / *Без рук, без ног, без головы*, / Лежу я часто распростёртый, / В каком-то дивном забытьё... [Ф.Н. Глинка. Иная жизнь (1830-1849)]. Частый образ в поэзии – сверхсущество, которое, тем не менее, сравнивают с человеком; ср.: Но вспыхнул блёск зарницы чёрной / Из пустоты, / И пламя вдруг / Окаменело, а кричащий – / *Без головы, без ног, без рук* – / Обрубком вырвался из чащи / Рыданий каменных, и ветер / Вознёс его на горб вершины, / И там он врос в гранит... [М.С. Петровых. Карадаг

(1932.08.11)]. В поэтический текст могут входить и формулы загадки: *Без ног, без рук, / а создал всё вокруг. / Всё никак покоя не найду, / откуда я пришёл, куда уйду?* [dokta. Мы грубияны порой и невежды (2010)].

3) В малых паремийных жанрах фольклора, среди которых наиболее оформленными считаются пословицы и загадки, выражение используется согласно особенностям этих жанров. Так, пословица нацелена на нравоучение и назидательность, на вынесение народного вердикта; ср.: *Без рук, без ног – калека, без совести – полчеловека* [Мокиенко, Никитина, Николаева 2010: 769]. Загадка – интеллектуально-игровой жанр, направленный на познание окружающего мира, на установление в нем взаимосвязей и подобий, развлекательное упражнение для ума, требующее знаний, живости воображения и сообразительности. Ср.: *Без рук, без ног / Под окном стучит, В избу просится* (ветер) [Садовников 1876: № 1983]. *Без рук, / Без ног – На плеча скок* (кормысло) [Там же: № 449а]. Ёмкая ритмизованная формула *без рук, без ног* обычно “открывает” текст паремий, является стартовым образно-смысловым компонентом, от которого отталкивается дальнейшее описание. Но если в пословицах формула встречается в единичных примерах, то в загадках обнаруживается около 200 текстов с данной формулой. В загадках отрицательная характеристика указывает на кардинальный отличительный признак, нормативный для одного класса предметов (человек – существо с руками, с ногами) и нерелевантный для других классов. Такой изначальной подсказкой, что X точно не человек, поскольку у него нет рук и ног, загадка ориентирует на поиск отгадки в мире природных явлений, артефактов и т.д. Выражение *без рук, без ног* задает контрастивное отрицание в структуре загадки: «X (загаданный, исходный денотат – природные явления, растения, животные, артефакты) не имеет рук и ног, как это свойственно Y (преобразованный денотат, человек), но действует и движется подобно Y, как если бы у X были руки и ноги». Противительный союз в тексте загадки, как правило, опущен, но может и присутствовать; ср.: *Без рук, без ног к небу ползет* (дым); *Без рук, без ног, а на хату забрался* (дым) [Митрофанова 1968: 102].

Отметим, что положительная форма выражения «с руками, с ногами» в загадках не встречается ни разу. Безусловно, не имеет смысла, используя такую явную подсказку, загадывать самого человека. Но показательно, что для загадывания других денотатов (явлений природы, артефактов и т.д.) данная положительная форма также никогда не ис-

пользуется, несмотря на постоянное использование в загадках других многочисленных антропоморфных образов. Получается, что в традиционной картине мира формула «с руками, с ногами» – некий заветный код человека, который сразу его выявляет; весь остальной мир в загадках раз и навсегда помечен характеристикой «без рук, без ног»; в загадке концептуализируется смешанное с удивлением представление о том, что не имея рук и ног этот остальной мир действует так, словно у него есть руки и ноги; мир без рук, без ног уподоблен человеку с руками, с ногами. Так в загадках оказывается «схвачена» и закреплена главная таксономическая характеристика человека – это существо с руками и ногами, концептуализирована идея его телесной целостности как нормативного идеала.

Судя по количеству загадок с формулой *без рук, без ног* и охвату в них денотативных областей, с человеком соотносится, пусть в противопоставлении с ним, все имеющееся в мире, живое и неживое. Описание самых разных денотатов начинается с отрицания принадлежности к классу «Человек», мыслится в сравнении с человеком и разворачивается на этом фоне. Ср.: *Без рук, без ног, а дом стережет* (замок) [Митрофанова 1968: 101]. *Без рук, без ног, а на елку лезет* (огонь) [Там же: 102]. *Без рук, без ног богу молится* (зыбка, колыбель, подвязанная к потолку) [Там же: 109]. Формула *без рук, без ног* обычно находится в инициальной сильной позиции – в начале текста или второй строки, реже – в конце строки и на «стыках» строк; ср.: *Ходит без ног, / рукава без рук, / уста без речи* (тень или река) [Митрофанова 1968: 28, 29]. *Ходит без ног, держит без рук, / Кто идет – и за ворот берет* (ворота или дверь и косяки) [Там же: 95, 100]. *Стоит в углу без рук, без ног, / Шумит, гремит, вертится, ничего не боится, / Считает наш век, а не человек* (часы) [Там же: 110].

Во многих загадках с данной формулой для разных денотатов используется один и тот же образ: «Не имея рук и ног (=не будучи человеком), X ползет куда-то (обычно наверх)». Частотность данного образа позволяет говорить о стереотипе, что человек, применяя одновременно и руки, и ноги, прежде всего, «ползет» (что свойственно, заметим, всему животному миру), для чего ему действительно требуются и руки, и ноги (которые есть только у человека). Ср.: *Без рук, без ног через тын ползет* (месяц) [Митрофанова 1968: 21]. *Без рук, без ног не мал клочок / кверху ползет* (пары водяные) [Там же: 30]. *Без рук, без ног ползет на батог* (горох) [Там же: 84]. *Без рук, без ног по стене*

ползет (ставень или волоковое окно) [Там же: 99]. Ср. также сходные движения: *Без рук, без ног, а на хату забрался* (дым) [Там же: 102].

Многие образы зачастую противоречат логике; ср.: *Без рук, без ног, а ходят* (часы) [Митрофанова 1968: 110] – для того, чтобы ходить, руки не требуются, достаточно было бы сказать: «Без ног, а ходят». *Без рук, без ног, а рисовать умеет* (мороз) [Там же: 26] – для того, чтобы рисовать, ноги не требуются. *Без рук, без ног лапшу крошит* (нож) [Там же: 120] – чтобы крошить лапшу, ноги не главное, хотя и служат опорой. Избыточное, на первый взгляд, использование слов обязано ритмичности сочетания и тому, что это – формула, с ее поэтической и мистической значимостью в фольклоре.

Редко используются другие варианты отрицания; ср.: *Ни рук, ни ног, Ни очей, ни ушей – Добра молодца везет По круту бережку* (лодка) [Садовников 1876: № 1579]. *Рук нет, А строить умеет* (птица) [Там же: № 1661]. *Что бьет, а рук нет?* (часы) [Митрофанова 1968: 111]. Имена-дериваты с привативными аффиксами встречаются редко, но благодаря им в загадке появляются почти сказочные персонажи; ср.: *Безрукий, безногий старик через реку мост проложил* (мороз) [Садовников 1876: № 261]. *Диво/ Варило пиво;/ Слепой увидал,/ Безногий за ковшом побежал,/ Безрукий сливал,/ Ты пил да не растолковал* (ложь) [Там же: № 2160].

Материал показал, что отношение между образом и реальностью и установление подобий в загадках детерминированы сложившимися представлениями, почерпнутыми из знаний и опыта, формирующихся в культуре; ср.: *Без рук, без ног, / Подпоясанный* (сноп) [Садовников 1876: № 1281]. В образ загадки могут вплетаться мифологемы, поверья, легенды; ср.: *Без рук, без ног воюет* (ветер) [Садовников 1876: № 1982]. *Ходит без ног, Рукава – без рук, Уста без речи* (тень) [Там же: № 1970]. Тем самым, установление семантической связи между исходным денотатом и денотатом преобразованным «подрабатывается» стереотипами, символами, мифологемами и т.п., что и обеспечивает условную логику уподобления.

Порядок перечисления компонентов в формуле меняется в единичных случаях, обусловленных требованием рифмы; есть редкие загадки, в которых, с учетом качеств загаданных денотатов, создаются образы или только «без рук», или только «без ног», «без рук, но с ногами» Ср.: *Рук нет, А строить умеет* (птица) [Садовников 1876: № 1661]. *Без ног, а бегаёт* (клубок) [Там же: № 653а]. *Крылья есть, да не летает; Ног нет, да не догонишь* (рыба) [Там же: № 1687]. *С нога-*

ми – без рук, со спиной – а без головы (стол) [Митрофанова 1968: 109]. Также малочисленны примеры распространения формулы *без рук, без ног*, когда у загаданного денотата помимо рук и ног отрицаются и другие антропные признаки: рот, язык, душа, или зооморфные общие признаки: мозг, кишки, мясо, кости. При этом одни антропные части тела у загаданного денотата отрицаются, а другие антропные части или антропоморфные действия ему приписываются. Ср., например: *Без рук, без ног / И без рта, / По многу съедает, / Сыт не бывает* (ветер и снег) [Садовников 1876: № 1994]. *Без языка, а говорит, без ног, а бежит* (ручей) [Митрофанова 1968: 29]. *Есть человек без рук, без ног, Голова есть – без мозга, Брюхо есть – без кишок, Бока есть – без мяса* (донце прялки) [Там же: 138]. Тем самым, на одном «антропном поле» описания в загадке смешиваются денотативный план и план образный; прямо выраженное отрицание у загаданного денотата одних антропных характеристик (*без рук, без ног* и т.д.) противоречит образному описанию денотата с помощью других антропных характеристик (у денотата есть *голова, брюхо, бока* и т.д.; денотат *говорит, бежит, съедает* и т.д.). В загадке такие антропоморфные описания легко перемежаются с зооморфными, артефактивными и др., поскольку загадка, в целях ее усложнения, полиметафорична; ср.: *Без огня горит, без крыл летит, / без ног бежит* (туча грозовая) [Митрофанова 1968: 24]. *Без ног, без рук, без рог катится с бугра* (камень) [Там же: 28].

Весь материал народных загадок показал, что именно с помощью формулы «без рук, без ног» концептуализируется культурно значимая идея выделения человека из остального мира. Данная формула оказывается достаточной, чтобы с ее помощью задать антропный «фон», на котором вырисовывается загаданная не-антропная «фигура».

Заключение. Итак, было исследовано возникновение важнейшей оценочной характеристики человека, “жизнь и движение” этой характеристики в языке, в разных сферах речевой коммуникации, описано развитие языкового выражения в обретении им культурных смыслов и принятии на себя роли знака культуры. Предложенный способ лингвокультурологического анализа позволяет последовательно и эксплицированно описать на примере отдельно взятого знака интеракцию языка и культуры. Исследовать их взаимодействие во всем многообразии предстоит ученым разных школ и направлений, которые находятся «в диалоге» (любимое выражение В.Н. Телия).

***

Как говорила, бывало, напоследок Вероника Николаевна: «Ну что еще вам рассказать, песенку, что ли, спеть?». Загадаю загадку: *Стоит дуб без корня, без ветвей, / Сидит на нем птица вран; / Пришел к нему старик без ног, / Снял его без рук, / Заколол без ножа, / Сварил без огня, / Съел без зубов.*

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998.

Гудков Д., Ковшова М. Телесный код русской культуры. Материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007.

Добровольская В.Е. История фиксации сказки «Жена ужа» (425 М) у русских // Традиционная культура. 2015. № 4. С. 133-142.

Дронов П.С. Участие как движение и прикосновение: варьирование формы и регулярность употребления кинетических идиом с компонентами *рука, палец* // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 2. С. 134-145.

Захаренко И.В. «Ноги» в соматическом коде культуры (на примере фразеологии) // Язык, сознание, коммуникация. 2003. Вып. 25. С. 86-96.

Митрофанова В.В. Загадки. Л.: Наука, 1968.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц / под ред. В.М. Мокиенко. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (дата обращения: 04.06.2020).

Садовников Д.Н. Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. Санкт-Петербург: Типография Н.А. Лебедева, 1876. URL: <http://litlife.club/br/?b=251825&p=58>

Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / АН СССР. Отд-ние лит. и яз.; Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л.: Наука, 1979.

Телия В.Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. М.: Языки славян. культуры, 2004. С. 19-30.

Телия В.Н., Дорошенко А.В. Лингвокультурологическая гипотеза воспроизводимости языковых выражений // Живодействующая связь языка и культуры: материалы конф., посвященной юбилею проф. В.Н. Телия. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2010. В 2-х тт. Т. 1. С. 5-13.

M.L. Kovshova (*Moscow, Russia*)
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

LANGUAGE SIGN ACQUIRING CULTURAL MEANINGS

Being a case study of the Russian phrase *bez ruk, bez nog* (literally, “without arms, without legs”) denoting, among other things, heavy injuries, ugliness, incapacitation, and inanimateness, the paper argues that movement of the language sign in different spheres, along with its development, is inherently connected to the semiotisation of cultural meanings, undergoing stages of evolution and acquiring integrity.

Key words: cultural meanings, categories, stereotype, language and culture signs.

В.И. Постовалова (*Москва, Россия*)
Институт языкознания РАН
aroni4@yandex.ru

ТРИ ПУТИ ПОСТИЖЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В СВЕТЕ ИДЕАЛА ЦЕЛЬНОГО ЗНАНИЯ (ИСТОКИ И ПРЕДЕЛЫ ИНТЕГРАТИВНОСТИ)

Проводится эпистемологический анализ интегративных процессов в гуманитарном познании. Обосновывается мысль о том, что в установке на интегративность проявляется действие универсального принципа цельности в культуре. Рассматриваются три подхода к изучению языка (имманентно-семиологический, антропологический и трансцендентно-религиозный), интерпретируемые как основные этапы на пути достижения целостного постижения лингвистической реальности

Ключевые слова: гуманитарное познание, принцип цельности, интегративность, парадигма, лингвистическая реальность.

... и возвращается ветер на круги свои. Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь. Все вещи – в труде: не может человек пересказать всего; не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием

Книга Екклезиаста 1. 6-8

Для человеческого познания, рассматриваемого в историческом ракурсе, характерна известная ретроспективность, обращенность взгляда на свое прошлое. Временами после длительного пути в поисках истины познание возвращается к своим духовным и культурно-историческим истокам. Это происходит в наши дни и с наукой о языке, где наблюдается возврат к целостному постижению языка в единстве с миросозерцанием, сознанием, культурой и духовной жизнью человека, характерному для более ранних эпох изучения лингвистической реальности. Такое видение языка развивалось в древней Греции в составе философии (онтологии и гносеологии). В средневековой Европе и Византии – в составе теологии. В другом – духовно-семиотическом – ракурсе оно разрабатывалось в русле герменевтики и филологии. В рамках философии языка оно развивалось в антропологической программе В. фон Гумбольдта и в учении о цельном познании в религиозно-философской и богословской мысли.

Такой возврат гуманитарного познания к целостному видению лингвистической реальности в современной науке о языке происходит в двух направлениях.

Первое и центральное направление составляет возвращение гуманитарной и лингвистической мысли к установкам антропологической программы постижения языка Гумбольдта. Именно с этой программой современные эпистемологи связывают будущее гуманитарного познания и становления лингвистического знания. По афористическому выражению Р.М. Фрумкиной, «доминанту современного состояния наук о человеке можно было бы назвать «Вперед к Гумбольдту!»» [Фрумкина 1995: 105]. Осуществление данной программы на новом историческом этапе и в новом историческом контексте предполагает создание интегративных дисциплин, направленных на изучение языка в тесной связи с различными фундаментальными сторонами человеческого бытия, рассматриваемыми в их лингвистическом преломлении. В русле данной тенденции находится формирование таких активно развиваемых дисциплин в современной лингвистической мысли, как когнитивная лингвистика и лингвокультурология.

Другой путь к целостному постижению лингвистической реальности связан с намечающейся в современной культуре тенденцией интегрирования теологического знания в мировоззрение и культуру, возвращающей гуманитарное познание к своим религиозным истокам. Религиозные корни современные исследователи пытаются усматривать и в генезисе науки о языке. По утверждению А.К. Гадомского, языкознание на начальных этапах своего становления было теологическим. Оно «возникло как теоязыкознание (теолингвистика) и только с веками приобрело светский характер» [Гадомский 2007: 288]. В русле этой тенденции происходит формирование в наши дни на пересечении теологии (богословия), религиозной антропологии и лингвистики новой интегративной теолого-лингвистической дисциплины – «теолингвистики», направленной на изучение взаимосвязи и взаимодействия языка и религии.

В установке гуманитарного познания на интегративность проявляется действие универсального принципа цельности в культуре и жизнотворчестве на преодоление разрывов между разными сферами духовной жизни человека, достижение их содружества и обретение утрачиваемой целостности человеческого духа. В истории гуманитарного познания сформировались три подхода к изучению языка и пониманию его природы, различающиеся шириной контекста рассмотрения лингвистической реальности и истолкованием самого феномена «лингвистического».

При первом – *имманентно-семиологическом* – подходе, наиболее рельефно представленном в структурализме, язык рассматривается «в самом себе и для себя» как автономное семиотическое образование и самодостаточная реальность. Язык понимается здесь как система отношений различительных единиц в рамках внутренней (реляционной) лингвистики. Все моменты языковой активности, связанные с жизнедеятельностью человека и его духовным миром, оцениваются при этом подходе как экстралингвистические и выносятся за пределы научно-лингвистического понимания языка в область внешней лингвистики или других гуманитарных дисциплин. Выражая суть такого понимания, А.А. Реформатский утверждал: «Весь язык строится на знаках, и эта семиотическая реальность должна быть индикатором для постижения через язык и жизни, и быта, и истории, и прочего... Но все это уже “за языком”» [Реформатский 1975: 15].

При втором, более широком, – *имманентно-антропологическом* – подходе язык понимается как конститутивное свойство человека

и необходимый момент его жизнедеятельности. Сам же человек рассматривается здесь автономно, в его самодостаточном бытии, вне непосредственной связи с другими планами реальности.

В зависимости от толкования природы человека в имманентно-антропологическом подходе различаются две позиции. Во-первых, – *внерелигиозная* (атеистическая) *позиция*, эксплицитно провозглашающая принципиальный отказ от религиозного воззрения на человека и его язык как неадекватного для раскрытия их природы. И, во-вторых, – *позиция методологического секуляризма*, согласно которой исследователи, даже принимающие религиозное мировоззрение, признают невозможным или просто излишним вводить религиозный аспект в научно-теоретическое представление лингвистической реальности по причине непроницаемости или недоступности такого ее плана для научного познания.

Позицию теоретико-методологического секуляризма разделял В. фон Гумбольдт при создании своего антропологического учения о языке. Будучи протестантом по своему вероисповеданию, Гумбольдт, хотя и допускал возможность вмешательства сверхчувственного в чувственное, однако как философ отказывался усматривать последние основания бытия в трансцендентном. Первооснову бытия для него, а также объемлющую категорию в его лингвофилософской концепции составляет «Человечество» [Гумбольдт 1985: 311]. В гумбольдтовском учении о языке как духовной энергии и миропонимании народа субъектом духовной активности выступает человек – индивид, языковое сообщество, народ, а духовная активность понимается как сугубо человеческая деятельность.

Наконец, при третьем – *трансцендентно-религиозном* – подходе определение природы языка происходит путем выхода за пределы имманентного человеческого существования в высшую реальность, необходимым моментом которой, по такому воззрению, язык и выступает. Так, в философии языка школы Всеединства (П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, А.Ф. Лосев), разрабатываемой в рамках программы цельного знания В.С. Соловьева, язык рассматривается как момент теoантропокосмической реальности, получая при этом предельно возможное «онтологическое возвышение». Язык (как и его базисные единицы – слово и имя) предстает при таком подходе как живой мистико-семиотический феномен и духовная сила, а человек выступает как *homo religiosus*, как «микрокосм» и «микротеос», или «малый бог». Но «бог» не по сущности, а по благодати. Антропология, понимаемая

в широком смысле как наука о человеке, его сущности и бытии в мире, начинает обретать здесь черты антропологии религиозной.

Трансцендентно-религиозный подход к изучению языка выступает в двух своих вариантах – *антропокосмическом* и *теоантропокосмическом*. Примером *антропокосмического* подхода является понимание языка как «логоса вселенной» у С.Н. Булгакова. Согласно такому подходу, в языке и через язык «говорит вся вселенная» [Булгаков 1998: 36]. Таково для Булгакова и слово, которое, по его выражению, «космично в своем естестве, ибо принадлежит не сознанию только, где оно вспыхивает, но бытию» [Там же: 35]. Человек же есть «мировая арена, микрокосм, ибо в нем и через него звучит мир» [Там же]. Поэтому слово для Булгакова «антропокосмично», а точнее сказать, «антропологично», при условии понимания человека как микрокосма.

Примером *теоантропокосмического* подхода выступает синергичное описание молитвенного Богообщения в православном богословии. Как выражает такое понимание архимандрит Софроний (Сахаров): «Истинная молитва к Богу истинному есть общение с Духом Божиим, Который молится в нас... Он возводит дух наш в состояние созерцания вечности» [Софроний Сахаров 1991: 10].

Описанные три направления познания лингвистической реальности могут быть рассмотрены как основные этапы (ступени) на пути к достижению наиболее полного осмысления языка. В зависимости от степени и уровня трансцендирования (выхода за пределы рассматриваемой реальности) при представлении лингвистической реальности дается и более глубокая семиологическая и онтологическая характеристика языка. Так, в отличие от чисто номиналистической интерпретации языка как конвенциональной системы знаков, характерной для структурализма, в антропологической программе язык стал пониматься не только как «система знаков, замещающих предметы речи (реальные и идеальные)», но и как «система символов, за которыми стоит духовная жизнь людей» [Арутюнова 1997: 657-658]. В реалистической религиозной философии языка школы Всеединства специфика языка как «живой стихии человеческого, т.е. осмысленно-жизненного общения», выражается, по мысли А.Ф. Лосева, уже с помощью трех категорий [Лосев 1982: 4]. А именно – знака вообще, символа и мифа, выражающих три степени «смысловой насыщенности языка» и специфику трех уровней существования лингвистической реальности [Там же].

Продумывание оснований и принципов организации каждого из описанных подходов к изучению языка может привести к осознанию

границ их применимости и возможности выхода на более глубокий уровень постижения лингвистической реальности. Так, продумывание оснований имманентно-семиологического подхода приводит к необходимости выхода за его пределы в русло антропологического подхода, обладающего большей адекватностью, полнотой и внутренней непротиворечивостью. Обосновывая необходимость такого подхода, М. Гауген пишет: «Язык... не является замкнутой в себе, свободно витающей структурой; он – функция чего-то отличного от него самого – человека, и намеренно нацелен на нечто отличное от него самого – на мир... По этой причине имманентная характеристика языка... противоречит сама себе» (цит. по: [Альбрехт 1967: 80-81]). И резюмирует: «Язык не может быть охарактеризован как то, что он есть, если его пытаются рассматривать “en elle-même et pour elle-même”, согласно требованию Соссюра. Поскольку язык необходимым образом есть чей-то, его характеристика должна соотноситься с человеком и его опытом, вынесенным из общения с миром... Языкознание должно сделать своим непосредственным предметом язык как часть человека» [Там же: 81].

Исследователи отмечают впрочем, что полной «бесчеловечности» и дегуманизации парадигмы при имманентном теоретическом представлении языка все же достичь было невозможно. И даже лингвист-семиотик, рассматривая язык как частный случай статических знаковых систем и выражение готовой мысли, видел в языке, по словам Г.В. Рамишвили, все же функцию человека, хотя только и человека абстрактного, а не свободного, познающего, «творческого субъекта», как в энергетической теории языка у Гумбольдта [Рамишвили 1981: 106].

Мысль о том, что отмеченные пути познания лингвистической реальности могут быть рассмотрены как ступени к достижению наиболее полного осмысления языка, выражается, в частности, в том, что принятие одного из подходов, например, антропологического подхода в определенных версиях его реализации, не означает отмены результатов предыдущего, структурно-семиологического этапа изучения языка. Но, напротив, предполагает включение этих результатов, хотя и при известной их модификации, в более широкую картину представления лингвистической реальности. По выражению Ю.Н. Караулова, основная заповедь современной лингвистической парадигмы: «За каждым текстом стоит система языка» должна быть расширена и при включении в лингвистику категории личности обретает следующий вид: «... за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка» [Караулов 1987: 27].

Известно, что Л. Ельмслев, с именем которого связана идея наиболее радикальной версии структурно-функциональной парадигмы представления языка, считал имманентно-семиологический подход лишь первым шагом на пути изучения языка. По его словам, «временное ограничение кругозора было ценой, заплаченной за отторжение у языка его тайны» [Ельмслев 1960: 381]. На заключительном этапе «лингвистическая теория, руководимая внутренней необходимостью, приходит к признанию не только языковой системы в ее схеме и узусе, в ее всеобщности и ее индивидуальности, но также к признанию человека и человеческого общества, стоящих за языком, и всего мирового человеческого знания, добытого посредством языка» [Там же]. На данном этапе, резюмирует Ельмслев, «лингвистическая теория достигнет той цели, к которой она стремилась: *humanitas et universitas*» [Там же]. То есть – «человечности и всеобщности».

Девиз Ельмслева “*humanitas et universitas*” по-разному истолковывается в различных направлениях изучения лингвистической реальности. Так, для Гумбольдта, основателя имманентно-антропологического направления в изучении языка, человечность (*Menschheit*) связывается с представлением о духовности. В его понимании, идея человечности «есть не что иное, как живая сила духа, который ее одушевляет, через нее выражается, в ней деятельно и активно проявляется» [Гумбольдт 1985: 343]. Для трансцендентно-религиозного направления в изучении языка «человеческое» в человеке связывается с образом Богочеловека Иисуса Христа. По выражению С.Л. Франка, для христианства «человеческое в человеке есть богочеловеческое» [Франк 2001: 340]. Поэтому «антропология по своей сущности есть теoантропология» [Там же]. Как видно из этого рассуждения Франка, продумывание принципов имманентно-антропологического подхода при расширении понятия антропологичности приводит к возможности выхода в пространство трансцендентно-религиозного подхода. Что же касается возможности выхода за пределы трансцендентно-религиозного подхода постижения лингвистической реальности, то здесь, по-видимому, предоставляются два пути.

Первая возможность для теоретической мысли – это катафатический путь, заключающийся в том, чтобы, оставаясь внутри трансцендентно-религиозного подхода, все более углубляться в познание открывающейся здесь реальности. Вторая возможность – это апофатический путь выхода из пространства научно-философско-богословской мысли. Но выхода не в какую-то новую теорию более высокого ранга

универсальности (что было бы просто невозможным), а в мистико-аскетическую молитвенную практику Богообщения. А на своих духовных вершинах – в исихастскую практику «умного делания», или в «священнобезмолвие». В умном делании исихастских подвижников священнобезмолвие означает собственно не молчание как отказ от какой-либо речи, а «без-мыслие», то есть простоту ума. По преп. Максиму Исповеднику, ум, «полностью оставивший мышление, стяжавший безмыслие – безмолвие и простоту... может войти в общение с Богом» [Геронимус 1995: 166]. И обратно – «без прекращения мысли невозможно войти в простоту Богообщения» [Там же].

Вступление на апофатический путь постижения лингвистической реальности знаменует собой *предел рационально-теоретического познания* как полный отказ от всех мыслительных парадигм. О возможности такой ситуации говорится в Первом Послании к Коринфянам апостола Павла, где в символической форме представлен общий ход человеческого познания. Как утверждает здесь апостол Павел: «Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание, и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви; то я ничто... Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. Ибо мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем; Когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится... Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан» (1 Кор 13: 2, 8-10, 12).

Вступление на апофатический путь постижения лингвистической реальности открывает для подвижников практический путь к духовному созерцанию – видению «лицем к лицу» (πρόσωπον πρός πρόσωπον) и приобщению к новому образу познания как любви, который имел в виду апостол Павел, когда говорил: «... а тогда познаю, подобно как я познан» (1 Кор 13. 12). Разъяснение этих слов апостола Павла можно найти в православном учении о богопознании, где познание Бога предстает как бытийственный (онтологичный) момент самой реальности. Как поясняет суть такого понимания прот. А. Геронимус: «Богопознание есть любовь. Оно есть результат синергии – свободного содействия Бога и другого. Оно есть встреча нисходящего откровения Бога и восходящего к Нему в познании другого... В процессе богопознания Бог открывает Себя и осуществляет восхождение к Себе другого. В Самооткровении Он открывает путь восхождения к Себе.

Поэтому в акте богопознания Бог является не столько Познаваемым, сколько Познающим». «... теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан» (1 Кор 13. 12)» [Геронимус 2008: 198].

Эпистемологический анализ интегративных процессов в гуманитарном познании показывает, что процессы эти протекают в форме повторяющегося круговорота триад: «опыт (1) – теоретическое осмысление – опыт (2)». Причем опытная реальность как жизненная практика может пониматься с разной степенью полноты и углубленности в зависимости от ситуаций, целей и сфер познания. Ведь, собственно говоря, как на это обращает внимание А.Ф. Лосев: «Существует один и единственный опыт... В более насыщенной форме он проявляется как мистический опыт; в более пустой и внешней – как <ак> н<азываемый> чувственный... Выбор той или иной интуиции, чувственной и сверхчувственной, в их бесконечных оттенках и разнообразии, зависит... от самих же интуиций» [Лосев 2013: 196].

***

Наука вечна в своем стремлении, неистощима в своем источнике,
неисчерпаема в своем объеме и недостижима в своей цели

Карл Эрнст фон Бэр

Творческий путь в науке о языке Вероники Николаевны Телия, памяти которой посвящается эта статья, проходил в русле продвижения лингвистической мысли от имманентно-семиологического подхода в изучении языка с его структурно-таксономической парадигмой к антропологическому подходу. Для самой Вероники Николаевны это был путь перехода от изучения фразеологии в имманентном ракурсе к изучению фразеологии в контексте культуры, путь восхождения к антропологической парадигме и разработке на ее основе новой научной дисциплины – лингвокультурологии.

Как писала об этих процессах В.Н. Телия в своей книге «Русская фразеология»: «... кризис структурно-таксономической парадигмы в исследовании фразеологии – закономерное с точки зрения логики развития науки явление. Выделение фразеологии в отдельную лингвистическую дисциплину сыграло свою положительную роль... Однако делящаяся и по настоящее время замкнутость фразеологии «в самой себе и для себя» привела к обособлению ее проблематики не только от взаимодействия со всем пространством лингвистической

науки, но и с целостным пространством самого языка, в котором и свершаются коммуникативные процессы» [Телия 1996: 270].

Разворот же лингвистики к изучению коммуникативно-дискурсивных языковых процессов способствовал обращению лингвистической мысли к «человеческому... фактору в языке», а затем и к исследованию «языкового фактора в человеке» [Там же: 270-271]. Другими словами, к обращению лингвистической мысли к «активно формирующейся в настоящее время во всех науках гуманитарного цикла антропологической парадигмы научного знания, в центре внимания которой – бытие языка в человеке как актора коммуникативных процессов» [Телия 2004: 675]. Замечая, что «лингвокультурология ориентирована на человеческий, а точнее – на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке», В.Н. приходит к утверждению, что лингвокультурология и есть «достояние собственно антропологической парадигмы науки о человеке, центром притяжения которой является феномен культуры» [Телия 1996: 222].

Синергетическое взаимодействие языка и культуры в разных формах его проявления (диалог, корреляция, корреспонденция, интеракция, соотношение, изоморфизм и др.) и стало в последующем предметом лингвокультурологической рефлексии В.Н. Телия. Глубинную суть такого взаимодействия Вероника Николаевна усматривала в гумбольдтовском понимании энергии (*ἐνέργεια*) как жизни, говоря о «живодействующей связи» языка и культуры. Для самого Гумбольдта язык и жизнь, *Sprache und Leben*, «суть нераздельные понятия» [Гумбольдт 1984: 112].

Литература

Альбрехт Э. Критика современной лингвистической философии. М.: Прогресс, 1977.

Арутюнова Н.Д. Язык // Русский язык: Энциклопедия. М.: БРЭ: Дрофа, 1997. С. 652-658.

Булгаков С.Н. Философия имени. СПб.: Наука, 1998.

Гадомский А.К. Религиозный язык – теолингвистика – языкознание // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Филология». 2007. Т. 20 (59), № 1. С. 287-292.

Геронимус А., прот. Богословие священнобезмолвия // Синергия: Проблемы аскетики и мистики православия. М.: Ди-Дик, 1995. С. 151-176.

Геронимус А., прот. Математика в контексте православного богословия // Христианство и наука. М.: РУДН, 2008. С. 191-244.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.

Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.

Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М.: Прогресс, 1960. С. 264-389.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.

Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.

Лосев А.Ф. <О единстве онтологии> // София. Альманах. Вып. III. Евразийство и А.Ф. Лосев: Миф и эйдос в русской мысли. Уфа: Издатель Словохотов А.А., 2013. С. 181-268.

Рамишвили Г.В. Языкознание в кругу наук о человеке // Вопросы языкознания. 1981. № 6. С. 104-110.

Реформатский А.А. Фонологические этюды. М.: Наука, 1975.

Софроний <(Сахаров)>, архим. О молитве: сборник статей. Париж: YMCA-Press, 1991.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Телия В.Н. Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов – знаков-микротекстов // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 674-684.

Франк С.Л. Непрочитанное... / Статьи, письма, воспоминания. М.: Изд-во Моск. школы полит. исследований, 2001.

Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца 20 века: сб. статей. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 74-117.

V.I. Postovalova (Moscow, Russia)
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

**THREE WAYS OF CONCEIVING THE LINGUISTIC REALITY
IN THE LIGHT OF THE IDEAL OF INTEGRAL KNOWLEDGE
(SOURCES AND LIMITS OF INTEGRATIVITY)**

The paper deals with epistemological analysis of integrative processes in the humanitarian knowledge. It is substantiated that the universal principle of integrity in culture manifests itself in the orientation towards integrativity. Three approaches to the language study are discussed (immanent-semiological, anthropological, and transcendent-religious). These approaches are regarded as the main stages of achieving an integral understanding of the linguistic reality.

Key words: humanitarian knowledge, integrity principle, integrativity, paradigm, linguistic reality.

С.Г. Тер-Минасова (Москва, Россия)
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
president@ffl.msu.ru

ДРУГОМУ КАК ПОНЯТЬ ТЕБЯ?

Эта статья представляет собой попытку рассмотреть вечный, непрерывно обсуждаемый вопрос языкознания и философии о соотношении языка и мышления, о возможностях выражения мысли с помощью языка. Особое внимание уделено тому неизбежному сдвигу, осложнению в процессе речепроизводства, которое привносит национальное социокультурное представление о предмете речи.

Ключевые слова: слово, мысль, концепт, культурная картина мира.

Эта работа посвящается Веронике Николаевне Телия, замечательному филологу, оставившей богатое филологическое наследие.

Филолог – это люб-о-слов, человек, который любит слова. Мы заимствовали этот термин у древних греков, великих и мудрых, любивших, ценивших и уважающих Слово – Logos. Название нашей специальности подчеркивает важность, величие, огромную роль, которую Слово играет в жизни человека, слово, определившее его судьбу. «В начале было слово...». Именно Слово, сложившись в Язык как

средство общения, или коммуникации, помогло людям не только выжить, но и занять господствующее положение в мире живых существ в качестве вида *homo sapiens* – человек разумный, или мыслящий.

Определений понятия **язык** очень много. Самое короткое, простое и ясное дал, мне кажется, мой любимый гений и герой – Владимир Иванович Даль – в Толковом словаре живого великорусского языка: «совокупность всех слов народа и верное их сочетание для передачи мыслей своих».

Это простое, но очень ёмкое определение четко формулирует главное назначение Слова – передать Мысль.

Вопросы о соотношении языка и мышления, языка и его носителя, языка и реального мира (а вернее, представлений о нем, отраженных языком) исследуются учеными всего мира в течение многих, многих веков.

Ученые думают, сопоставляют, анализируют, проводят эксперименты, и все письменные труды и устные выступления кончаются примерно одинаковыми словами: «Эти сложнейшие вопросы остаются открытыми, требуют дополнительного исследования и т.п.» И это совершенно верно: конечно, открытые, конечно, требуют и всегда будут требовать, потому что и язык, и мышление, и культура, и реальный мир невообразимо сложны, огромны, многообразны и находятся в непрерывном движении и развитии.

Путь от мысли к слову извилист и коварен, язык обманчив, а у мысли нет другого способа реализоваться...

Поэты, особенно гениальные, могут «решить» все проблемы познания несколькими словами: «Мысль изреченная есть ложь» (Ф.И. Тютчев. *Silentium*). Кто виноват? – Слово. И сразу ответ на вопрос: Что делать?:

«Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои...»

Поэтам хорошо: создал афоризм, стал признанным, знаменитым поэтом. Ученые должны разбираться, понять, осмыслить: Фёдор Иванович выразил свою мысль словами, значит она тоже ложь?

Соотношение языка с миром обычно выражается метафорой: язык – з е р к а л о окружающего мира, он о т р а ж а е т действительность и создает свою картину мира, специфичную и уникальную для каждого языка и, соответственно, народа, этнической группы, речевого коллектива, пользующегося данным языком как средством общения.

Однако между миром и языком стоит мыслящий человек, носитель языка. Именно человек воспринимает и осознает мир посредством органов чувств и на этой основе создает систему представлений о мире. Пропустив их через свое сознание, о с м ы с л и в результаты этого восприятия, он передает их другим членам своего речевого коллектива с помощью языка. Иначе говоря, **между реальностью и языком стоит мышление.**

Слово отражает не сам предмет реальности, а то его видение, которое навязано носителю языка имеющимся в его сознании представлением, понятием об этом предмете. Понятие же составляется на уровне обобщения неких основных признаков, образующих это понятие, и поэтому представляет собой абстракцию, отвлечение от конкретных черт. **Путь от реального мира к понятию и далее к словесному выражению различен у разных народов,** что обусловлено различиями географии, истории, особенностями жизни этих народов и, соответственно, различиями развития их общественного сознания.

Поэтому, различна языковая картина мира у разных народов. Это проявляется в принципах категоризации действительности, что материализуется и в лексике, и в грамматике.

Поскольку наше сознание обусловлено как коллективно (образом жизни, обычаями, традициями и т. п., то есть антропологической культурой), так и индивидуально (специфическим восприятием мира, свойственным данному конкретному индивидууму), то язык отражает действительность не прямо, а через два зигзага: от реального мира к мышлению и от мышления к языку. Метафора с зеркалом уже не так точна, как казалась вначале, потому что з е р к а л о оказывается к р и в ы м : его перекошен обусловлен культурой говорящего коллектива, его менталитетом, видением мира, или мировоззрением. (Не этот ли перекошен имел в виду Тютчев?)

Таким образом, **язык, мышление и культура** взаимосвязаны настолько тесно, что практически составляют единое целое, состоящее из этих трех компонентов, ни один из которых не может функционировать без двух других. Все вместе они соотносятся с **реальным миром**, противостоят ему, зависят от него, отражают и одновременно формируют его восприятие человеком.

Итак, окружающий человека мир представлен в трех формах:

- реальный мир (предметы, явления),
- культурная (или понятийная) картина мира (представления, понятия/концепты),

– языковая картина мира (слова, их эквиваленты).

Реальный мир – это объективная внечеловеческая данность, это мир, окружающий человека.

Культурная (понятийная) картина мира – это отражение реального мира через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и прошедших через его сознание – как коллективное, так и индивидуальное.

Культурная картина мира специфична и различается у разных народов. Это обусловлено целым рядом факторов: географией, климатом, природными условиями, историей, социальным устройством, верованиями, традициями, образом жизни и т. п.

Языковая картина мира отражает реальность через культурную (понятийную) картину мира.

Культурная и языковая картины мира тесно взаимосвязаны, находятся в состоянии непрерывного взаимодействия и восходят к реальному миру, окружающему человека.

Разумеется, национальная культурная картина мира первична по отношению к языковой. Она полнее, богаче и глубже, чем соответствующая языковая. Однако именно язык реализует, в е р б а л и - з у е т национальную культурную картину мира, хранит ее и передает из поколения в поколение. Язык фиксирует далеко не все, что есть в национальном видении мира, но способен о п и с а т ь все.

Наиболее наглядной иллюстрацией может служить слово, основная единица языка и важнейшая единица обучения языку. Слово – не просто название предмета или явления, определенного «кусочка» окружающего человека мира. Этот кусочек реальности был пропущен через сознание человека и в процессе отражения приобрел специфические черты, присущие данному национальному общественному сознанию, обусловленному культурой данного народа.

Слово можно сравнить с кусочком мозаики. У разных языков эти кусочки складываются в разные картины. Например: русскоязычный человек видит на своих руках 10 пальцев. На руках англоязычного человека 8 fingers и 2 thumbs.

Вычив иностранное слово, человек как бы извлекает кусочек мозаики из чужой, неизвестной еще ему до конца картины и пытается совместить его с имеющейся в его сознании картиной мира, заданной ему родным языком.

Именно эта необходимость перестройки мышления, перекраивания собственной, привычной, родной картины мира по чужому, непри-

вычному образцу и представляет собой одну из главных трудностей (в том числе и психологическую) овладения иностранным языком, причем трудность неявную, не лежащую на поверхности, часто вообще не осознаваемую учащимися (а иногда и учителем), что, по-видимому, и объясняет недостаток внимания к этой проблеме.

Итак, за словами разных языков – разные миры. Слова – это вуаль над реальной жизнью, это некая паутина, занавес. Главная задача пользующегося языком, особенно иностранным, – не забыть заглянуть за вуаль, за занавес слов, понять, куда, в какую внеязыковую реальность ведут тропинки значений слов. При изучении иностранного языка вопрос о соотношении языка и мышления становится одновременно и более сложным, и более очевидным.

Особенно ярко это проявляется в практике перевода. Переводчик переводит не слова, он должен «перевести» миры, слить их. Никогда миры не подходят так близко друг к другу, никогда они не связаны так тесно, как при переводе.

В этой связи стоит привести слова замечательного русского лингвиста академика О.Н. Трубачева, так определившего свою задачу перевода этимологического словаря Макса Фасмера с немецкого на русский (160 печатных листов!): «Доставляло истинное удовольствие **переодевать труд Фасмера по-русски**. Задача понималась так, что нужно было не только перевести немецкие партии текста (читай – слова. *С.Т.*), но и привести **все целое в соответствие с современным русским советским узусом (культурно-языковой контекст...)** [выделено мной. *С.Т.*].

Получается, что процесс общения на разных языках, сложнейший творческий процесс соединения разных миров, культур, менталитетов, нельзя свести к изучению грамматики и значений слов с целью замены слов одного языка на «эквивалентные» по значению слова другого языка.

Слово «эквивалентные» приходится ставить в кавычки, поскольку слова могут быть эквивалентны при условии эквивалентности миров, связанных с ними через значение слов. Но миры очень различны (внешние, окружающие человека, и – особенно! – внутренние, в том числе и взгляды разных народов на мир), различны м и р о - в о з з р е н и е, различен образ жизни, различны картины, созданные разными языками. Следовательно, слова разных языков обманчиво эквивалентны.

Их обманчивость глубоко спрятана и заключается в том, что они принадлежат к разным, далеко не эквивалентным мирам, речевым коллективам и их культурам.

Возьмем, к примеру, английское слово *home* и его русский эквивалент *дом*. Как известно, семантика русского слова *дом* включает два английских слова *home* и *house*. *Home* (в отличие от *house* – *дом как жилище, постройка*) обозначает *дом как домашний очаг, семья* (известный пример, объясняющий разницу: *they have a beautiful house but it doesn't feel like home* – *у них прекрасный дом, но чувствуешь себя там как-то неуютно* (Elizabeth Wilson. The Modern Russian Dictionary for English Speakers. Pergamon Press, 1981). Или популярная в Британии реклама вещей для дома: *take your house a home* (что-то вроде: *сделайте Ваш дом уютным*). В обоих языках много поговорок и пословиц, воспевающих родной дом: *home, sweet home; East or West home is best; в гостях хорошо, а дома лучше; дома и стены помогают*.

У русских и американцев в плане культурном отношении к дому/home различное. Русские – домоседы, для них родной дом – это место, где родился и вырос, или там, где живешь долго, создал семейный очаг, пустил корни. Для американцев же характерна быстрая и частая смена «домов»: они переезжают с места на место много раз в течение жизни, и это нормально для их образа жизни.

Разумеется, русские тоже переезжают – в силу обстоятельств, но отношение и к дому, и к разлуке с ним совершенно иное.

У англичан понятие родного дома, как и у русских, одна из главных жизненных ценностей, но они не так сентиментальны в отношении дома и не так к нему привязаны. Или, во всяком случае, не так ярко выражают это словесно.

Брюс Монк, соавтор учебника “Happy English”, 10 лет преподававший английский язык в Московском Университете, говорил нам: «Мы любим Англию, но мы можем годами путешествовать или жить и работать за границей и не страдать по поводу «разлуки с родным домом», а ваши люди, поехав в Англию на трехнедельные языковые курсы, через две недели начинают «скучать по дому»».

Таким образом, значения слов *home* и *дом* совпадают в том смысле, что они соотносятся с одним и тем же кусочком реальности, но культурно детерминированные понятия (концепты) того, что стоит за «вуалью слов», различны по ряду признаков.

Итак, если принять во внимание все факторы – включая экстралингвистические, внеязыковые, лежащие за пределами языка, – опре-

деляющие реальное функционирование единиц языка в речи, то оказывается, что все (или почти все – особый случай, например, термины технических и естественных наук) языковые единицы социокультурно обусловлены. Иными словами, они принадлежат к определенной социокультурной общности в определенное время и в определенном месте и, соответственно, наделены специфическими, присущими данной культуре и данному обществу оттенками значений, коннотациями и особенностями речеупотребления.

Это положение подрывает идею эквивалентности языковых единиц, раскрывает огромные скрытые трудности общения на разных языках и подтверждает возможную (или неизбежную, по мнению поэта) неадекватность словесного выражения мысли.

Именно этот разрыв между языком и мышлением затрудняет общение людей, порождает конфликты.

Замечательный русский поэт Фёдор Иванович Тютчев в стихотворении *Silentium!* (лат. молчание, тишина) словесно выразил эту мысль ярко, эмоционально, афористично:

*Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.*

***

Я встретила с Вероникой Николаевной в теперь уже очень далекие 60-ые годы прошлого века на самой первой в своей жизни лингвистической конференции в Туле. Это был особый, переломный период моей жизни. Я чувствовала себя одновременно очень счастливой и очень несчастной.

Счастливой, потому что, отработав два года по распределению после окончания университета, я получила приглашение работать на кафедре английского языка родного филологического факультета МГУ. Несчастной, потому что я не хотела заниматься лингвистикой (какие-то суффиксы-префиксы, фонемы-морфемы – скучища!).

Начиная с 6-го класса я заявляла на пионерских сборах «Кем быть?», что «хочу изучать Шекспира», случайно прочитав «Гамлета» в переводе М. Лозинского в книжке серии «Дешевая библиотека классиков для рабочих и крестьян», чудом обнаруженной в пестрой библиотеке родителей (папа – железнодорожник, мама – домашняя хозяйка).

Поступив на английское отделение филологического факультета МГУ, я сразу записалась на кафедру зарубежной литературы, но Шекспира изучать мне так и не довелось: время было строгое, выбора не было: изучали то, что предлагала кафедра. Мне не повезло. Два первых года на этой кафедре я изучала австралийскую литературу, а последние два, включавшие диплом, — современную английскую (специализация начиналась со 2-го курса).

По распределению я попала в почтовый ящик, закрытое загадочное учреждение, не имевшее название, а только номер, где все работали в обстановке секретности: первым делом подписывали бумаги, запрещающие выезжать за границу, общаться с иностранцами, ходить в рестораны и т.п. Мы, конечно, и так не выезжали, не общались и не ходили, но когда ты письменно все это обещаешь, чувствуешь себя несправедливо обиженной. Впрочем, выбора опять не было. Занимался наш Почтовый ящик машинным переводом в период его зарождения в России. Мне достался артикль the. Я рисовала какие-то схемы и вспоминала австралийскую литературу как сладкий сон.

Когда я, наконец, ушла из Ящика преподавать английский язык филологам, я попала в царство заведующей кафедрой английского языка, профессора Ахмановой Ольги Сергеевны, которая сразу оборвала мой детский лепет о том, что я хочу продолжить специализацию по английской литературе, сказав мне что-то вроде: «Тогда, Дусик, Вам придется уйти на соответствующую кафедру». На той кафедре вакансий, конечно, не было. Вскоре после этого Ахманова велела мне «заняться фразеологией» и отправила меня на конференцию в Тулу.

Там я встретила очень красивую молодую женщину, необыкновенно одетую (я впервые в жизни увидела водолазку), живую, умную, смелую. Это была Вероника Телия, в которую я влюбилась, восхитившись ее талантами, знаниями, внешностью, свободой общения. Она это почувствовала, и мы подружились. Главная моя мысль была: если такие женщины занимаются скучной лингвистикой с интересом и успехом, значит, в этом что-то есть.

Я уже давно благодарна и Веронике Николаевне, и Ольге Сергеевне, потому что Его Величество Живой Естественный Человеческий Язык — это такой уникальный, изумительный, бесконечный, необъятный, непрерывно меняющийся, всемогущий, великий предмет исследования, что изучать его, открывать все новые и новые грани, аспекты, возможности, тайны, загадки оказалось гораздо важнее и интереснее, чем любая другая наука или любое другое занятие.

И именно Вероника Телия, юная и прекрасная, излучающая подлинную и искреннюю любовь к языкознанию, убедила, исцелила и вдохновила меня своим примером.

S.G. Ter-Minasova (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

CAN ONE FULLY UNDERSTAND ANOTHER PERSON?

This paper seeks to discuss the eternal, much-discussed question of both linguistics and philosophy on the relationship of language and thinking, on the possibility of expressing thought by means of word. Special attention is paid to the inevitable shift or complication in the process of speech production caused by the national sociocultural conception of the thing meant.

Key words: word, thought, concept, cultural image of the world.

И.А. Щирова (Санкт-Петербург, Россия)
Российский государственный университет им. А.И. Герцена
schirova@yandex.ru

ХОЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Возвращение к идее целостного мышления, размывание границ между сферами познания и деятельности человека, усложнение мира, объектов исследования и художественных форм, проблемно-ориентированный характер современной антропоцентричной науки и ее ориентация на человека называются в статье причинами появления междисциплинарных союзов. Особое внимание уделяется исследованиям языка, текста, разума человека и того широкого междисциплинарного контекста, в который они включаются сегодня.

Ключевые слова: холизм, целостность, сложность, междисциплинарность, когнитивистика, лингвистика, науки о тексте.

Вновь актуальная сегодня идея холизма ориентирует исследователя на понимание мира как совокупности целостностей. Акценти-

руется важность целостного мышления; знания включаются в глобальный контекст; размываются границы между научным, венаучным знанием, естественными и гуманитарными науками. Наука вступает в диалог с иными способами познания. В условиях новой интеллектуальной ситуации холизм воспринимается не просто как понятие или теория, а как методологический принцип, парадигмальная научная характеристика. Целостность мышления становится «защитной реакцией» науки на фрагментарность научного знания и прогнозирует рост междисциплинарных связей. Идея целостности распространяется не только на предмет, но и на методологию исследования. В методологии обнаруживают сложную, динамичную, целостную и субординированную систему разноуровневых способов, приемов и принципов, сфер действия, эвристических возможностей, содержаний и структур [Кохановский 1999: 185].

Общность методологических ориентаций на реализацию принципов холизма прослеживается во многих исследованиях. Так, Ю.С. Степанов предостерегает лингвистов от абсолютизации какого-либо одного метода как универсального и ратует за богатство методов, соответствующее разнообразию и сложности стоящих перед лингвистикой целей и задач [Степанов 2009: 17]. Б.Н. Головин призывает стремиться не к противопоставлению методов, а к их «продуманному и гибкому союзу», участники которого могут меняться в зависимости от решаемых лингвистических задач [Головин 1983: 17]. И.В. Арнольд отвергает упрощенный взгляд на природу методик, настаивает на наибольшей эффективности комплексных методик, т.е. сочетании дополняющих друг друга процедур [Арнольд 2010: 33-34]. Известная дискуссия В. Дильтея [Дильтей 1996] и П. Рикера [Рикер 1995] о возможности применения естественнонаучных методов для решения проблем «наук о духе» находит продолжение в наблюдениях В.А. Лекторского, также убежденного в продуктивности интеграционных процессов в науке [Лекторский 2004]. Остановимся на этих наблюдениях чуть более подробно.

Сравнивая методы понимания и объяснения, принципиальным различием которых Дильтей обосновывал жесткое разграничение естественных наук и наук о духе, В.А. Лекторский обнаруживает в них «сущностное единство», а различие между пониманием и объяснением называет не «столь уж резким», разделяя тем самым диалектическое видение Рикера. Так, если социолог, антрополог или историк стремятся понять другое общество или культуру, процедура понимания

оказывается не «мистической процедурой "вчувствования"» (с ним связывал уникальность понимания Дильтей. – И.Щ.), а «рациональной реконструкцией» правил действий и коммуникаций, мотивов и представлений действующих лиц о ситуации. Понимание такого рода В.А. Лекторский называет «разновидностью объяснения». В то же время исследователь в естественных науках, привычно соотносимых с рациональным объяснением и использованием фактов для проверки гипотез (в науке Нового времени, как известно, факты относились к объективному и достоверному научному знанию), имеет дело не с фактами, а с их интерпретациями. Факты не «даны», а всегда истолкованы, интерпретированы [Лекторский 2004: 44-45]. Заметим, что этим выводам созвучно понимание факта, представленное в «Новейшем философском словаре», под ред. А.А. Грицанова [1999]. В словарной статье «Факт» ее автором, И.А. Медведевой, акцентируется качественно новое рассмотрение фактов культуры и истории в современном гуманитарном «и особенно историческом» познании, где факты оцениваются как незамкнутые, «открывающие» свои свойства в общении с иными историческими и современными событиями и фактами. В естествознании, также реализующем сегодня антропоориентированные научные подходы, фактор времени и историчность включаются в объекты исследования [Новейший философский словарь 1999: 745]. Последовательное сравнение «ситуации» в естественных науках и в науках о человеке приводит В.А. Лекторского к заключению не только о новом типе их интеграции – принципиальном единстве исследовательских методов, но и о новой цели научного мышления. Она не ограничивается предсказанием и контролем, а обозначается как реализация человеческой потребности в объяснении и понимании реальности [Лекторский 2004: 44, 49]. Эти выводы представляются адресованными не столько Дильтею, ставившему «науки о духе» выше естественных наук в силу их способности понять и осмыслить объективируемую в языке и искусстве внутреннюю жизнь [Дильтей 1996: 99, 16], сколько широкому кругу оппонентов, которые не считают гуманитарные науки «науками в строгом смысле слова» и отказывают им в наличии теории [Лекторский 2004: 49].

Поиски «точек пересечения» между явлениями свидетельствуют об интеграционных процессах в современной науке. Причинами интеграции называются утверждение принципов антропоцентризма и аксиологизация познания, рост объемов научной информации

и стремление преодолеть дисциплинарную фрагментарность; усложнение мира, человека, научных объектов и художественных форм; интеграционные процессы во всех областях человеческой деятельности, из которых научная деятельность не является исключением (см. подробнее: [Щирова 2013: 41-52]). В эпоху взаимодействия познавательных традиций и усложнения сущностей междисциплинарные подходы к объектам исследования осознаются как необходимость. Закономерно расширяется и круг «новых лингвистик».

Лингвистика, подчеркивает Е.С. Кубрякова, как зрелая наука может и должна объяснить изучаемый ею объект – язык, но не только «в самом себе и для себя», а для более глубокого понимания и объяснения человека и мира, в котором он живет. Это создает основание и для изучения языка по его роли для познания (когнитивная лингвистика), для коммуникации и осуществления речевой деятельности (коммуникативная лингвистика), для обеспечения нормальной жизнедеятельности общества в целом (культурологические исследования языка) и пр. [Кубрякова 1995: 224-225]. К выделению и объяснению новых аспектов языка, человека и мира стремятся лингвистика эмоций, лингвопсихология, лингвистическая дивиаология, лингвоконцептология, нейтронная теория языка. Их появление связывается с дивергентными процессами внутри гуманитарных наук и конвергенцией их отдельных областей с областями естественных наук: психологией, физикой и биологией [Воробьева 2008: 25]. Энергично развивающаяся сегодня эмотивная лингвоэкология (ЭЛЭ) объединяет научные интересы лингвистики эмоций, экологии и валеологии, но обладает своим специфическим объектом, понятийно-терминологическим аппаратом, набором предметов, методов, методик и приёмов исследования. По мнению В.И. Шаховского, это составляет признаки «новой и перспективной научной парадигмы», фокусирующей на модусах экологичности общения в зависимости от эмоциональных валентностей языковой личности и коммуникативной эмоциональной ситуации, снимающей природную амбивалентность эмоций человека. Целью эмотивной лингвоэкологии называется описание параметров экологичного и неэкологичного общения «во всех дискурсах» и вкладывание их через научающую коммуникацию в эмоциональную и эмотивную компетенцию коммуникативной личности. «ЭЛЭ работает в пределах коммуникативного круга (или коммуникативной триады): человек, язык, эмоции» [Шаховский 2018: 22].

Аксиоматично воспринимаются ссылки на когнитивную науку, объединяющую ученых разных специальностей с целью формирования «более адекватного и полного» представления о человеческом сознании и разуме [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина 1996: 58]. Подобно когнитивной науке, в целом, когнитивная лингвистика образует междисциплинарные союзы. Она, как отмечает Н.Н. Болдырев, выходит за пределы собственно языковой системы в область психики человека и рассматривает эту систему в контексте общих знаний о восприятии, о памяти, о поведении человека. Ограничиваясь рамками языковой системы, когнитивная лингвистика может объяснить формальные связи слов, звуковые законы и т.п., но не может объяснить основные функции языка – для чего язык существует, как формируются, хранятся и передаются смыслы и значения. Её становление, связанное с обобщением данных, полученных в психологии, логике, лингвистике, теории информации, антропологии, медицине, определяет её междисциплинарный характер и превращается в одну из главных отличительных черт [Болдырев 2008: 2]. Языковые структуры в когнитивной лингвистике описываются в корреляции с когнитивными структурами, репрезентирующими в сознании внешний мир. Изучение «привязанного к мысли» языка (Н.Д. Арутюнова) позволяет делать выводы о роли человека в мире (Е.С. Кубрякова). В языке видят отражение жизненного опыта, а в описании языковых форм – эффективное средство проникновения в когнитивную деятельность сознания. Проблемы познания, интересные для когнитивной лингвистики, решаются с когнитивных позиций в психологии, логике, философии, математике, биологии.

Интеграция очевидна и в методах когнитивной науки. П. Тагард поясняет идею междисциплинарного метода на примере компьютерного моделирования, с помощью которого создаются компьютерные модели человеческого познания. Метод оказывается важен для физики, экономики, (нейро)биологии, антропологии и когнитивной лингвистики. Компьютерное моделирование основывается на идеях структур и алгоритмов, взятых из раздела информатики (искусственный интеллект (ИИ)), но требует либо (1) междисциплинарного сотрудничества между теоретиками информатики и представителями иных междисциплинарных областей, либо (2) заимствования идей и навыков из одной дисциплины представителями другой. Значительная часть компьютерных моделей была создана психологами, которые вышли за пределы эмпирической ориентации и приобрели навыки, необходимые для вы-

полнения компьютерных симуляций. Представители ИИ, обладающие достаточными знаниями в психологии или лингвистике, создали в этих областях компьютерные модели. Как методологию использовали компьютерное моделирование и философы [Тагард 2014: 52-55].

В интеграционные процессы оказывается вовлеченным и феномен текста, по поводу организации которого существуют многочисленные и разнообразные теоретические построения. Сложность текста программирует обращение исследователя не только к лингвистике и лингвистике текста, изучающей его конститутивные свойства, но и ко многим иным дисциплинам, в первую очередь, литературоведческим: текстологии, герменевтике, поэтике, нарратологии. В анализе языка нуждаются теория литературы и литературная критика. Социология фокусирует внимание на социальных взаимодействиях, осуществляющихся через тексты, а культурология – на процессах порождения, восприятия и интерпретации текста как культурного явления. Семиотика видит в тексте сложный знак и вторичную моделирующую систему, надстраивающуюся над системой общенародного языка (Ю.М. Лотман). Прагматика усматривает в нем целенаправленное социальное действие, акцентирует коммуникативное намерение адресанта, связывает стратегию и тактики его взаимодействия с адресатом с особенностями коммуникативной ситуации и пр. Обращенные к тексту дисциплины внутри языкознания также вступают в продуктивные междисциплинарные союзы. Например, стилистика взаимодействует с когнитивистикой, математикой и семиотикой, социологией и психологией, педагогикой. Появляются новые направления стилистических исследований, как-то: когнитивная стилистика, корпусная стилистика, мультимодальная стилистика, семиотическая стилистика, феминистская стилистика, педагогическая стилистика и пр. [Norgaard, Busse, Montoro 2010: 7-48].

Примером интеграционных усилий гуманитарных наук могут служить и сложные художественные формы, например в текстах постмодернизма. Обозначающие их понятия нередко вдохновлены идеями М. Бахтина, занимавшегося проблемами эстетики, методологии и философии языка, исторической поэтики. Заметим, что различные аспекты этих проблем исследовались как части целостного и связанного тематического комплекса [Бочаров 1979]. С «уважением» и благоговейным приятием чужого слова Бахтин связывал не только «безграничные возможности и перспективы» слова как такового, но и «подлинно диалогическое отношение к самому себе», способность

взглянуть на себя со стороны – «самообъективироваться» [Бахтин 1979: 318]. «Диалогические рубежи, – писал он, – пересекают все поле живого человеческого мышления» [Там же: 316]. Любые наслаивания смысла на смысл, голоса на голос «дополняют понимание сочетанием голосов» и являются сочетанием целостных позиций и целостных личностей [Там же: 316-317]. Бахтинские идеи диалогизма и полифонии находят продолжение в постмодернистской интертекстуальности, определяющей, по мнению И.П. Ильина, само мироощущение постмодернизма, т.н. «постмодернистскую чувствительность» [Ильин 1996: 204]. Идеи переключки голосов и карнавализации литературы прослеживаются в постмодернистском модусе иронии, в художественной форме пастиша, которую Ф. Джеймсон называет практикой стилистической мимикрии и считает основным модусом постмодернистского искусства (цит. по [Ильин 1996: 223]), в постмодернистском цитатном мышлении и цитатной литературе. Бахтинская идея самообъективации (вспомним знаменитую метафору М. Бахтина: «человек в зеркале») оказывается насущной для современного социума и не менее интересной для современной науки, которая активно осмысливает классическую дихотомию «Я-ДРУГОЙ», анализируя сложные категории «самости», «другости», «инаковости» и «чужести» или решая проблемы идентичности, идентификации и самоидентификации. Все упомянутые сложные явления, хотя и ориентированы на эстетику словесного творчества, требуют для своего успешного освоения обращения к иным областям научного знания, например, к философии, психологии, социологии и культурологии, традиционно образующим плодотворные союзы с лингвистикой.

Изучение текстовой проблематики, как видим, включается в широкий филологический контекст. О правомерности этого включения и интегративном характере филологических исследований в целом говорит определение филологии, которое мы находим у известного литературоведа, культуролога и философа С.С. Аверинцева: «ФИЛОЛОГИЯ (от греч. *philología*, букв. любовь к слову) – содружество гуманитарных дисциплин – языкознания, литературоведения, текстологии, источниковедения, палеографии и др., изучающих духовную культуру человека через языковой и стилистический анализ письменных текстов. Текст во всей совокупности своих внутр. аспектов и внешних связей – исходная реальность Ф. Сосредоточившись на тексте, Ф. под этим углом зрения вбирает в свой кругозор всю широту

и глубину человеческого бытия, прежде всего бытия духовного» [Языкознание 1998: 544].

Заметим, что движение к наиболее полному осмыслению художественного текста основывается сегодня на его понимании как ингерентного компонента литературной коммуникации и неотъемлемой части социокультурного контекста. Коммуникативные и когнитивные субъекты, порождающие и воспринимающие текст, а также текст и контекст образуют взаимосвязанные элементы в составе целостного иерархически-организованного смыслового текстового единства. Участники коммуникации воспринимаются как целостные «языковые личности».

Неразрывна взаимосвязь элементов *внутритекстовой* структуры. Все они реализуют единую авторскую интенцию, функционально направлены на формирование единой концептуальной сути (глубинного смысла текста) и включены в одну интерпретационную программу. Анализ текста ориентируется на описание устойчивых взаимосвязей и взаимодействия всех составляющих текстовой структуры: авторского и персонажного речевых сегментов; лексико-семантического, структурно-синтаксического и структурно-композиционного планов (уровней) текстовой организации; структурных (строевых) компонентов текста, как-то: предмет изображения, тема, сюжет, конфликт, система образов, окружающая среда, точка зрения и пр. Все строевые элементы также представляют собой целостные единства и отличаются иерархической организацией: темы формируются подтемами, лейтмотивами, мотивами и повторами; в число конфликтов включаются главные и второстепенные, внешние и внутренние конфликты; среди образов персонажей выделяются главные и второстепенные, простые и сложные; статичные и динамичные, параллельные и контрастные персонажи. Как и существующий в пространстве и времени реальный субъект, квазисубъект-персонаж существует в задаваемых автором пространственно-временных координатах (ср. бахтинскую категорию «хронотопа» или категорию «топохроноса» у М.В. Никитина). Каждый из членов перечисленных оппозиций, заметим, априорно имеет смысл лишь в единстве с противочленом, даже если последний эксплицитно представлен лишь в абстрактной текстовой модели. Например, отсутствие второстепенных персонажей в конкретном тексте не исключает необходимости учета содержательного наполнения оппозиции «главное – второстепенное» при описании протагониста.

Итак, современная лингвистика, как и иные науки, сотрудничает с гуманитарными, естественными и точными дисциплинами. Язык рассматривается в тесной связи с человеческим бытием. Задачи лингвистики включаются в широкий филологический контекст, контекст культуры и жизни. Убедительные примеры плодотворной научной интеграции обнаруживаются в когнитивистике, обращающейся к человеческому разуму – слишком «сложному объекту познания», чтобы ограничить его изучение рамками одной дисциплины [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина 1996: 58-59]. Сложная природа текста также предполагает для своего осмысления поиск междисциплинарных связей. Продуктивность интеграционных процессов в науке коррелирует с актуальными идеями холизма и во многом объясняется как сложностью решаемых научных «головоломок», так и сложностью мира и человека, превратившегося в «точку отсчета» (фразеология Е.С. Кубряковой) научного анализа.

Литература

Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике. М.: Флинта: Наука, 2018.

Болдырев Н.Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2008. С. 11-29. URL: <https://docplayer.ru/30180440-Principy-i-metody-kognitivnyh-issledovaniy-yazyka.html> (дата обращения: 30.03.2020).

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.

Бочаров С.Г. От составителя // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 5-6.

Воробьева О.П. Модернистский дискурс: причуды и прозрения (на материале рассказов Вирджинии Вулф) // Язык и дискурс в статике и динамике: тезисы докладов Межд. науч. конф. (Минск, 14-15 ноября 2008 г.). Минск: Минский гос. лингв. ун-т., 2008. С. 25-27.

Дильтей В. Описательная психология: пер. с нем. М.: Алетейя, 1996.

Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996.

Кохановский В.П. Философия и методология науки. М.: ФЕНИКС, 1999.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. фак-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.

Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине 20 в. (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М.: ИЯ РАН, 1995. С. 144-238.

Лекторский В.А. Возможна ли интеграция естествознания и наук о человеке? / Вопросы философии. 2004. № 3. С. 44-50. URL: <http://en.bookfi.net/book/992729> (дата обращения: 30.03. 2020).

Новейший философский словарь / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. Минск: Изд. В.М. Скаун, 1999.

Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика: пер. с фр. М.: КАМІ, 1995.

Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.

Шаховский В.И. Эмоциональная компонента как межпарадигмальный интекст // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 1(12). С. 14-27. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnaya-komponenta-kak-mezhparadigmalnyy-intekst/viewer> (дата обращения: 30.03. 2020).

Тагард П. Междисциплинарность: торговые зоны в когнитивной науке // Логос. 2014. № 1. С. 35-60.

Щирова И.А. Текст сквозь призму сложного. СПб.: Политехника-сервис, 2013.

Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: АСТ, 1998.

Norgaard N., Busse B., Montoro R. Key Terms in Stylistics. L.; N. Y.: Continuum, 2010.

I.A. Shchirova (Saint-Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University of Russia

HOLISTIC TRENDS AND INTERDISCIPLINARY INTEGRATION IN RESEARCH

The article discusses interdisciplinary unions and the causes of their emergence. To such causes the article relates: a return to holistic thinking, blurring the boundaries between different kinds of human activity as well as between the spheres

I. Знаки, значения и смыслы в интегративном научном пространстве

---

of cognition; the complication of the world, including objects of research and art forms; and problem-oriented nature of modern anthropocentric science. Particular attention is paid to the studies of language, text, human mind and a wide interdisciplinary context in which they are incorporated today.

Key words: holism, integrity, complexity, interdisciplinarity, cognitive science, linguistics, textual sciences.

II. КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ И ФАКТОР КУЛЬТУРЫ

И.В. Беляева (Тамбов, Россия)

*Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
rin_1901@mail.ru*

РОЛЬ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ДОМИНАНТ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ¹

В статье рассматриваются социокультурные доминанты, являющиеся источниками интерпретации фразеологических единиц с компонентом-зоонимом. Социокультурные доминанты определяются как общие, значимые для конкретного народа знания, обеспечивающие фокусное восприятие интерпретирующего значения фразеологизма. В зависимости от источника возникновения выделяются обыденно-бытовые, исторические, традиционные, географические, литературно-художественные, религиозные и гастрономические доминанты на материале русского, английского и французского языков.

Ключевые слова: социокультурная доминанта, картина мира, интерпретация, фразеологизм, компонент-зооним.

Уникальность фразеологических фондов языков свидетельствует о том, что представители разных культур неодинаково воспринимают и интерпретируют одни и те же объекты, признаки, явления и события. Ученые неоднократно отмечали, что несоответствия фразеологических систем являются не случайными, а обуславливаются национальной и культурной спецификой картин мира. Согласно Н.Н. Болдыреву, лю-

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00267) в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина.

бая картина мира организована по антропоцентрическому (доминантному) принципу, который заключается в избирательности восприятия окружающей реальности и ее осмысления [Болдырев 2019: 38]. При этом ведущая роль отводится выбору доминантного знания, определяющего направление интерпретации. Таким образом, доминантный принцип – это ориентация человека на определенные знания, их структуру и содержание, коллективно или индивидуально значимые элементы и ценности [Там же: 39].

Используя фразеологизмы, мы чаще отражаем не наше персональное знание, приобретенное при непосредственном взаимодействии с фрагментом мира, а опыт языкового коллектива. Вместе с тем нами принимается вся информация, стоящая за концептуальной структурой фразеологизма, включая ее оценку. Эмоциональная оценка людей, их свойств, различных ситуаций и ощущений является продуктом квалификативно-оценочной деятельности сознания, преломленным сквозь призму языкового сознания народа на определенном этапе его культурно-исторического и социального развития [Морозова 1999: 300]. Иными словами фразеологизмы представляют собой результат коллективной интерпретации социально и культурно значимых для конкретного народа фрагментов мира.

Компонент-зооним в составе фразеологизма обладает выраженной национальной маркированностью. В.Н. Телия отмечает, что, выступая в качестве номинативных единиц языка, названия животных «прямо или косвенно, через их культурные коннотации, связаны с духовной и материальной культурой народа» [Телия 1993: 313]. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом возникают в национальных языках на основе такого образного представления действительности, которое отображает обиходно-эмпирический, исторический или духовный опыт языкового коллектива, и который, безусловно, связан с его культурными традициями, ибо субъект номинации и речевой деятельности – это всегда субъект национальной культуры [Телия 1981: 13]. В.Н. Телия подчеркивает, что фразеологические единицы возникают в результате культурной интерпретации, источниками которой становятся ритуальные формы народной культуры, поверья, мифы заклинания, паремия, система образов-эталонов, слова-символы, религиозные знания, интеллектуальное достояние нации, реалии и т. д. [Телия 1996: 239-246]. Следовательно, выбор фокуса фразеологической интерпретации определяется, прежде всего, социокультурными доминантами, которые обеспечивают самобытность общей картины мира народа.

Языковая интерпретация зависит от контекста социокультурных знаний, которые носители языка активируют как представители социокультурных групп [Boldyrev, Dubrovskaya 2015: 25-26]. Контекст социокультурных знаний представляет собой совокупность всех накопленных знаний в процессе познавательной деятельности людей определенной социокультурной группы, то есть в процессе множества концептуализаций [Болдырев, Дубровская 2016: 32]. Так, в роли социокультурных доминант могут выступать общие, значимые для конкретного народа знания: сведения об исторических фактах, событиях, личностях, преданиях, обычаях, традициях, а также знания, полученные из национальной кинематографии, литературы и др. Таким образом, можно выделить основные виды социокультурных доминант: обыденно-бытовые, исторические, традиционные, географические, литературно-художественные, кинематографические, религиозные, гастрономические, философские, научные и др. Далее рассмотрим некоторые из вышеперечисленных доминант на примере русских, английских и французских фразеологизмов с компонентом-зоонимом.

1) **Обыденно-бытовые доминанты** представляют собой знания о предметах и особенностях быта, свойственных одному народу. На уровне языковой системы отсутствие таких знаний у представителей других культур проявляется в виде мотивированных лакун. Например, фразеологизм *держат в ежовых рукавицах* сформировался на основе знания о прочных рукавицах, используемых в XVIII веке русскими рабочими. Эти рукавицы без подкладки и меха (т.н. голицы) предназначались также и для ловли ежей. Английский фразеологизм *the doggy bag* (букв.: собачья сумка) означает пакет или контейнер, выдаваемый в американских ресторанах для того, чтобы посетители имели возможность забрать домой то, что не доели. Выражение *manger avec les chevaux de bois* (букв.: есть с деревянными лошадьми) связано с происхождением французских каруселей: владельцы арен не могли себе позволить держать живых лошадей и заменили их деревянными фигурками, вращающимися по кругу. Деревянные кони не нуждаются в еде, отсюда значение фразеологизма *голодать*´.

2) **Исторические доминанты** отсылают к знаниям об известных личностях, фактах, событиях. Уникальность данных доминант обусловлена неповторимостью исторического прошлого народа. Например, русский фразеологизм *на кривой козе не объедешь* не обманешь, не проведешь´ возник на основе исторических фактов об использовании при дворе шутов, которые катались верхом на козе, чтобы развлекать

господ. Английская идиома *talk turkey* (букв.: обсудить индейку) произошла из фразы индейца “*Stop talking birds, let's talk turkey*”, обращенной к европейцу, который нечестно разделил добычу во время охоты и пытался скрыть это. Французский фразеологизм *c'est Saint-Roch et son chien* (букв.: это Святой Рош и его собака) возник на базе реального случая, связанного со спасением умирающего от голода больного врача, которому собака ежедневно приносила хлеб.

3) **Традиционные доминанты** связаны с приметами, поверьями, обычаями и традициями народа. Так, во фразеологии в качестве социокультурной доминанты может выступать знание о праздничной традиции. Например, фразеологизм *ne все кому Масленица* сформировался на знании о том, что на Масленичной неделе русский народ готовит в изобилии блины. Выражение *like turkey voting for an early Christmas* (букв.: как индейка, голосующая за раннее Рождество) отражает обычай англичан подавать индейку к рождественскому столу. Идиома *un poisson d'avril* (букв.: апрельская рыба) происходит из первоапрельской традиции французских детей незаметно приклеивать на спины людей вырезанных из бумаги рыбок.

4) **Географические доминанты** зависят от места обитания (особенностей ландшафта, климата, длительности сезонов, флоры и фауны и т.д.). Различия подобных доминант выявляются при сравнении компонентного состава схожих по смыслу фразеологизмов в разных вариантах языка, функционирующих в неодинаковых географических условиях. Например, в зависимости от территориального местоположения в качестве компонента-зоонима используются разные представители фауны, так как люди интерпретируют, прежде всего, тех животных, внешность и повадки которых им хорошо известны из личного опыта. Например, в России для обозначения сильного чувства голода обычно используется выражение *голодный как волк*. Однако в некоторых регионах (в частности, в Республике Коми) для передачи того же смысла применяют фразеологизм *съесть медведя с шерстью*, что предположительно объясняется большой численностью этих хищников. Так, по данным информационного агентства БНК в 2019 году количество медведей в лесах Республики Коми в три раза превысило количество волков. В американском английском употребляется фразеологизм *mad as a hornet* (букв.: злой как шершень), а в Австралии разъяренный человек сравнивается со змеей – *mad as a cute snake* (букв.: злой как милая змея). Французы употребляют фразеологизм *malin comme un*

singe, в то время как жители Квебека предпочитают выражение *malin comme un pichou*, сопоставляя хитрого человека с рысью, обитающей на территории Канады [Кривоногова 1999: 294].

5) **Литературно-художественные доминанты** – это знания, относящиеся к сфере национальной литературы, кино, живописи и др. Национальная специфика данных доминант связана с тем, что они практически не распространены за пределами картины мира одного народа. Например, для интерпретации фразеологизмов из романа И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев»: *от мертвого осла уши, раздача слонов* и др. требуется знание контекста, доступного лишь людям, читавшим произведение. Для понимания английского выражения *going/falling down the rabbit hole* (букв.: падать в кроличью нору) необходимо знание произведения Л. Кэрлла «Приключения Алисы в стране чудес». Со временем литературно-художественные доминанты могут становиться известными для более широкого круга людей. Например, французское выражение, пришедшее из произведения Г. Венсана «Эрнест и Селестина» *les souris en bas, les ours en haut* (букв.: мыши внизу, медведи наверху) приобрело значение *‘всему свое место’* и трансформировалось во фразеологизм, став популярным только после экранизации книги.

6) **Религиозные доминанты** связаны с вероисповеданием носителей определенной культуры. Представители разных религий неодинаково относятся к одним и тем же животным, презирая одних и возводя в ранг божества других. Например, в индуизме, джайнизме, зороастризме, а ранее в Древнем Египте, Древней Греции и Древнем Риме всегда высоко ценилась корова, считавшаяся неприкосновенным животным. Отсюда происходят следующие фразеологизмы: рус. *священная корова*, англ. *sacred cow*, фр. *une vache sacrée* (букв.: священная корова) обозначающие то, что высоко ценится, почитается.

7) **Гастрономические доминанты** представляют собой знания о блюдах и напитках национальной кухни. Так, русский фразеологизм *попал как кур во щи*, по известной версии, сформировался на базе знания о том, что раньше щи представляли собой крестьянский овощной суп, который мог быть постным («постные щи»), а мог готовиться из мяса, в том числе куриного, что и обуславливает значение выражения *‘неожиданно попасть в неприятную для себя ситуацию’*. Социокультурные доминанты часто имеют стереотипный характер, базируясь лишь на общем представлении о чем-либо.

Например, английский фразеологизм *a frog restaurant* (букв.: лягушачий ресторан) используется для обозначения любого ресторана с французской кухней. Несмотря на разнообразие блюд, подаваемых в подобных ресторанах, американцы предпочитают акцентировать внимание именно на лягушиных лапках, избирая их в качестве гастрономической доминанты. Французское фразеологическое название *une soupe à perroquet* (букв.: ломтики хлеба, смоченные в вине) произошло из знания о том, что такое блюдо, употребляемое рабочими регионов Бордо, Сотерн ранним утром, делало их говорливыми, как попугаи. Данная особенность описывалась Мольером в пьесе «*Le médecin malgré lui*»: «*Il y a dans le vin et le pain, mêlés ensemble, une vertu sympathique qui fait parler; ne voyez-vous pas bien qu'on ne donne autre chose aux perroquets, et qu'ils apprennent à parler en mangeant de cela?*».

Таким образом, ориентация на социокультурные доминанты связана с тем, что опора на жизненный опыт и мнения других людей во многом облегчает существование человека, экономит его силы, энергию, здоровье. Мы с детства учимся доверять мнению окружающих нас людей. Маленький ребенок, знакомясь впервые с новыми объектами, начинает учитывать знания родителей о том, что огонь горячий, нож острый и т.д. Взрослея, человек продолжает считаться с коллективным опытом, используя знания своего народа. По мнению Н.А. Бердяева, национальный человек больше, а не меньше, чем просто человек, в нем есть родовые черты человека вообще и еще есть черты индивидуально-национальные [Бердяев 1990: 96]. Значительная роль социокультурных доминант в формировании картины мира обусловлена самой природой человека, невозможностью жить в изоляции от общества.

Литература

Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.

Болдырев Н.Н. Доминантный принцип организации языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 37-44.

Болдырев Н.Н., Дубровская О.Г. Социокультурный контекст интерпретации мира и формирования дискурса // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2016. Т. 75. № 1. С. 29-39.

Кривоногова М.М. Национальное своеобразие ФЕ различных вариантов одного языка (на примере французского языка в Квебеке и Франции) // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 294-299.

Морозова В.С. Символика цветообозначения при описании концептов эмоций в современном арабском литературном языке // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 300-304.

Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М.: Наука, 1981.

Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. М.: Наука, 1993. С. 302-314.

Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Boldyrev N.N., Dubrovskaya O.G. Context of sociocultural knowledge in discourse construction // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. № 1. S. 2. P. 25-30.

I.V. Beliaeva (*Tambov, Russia*)
Derzhavin Tambov State University

THE ROLE OF SOCIOCULTURAL DOMINANTS IN INTERPRETATION OF PHRASEMES WITH ZONYM-COMPONENTS

The article focuses on sociocultural dominants that represent the sources of interpretation of phrasemes with zonym constituents. The sociocultural dominants are pieces of significant knowledge common to the specific community. This knowledge ensures the focal perception of construction interpretive meaning. According to their origin, we distinguish the five basic types of sociocultural dominants, namely domestic (everyday), historical, traditional, geographical, literary, religious, and gastronomic, on the basis of Russian, English, and French.

Key words: sociocultural dominant, worldview, interpretation, phraseme, zonym constituent.

Н.В. Васильева (Москва, Россия)

Институт языкознания РАН
vasileva-natalia@iling-ran.ru

Е.В. Третьенко (Москва, Россия)

Московский государственный медико-стоматологический
университет им. А.И. Евдокимова
tatyana_3t@mail.ru

СИНДРОМ ДИОГЕНА: ИМЯ В КУЛЬТУРЕ И В МЕДИЦИНСКОМ ТЕРМИНЕ

В статье с точки зрения терминоведения и лингвокультурологии рассматривается история эпонимического термина «синдром Диогена», который был критически воспринят медицинским сообществом из-за диссонанса между картиной заболевания и сложившимся в культуре образом греческого философа.

Ключевые слова: имя собственное, эпонимический термин, мифоэпоним, профессиональная vs. общекультурная компетенция.

Я без бочки Диогена диогеннее
Николай Глазков

Статью, посвященную Веронике Николаевне Телия, хотелось бы начать цитатой из ее ставшей классической книги «Русская фразеология»: «...переключение языковой компетенции в культурную основано на интерпретации языковых знаков в категориях культурного кода» [Телия 1996: 227]. С этой позиции, сформулированной Вероникой Николаевной, предлагаем обратиться к медицинской терминологии и рассмотреть один интересный эпонимический термин, а именно: *синдром Диогена*, который относится к терминологическому полю клинической психологии и психиатрии. Чем может этот термин заинтересовать лингвиста и лингвокультуролога? Обратимся сначала к истории языка медицины, которой занимается отдельная область терминоведения – медицинское терминоведение [Новодранова 2016]. Для медицинского терминоведения термин *синдром Диогена* является хорошим объектом: есть возможность проследить как историю появления термина, так и его дальнейшую «жизнь» в специальной литературе, т.е. составить полноценный терминологический портрет. Однако знакомство со статьями в медицинских журналах выявило, что врачи, помимо диагностики и лечения этого синдрома, обсуждали и сам термин, выдвигая

при этом аргументы, весьма далекие от медицины, а именно: сведения из области литературы и культуры (подробнее см. ниже). То есть получалось любопытное амальгамирование профессионального и культурного знания, что весьма интересно с точки зрения не только терминоведения, но и лингвокультурологии, которая дает возможность посмотреть на термин как на языковой знак в категориях культурного кода (см. приведенную выше цитату из книги В.Н. Телия).

Поскольку термин *синдром Диогена* является эпонимическим, т.е. содержит в своей структуре проприальный (ономастический) компонент, прежде чем рассмотреть его значение и культурные коннотации/рефлексии, остановимся кратко на этом типе терминов. К настоящему времени накопилось достаточно много описаний подобных терминов в разных научных областях, а также можно назвать обобщающие работы на эту тему с актуальным списком литературы, ср. [Какзанова 2015], [Сложеникина, Звягинцев 2017]. Исследователями описываются функции этих терминов, в том числе культурно-историческая и мемориальная, а также особенности структуры и мотивированности. Обсуждаемые характеристики терминов-эпонимов призваны помочь ответить на вопрос: *pro* или *contra*? Нужны или не нужны в науке эпонимические термины?

В настоящей статье на этот глобальный вопрос мы отвечать не будем, а остановимся на проблеме, не попавшей в фокус внимания терминоведов, которых больше интересовали структурные особенности эпонимических терминов. Это вопрос о типе глубинных семантических отношений, соединяющих апеллятивный и проприальный компоненты термина. В большом массиве эпонимических терминов, связанных, как правило, с именами и фамилиями открывших то или иное явление людей (*болезнь Боткина, закон Бругмана, число Авогадро*), выделяются термины с именами мифологических и/или литературных персонажей (*комплекс Терсита, синдром Агасфера, синдром Мюнхгаузена*). Такие единицы специальных подязыков иногда именуются терминами-мифологизмами, мифологическими терминами, терминами с мифологическим компонентом. Мы предложили выделить их в отдельный тип и обозначить термином **мифоэпоним** [Васильева, Тритенко 2017: 43]. Для этого есть свои когнитивные основания, которыми являются глубинные семантические отношения между компонентами. В «фамильных» эпонимических терминах, т.е. таких, которые закрепляют за явлением имя открывшего его человека, глубинные семантические отношения между компонентами сложного целого явля-

ются **агентивно-фактивными**: в термине закон *Ома* проприальный компонент *Ом* выполняет роль агенса, а термин закон – фактitiva, т.е. участника ситуации, не существовавшего до события, которое было вызвано к жизни агенсом [Васильева, Виноградов 2009: 73]. Внутри мифоэпонима глубинные семантические отношения носят иной характер. В терминах *комплекс Терсита, синдром Персефоны* отношения между ономастическим и апеллятивным компонентами являются **прототипически-экземплификативными**, т.е. представляют собой отношение образца или прототипа. Очень важно, что образец не является статическим; как правило, перед нами это не просто прецедентное имя, а целый прецедентный текст – мифологический нарратив, т.е. референт задается **дискурсивно**. Таким образом, возникает возможность сопоставить мифологический комплекс, состоящий из имени, образа и повествования [Ковалева 1995] с дефиницией эпонимического термина и сделать выводы о различных способах отражения этого комплекса [Васильева, Тритенко 2017: 44].

Приведем словарное определение рассматриваемого нами термина.

«ДИОГЕНА СИНДРОМ (по имени древнегреческого философа-моралиста Diogenes Sinoreus, IV в. до н. э., который отличался неприхотливостью в быту и, по преданию, устроил себе жилье в бочке; термин введен А. N. G. Clark с соавт.) – комплекс психосоматических расстройств, чаще развивающийся у одиноких пожилых людей и характеризующийся социальной замкнутостью, крайне пренебрежительным отношением к питанию, уходу за телом и ведению домашнего хозяйства. Нередко наблюдается у людей, которые до заболевания были хорошими профессионалами и занимали высокое социальное положение, но попали в результате внезапного заболевания или травмы в больницу либо были направлены в дом престарелых. Типичны лабильность психики, часто агрессивность, недоверчивость. При осмотре отмечают исхудание, обезвоженность, неопрятность; возможно развитие вторичной витаминной недостаточности, гипопротеинемии, нарушений электролитного обмена. В остром периоде соматических заболеваний (пневмония, инсульт, патология органов брюшной полости) вероятность смертельного исхода у таких больных повышена; при улучшении бытовых условий общий прогноз становится более благоприятным» [Тополянский, Бородулин 2009: 188-189].

В этом определении обращает на себя внимание препозиция информации об ономастическом компоненте термина. В другом словаре, наоборот, сведения об эпониме завершают статью: «...назван по имени

древнегреческого философа Диогена (404-323 гг. до н.э.), ученика Антисфена, который был основателем школы киников. Диоген отличался крайней неприхотливостью в быту и устроил себе жилье в глиняной бочке при храме» [Блейхер, Крук 1995: 156]. Таким образом, оба словарных текста несут информацию об эпониме без какой-либо оценки мотивированности термина. Эксплицитно выраженным признаком, который объединяет научный термин и «текст Диогена», является «неприхотливость в быту».

Обращение к медицинским журналам и книгам на русском, английском и немецком языках, в которых обсуждался данный синдром, позволило выделить четыре типа отношения пишущих специалистов к термину *синдром Диогена* (чтобы не перегружать текст сносками, оставим только самые необходимые).

1) Явление описывается без термина. Это случай первого научного описания данного синдрома, сделанное в 1966 г. британскими психиатрами Д. Макмилланом и П. Шоу.

2) Термин вводится без объяснения мотивации – случай авторов термина А. Кларк, Г. Манкикара и Я. Грэй [Clark et al. 1975].

3) Термин используется без критики, но с ограничителем «так называемый» в начале текста, а затем в тексте употребляются неэпонимические синонимы [Knecht 2007].

4) Используются другие терминологические номинации, без упоминания термина *синдром Диогена* (ситуация отличается от первой тем, что термин известен уже много лет).

5) Термин объявляется неудачным, и статья или ее часть строится как доказательство этого тезиса [Cybulska 1998], [Marcos, Gómez-Pellín 2008], [Королева 2012], [Faust 2018].

Понятно, что именно последняя группа текстов особо интересна для лингвокультуролога, поскольку в своей аргументации авторы выходят за пределы концептуального поля медицины, т.е. своей специальности, и апеллируют к языковому и общекультурному коду. До настоящего времени термин *синдром Диогена* не стал абсолютным номинативным победителем: за полвека, прошедших от первого описания этого синдрома, в языке медицины нашлись для него и другие, неэпонимические обозначения. Таким образом, термин *синдром Диогена* получил целый ряд терминов-партнеров, которые в классическом терминоведении принято характеризовать как синонимы или дублиеты. Однако для описываемого примера больше подходит, на наш взгляд, понятие ***терминологической полионимии*** как множества (ква-

зи) синонимичных терминологических номинаций, передающих различные признаки и характеристики описываемого явления.

«Многоимённость» представляется в данном случае тем инструментом, который как бы «ощупывает» объект, помогая высветить разные его стороны и свойства. Больше всего «партнерских» номинаций в английском языке, в котором и возник исследуемый термин. Собранные из различных источников, они дают следующий ряд: *Diogenes syndrome – compulsive hoarding behaviour – (forced) collectionism – domestic squalor – senile squalor syndrome – chronic saving behaviour – litter cluttering syndrome – Plyushkin’s syndrome – Havisham syndrome – syllogomania – dysposophobia – messy house*. Немецкие термины: *Diogenes-Syndrom – Vermüllungssyndrom – Sammelwut – obsessive-kompulsives Horten – Messiesyndrom – Syllogomanie*. Русские обозначения: *синдром Диогена – патологическое накопительство – силлогомания – синдром Плюшкина – старческое убожество* [Королева 2012], [Тритенко 2020: 50]. Как видим, в этих рядах, кроме имени *Диоген*, встречается еще два эпонима: *Плюшкин* и *Хэвишем (Havisham)*.

Появление в этом контексте имени *Плюшкин* не вызывает удивления у всех, кто знаком с русской классической литературой. Персонаж Гоголя сразу стал эталоном жадности и скопидомства. Кроме того, Гоголь в шестой главе «Мертвых душ» так описывает среду обитания Плюшкина, что это описание вполне можно поместить как словесную иллюстрацию под фотографиями жилищ современных людей, страдающих от синдрома патологического накопительства. Ср.: «*С середины потолка висела люстра в холстинном мешке, от пыли сделавшаяся похожею на шелковый кокон, в котором сидит червяк. В углу комнаты была навалена на полу куча того, что погрубее и что недостойно лежать на столах. Что именно находилось в куче, решить было трудно, ибо пыли на ней было в таком изобилии, что руки всякого касавшегося становились похожими на перчатки; заметнее прочего высовывался оттуда отломленный кусок деревянной лопаты и старая подошва сапога. Никак бы нельзя было сказать, чтобы в комнате сей обитало живое существо, если бы не возвещал его пребыванье старый, поношенный колпак, лежавший на столе*» [цит. по: Гоголь 1967: 135].

Интересно, что изменить эпонимический термин *синдром Диогена* на *синдром Плюшкина* предложила пишущая на английском языке польская исследовательница Эва Цыбульска, которая работает в разных направлениях психиатрии, философии и культурологии. Отталкиваясь от того, что Диоген, защищая собственную самодостаточность

и свободу, все же был счастлив, а страдающий старческим убожеством человек, напротив, весьма далек от того, чтобы быть счастливым и самодостаточным, исследовательница предлагает обратить внимание на образ мисс Хэвишем (Miss Havisham) из «Обманутых надежд» (–Great Expectations”) Чарльза Диккенса. Однако лучшим эпонимическим вариантом Э. Цыбульская считает Плюшкина (*Plyushkin's syndrome*), и в качестве аргумента завершает статью пространной цитатой из Гоголя [Cybulska 1998: 319]. Действительно, мисс Хэвишем трудно конкурировать с Плюшкиным, прежде всего, из-за сценической яркости образа последнего. Кроме того, если проследить доминанту личности и поведения, то у диккенсовской героини это все-таки будет месть и разочарование, а у гоголевского персонажа – жадность и именно та силлогомания (греч. sylloge –собрание’), которая и определяет картину обсуждаемого психического расстройства.

Возвращаясь к образу Диогена, отметим некоторую его особенность в сознании носителей русского языка. Если попросить человека быстро назвать первое слово, которое приходит в голову при упоминании имени *Диоген*, то скорее всего это будет слово *бочка* (это показали, в частности, 9 из 15 случаев в нашем блиц-опросе). Тезис о значительном присутствии образа Диогена в русской культуре еще нуждается в подробном исследовании и подтверждении материалом. Пока мы можем отметить следующее. В культурной компетенции говорящих порусски, очевидно, конкурируют два Диогена: один – это историческая личность, философ-киник, живший в IV в. до н.э., сведения о котором основаны на трудах Диогена Лаэртия (III в. н.э.) [Лебедев 2007], [Гаспаров 2004]. Другой Диоген – это мифологизированный персонаж, типичный фрик, с характерными атрибутами (бочка и фонарь); данный образ отражен во фразеологии [Ковшова 2019: 249-250]. Обращение к Национальному корпусу русского языка (далее – НКРЯ) наводит на предположение, что даже не сам персонаж подвергается концептуализации, а в качестве культурного концепта выступает *бочка Диогена*. По совместной встречаемости в НКРЯ это наиболее частые пары. Приведем в хронологической последовательности несколько характерных примеров из НКРЯ:

Ни от бочки Диогена, ни от империи, основанной Александром, не осталось ни отломков, ни следов, точно так же как не останется следов ни от журналов, ни от мешка букиниста (Ф.В. Булгарин. Букинист, или Разносчик книг (1831)); *Что за охота сидеть, как Диоген в бочке?* (И.С. Тургенев. Рудин (1856)); *Диоген жил в бочке, однако*

же был счастливее всех царей земных (А.П. Чехов. Палата № 6 (1892)); *Жить как Диоген, в бочке, – легко; а вот избавиться от нищего кокетства – трудно* (М.А. Осоргин. Сивцев Вражек (1928)); *Употребляйте с пользой все, что направлено против вас: на Диогена тоже катили бочку!..* (Феликс Кривин. Хвост павлина (1981-1987)); *Эта женщина, обитавшая в шкафу, как Диоген в бочке, на все смотрела просто* (Александр Ласкин. Ангел, летящий на велосипеде // «Звезда», 2001); *Как вы считаете, Диоген был счастлив в своей бочке? (Что такое дом? // «Психология на каждый день», 2010); И Диоген, собака, залез в бочку – тоже в своеобразную коммунальную катакомбу* (Дмитрий Шляпентох. Конец Истории: благословенный Иов // «Сибирские огни», 2013); *Весомы и сильны среда и случай, / Но главное – таинственные гены, / И как образованием ни мучай, / От бочек не родятся Диогены* (Игорь Губерман. По жизни вдоль и поперек (2016)).

Завершая наше наблюдение над эпонимическим термином *синдром Диогена*, попробуем сформулировать те принципы, от которых зависит выбор мотивационного признака при создании термина-мифоэпонима. Авторы термина не оставили нам никакой информации о том, почему они остановились именно на Диогене. Однако маловероятно, что три известных британских психиатра выбрали для нового термина «героя без паспорта», то есть такого античного героя, о котором они ничего не знают (о таких – *Helden ohne Pass*”, т.е. о персонажах из мира культуры, имена которым специалистам-медикам уже ничего не говорят, с горечью пишет историк медицины Аксель Каренберг [Karensberg 2005]). Скорее всего, из «диогеновского текста» ими были выбраны некоторые признаки, которые они сопоставили с симптомами заболевания и определили как салиентные. И эти признаки явно отличны от тех, которые являются салиентными для критиков термина.

Интересно посмотреть в этой связи, как выглядит статья имени *Diogenes* в Новом Оксфордском словаре: *Greek philosopher. The most noted of the Cynics, he emphasized self-sufficiency and the need for natural, uninhibited behavior, regardless of social conventions* [NOAD 2001: 481]. Какие признаки, согласно этому словарю, выбраны для краткой характеристики Диогена, греческого философа и самого известного из киников? Главным является то, что он утверждал самодостаточность и необходимость вести себя естественно и раскованно, не считаясь с принятыми социальными нормами. Представляется, что именно «выпадение из существующих общественных норм» могло стать тем

признаком, на основании которого авторами термина *синдром Диогена* и был выбран в качестве эпонима этот персонаж. На выбор мотивирующего признака могло повлиять еще и то, что авторы являлись именно психиатрами, и в зависимости от тяжести и обратимости заболевания этот синдром рассматривается в клинической психологии и в психиатрии (гериатрии). Для эпонимических терминов клинической психологии характерна образность и внимание к внешним признакам, ср. [Тритенко 2020: 50]. Самым бросающимся в глаза признаком синдрома является захламленность жилища. Отсюда вытекает естественное желание клинических психологов изменить название заболевания, поскольку Диоген, как известно, был аскетом. Психиатрия имеет дело уже с необратимой патологией, признаки на этой стадии заболевания условно схожи с внеморальным поведением Диогена (асоциальное поведение, свобода от условностей, пренебрежение мнением кого-либо, включая авторитетных личностей, ср. беседы Диогена с Александром Македонским). Получается, что эти признаки уже не связаны ни с внешними характеристиками героя, ни с его атрибутами, а являют собой некую генерализацию, полученную логическим путем.

Таким образом, при создании термина-мифоэпонима мы наблюдаем сложную амальгамированную картину специального и общекультурного знания. Различные оценки мотивированности термина-эпонима в кругу специалистов возникают в результате разного «прочтения» культурного текста и вытекающей из этого различной иерархии признаков, которые должны служить ориентирами в понимании термина.

Литература

Блейхер В.М., Крук И.В. Толковый словарь психиатрических терминов: Ок. 3000 терминов / под ред. С.Н. Бокова. Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995.

Васильева Н.В., Виноградов В.А. Заметки об эпонимах // Современные тенденции в лексикологии, терминоведении и теории LSP. Сборник научных трудов. Посвящается 80-летию Владимира Моисеевича Лейчика. М.: Изд-во МГОУ, 2009. С. 72-74.

Васильева Н.В., Тритенко Т.В. Мифоэпонимы в зеркале кросс-профессионального анкетирования // Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: прецедентный текст в коммуникации. Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. С. 43-48.

Гоголь Н.В. Мертвые души. Поэма // Гоголь Н.В. Собрание сочинений в семи томах. Т. 5. М.: Художественная литература, 1967.

Какзанова Е.М. Имя собственное в термине. М.: Галлея-Принт, 2015.

Ковалева И.И. Миф: повествование, образ и имя // Литературное обозрение. 1995. № 3. С. 92-94.

Ковшова М.Л. Словарь собственных имен в русских загадках, поговорах, поговорках и идиомах. М.: ЛЕНАНД, 2019.

Королева Е.Г. Редкие заболевания: синдром Диогена // Журнал Гродненского государственного медицинского университета. 2012. № 2 (38). С. 86-88.

Лебедев А.В. Диоген Синопский // Большая Российская энциклопедия. Т. 9. М.: Изд-во БРЭ, 2007. С. 25-26.

Новодранова В.Ф. Использование методов когнитивной лингвистики в медицинском терминоведении // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVI. С. 554-559.

Сложеникина Ю.В., Звягинцев В.С. Термины-эпонимы: pro et contra // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 2017. № 7. С. 32-35.

Тополянский А. В., Бородулин В. И. Синдромы и симптомы в клинической практике: эпонимический словарь-справочник. М.: Эксмо, 2009.

Трутенко Т.В. Толковый словарь культурологических терминов клинической психологии. Учебное пособие / под ред. В.Ф. Новодрановой. 2-е изд. М.: Изд-во «Клио», 2020.

Clark A.N., Mankikar G.D., Gray I. Diogenes syndrome. A clinical study of gross neglect in old age // The Lancet, 1975. Vol. 305. Issue 7903. P. 366-368.

Cybulska E. Senile Squalor: Plyushkin's Not Diogenes' Syndrome // Psychiatric Bulletin. 1998. 22 (5). P. 319-320.

Faust V. Von Äskulap bis Werther: Von der medizinischer Fachsprache und ihren mythologischen Wurzeln // Psychiatrie heute: Seelsche Störungen erkennen, verstehen, verhindern, behandeln. Ravensburg, 2018. S. 1-34. URL: <http://www.psychosoziale-gesundheit.net/psychiatrie/aeskulap.html> (29.03.2020).

Karenberg A. Amor, Äskulap & Co: klassische Mythologie in der Sprache der modernen Medizin. Stuttgart: Schattauer Verlag, 2005.

Knecht T. Das Diogenes-Syndrom: ein Phänomen der Vermüllung aus psychiatrischer Sicht // Swiss Medical Forum. 2007. 7. S. 839-845.

Marcos M., Gómez-Pellín M. A tale of a misnamed eponym: Diogenes syndrome // International Journal of Geriatric Psychiatry. 2008. 23. P. 990-991.

NOAD – The New Oxford American Dictionary. New York: Oxford Univ. Press, 2001.

*N.V. Vasilyeva (Moscow, Russia)
Institute of Linguistics, RAS*

*T.V. Tritenko (Moscow, Russia)
A.I. Yevdokimov Moscow State University
of Medicine and Dentistry*

DIOGENES SYNDROME: PROPER NAME IN CULTURE AND AS A PART OF MEDICAL TERM

The paper deals with the history of the medical eponym “Diogenes syndrome”, considered from the positions of cultural linguistics and the science of terminology. The term was critically accepted by medical community due to the controversy between special knowledge about the object of designation (the symptoms of disease) and the stereotype of Greek philosopher as it exists in culture.

Key words: proper name, medical eponym, mythoeponym, professional vs. cultural competence.

Н.П. Глинская (Москва, Россия)

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
glinskaya_nelly@mail.ru*

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭПОНИМИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ (на материале англоязычных терминов психологии)

В статье представлены результаты исследования характерных признаков англоязычных психологических терминов-эпонимов в рамках культурологического направления когнитивной лингвистики. Полученные результаты дают основание говорить о наличии универсальных и этноспецифичных научных психологических терминов-эпонимов в английском языке. Также дается обобщенная характеристика для ряда функций терминов-эпонимов в социокультурном аспекте: аксиологической, холистической, солидаризирующей,

моделирующей, наряду с уже выделенными в научной литературе мемориальной и идентифицирующей функциями.

Ключевые слова: англоязычная психологическая терминология, эпонимия, когнитивный механизм фокусирования, культурная информация, социокультурная функция.

Изучение терминологической эпонимии традиционно является одной из задач современного языкознания. Многочисленные исследования терминов-эпонимов показывают, что подход к терминам не может не быть трансдисциплинарным, причем именно когнитивно-дискурсивный взгляд на природу термина-эпонима сможет интегрировать терминоведческие и лингвокультурологические аспекты изучения этих «знаков-уникумов» (термин Е.М. Какзанова [Какзанова 2011: 6]).

Цель данной работы заключается в исследовании терминографически зафиксированных англоязычных терминологических единиц психологии с культурной коннотацией, которая понимается, вслед за В.Н. Телия, как «в самом общем виде интерпретация денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного, аспектов значения в категориях культуры» [Телия 1996: 214]. В настоящей статье мы опираемся на подход, который, говоря словами Н.Н. Болдырева, «ставит своей целью изучение того, как отдельный факт или объект концептуализирован конкретным языковым сообществом и его отдельными представителями» [Болдырев 2019: 425]. В качестве эмпирического материала привлекался массив терминов-эпонимов английского языка в объеме примерно 440 единиц, выявленный методом сплошной выборки из терминологического словаря языка психологии [Colman 2015].

Термины-эпонимы используются для терминологической номинации разных по степени обобщенности психологических понятий и характеризуются разнообразием с точки зрения структурно-семантической организации. Основной массив терминов-эпонимов в англоязычной психологической терминологии составляют термины, имеющие в своем составе один или два антропонима (*Jost's law*, *Aubert-Förster law*, *Weber-Fechner law*, *Koffka-Korte law*; *Bell-Magendie law*; *Fullerton-Cattell law*, etc.) и апеллятивы: *test* (35 терминов); *law* (30), *effect* (30); *illusion* (26); *syndrome* (16); *paradox* (10), *experiment* (8); *inventory* (5); *figure* (4).

Значительно реже в составе эпонимов встречаются топонимы, например, *Lake Wobegon effect*, *Hawthorne effect*, *Monte Carlo method*;

Hunt-Minnesota test; Stanford-Binet intelligence scale; Hiskey-Nebraska test of learning aptitude, etc. В структурно-семантическом плане эпонимам, как правило, свойственно «непрототипическое атрибутивное употребление, причем часто в притяжательном падеже» [Левицкий 2016: 235] (e.g. *Broca's aphasia, Wernicke's aphasia*). Отдельную группу эпонимов составляют аффиксальные производные от имени собственного (как правило, антропонима), например, *rankian, rodgerian, freudian, gibsonian, neo-freudian, winnicottian, weismannism, neo-darwinism, neo-lamarckism, ferberization, etc.* Эпонимическая репрезентация психологических концептов вносит вклад в развитие терминологии, так как нередко эпоним дает стимул для развития целой терминогруппы (*eros, erotic apathy, eroticism, erotization, erotomania*).

Изучение позиций разных авторов, исследовавших эпонимы, показывает принципиальное согласие по вопросу наличия у них культурной коннотации. В частности, по мнению З.И. Комаровой, «при широком понимании взаимодействия языка и культуры вся ономастическая информация ... по сути является лингвокультурологической» [Комарова 2019: 203]. По словам Т.А. Майковой, энциклопедическое значение эпонима включает в себя разноплановую информацию, что в совокупности дает возможность рассматривать термины-эпонимы как отражение «национально-культурного компонента терминологической картины мира» [Майкова 2017].

В английском языке психологии термины-эпонимы в первую очередь отражают имена ученых, открывших новую закономерность, явление (*Bard-Cannon theory; James-Lange theory; Restorff effect; Zeigarnik effect; Ebbinghaus illusion; Helmholtz illusion*); описавших синдром (*Wernicke's encephalopathy; Briquet's syndrome*) или клинический признак (*Romberg's sign; Babinski reflex*); разработавших психодиагностические тесты (*Szondi test; Rorschach test; Edwards Personal Preference Schedule*), шкалы (*Binet-Simon scale; Wechler's scales*); предложивших новые методы (*Donder's method; Ward's method, etc.*).

Важный ресурс общекультурной коннотации психологических терминов – мифология (*Electra complex; Oedipus complex; Oedipal phase; Orestes complex; etc.*). Еще одним источником общекультурной маркированности и культурной информации в значениях терминов психологии являются имена известных культурных деятелей: *Mozart effect; Michelangelo phenomenon*. Ряд терминов-эпонимов восходит к художественной литературе: выдающимся авторам (*Proust phenomenon*), их названиям (*"Alice in Wonderland" syndrome*), героям произве-

дений, которые также несут существенную культурную коннотацию: *Rumpelstiltskin phenomenon*; *Baskerville effect*; *Polyanna effect*; *Werther syndrome*; *Munchhausen syndrome*; *Munchhausen by proxy syndrome*.

По полученным нами данным, англоязычные этноспецифичные термины – эпонимы распадаются на две группы (по В.И. Заботкиной). К первой группе относятся термины, терминологическое значение которых соотносится с «культуроносным смыслом» ([Заботкина 2014: 104]), включая объекты и категории национальной культуры, например, *Margaret Thatcher illusion*; *Abraham Lincoln effect*; *Martha Mitchell effect*. Вторую группу составляют термины, значение которых коррелирует с «импликационалом и эмоционалом» [Там же: 103] (*Stanford marshmallow test*; *Stanford prison experiment*; *Barnum effect*).

Как справедливо указывает М.Л. Ковшова, «разными способами кодируемое ценностное содержание образует систему кодов культуры и составляет в целом картину мира, которая раскрывает мировоззрение того или иного социума» [Ковшова 2016: 473]. Терминологическая эпонимия трактуется нами как одна из разновидностей кодов профессиональной культуры, позволяющая обозначать предметы и их взаимосвязи, составляющая «план выражения для культурно значимого содержания, или для культурной информации» [Там же: 474].

Термины-эпонимы оказываются очень чувствительными к социально-историческим изменениям. В частности, в последнее время в англоязычной научной литературе предлагается отказаться от эпонимов – *Reiter syndrome*, *Wegener syndrome* – в связи с появлением данных о связи названных ученых (Reiter, Wegener) с нацистским режимом [Cubellia 2008]. По этой же причине эпонимы с именами ученых Hallervorden и Spatz также предлагается заменить описательными терминами [Shevell 2003].

Терминология во многом, по словам А.В. Суперанской, «специально культивируемый» слой лексики [Суперанская 2012: 24]. Избирательность терминологической номинации становится особенно наглядной в случае эпонимии. Мы вынуждены констатировать, что в зарубежных трудах иногда полностью игнорируются эпонимы, связанные с открытиями отечественных российских ученых Л.С. Выготского, А.Р. Лурии (*Vygotski blocks*, *Luria methods*). Эта тенденция характерна не только для языка психологии, предпочтение имен отечественных ученых свойственно и языку медицины (*Базедова болезнь* в американской традиции – *Graves disease*, *пятна Бельского-Филатова-Коплика* в англоязычных странах – *Koplik's spots*).

Завершая данное обсуждение, остановимся на основных функциях терминов-эпонимов в социокультурном аспекте. Мы разделяем точку зрения А.В. Раздueva, что онимические компоненты в составе терминов позволяют «вербализовать видовое научное понятие и выполняют идентифицирующую и мемориальную функции» [Раздуйев 2013: 8]. На наш взгляд, термины, имеющие «национально-территориально-социальную организацию» [Суперанская 2012: 29] выполняют также аксиологическую функцию, направляя человека в системе ценностных ориентиров в данном обществе. Как правило, представители научного сообщества, предлагающие эпоним, высоко оценивают вклад ученого-первооткрывателя и хотят оставить его имя в коллективной памяти. Несмотря на то, что множество психологических терминов-эпонимов имеют апеллятивные описательные дублиеты (*Wernicke aphasia – receptive aphasia, Broca's aphasia – motor aphasia, expressive aphasia, frontocortical aphasia, nonfluent aphasia, logaphasia*) именные термины характеризуются более высокой частотностью.

Эпонимия дает возможность поддерживать целостное состояние системы «окружающий мир – социальная среда» в течение определенного периода времени. Такая холистическая функция обеспечивается благодаря интеграции онимического и апеллятивного аспектов в одном знаке, как это наблюдается, например, в таких эпонимах, как *Taylor manifest anxiety scale; McCarthy scales of children's abilities; Cattell culture-fair test* и др.

Термины с онимами конкретных стран позволяют выполнять профессионально-солидаризирующую функцию, объединяя своих ученых в рамках одной научной школы в противопоставлении другим. Хотя в современных условиях глобализации научного знания большинство психологических терминов являются интернационализмами, тем не менее, некоторые термины используются исключительно в рамках научного дискурса той или иной научной школы.

Терминологическая эпонимия в условиях информационной неопределенности предоставляет адаптивные модели терминообразования, дает основание каждому новому акту номинации обращаться к образцу, тем самым реализуется моделирующая функция. Воспроизведение модели «оним+апеллятив» обеспечивает внедрение термина в дискурсе, особенно в так называемые «первовремена», когда полноценная научная категоризация еще не произошла, а для того, чтобы обсуждать новое явление, его надо как-то назвать. Когнитивный механизм фокусирования позволяет направлять мышление специалистов, ориентируя

в русле той или иной теории или концепции, принятой в конкретный исторический период в данной профессиональной сфере деятельности. Как справедливо пишет О.К. Ирисханова, «язык, предлагая альтернативные способы конструирования объекта /ситуации предоставляет возможность говорящим решать, до какой степени создаваемый образ объекта будет следовать данной лингвокультурной норме, будет ли он субъективным или будет отражать природу вещи –«объективно»» [Ирисханова 2014: 31].

Таким образом, появление новых потоков социокультурной информации материализуется в названиях научных явлений, открытых в определенный период. Культурологический взгляд на терминологическую номинацию позволяет понять, насколько своеобразно иногда культурная информация отражается в терминологическом знаке. Термины объективируют научные понятия, но опыт субъективного восприятия ученых – носителей данной культуры неизбежно влияет на их интерпретацию объективной реальности и их кодирование информации о действительности в языке профессиональной коммуникации.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. (Studia Philologica)

Заботкина В.И. О взаимосвязи картины мира и культураносных смыслов в слове // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 50. М.: Макс Пресс, 2014. С. 101-107.

Какзанова Е. М. Лингвокогнитивные и культурологические особенности научного дискурса: на материале математических и медицинских терминов-эпонимов: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2011.

Ковшова М.Л. Фразеологические коды и их роль в семиозисе культуры // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии: коллективная монография / отв. ред. В.В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2016. С. 468-498.

Комарова З.И. Термины-эпонимы в лингвокультурологическом освещении // Политическая лингвистика. 2016. № 1. С. 200-203.

Левицкий А. Э. Антропонимы в зеркале английской лингвокультуры // *Язык, сознание, коммуникация* / под ред. А.И. Изотова. Т. 53. М.: МАКС Пресс, 2016. С. 228-236.

Майкова Т. А. Термины-эпонимы в составе англоязычной терминологической лексики предметной области «Социология» // *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика.* 2017. № 2. С. 326-341.

Раздубев А.В. Современный английский подязык нанотехнологий: структурно-семантическая, когнитивно-фреймовая и лексикографическая модели: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2013.

Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: вопросы теории. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Colman A. M. A Dictionary of Psychology. Fourth ed. Oxford: Oxford University Press, 2015.

Cubellia R., Salab S. D. Eponyms to forget // *Cortex.* 2008. № 44. P. 1137-1138.

Shevell M. Hallervorden and history // *The New England Journal of Medicine.* 2003. № 348. P. 3-4.

N.P. Glinskaya (Moscow, Russia)

Lomonosov Moscow State University

**TERMINOLOGICAL EPONYMY
IN THE SOCIO-CULTURAL CONTEXT
(based on English psychology terms)**

The paper represents the results of the research aiming at identifying the specific features of English psychological eponymic terms within the cultural direction of cognitive linguistics. The obtained data confirm the existence of universal and culture-specific English psychology terms-eponyms. The author also discusses the socio-cultural functions of eponyms, such as axiological, holistic, solidarizing, modeling, along with the memorial and identifying functions that have already been highlighted in the scientific literature.

Key words: English-language psychology terminology, eponymy, focusing cognitive mechanism, cultural information, socio-cultural function.

Е.Е. Голубкова (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
katemg@yandex.ru

М.П. Таймур (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
mariataymour@gmail.com

ТЕОРИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ НА СЛУЖБЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ МАЛАФОР

В статье проводится анализ когнитивных аспектов концептуального смешения в малафоре как подвиде смешанной метафоры, рассматривается специфика лингво-когнитивного механизма создания малафор и выявляются две модели, по которым в данном лингво-когнитивном феномене реализуются процессы концептуальной интеграции и оппозиции.

Ключевые слова: смешанная метафора, малафора, когнитивный диссонанс, теория концептуальной интеграции, интеграционная модель, оппозиционная модель.

—: .the novel construction must be communicatively functional and so conventional that the hearer is still able to decode it with reference to the context and the linguistic schemas stored in his or her mind” [Langlotz 2006: 214].

Интерес когнитивной лингвистики не только к узусным, общепринятым употреблениям языковых единиц, но и к всяческим отклонениям от нормы позволяет пытаться анализировать закономерности мыслительного процесса, отраженного в языке, а в случае целенаправленной девиации также затрагивать закономерности языкотворчества или лингвокреативности. Относительно недолгий период изучения лингвистами такого интересного явления, как контаминация во фразеологии, объясняется не только тем, что такого рода оговорки как *заваривать волынку* (*заварить кашу + тянуть волынку*), *терпеть сквозь пальцы*, или в английском *nothing to shake a home about* (гибрид more (something) than you can shake a stick at (a very large number) и nothing to write home about (not especially remarkable or noteworthy) [<https://www.facebook.com/lingwinperevod/posts/845303132494758/>]) считались именно оговорками, окказионализмами или девиациями, но и тем, что лингвистика не обладала подходящим аппаратом анализа подобных гибридных образований. Во фразеологии их часто называют контаминантами, в теории метафоры малафорами или блендами.

В данной статье мы называем единицы типа *rocket surgery* малафорами, понимая под ними совмещение двух или нескольких идиом, пословиц либо поговорок в едином выражении [Harrison 1976], своего рода —*mental hiccup*” (икота ума) (здесь и далее перевод авторов исследования (Е.Е. Голубкова, М.П. Таймур)) [Hatfield 2016: 7], и погружая данные единицы в контекст исследований метафоры, в силу того, что сам термин малафора представляет собой бленд слов *malapropism* и *metaphor*.

Обнаруженные нами немногие специальные исследования малафор датируются 2011, 2013 годами и выполнены на материале русского языка [Колобова 2011; Гусейнова 2013], хотя эмпирические данные свидетельствуют об их распространенности и в других языках (финском, испанском, английском). Смеем предположить, что малафоры не являются случайным явлением в языке, отражая определенные закономерности когнитивной и креативной деятельности человека, целенаправленно экспериментирующего с единицами языка и как бы тестирующего их на прочность и дозволенность.

Помещая малафоры в контекст современных исследований метафор с концептуальной точки зрения, мы ставим целью проведение анализа когнитивных аспектов концептуального смешения в малафорах как разновидности так называемых смешанных метафор (СМ) и разработки их классификации [Голубкова 2019]. В отличие от предшествующих исследований, в которых тщательно анализировались структурно-семантические типы контаминантов, их стилистические и прагматические функции, нас в большей степени интересует специфика лингво-когнитивного механизма их создания. Материал исследования составили 200 малафор, отобранных методом сплошной выборки в печатных и интернет-ресурсах на английском языке. Методом решения поставленных задач послужило применение теории концептуальной интеграции к анализу значения, порождаемого малафорой [Fauconnier 1985].

Идиомы и фразеологические сочетания характеризуются воспроизводимостью, которую можно рассматривать как результат инкорпорации культуры в формы языка [Телия 1993, 2005], и малафора как подтип СМ и разновидность фразеологического бленда также характеризуется воспроизводимостью и узнаваемостью устойчивых выражений, формирующих ее содержание. Это предполагает возможность классификации различных типов малафор с точки зрения особенностей процесса интеграции ее компонентов [Fauconnier 1985]. Опора на

теорию концептуальной интеграции позволяет оперировать понятием четырех различных пространств: два исходных ментальных пространства (input spaces), их общее пространство (generic space) и интегрированное пространство, где проявляются новые значения в результате проекции первого исходного пространства на второе или в результате слияния их значений (blended space). Одним из главных понятий теории концептуальной интеграции является связь между ментальными пространствами (mapping или connection), основанная на метафоричности, аналогии, сходстве, категоризации и т.д. Основа процесса концептуальной интеграции – это способность человека мыслить образно, способность мышления человека к установлению связей между различными, нередко кажущимися несовместимыми, ментальными пространствами и элементами этих пространств [Coulson, Fauconnier 1999]. Ментальные пространства могут быть описаны как «постоянно модифицируемые когнитивные структуры, между которыми устанавливаются многочисленные связи (временные, пространственные, гипотетические, идентификационные, контрафактуальные, причинно-следственные и др.). Данные связи объединяют ментальные пространства в гибкие конфигурации и обеспечивают свободный доступ ко всем пространствам, предоставляя возможность в любой момент произвести необходимые изменения в дискурсе» [Бочарникова 2011: 184]. Мы предполагаем, что одной из характеристик СМ (в т.ч. малафоры) является наличие интегрированного пространства, которое различается в разных подвидах малафор.

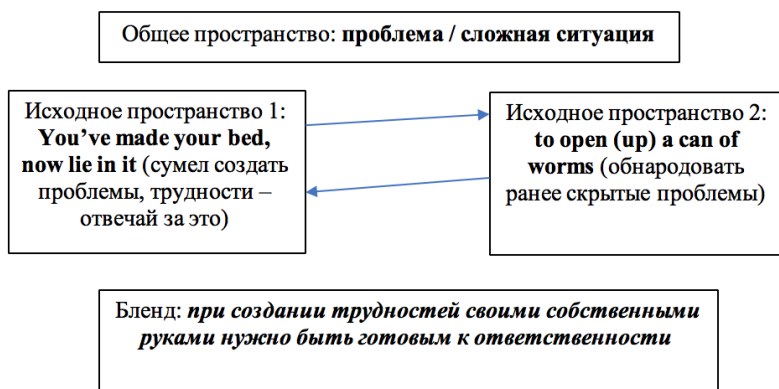
В процессе анализа отобранных малафор были выявлены две основные модели, по которым реализуются процессы концептуальной интеграции и оппозиции: **интеграционная модель** (основывающаяся на процессе концептуальной интеграции) и **оппозиционная модель** (основывающаяся на процессе концептуальной оппозиции). В **интеграционной модели** процесс концептуальной интеграции предполагает использование и последующее развитие существующих связей и аналогий между исходными ментальными пространствами, где проекция из исходных ментальных пространств обычно является выборочной [Скребцова 2011]. В результате анализа интеграционная модель была подразделена нами на две подгруппы: 1) интеграционная модель, основанная на **усилении значения** малафоры (1.1); 2) интеграционная модель, основанная на **комбинировании значений** в малафоре (1.2). В интеграционной модели, основанной на **усилении значения** (1.1), малафора представляет собой бленд двух и более идиом или пословиц,

характеризующихся наличием идентичного или сходного целевого домена [Lakoff, Johnson 1980], что приводит к усилению исходного значения идиом, составляющих бленд.

В малафоре *You've opened this can of worms, now lie in it* [<https://benbrockn.wordpress.com/2017/03/12/malaphors/>] значение первой метафоры (*You've made your bed, now lie in it* – «наделал проблем, теперь решай») усиливается добавлением внутрь той же матрицы устойчивого выражения *to open a can of worms* (разворошить осиное гнездо), что концептуально подчеркивает серьезность ситуации (см. Схему 1).

Схема 1

Интеграционная модель малафоры (1.1)

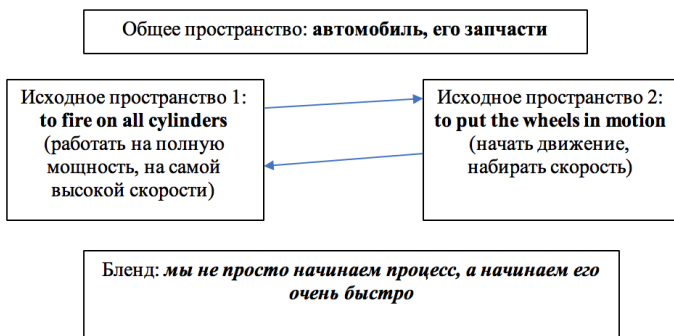
Другим примером может служить малафора *I can't make these split-minute decisions* [Hofstadter, Moser 1989], где совмещаются две английских метафоры (*split-second, last-minute*), обе обозначающие «делать что-то очень быстро», обладая схожим доменом-источником (FAST – быстро) и, соответственно, усиливая значение друг друга. Похожая по структуре малафора *Let's roll up our hands and all get together*, где идиома *to roll up your sleeves* (работать, закатыв рукава) соединяется с устоявшимся выражением *to join hands* (работать вместе). Судя по контексту, в котором была употреблена фраза (ТВ шоу «Hardball»), в состав малафоры может имплицитно входить и третья идиома *to get*

your hands dirty (не гнушаться никакой работы) [https://www.youtube.com/playlist?list=PLeUZpDZcQo48QjDHHCTYwPc_RkHAF9pz8]. Единственный домен-источник всех выражений – WORK (работа). Другой пример: *She rules with an iron thumb*, где идиома *to rule with an iron hand* соединяется воедино с метафорой *to be under one's thumb*, дополняя исходное значение *властно контролировать ситуацию либо кого-либо* [<https://malaphors.com/2012/08/09/rule-with-an-iron-thumb/>] и также характеризуясь совпадающим доменом-источником CONTROL (контроль). Поскольку во всех вышеупомянутых примерах значение конечного бленда не изменяется, а лишь усиливается благодаря фокусировке внимания реципиента на одном и том же аспекте (будь это PROBLEM, FAST, WORK или CONTROL), то мы считаем возможным выделить все малафоры данного типа в одну группу малафор-усилителей (значения друг друга).

Интеграционная модель, основанная на **комбинировании значений малафоры (1.2)**, позволяет анализировать бленд, в котором составляющие компоненты дополняют значения друг друга (малафора-комбинатор). Примером может служить анализ малафоры *We're firing on all wheels now!* [<https://malaphors.com/2019/05/26/were-firing-on-all-wheels-now/>], которая была озвучена в ресторане официантом после одновременного получения большого количества заказов (см. Схему 2).

Схема 2

Интеграционная модель малафоры (1.2)

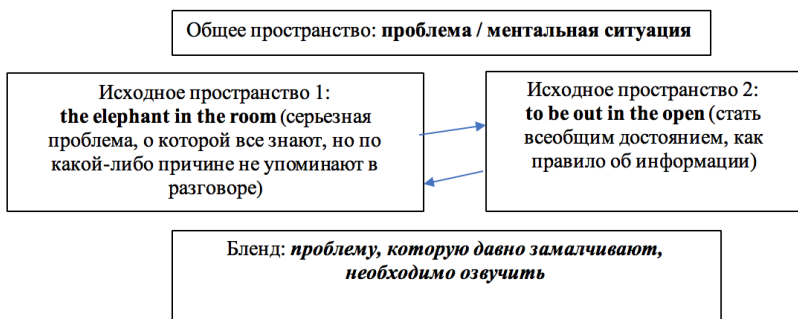
Интеграционная модель является крайне продуктивной (из 200 отобранных единиц около 67% малафор образуются по

данной модели). Модель обнаруживает три разновидности концептуальной вариативности: 1) одна из метафор становится «матрицей бленда», куда вводятся элемент(ы) другой малафоры (напр., *You've opened this can of worms, now lie in it*); 2) две матрицы смешиваются, а затем в «матрицу-бленд» добавляется дополнительный элемент(ы), как правило, это либо созвучное слово (напр., *girl / horse* в *You can lead the horse to water, but you can't take the water out of the horse*), либо омоним, встречающийся в обоих исходных компонентах (напр., *If you can't stand heat, get out of the fire*, где смешиваются выражения *If you can't stand the heat, get out of the kitchen* и *Stand too close to the fire*); 3) исходные матрицы двух смешиваемых метафор идентичны (напр., *That's the way the cookie bounces*).

В основе **оппозиционной модели** лежит принцип противопоставления (оппозиции) двух и более составляющих малафору элементов, где часто за счет принадлежности компонентов малафоры к различным исходным доменам также имеет место процесс компрессии информации и наличие интенсивного когнитивного диссонанса [Голубкова, Таймур 2019]. Напр., *I want to get an elephant out of the room* [<https://malaphors.com/>]. Данная малафора является блендом противоположных по значению идиоматических выражений *to be the elephant in the room* (очевидная проблема, на которую никто не обращает внимания) и *to be out in the open* (стать достоянием общественности). Конечная малафора-противопоставитель характеризуется сочетанием значений противоположных доменов (см. Схему 3).

Схема 3

Оппозиционная модель малафоры

В подобных малафорах за счет оппозиции и парадокса достигается юмористический эффект, что позволяет говорящему проявлять лингвокреативность и чувство юмора [Таймур 2019].

Итак, анализ существующих в современном англоязычном дискурсе малафор с опорой на теорию концептуальной интеграции позволяет подразделить их с концептуальной точки зрения на **малафоры-усилители** (malaphor-amplifier/empowerer); **малафоры-комбинаторы** (malaphor-combiner) и **малафоры-противопоставители** (malaphor-contraster) (терминология введена авторами исследования). Необходимо отметить, что проекция из исходных ментальных пространств, как правило, является выборочной, при которой некоторые элементы исходных пространств соединяются, а некоторые – нет. Для успешной декодировки значения малафоры адресату необходимо использовать не только фактическую информацию, но и опираться на фоновые знания. В связи с этим малафору необходимо рассматривать как особый лингво-когнитивный феномен, результат интеграционной деятельности, а не как результат «механического» смешения исходных выражений в одну фразу. Данный процесс может быть, по наблюдению М.Л. Ковшовой, метафорически сопоставлен с созданием джазового произведения, которое основано на импровизации, но, тем не менее, подчиняется основным правилам композиции (соблюдение тональности, гармонических рядов и т.д.).

Таким образом, проведенный фрагмент исследования малафор показал, что теория концептуальной интеграции может быть успешно использована для декодирования смысла малафоры как системного лингво-когнитивного результата креативности. Однако есть еще много спорных вопросов, связанных с «правилами» создания и закономерностями функционирования малафор: каковы ограничения на их создание, насколько системны малафоры, всегда ли малафоры концептуально мотивированы, каким образом образы переосмысливаются в бленде, какова цельная образная картина малафоры? Как писала В.Н. Телия, «необходимо изучение окказионально-речевого употребления фразеологизмов, при котором эксплуатируется их «генетический код» – заложенная в них при формировании информация о предшествующем значении сочетания в целом и его компонентов. Эта информация, свернутая в готовом значении в латентное состояние, <...> дает возможность проникнуть в тайну аномалий, столь продуктивно порождаемых языком» [Телия 1981: 22].

Литература

Бочарникова Е.А. Концептуальная интеграция как основной когнитивный механизм при интердискурсивном взаимодействии // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и перспективы: материалы международной научной конференции, Москва, 17-18 ноября 2011. М.: ИПК МГЛУ Рема. С. 184-186.

Голубкова Е.Е. Failing metaphors, или Анализ семантики смешанных метафор // Вестник Московского государственного лингвистического университета. № 817. 2019. С. 113-126.

Голубкова Е.Е., Таймур М.П. Факторы преодоления когнитивного диссонанса в смешанных метафорах (на материале английского языка) // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVI. С. 147-153.

Демьянков В.З. Когнитивный диссонанс: когниция языковая и внеязыковая // Когнитивные исследования языка. 2011. Вып. IX. С. 33-40.

Колобова Е.А. Фразеологическая контаминация: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2011.

Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика. СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2011.

Таймур М.П. Современный английский юмор в смешанных метафорах и малафорах // Иностранные языки в школе. 2019. №3. С. 40-43.

Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. М.: Наука, 1993. С. 302-314.

Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М.: Наука, 1981.

Телия В.Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация. 2005. Вып. № 30. С. 4-42.

Coulson S., Fauconnier G. Fake Guns and Stone Lions: Conceptual Blending and Privative Adjectives // Cognition and Function in Language. Fox B., Jurafsky D., Michaelis L. (Eds). Palo Alto, CA: CSLI, 1999. P.143-158.

Fauconnier G. Mental Spaces Text. UK: Cambridge, Mass.: MIT Press, 1985.

Hatfield D. He smokes like a fish and other malaphors (Unintentional idiom and word blends). USA: Westford, 2016.

Harrison L. Searching for Malaphors // The Washington Post. August 6, 1974. USA: Washington, 1976. P. 4-6.

Hofstadter D., Moser D. To Err Is Human; To Study Error-Making Is Cognitive Science // Michigan Quarterly Review. Vol. XXVII. 1989. P. 322-334.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

Langlotz A. Idiomatic Creativity: A Cognitive-linguistic Model of Idiom-representation and Idiom-variation in English. Amsterdam: John Benjamins B.V., 2006.

E.E. Golubkova (*Moscow, Russia*)

Moscow State Linguistic University

M.P. Taymour (*Moscow, Russia*)

Moscow State Linguistic University

CONCEPTUAL INTEGRATION THEORY IN MODELLING THE SEMANTICS OF MALAPHORS

The article analyses the cognitive aspects of conceptual mixing in a malaphor as a subspecies of mixed metaphor, considers the specifics of the linguistic-cognitive mechanism for creating malaphors, and identifies two models by which the processes of conceptual integration and opposition are realized in this linguistic-cognitive phenomenon.

Key words: mixed metaphor, malaphor, cognitive dissonance, theory of conceptual integration, integration model, opposition model.

А.Г. Гурочкина (*Санкт-Петербург, Россия*)

РГПУ имени А.И. Герцена

i.arkhipov@yandex.ru

МЕХАНИЗМЫ ВОСПРИЯТИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КООРДИНАТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

В статье рассматривается роль перцепции и других факторов приписывания сознанием субъекта значения фразеологическим словосочетаниям. Описан биокогнитивный механизм семиозиса, осуществляемый субъектом с опорой на его феноменологические и структуральные знания.

Ключевые слова: координативные словосочетания, значение, семиозис, когнитивная структура, восприятие, понимание.

Координативные словосочетания, рассматриваемые в настоящей работе, представляют собой, как правило, фразеологические, бинарные образования различной степени устойчивости (фразеологичности), компоненты которых соединены сочинительными союзами. С точки зрения лексико-грамматических особенностей компоненты, конституирующие подобные словосочетания, представлены либо грамматически равноправными, семантически соотносимыми лексемами, относящимися к одной или разным частям речи (*safe and sound, here and there, if and when, over and done with*), либо лексемами семантически противопоставляемыми, то есть связанными отношениями антонимии, как, например, *in and out, back and forth*. Подобного рода семантические оппозиции выступают в рассматриваемых словосочетаниях как: денотативные антонимы, номинирующие противопоставляемые объекты окружающей действительности (*heaven and hell, horse and foot*), сигнификативные антонимы, когда лексемы, их выражающие, связаны отношениями контрарности (*out and home, neither dead nor alive*), и конверсные антонимы, отношения между которыми характеризуются двунаправленной и одновременной импликацией (*hither and thither, purchase and sale*).

В зависимости от целого ряда специфических лексико-грамматических характеристик и особенностей формирования их семантики, исследователи выделяют различные типы фразеологических единиц, в том числе координативных (В.В. Виноградов, В.Н. Телия, А.В. Кунин, В.М. Мокиенко, А.И. Смирницкий, Makkaï и др.).

В настоящей работе основой для выделения типов фразеологических координативных словосочетаний в английском языке служат такие понятия, как:

а) фразеологичность, понятие, учитывающее специфические структурные характеристики словосочетания, а также такие признаки, как устойчивость – воспроизводимость, повторяемость в одинаковом составе при их функционировании как самостоятельных языковых единиц, так и при включении их в высказывания диалогических дискурсов;

б) идиоматичность – понятие, базирующееся на таком семантическом признаке, как наличие непрямого (косвенного, имплицитного) значения хотя бы у одного из компонентов словосочетания.

Опора и учет этих критериев позволяют выделить два основных типа фразеологических координативных словосочетаний в английском языке: 1 – фразеологические неидиоматичные сочинительные слово-

сочетания и 2 – фразеологические идиоматичные сочинительные словосочетания.

Словосочетания первого типа характеризуются устойчивостью употребления, относительной семантической самостоятельностью компонентов, входящих в их состав, отсутствием идиоматичности. При этом, хотя составляющие подобных словосочетаний в определенной степени сохраняют свое когнитивное (первичное) значение, общее значение словосочетания не является простой суммой значений образующих его элементов, а выражает нечто новое: *hit and miss* *_done carelessly*‘, *take it or leave it* *_allowing acceptance or rejection, etc.*‘.

Базовым признаком словосочетаний второго типа является обязательное наличие идиоматичности. Этот класс неоднороден. Он включает: собственно идиомы – единицы косвенной номинации: *by and large* *_in general*‘, *neck or nothing* *_either to succeed or to fail*‘; устойчивые словосочетания с одним компонентом, имеющим переносное значение: *fair and aboveboard* *_honest and open*‘, *cheap and easy* *_to cost little and be of low quality*‘; псевдофразеологические словосочетания, образованные по союзной паратаксической модели, включающей: а) два компонента из разных семантических сфер: *a fish and a half* *_something that is very unusual or surprising*‘, *would and all* *_to emphasize that someone is talking about the whole of the group or thing*‘ и б) сочетания, в которых один из компонентов относится к архаичной лексике, практически не используемой в современном английском языке: *kith and kin* *_friends and relatives*‘, *wrack and ruin* *_fall to pieces*‘.

Оба выделенных типа фразеологических координативных словосочетаний (за исключением псевдофразеологических) широко функционируют в английском языке. Они формировались на протяжении многих веков, а источником их возникновения служили реалии, обычаи, поверья английского социума, исторические события и литературные произведения, среди которых одно из важнейших мест отводится Библии. По мнению многих исследователей, Библия на протяжении длительного времени являлась самой читаемой и цитируемой в Англии книгой, из которой «не только отдельные слова, но и целые фразеологические выражения <...> вошли в английский язык со страниц Библии» [Смит 1998: 111], как, например, *to serve God and Mammon, fire and brimstone*. Значительная роль в формировании фразеологических координативных словосочетаний принадлежит и авторам многих английских литературных произведений – *neither rhyme or reason* (Шекспир), *prunes and prism* (Диккенс) и др.

Фразеологизмы как высокоинформативные языковые единицы, хранящие опыт и знания определенного языкового социума, издавна привлекают внимание ученых разных областей гуманитарного знания. Вместе с тем, несмотря на значительное внимание ученых к этой области, многие проблемы требуют своего дальнейшего решения.

На современном этапе особенно актуален интерес исследователей к изучению фразеологического материала с позиций когнитивно-коммуникативной парадигмы и ее биокогнитивного тренда, концентрирующих свое внимание на человеке как субъекте знания/познания, человеке во всех его проявлениях, главным свойством которого, отличающим его от всех других живых существ, является когнитивно-языковая способность, способность к познанию мира и себя и, на основе полученного знания, к преобразованию себя и мира.

Основной задачей когнитивной лингвистики, как и когнитивной науки в целом, является «получение данных о деятельности сознания» [Кубрякова 2004: 13], процессов, происходящих при восприятии, осмыслении и, следовательно, познании действительности сознанием, а также видов и форм их ментальных репрезентаций.

Познание мира, по мнению ученых, это базовая потребность человека, потребность получения и обновления знаний об окружающем мире необходимая человеку для ориентирования в нем.

Первой ступенью познания, как отмечают многие исследователи, является чувственное восприятие субъектом – наблюдателем предметов, объектов, явлений окружающей действительности. Вторая ступень – это рациональное познание, когда человек многократно наблюдает чувственно воспринятые предметы, объекты, явления, сравнивает результаты этих наблюдений, осмысляя и постигая их сущностные признаки, формируя соответствующие знания о них. То есть знание – это единство чувственного, интуитивного и рационального познания человеком окружающей его среды, совокупность результатов ее отражения в его сознании [Арлычев 2016; Демьянков 2005]. Иными словами, формирование представлений об окружающей действительности происходит в результате взаимодействия двух уровней знания феноменологического и структурального.

Феноменологическое (первичное) знание, как знание субъекта – наблюдателя, формируется в процессе его жизнедеятельности в результате его индивидуального взаимодействия с окружающим миром.

Структуральное или вторичное знание, в отличие от первичного, феноменологического, знания, представляет собой знание, абстрагиро-

ванное от своего источника (непосредственного наблюдения). Это знание есть форма категоризации информации, полученной и обработанной не как часть эмпирического опыта индивида, но как обобщающий итог опыта поколений, т.е. оно принадлежит не индивиду, а языковому социуму в целом, поэтому для языкового индивида оно является данным, существующим знанием [Кравченко 2003]. В обоих случаях как при чувственном знакомстве с предметом/явлением, так и в познании предмета/явления в совокупности их сущностных свойств, субъектом познания осуществляется категоризация действительности, в процессе которой знание «овеществляется» в различных языковых структурах.

Таким образом, формирование представлений об окружающей действительности происходит в результате взаимодействия двух уровней знания, имеющих разные источники: в одном случае этим источником является наблюдающий мир субъект, во втором случае таким источником оказываются языковые формы и структуры. Эти представления отражаются в сознании живого организма (человека) в виде различных когнитивных структур.

В настоящее время термин «когнитивная структура» употребляется очень широко. Когнитивные структуры отождествляют с концептами, фреймами, значениями, ментальными пространствами, образами, внутренней формой языковых единиц, эйдосом и др. [Телия 1996; Болдырев 2000; Булдаков 2011; Stapel, Koomen 2001; Fauconnier, Turner 2002 и др.]. Несмотря на то, что понимание когнитивных структур весьма вариативно в современной лингвистике, большинство ученых-когнитологов квалифицирует когнитивные структуры как многомерные ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в долговременной памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта, включающего образно-перцептивные, понятийные и ценностные характеристики национально-культурного характера. При этом познание мира, по мнению исследователей, это не только формирование в сознании когнитивных структур (приобретение знаний), но это и их использование, и овладение множеством разных практических навыков и умений, то есть познание связано со всеми процессами, посредством которых сенсорные данные на входе трансформируются, свертываются и развертываются, уточняются и развиваются, хранятся и используются [Reed 1996].

Будучи ментальной единицей, формирующейся на основе взаимодействия человека с окружающей средой, когнитивные структуры от-

ражают изменчивость внеязыковой среды, динамику положения дел в мире, динамику познания действительности человеком как результата взаимодействия с окружающим миром и лежат в основе его речевого/неречевого поведения. Согласно аутопоэзной модели У. Матураны, когниция (познание) есть функция живых систем как единств взаимодействий, существующих в структурном сопряжении со средой. При этом акцентируется мысль, что для человека как живой системы главной областью взаимодействий, в которой она действует значимо для поддержания самой себя, является область языковых взаимодействий. Посредством языка индивид и общество взаимно детерминируют друг друга, – языка, который трактуется как особая область взаимодействий между людьми, который социален по определению [Кравченко 2012], биологичен по природе [Maturana 1978] и лежит в основании человеческой культуры. Тем самым в биологической теории познания изучение живых систем, понимаемых как когнитивные системы, предполагает выход за пределы оболочки «автономного» организма, поскольку живые системы суть единства взаимодействий, и существуют они в том или ином окружении, без и вне которого понять их невозможно. В этом смысле говорят о «распределенности» языка и когниции [Hutchins 1995]. Когниция при таком подходе формируется в непосредственном и опосредованном межличностном взаимодействии, она не локализована исключительно в пределах мозга, но распределена во времени, в пространстве, в культуре, в социуме [Steffensen 2009], а язык предстает как определенный вид совместной деятельности, интегрированной в комплекс когнитивных процессов сложной динамики; данный комплекс приобретает распределенный характер, «представляя собой неоднородный набор артефактов и практик, становящихся в процессе онтогенеза неотъемлемой частью человеческой деятельности» [Коули, Кравченко 2006: 133].

В процессе познания живые организмы (люди) используют язык и социально оформленную среду за пределами собственного физического тела, расширяя границы своего разума, свою когнитивную нишу, информацию об окружающей среде, обмен которой между взаимодействующими субъектами невозможен, поскольку, как отмечают ученые-когнитологи, в действительности не существует ни одного способа, который бы обеспечивал обмен этими когнитивными нишами (мыслями, значениями) между людьми в прямом смысле и в полном объеме [Мамардашвили 1999: 115]. Человек никогда не получает зна-

ние извне «в готовом виде», а формирует его в процессе своей жизнедеятельности, различного рода взаимодействий, в ходе реакций на внешние и внутренние сигналы, получаемые всем своим телом. Так, в процессе устного межличностного взаимодействия в ответ на поступающие из внешней среды акустические сигналы в виде устных сообщений и текстов, в виде визуальных наблюдений предметов и событий, тактильных ощущений в индивидуальном сознании возникают мысли (некие представления, когнитивные структуры), которые тотчас же оцениваются субъектом с точки зрения их важности и необходимости для его более адекватного приспособления к среде, что и отражается на его речевом/неречевом поведении как в актуальном времени, так и в будущем. Получение сигналов с учетом сопутствующих условий пространства и времени, формирование знания в виде когнитивных структур и последующее поведение в ответ, – все это запоминается нервной системой (сознанием), подкрепляя тем самым уже существующие когнитивные структуры и/или стимулируя построение в данном сознании новых когнитивных структур. Иными словами, новое знание возникает в процессе когнитивного взаимодействия человека с окружающей (социально-культурной) средой, определяемое ценностью аспектов среды для его более адекватного в нее «встраивания». При этом формирование нового знания создается в результате догадки на основе имевших место сигналов и реакции организма на них в прошлом. Неоднократное появление в аналогичных ситуациях изначально ни с чем не связываемых акустических сигналов постепенно связывается с визуальными, тактильными и другими сигналами, формируя представления о значащем совместном появлении соматических и языковых сигналов, завершающемся всегда одной и той же догадкой на основе памяти об аналогичном взаимодействии.

Восприятие и понимание письменного текста сложнее. Реципиент письменного текста вынужден реконструировать его содержание при отсутствии практически всех сигналов кроме зрительных в виде графических форм языковых единиц, которые в этом случае отвлечены от его опыта относительно реализаций языка в конкретных, реальных условиях пространства и времени. В этих условиях субъект пытается осмыслить такие формы, опираясь лишь на свой опыт и личные структуральные знания. При этом его структуральные знания и личный опыт могут в той или иной степени не совпадать с опытом и знаниями создателя текста и соответственно затруднять их интерпретацию.

Языковое значение, таким образом, имеет опытную природу и отличается как сложностью своего формирования, так и его интерпретации (понимания). Оно порождается в процессе различных способов взаимодействий человека с окружающим миром.

Описанные выше механизмы формирования и понимания значений языковых единиц в полной мере относятся и к формированию фразеологических значений выделенных в работе типов координативных словосочетаний. Отличие между ними заключается лишь в том, что при формировании значений неидиоматичных словосочетаний, субъект помимо учета различных сигналов опирается и на первичные (когнитивные) значения составляющих их компонентов, в то время как формирование значений идиоматичных словосочетаний субъект реконструирует, опираясь на целый комплекс своих структуральных знаний.

Литература

Арлычев А.Н. Онтология и теория познания. М.: Книжный Дом «Либроком», 2016.

Болдырев Н.Н. Категория как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка: сб. науч. трудов. Тамбов, 2000. С.16-39.

Булдаков В.А. Эйдос как контенсивно-менталингвистическая основа лексического значения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология, востоковедение, журналистика. Вып. 2. (Ч. II). 2007. С. 87-92.

Демьянков В.З. Когниция и понимание текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 5-10.

Коули С., Кравченко А.В. Динамика когнитивных процессов и науки о языке // Вопросы языкознания. 2010. № 6. С. 133-141.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Кравченко А.В. Что такое коммуникация? Очерк биокогнитивной философии языка // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов: Колледж, 2003. С. 27-39.

Кравченко А. В. Репрезентация мыслительных структур в языке как тема научного дискурса // Когнитивные исследования языка. 2012. Вып. XII. С. 205-216.

Мамардашвили М.К. О призвании и точке присутствия // Конгенитальность мысли. О философе Мерабе Мамардашвили. М.: Прогресс, 1999. С. 115.

Смит Л.П. Фразеология английского языка. М.: Дрофа, 1998.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.

Fauconnier G., M. Turner. The Way We Think: Conceptual Integration and the Mind's Hidden Complexities. New York: Basis Books, 2002.

Hutchins E. Cognition in the Wild. Cambridge, MA: The MIT Press, 1995.

Maturana H. R. Biology of Language: The Epistemology of Reality // Miller G. & Lenneberg E. (eds.) Psychology and Biology of Language and Thought. New York: Academic Press, 1978. P. 28-62.

Reed St.K. Cognition. Theory of Application. Pacific Grove, Calif.: Brooks/Cole Pub., 1996.

Stapel D. & W. Koomen. Let's not Forget the Past When We Go to the Future: On our Knowledge of Knowledge Accessibility // Cognitive Social Psychology: The Princeton Symposium on the Legacy and Future of Social Cognition. Psychology Press. 2001. P. 229-246.

Steffensen S.V. Language, Languageing and the Extended Mind Hypothesis // Review of Clark. Pragmatics & Cognition. 2008. 17. P. 677-697.

A.G. Gurochkina (*St.-Petersburg, Russia*)
Herzen Russian State Pedagogical University

PERCEPTION AND MECHANISMS OF MEANING-MAKING OF PHRASEOLOGICAL UNITS

The article deals with the ideas of biocognitive linguistics concerning mechanisms of meaning-making (semiosis) in living systems. It states the fact that as a cognitive phenomenon, the meaning of linguistic sign presents a certain associative potential that is basically a person's memory of the previous uses of a particular sign.

Key words: meaning, semiosis, cognitive structure, perception, understanding.

Н.Б. Гвишиани (Москва, Россия)

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ngv@wdcб.ru

О НОВЫХ ТЕРМИНАХ ФРАЗЕОЛОГИИ В КОМПЬЮТЕРНО-КОРПУСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются два подхода в изучении объекта фразеологии – традиционный в его развитии и компьютерно-корпусный дистрибутивный анализ. Представляя разные школы мысли или идеологии, эти подходы существенно различаются по используемой терминологии, что выразилось в возникновении новой парадигмы фразеологических исследований.

Ключевые слова: идиоматическая / неидиоматическая фразеология, композиционные / некомпозиционные словосочетания, категория коннотативности, лексико-грамматический фрейм, лексические связки, n-grams.

В современных лингвистических исследованиях, все глубже проникающих в когнитивные механизмы порождения речи и речевой деятельности, фразеология занимает особое место. Возможно, это связано с тем, что реализация функций языковых единиц в формировании смысла высказывания происходит не в отдельных словах, а в их сочетаниях. Не случайно, что в концепции Ф.Ф. Фортунатова предложение определялось как «законченное словосочетание». Выбор и употребление слов в речи составляют предмет *неидиоматической фразеологии*, исследующей правила *сочетаемости слов*, то есть создания структурных групп единиц, наиболее естественно воспринимаемых носителями данного языка. В то же время, *идиоматическая фразеология* обращается к глобальности значения сочетаний слов, в основе которых лежит метафоризация. *Креативность* же в использовании языка, за счет модификации его общепринятых средств, создает многоуровневый смысл сообщения, в котором задействованы как линейные, так и нелинейные семантические связи дискретных языковых единиц.

Интерес к фразеологии, предопределивший ее бурное развитие в настоящее время, возник еще в середине прошлого века. По образному выражению В.Н. Телия, «отечественная фразеология вышла из «виноградовской шинели», так как концепция акад. В.В. Виноградова была не перенесением взглядов Ш. Балли на русский материал, ни тем более – на почву отечественной традиции, а развитием его идей в духе постгумбольдтианского психологизма, наиболее ярко представленного

той традицией, которая восходит к трудам А.А. Потебни, в грамматике – к школе А.А. Шахматова» [Телия 1996: 54]. Важной вехой в развитии фразеологии этого периода была ее тесная связь с лексикологией и лексикографией, которая проявилась в стремлении создать инвентари фразеологизмов и придать им упорядоченный вид лексико-фразеологической подсистемы языка. Кроме того, огромное значение имело признание фразеологичности построения речи в условиях многозначности, синонимичности и полифункциональности слов. Так, согласно В.В. Виноградову, «большая часть значений слов фразеологически связана. Иметь разные значения для слова чаще всего значит входить в разные виды семантически ограниченных семантических связей» [Виноградов 1953: 176].

Следующий после «классического» этап в становлении фразеологии «нового типа» ознаменовал ее развитие в направлении когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистических исследований, когда в фокусе рассмотрения оказались фразеологические знаки и их прагматические функции в коммуникативном процессе [Телия 1996: 49]. На первый план выходит роль фразеологизмов в различных речевых актах, а также их функциональный потенциал в выражении имплицитных значений и интенции говорящего. Выбор и замысел субъекта речи становятся важными факторами фразеологического исследования. В реальном употреблении коммуникативно-функциональные аспекты фразеологизмов задействуют мыслительные процессы в достижении взаимопонимания между участниками речевого акта, в основе которого лежат когнитивно-интерпретирующие модели.

В 70-80-е годы XX века в лингвистике происходят большие изменения. Обращает на себя внимание тот факт, что параллельно с движением новых целей и задач во фразеологии возникают и развиваются другие глобальные лингвистические направления, такие, например как *прагматика* и *дискурс-анализ* [Searl 1969; Grice 1975; Coulthard 1977]. В разворачивании дискурсивных исследований, ставящих во главу угла анализ речупотреблений в социально-обусловленных событиях, могут быть выделены такие стадии, как *текстуализация*, *организация* и *контекстуализация* дискурса [Bhatia 2014: 53, 138-140]. При этом в качестве основной теоретической идеи принимается понятие *функции* языкового знака в реконструкции вербальной коммуникации участников речевого акта. Функция языковых единиц оказывается тем самым тесно связанной с концептуализацией значения как «продукта социальных практик». По соотношению формы и функции в примене-

нии к различным сферам использования языка, дискурс рассматривается как процесс построения речи в контексте коммуникативного события [Гвишиани 2019: 224].

На первом этапе развития *discourse studies* (текстуализация) проводится анализ статистически значимых языковых структур в составе расширенного произведения речи или текста, который становится самостоятельным объектом лингвистического исследования. Следующий этап – *организация дискурса* – связан с выделением социально-когнитивных контекстов употребления языка в качестве «жанровых стилей определенных сфер человеческой деятельности и общения» [Бахтин 1986: 432].

В области фразеологии в этот период приоритетное развитие получает исследование устойчивых и идиоматических единиц в определенной сфере их функционирования, например, оборотов научной речи в составе академических дисциплинарных регистров (*it is reasonable to maintain that, we assume that, to develop a strategy, in the preceding discussion, to gain new knowledge*). Среди английских фразовых глаголов, в частности, выделяется стилистически нейтральный слой лексики, функционирование которого связано с общенаучным дискурсом: *sum up, give up, point out, work out, come about, call for, bring out, try out, set about*.

В *контекстуализации* дискурса задействовано еще большее проникновение в прагматическое пространство процесса коммуникации с учетом дополнительных оттенков смысла, которые присоединяются к языковому знаку в событийной реальности. Например, контекстуализация фразеологизмов-идиом в художественном тексте позволяет выявить механизмы их адаптации к стилю и ходу повествования в соответствии с авторской интенцией. Неслучайно в переводах идиом появляются различные межязыковые соответствия, отражающие их *интерпретацию* в контексте:

–Anywhere from Tonga to the Admiralty Isles, he knew the ropes and could lie in the native dialect.”

(R. Stevenson –“The Wrecker”)

–Besides Bannal’s knowledge of the theatre is inside knowledge; we know him, and he knows us. He knows the ropes.”

(B. Shaw –“Fanny’s First Play”)

«Повсюду от Тонги до Адмиралтейских островов он был как дома и мог врать на любом местном диалекте».

«Вдобавок, Баннель знаком с закулисной стороной театра. Мы его знаем, и он нас знает. Он знает все ходы и выходы».

Сложившиеся традиции, так же как и новые «траектории» в изучении предмета, отражаются в научной парадигме или системе понятий (*frame-of-reference*) данной области знания, привнося в нее новые терминологические единицы. В частности, в становлении «прагматического» взгляда на фразеологию в духе дискурсивных исследований, особую роль сыграло введение понятия *коннотативности фразеологизма* как его прагматической характеристики. Так, «...фразеологизмы, в отличие от слов, имеют фразеологическое значение, состоящее из образного представления метафорического, метонимического или сравнительного типа, через которое называется денотат и дается его коннотативная характеристика в сигнификате» [Федоров 1980: 15].

В системе лексико-фразеологических категорий словосочетания [Гвишиани 1979; Тер-Минасова 1980] была выделена категория *коннотативности* для разграничения полилексемных образований в эмотивной/экспрессивной и референциальной функциях. При этом речь шла не просто о различии стилистически маркированных и нейтральных фразеологизмов, как, например, в случае *phrasal collocations* (фразовые коллокации) и *idioms proper* (собственно идиомы). К первым можно отнести *to fall in love* (влюбиться), *to take the opportunity of doing something* (воспользоваться возможностью что-то сделать), *to get in touch with* (связаться с кем-либо), *to keep an eye on* (присматривать за чем-либо или кем-либо), *to go to bed* (лечь спать), в случае которых нет монолексемных аналогов. Вторая группа представлена идиомами с полным набором запечатленных в них стилистических оттенков, образности и метафоричности. Например: *to set the world on fire* (be a great success), *to be born with a silver spoon in one's mouth* (to be born into a rich family), *to see the light at the end of the tunnel* (to see that one's difficulties or problems will be solved eventually), *разбить сердце* (сделать несчастным), *косая сажень в плечах* (о широкоплечем высоком человеке), *перейти дорогу* (нарушить чьи-то планы). Именно эти языковые средства свидетельствуют о том, что «изучение фразеологического состава языка в контексте культуры – благодатная почва для выявления и описания тех языковых средств и способов, которые воплощают во фразеологические знаки культурно значимые смыслы, придавая им тем самым и функцию знаков «языка» культуры» [Телия 1996: 9].

Однако, рассматривая категорию коннотативности, мы говорим о том, что ее маркированные единицы предполагают «прочтение» не на семантическом уровне их денотативных значений, а на уровне *мета-семантическом*, когда данная форма и значение становятся материа-

лом для выражения более сложного «метасодержания». Иначе говоря, применение категории коннотативности в исследовании фразеологизмов неизбежно влечет за собой анализ контекста в динамическом, а не статическом осмыслении значения идиоматического словосочетания.

Другой категорией словосочетания, имеющей прагматическую направленность, является его тематическая и социолингвистическая обусловленность. Данный критерий предполагает наличие в словосочетании «фонового» компонента, соотносимого с социальными явлениями или феноменами культуры. Так, например, идиомы *the proof of the pudding is in the eating*, *to know the ropes*, *to have a finger in every pie*, *a skeleton in the cupboard* и другие пришли из английского языка, хотя в настоящее время они хорошо известны носителям русского языка. В процессе перевода нередко применяется стратегия выбора параллельного аналога идиомы с заменой лексических компонентов, репрезентирующих разные образы:

—There was only *one fly in the ointment* so far as some of the politicians were concerned;”
(Th. Dreiser —The Financier”)   «В этой бочке меда была для некоторых политиков лишь одна ложка дегтя...»

В то же время «шекспировские идиомы» воспринимаются как литературные аллюзии: *the wish is father to the thought*, *midsummer madness*, *to gild the lily*, *to have the gallows in one's face*.

Как можно видеть, область фразеологии постоянно расширялась в ходе ее развития. Постепенно набор объектов ее исследования «переполнился», поскольку трудно было вместить в одну концепцию самые разные типы полилексемных единиц: устойчивые выражения, разговорные формулы, фразеологические единства, идиоматические / неидиоматические сочетания, обладающие разной степенью разложимости (*compositionality*), предельные синтагматические последовательности, собственно идиомы, пословицы и т. д. Говоря о размытости границ фразеологии, бельгийские лексикологи С. Гренджер и М. Пако называют ее терминологию «фразеологической паутиной» (*—the phraseological web*”) и дают следующий комментарий: —*the impression is amplified by the unwieldy terminology employed, with different terms covering the same units and the same terms used to denote quite different units*” [Granger, Paquot 2008: 28]. Кроме того, возникли пересечения фразеологии с другими лингвистическими дисциплинами. Анализ лек-

сических и грамматических фреймов слов в контексте позволил выявить имплицитные значения и смыслы во взаимодействии парадигматики и синтагматики. Области соприкосновения формы и функции ориентировали фразеологические исследования на сближение с теорией дискурса и функциональной стилистикой. Тем самым объект исследования фразеологии становился все более неопределенным, что и явилось причиной изменения ее парадигмы.

На рубеже веков отмечается бурное развитие другого магистрального лингвистического направления – корпусной лингвистики, в русле которой рождались многие смелые предпосылки, бросающие вызов традиционным постулатам. Так, рассматривая взаимодействие лексики и грамматики в структуре высказывания, Дж. Синклер приходит к выводу о том, что форма и значение неразрывно связаны и, с этой точки зрения, каждое слово является уникальным: «*every single word should be regarded as a unique one-member class*» [Sinclair 1991: 7]. Именно эта установка послужила началом формирования тезиса о «единстве коллокации и коллигации». При несоблюдении этого принципа возникает ситуация, когда каждое слово будет нуждаться в отдельном объяснении особенностей его употребления в словаре. Если традиционный подход разграничивал фразеологию и синтаксис, хотя и не исключал возможность их пересечения, то корпусный дистрибутивный анализ явно отдавал предпочтение «грамматике слова» (*lexico-grammar*) и лексико-грамматическим фреймам (*lexical-grammatical frames*). Вместо традиционных лингвистических критериев, опирающихся на понятийную базу, Синклер использует корпусный статистический подход в выделении фразеологизмов, так называемый «*the bottom-up approach*» [Sinclair 1987]. Этот основанный на статистике метод позволяет ему раздвинуть привычные рамки фразеологии и включить в сферу исследования преимущественно композиционные сочетания «рамочного» типа (*frames*), грамматические построения (*коллигации*) и воспроизводимые фразы (*recurrent phrases*). Столь широкая синтагматическая перспектива служит подтверждением основной мысли автора о фразеологичности построения речи и доминировании в этом процессе *идиоматического принципа* (*the idiom principle*).

Основанием для развития «корпусной фразеологии» также послужила теоретическая посылка британского концептуализма о распределении передаваемого значения или смысла высказывания в сочетании языковых символов, а не в отдельных словах. В рамках «*Neo-Firthian tradition*», названной по имени основоположника Лондонской школы

1960-х годов Дж.Р. Ферса, значение слова рассматривалось как его функция в контексте, что также оказалось востребованным корпусной лингвистикой. Исследование больших массивов языкового материала позволило подойти к фразеологии с новой «меркой». Например, в области разграничения фразеологизмов и неидиоматических сочетаний был предложен *метод частотных коллокатов*, позволяющий установить степень законченности словосочетания, то есть идиоматизации его значения. Так, при присоединении левого коллоката (предлога *in*) к свободному сочетанию *black and white* образуется фразеологизм *in black and white*, поскольку его коллокационный профиль не выявляет сочетательных вариантов, что свидетельствует о степени его «изолированности» или «семантической глобальности» [Philip 2011: 6-8].

Ключевой единицей компьютерного дистрибутивного подхода стал термин “*lexical bundles*” (*лексические связки*), а также его аналоги: *clusters*, *recurrent sequences*, *phrase-frames*, *n-grams* и другие. Отличительной особенностью “*lexical bundles*” является то, что они не соотносятся ни с одним из традиционно выделяемых понятий фразеологии как лингвистической дисциплины, изучающей структуру, семантику и употребление сочетаний слов. Данные единицы выводятся из языкового корпуса путем автоматизированного подсчета их частотности, превышающей определенный «порог» статистического значения (*frequency threshold recurrence*). Кроме того, “*lexical bundles*” представляют собой последовательности как лексических, так и грамматических слов, выявляя тем самым лексико-грамматические фреймы, обладающие высокой воспроизводимостью в определенном типе дискурса. “*Lexical bundles*” (*лексические связки*), определяемые как последовательности слов в речевом пространстве, выводятся путем статистического анализа *n-grams* – цепочек, состоящих из 2-х и более (по числу n) компонентов [Salazar 2014: 13]. Эти сочетания обнаруживают синтаксическую и семантическую регулярность, получая при этом лингвистический статус. Они также выполняют определенные функции в организации текста и являются *дискурсивными единицами*, структурирующими речь в виде фразовых фреймов.

Если традиционный подход ставил в центр категории фразеологизмов идиомы как ее прототип, то компьютерно-корпусный дистрибутивный анализ тяготеет к периферии, то есть неидиоматической сфере сочетаний лексических и грамматических слов, входящих в широкую область синтагматики. Хотя исследование *n-grams* не предусматривает их категоризацию или структурную типизацию, среди рас-

сматриваемых *n-grams* могут быть обнаружены более узнаваемые сочетания (например, *on the one hand, in the case of, the fact that*) по сравнению с фразовыми фреймами, которые воспринимаются как фрагменты высказывания (“*I don't know what*”, “*can I have a*”) [Granger, Paquot 2008: 39].

Другой метод дистрибутивного корпусного анализа использует принцип ассоциативности языковых единиц в окружении какого-либо слова (*co-occurrence*), когда частотность их употребления превышает некоторое среднее значение. На этой основе компьютерные программы (например, Sketch Engine) предоставляют в распоряжение лингвистов и лексикографов статистически фундированные данные о грамматических и сочетательных возможностях слова (рис. 1).

modifiers of "away"		modifiers of "walk"	
"away"		"walk"	
briskly	40 ...	calmly	50 ...
calmly	19 ...	simply	761 ...
farther	17 ...	casually	28 ...
backwards	25 ...	slowly	134 ...
further	56 ...	downhill	18 ...
slowly	97 ...	quietly	43 ...
quietly	30 ...	just	2,034 ...
swiftly	7 ...	nonchalantly	11 ...
quickly	108 ...	then	871 ...
straight	22 ...	briskly	11 ...
rapidly	29 ...	willingly	14 ...
far	91 ...	hopefully	27 ...

verbs modified by "walk away"		
empty	100	...
inspire	116	...
empower	28	...
energize	20	...
satisfy	39	...
impress	40	...
refresh	16	...
shake	17	...
arm	13	...
feel	150	...
form	37	...
defeat	13	...

Рис. 1. Фрагмент Word-Sketch фразового глагола *walk away*

Поскольку лексические связи и *n-grams* являются *маркерами регистра* (*register markers*) в составе данного типа дискурса, они нашли широкое применение в исследовании организации и тематического состава различных предметных дисциплин. Критерий частотности «фра-

ботает» на выявление приоритетных оборотов в корпусе текстов. При этом коннотативно маркированные языковые единицы (например, фразеологизмы-идиомы) практически остаются неохваченными ввиду их низкой частотности и невозможности преодолеть установленный порог статистических значений.

Для иллюстрации экспериментальной корпусной методики рассмотрим электронный корпус научных статей, опубликованных издательством Elsevier, доступ к которым предоставляет менеджер Science Direct.

N-grams и *formulaic expressions* могут выражать понятия, выступать в функции парантез, обозначать структурные моменты дискурса, служить контактоустанавливающим средством, а также содержать терминологическую фразеологию. В ходе анализа *4-grams* (4-х-компонентных сочетаний) было обнаружено их разное количество в исследуемых дисциплинах, включающих астрономию, окружающую среду, лингвистику, социологию и медицину. Так, следующая таблица показывает фразеологический профиль текстов, согласно которому лингвистика характеризуется наименьшим количеством *лексических связей*, а значит и большей вариативностью в использовании языковых средств (табл. 1):

Таблица 1

4-grams в предметных дисциплинах

Discipline	Number of 4-grams
Linguistics	36
Astronomy	51
Environmental Science	85
Medicine	84
Sociology	119

Приведенные данные могут также свидетельствовать о стремлении авторов лингвистических статей избегать повторы и стереотипы и отдавать предпочтение индивидуальным способам выражения, несмотря на известную конвенциональность академического дискурса.

Кроме того, компьютерные ресурсы используются для извлечения терминологии, плотность которой в выводе *n-grams* оказывается значительной (табл. 2):

Термины астрономии и науки об окружающей среде

4-grams	COUNT	4-grams	COUNT
ASTRONOMY		ENVIRONMENTAL	
		SCIENCE	
<i>on the lunar surface</i>	7	<i>the IUCN Red List</i>	32
<i>the MET and LRV</i>	6	<i>by the IUCN Red</i>	15
<i>in contact with the</i>	6	<i>vulnerable to climate change</i>	13
<i>angular speed of X</i>	6	<i>vulnerability to climate</i>	9
<i>an angular speed of</i>	6	<i>change</i>	8
<i>MET and LRV wheel</i>	6	<i>the conservation potential of</i>	8
		<i>of the species in</i>	8
		<i>Association of Zoos and</i>	8

В ходе анализа может быть выделен *тематический словарь*, отражающий ключевые темы и соответственно терминологические единицы данной дисциплины.

Итак, можно заключить, что компьютерно-корпусные стратегии существенно трансформировали не только методы фразеологии, но и объект ее исследования, сместив фокус внимания в направлении лексико-грамматических фреймов и лексических последовательностей, не несущих в себе компонента идиоматичности. В то же время, предмет фразеологии как исследования регулярно воспроизводимых (устойчивых) сочетаний слов в текстовом и коммуникативном пространстве, остается неизменным при всем различии и разнообразии целей, вытекающих из разных подходов и идеологий. Как отмечают С. Гренджер и М. Пако, оба выделенных направления – традиционный и корпусный дистрибутивный анализ – существенно выиграли бы при уточнении используемой терминологии: *“any rapprochement will only be fruitful if it is accompanied by some rigorous clarification of terminology”* [Granger, Paquot 2008: 41].

Литература

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 432-435.
Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // В.В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977.
Гвишиани Н.Б. Полифункциональные слова в языке и речи. М.: «Высшая школа», 1979.

- Гвишиани Н.Б.* Язык и дискурс науки. М.: URSS, 2019.
- Телия В.Н.* Русская фразеология. М.: «Языки русской культуры», 1996.
- Тер-Минасова С.Г.* Синтагматика речи: онтология и эвристика. 2-е изд. М.: URSS, 2009.
- Федоров А.И.* Сибирская диалектная фразеология. Новосибирск: Наука; Сиб. отд-ние, 1980.
- Bhatia V.* Worlds of Written Discourse. London-New York, 2014.
- Coulthard M.* An Introduction to Discourse Analysis. London: Longman, 1969.
- Granger S., Paquot M.* Disentangling the phraseological web // Phraseology. Amsterdam / Philadelphia, 2008.
- Grice H.P.* Logic and Conversation // Speech Acts: Syntax and Semantics, Vol. 3. London: Academic Press, 1975.
- Philip G.* Colouring Meaning. Collocation and Connotation in Figurative Language. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2011.
- Searle J.R.* Speech Acts. Cambridge: Cambridge University Press, 1969.
- Salazar D.* Lexical Bundles in Native and Non-Native Scientific Writing. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2014.
- Sinclair J.* Corpus Concordance Collocation. Oxford: Oxford University Press, 1991.
- Sinclair J.* Looking Up // An Account of the COBUILD Project in Lexical Computing. London: Collins Cobuild, 1987.

N.B. Gvishiani (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

CONCERNING NEW TERMINOLOGY OF PHRASEOLOGY IN CORPUS-BASED STUDIES OF ENGLISH

The article centers on two approaches in phraseology, the traditional one in its evolution and the current computer-corpus distributional analysis. Proceeding from different frames-of-reference, the approaches are shown to be widely divergent in the terminology used, which is seen as a transformation of the phraseological research paradigm.

Key words: idiomatic / non-idiomatic phraseology, compositional / non-compositional word-combinations, the category of connotativeness, lexical-grammatical frame, lexical bundles, n-grams.

В.И. Заботкина (Москва, Россия)

*Российский государственный гуманитарный университет
zabotkina@rggu.ru*

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: МЕНТАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ¹

В статье рассматриваются три ментальных пространства, лежащие в основе взаимодействия двух культур в процессе межкультурной коммуникации. Особое внимание уделяется интегрированному пространству со своей собственной эмерджентной концептуальной структурой. Анализируются механизмы концептуального проецирования между тремя ментальными пространствами и их репрезентации в языке.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, концептуальные структуры, когнитивные механизмы, ментальное пространство, лингвистические структуры, интерактивное выравнивание.

Данная статья посвящена памяти В.Н. Телия – основателя школы лингвокультурологии, выдающегося ученого и прекрасного человека. Цель статьи – рассмотреть ментальные структуры и когнитивные механизмы, лежащие в основе межкультурной коммуникации. Мы исходим из понимания культуры как ментальной структуры сознания. По В. Телия, «культура – это семиотически бытующая в человеке в виде ментальных структур осознания мира «символическая Вселенная» (по Кассиреру), заимствующая для презентации ментефактов знаковые «тела» в природе, а также в артефактах и ментефактах других семиотических систем, и в естественном языке как одном из семиотически наиболее универсальных способов концептуализации и означивания» [Телия 2005: 8; см. также 2004: 680].

Знания о культуре хранятся в ментальных/когнитивных моделях и репрезентируются в языке. Взаимодействие культур предполагает взаимодействие ментальных пространств и языковых структур. При этом мы различаем знание *per se* и структуры его хранения, то есть концептуальное содержание и модели его репрезентации.

В статье рассматривается процесс межкультурной коммуникации с позиции взаимодействия нескольких ментальных пространств. Мы

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 17-78-30029.

выдвигаем гипотезу о том, что в процессе взаимодействия двух культур принимают участие три пространства: 1) ментальное пространство своей культуры; 2) ментальное пространство другой/чужой культуры; 3) интегрированное пространство со своей эмерджентной, т.е. новой, возникающей с ростом сложности структурой. В основе взаимодействия трех ментальных пространств лежат когнитивные механизмы концептуального проецирования. При этом важно отметить, что в процесс проецирования вовлечены как ментальные пространства двух культур, так и третье интегрированное пространство. Данное пространство наследует роли и свойства двух исходных ментальных пространств, в которых находится каждый из представителей двух взаимодействующих культур. «Интегрированное ментальное пространство приобретает свою собственную структуру и новые свойства» [Fauconnier 2004]. Каждое из трех пространств структурируется своим фреймом. Третье пространство представляет собой концептуальный бленд, то есть результат концептуальной интеграции. Важность этого пространства определяется еще и тем, что оно лежит в основе межкультурного дискурса. Оно структурирует и строит этот дискурс и должно помочь понять другую культуру, инферировать смыслы ментальных моделей и их языковых репрезентаций в каждой из двух культур.

Две культуры находятся в постоянном взаимодействии, во взаимообогащении, что позволяет высветить отдельные характерные черты каждой из культур и тем самым способствовать выявлению специфических особенностей и общих свойств. Специфичность своей культуры может быть понята только по отношению к другой культуре. Напомним в этой связи слова М. Бахтина, который писал о том, что мы идентифицируем себя только по отношению к другому [Бахтин 1972: 147]. Две взаимодействующие культуры, а следовательно, и два языка находятся в постоянном сравнении и постоянно как бы оценивают друг друга. Как известно, взаимодействие культур включает в себя следующие механизмы: ассимиляцию, присвоение, взаимопроникновение (инкорпорацию) и навязывание [Iser 1995]. Встреча с другой культурой предполагает, прежде всего, либо ассимиляцию, либо присвоение самого привлекательного из другой культуры, либо происходит блокировка того, что является негативным. Здесь возникает вопрос об аксиосферах двух взаимодействующих культур. То, что является позитивным в одной культуре, может восприниматься как негативное в другой. Кроме того, в каждой культуре происходит с течением времени перестройка шкалы ценностей. То, что выступало как позитивное

на определенном этапе развития национальной культуры, может превращаться в аксиологическую противоположность. В этой связи важно ответить на вопрос о том, должна ли культура/язык переводить себя в термины другой культуры в соответствии со своими собственными представлениями, не учитывая чужую культуру, или же она должна понять другую культуру с учетом как своих базовых ценностей, так и ценностей другой культуры.

Специфичность другой/чужой культуры может быть понята только в том случае, если она проецируется на то, что уже знакомо, т.е. на свою культуру. В этом случае чужая/другая культура не просто поглощается своей культурой, своим фреймом референции – вместо этого фрейм своей культуры подвергается изменениям, т.к. происходит аккомодация двух культур, двух систем ценностей для того, чтобы принять то, что не является его (фрейма) частью. Такая транспозиция противостоит идее гегемонии одной культуры над другой [Iser 1995]. Более того, своя культура не является монолитной сущностью, в каждой культуре выделяется несколько уровней: высокая культура, массовая, субкультура, контркультура и другие. Помимо этого, существует уровень индивидуальной культуры отдельной личности.

Напомним в этой связи, что по В.Н. Телия базовой категорией культуры как таковой является «человек-личность». Строго говоря, у каждого индивида каждой конкретно-исторической эпохи имеется своя собственная картина мира. Она синтезируется им в результате его непосредственных контактов с миром, из научного материала культуры, в которой заложены все известные образцы и варианты картин мира, на базе интуиции о мире, которые пробуждаются в человеке под влиянием культуры или актов жизнедеятельности [Телия 1988а, 1988б]. Анализ когнитивных механизмов взаимодействия между двумя культурами позволяет выявить взаимодействие между отдельными личностями, участвующими в межкультурном диалоге как разновидности межкультурного дискурса. Речь идет о когнитивном механизме интерактивного выравнивания (interactive alignment).

Интерактивное выравнивание (согласование) помогает преодолеть проблему непонимания, т.е. обеспечивает общность ментальных репрезентаций и реализуется на нескольких уровнях: 1) на уровне ситуационных моделей; 2) на уровне семантической интерпретации; 3) на уровне синтаксических форм [Garrod 2004]. Иными словами, по мере развертывания диалога происходит построение нескольких уровней репрезентаций, разделяемых участниками диалога. Особого внимания

заслуживают когнитивные механизмы семантической интерпретации. Речь идет прежде всего о механизме инференции. Наибольшую сложность при инферировании концептуального содержания слов в диалоге представляют полисемантические лексические единицы, которые могут привести к созданию двусмысленности и неясности диалогических реплик. В свою очередь, неясность, как указывалось в наших предыдущих работах [Zabotkina, Boyarskaya 2018; Заботкина 2019], может носить амбивалентный характер и проявляться в виде либо «конструктивной», либо «деструктивной» двусмысленности, что связано с угрозой манипуляции. Успешность механизма интерактивного выравнивания во многом определяется наличием третьего интегрированного ментального пространства, которое пронизывает концепт взаимности (mutuality). Как указывалось выше, третье пространство помогает инферировать смыслы ментальных моделей каждой из двух культур и их языковых репрезентаций.

На языковом уровне взаимодействие двух культур наиболее ярко проявляется при переводе: благодаря слову происходит активация концептуальных структур фрейма одной культуры, которые проецируются на фрейм другой культуры (второго ментального пространства). Затем происходит поиск соответствующего слова иностранной культуры.

При переводе, особенно синхронном, происходит одновременная со-активация лингвистических и концептуальных структур двух культур. Происходит взаимодействие, если можно так выразиться, в билингвильном, биконцептуальном режиме, в котором участвуют как два ментальных пространства каждой из взаимодействующих культур, так и общее интегрированное ментальное пространство. Происходит активация концептуальных структур и этого (третьего) пространства. Естественно, в процессе перевода часто наблюдается асинхронизация активации структур ментальных пространств, когда слова родного языка и концептуальные структуры, стоящие за ними, активируются быстрее, чем соответствующие концептуальные и языковые структуры иностранного языка (ср. [Smith 2017]). Наблюдается так называемое доминирование одного языка над другим. В результате контакта двух культур и двух языков происходит известная всем интерференция.

Таким образом, можно говорить о существовании трех ментальных пространств как основы взаимодействия двух культур. Анализ когнитивных механизмов межкультурной коммуникации позволяет выделить механизмы двух уровней: 1) уровень взаимодействия кон-

цептуальных картин мира двух культур; 2) уровень взаимодействия личностей/индивидов — носителей двух культур. На первом уровне действуют механизмы проецирования между тремя ментальными пространствами. На втором уровне действует механизм интерактивного выравнивания, обеспечивающий общность ментальных репрезентаций участников межкультурного диалога, основывающийся на третьем, интегрированном ментальном пространстве. Особого внимания заслуживают когнитивные механизмы, лежащие в основе перевода с одного языка на другой. В этом случае действуют механизмы одновременной со-активации лингвистических и концептуальных структур фреймов двух культур.

Дальнейшие исследования в этой области требуют анализа различных видов и типов проецирования между тремя пространствами, а также более детального исследования интегрированного межкультурного пространства, лежащего в основе межкультурного дискурса/диалога.

Литература

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Изд. третье. М.: Худож. лит., 1972.

Заботкина В.И. Когнитивные основы лингвистической креативности // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVIII. С. 208-216.

Телия В.Н. Метафора как модель словопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988а. С. 26-51.

Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Человеческий фактор в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988б. С.173-204.

Телия В.Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация. 2005. Вып. 30. С. 4-42.

Телия В.Н. Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов – знаков-микротекстов // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой. М.: Языки славян. культуры, 2004. С. 674-684.

Fauconnier G. Pragmatics and Cognitive Linguistics // The Handbook of pragmatics / ed. by L.R. Horn and G. Ward. Oxford: Blackwell, 2004. P. 657-674.

Garrod S. & Pickering M. Why is conversation so easy? // TRENDS in Cognitive Sciences. 2004. Vol. 8, N. 1. P. 8-11.

Iser W. On Translatability: Variables of Interpretation // The European English Messenger. 1995. Vol. 4 (1). P. 30-38.

Smith M.S. Introducing Language and Cognition: a Map of the Mind. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2017.

Zabotkina V.I., Boyarskaya E.L. Conceptual foundation of event-referential ambiguity // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts. 2018. Vol. 5, Iss. 3.6. P. 142-148.

V.I. Zabotkina (*Moscow, Russia*)

Russian State University for the Humanities

INTERCULTURAL COMMUNICATION: MENTAL STRUCTURES AND COGNITIVE MECHANISMS

The article explores the interaction between three mental spaces laying the basis of the cross-cultural communication. Special emphases are on the third mental space presenting conceptual blend with its own emergent conceptual structure. We concentrate on the conceptual mapping between the three mental spaces and their representations in language.

Key words: intercultural communication, conceptual structures, cognitive mechanisms, mental space, language structures, interactive alignment.

Н.К. Рябцева (*Москва, Россия*)

Институт языкознания РАН

nadia_riabceva@mail.ru

«ГРАММАТИКАЛИЗОВАННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ» КАК КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ДОМИНАНТЫ В НАУЧНОЙ РЕЧИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ИДИОМАТИЧНОСТЬ

Статья посвящена лингвоспецифическим особенностям грамматикализованных фразеологизмов, характерных для научной речи на русском языке: их свойствам, характеристикам и функциям. Подчеркивается их релятивно-

интерпретирующий характер, отсутствие у них «симметричных» аналогов в английском языке и их межъязыковая идиоматичность.

Ключевые слова: научная речь, фразеология, грамматикализация, идиоматичность, межъязыковая асимметрия.

Важное место в исследованиях Вероники Николаевны Телия занимала фразеология – наиболее яркая, образная, своеобразная, показательная, лингвоспецифичная, концептуально интегративная, гетерогенная, культурно-маркированная и прагмаэстетически значимая категория любого языка: «История фразеологического состава языка – это не только история его формирования, но и история мировидения и миропонимания народа, поскольку отбор образов и их оязыковление – это результат культурной интерпретации самих фрагментов действительности с целью выразить отношение к ним – ценностное или эмоциональное» [Телия 1996: 82]. Типы и виды фразеологических выражений имеют множество разновидностей и отличительных свойств. Причем одним из наиболее показательных свойств фразеологии выступает ее постоянное пополнение новыми единицами, формами и видами. Кроме того, для фразеологии характерно функциональное изменение и варьирование, а также стилистическая маркированность и «избирательность»: «Косвенно-номинативный способ образования у слова комбинаторно-обусловленной знаковой функции приводит к семантически и лексически связанной реализации его значения с определенным рядом слов» [Телия 1990: 559].

К значимым интегративным свойствам фразеологических единиц разных типов относится их раздельнооформленность и функционирование их компонентов в виде единой структурно-семантической конструкции или в виде особой модели с ситуативно «заполняемыми слотами», а также их представление в виде застывших форм косвенных падежей существительного со служебными словами, в частности, с предлогами, например: *в качестве (примера), в виде (наброска)* и мн. др. При этом семантика самих таких однозначных слов в подобных конструкциях начинает редуцироваться, ср.: *участвовал в качестве эксперта vs. как эксперт*. Соответствующие коммуникативные единицы функционируют на периферии лексики и фразеологии, представляют собой застывшие сочетания грамматических форм косвенных падежей существительного с предлогами. В теоретической литературе подобные образования рассматриваются, в первую очередь, как единицы фразеологической системы русского языка, как релятивные фразеоло-

гизмы, служебные одновершинные устойчивые словосочетания, отыменные сложные предложно-сочетания и т.п. ([Телия 1981; Всеволодова 2017] и др.). Ввиду их недостаточной изученности, а также их эволюции и различной теоретической интерпретации они обозначаются также как «лексикализованные предложно-падежные сочетания» (подчеркивающие их разрыв с исходной парадигмой имени и обретение особого языкового/ коммуникативного статуса); «отыменные двухкомпонентные служебные словосочетания с фразеологизованным значением» [Ушакова, Гальченко 2000], «соединители союзного типа», «отыменные релятивы» (ср. *в русле* [Шереметьева 2019]; *по образцу, по типу* [Артеменко 2019]), предложно-падежные синтаксемы (*в пределах, в области, в направлении* [Конюшкевич 2019]), фразеологические единицы (phraseological units [Fillmore et al. 1988: 534]), «грамматизированные фразеологизмы» и др.

Подобные довольно разнородные грамматизированные фразеологизмы (ГФ) в русском языке достаточно широко представлены: по самым скромным предварительным подсчетам, их более двух тысяч [Пасечник 2005: 4]. «Необходимость определения места этих образований в системе единиц языка диктуется и теоретическими, и практическими задачами. Только с учетом специфики такой обширной группы языковых единиц можно построить надежное теоретическое основание для их полного представления и комплексного описания в словарях различных типов» [Там же]. В практическом и дидактическом отношении их перевод на иностранный язык, в первую очередь английский, позволит включить в методические рекомендации соответствующий весьма ценный материал.

Тем не менее, в настоящее время их точный статус до конца не определен, хотя ГФ системно и структурно организованы и обнаруживают специфические черты, отличающие их как от собственно фразеологизмов, так и от лексических единиц. В русле современной теории межуровневого взаимодействия языковых единиц (Н.Ф. Алефиренко) и фразеологической переходности (А.В. Жуков) ГФ могут быть интерпретированы как автономный класс языковых единиц, совмещающих в себе признаки (служебного) слова (одно основное ударение, моделируемость грамматической структуры, закреплённость синтаксической функции) и признаки фразеологизма (постоянство компонентного состава, воспроизводимость, раздельнооформленность и др.). ГФ могут быть представлены как система со своими синтагматическими и парадигматическими свойствами. Формирование ГФ как синкретичного

и переходного явления языковой системы происходит в речи в несколько этапов, тесно взаимосвязанных: втягивание в оформление синтаксических связей и отношений знаменательной лексики, их частичная десемантизация; формирование у них собственных синтагматических и парадигматических отношений; их закрепление в системе языка как семантически изолированных от исходной парадигмы соответствующего имени (ср. [Пасечник 2005: 6]); их закрепление за определенным стилем речи; закрепление за соответствующей конструкцией определенного места в порядке слов как своего рода «коннектора» (*—a connective of some sort*” [Fillmore et al. 1988: 517]), обладающего, как правило, двумя валентностями, наподобие предлогов и союзов; преобразование их функциональной направленности – приобретение ими служебной коммуникативной функции.

Сегодня авторы активных грамматик (функциональной, коммуникативной, ассоциативной и других) все чаще отмечают необходимость грамматической классификации лексики, так как она входит в сферу интересов синтаксиса, формируя и определяя структуру синтаксических образований [Всеволодова 2017]. Поэтому можно сказать, что наряду с известными уровнями языка существует синкретичный уровень синтактико-семантической морфологии, ориентированный на то, чтобы аспекты грамматики, морфологии, фразеологии и семантики учитывались в комплексе при анализе явлений языка и речи [Ушакова, Гальченко 2000]. Так, подобные новообразования предложного типа заслужили особого внимания в последнее время: ведутся работы по общей их систематизации [Всеволодова, Кукушкина, Поликарпов 2014], изучаются их семантико-синтаксические свойства [Попова 2014], анализируется их грамматикализация, отражающая процесс расширения состава грамматических средств выражения синтаксических отношений и др. [Виноградова 2016]. Было показано, что стандартный путь развития релятивной функции у знаменательной части речи проходит стадию метафоризации, затем лексикализации / фразеологизации формы в переносном значении и, наконец, грамматикализации [Шереметьева 2019: 152].

Фразеология занимает особое место во всех стилях и жанрах речи. Причем большинство фразеологизмов имеет ярко выраженную синкретичность и стилистическую избирательность. Об этом свидетельствует в первую очередь то, что в научной речи на русском языке они становятся особыми функционально значимыми когнитивно-коммуникативными доминантами в представлении и интерпретации коммуни-

кативно, когнитивно и стилистически значимой информации в прагматических и металингвистических фрагментах текста: в названиях, аннотациях, формулировании подзаголовков и т.п. Так, важную роль в научной речи на русском языке занимают функциональные словосочетания-фразеосхемы. Для них характерно то, что они имеют целый комплекс особых отличительных черт. Главной выступает их сходство с устойчивыми оборотами и конструкциями. К существенным константным признакам таких ГФ относятся раздельнооформленность, воспроизводимость, постоянство компонентного состава, изоляция от исходной парадигмы имени, развитие и закрепление за ними значения релятивности, непроницаемость и употребление в виде неразложимого семантического целого, фразеологичность, интерпретативная семантика, синтаксически подчинительная, соединительная функция. На основе чего можно установить их межъязыковые аналоги.

Они играют связующую, интерпретирующую и концептуализирующую пропозициональные отношения функцию, а также способны экономным и общепризнанным способом выразить частотные, типичные и характерные концептуальные отношения между научно значимыми явлениями, событиями и понятиями. Такие стереотипные и потому удобные и общепринятые средства концептуализации различных когнитивных, коммуникативных, прагматических, стилистических, семантических и т.п. отношений имеют «информативно-необходимый характер и относятся к целесообразному применению готовых формул в соответствии с коммуникативными требованиями той или иной речевой сферы» [Винокур 1996: 588]. К таким словосочетаниям-фразеосхемам в научной речи на русском языке относится целый комплекс внешне разнородных, но функционально аналогичных устойчивых оборотов типа *как основа (парадигмы, моделирования), как ключ (к пониманию), как средство (формирования), как способ (вербализации), как инструмент (исследования, интерпретации), как механизм (формирования), как фактор (осуществления), как пример* (ср. «Частеречная транспозиция *как пример* грамматики в словаре»), *(создание рекламы) на основе (языковой игры), на примере (анализа), через призму (телесной лингвистики), в зеркале (социолингвистики), в контексте (изучения), в (коммуникативном) преломлении, в свете* (ср. «Эволюция системы ударного вокализма *в свете* синхронных данных»), *с точки зрения* («Понятие «секта» *с точки зрения* судебной лингвистики»), *(миф) с позиций (когнитивной лингвистики), в аспекте* («Региональная вариативность русской речи *в аспекте* диалектологии»)

и др. (в скобках даны существительные и развернутые фразы, в том числе названия публикаций, эксплицирующие фразеологизированный и неполнозначный, грамматикализованный и т.д. характер данных выражений).

Подобные узуально-стилистические средства концептуализации приобретают в научной речи на русском языке весьма распространенный характер и становятся ее неотъемлемой чертой. Более того, они носят ярко выраженный лингвоспецифичный характер. Так, в английском языке подобных грамматикализованных фразеологизмов нет, в результате чего (в частности) возникает ярко выраженная асимметрия межъязыковых отношений между научной речью на русском и английском языке: соответствующие выражения и названия не подлежат дословному переводу на английский язык [Рябцева 2018, 2019]. Для установления их наиболее адекватных межъязыковых соответствий необходим их более подробный функциональный анализ.

Так, их главная функция в научной речи – «служебно-эксплицирующая»: они позволяют придать научной речи на русском языке стилистически адекватный и интенциональный характер. Кроме того, они имеют целый комплекс отличительных свойств, к которым относятся возрастающая идиоматичность и грамматикализация, а также непосредственная связь с культурой русской письменной речи, явная стилистическая маркированность и прямое отношение к когнитивно-коммуникативным и культурологическим доминантам русского научного языка [Рябцева 2018, 2018a]. Сопоставительный анализ ГФ русского и английского языков позволяет сделать вывод о продуктивности подобных единиц и высокой частотности их употребления в научной речи на русском языке, в отличие от английского, для которого подобные конструкции (по целому ряду причин) нехарактерны. В результате проблема перевода русских ГФ на английский язык состоит в отсутствии их эквивалентов в английском языке. При разработке способов передачи ГФ на английский язык следует учитывать их стилистические, синтагматические, парадигматические и функциональные особенности. Так, в большинстве случаев указанные конструкции переводятся в отечественных журналах, материалах международных конференций, сборниках и т.п. на английский язык дословно, например: «Русский язык *через призму* чешского» – «Russian language *through the prism of the Czech*»; «Термин А.Н. Веселовского «сердечное воображение» в свете его концепции всемирной литературы: дубитативный экскурс» – «The Alexander Veselovsky’s term “heart mind” in the

light of his concept of world literature: dubitative excursus»; «Речевая культура современных СМИ в зеркале запросов аудитории» – *Speech culture of modern mass media in the mirror of audience requests*» [Русский язык 2019] и мн. др.

Многочисленные примеры показывают, что «переводчики часто выбирают в качестве основных доминант перевода собственно лингвистические данные и не учитывают его когнитивные и культурные аспекты, учет которых во многих случаях оказывается не менее значимым и помогает избежать разного рода казусов, не говоря уже о случаях дословного перевода, типа: *military officer* – «военные офицеры» вместо «военнослужащие»» [Болдырев 2018: 36]. Существующие «этнокультурные механизмы» формирования и выражения смысла часто имеют ярко выраженную лингвоспецифичность. Это, в свою очередь, порождает асимметрию в способах вербализации коммуникативного задания высказывания и текста в разных языках и в разных стилях, и тем самым межъязыковые концептуальные, вербальные и стилистические «несоответствия», межъязыковую когнитивную и коммуникативную асимметрию [Рябцева 2018а, 2019].

В целом способы лингвоспецифичной вербализации заданного смысла в языке проявляются в различных лексико-грамматических и коммуникативных моделях, схемах, формах и конструкциях, характерных для данного языка и предопределенных его организацией, которая, в свою очередь, формирует лингвоспецифичное «языковое мышление» [Рябцева 2018б, 2018в]. Языковое мышление основано на использовании характерных для данной лингвокультуры способах объективации смысла и проявляется в лексико-грамматической сочетаемости, структуре высказывания, экспликации или импликации различных когнитивно-коммуникативных смыслов и схем: «Когнитивные схемы лингвокультуры» – конструкт, моделирующий закономерности в конфигурации смыслов, актуальные для дискурсивной деятельности представителей конкретной лингвокультуры» [Монгилева, Чудинов 2019: 58]; см. также [Hutchins 2014]. В этом смысле можно сказать, что ГФ указанных выше типов в научной речи на русском языке являются когнитивно-коммуникативными «доминантами» в профилировании концептуальной связи между (двумя) научно-значимыми явлениями, событиями или понятиями, ср. «Понятие «секта» с точки зрения судебной лингвистики».

Межъязыковая идиоматичность подобных конструкций [Телия 1996: 559] проявляется в отсутствии аналогичных средств в англий-

ском языке. Причем если в словарях русского языка ГФ указанного типа представлены в словарных статьях полнозначных слов, то в англоязычных словарях подобных конструкций нет. В связи с этим в дидактическом и методологическом аспекте важно установить, какие средства в английском языке используются в аналогичной функции, т.е. определить соответствующие межъязыковые «соответствия». Так, в предыдущих исследованиях анализ исконных названий публикаций на русском и английском языке показал, что межъязыковыми аналогами указанных русских ГФ в английском языке можно считать союзы, предлоги, двоеточие и др. знаки препинания [Рябцева 2019]; ср. «Понятие «секта» с точки зрения судебной лингвистики» vs. «Понятие «секта» в судебной лингвистике».

В качестве подтверждения можно привести примеры из оглавления любого международного англоязычного журнала; так в *Journal of Pragmatics* нет указанных ГФ, характерных для русского языка: –«Children's metonymy comprehension: Evidence from eye-tracking and picture selection» (January, 2020); –«A candle to blow out: An analysis of first birthday family celebrations»; «Teasing and policing in a multilingual family – Negotiating and subverting norms and social hierarchies» (March 2020); –«I/V pronouns in global communication practices: The case of IKEA catalogues across linguacultures» (May 2020). Кроме того, как уже отмечалось ([Рябцева 2019] и др.), в целом ряде случаев в отечественных публикациях даются вполне аутентичные варианты перевода названий научных публикаций на английский язык, ср.: –«Patterns of multimodal behavior under cognitive load: an analysis of simultaneous interpretation» (Вопросы когнитивной лингвистики 2020, № 1).

Таким образом, рассмотренные конструкции на русском языке можно отнести к разряду безэквивалентной лексики. В научной речи на русском языке они составляют весьма продуктивный класс вспомогательных коммуникативных конструкций, позволяющих соединить принципиально важные явления, события и понятия. Кроме того, они выполняют функцию коммуникативных доминант, эксплицирующих взаимосвязь когнитивно значимых концептуальных компонентов названия научной публикации в единое целое. В английском языке у них нет точных прямых эквивалентов.

Проблема безэквивалентной лексики давно и плодотворно обсуждается в переводоведческой литературе ([Иванов 2006] и мн. др.). Приведенный материал показывает, что характерные для научной речи на русском языке конструкции с «соединительно-интерпретирующей»

функцией чрезвычайно в ней распространены и являются фразеологизированными, лингвоспецифичными, культурно маркированными и безэквивалентными оборотами, а выражаемый ими смысл может быть передан в английском языке целым комплексом средств, которые можно считать их межъязыковыми аналогами.

Литература

Артеменко М.В. Отыменный релятив «по образцу»: служебные свойства // Русский язык: исторические судьбы и современность. VI Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М.: МГУ, 2019. С. 138-139.

Болдырев Н.Н. Перевод как проблема выбора когнитивных доминант // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXIV. С. 33-37.

Виноградова Е.Н. Грамматикализация в русском языке: от формы существительного к предлогу (на примере соматизмов) // Вопросы языкознания. 2016. № 1. С. 25-50.

Винокур Т.Г. Штамп // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1996. С. 588-589.

Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М.: УРСС, 2017.

Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. М.: ЛИБРОКОМ, 2014.

Иванов А.О. Английская безэквивалентная лексика и ее перевод на русский язык. СПб.: СПбГУ, 2006.

Конюшкевич М.И. Моделирование как один из методов инвентаризации служебной лексики // Русский язык: исторические судьбы и современность. VI Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М.: МГУ, 2019. С. 146.

Монгилева Н.В., Чудинов А.П. Схемное моделирование в лингвокультурологических сопоставлениях // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVIII. С. 52-59.

Пасечник А.А. Лексикализованные предложно-падежные сочетания и их репрезентация в лексикографии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005.

Попова З.Д. Предложно-падежные формы и обороты с производными предложениями в русских высказываниях (синтаксические отношения и функции). Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014.

Русский язык – 2019: Исторические судьбы и современность. VI Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М.: МГУ, 2019.

Рябцева Н.К. Особенности названий научных статей на русском и английском языке: контрастивный аспект // Научный диалог. 2018. № 6. С. 32-42.

Рябцева Н.К. Название как доминантный компонент научного текста: русско-английские межъязыковые «несоответствия» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языковедение. 2018а. Т. 17. № 2. С. 33-43.

Рябцева Н.К. Стиль мышления и коммуникации в межъязыковом и когнитивном аспекте // Когнитивные исследования языка. 2018б. Вып. XXXIV. С. 830-833.

Рябцева Н.К. Функциональные аспекты грамматики и языковое мышление: перспективы межъязыковых исследований и возможности их практического использования // Когнитивные исследования языка. 2018в. Вып. XXXV. С. 458-465.

Рябцева Н.К. «Конструкционная грамматика» и научная коммуникация: Межъязыковой аспект // Научный диалог. 2019. № 6. С. 50-71.

Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М.: Наука, 1981.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологические аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Телия В.Н. Фразеологизм. Фразеология // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1996. С. 559-561.

Ушакова Л.И., Гальченко Е.В. Отыменные предлоги с фразеологизованным значением в аспекте их моно- или полисемии // Русский язык в школе. 2000. № 4. С. 71-75.

Шереметьева Е.С. Пути грамматикализации предложно-падежных словоформ модели *v+N6* (на примере словоформы *в русле*) // Русский язык: исторические судьбы и современность. VI Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М.: МГУ, 2019. С. 151-152.

Fillmore Ch.J., Kay P., O'Connor M.C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of “let alone” // *Language*. 64.3. 1988. P. 501-538.

Hutchins E. The cultural ecosystem of human cognition // *Philosophical Psychology*. 2014. № 27 (1). P. 34-49.

N.K. Riabtseva (*Moscow, Russia*)

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

**“GRAMMATICAL PHRASEOLOGICAL UNITS”:
THEIR DOMINATING PATTERNS
IN RUSSIAN ACADEMIC STYLE
AND THEIR CROSS-LINGUISTIC IDIOMATICITY**

The paper investigates grammatical phraseological units in Russian academic style, their language-specific distinctions, cognitive and communicative functions and characteristics. Special attention is paid to their ability to profile relative and interpretative semantics, and to their idiomaticity and cross-linguistic asymmetry.

Key words: academic style, phraseology, grammaticalisation, idiomaticity, cross-linguistic asymmetry.

З.А. Харитончик (*Минск, Беларусь*)

*Минский государственный лингвистический университет
zkharitonchik@mail.ru*

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ
ИМЕН СОБСТВЕННЫХ, ИЛИ ЧТО ЗНАЧИТ
«ТЫ – НАСТОЯЩИЙ ЭЙНШТЕЙН!»**

В статье на основе психолингвистического эксперимента с именами собственными (на материале личных имен) обосновывается тезис о семантике онимов. Раскрываются синкретизм и семантическая неопределенность данной категории имен, возникающие как следствие наличия у их референтов множества разных характеристик, что создает широкие возможности актуализации в высказываниях, с одной стороны, и трудности в декодировании для слушателя, с другой.

Ключевые слова: имя собственное, значение, метафора, синкретизм, семантическая неопределенность.

Значительные успехи, сделанные в одной из древних отраслей языкознания – ономастике, к которым можно отнести определение специфики имен собственных, исследование их языковых особенностей, разработку типологии, выявление закономерностей перехода в класс нарицательных и т.д., не были достигнуты в отношении проблемы значения онимов. Семантические характеристики и референциальный статус имен собственных все так же остаются камнем преткновения разных подходов и предметом острых дискуссий. На одном полюсе – приверженцы классической концепции Милля, отрицающей наличие значения у имен собственных. Именно в ней они усматривают «полную, последовательную и хорошо обоснованную семантическую трактовку имен собственных» [Predelli 2017: 2]. (Здесь и далее перевод наш – З.Х.). На противоположном полюсе находятся сторонники многочисленных теорий, объединяемых в одно направление главной идеей наличия у имен собственных некоторого дескриптивного содержания, ассоциируемого с ними в сознании говорящих, благодаря которому становится возможным установить уникальный референт имени [Reimer, Michaelson 2018]. Это содержание получает в исследованиях описание в виде значений разных типов – ассоциативного, коннотативного, категориального, пресуппозиционного, эмотивного, лексического, грамматического и т.д. (см. детальный обзор в [Langendonck 2007]) и по своей сущности представляет собой некоторую информацию, или, говоря словами В. Бланара, «знание об онимическом объекте» [Blanaг 2009: 146]. Благодаря этому содержанию, имена собственные, являясь неотъемлемой и необходимой подсистемой языка и выполняя ряд функций – референтивную, идентифицирующую, дескриптивную или, в терминологии В. Бланара, номинативную, индивидуализирующую и дифференцирующую [Blanaг 2009: 100], могут вести, как образно сказал Фарханг Заби, «более богатую и более захватывающую жизнь, чем та, которая присуща простым ярлыкам» [Zabeeh 1968: 56].

Функционирование имен собственных дает нам тому веские доказательства. Даже массовые личные имена собственные типа *Андрей*, *Алексей*, *Эдуард* и многие другие, как было убедительно показано М.Л. Ковшовой на примере имени *Валера* [Ковшова 2019], под влиянием целого ряда факторов развивают определенные положительные или отрицательные ассоциации. Однако наиболее ярким примером интересной жизни имен собственных, соответственно ставшим в последнее время особенно популярным объектом анализа для лингвистов (например [Ратникова 2003], [Ларина 2012], [Гайдук 2015], [Терешен-

ко 2016] и др.), является, по всей вероятности, их весьма активное метафорическое использование, которое происходит в самых разных языках. Ср.:

Русский язык:

А всякие Саддамы будут перевоспитываться или переселяться во Всемирный Диктаторский Бункер [Валерий Сердюченко. Вторая мировая революция: война в Ираке // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.07.07];

А я привык все сам: – Что я вам, Рузвельт какой-нибудь? Не калека. – Боже упаси! [Нодар Джин. Учитель (1980-1998)].

С ней теперь не просто все должны считаться, а теперь она становится такой Маргарет Тэтчер украинской политики [Депутат Верховной рады рассказал о «факторе Савченко» в украинской политике // Коммерсант, 2016.06.03];

Очевидно, что первым таким шагом должно стать ясное понимание положения и целей двух держав, и в этом, к сожалению, статья господина Межуева совершенно не помогает – в погоне за красивой метафорой («американский Горбачев и российский Рейган») автор серьезно искажает реальную картину происходящего в американской внутренней и внешней политике, а также в российско-американских отношениях [Николай Пахомов. Обама не Горбачев // Известия, 2013.03.05];

вот британский Горбачев, консервативный премьер Дэвид Кэмер он совершает ошибку своего советского предшественника [lenta.ru, 2016.07.03].

Польский язык:

Światu potrzebny jest nowy Regan! (fronda.pl);

Poznań też miał swojego Lecha Wałęsę. (gloswielpolski.pl);

Irański Elvis Presley napisał list do Władimira Putina (Sputniknews.com Team.);

Nowy Zbigniew Boniek” w „50” największych talentów. UEFA doceniła Szymona Żurkowskiego (Bobakowski, Piotr. 05.01.2018);

Zofia Kossk-Szczucka – Sienkiewicz w spódnicy, „antysemitka” od ratowania Żydów (Saulski, Arkady. 17.02.2014).

Английский язык:

You, the American people, were, as you remain, every hit as optimistic as your Roosevelts, your Reagans and your Obamas (M. K. Cary. – US-News.com.);

Taiwanese Whitney Houston: Lin Yu Chun Sings *I Will Always Love You*, Wins Competition (Huffingtonpost.com);

Chomsky is not our Einstein. He's our Freud. Groundbreaking, full of ideas, and has an enormous grip on the popular understanding. And many of his ideas will go by the wayside as they are contradicted by evidence (Twitter).

Китайский язык:

他们逾越孔子的限度继续爬升 Tāmen yúyuè kǒngzǐ de xiàndù jìxù páshēng _Они продолжали «взбираться» выше самого Конфуция‘ (《燃烧的迷津》节录; [作者]: 朱大可; [写作时间]: N/A; [出版时间]: 1991—11—1; [书刊名称]: 燃烧的迷津; [编著者]: N/A; [出版社]: 学林出版社);

你就像十个孔子 Nǐ jiù xiàng shí gè kǒngzǐ _Ты как 10 Конфуциев‘ (<http://cul.sohu.com>);

她的孩子是小孔子, 聪明极了 Tā de hái zi shì xiǎo kǒngzǐ, cōngmíng jí le _Ее малыш – маленький Конфуций, очень умный‘ (<https://www.ifeng.com>) и многие другие.

Из анализа имен собственных в метафорическом употреблении становится очевидно, что наряду с устоявшимися именами библейских персонажей, мифических и литературных героев, исторических личностей (*Иуда, Геракл, леди Макбет, Цезарь, Наполеон* и др.) широко используются в качестве метафор имена социально значимых известных личностей: политиков (*Меркель, Путин, Обама, Рейган, Рузвельт, Тэтчер* и др.), футболистов (*Кристиано Роналдо, Давид Бекхем* и др.), ученых (*Леонардо да Винчи, Альберт Эйнштейн* и др.), писателей (*Шекспир, Пушкин, Сенкевич*), музыкантов (*Элвис Пресли, Майкл Джексон, Уитни Хьюстон* и др.) и т.д. Не останавливаясь на универсальности имен собственных, используемых метафорически, с одной стороны, и на их культурной детерминированности, с другой (ср. релевантность имен *Сенкевич, Валенса, Гурняк, Пилсудский, Роберт Левандовски, Бонек* для польского общества и сомнительность их метафорического употребления, скажем, в китайскоязычном дискурсе, и, напротив, активное метафорическое употребление в китайском сообществе имени Конфуция), подчеркнем, что когнитивным основанием для метафорического переноса имени собственного [Fauconnier, Turner 2002] обязательно становится знание о некоторых свойствах именуемой личности, которое выполняет роль ключа к декодированию смысла, связываемого с именем собственным в том или ином контексте.

Цель нашей работы заключается в раскрытии семантических характеристик имен собственных, установлении типа или типов информации, связываемых с теми или иными именами собственными и актуализируемых говорящими в процессе коммуникации, и, наконец, ее распознавании и, тем самым, эффективности или неэффективности отсылки к той или иной личности как носителю определенных свойств. Материалом для исследования послужили высказывания с именами собственными, взятые из Национального корпуса русского языка [НКРЯ] методом сплошной выборки. Объектом анализа стали высказывания с именами собственными *Эйнштейн* и *Мэрилин Монро* – 858 и 88 вхождений соответственно. От всего числа высказываний с именем *Эйнштейн* метафорические употребления составляют всего 4, 5%; с именем *Мэрилин Монро* – 33 %. Отметим эту значительную количественную разницу в референциальном употреблении, которая, на наш взгляд, свидетельствует о более высоком социальном статусе Альберта Эйнштейна по сравнению с Мэрилин Монро. Для психолингвистического эксперимента были привлечены студенты 4-го курса Минского государственного лингвистического университета (260 человек), т.е. достаточно образованный контингент носителей русского языка, которым было предложено определить смысл высказываний с именами собственными – *Эйнштейн* и *Мэрилин Монро* (по десять высказываний с каждым именем; орфография и пунктуация сохранены).

Высказывания с именем *Эйнштейн*:

1. *Послушай, смешная беременная девушка, ты – настоящий Эйнштейн;*

2. *Ясно, что по масштабу он не Сахаров и не Эйнштейн;*

3. *Каждый будет лелеять надежду на то, что в нем проснется Пикассо или Эйнштейн;*

4. *Вместо того, чтобы хоть попробовать чуток продумать аргументы, подобрать фактики поухватистее, как сделал бы на его месте любой нормальный Эйнштейн, хоть австрийский, хоть еврейский, хоть какой, вместо того, чтобы замотивировать свой проект ну любым, самым даже липовым на первый момент мотивом;*

5. *Теперь любой Эйнштейн с первого курса знает, что все конкретно и относительно;*

6. *Я тебя, конечно, уважаю (я, когда выпью, всех уважаю), но ты все-таки еще не Эйнштейн;*

7. *Ну что ты молчишь, будущий Эйнштейн? От той сделал вид, что не слышал последних слов ветеринара;*

8. *Ложь! В любви я Эйнштейн!*

9. *Как настоящий. О, Эйнштейн, Циолковский. Как тебя растащило)*

10. *Надо же, какой мыслитель! Карл Маркс! Альберт Эйнштейн! Суслов!..» Самое тяжкое, что в их ссорах нет выхода.*

Высказывания с именем *Мэрилин Монро*.

1. *Она почему-то не стареет, оставаясь все той же русской Мэрилин Монро;*

2. *Или «постервят» чего-нибудь лениво-деловое, мол, еще одна Мэрилин Монро отыскалась;*

3. *Оксана, тебя называют ледовой Мэрилин Монро;*

4. *Леночка Бережная сменила имидж: теперь она нескромная девочка-цветочница из программы про Чарли Чаплина, а роскошная Мэрилин Монро;*

5. *Вера Алентова – как Мэрилин Монро;*

6. *Мэрилин Монро 90-х», как некогда папарацци окрестили Еву, появилась на пресс-конференции...;*

7. *Светик, ты вылитая Мэрилин Монро! – любуясь на алые губы Хоркиной, похвалил гимнастку шоумен Игорь Верник. Да вы на Свету посмотрите. Настоящая Мэрилин Монро и есть;*

8. *Ее называли советской Мэрилин Монро;*

9. *«Я – Мэрилин Монро» 43-летняя канадская певица Шерри Леа Лейрд, солистка канадской рок-группы Pandamonia, утверждает, что она – перевоплощенная Мэрилин Монро;*

10. *Но я же хочу быть Мэрилин Монро).*

Первое, на что указывают данные ответов испытуемых, полученные в ходе эксперимента, это то, что декодирование высказываний с именами собственными в метафорическом употреблении сопряжено со значительными трудностями и даже, как свидетельствуют полученные результаты, с неспособностью (в эксперименте это отказ) определить смысл высказывания. Таковыми оказались для студентов преимущественно 2 и 5 высказывания с именем *Эйнштейн*. Также, хотя и в меньшем количестве, были получены отказы в толковании смысла высказываний с именем *Мэрилин Монро* – для высказывания 9 и также, в единичном случае, для высказывания 10. Думается, что причина сложностей, возникающих при распознавании смысла высказываний с данными именами собственными, кроется прежде всего в многоплановости репрезентируемой именем собственным личности, откры-

вающей широкие возможности апелляции к таким ее характеристикам, как внешность, поведение, социально признанные интеллектуальные свойства: ум, гениальность, талантливость, незаурядность, творческие способности, оригинальность, достижения в избранной сфере деятельности и другие, в отсутствие четкого, сложившегося в обществе однозначного стереотипа «как коллективного представления, синтезирующего в себе типовые *en potentia* ситуации и свойства одухотворенных или одушевленных живых существ, артефактов и ментофактов», на основе которых «и порождаются (как в синхронии, так и в диахронии) не утрачивающие с ним ассоциации, а потому устойчиво воспроизводимые языковые сущности» [Телия 1999: 88], а также в доминировании оценочного компонента в семантике имени собственного, которым, собственно говоря, и детерминировано его метафорическое использование.

Нельзя, однако, игнорировать тот факт, что в эксперименте преобладают положительные реакции на задание. Это означает, что испытуемые успешно справились с поставленной задачей по распознаванию семантики предъявленных высказываний, определив так или иначе смысл, скрывающийся за именем собственным. В их ответах намечаются две линии.

С одной стороны, в отличие от имен собственных с уже закрепленными метафорическими значениями (*Иуда* _предатель_, *Шекспир* _выдающийся литературный талант_, *леди Макбет* _амбициозная женщина, готовая на все ради достижения своих целей_ и др.), для имен собственных *Эйнштейн* и *Мэрилин Монро* очевидно наличие целого набора свойств, носителем которых предстает личность, чья социальная значимость и известность предопределяет широту диапазона приписываемых характеристик. Вполне объяснимо, что имя собственное *Эйнштейн* оказывается репрезентантом большого набора качеств (гениальность, высокий интеллектуальный уровень, известность, значимость достижений в науке, творческий характер и непредсказуемость, оригинальность, склонность к шуткам и т.д.) по сравнению с именем *Мэрилин Монро*, которая известна прежде всего своей трагической судьбой красивой харизматичной блондинки, замечательной актрисы, эксцентричной женщины.

С другой стороны, количественный и качественный анализ полученных ответов, их разброс от единичных, например, *пошлая* относительно *Мэрилин Монро*, до совпадающих у многих испытуемых (*красивая женщина*, *секс-символ*), и соответственно идентичность деск-

риптивных характеристик, выделяемых в семантике исследуемых имен собственных в предъявленных высказываниях, позволяет установить некоторые ядерные характеристики в кругу свойств, ассоциируемых с данными именами. В концептуальных блендах, на которых строится метафорическое использование имени *Эйнштейн*, чаще всего фиксируется его гениальность и математический талант, в то время как ведущим основанием для сравнения с *Мэрилин Монро* является красота внешности. Это позволяет предположить, что со временем данные имена обретут большую семантическую стабильность и соответственно однозначность, став символами тех или иных качеств.

Все вышесказанное позволяет предложить следующую интерпретацию семантики имен собственных второй группы. Большой разброс их смысловых прочтений, перечень которых открыт и зависит от ситуации и индивидуальности слушателя, возможность актуализации из общей системы семантических свойств одновременно нескольких семантических компонентов обуславливают семантический синкретизм данных имен собственных в их вторичных употреблении. Это выделяет их из класса характеризующих имен, преимущественно моносемных, обозначающих какое-то одно качество [Арутюнова 1976], и предопределяет соответственно их кардинальное отличие от метафорических значений многозначных имен, для которых, как правило, достаточно контекста для актуализации определенного значения (ср. [Geeraerts 2006]). Отличаются имена собственные и от широкозначных единиц, передаваемые семантические нюансы которых объединяются некоторым единым семантическим стержнем. Указанная специфика семантических свойств этой категории имен собственных диктует в свою очередь их семантическую неопределенность (*semantic vagueness*), а также семантическую вариативность и гибкость, которые не противоречат тенденции к выбору какого-то из свойств в качестве ведущего и даже единственного, конвенционально закрепляемого за тем или иным именем собственным. Это всего лишь, на наш взгляд, начальная точка сложного пути семантической трансформации имен собственных, в которой победу могут одержать как релевантные (т.е. критериальные, существенные, важные для определения категориальной отнесенности), так и салиентные, т.е. перцептивно или социально выделяющие признаки ([Демьянков 1996], [Харитончик 2019]). Сказанное не исключает также вариативности и субъективности выбора характеристик из синкретичного набора свойств, который может

отличаться у разных носителей языка и даже у одного и того же носителя в разных ситуациях и тем более у представителей разных культур.

Наблюдения, полученные в результате эксперимента, позволяют сделать следующее заключение. На основании имеющихся языковых данных правомерным является тезис о том, что именам собственным присущи, как и нарицательным именам, семантические свойства, характер которых предопределяется знанием о свойствах именуемого. Синкретичность этого знания, компоненты которого открывают широкие возможности для эффективного использования имен собственных в характеризующей функции, приводит во многих коммуникативных ситуациях к семантической неопределенности имен собственных, не мешающей, однако, вследствие их яркой оценочности, общей успешности коммуникации.

Литература

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976.

Гайдук И.В. Прецедентные имена и их дериваты в российском и американском медиадискурсе // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». Воронежский государственный архитектурно-строительный университет. 2015. № 3 (27). С. 111-127.

Демьянков В.З. Выделенность vs существенность (релевантность) // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. С. 22-25.

Ковишова М.Л. Несколько современных штрихов к имени собственному *Валера* // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVI. С. 222-231.

Ларина Т.И. Семантика, структура и функционирование ономастических тропов в русско-, польско- и англоязычной публицистике. Мн.: БГУ, 2012.

НКРЯ: Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 18.12.2019).

Ратникова И.Э. Имя собственное: от культурной семантики к языковой. Мн.: БГУ, 2003.

Телия В.Н. Деконструкция стереотипов окультуренного мировидения во фразеологических знаках // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии/ отв. ред. Т.М. Николаева. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1999. С. 87-94.

Терещенко А.В. Прецедентные имена в современном русском и английском языках: статус, семантика, особенности функционирования // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 11 (176). С. 76-84.

Харитончик З.А. Салиентность и релевантность знания как фактор деривационной активности лексических единиц // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVI. С. 432-442.

Blanár V. Proper Names in the Light of Theoretical Onomastics // Namenkundliche Informationen. 2009. № 95/96. P. 89-157.

Fauconnier G., Turner M. The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities. NY: Basic Books, 2002.

Geerarts D. Words and Other Wonders: Papers on Lexical and Semantic Topics. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2006.

Langendonck Willy van. Theory and Typology of Proper Names. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007.

Predelli S. Proper Names. A Millian Account. Oxford University Press, 2017.

Reimer M., Michaelson E. Reference // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2018 Edition) / ed. by Edward N. Zalta. Stanford: Metaphysics Research Lab Center for the Study of Language and Information. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2018/entries/reference/> (date of access: 18.12.2019).

Zabeeh F. What is in a name? An inquiry into the semantics and pragmatics of proper names. The Hague, Netherlands: Martinus Nijhoff, 1968.

Z.A. Kharitonchik (Minsk, Belarus)

Minsk State Linguistic University

SEMANTIC VAGUENESS OF PROPER NAMES, OR WHAT DOES IT MEAN “YOU ARE A REAL EINSTEIN!”

The article uses psycholinguistic experiment focusing on proper names to justify the theory of onyms having meanings, as applied to personal names. The research conducted reveals the syncretism and semantic vagueness of the names under consideration, which is possible due to a number of specific features of their referents which determine a wide choice of actualized properties in utterances, on the one hand, and the difficulties of decoding by addressees, on the other hand.

Key words: proper name, meaning, metaphor, syncretism, semantic vagueness.

III. КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В СЕМАНТИКЕ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ. СИНТЕЗ ЯЗЫКОВЫХ СУЩНОСТЕЙ И «ЯЗЫКА» КУЛЬТУРЫ

В.И. Абрамова, Ю.В. Архангельская (Тула, Россия)

*Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого
istinijobraz@mail.ru
archangelju@yandex.ru*

С. Георгиева (Пловдив, Болгария)

*Пловдивский университет им. Паусия Хилендарского
stefka3@abv.bg*

СИМВОЛИКА ЗВЕЗДЫ В РУССКИХ И БОЛГАРСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ КАК ВЕРБАЛЬНЫХ ТЕКСТАХ КУЛЬТУРЫ¹

Статья посвящена анализу символических значений компонента «звезда» в русских и болгарских фразеологических единицах: что-либо совершенное и труднодостижимое; судьба, удача; духовный ориентир; успех, слава. Зародившиеся в глубокой древности, они остаются актуальными в современных вербальных текстах культуры.

Ключевые слова: звезда, символическое прочтение, фразеологизм, фразеологический эквивалент, вербальный текст культуры.

Звезда – универсальный культурный символ, знак вечности, высоких, непреходящих идеалов и стремлений, а также путеводности, счастья [Похлебкин 2007: 147]. В славянской мифологии звезды символизировали небесные очи, светильники, небесные стада, изобилие [Афа-

---

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 19-512-18008). Название проекта: «Символика русских и болгарских вербальных текстов культуры».

насьев 1995: 78-105]. В зависимости от появления звезд на небосводе люди начинали определенные виды сельскохозяйственных работ (пахота, сев, выгон скота на пастбище и др.), что отразилось в славянских астрономиях. Одним из названий Венеры, считавшейся в древности звездой, у русских было слово *Чигирь*. По предположению В.И. Даля, это связано с тем, что ее восход и заход напоминает движение чигирной бадьи (водоподъемного снаряда для поливки садов) [Даль 1914: 1338]. Данный вид деятельности, как известно, осуществлялся утром и вечером, когда Венера появлялась на небосводе. В то же время В.И. Даль фиксирует в своем словаре лексему «чигара», которая в северных говорах означает овцу. Выгон овец на пастбище происходил рано утром. *Чигирь-звезда* (Венера) служила знаком того, что можно начинать эту деятельность. Эта версия представляется нам более предпочтительной, тем более, что подобную этимологию можно проследить и у болгарского астронома *овчарска звезда* (*овчар* по-болгарски – пастух), которым обозначается «утренняя» Венера.

По звездам определяли время и гадали о будущем. В болгарском языке сохранилась поговорка «Звездите са ни часовници» (Звезды – наши часы) [Българска митология 1994: 144-145]. Яркий блеск звезд, отмечает А.Н. Афанасьев, считался у наших предков знаком плодородия, что отразилось в языке (общеславянский корень *яр-*). Это предсказание богатого урожая ярового хлеба, счастливого роения ярых пчел и умножения ягнят (ярок) [Афанасьев 1995: 98].

Предсказывали звезды и судьбу, удачу или неудачу. Такими свойствами обладала упоминавшаяся выше Чигирь-звезда [Сахаров 1885: 140].

В зимнем календарном обрядовом фольклоре (овсeneвых песнях) используется величальная формула, в которой дети сопоставляются со звездочками.

Некоторые из древних смыслов, заключенных в слове «звезда», уже не прочитываются. Например, в болгарской устойчивой единице „Звездите са ни часовниците“ (букв. звезды – наши часы) в настоящее время первый компонент утратил символическое прочтение, связанное с указанием на время. Это обусловлено тем, что в цифровую эпоху время по звездам болгары уже не определяют. Но большинство из перечисленных нами смыслов актуализируется в современной символической интерпретации слова «звезда», которое остается востребованным в русской и болгарской лингвокультурах и сегодня.

Для обозначения символа как знака языка В.Н. Телия предложила использовать термин «квазисимвол» или «языковой символ», поясняя

его следующим образом: «...в отличие от собственно символов (когда носителем символической функции является предмет, артефакт или персона) роль языкового символа заключена в смене значения языковой сущности на сущность символическую; словозначение в этом случае награждается смыслом, указывающим не на собственный референт слова, а ассоциативно “замещает” некую идею» [Телия 1996: 243].

Звезда в русской и болгарской лингвокультурах может являться языковым символом чего-либо совершенного и труднодостижимого в духовном или материальном плане, которым человек обладает или желает обладать.

Так, в семантику фразеологизмов *хватать звезды с неба*, *звезд с неба не хватает* (кто) вкраплен языковой символ *звезда*, который, по мнению М.Л. Ковшовой, «служит знаком особой отмеченности человека» в какой-либо области [БФСРЯ 2006: 235]. Значение фразеологизма *хватать звезды с неба* описывается как «отличаться ярким умом и талантом, совершать что-либо выдающееся» [Там же: 715]. Другие исследователи определяют данный фразеологизм как «легко, без усилий добиваться какого-либо успеха (например, в служебной карьере)» и связывают образ с получением чиновниками наградных знаков (орденов, «звезд») [Бирих, Мокиенко, Степанова 1999: 205]. Считаем, что данную единицу можно рассматривать как многозначную, причем второе значение будет производным от первого на основе метонимии: легко добивается успеха тот, кто имеет талант. Ср. [НКРЯ]: «Слово «инженер» в переводе с латинского значит хитроумный изобретатель. – Не всякому инженеру дано *хватать звезды с неба*, – пробормотал Усольцев» (Д. Гранин. Искатели). То же символическое прочтение имеет компонент *звезда* во фразеологизме *звезд с неба не хватает*. Так говорят об обычном, ничем не выдающемся человеке, который не достигает видимых успехов в каком-либо деле. Например: «Простецкий парень. *Звезд с неба не хватал*, в теоретических вопросах путался, но практически был весьма сообразителен» (В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина). Похожая образная основа в болгарском диалектном фразеологизме *свалям звездите*, который означает «много зная, много съм учен» [Ничева, Спасова-Михайлова, Чолакова 1975: 265]. Таким образом, *звезда* в русской и болгарской лингвокультурах символизирует нечто нематериальное (выдающиеся результаты), чего можно достигать, благодаря неординарным интеллектуальным способностям, таланту, или не достигать из-за их отсутствия.

В таких фразеологизмах, как *доставать* <обещать, сулить> *звезду с неба*; *получать* <хотеть, желать, просить> *звезду с неба*, компонент *звезда* символизирует некий вожделенный объект, который либо достают (обещают, сулят) кому-то, либо получают от кого-то. Часто такой объект добывается в результате использования материальных средств, изворотливости, связей, является потаканием какому-то капризу. Ср. [НКРЯ]: «Муж: – Дорогая, хочешь, я *достану* тебе *звезду с неба*? – Никаких звезд! Сегодня ты сидишь дома!» (Коллекция анекдотов: семья (1970–2000)); «...было в той статье, на мой взгляд, восхитительное место. Речь шла про *звезду с неба* для дамы сердца. Сергей Жилин готов *достать звезду*. Но утверждает, что нужно время» (О. Утешева. Не оставляйте стараний, маэстро // «Домовой», 2002.12.04); «Вот так делались дела в Москве: за мелкую взятку можно было *получить* хоть *звезду с неба*, пусть и в фигуральном смысле» (Д. Вронская. Другая жизнь графа // «Совершенно секретно», 2003.09.01). В болгарском языке есть похожие по компонентному составу и образной основе фразеологизмы *свалям звезди <те> <от небето>*, *снемам звезди <те> <от небето>* (някому), которые употребляются в значении „говоря някому смайващи неща; хваля се пред някого с невероятни неща или му давам големи обещания“ (говорить кому-то невероятные вещи; хвастаться перед кем-то, давать трудновыполнимые обещания) [Ничева, Спасова-Михайлова, Чолакова 1975: 265, 325]. Например, «Дебелата Радка беше безнадежна домакня. Тя приемаше поръчките с небивал ентузиазъм, *сваляше звезди*, сипеше дъжд от обещания и не осъществи нито една от нашите прости домашни надежди» (Стефанова Н. Откриване на света) [Цит. по: Ничева, Спасова-Михайлова, Чолакова 1975: 256]; «Преди да се ожени за нея ѝ *сваляше звездите*, а сега не иска да я знае» [Цит. по: Ничева, Спасова-Михайлова, Чолакова 1975: 325]. Тем самым компонент *звезда* в составе русских и болгарских фразеологических единиц символизирует нечто труднодостижимое или вообще недоступное, трудновыполнимое.

Еще одно значение языкового символа *звезда*, которое мы рассмотрим – судьба (чаще всего – счастливая), – также можно обнаружить в русской и болгарской лингвокультурах. Это символическое значение вкраплено в семантику таких фразеологизмов, как *верить в [счастливую] звезду (чью, кого)*, в том числе в субстантивном деривате *счастливая звезда* (рус.) – *вярвам в щастливата (си) звезда, в звездата на някого* (болг.). Ср. [НКРЯ]: «Если, конечно, вам улыбнется удача. А для этого надо прежде всего *верить в свою звезду*

и следовать за ней» (Ю. Семечкин. Со звездами сверяйте шаг // «Семья», 2000.01.19); «Командарм *верит* в свою *счастливую звезду* и в то, что пуля, предназначенная ему, еще не отлита» (А.И. Алдан-Семенов. Красные и белые); «Бежал, преследуемый пулями, мог каждую минуту упасть. Но, видимо, ему сопутствовала *счастливая звезда* – он ушел из-под пуль» (Д.Н. Медведев. Сильные духом (Это было под Ровно)).

Подобное символическое прочтение обретает компонент *звезда* во фразеологических единицах *родиться под счастливой звездой* (рус.) и *роден под щастлива звезда* (болг.), значение которых сходны: „быть удачливым, счастливым, везучим во всем“ (рус.) [Бирих, Мокиенко, Степанова 1999: 205] – „който има голямо щастие, който винаги преуспява, на когото върви“ [Ничева, Спасова-Михайлова, Чолакова 1975: 256]. Ср. [НКРЯ]: «Опять повезло, – подумал Сорин. – Все-таки я *родился под счастливой звездой*». Он не знал, почему и как (да, собственно, это не очень-то его волновало) он остался жив» (П. Галицкий. Цена Шагала); «– На класното – пет плюс, на устно – шест! Грабнах й ума... Знаеш ли какво ми се падна? – Ти си *роден под щастлива звезда* – нещо фасулско!» (Асенов Др. Изпити) [Цит. по: Ничева, Спасова-Михайлова, Чолакова 1975: 256]. В обоих языках происхождение данных фразеологизмов, а следовательно, и мотивировку символического значения компонента *звезда* ученые связывают с астрологией, поскольку древние астрологи считали, что судьба человека зависит от расположения звезд и других небесных светил на небосклоне. Знаком удачи является *звезда* и в русском устойчивом выражении *звезды сошлись*, которое обозначает „счастливое стечение обстоятельств“, ср. [НКРЯ]: «*Звезды сошлись*, многое свершилось, что должно было свершиться, сбылись предзнаменования и пророчества, час пробил – мы летели в Индию!...» (М. Москвина. Небесные тиходы: путешествие в Индию).

Однако *звезда* может символизировать не только счастливую судьбу, удачу в делах, но и то, как под влиянием судьбоносной звезды складываются жизненные обстоятельства, не всегда благоприятные; ср. [НКРЯ]: «Павел родился в сороковом, а в сорок шестом был голод, и он с малолетства хлебнул лиха: долго еще прятал сухари под матрас, и никакими силами его от этого нельзя было отучить. Как началось – так и пошло: *звезда* его была неясной, тусклой беднячкой *звездой*» (А. Волос. Недвижимость // «Новый Мир», 2001). Данный контекст соответствует болгарским народным представлениям, согласно кото-

рым звезды – это божественные светильники. Господь создал их вместе с людьми и уподобил им. Когда человек рождается – поднимается звезда, а когда умирает, она падает в его могилу. У богатого человека звезда яркая и сильная, а у бедного – бледная и слабая [Барболова 2018: 116].

Звезда, как и удача, фортуна, может изменить человеку; ср. [НКРЯ]: «Зачем вы сами назначили эти роковые шесть шагов? Вы думаете, что я вам без спора подставлю свой лоб... но мы бросим жребий!.. и тогда... тогда... что, если его счастье перетянет, если моя звезда наконец мне изменит? И не мудрено: она так долго служила верно моим прихотям; на небесах не более постоянства, чем на земле» (М. Лермонтов. Герой нашего времени).

Звезда может быть знаком стремления человека к совершенству, старания превзойти себя [БФСРЯ 2006: 236]. Это символическое значение находит отражение в русской и болгарской лингвокультурах; оно мотивирует внутреннюю форму фразеологизмов *путеводная звезда* (рус.) и *пътеводна звезда* (болг.). Данные единицы имеют аналогичные значения в обоих языках: 1) „руководящая, направляющая мысль, идея, указывающая верное направление в какой-либо области жизни (политической, научной и т.д.)“; 2) „человек, определяющий каким-либо образом чью-либо жизнь, деятельность“ [Бирих, Мокиенко, Степанова 1999: 204]. Считаем, что символическое значение компонента *звезда* в какой-то мере обусловлено этимологией фразеологической единицы, которую ученые связывают, во-первых, с древней ориентацией путешественников по звездам, в частности, по Полярной звезде, которую называли Путеводной звездой, поскольку она всегда находится на севере и почти неподвижна, во-вторых, с христианским мифом о рождении Христа, согласно которому волхвы шли поклониться Ему и принести дары в Вифлеем, следуя за подвижной путеводной звездой [Бирих, Мокиенко, Степанова 1999: 204-205]. Ср. [НКРЯ]: «Аскет нужен, как *путеводная звезда*, как крайнее выражение православного отречения и нам монахам-непустынникам, и многим мирянам, которых воображение требует сильных впечатлений (К.Н. Леонтьев. Четыре письма с Афона).

Мысль о стремлении к совершенству, которое не ограничивают никакие препятствия, иносказательно выражена в латинском крылатизме “*Per astra ad astra*”, который закрепился в русском и болгарском языках в переводах: «*Через терния к звездам*» (рус.), «*През тръните към звездите*» (болг.). Предположительно, автор выражения – римский

философ Сенека. В русской лингвокультуре крылатизм часто употребляется с грамматической ошибкой: *через тернии*, тогда как слово «терние» во множественном числе винительного падежа должно иметь форму «терния». Отметим, что вне данного крылатизма слово *терние* в форме мн. ч. вин. п. употребляется правильно; ср. метафорический пример в [НКРЯ]: «Но если возмущенье вспыхнет в нем, оно разбудит Мысль, и – вновь идет он дальше, один сквозь *терния* своих ошибок, один среди жгучих искр своих сомнений, один среди развалин старых истин!» (М. Горький. Человек). Мы предполагаем, что закрепление ошибочной формы (*тернии*) в крылатизме связано с названием популярного в 1980-е годы советского научно-фантастического фильма «Через тернии к звездам» (режиссер – Р.Н. Викторов, сценарист – Кир Булычев), в котором данная ошибка и была допущена. Компонент *звезда* в крылатом выражении символизирует некий духовный ориентир, высокую цель, к которой человек стремится, преодолевая трудности. Ср. [НКРЯ]: «Ее любимая фраза, ставшая кошмаром моих детских и юношеских лет: «*Через тернии к звездам!*» – произносилась ею на латыни по любому поводу. Самой ей этого семейного стремления «через тернии» к любой цели хватило сполна, чтобы вырваться из глухого таежного угла, выучиться в Иркутске на врача, стать «звездой Владивостока», влюбить в себя самого молодого и блестящего контр-адмирала Тихоокеанского флота...» (Д. Рубина Медная шкатулка).

По-прежнему остается востребованной символика *звезды* как знака успеха и славы. Показательными в этом плане являются появившиеся с 80-х гг. названия телепередач и конкурсов: «Утренняя звезда», «Стань звездой», «Фабрика звезд». Однако еще в конце XIX – начале XX века слово «звезда» в значении „человек, прославившийся чем-либо, знаменитость“ употреблялось в художественных произведениях (Чехов, Короленко) [ССРЛЯ 1955: стлб. 1134]. Параллельно в языке использовался его транслитерированный французский вариант «этуаль» (фр. étoile), который, возможно, был первоисточником данного значения – „модная актриса, выступающая в легких жанрах (фарсе, легкой комедии, оперетте, с эстрады и т.п.)“ [ТСРЯ 1940: стлб. 1442].

В произведениях конца XIX – начала XX века встречается и слово «звездочка» в значении „человек, подающий надежды, могущий добиться известности, славы“ [ССРЛЯ 1955: стлб. 1139]. В современной русской лингвокультуре оно также активно используется, обозначая талантливого ребенка или молодого человека; ср. [НКРЯ]: «Все

шло хорошо. Людмилу, сыгравшую несколько удачных учебных работ, так и прозвали «звездочка» курса» (Душа в беде и боли созревает // «Театральная жизнь», 2004.06.28).

Еще одним дериватом от слова «звезда», поддерживающим его символическое значение „успех, слава“, является «созвездие»: «созвездие актеров», «созвездие лауреатов», «созвездие неповторимых индивидуальностей», «созвездие талантов».

Обозначенное выше символическое значение компонента *звезда* обнаруживается во фразеологизмах, служащих номинацией человека, таких как *звезда первой величины*, *восходящая звезда* (рус.) – *звезда от първа величина*, *изгряваща звезда* (болг.). Ср. [НКРЯ]: «В египтологии Голенищев – *звезда первой величины*» (А. Егорин. Дорогой Грефения и Зосимы // Родина, 2008); «В Ленинград тогда пригласили коллектив армянского цирка. Коверным должен был работать *восходящая звезда* – молодой талантливый клоун Леонид Енгибаров» (Ю. Никулин. Жизнь на колесах); «За отбелязване е, че в тази група, ръководена от мен, взе участие с превод от английски и италиански госпожа Елена Поптодорова, тогава *изгряващата звезда* на нашия преводачески небосклон, преминала впоследствие през доста политически метаморфози, за да стигне, когато пиша тези редове, до завидно високия и отговорен пост посланик на България във Вашингтон» [Цонев 2005: 231].

Компонент *звезда* символизирует славу и в таких фразеологизмах, как *звезда (кого, чья) взошла* и *звезда (кого, чья) закатилась* <*погасла, померкла*>, имеющих фразеологические эквиваленты в болгарском языке: *изгря му звездата* и *заязва ми / угасва ми звездата*; ср. [НКРЯ]: «В те годы *взошла звезда* Владимира Трошина. Его мягкий, проникновенный голос невозможно было забыть, «Подмосковные вечера» были у всех на слуху» (Р. Нахапетов. Влюбленный); «Посторонись, – сказал Пастухов, пренебрежительно заслоняя собой Егора Павловича, – *твоя звезда закатилась*. Сегодня на коне – я!» (К. Федин. Первые радости); «От две години вече *звездата на този артист заязва*» [Цит. по: Ничева, Спасова-Михайлова, Чолакова 1974: 344].

В русской вербальной культуре существует также фразеологизм *взошла звезда славы (чьей, кого)*, в структуру которого вкраплен символ «звезда» вместе с поддерживающим его значением словом *слава*; ср. [НКРЯ]: «Ее профессиональному взгляду могли бы позавидовать лучшие мастера того времени. Но *звезда славы Майер* *взошла* лишь после ее кончины» (Телеканал «Россия К». Новости культуры. Эфир 04.09.2013).

Символика звезды как знака успеха, славы присутствует в русских и болгарских фразеологизмах с компонентом-дериватом *звездный*: *звездный час* (рус.) – *звезден час* (болг.) со значением „вершина, расцвет, апогей, кратковременный успех“ [БФСРЯ 2010: 235], а также в русской фразеологической единице *звездная болезнь* со значением „высокомерное, чванливое поведение того, кто пользуется большой известностью, популярностью“ [Новые слова и значения 1973: 179]. Ср. [НКРЯ]: «Именно от сознания того, что ты избранный – не такой, как все, и начинается история тяжелой и мучительной болезни, от которой нет лекарств. Назвали ее прекрасно – “звездная болезнь”. Только на приеме у врача ты с готовностью назовешь другие свои болезни с глупыми названиями: свинка, ишиас, ячмень, радикулит. И умолчишь, и ни за что не признаешься, что ты болен или болел “звездной болезнью”» (Л. Гурченко. Аплодисменты). Тот же символ поддерживается такими дериватами слова «звезда», как «звездность» (звездность киноактера, телеведущего и др.), «звездный» (звездные исполнители и др.), в том числе слэнговыми «зазвездиться», «звезданутый».

В русской лингвокультуре относительно недавно появилось крылатое выражение *звезда по имени Солнце*, в котором компонент *звезда* сочетает в себе, наряду с прямым, сразу несколько символических значений: неординарность, стремление к совершенству, слава. Это название альбома популярной советской рок-группы «Кино», включавшего одноименную песню, в тексте которой также неоднократно повторялось данное выражение. В современной русской лингвокультуре его используют, когда говорят про ярких, талантливых личностей, прежде всего про автора и исполнителя самой песни – В. Цоя. Выражение стало настолько употребительным, что используется (преимущественно в текстах СМИ) как фразеомодель: «звезда по имени X», где X является переменным компонентом-существительным, называющим известных людей (*звезда по имени Виктор Цой / Гагарин / Любовь (Орлова) / Майя (Плисецкая) / Галь (Нора)* и др.). Ср., например: «Звезда по имени Виктор Цой» – название книги [Калгин 2017]; «Звезда по имени Гагарин. К 50-летию со дня гибели первого космонавта планеты» – название статьи в интернет-газете «Столетие» от 27.03.2018 [http://www.stoletie.ru/sozidateli/zvezda_po_imeni_gagarin_748.htm]; «Звезда по имени Любовь» – название статьи о Любви Орловой в еженедельнике «Аргументы и Факты» № 6 от 07.02.2007 [<https://aif.ru/archive/1662262>]; «Звезда по имени Майя» – название статьи о Майе Плисецкой [<https://blog.shoppinglive.ru/stil-zhizni/dve->

zhenshiny-dve-zvezdy/]; «Звезда по имени Галь» – название статьи о переводчице Норе Галь; статья в качестве вступительной входит в антологии зарубежной фантастики: «Звезда по имени Галь. Заповедная зона» (1999) и «Звезда по имени Галь. Земляничное окошко» (1999), которые составлены из произведений, переведенных Норой Галь [<https://fantlab.ru/work247976>] и др.

Анализ символических значений компонента «звезда» в русских и болгарских вербальных текстах культуры доказывает, что, зародившиеся в глубокой древности, они остаются живодейственными (по [Телия 2004]) в составе фразеологических единиц и вносят в их семантику устойчивые смыслы: что-либо совершенное и труднодостижимое в духовном или материальном плане, которым человек обладает или желает обладать; судьба (чаще всего счастливая); стремление человека к совершенству, старание превзойти себя; успех, слава.

Литература

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В 3 т. Т. 1. М.: Современный писатель, 1995.

Барболова З. и др. Речник на народната духовна култура на българите. София: Наука и изкудство, 2018.

Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 1999.

БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В.Н. Телия. 4-е изд. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010.

Българска митология. Енциклопедичен речник / Съст. А. Стойнев. София: «7М+Логис», 1994.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Четвертое исправленное и значительно дополненное издание под ред. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. В 4 т. Т. 4. М.: Изд-е т-ва М.О. Вольф, 1914.

Калгин В.Н. Звезда по имени Виктор Цой. М.: АСТ, 2017.

Ничева К., Спасова-Михайлова С., Чолакова Кр. Фразеологичен речник на българския език. Т. 1. София: Издателство на Българската Академия на Науките, 1974.

Ничева К., Спасова-Михайлова С., Чолакова Кр. Фразеологичен речник на българския език. Т. 2. София: Издателство на Българската Академия на Науките, 1975.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/>

Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / под редакцией Н.З. Котеловой и Ю.С. Сорокина. М.: Советская энциклопедия, 1973.

Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007.

Сахаров И.П. Сказания русского народа. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1885.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка в 17 т. Т. 4. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Телия В.Н. Живодейственное наследие культуры в лексикографическом формате «Толково-культурологического словаря фразеологизмов современного русского языка» // Проблемы русской лексикографии. Тезисы докладов международной конференции. Шестые Шмелевские чтения. 24-26 февраля 2004 г. М.: ИРЯ им. В.В. Виноградова, 2004. С. 102-105.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. В 4 т. Т. 4. М.: Гос. ин-т «Сов. энциклопедия»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940.

Цонев К. Лица от големите портрети: Спомени на арабиста-дипломат. София: Книгоиздателска къща «Труд», 2005.

V.I. Abramova, Ju.V. Arkhangel'skaya (Tula, Russia)

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

S.I. Georgijeva (Plovdiv, Bulgaria)

Plovdiv University "Paisii Hilendarski"

SYMBOLISM OF THE STAR IN RUSSIAN AND BULGARIAN PHRASEOLOGICAL UNITS AS VERBAL CULTURAL TEXTS

The article deals with an analysis of the following symbol meanings of the constituent *zvezda* „star“ in Russian and Bulgarian phraseological units: something perfect and difficult to achieve; fate, fortune; spiritual guide; success, fame. Dating

back to ancient times, these meanings remain topical in the modern verbal cultural texts.

Key words: star, symbol interpretation, phraseological unit, phraseological equivalent, verbal cultural text.

М.А. Бредис (Москва, Россия)

Российский университет дружбы народов

briedis@yandex.ru

О.В. Ломакина (Москва, Россия)

Российский университет дружбы народов;

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,

rusoturisto07@mail.ru

В.М. Мокиенко (Санкт-Петербург, Россия)

Санкт-Петербургский государственный университет

mokienko40@mail.ru

ЧИСЛОВОЙ КОД РУСИНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ (на фразеологическом материале)¹

Статья посвящена рассмотрению русинских фразеологизмов, включающих числа. Показано, какие числовые компоненты более частотны при образовании фразеологических единиц и паремий.

Ключевые слова: русинский язык, фразеология, код культуры, число, фразеологическая единица, пословица.

В.Н. Телия в работе «Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры» обозначила три круга актуальных векторов исследований при описании взаимодействия языка и культуры: 1) определение фразеологического состава, «выявление во фразеологизмах различных типов экстралингвистических предпосылок, соотносимых с предметной областью культуры», и «выявление тех внутриязыковых языковых средств и способов, которые придают фразеологизмам способность к культурной референции и тем самым – к отображению в их знаковой форме черт культуры, характерных для того или иного языкового со-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00305.

общества»; 2) уточнение методов «изучения и описания культурной семантики фразеологизмов, осуществляемых в рамках этнолингвистического, лингвокультурологического и контрастивного направлений», которые «хотя и пересекаются по предмету исследования, но не совпадают целиком по целям и задачам, поскольку в центре внимания <...> разные временные или культурно-ареальные срезы изучения фразеологизмов»; 3) выделение «общей для языка и культуры методологической платформы, на базе которой разрабатываются методы изучения единиц фразеологического состава языка» [Телия 1999: 13-14]. Многие из обозначенных проблем исследуются в работах учеников и последователей В.Н. Телия.

Понимание фразеологизма как знака культуры нашло выражение в выделении кодов культуры – «реалий, которые человек уже наградил культурным смыслом и которые поэтому служат исходным материалом для культурного же осмысления образа фразеологизма» [Телия 2006: 13].

Дифференциация культурных кодов происходит, в основном, по тематическому принципу. Российские учёные исследовали такие коды культуры, как телесный [Гудков, Ковшова 2007], зооморфный [Бойко 2008], костюмный [Ковшова 2015], религиозный [Магомедова 2012], природно-ландшафтный [Кольовска 2014], пищевой [Гасанова, Майорова 2015], антропонимический [Ковшова 2019]. О.А. Лещинская выделила и описала в белорусской картине мира соматический, зооморфный, растительный, колоративный, предметный, костюмный, религиозный, природно-ландшафтный, пространственный, архитектурный, антропоморфный, количественный, временной, гастрономический; см., например, о знаках природного кода: [Ляшчынская 2018]. Исследователи отмечают, что результаты «культурного кодирования взаимодополняют друг друга, существуя в разных системах координат» [Иванова, Чаньшева 2000: 75-76].

Обратимся к числовому коду культуры, который образуют имена числительные и слова, обозначающие количество. Он универсален для всех славянских лингвокультур, поскольку счётные слова сложились в праславянском языке и являются одной из употребительных групп лексики. Согласно этнолингвистическому словарю «Славянские древности», число – «средство упорядочения и моделирования Вселенной, в народной культуре объект семантизации и оценки. Число в мифопоэтической нумерологии не только определяет объект счёта, служит его количественным параметром, но и само определяется <...> считаемы-

ми объектами и зависит от них» [Толстая 2014: 544]. В свободном употреблении определено-количественное числительное обозначает отвлеченное число или количество предметов и играет утилитарно-прагматическую роль. Кроме того, числа обладают и культурными смыслами, приобретают символическую значимость, что находит отражение во фразеологической системе языка. В отличие от нумеративных компонентов ФЕ, «компоненты-числительные в чистом виде, так сказать, «оголены»: их прямая семантика прозрачна и прозаична, как и сами «сухие числа». Но при этом – и именно такое свойство нумеративной фразеологии привлекает исследователей – они развивают семантику не рациональную, а иррациональную, символическую, уходящую корнями в древние толщи магических осмыслений Числа» [Мокиенко 2017: 110].

Немало работ посвящено общим лексико-семантическим особенностям числительных [Зиновьев 1974; Осипова 2008] или их «второму плану», т.е. переосмыслениям метафорического, фольклорно-поэтического или даже «мистического» характера [Бородин 1972; Фатневая 1970; Хроленко 1972]. Эта линия довольно последовательно была подхвачена и фразеологами, в работах которых основное внимание сосредоточено именно на переносной, культурологической, символической семантике числительных как стержневых компонентов нумеративной фразеологии разных языков [Ајдачић, Непоп-Ајдачић 2015; Верещак 2011; Давыдова 1978; Кишова 2001; Лыскова 1984; Мушовић 1995–1996; Ничева 1978; Пасечник 2009а, 2009б; Попович 2001; Шакиров 1979; Шондуг 2006; Цзя, Ли 2015; Basaj 1970; Fink 1989]. В том же направлении описывают нумеративы фольклористы и паремиологи, ищущие потаённую символику чисел в паремиях [Хроленко 1981; Мршевић-Радовић 1994] – особенно с такими «магическими», как число один [Григорьева 1993], три [Вальтер 2017], семь [Маковец 1974]. Как видим, символическая семантика чисел в составе фразеологии и мифологическая их интерпретация – основное (если не сказать – единственное) искомое для большинства исследователей.

Цель данной статьи – описать числовой код русинской лингвокультуры на фразеологическом материале. Материалом исследования послужили около 80-ти фразеологических единиц (ФЕ), извлечённых приёмом сплошной выборки из «Русинско-украинско-русского и русско-русинско-украинского фразеологических словарей» Д. Попа [Поп 2011] и «Русинско-русского словаря» И. Керчи [Керча 2007].

Корпус русинских ФЕ, включающих числовой компонент, составляет около 80-ти единиц, среди которых преобладают ФЕ с компонентом *один* (28 ФЕ), *два* (11 ФЕ), *три* (10 ФЕ), единичны ФЕ с компонентом *пять* (5), *сорок* (4), *семь* (3).

Один является обозначением «первичной целостности, знак человеческого “я” и одиночества» [Маслова 2004: 94]. «Активность компонента *один* объясняется его противопоставленностью прочим компонентам как возможного наименьшего и <...> важностью его как первой ступени счёта» [Селиверстова 2017: 245]. В русинской фразеологии выделяются группы ФЕ со значением целостности, единства: *Єдну нѳвту тягнути* (букв. Одну песню тянуть), *Єдным махом* (букв. Одним махом), *Єдным словом* (букв. Одним словом); со значением недостаточности *За трайцарь душу не купиш, лем чорту ї продаш* (букв. За (один) крейцер душу не купишь, разве что чёрту её продашь), *Єдным волом не наореш* (букв. Одним волом не напашешь), что, скорее, отражает коллективистское, а не индивидуальное сознание. Поскольку *один* символизирует начало чего-либо [Ключников 1996], то данное событие или действие может иметь продолжение: *Єдна бѳда не ходить* (букв. Одна беда не ходит). Обозначение одиночества содержится в ФЕ *Єденак сегѳнь-неборак* (букв. Одиночка бедняга-горемыка), *Каждый єден* (букв. Каждый один).

Е.И. Селиверстова среди тематических биномов называет пары компонентов с семантикой числа и количества [Селиверстова 2017: 244]. В русинском языке таких биномов несколько: „один – другой“, „один (часть) – целое“, „один – два“, „один – сто“, „два – три“. Большая часть русинских паремий включает противопоставление „один – другой“: *Єден пѳшов в киндирицю, а другий у быля* (букв. Один пошёл в кукурузу, другой в сорную траву), *Єден ліпший уд другого* (букв. Один лучше другого), *Який єден, такый другый* (букв. Каков один, таков другой), *Єдному на вгоду, а другому на шкоду* (букв. Одному на пользу, другому во вред), *Єдни-сьме вѳвци, а други вѳвци* (букв. Одни из нас волки, а другие – овцы), *Єднѳв рукѳв дає, а другѳв бере* (букв. Одной рукой даёт, а другой берёт), *Єдно – не дайся, а другое – не бѳйся* (букв. Одно – не дайся, другое – не бойся), *Єдна нога тут, друга там* (букв. Одна нога тут, другая там), *На єдно вухо чує, на другое – вон* (букв. В одно ухо входит, а в другое выходит). Менее представлены биномы „часть – целое“: *У ярї єден дѳнь цѳлый рѳк кормить* (букв. Весной один день целый год кормит), *Єдна вѳвця гонна отару згубити* (букв. Одна овца может отару сгубить), *Єдна корова ушитку череду*

задрище (букв. Одна корова всё стадо загадит), *Єдно пѳтя лїс не на свище* (букв. Одна птичка лес не насвистит) и „один – два“: *Єдна голова дубри, а двї не єўрише* (Одна голова хорошо, а две не хуже), *Два мацурьы на єднѳм дарабчыку солонины не помиряться* (букв. Два коты на одном куске сала не помирятся), *На єднѳ вкѳстци два псы ся погрызли (кусавуть)* (букв. Над одной костью два пса погрызлись), *Двох смерти нис, а єдна тя не убыйде* (букв. Двух смертей нет, а одна тебя не обойдѳт), *Пуд єден клєбан двї головы не стануть* (букв. Под одну шляпу две головы не влезут). Единичны паремии с бинамами „один – сто“: *Єден мудрый, а за сто дурных пуйде* (букв. Один умный, а за сто дураков пойдѳт) и „два – три“: *Де двоє, там третєго не треба* (букв. Где двое, там третьего не нужно).

В паремии *Два жиды – токма, два русины з Колочавы – битка* (букв. Два еврея – торг, два русина из Колочавы – драка) не только содержится указание на количество, но и дано противопоставление двух национальных характеров, что можно трактовать как реализацию противоречия, содержащегося в этом числительном. В основе пословицы *Не можна раз на двоих кѳнѳх сидити* (рус. Нельзя сразу на двух конях сидеть) содержится предписание, основанное на поверье, что двойные предметы могут принести неудачу и даже смерть [Толстая 2014: 544]. Поэтому и церковные действия не могут повторяться дважды: *Пѳп двїчі наказ не каже* (букв. Поп дважды проповедь не говорит). Пословица *Скупый двїчі платить, а лїнвый двїчі ходить* (рус. Скупой дважды платит, ленивый дважды ходит) содержит негативное отношение к скупому и ленивому посредством удвоения действия *платить / ходить*. Противопоставление содержит паремия о церковно-календарных праздниках, приходящихся на разное время года: *У нас два Юрия: єдин голодний, другий холодний* (букв. У нас два Юрия: один голодный, другой холодный).

Согласно «Словарю символов», три – «одно из положительных чисел эмблем не только в символикѳ, но и в религиозной мысли» [Тресиддер 1999: 375]: *Бог тройцю любит* (рус. Бог трицу любит). Указание на интернациональный характер этой паремии содержится в [Walter 2017: 194]. Выделение трёх предметов обозначает исчерпанность [Пасечник 2009: 124]: *Днѳ в гораздї, а три в бїдї* (букв. День в достатке, а три в нужде), *Каждє новина лєм три днѳ новина* (букв. Каждая новость только лишь три дня новость), *Каждєс чудо лєм три днѳ чудо* (рус. Всякое чудо лишь три дня чудо), *Здогадовся ги циганин у три роки по смерти матери ревати* (букв. Спыхватился цыган через три года после

смерти матери рыдать). В следующих ФЕ компонент *три* имеет семантику «развития и завершенности процесса, полноту некоторой последовательности» [Толстая 2014: 544]: *Три перстки до смертки* (рус. Три пальца до смерти), *Три ферталі на вберталі* (букв. Три четверти на оборот).

В пословице *Кўнь має чытыри лабы, та й тото ся шпотать* (букв. Конь имеет четыре ноги, но и тот спотыкается) числовой компонент *четыре* получает символику могущества, которым народ надеется коня.

В русинских ФЕ *Пятоє колесо увбізі* (букв. Пятое колесо в возе), *Ги псови пяту лабу* (букв. Как собаке пятая лапа) компонент *пять* имеет семантику „избыточное, лишнее“, при этом подразумевается, что *четыре* – это норма.

«Число семь очень важное число как в Ветхом, так и в Новом завете (в семь дней Бог создал мир; в книге Откровения нужно было снять семь печатей; семь урожайных и семь неурожайных лет и так далее). Оно связано с известными в то время семью планетами <...> Агриппа Неггесгеймский ссылается на Гермеса Трисмегиста, который семь архангелов называл “ семью регентами мира... которые направляют в наш низкий мир уловленные небесами влияния всех звёзд и созвездий”» [Бауэр, Дюмотц, Головин 2000: 192]. Важность числа *семь* для русинской культуры закреплена в паремии *Держи свої грбіші сім літ, та тя уймуть из сім бід* (букв. Храни свои деньги семь лет, так они тебя оградят от семи бед), в которой использован приём редупликации для постулирования значения этого числительного. ФЕ *Сім пятниця на тыждінь* (букв. Семь пятниц на неделе) относится к временным единицам, поскольку *семь* отождествляется с неделей, состоящей из семи дней. В основе русинского фольклоризма *За сімома горами, за сімома морями* также число *семь*, которому славяне приписывают сакральное значение [Толстая 2014: 545].

В основе следующих ФЕ с компонентом *сорок* – воспоминания о сорока Севастийских мучениках, день памяти которых приходится на 22 марта: *На сорок сятых и сорока именинниця* (букв. На сорок святых и сорока – именинница), *Тулько їх, ги сорок сятых* (букв. Столько их, как сорок святых). Этот православный праздник для восточных славян имел большое значение: именно этот день считался окончательной датой начала весны. Историк, этнограф, литературовед и переводчик Ю. Жаткович (1855–1920) в своих этнографических заметках с Угорской Руси (1896) писал: «Народ ото віруе, ож зима трічи стрічат ся из

літом, то ест: фебруара 2., на Стрітеніє; марця 9., на Сорок Сятых; марця 25., на Благовіщеня, коли літо зовсім перемаже» (Народ верит, что зима трижды встречается с летом, а именно: 2 февраля, на Сретение; 9 марта, в День Сорока мучеников Севастийских; и 25 марта, в Благовещение, когда лето окончательно побеждает). Ещё в дохристианские времена восточные славяне именно в этот день весеннего равноденствия призывали весну, надеясь на скорое наступление долгожданного тепла. После принятия христианства этот праздник получил новый смысл. Церковный праздник Сорока святых играл важную роль в русинском календаре сельскохозяйственных работ, что неудивительно, учитывая время его проведения. В записках Ю. Жатковича находим советы, связанные с работами во время праздника Сорока святых и после него: «На Сорок святых треба росаду сіяти, хоть би і сніг треба було мести із землі. 17 марта Теплою Олекси. Хто на Сорок святых не посіяв росаду, той тепер має сіяти». (На Сорок Святых надо сеять рассаду, хотя бы и нужно было снег сметать с земли. 17 марта Алексея Тёплого. Кто на Сорок Святых не посеял рассаду, тот теперь должен сеять) [Жаткович 1896]. Однако приведенные единицы, хоть и хранят память о принявших мученическую смерть за веру Христову, но имеют ироническую окраску, а сорок здесь «число скорее символическое, чем точное» [Маслова 2004: 94]. В паремии *Біда біду перебуде, една мине – сорок буде* (букв. Беда беду перебудет, одна минует – сорок будет) компонент *сорок* также означает „много“. Пословица *На сорок сятых и сорока именинница* (букв. На сорок святых и сорока – именинница) построена на игре слов: *сорок сороков* в народной речи – сороки [Сахаров 2000: 235].

По наблюдениям Е.А. Григорьевой, при образовании ФЕ числительное нередко утрачивает ядерную сему „точное количество“ [Григорьева 1990: 107]. Этим фактом можно объяснить появление русинских ФЕ *Двадцять раз казати* (букв. Двадцать раз говорить), *Голоден, ги сто чортів (пес, вівк)* (букв. Голодный, как сто чертей), *И стома кўньми та го не догониш* (букв. И на ста конях его не догонишь), где числовые компоненты не несут символического смысла, а, скорее, служат для реализации сем „много“, „очень сильно“, „очень много“.

«Описание фразеологической системы малых языков способствует их сохранению. Фразеологические штудии направлены не только на выявление своеобразия описываемого языка, но и на установление интернационального вне зависимости от генетического родства языков» [Ломакина 2019: 206]. Исследование показывает, что инвентаризация культурных кодов позволяет создать лингвокультурологическую характеристику даже малых языков, несмотря на меньшее лексикогра-

фическое представление репертуара ФЕ разных разрядов. Фразеология русинского языка, во многом, соединена с числовым кодом, что говорит о важности данного кода в русинском языке и народном сознании. Приведённые ФЕ в большинстве своём основаны на символической семантике чисел, отражающей народные поверья, христианскую веру, мифопоэтическую нумерологию.

Литература

Аждачић Д., Непон-Аждачић Л. Поредбена српско-украјинска фразеологија. Београд: Алма, 2015. С. 143-153.

Бауэр В., Дюмотц И., Головин С. Энциклопедия символов / пер. с нем. Г. Гаева. М.: Крон-Пресс, 2000.

Бойко Л.Г. Зооморфный код культуры // Известия Волгоград. гос. пед. ун-та. 2008. № 5(29). С. 94-97.

Бородин А.И. Число и мистика. Донецк: Донбас, 1972.

Верецка Л. Фразеологічні одиниці з числовим компонентом «один» у сербській і українській мові // Українсько-сербський збірник Украс. Історія. Культура. Мистецтво. 2011. № 6. С. 112-115.

Гасанова М.А., Майорова Г.В. Пищевой код культуры в паремиологической картине мира табасаранского, рутульского и агульского языков // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. С. 264.

Григорьева Е.А. Варьирование компонента – числительного во фразеологизмах // Проблема тождества фразеологических единиц. Челябинск: Изд-во ЧГПИ, 1990. С. 105-112.

Григорьева Е.А. Преобразование количественного элемента в значении фразеологизмов с компонентом-числительным *один*. // Диалектические процессы во фразеологии. Тезисы докл. межвузовской научн. конф. Челябинск Изд-во ЧГПИ, 1993. С. 20-22.

Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007.

Давыдова О.А. Числительное в русских пословицах и поговорках // Специфика фольклорной лексики и фразеологии. Курск: Курский ГПИ, 1978. С. 15-27.

Жаткович Ю. Замітки етнографічні з Угорської Русі // Етнографічний збірник. 1896. Т.2. С. 1-38.

Зиновьев В.Н. Лексико-семантические особенности числительных в разных языках // Лексика. Терминология. Стил. Горький: Горьк. гос. ун-т, 1974. С. 20-38.

Иванова С.В., Чанышева З.З. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010.

Керча И. Русинско-русский словарь. Ужгород: ПолиПринт, 2007. Т. 1. Т.2.

Киришова М. Фразеологизмы с числительными в русском языке и их соответствия в сербском // Славистика. 2001. № 5. С. 80-84.

Ключников С.Ю. Священная наука чисел. М.: Беловодье, 1996.

Ковшова М.Л. Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры. М.: Гнозис, 2014.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры. М.: ЛЕНАНД, 2019.

Кольовска Е.Г. Экспликация природно-ландшафтного кода культуры в русских паремиях // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 6. С. 153-160.

Ломакина О.В. Русинская фразеология и паремиология: достижения и перспективы развития // Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме: сборник научных статей. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. С. 205-208.

Лыскова Н.Я. Специфика абстракции в фразеологизмах с порядковыми числительными в современном немецком языке // Сборник научных трудов Московского гос. педагогического института иностранных языков им. М. Тореза. 1984. Вып. 232. С. 28-41.

Ляшчынская В.А. Канцэпты прыродных стыхій у фразеалагічнай карціне свету беларусаў: агонь, вада, зямля і паветра: манаграфія. Мінск: РІВШ, 2018.

Магомедова А.Н. Аварские паремиологические единицы с религиозным кодом культуры // Исламоведение. 2012. № 4 (14). С. 76-81.

Маковец Н.А. Семь и седьмой в русских пословицах и поговорках // Русская речь. 1974. № 2. С. 150-153.

Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2004.

Мокиенко В.М. Нумеративные сравнения и идиомы в художественном тексте // Numerologia we frazeologii i paremiologii Redakcja naukowa. Szczecin, 2017. S. 109-126.

Мришевић-Радовић Д. Број више у фразеологији // Фолклор у Војводини. 1994. № 6. С. 110-119.

Мушовић А. Фразеолошке јединице с нумеративом као структурном компонентом (на материјалу руског и српског језика) // Зборник Филолошког факултета у Приштини. 1995-1996. № 5-6. С. 213-225.

Ничева К. Към въпроса за семантичното моделиране на фразеологизмите // Съпоставително езикознание. 1978. № 5. С. 14-23.

Осипова А.А. Семантика и символика лексем со значением числа в русской, английской и французской языковых картинах мира (опыт сопоставительного исследования): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.

Пасечник Т. Б. Лингвокультурологический анализ фразеологических единиц с числовым компонентом в русском языке в сопоставлении с английским: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009а.

Пасечник Т. Б. Число в русской фразеологии // Русская речь. 2009б. № 2. С. 124-127.

Поп Д. Русинско-украинско-русский и русско-русинско-украинский фразеологические словари. Ужгород [б/и], 2011.

Попович Н. Фразеологизми з числівниковим компонентом у структурі речення // Науковий вісник Чернівецького університету. Вип. 106. Слов'янська філологія, 2001. С. 193-205.

Сахаров И.П. Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым / сост. С.Д. Ошевский. Предисл. Г.П. Присенко. Тула: Приок. кн. изд-во, 2000.

Селиверстова Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017.

Толстая С.М. Число // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти тт. / под общей ред. Н.И. Толстого. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). М.: Международные отношения, 2014. С. 544-547.

Фатнева В.Д. Конкретные основы слов, обозначающих абстрактные понятия (на материале числительных): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1970.

Хроленко А.Т. О «втором плане» числительных // Научно-практические очерки по русскому языку. Вып. 6. Курск: Курский гос. пед. ин-т, 1972. С. 57-64.

Хроленко А.Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1981.

Цзя Ч., Ли Я. Сопоставительный анализ фразеологических единиц русского и китайского языков, в состав которых входят числительные // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ. В 15 т. Т. 7. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. С. 207-211.

Шакиров А.С. Нумеративные фразеологические единицы в русском языке сравнительно с другими языками // Вопросы фразеологии. Вып. XIV. Самарканд, 1979. С. 141-151.

Шондуг Б. Семантика числительных во фразеологии монгольского, русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006.

Basaj M. Frazeologizmy liczebnikowe w języku czeskim i polskim // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. 1970. № 9. S. 173-184.

Fink Ž. Frazeologizmi s numerickom komponentom (na materijalu hrvatskih ili srpskih i ruskih frazeologizama) // Radovi Zavoda za slavensku filologiju. Zagreb. 1989. № 24. S. 81-96.

Walter H. Число ТРИ в русской и немецкой фразеологии (от Троицы до трех горшков и drei Käse) // Numerologia we frazeologii i paremiologii Redakcja naukowa. Szczecin, 2017. S. 189-201.

M.A. Bredis (*Moscow, Russia*)

Peoples' Friendship University of Russia

O.V. Lomakina (*Moscow, Russia*)

St. Tikhon's Orthodox University, Peoples' Friendship University of Russia

V.M. Mokienko (*St.-Petersburg, Russia*)

St. Petersburg State University

NUMERIC CODE OF THE RUSIN LANGUACULTURE (based on figurative units)

The paper deals with Rusin (Ruthene) figurative units, focusing on the use of numerals as constituents. The analysis reveals which numbers are more frequent in the formation of idioms and paroemias.

Key words: the Rusin language, phraseology, culture code, number, figurative unit, proverb.

Л.Р. Додыхудоева (*Москва, Россия*)

Институт языкознания РАН

leiladod@yahoo.com

ДИНАМИКА ПАМИРСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ: О РАЗВИТИИ СЕМАНТИКИ ВЫРАЖЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ТРАУРНЫМИ ЦЕРЕМОНИЯМИ

В статье проанализирован фрагмент фразеологии, отражающий национально-культурную специфику представлений и ритуалов традиционной культуры носителей памирских языков и особенности их фразеологической карти-

ны мира. Рассматриваются нормативная, оценочная, образно-экспрессивная, эмотивная и стилистическая функции фразеологических единиц.

Ключевые слова: шугнанский, памирские, лингвокультурология, историко-культурологический комментарий, коннотация.

Лингвокультурология, основы которой заложила В.Н. Телия, «наука о живодейственной связи языка и культуры», занимается не столько «археологией культуры», сколько изучает коммуникативные процессы и связь используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом народа. По определению, данному В.Н. Телия, фразеологический состав языка является зеркалом, в котором выражено национальное самосознание лингвокультурной общности, передано особое видение мира. Именно во фразеологических единицах (далее – ФЕ) заложены смыслы, придающие им культурно-национальный колорит, а их семантику можно толковать с позиций ценностных установок и стереотипов, свойственных менталитету народа [Телия 1993, 1996, 2004].

В «Большом фразеологическом словаре русского языка», вышедшем под редакцией В.Н. Телия, предложен ряд лингвокультурологических разработок, дано толкование фразеологизмов и примеры их употребления, рассматриваются их функциональные особенности и культурная ценность. В Словаре подчеркивается важность историко-культурологического комментария, проясняющего семантику фразеологизмов, их истоки, образ, лежащий в основе номинации, благодаря чему освещается история народа и его обычаи, раскрывается ментальность и историческая память, хранящаяся во ФЕ [Телия 2006].

Коннотативный аспект, по В.Н. Телия, представляет собой культурную интерпретацию компонентов значения в категориях культуры; на его основе выводится дополнительная информация об отношении говорящего к предмету речи. В определении, данном *коннотации*, соединяются в единое целое такие составляющие компоненты значения, как эмоциональный, оценочный, экспрессивный, культурный, стилистический, вершинным из которых является эмотивный. Эта смысловая многослойность просматривается уже в модальной рамке, которую предложила В.Н. Телия для вычленения ее смысловых составляющих [Телия 1986; 1990: 236]. Ср. пример такой модальной рамки: *свинья* (о человеке) = «*грязный, подлый, неблагодарный, бесчестный*» (и это плохо – **оценка**) + «*как если бы был свиньей*» – **интенсификация (образность, экспрессивность)** + «*и это мне неприятно, и я хочу,*

чтобы ты об этом знал(а)» (**эмоция, эмотивность**) + «снижен., неодоб., презрит., уничиж.» (**стилист. маркёр**) [Шаховский 2016: 81].

Мы выбрали для анализа в нескольких памирских языках несколько ФЕ с опорным компонентом *черное/темное (лицо)*, передающие широкий диапазон эмоциональных состояний, связанных изначально с ритуальными состояниями горя, скорби, которые в своем коннотативном значении в его динамике передают значительно более широкую гамму чувств. Лингвокультурологические разработки, предложенные в [Телия 2006], мы применили для исследования ФЕ в памирских языках; анализ проводился на основе многокомпонентной модели значения ФЕ с выявлением оценочного, образно-экспрессивного, эмотивного и стилистического компонентов и с опорой на культурологический комментарий.

К истории сложения ФЕ в памирских языках

Обратимся к «культурной памяти» (в понимании В.Н. Телия) ФЕ *черное/темное лицо* в памирских языках, ее семантической истории, то есть тем ассоциациям, которые связаны с ее происхождением и употреблением в прошлом и которые выстраивают современное значение. Как известно, процедуры внешнего воздействия на тело человека применялись при прохождении так называемых ритуалов перехода (например, в знак траура). Так, в ближневосточной традиции существовали ритуалы оплакивания, связанные с сиро-финикийским божеством Там(м)узом (то же что Адонис), уход которого в мир иной сопровождался ритуальным оплакиванием женщинами, траурным одеянием, острижением волос и сидением на земле (Иез. 8:14). В традиции, предшествующей иудаизму, было принято в ходе траура или ритуального раскаяния совершать телесные повреждения, обрезание волос, посыпание головы пеплом и т.п., о чем свидетельствует запрет на подобные действия «Ради умершего не делайте надразов на теле вашем...» (Лев. 19:28). Обычай посыпать голову пеплом и прахом после кончины близких в качестве символа скорби в результате смерти или при больших несчастьях сохранялся долгое время. Так, в Библии говорится, что, узнав о том, что персидский царь Артаксеркс издал указ об истреблении всех иудеев, «...царица Есфирь .... облеклась в одежды скорби и сетования, ... пеплом и прахом посыпала голову свою...» (Есф. 4:17). ФЕ библейского происхождения – «посыпать голову пеплом/прахом» – сохранилась во многих культурах, представляя собой яркий образ, ср., например, рус. *посыпать голову пеплом* или англ. *in sackcloth and ashes* ,во

вретище и пепле”, то есть «в горе и покаянии» (Мф. 11:21), позднее ФЕ стала обозначать „глубокое раскаяние, покаяние”.

В арабских странах с давних пор и до настоящего времени после смерти близких родственники облачаются в темное и, распустив волосы и разодрав одежды, с воплями бьют себя по груди и лицу. В ходе траура женщины покрывают темно-синей краской руки до локтей и окрашивают в нее стены дома, лица, головные покрывала и грудь плакальщиц из простонародья, следующих на похоронах за носилками, вымазаны землей и грязью [Ахунов 2014: 142-144]. В той же традиции черный цвет применялся для устрашения: при взятии Мекки воины-мусульмане окрасили в черный свои лица.

Для иранской лингвокультуры черный цвет может быть символом ночи, тьмы, пустоты, тоски, стыда, раскаяния, греха, горя, страдания, отчаяния, смерти, в целом олицетворяя негативное начало. В ходе траура женщины облачаются в Иране в черный или темно-синие тона, перс. *nil* и *ābi(-ye tire)*, при этом в Таджикистане в качестве траурных приняты как черный и сине-голубой, так и белый цвета; мужчины одеваются в темное платье (*lebās-e tire*). Как известно, черный символизирует скорбь и в европейской традиции, и в последние несколько веков является цветом траура. В то же время в исламской традиции черный цвет применяется много шире, как, например, в такой повседневной детали одежды женщин, носимой вне дома, как покрывало (перс. *čādor(siyāh)* „чадра черного цвета”).

Элементы древних традиций сохранились в современной шиитской традиции Ирана и отражаются в религиозной траурной мистерии, состоящей из поминального собрания (*роузе*), траурного шествия (*дасте*) и сценического воплощения истории-*тазийе* (букв.: оплакивание), посвященной на современном этапе мученичеству имама Хусайна (ранее памяти эпического героя Сийавуша, связанного по своему происхождению с Таммузом). Участники траурной процессии истязают себя, ударяя себя кинжалами по голове и цепями по плечам и спине до крови (перс. *qame zadan*), в знак памяти о мучениях, которые принял на себя Хусайн, что обусловлено психологическим напряжением и религиозной экзальтацией. Этот ритуал известен как *шахсей-вахсей* по речитативной формуле, произносимой при нанесении ударов: «*шах-Хусайн, вах-Хусайн!*». Обычай чернить лицо сажей сохраняется в Иране в уличной смеховой культуре и фольклорно-обрядовых действиях: так в праздновании Нового Года (Ноуруз) принимает участие шуточ-

ный персонаж с лицом, окрашенным черным, *hājifīruz*. В персидском языке представлена ФЕ *xāk bar sar rixtan* „сокрушаться, скорбеть, горевать“ (букв.: посыпать голову прахом), в то же время в разговорном языке это выражение означает „пренебречь, оставить без внимания“, а в сниженном просторечном стиле „относиться с презрением“, оно может употребляться в просторечии как междометие, восклицание, выражающее безразличие: все равно. То же выражение, с близким кругом значений находим и в таджикском языке: *хок ба(р) сар кардан* „посыпать голову пеплом/прахом; пер. выражать крайнюю степень скорби“, *хок ба сари худ бехтан* „раскаиваться, горевать, отчаиваться и т.п.“; а также «свернутый» до одного компонента фразеологизм: *хокба(р)сар* „несчастный, бедный; презренный, жалкий“, здесь находим также синонимичную ФЕ *хоку туроб кардан* с тем же значением „скорбеть, сокрушаться“.

У населения Западного Памира, длительное время проживавшего в изоляции, существуют представления о возможности нанесения вреда живым со стороны умерших, в силу этого траурные церемонии выполнялись неукоснительно. Сведения о траурных ритуалах отражены в ряде ФЕ шугнанского языка, встречающихся обычно в фольклоре, в значении „впадать в отчаяние, горевать, сожалеть“ (*rūkantā-at mūkantā xu čīdow* „дарापать лицо и рвать на себе волосы“): *wazīr ŷin xu čūd-i rūkantā-at mūkantā* «жена визиря царапала лицо и рвала на себе волосы». В современной речи шугнанцев данная ФЕ употребляется примерно в том же значении „впадать в отчаяние, горевать“: *xu ŷūnj rut čīdow, pīc tidixōw* „рвать на себе волосы, царапать, раздирать лицо“ [Мирзоев, Карамова 2014: 76].

Черный (темный) цвет и здесь выступает как знак мрака, страха, смерти. Черный, а также темно-синий, индиго-*nīlī*, цвета выступают в качестве символа траура. В середине XX века в одном из памирских, сарыкольском, языке Т.Н. Пахалиной отмечен фразеологизм, связанный с облачением в траурное черное платье *tor wadorǰew* „соблюдать траур“ [1971]. В шугнанском языке данную ФЕ можно считать устаревшей: *tēr anjīvdow* „соблюдать траур“; в настоящее время в значении „соблюдать траур“ выступают ФЕ *ŷām/azo anjīvdow* или *cirow pidīdow* (букв.: зажигать светильник). В шугнанском языке черный цвет представлен в составе фразеологизма, связанного с выражением соболезнования: *tēr-zēxč* „посещение родственников умершего, выражение соболезнования“: *wēv bob*

nalā mī ŷj, ca-waxt wev tēr-zēxt sāwām «у них, оказывается, умер дед, когда пойдем выразить им соболезнование?» [ШРС].

На связь данных ФЕ с такими качествами, как *хмурый, злобный* через этап *темный* указывает шугнанский фразеологизм *pīc tēr* (букв.: с черным лицом, по случаю траура). Он был переосмыслен как „бесстыжий, противный, злобный, зловредный“ (ср. прямое первичное значение *pīc rux sītow* „намазаться черными пятнами от сажи, дёгтя“). То же характерно для построенного на его основе выражения *xu pīc tēr čīdow* „не иметь стыда, поступать бессовестно, нагло лгать“: *dād xu pīc tēr kinen, tu-ja nist* «они врут, у меня (ничего) нет». ФЕ *tu pīc tēr* (букв.: с черным лицом) со значением пожелания испытать горе, скорбь, надеть траур, в современной речи выступает в значении «постыдись, раскайся», «отвяжись, сгинь!», пропади (пропадом)», то есть выражает пожелание исчезнуть, перестать существовать. К этому же ряду примыкает *pīc du taraf tēr!* (букв.: лицо с двух (обеих) сторон черное), то есть в высшей степени бессовестный человек, без всякого стыда и совести. Это выражение закреплено в шугнанской поговорке: *ošiq-boz-and yak taraf wi pīc tēr-at, qawod-and varθ taraf* «(если) у прелободя с одной стороны лицо черное, то у подстрекателя (к разврату) – с обеих» [ШРС].

Близкий комплекс ФЕ, связанных со смертью, траурными церемониями, представлен в другом памирском языке – ишкашимском. Здесь встречаем выражения: *ti p̄š̄yr šu* (букв.: твоё лицо черное) [лицо виновного мазали черной сажей и водили по селам, показывали всем; также раньше часто в день траура родственники покойника (мать и сестра) мазали лица сажей котла]; *ti savz tar m̄ sar* (букв.: твоё зелёное на моей голове) [родственники покойника в знак траура одеваются в зелёный и синий цвета]. И здесь также ФЕ применяются как выражение негативных эмоций, бранное выражение „проклятый“ [Назарова 2004: 175] в близких к шугнанскому языку значениях «сгинь!, отвяжись!».

Примерно тот же круг значений засвидетельствован и в ваханском языке: ФЕ *riu-š̄yw* „бесстыжий“, *ru š̄yw* „бесстыдник, бесстыдница“ (букв.: черное лицо): *ti riu š̄yw* „врешь, обманываешь“ (букв.: твоё лицо черное) в значении „что ты бесстыдница, меня обманываешь“, *š̄yw сырak* „обманывать“ (букв.: делать черным (лицо)): *xy riu-əš̄ š̄yw cart* „она лжет“ [Пахалина 1975; Грюнберг, Стеблин-Каменский 1976].

Как можно видеть, семантическое развитие ФЕ ведет к тому, что образ трансформируется, перестраивается по сравнению с его историческим ис-

ходным образцом, забывая или отступая и вступая в противоречие с исходной семантикой ФЕ, лексическим значением опорного слова. Как кажется, в данном случае высвечивается, подчеркивается один из аспектов понимания ФЕ – «беззастенчиво лгать», то есть «не иметь совести».

Современное осмысление термина

За последнее время многие рассматриваемые нами ФЕ в памирских языках переосмыслены и воспринимаются иначе. Как сегодня мы не воспринимаем выражение *посыпать голову пеплом* (или *землей*) в качестве символа скорби в прямом смысле слова; в настоящее время этот фразеологизм скорее означает отчаяние, глубокое сожаление и раскаяние, так и шугнанское выражение *têr-zêxt* широко используется для обозначения ритуала снятия траура с родных покойного, момента завершения периода траурных ритуалов: *têr zêxtow* „посещать родственников умершего на второй день” [Аламшоев 2018: 411], ср. также ваханское *šyw dırzak* „подводить итог траурным церемониям, снимать траур” (букв.: снимать черное).

Переосмысление шугнанского фразеологизма *pîc têr* (букв. с черным лицом) было начато, по-видимому, в ходе борьбы с доисламскими верованиями; он приобрел значение чего-то пугающего, вредоносного, а позднее стал осознаваться как обозначение „бесстыдного, бесстыжего, злонамеренного (человека)”, получив на современном этапе в развитие этого значения устоявшееся сочетание, в основу которого положена заимствованная из таджикского языка изафетная конструкция: *pîc-têr(-i) odam* „бесстыжий, паршивый, вредный, противный человек” [Аламшоев 2018: 373].

К тому же уровню развития значения можно отнести выражение *xu pîc têr ċîdow*, получившее в настоящее время дополнительно значение „добиваться своего, не обращать ни на что внимания; лгать”. В недавно вышедшем фразеологическом словаре шугнанского языка для последней ФЕ зафиксировано значение „лицемерно жаловаться, притворно, неискренне сожалеть, лить крокодиловы слезы”: *xu pîc têr ċîdow wam-ard warzax' sudj* «лить крокодиловы слезы вошло у нее в привычку», то есть она притворяется, ее жалобы ложь. Здесь же зафиксировано еще одно переосмысление этого шугнанского фразеологизма – „лицемерить, намеренно говорить неправду, быть неискренним”; а также „неспособность вовремя сообразить, найти ответ, при-

нять нужное решение”: *wi gār bovar māk, yu xu pīc tēr kixī* «не верь его словам, они – ложь, турусы на колесах» [Мирзоев, Карамова 2014: 26].

В ходе анализа ФЕ с опорным компонентом *черное/темное лицо* было показано, как происходило развитие семантики выражений, исходным образом в которых было описание эмоционального состояния горя, скорби. От образов, связанных с обрядами и обычаями во время траурных церемоний, возникало движение в сторону описания других денотативных областей, вызывающих широкую гамму чувств. Выявлено направление динамики коннотативных аспектов значения – от выражения горя, скорби, траура до выражения осуждения, порицания, неодобрения, в том числе путем бранных, вульгарных выражений, проклятий, пожеланий смерти, – с помощью таких словесных формул и образов, изначально связанных с траурным ритуалом, современный человек спонтанно реагирует на неприятную ситуацию. Обнаружилось, что ФЕ хранят в своей культурной памяти не просто образы черного цвета и связанные с этим цветом негативные представления, – у образа *черного/темного лица* более сложная коннотативная символика, имеющая глубокие исторические корни в культуре.

Семантический анализ позволяет сделать вывод о том, что во всех трех языках (шугнанском, ишкашимском и ваханском), а также таджикском основная поверхностная форма ФЕ, их вербальное выражение, образ были сохранены. Однако оценочные, стилистические и вершинные эмотивные семы рассматриваемых фразеологизмов с течением времени подверглись значительной трансформации.

Заключение

В заключение приведем таблицу, из которой наглядно следует в какой степени в рассматриваемых ФЕ были переосмыслены значения. Таблица сделана на основе многоуровневой модальной рамки, предложенной В.Н. Телия для вычленения смысловых составляющих. В таблице приведены ФЕ из иранских языков, шугнанского, ишкашимского, ваханского и таджикского. Шугнанский материал приводится по «Шугнанско-русскому словарю» Д. Карамшоева [1988–1999], ишкашимский по публикации, приведенной выше, ваханский по [Пахалина 1975], таджикский по «Таджикско-русскому словарю» [2006].

III. Культурный компонент в семантике языковых знаков. ...

Язык	ФЕ	Словарное определение	Оценка	Интенсификация (образность, экспрессивность)	Эмотивность	Стилистический маркер
шугнан.	rīc tēr	черное, хмурое лицо; бесстыжий, паршивый, противный, вредный	бесстыжий, не стыдящийся; вредный; лицемерный	черное, потемневшее лицо, как символ горя, траура; стыда, позора; прикидываться скорбящим, огорченным	форма упрека, возмущения: позор, постыдись, раскайся	снижен., неодоб., презрит., бран., груб.-прост.; в знач. междометия, прост. употребляется как восклицание, выражающее пожелание горя, скорби, в значении: сгинь!
иш-каш.	tī r̥šyḡ ṣu	твое лицо черное	проклятый	лицо виновного мазали черной сажой и водили по селам, показывали всем; также раньше часто в день траура родственники покойника (мать и сестра) мазали лица сажой котла	форма возмущения: постыдись	неодоб., презрит., бран.
вахан.	ḡu- šyḡw	бесстыжий	не стыдящийся	черное лицо, как символ горя, траура; стыда, позора	форма упрека, возмущения: постыдись	снижен., неодоб., бран.
тадж.	сиēxṛū (й)	чернолицый; пер. осрамленный; опозоренный	опозоренный; пользующийся дурной славой	черное, потемневшее лицо, как символ горя, траура; стыда, позора	форма упрека, возмущения: позор, постыдись	нейтр., неодоб.

Литература

Аламшоев Ш.М. Фразеология шугнанского языка (структурно-грамматический и семантический аспекты): дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2018.

Ахунов А.М. Основы этнографии стран Арабского Востока: учебное пособие для студентов вузов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014.

Грюнберг А.Л., Стеблин-Каменский И.М. Языки Восточного Гиндукуша: Ваханский язык (тексты, словарь, грамматический очерк). М.: Гл. редакция восточной литературы, 1976.

Карамшоев Д.К. Шугнанско-русский словарь. М.: Гл. редакция восточной литературы, Т. I. 1988; Т. II. 1991; Т. III. 1999 – ШРС.

Мирзоев Ш., Карамова И. Краткий словарь фразеологических единиц шугнанского языка и их эквиваленты в русском языке. Душанбе: Дониш, 2014.

Назарова З.О. Ишкашимские фразеологии в этнокультурном контексте // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / отв. ред. В.Н. Телия. Сборник. М.: Языки русской культуры, 2004. С. 174-179.

Пахалина Т.Н. Сарыкольско-русский словарь. М.: Наука, 1971.

Пахалина Т.Н. Ваханский язык. М.: Наука, 1975.

Таджикско-русский словарь. Душанбе, 2006.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.

Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. М.: Наука, 1993. С. 302-314.

Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Телия В.Н. Коннотация // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1990. С. 236.

Телия В.Н. От редактора // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. М.: Языки русской культуры, 2004. С. 9-15.

Телия В.Н. (ред.). Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / авт.-сост. И.С. Брилева, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко и др.; под ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.

Шаховский В.И. Путь теоретика сквозь амфилады научных парадигм современного языкознания (открытие В.Н. Телия кода русской культуры) // Мир русского слова. 2016. № 3. С. 80-84.

L.R. Dodykhudoeva (Moscow, Russia)
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

DYNAMICS OF PAMIR PHRASEOLOGY: THE CASE OF UNITS RELATED TO FUNERAL RITES

The article focuses on a fragment of phraseology reflecting the national and cultural specificity of perceptions and rituals of the traditional culture of speakers of the Pamir languages and the distinctiveness of their phraseological picture of the world. It examines the normative, evaluative, figuratively expressive, emotive, and stylistic functions of the particular phraseological units.

Key words: the Shughnani language, Pamir languages, cultural linguistics, historical and cultural commentary, connotation.

Е.Р. Иоанесян (Москва, Россия)
Институт языкознания РАН
ioanevg@mail.ru

СТЕРЕОТИПЫ И ЭТАЛОНЫ В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ С КВАНТОРАМИ

В статье рассматриваются высказывания с кванторными единицами – *любой, всякий, какой угодно* и т.п., на поверхностном уровне соотносящиеся с логическим квантором общности. Описывается особый вид высказываний указанного типа, в которых актуализируются существующие в языке эталоны и стереотипы.

Ключевые слова: семантика, квантор общности, кванторные единицы, эталоны, стереотипы.

I. Вводные замечания

Объектом нашего анализа являются высказывания с кванторными единицами – *всякий, любой, что угодно, где угодно* и т.п. В.Н. Телия, отмечая, что семантическая деривация слов-эталонов на базе традиционных сравнений (*глуп, как баран; неуклюж, как медведь* и т.п.) мало

изучена, предлагала рассмотреть процессы изъятия эталонов из сравнительных конструкций и их «вовлечение через процессы вторичной номинации в лексико-семантическую систему языка» [Телия 1996: 242]. Наше исследование проводилось в рамках именно этого подхода: мы попытались показать, как актуализируются эталоны и стереотипы в высказываниях с кванторными единицами, соотносящимися в логике с квантором общности. Конструкции с кванторами, о которых идет речь, не содержат «традиционных сравнений» (*как кто-л./что-л., подобно кому-л., чему-л.*). Тем не менее эталоны в них имеют эксплицитную форму выражения (см. об эксплицитной и имплицитной форме эталонов в [Черданцева 2004: 86]).

При использовании терминов «эталон» и «стереотип» мы опирались на работу [Ковшова, Гудков 2017].

II. Кванторные единицы

Логический оператор $\forall xP(x)$ (квантор общности) определяется так: «для всех x имеет место свойство P » [ФЭС: 253]. См. также определение универсальных местоимений, которые соответствуют квантору общности, в [ЛЭС: 295]: «Универсальные (обобщающие) местоимения относятся ко всем объектам некоторого класса («всякий», «каждый», «любой»)». Согласно этим определениям использование в естественном языке кванторов *любой/какой-угодно/ всякий X* и т.п. означает, что для говорящего все элементы множества X обладают одинаковым статусом, что в определенном отношении все элементы множества X равноценны. Например: *Любой ребенок имеет право на бесплатное образование*. Но существуют высказывания, в которых *любой/какой-угодно/ всякий X* относятся не ко всей шкале X , а только к крайним точкам шкалы – к самому большому или самому маленькому значению некоторого параметра или признака, к положительному или отрицательному полюсу шкалы. (Следует отметить, что местоимение *каждый* не обладает указанным свойством, см. о специфике этого местоимения в [Падучева 1985: 96]). Например: (1) *В основном это были девушки приезжие, готовые за грошовую плату на любую работу* [„на самую тяжелую работу“] (Юрий Буйда. Город палачей // «Знамя», 2003) [НКРЯ]. (2) *А тем, кому бескорыстно интересно, те за любую зарплату будут работать!* [„самую маленькую“] (В. Губарев, Ю.С. Осипов. Академик Юрий Осипов: куда же идет наша наука? // «Наука и жизнь», 2007 [Там же]) (3) *Для нас легко швырнуть любую зарплату, если работать неинтересно* [„самую большую“] (Владимир

Крупин. Как только, так сразу (1992)) [Там же]. (4) *Нет, лучше какой угодно холод, чем эта страшная жара!* [„самый сильный холод“] (Лидия Вертинская. Синяя птица любви (2004)) [Там же].

Имплицитная отсылка к крайним точкам шкалы может сопровождаться эксплицитной оценкой, например: (1) *Любую работу надо было найти, хоть дворником...* (Владимир Молчанов, Консуэло Сегура. И дольше века... (1999-2003)) [НКРЯ]. (2) <...> *он готов на всякую работу, хоть камни ворочать* [= „самую тяжелую“] (Д.С. Мережковский. Воскресшие Боги. Леонардо да Винчи (1901)) [Там же]. См. о значении *хоть* в [Санников 2008: 582-583]: «<...> основной смысл частицы *хоть* в одном из ее значений – указание на тот минимум, которым согласен довольствоваться говорящий или описываемое лицо». (3) *Они согласны выполнить за деньги любую работу, самую грязную, самую опасную* (Андрей Троицкий. Удар из прошлого (2000)) [НКРЯ].

Шкала признаков, к которым отсылают конструкции с кванторами, представлена следующими классами: 1) шкала параметрических признаков (размер, высота, вес и т.д.); 2) шкала общеоценочных признаков („хороший“ / „плохой“); 3) шкала частнооценочных признаков („грудолюбие“, „глупость“, „упрямство“ и т.п.); 4) шкалы параметрических, общеоценочных или частнооценочных признаков, за крайними полюсами которых в языке закреплены специальные лексемы (например, *смелчак* – шкала «смелость»); 5) иерархическая шкала („начальник“ / „подчиненный“ и т.п.); 6) эталоны.

В конструкциях вида *S* *делает что-л. лучше/хуже/не хуже X-а, S лучше/хуже/упрямее, чем X* и т.п. **ч а с т о** в качестве X выступает слово-эталон, например, *у него чутье лучше, чем у собаки, он может поставить диагноз лучше врача, она живучее кошки*. Введение кванторных слов в такие конструкции усиливает эксплицитную высокую положительную (или, соответственно, негативную) оценку актанта S. Ср. *знать свой организм не хуже врача* и *знать свой организм не хуже любого врача*. Приведем несколько примеров рассматриваемых конструкций с кванторами: (1) *Тожe хорош... Живучее всякой кошки* (И.А. Бунин. Сила (1911)) [НКРЯ], кошка как эталон живучести. (2) – *Жизнь, конечно, собачья, – согласился Степаныч. – Собачья? Вы говорите, собачья? А я вам говорю, хуже всякой собачьей жизни* (И.Л. Солоневич. Две силы (1953)) [Там же], собачья жизнь как эталон тяжелой жизни. (3) *Он пунктуальнее любого немца* (Василий Аксенов. Любовь к электричеству (1969)) [Там же], немец как эталон аккуратности и пунктуальности. Следует отметить существование и других воз-

можных конструкций, эксплицирующих существующие в языке эталоны, например, с фразеологизмом *заткнуть за пояс кого-то*. Ср. предложение (3) и предложение (4): *Иной малоросс по части аккуратности всякого немца за пояс заткнет* (В. П. Авенариус. Гоголь-студент (1898)) [Там же].

Если в конструкциях *S делает что-л. лучше/хуже/не хуже любого/всякого X, S лучше/хуже/упрямее, чем любой, всякий X* лексические единицы S и X обозначают объекты разных семантических классов (например, человек и осел, человек и прибор, человек и математик и т.п.) или объекты, имеющие разные оценки в картине мира языка (например, дом и хибара), то X практически **в с е г д а** выступает в качестве эталона. Ср. фразы (1) и (2): (1) *Петр играет в шахматы лучше любого из своих сверстников*; сравнение игры Петра с игрой всех других его сверстников – *любой* выступает в качестве универсального местоимения, квантора общности. (2) *Петр играет в шахматы лучше любого гроссмейстера*; сравнение игры Петра с эталоном.

Эталоны в картине мира разных языков могут различаться. См., например, франц. *pareseux comme une couleuvre, comme un lézard, comme un loir* [PR: 1233], „ленивый как уж, как ящерица, как соня (зоол.)“; *bête comme une carpe, <...> un dindon, une oie* – „глупый как карп, индюк, гусь“ [ФРФС: 121]. См. также англ. *eat like a horse* – „есть много и с жадностью“ [БАРФС: 398], «to always eat a lot of food: *She's so thin, yet she eats like a horse*» [CAL]. Лошадь также выступает эталоном силы: «*Taylor. Don't touch the trunk, it's too heavy for you. Norah. I'm as strong as a horse* (S. Maugham, *The Land of Promise*, act III). Тейлор. Сундук не трогай, он слишком тяжел для тебя. Нора. У меня сил хватит (букв. „я сильная как лошадь“ – ЕИ)» [БАРФС: 733]; *the woman stood five feet ten in her shoes and was as strong as a horse* (Joseph Conrad. *Lord Jim* (1900)) [НКРЯ].

Еще один пример лингвоспецифичных эталонов представлен русскими словами и сочетаниями *еж, базарная баба, сапожник, кисейная барышня*. В русской фразеологической картине мира еж является образцом примитивного человека с элементарными навыками (см. [Ковшова 2010: 249-250]), базарная баба, базарная торговка – грубости, склочности, скандальности [Зыкова 2010: 26-27], сапожник – грубости и сквернословия, кисейная барышня – эталон беспомощности, избалованности [Зыкова 2010: 327-329]. И статус русских слов *еж, базарная баба, базарная торговка, сапожник* как слов-эталонов эксплицирован также в высказываниях с кванторами, например: (1) *Это любому ежу*

понятно. (2) *Склонная особа, хуже любой базарной бабы.* (3) *Стыдно признаться: ругаюсь матом хуже любого сапожника!* [КАКИЕ ВРЕДНЫЕ ПРИВЫЧКИ ВЫ ПРИОБРЕЛИ НА РАБОТЕ? // Труд-7, 2008.08.27] [НКРЯ]. (4) *Ничего не умеет, хуже любой кисейной барышни.*

Необходимо также отметить существование окказиональных, авторских слов-эталонов, которые проявлены в конструкциях с кванторами, например: (1) *Исполинский лес был величественнее любого храма* (И.А. Ефремов. На краю Ойкумены (1945-1946)) [НКРЯ]. (2) *Воображаю себе, что сделалось бы с тобою, который, по природе своей, сладострастнее всякой жабы!* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Жених (1857-1865)) [НКРЯ]. Особенно интересны примеры, в которых кванторы стоят перед словами, обозначающими реальных людей или реальные события, литературных героев и т.п.: (1) *И заставляют вслед за Розановым злорадно прокричать, что российский городской важнее любого Шопенгауэра* (Анатолий Макаров. Ортодокс поневоле (2001)) [НКРЯ]. (2) *<...> под американцами я понимаю только северные, свободные штаты; южные хуже всякой Мексики* (Н.Г. Чернышевский. Что делать? (1863)) [Там же]. Постановка кванторов перед именами собственными, без сомнения, свидетельствует о том, что в рассматриваемых конструкциях эти имена выполняют роль эталонов.

В конструкциях вида *S* *делает что-л. лучше/хуже любого X*, *S* *лучше/ хуже/умнее, чем любой X* и т.п., где компонент *X* выступает эталоном, часто эксплицируются стереотипы, существующие в языке. (Напомним, что в этих конструкциях *X* выступает эталоном каких-либо свойств, параметров и т.п. при условии, что лексические единицы *S* и *X* обозначают объекты разных семантических классов, разной природы). В высказываниях с указанными конструкциями отмечается отступление от стереотипа, несовпадение действительности и стереотипа или даже несогласие с квалификацией чего-л. или кого-л. в качестве эталона. Приведем несколько примеров.

1. Стереотип «Самым информативным является вербальный акт». Вербальный акт является эталоном информативности; вербальный акт более информативен, чем жесты (симптоматические или коммуникативные), чем симптомы, свидетельствующие о внутреннем состоянии человека (физиологические неконтролируемые реакции человека на эмоцию, неречевые звуки), чем молчание:

(1) *<...> этот пылающий гневом взор сильнее всяких слов выражали то, что происходило в душе его* (М.Н. Загоскин. Брынский лес (1846)) [НКРЯ].

(2) *Ясное, веселое лицо Аграфены Петровны верхней всяких речей говорило, что нет у нее ни горя на душе, ни тревоги на сердце* (П.И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга первая (1871-1874)). [Там же].

(3) *Слезы уничижения сильнее всякого красноречия изъяснили ему мои надобности* (И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года) [Там же].

(4) *Он весь был в этом взгляде, и его молчание было красноречивее всяких слов* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Хлеб (1895)) [Там же].

Изменение сферы действия кванторного слова в высказываниях подобного рода невозможно, и это свидетельствует о том, что в качестве эталона выступает именно вербальный акт, а не мимика, жесты, молчание и т.п. Ср. *Ее слезы говорили о ее состоянии лучше любых слов* и **Ее слова говорили о ее состоянии лучше любых слез*. Это утверждение верно и для стереотипов, приводимых ниже, – сферой действия кванторов являются слова-эталон.

2. Стереотип «Самым интересным для человека является вымысел». Вымысел выступает эталоном непредсказуемости, разнообразия, неординарности. Вымысел, фантазия (в том числе и художественная литература) более интересны, разнообразны, богаты событиями, чем жизнь, действительность:

(1) *Жизнь куда богаче любой фантазии* (Ю.М. Нагибин. Блестящая и горестная жизнь Имре Кальмана (1972-1979)) [НКРЯ].

(2) *Действительность оказалась краше любого вымысла* (Козак Андрей. БАБЬЕВО // Труд-7, 2003.11.06) [Там же].

(3) *Жизнь порой фантастичнее любого романа* (Игорь Ефимов. Суд да дело // «Звезда», 2001) [Там же].

(4) *Обратите внимание, господа, как иногда жизнь бывает неправдоподобнее всякого вымысла* (А.И. Куприн. Путаница (1897)) [Там же].

Утверждение о том, что сферой действия кванторов являются слова-эталон, верно и в данном случае. Ср. *Иногда жизнь бывает неправдоподобнее всякого вымысла* и **Иногда вымысел бывает неправдоподобнее всякой жизни*.

3. Стереотип «Самым мощным средством воздействия на человека являются наказания, запреты, нравоучения». Карательные меры, запреты и т.п. являются эталоном сильного влияния на поведение индивида. Они сильнее определяют поведение человека, чем свойства его природы, его чувства, воспитание, отношение к нему других людей и т.п.:

(1) <...> *ее пример и любовь действовали лучше всяких нравоучений* (Зоя Масленикова. Жизнь отца Александра Меня (1992)) [НКРЯ].

(2) <...> *это зависит в первую очередь от самого ближайшего окружения в семье, от поведения семьи, родителей, от живого примера, воздействующего на ребенка лучше всяких понуканий и жестко воспитательных мероприятий* (Л.М. Каганович. Памятные записки (1991)) [Там же].

(3) *Той неловкости и деликатности, которая категоричней любых запретов не позволяет честному человеку подглядывать за интимностями других* (Дмитрий Биленкин. Десант на Меркурий (1967)) [Там же].

(4) *Боязнь огорчить ее, лучше всяких внушений и кар, стали удерживать меня от капризов, лени и многих шалостей, приходивших порою в голову* (Н.П. Карабчевский. Что глаза мои видели. Том первый. В детстве (1921)) [Там же].

4. Стереотип «Самыми болезненными для человека являются физические страдания, наказания, материальный ущерб». Физические страдания, наказания и т.п. выступают в качестве эталонов максимального ущерба, наносимого человеку. Они причиняют человеку более тяжелые муки, чем страдания нравственные:

(1) *Вы должны доказать вред, вам нанесенный, а какими средствами докажете моральный вред, который горше всякого ущерба материального?* [Н.К. Рерих. Листы дневника (1942)) [НКРЯ].

(2) *Очень расстроило меня Ваше письмо, и самое главное то, что бессилие, в каком иногда оказываешься, мучительней любой боли* (Виктор Астафьев. Зрячий посох (1978-1982)) [Там же].

(3) *Острое, ироническое, ядовитое и в то же время деликатное жало его насмешки разило хуже всяких дисциплинарных взысканий* (Григорий Александров. Эпоха и кино (1976)) [Там же].

(4) *Так мне было плохо, так горько и постыло – хуже всякой болезни* (Валентин Распутин. Уроки французского (1973)) [Там же].

5. Стереотип «Самыми близкими для человека, а также самыми преданными ему, самыми заботливыми, бескорыстными являются его родные». Родные люди являются эталоном максимальной важности, ценности для человека, эталоном максимальной преданности, бескорыстия и т.п. по отношению к нему:

(1) *Зачем нам родной отец, когда наш добрый, любимый господин пристав нам лучше всякого родного отца?* (А.И. Куприн. Жидовка (1904)) [НКРЯ].

(2) *Михаила да Лизу Анфиса Петровна позвала первыми – дорожке всякой родни были для нее Пряслины* (Федор Абрамов. Дом (1973-1978)) [Там же].

(3) *Да она мне ближе любой родственницы, если хотите знать* (Юрий Трифонов. Предварительные итоги (1970)) [Там же].

(4) *Не в том дело, что он мне не отец, он лучше всяких отцов, но как они могли?* (М.М. Рошин. Ремонт (1971)) [Там же].

6. Стереотип «Самое сильное удовольствие – удовольствие вкусовое». Вкусовое удовольствие (вид сенсорного удовольствия, см. [Экман 2019: 319-320]) выступает эталоном самого сильного удовольствия. Оно сильнее, чем другие типы удовольствий – эстетическое удовольствие, удовольствие от общения и т.п.:

(1) *На что Чичиков отвечал всякий раз: «Покорнейше благодарю, я сыт, приятный разговор лучше всякого блюда»* (Николай Гоголь. Мертвые души (1835-1852)) [НКРЯ].

(2) *Неужели никто им ни разу не сказал, что, напр[имер], читать Фета – это слаще всякого вина?* (Л. К. Чуковская. Памяти детства: Мой отец – Корней Чуковский (1971)) [Там же].

(3) – *Нет, ничего не хочу; вы лучше посидите у меня, это мне лучше всякой пицци* (А.Ф. Писемский. Мещане (1877)) [Там же].

(4) <...> *услышим тут разумные, но дружеские разговоры, которые сладостнее всякаго яствия и пития* (архиепископ Платон (Левшин). Слово в неделю первую Великаго Поста (1779)) [Там же].

Выбор кого-л. или чего-л. в качестве эталона каких-либо свойств, параметров и т.п. может вызывать протест, оцениваться негативно, например: – *А я, – сказала княгиня, – называю бездушными тех, которые над всеми смеются, всеми пренебрегают, ничего не любят, для которых хороший страсбургский пирог приятнее всякого сердечного наслаждения* (М.Н. Загоскин. Москва и москвичи (1842-1850)) [НКРЯ]. Только для «бездушных» людей удовольствие от еды (сенсорное удовольствие) выше удовольствия от «сердечного наслаждения».

III. Заключение

Объектом нашего исследования были высказывания с кванторными единицами – *любой, всякий, какой угодно* и т.п. Мы попытались показать, что в высказываниях с кванторами часто актуализируются существующие в языке эталоны (в том числе и авторские) и стереотипы. В частности, мы выделили следующие типы стереотипов, в основе которых лежат соответствующие эталоны: 1. «Самым информативным

для человека является вербальный акт»; он более информативен, чем молчание, неречевые звуки, взгляд, мимика, жесты, симптомы, передающие вонне информацию о внутреннем состоянии человека. 2. «Самым интересным для человека является вымысел». Вымысел, фантазия более интересны, разнообразны, богаты событиями, чем жизнь, действительность. 3. Стереотип «Самым мощным средством воздействия на человека являются наказания, запреты, нравоучения»; они сильнее определяют поведение человека, чем свойства его натуры, его чувства, воспитание, отношение к нему других людей и т.п. 4. Стереотип «Самыми болезненными для человека являются физические страдания, наказания, материальный ущерб»; они причиняют человеку более тяжелые муки, чем страдания нравственные. 5. Стереотип «Самыми дорогими для человека, а также самыми преданными ему, самыми заботливыми, бескорыстными являются его родные». 6. Стереотип «Самое сильное удовольствие – удовольствие сенсорное»; оно сильнее, чем другие типы удовольствий – эстетического удовольствия, удовольствия от общения и т.п.

Литература

БАРФС – Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь / Лит. ред. М.Д. Литвинова. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Русский язык, 1984.

БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В.Н. Телия. 4-е изд. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010.

Зыкова И.В. БАЗАРНАЯ БАБА <ТОРГОВКА> // Большой фразеологический словарь русского языка / авторы-сост. Брилева И.С., Гудков Д.В., Захаренко И.В., Зыкова И.В., Кабакова С.В., Ковшова М.Л., Красных В.В., Телия В.Н. / отв. ред. В.Н. Телия. 4-е изд. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. С. 26-27.

Зыкова И.В. КИСЕЙНАЯ БАРЫШНЯ // Большой фразеологический словарь русского языка / авторы-сост. Брилева И.С., Гудков Д.В., Захаренко И.В., Зыкова И.В., Кабакова С.В., Ковшова М.Л., Красных В.В., Телия В.Н. / отв. ред. В.Н. Телия. 4-е изд. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. С. 327-329.

Иоанесян Е.Р. Имплицитная оценка и аргументация // Научный диалог. 2020. № 1. С. 62-77.

Ковшова М.Л. И ЕЖУ понятно, ясно, очевидно // Большой фразеологический словарь русского языка / Авторы-сост. Брилева И.С.,

Гудков Д.В., Захаренко И.В., Зыкова И.В., Кабакова С.В., Ковшова М.Л., Красных В.В., Телия В.Н. / отв. ред. В.Н. Телия. 4-е изд. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. С. 249-250.

Ковшова М.Л., Гудков Д.В. Словарь лингвокультурологических терминов / отв. ред. М.Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2017.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru>.

ОЖ – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985.

Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

ФЭС – Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Ильичев Л.Ф., Федосеев П.Н., Ковалев С.М., Панов В.Г. М.: Советская энциклопедия, 1983.

ФРФС – Французско-русский фразеологический словарь / под ред. Я.И. Рецкера. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1963.

Черданцева Т.З. Эталоны и стереотипные ситуации во фразеологизмах различных типов (на материале итальянского языка) // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 86-93.

Экман Пол. Психология эмоций. Спб.: Питер, 2019.

CAL – Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus © Cambridge University Press. Fourth Edition. 2013. URL: <http://dictionary.cambridge.org>.

PR – Le Petit Robert. Dictionnaire alphabétique & analogique de la langue française / P. Robert, J. Rey-Debov, A. Rey. Paris: Dictionnaire LE ROBERT, 1970.

TR – Le Trésor de la langue française informatisé. URL: // <http://atilf.atilf.fr>. или <http://www.cnrtl.fr>.

E.R. Ioanesyan (Moscow, Russia)
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

STEREOTYPES AND STANDARDS IN PHRASES CONTAINING QUANTIFIERS

The article deals with phrases containing quantifiers correlating with the logical constant of universal quantification on the surface level, e.g. *lúboj, vsâkij, kakoj ugodno*, etc. A particular kind of such phrases is described, which actualize stereotypes and standards existing in language.

Key words: semantics, universal quantification, quantifiers, standards, stereotypes.

И.И. Манова (София, Болгария)
Софийский университет имени Св. Климента Охридского
perun.bm@gmail.com

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИЗУЧЕНИИ ОРНИТОЛОГИЧЕСКОГО КОДА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С БОЛГАРСКОЙ

Данная статья представляет собой продолжение обзора литературы, посвященной исследованию орнитологического кода в русской и болгарской культурах. Наряду с бесспорными достижениями отмечаются и «белые пятна» в этом направлении, которые могут стать объектом дальнейших сопоставительных исследований.

Ключевые слова: орнитоним, орнитологический код, символ, эталон, стереотип.

Вероника Николаевна Телия по праву входит в плеяду выдающихся российских лингвистов XX и начала XXI века. Благодаря ее научным идеям многие ученые вдохнули глоток творческой свободы и встали на путь исследований в лингвистике «с человеческим лицом». Направление, созданное В.Н. Телия во фразеологии, построило мост между языком и культурой и привело к всплеску исследований лингвокультурологического направления. Не только ученики замечательного фразеолога, принадлежащие к Московской школе лингвокультурологического анализа фразеологизмов, но и ее последователи в дру-

гих городах и даже странах продолжают изучать культурные коды, культурную коннотацию, культурно-языковую компетенцию, создавать культурологические комментарии фразеологизмов, совершенствовать метаязык лингвокультурологии.

Наша статья представляет собой вторую часть работы, посвященной обзору научной литературы, исследующей орнитологический код в русском и болгарском пространствах языка и культуры. Первая часть была опубликована в журнале «Русистика без границ» [Манова 2019: 47-58].

В.Н. Телия считает, что «код культуры – это таксономический субстрат ее текстов. Этот субстрат представляет собой ту или иную совокупность окультуренных представлений о картине мира некоторого социума – о входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, ментефактах и присущих этим сущностям их пространственно-количественных измерениях» [Телия 1999: 20-21].

Лексикографических источников, содержащих материалы, связанные с орнитонимами, довольно много, но среди них заслуживает особого внимания ряд публикаций. Прежде всего, это «Идеографический словарь русского языка» Н.Ю. Шведовой, дающий богатейший материал для исследования орнитологического кода в русском языке (далее – РЯ). В работе «Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. Выпуск 1» составители анализируют зооморфные образы – *аиста, воробья, ворона, вороны, голубя, жаворонка, индюка, кукушки, курицы, ласточки, лебедя, орла, павлина, петуха, попугая, совы, сокола, соловья, сороки, цыпленка, ястреба*. Описываются прецедентные имена, прецедентные тексты, фразеологические единицы (далее – ФЕ) с зоонимами, прецедентные высказывания [Брилева и др. 2004]. В словаре «Россия. Большой лингвострановедческий словарь» есть словарные статьи с названиями птиц: *грач, синица, орел, журавль* [Борисенко и др. 2009]. Составители «Мультимедийного лингвострановедческого словаря “Россия”» дают расширенный словарный список: *воробей, ворон, ворона, голубь, журавль, кукушка, курица, лебедь, орел, петух, синица, сокол, соловей*. Все словарные статьи построены по одной и той же схеме: фотография птицы, определение основного значения орнитонима, орнитоним в русской культуре, орнитоним в языке и речи. Иногда есть и запись пения птиц [Ростова и др. 2014]. А.В. Никитина в монографии «Образ кукушки в славянском фольклоре» на функциональном принципе рас-

смачивает вестничество и вещей дар кукушки, а также описывает на фольклорном и этнографическом материале мотив оборотничества кукушки [Никитина 2002].

Болгарская исследовательница М. Витанова в статье «Мир птиц в болгарской языковой картине мира» делает объектом своего исследования разнообразный языковой материал: устойчивые сравнения (далее УС) с компонентами-орнитонимами, паремии, проклятия, уменьшительные существительные-орнитонимы, диалектные названия птиц во фразеологии, метафорические описания человека в отношении его характера, социального статуса, внешнего вида и т.д. М. Витанова подробно исследует фразеологический фонд болгарского языка, так как в нем наиболее ярко отражены особенности национального характера и мировидения [Витанова 2010: 26-32].

Белорусский лингвист Б.Ю. Норман отмечает в своей книге «Болгарский язык в лингвострановедческом аспекте»: «Из диких птиц, распространенных в Болгарии, следует назвать по крайней мере следующие: *пъдпъдък* (кстати, хорошее упражнение на артикуляцию звука [ъ]), «перепелка»; *сврака* «сорока»; *чучулига* «жаворонок»; *гарван* (это название входит в состав поговорки с падежной формой-некротизмом: *Гарван гарвану око не вади*) «ворон»; *гугутка* «горлица»; *щъркел* «аист»; *кукувица* «кукушка»; *синигер* «синица»; *ластовица* «ласточка»; *врабец*, *врабче* «воробей»» [Норман 2005: 22].

Сопоставительные русско-болгарские исследования проводили П. Легурска и И. Панчев – рассмотрены метафорические названия животных в отношении человека [Легурска, Панчев 2014]. В качестве примера можем привести болгарское слово *кукувица*, о котором П. Легурска и И. Панчев в своей работе пишут, что это слово также имеет значение «човек с психически отклонения» («человек с психическими отклонениями»). Добавим также для сравнения: рус. *ку-ку* в качестве предиката – *он давно уже ку-ку, кукушка поехала, кукуха началась, сойти с ума*».

В болгарских проклятиях широко употребляются названия некоторых птиц: *филина, ворона, орла, кукушки* и др. Этому вопросу посвящено серьезное исследование «Българските благословии, пожелания и клетви – част от националната самобитност и културното наследство. С речник на благословиите, пожеланията и клетвите», где, в частности, говорится, что в болгарском языке (далее – БЯ) в традиционной культуре употреблялись проклятия: *Орли да те разкъсам!; Орли и гарвани очите му да изкъвват!; Кукувица ума му да изтне!*

[Крумова-Цветкова 2010: 382, 399]. В русском языке (далее – РЯ) такие проклятия встречаются реже; ср.: *Спровожу, куда ворон костей не занесет!*

Орнитологический код носители РЯ применяют при описании внешности: брови сравнивают с *крыльями*, голос – с *пением птиц*, о груди и о красивой шее, о длинных ногах говорят соответственно *как у лебедя, как шея лебедя, ноги как у цапли* и т.д. Более подробно о результатах проведенного эксперимента см. в «Homo lingualis в культуре» [Маслова 2007: 87-89].

В «Словаре русской ментальности» В.В. Колесов отмечает: «Птица – крылатое животное в перьях как символ человека определенных признаков и качеств, занимающего особое или высокое (полет) положение, *кстати о птичках* „возвращение к разговору“, *птичку жалко* „выражение мнимой жалости“, *птичка „самолет“*, арго „проститутка“, „инструмент для взлома сейфа“, „гонорея“» [Колесов, Колесова, Харитонов 2014: 139].

В РЯ есть устойчивые выражения с образами птиц: *вольный как птица, веселый как птичка, птичка божья, Синяя птица, «Птица счастья завтрашнего дня», Жар-птица, птица Сирин*, реплика фотографа *Сейчас вылетит птичка!* (в БЯ этому соответствует *Зе-е-ле-е!*, букв. Капуста-а!). Так, образ *Жар-птицы* в русских народных сказках представляет собой мечту о неземном счастье и восходит к древним мифологическим представлениям. Также в РЯ с компонентом *птичий* имеются устойчивые сочетания (далее – УС) и идиомы: *птичий язык* „речь, избыливающая терминами, понятная узкому кругу людей“, *птичьих мозги* „о глупом человеке“, *птичий рынок* „рынок, где можно приобрести рыбок, черепах, птиц, кошек, собак и других животных, а также все необходимое для их содержания“, *птичий базар* „место на морском берегу, где гнездится много птиц“ и др. Так, идиома *быть на птичьих правах* имеет иронически окрашенное значение „[делать что-л.] не имея на то законных оснований“. ФЕ *чудо в перьях* представители русского лингвокультурного сообщества употребляют, когда речь идет о странном явлении или о странной внешности человека.

В БЯ также имеются выражения с орнитологическими образами:

одно птичке ми каза – шутовое начало разговора или смена темы разговора с кем-л., о ком вы узнали новость (ср. в РЯ: *одна баба сказала, сарафанное радио, сорока на хвосте принесла*);

важна птица – характеристика человека с высоким положением в обществе (такое же по форме и смыслу выражение есть и в РЯ: *важная птица*);

что за птица е? – в вопросе, чей ответ содержит более подробную информацию о человеке, о котором спрашивают;

рядка птица – характеристика отличающегося от других по качествам, свойствам человеку;

нощни птици – люди, ведущие активный образ жизни ночью.

Образ птички в БЯ ассоциируется со свободой или с ее ограничением; ср.:

свободен като птичка (ср. в РЯ – *вольный как птица*);

птиче не може да прехвъркне (букв. птица не может пролететь/не пролетит) – „хорошо охраняемая территория, место“.

Кроме *птицы* в БЯ широкое употребление имеет и лексема *тиле*; ср.: *Петруно тиле шарено* („Петруна, милая“ букв. Петруна, пестрая птичка – цитата из народной песни); *тиле шарено* (букв. цыпленок пестрый); *гарга рошава* (букв. ворона лохматая – усечение компонентного состава идиомы *ако ще е гарга, да е рошава* „если положение настолько ухудшилось, пусть становится еще хуже“; букв. если уж галка, так пусть лохматая).

В БЯ пожилую женщину называют *стара кукумявка* (букв. старая сова), а *хванаха ме за канарче* (букв. держать меня за канарейку) переводим как *меня обманули, обвели вокруг пальца*.

С образами птиц издавна связаны суеверия и приметы. Так, в РЯ существует запрет свистеть дома: *Не свисти, все деньги провистишь*. Такой запрет отсутствует в болгарской культуре, поэтому следует отметить лагуну в болгарском коммуникативном поведении в этом отношении. Запрет в русской культуре, скорее всего, восходит к мифологическому образу Соловья-разбойника.

У носителей русского языка в речевом этикете есть пожелание удачи, восходящее к табу на прямые пожелания удачи на охоте: *Ни пуха, ни пера!* с ответной репликой: *К черту!* В Болгарии тому, кто забыл закрыть дверь комнаты за собой зимой, говорят: *Ще изхвъркне пилето* (букв. птичка улетит).

У представителей болгарской лингвокультурной общности эталонном мелких шагов является УС *ситнят като яребици* (букв. семят как куропатки). Такое сравнение обусловлено тем, что для болгар важным в девушке является не только ее внешний вид, но и трудолюбие, постоянные хлопоты и заботы о семье. В РЯ эталоном мелких шагов

является *воробьиный шаг*, при этом коннотация у данного выражения отсутствует.

В РЯ красивую девушку, молодую женщину, у которой стройная фигура, сравнивают с *павой*, с *лебедем*; ср.: *лебединая поступь, плывет как лебедь, ходит как пава, стройная как пава*. Эталоном женской красоты в традиционном русском обществе была женщина спокойная, уравновешенная, в теле, вальяжная, с чувством собственного достоинства. В болгарской поэзии также есть сравнение девушки с павлином: «*Първинка девойка кат паун ми ходи по широко дворе*» у П.П. Славейкова. В болгарском фольклоре существует сравнение: *ръце лебедови*.

Эталоном глупости у болгар и русских являются *курица, утка, индейка* (ср.: *Умница как попова курица; глупава като патка*). Кстати, неразборчивый почерк в РЯ также связывают с курицей: *писать как курица лапой*, а у болгар про неразборчивый почерк говорят: *почерк врача*. В БЯ ФЕ *ял съм кокоши крак* (букв. я съел куриный окорочок) означает „неумение хранить секрет“. Эталоны богатства также запечатлены в «куриных» образах – в БЯ *снася ми петела* (букв. у него даже петух несет яйца) и в РЯ *у него денег куры не клюют*.

Эталоном малого количества в РЯ выступают ФЕ *с воробьиный нос* или *с гүлкин нос* (в сравнении с клювом голубя). В БЯ – *мальк като канарче* (букв. маленький, как канарейка). В РЯ говорят: *ест как птичка*; в БЯ – *яде като врабче, като пиле* (букв. ест как воробушек, как птичка).

В России полную или частичную потерю слуха связывают с глухотой тетерева, когда он токует: *глухой как тетеря*, а в Болгарии говорят: *глух като див петел* (тетерев, как известно, относится к отряду куриных).

Эталоном опытности человека предстают зооморфные образы, для описания которых используются также временные характеристики. Ср. *стреляный воробей* или *старый воробей* в РЯ и *гърмян заек* (букв. стреляный заяц) или *от стара коза яре* (букв. старой козы козленок) в БЯ.

Эталоном долгой жизни для болгар являются орлы. О преклонном возрасте по-болгарски говорят – *врѣстник с орлите / с белите орли* (букв. ровесник орлов / белых орлов). Поэтому о том, кто собирается что-нибудь сделать, а не откладывает дело на потом, говорят: *Няма да живея с орлите* (букв. не буду жить так долго, как орлы, т.е. не рассчитывает на орлиный век). Для русского языкового сознания долгая жизнь связана с долгой жизнью *ворона*. Ср., например, в повести «Ка-

питанская дочка» А.С. Пушкина: «Скажи, ворон-птица, отчего живешь ты на белом свете триста лет?»

Символом власти во многих странах, в том числе и в России, является орел. Петух – это символ воскрешения. Еще с библейских времен символом несчастья, плохих новостей считался ворон. В России символы весны – грачи и ласточки, а в Болгарии – аисты и ласточки.

Стереотипное представление о безвыходной ситуации болгары выражают паремией *заплел се като пиле в кълчища* (букв. запутался, как птенец в пакле), а русские – *попал как кур во щи*. Смысл одиночества в БЯ выражают УС *сам като кукувица* (букв. один как кукушка), а в РЯ – *один как былинка в поле*, но есть и более сходное выражение: *век одному/одной куковать* („прожить жизнь одиноким“). Стереотипное представление о ветхом доме в русской культуре – это *избушка на курьих ножках* (в БЯ – *съборетина*).

Орнитологический код находит отражение в ритуалах. В Болгарии – это традиция приношения петуха в жертву перед строительством дома, праздник Петльовден, мартеницы (красные и белые нитки), которые носят до прилета аистов. В России весной пекут жаворонки, дарят уточку на новоселье, на Благовещение выпускают белых голубей. В христианской традиции в обеих странах красят куриные яйца на Пасху.

Код проявляется и в названиях цвета: *канареечный, вороново крыло* в РЯ, *гълбовосиво, патешко жълто* в БЯ.

В России принято строить и устанавливать скворечники для птиц. В тяжелых условиях долгой зимы птицам не выжить без заботы человека. Для Болгарии с более мягким климатом скворечники устанавливают гораздо реже.

Орнитологический код проявляется в архитектуре – в России флюгер на крыше избы часто в виде *петуха*; в головных уборах – русские женщины традиционно носили *кокошники* и *сороки*; в вышивках – полотенце с *петухами*, как атрибут брачной символики; полотенца с распустившим хвост *навлином*; в утвари у русских хозяек – *гусятницы* и *утятницы* (особой формы – с выгнутыми «носом» и «хвостом») чугунные емкости для жарения и варения гусей и уток).

Особенно важным представляется сопоставление УС с компонентом-орнитонимом, которое проливает свет на значимость орнитологического кода в двух славянских языках и культурах. Так, в РЯ зафиксировано значительное количество сравнений с компонентом *сорока*: *болтлив как сорока, стрекочет или трещит как сорока, вертится, как сорока на суку, любопытный как сорока* и др. Ср. в БЯ: *живее ка-*

то сврака на драка „жить бедно“ (букв. жить как сорока на колючем кусте), *крада като сврака*, *крадлив като сврака* (букв. вороватый как сорока), *ходя като сврака без полог* „бродить бесцельно“ (букв. ходить, как сорока без гнезда).

Приведем другие сравнения в РЯ и БЯ, которые обнаруживают как сходство, так и свою специфику, а также лакунарность орнитологических образов. Ср.: *черный как грач* в РЯ и *черен като гарван* (черен как ворон), *вакъл като лястовица* (чернобровый как ласточка) в БЯ (только о бровях), *жълт като папуняк/лимон* (болг. папуняк порусски „удод“), в РЯ *желтый как лимон/шафран/воск*, в РЯ *белый как лунь*, а в БЯ *бял като гъска* (о волосах людей, букв. бел как гусь) и *бяла като патка* (о коже женщины, букв. бела как утка), в БЯ *сив като сокол* и *серый как мышь/сталь/тепел* в РЯ, *син като пуйча глава* (букв. синий как индюшачья голова) в БЯ, а в РЯ – *дряхлый как шея индюка*, *слаб като шиглец* (слаб как щегол) в БЯ и *худой как щепка* в РЯ.

В БЯ говорят: *броя гаргите* „бездельничать“ (букв. считать ворон), а в РЯ – *гонять голубей*, *гонять ворон*, *показывать воробьям дули* (жарг.).

Не менее важным является сопоставительный анализ паремий с орнитонимами. В русской культуре много пословиц и поговорок с компонентом *воробей*; ср.: *Повадился вор-воробей в конопельку. Старого воробья (и) на мякине не обманешь. Дело не воробей, не улетит. Слово, что воробей, вылетит, не поймает. Фарисейские корабли, что сельские воробьи: скоро гинут. Стрелял в воробья, а попал в журавля. Стреляй из пушки по воробьям. Старому воробью по колени река. Сам с воробья, а сердце с кошку. Андрей-воробей, не летай на реку, не клюй песку, не тупи носку: пригодится носок на овсян колосок. В добру пору воробью ненастье, коли стреха под боком. Шумят, как воробьи на дождь. И воробей на кошку чирикает. Воробьиным сердцем не возьмешь. За обедом соловей, а после обеда воробей, хмелен. Воробью по колено, журавлю по лодыгу. Нет такой веточки, чтоб воробей не сидел. Где просо, там и воробей. Воробей торопился, да маленький уродился. Вольному воробью и соловей в клетке завидует. Одним камнем двух воробьев не убьешь. Лучшие один воробей в кармане, чем десяток на крыше. Облизывается, как кот на воробья. Время, как воробей, упустишь – не поймает. Сам воробей, а поет как соловей. Одного воробья на двадцать блюд не разделишь. Капля – воробью глотка нет, а камень долбит. Шумят как воробьи на дождь* и др.

Если обобщить содержание по данным паремий, то можно сказать, что орнитоним *воробей* в паремиях РЯ несет в себе следующие основные смыслы: шустрый, подвижный; вороватый; маленький по размеру; незначительный; шумный; прожорливый. В образах русских ФЕ воробей – эталон малой меры жидкости, глубины – *воробьиный глоток*; *воробью по колено (по щиколотку)*, [*журавлю по лодыжку*]; *воробью по косточку*. Эталоном малого времени в РЯ служит выражение *воробьиная ночь* „самая короткая ночь в году“; а выражение *Дядя, достань воробушка* характеризует мужчину высокого роста.

Обратимся к образу воробья и закрепленным за этой птичкой смыслам в паремиях БЯ. Перечислим выражения с компонентом *врабец*, *врабче*: *Който се бои от врабци, той просо не сее* (ср. рус.: *Волков бояться – в лес не ходить*). *Махам с опашка за врабче* (букв. махать воробьиным хвостом) в значении „сильно желать чего-нибудь“. *От врабче мляко* в значении „что-л. желанное, но труднодоступное“ (букв. воробьиное молоко, ср. в РЯ *захотеть птичьего молока*). *Ще откъсна някому главата като на врабче* (букв. сверну кому-л. голову, как воробью) в значении „угрожать кому-л., обещать наказать кого-л.“. *Ям/ния колкото едно врабче* (букв. как воробушек) в значении „мало есть/пить“. *Плаша врабците* в значении (букв. пугать воробьев) „напрасно пугать кого-л.“. *Бъбрив като врабец* (букв. болтлив как воробей). *Подскача като врабче* (ср. в РЯ *прыгает как коза, блоха*). *Врабешка сила* (букв. воробьиная сила) в значении „слабость“.

При переводе с одного языка на другой следует учитывать не только культурные смыслы, но также коннотации и ассоциации. Так, глупого человека в русской диалектной фразеологии называют *с воробьями в голове*. Кроме того, лексема *воробей* в РЯ может в контексте обретать такие коннотации, как незащищенность (ср. *нахохлился/ замерз как воробушек*), незаметность (ср. *проскакал, как воробушек*), шкодливость (мелкий пакостник; ср. *совести как у воробья*). В БЯ коннотация лексемы *врабец* – незащищенность, ничем не выделяющийся среди себе подобных. В детской литературе воробья и воробьюху в БЯ называют *Врабчо* и *Врабка*. В болгарском сознании возникают строки: *Аз съм Врабчо, Врабчолан, / всичко мога, всичко знам*, а у русскоязычных детей: *Где обедал воробей? / В зоопарке у зверей*.

Итак, у болгар воробей вызывает положительные коннотации, а в русской культуре образ воробья воплощает амбивалентные характеристики.

В РЯ в большей степени, чем в БЯ, распространены собирательные существительные, имеющие как прямое, так и переносное значение: *воронье, коршуны* и т.д. Кроме того, в РЯ существуют наречия образа действия, по сути косвенные сравнения, такие как: *ходить уточкой, гоголем, гуськом*, бегать *петушком*, плывет *навой*, а также смотреть *соколом, орлом*. В РЯ орнитонимы гораздо чаще используются в функции обращения; ср.: *соловей мой, соколик ясный, сокол, те-терья, голубчик, голубушка* и др. В БЯ такими обращениями являются *пале, пиленце, гугутке*. В РЯ «птичья» метафора используется для именованья предметов материальной культуры и быта (см. выше).

Дальнейшие исследования орнитологического кода ведут к орнитонимам в сказках и детской литературе. Мы имеем в виду «птичьи» названия произведений и имена персонажей, такие как: болгарские *Врабчо, Косето Босето* (черный дрозд), *чичо Щърк* (аист) и др. и русские *Петя-петушок, золотой гребешок, Царевна Лебедь, Курочка Ряба* и др. В современном русском детском сознании живет образ, например, *Каркуши* – персонажа из передачи «Спокойной ночи, малыши!», русские дети знают дразнилки типа *Андрей-воробей*; в школьном жаргоне есть выражение *Дятлы долго не живут* про доносчиков (дятел – птица, которая стучит, в переносном смысле – «доносчик»; ср. *стукач*) и т.д. Орнитонимы в болгарском детском миропонимании до сих пор не исследованы.

Также интересным объектом для дальнейших исследований могут быть названия произведений художественной литературы, киноискусства, телепередач и рекламы, а также перифразы, которые основаны на орнитологической метафоре, что позволит выявить культурно-языковую избирательность в РЯ и БЯ. Так, в качестве национально окрашенных в РЯ можно привести орнитологические образы: *птица-тройка* как символ России, *буревестник* (символ революционного подъема), *черный ворон* (символ сталинских репрессий и преступлений НКВД), *Соловей-разбойник* (о человеке, занимающемся неблагоприятными делами), *наши соколы* (о советских летчиках), *коршуны* (о фашистских самолетах), *наша чайка* (о В. Николаевой-Терешковой), *Сирин* (псевдоним В.В. Набокова), призы в телеиграх: *хрустальная сова, голосящий КиВиН* (вымышленный образ птицы), *ножки Буша* (об окорочках, поставляемых в Россию в 90-е гг. из США), *Леня Голубков* (финансовая пирамида) и др. В БЯ такими являются: *бялата ластовичка* (символ надежды, связанный с одноименным названием рассказа

Й. Йовкова), «Гераците» («Гераки» – «говорящая» фамилия, букв. Ястребы) Елина Пелина, *хвърковатите чети* (букв. летучие отряды – изначально наименование повстанческой конницы во время Апрельского восстания болгар против турок в 1876 г.) – о преподавателях вузов, которые из-за невысокой заработной платы все время в разъездах, читают лекции в городах Болгарии. *Ястребами* в обеих культурах уже 60 лет журналисты называют сторонников войны в США.

Обзор работ позволяет сделать вывод, что, несмотря на бесспорные достижения в исследовании орнитологического кода в РЯ и БЯ, требуется их дальнейшее сопоставление. Недостаточно исследована деривация орнитонимов и их частеречная классификация; см., например: *скворечник, сидеть по-орлиному*, а также жарг. *орлить, взорлить* – в РЯ и *патица, патка, пате, патенце, паток, патарок, опатквам, патешки, патешко* (субстантивированное прилагательное, называющее мясо утки) – в БЯ. Интерес вызывает большее разнообразие в РЯ прилагательных, производных от существительных-орнитонимов, по сравнению с БЯ: это паронимы *лебяжий* (*Лебяжья канавка* в Петербурге и *лебяжий пух*) и *лебединый* (*лебединая верность, лебединая песня*), *воробьиный* (*воробьиная ночь, воробьиный горох*) и *Воробьевы Горы* в Москве. Ср. глаголы, по внутренней форме связанные с орнитонимами: в РЯ – *укокошить, проворонить, петушиться, ворковать, накаркать (беду), приголубить, попугайничать, куковать, осоветь, кудахтать, кукарекать, свиристеть, проклянуться, глухарнуть*; в БЯ – *опатквам „застрелить“* (от *патица „утка“*), *каканижа „кудахтать, монотонно бормотать“*, *кукувам „куковать“*, *накокошинвам се „встопорщить перья, возгордиться“* (от *кокошка „курица“*), *гукам „ворковать“* (ср. *гугутка*), *чуруликам „щебетать“*, *да изкукуругам „кукарекнуть“*, *кудкудякам „кудахтать, много говорить“*. В БЯ мы видим частичное или полное несовпадение переносных значений лексем орнитонимов: *гларус* (рус. *баклан*) – не только морская птица, но и мужчина, знакомящийся с иностранками на болгарских черноморских курортах. Ср. в РЯ *баклан* – название птицы; переносное значение связано с идеей прожорливости, а также употребляется в отношении тупого, глупого человека (*Ты меня за баклана держишь!*). В дальнейшем предполагается провести сопоставление орнитонимов с предикативно-характеризующим значением (*Вот так петух!*; *Тя е една патка!*), исследовать употребление орнитонимов в молодежном жаргоне, описать прецедентные высказывания с орнитонимами, изучить антропонимы и топо-

нимы, производные от орнитонимов, исследовать метафорическое употребление орнитонимов в языке массмедиа.

Литература

Борисенко В.И., Милославская С.К., Вьюнов Ю.А. Большой лингвострановедческий словарь / ред. Прохоров Е.Ю. М.: АСТ-Пресс, 2009.

Брилева И.С., Вольская Н.П., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В. Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. Вып. I. М.: Гнозис, 2004.

Витанова М. Светът на птиците в българската езикова картина на света // Българска реч. 2010. № 3. С. 26-32.

Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 2. П – Я. СПб.: Златоуст, 2014.

Крумova-Цветкова Л. Българските благословии, пожелания и клетви – част от националната самобитност и културното наследство. С речник на благословиите, пожеланията и клетвите. София: ЕМАС, 2010.

Легурска П., Панчев И. Каталог на образните метафори // Ел. списание Зълw X-XXI в. 2014. год. II. кн. 2. С. 48.

Манова И.И. Орнитологический код в русской и болгарской культурах. Обзор достижений // Русистика без границ. 2019. Том III. Кн. 1. С. 47-58 .

Маслова В.А. Homo lingualis в культуре: монография. М.: Гнозис, 2007.

Никитина А.В. Образ кукушки в славянском фольклоре. М.: ФЛИНТА, 2014.

Норман Б.Ю. Болгарский язык в лингвострановедческом аспекте. Минск: Белорусский государственный университет, 2005.

Ростова Е.Г., Залетаева А.А., Миркевич Е.В., Шамгин С.М., Залетаева Е.Э., Горин П.А. Мультимедийный лингвострановедческий словарь «Россия». М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2014. URL: <http://www.pushkin.institute/>

Теля В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки славянской культуры, 1999. С. 20-21.

I.I. Manova (*Sofia, Bulgaria*)
Sofia University "St Kliment Ohridski"

ORNITHOLOGICAL CODE IN RUSSIAN AND BULGARIAN CULTURES, REVISITED

The paper continues the survey of studies of the ornithological code in Russian and Bulgarian cultures. Along with the indisputable achievements, it reveals some scientific gaps and blanks, which may become the object of further comparative studies.

Key words: ornithonym, ornithological code, symbol, standard, stereotype.

Е.М. Масленникова (*Тверь, Россия*)
Тверской государственный университет
e-maslennikova@inbox.ru

ДИФФУЗНОСТЬ ИДИОМЫ *BETTER DAYS* (*SEEN BETTER DAYS*) В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ: НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ КОННОТАЦИИ

Фразеологизмы, обладающие национально-культурными коннотациями, часто используются в качестве акцентируемой художественной детали, несущей смысловую нагрузку и связанной с содержательным раскрытием авторского образа. За ними стоят культурно-маркируемые смыслы, переходящие со временем в лакуны.

Ключевые слова: коды культуры, фразеологизмы-эвфемизмы, концептуализация, смысл, лакуны, типаж.

Введение

Англоязычные писатели часто обращаются к ностальгическим воспоминаниям о старых добрых временах, обыгрывая ставший мифологизированный и идеализированный образ *Old Merry England* («Добрая старая Англия»), за которым угадывается ностальгия по кажущемуся сейчас упорядоченным и незыблемым патриархальному прошлому с его счастливыми и, соответственно, лучшими днями (*better days*). Образ *Old Merry England* получает вербальную репрезентацию в текстах разных жанров и стилей. В состав образа также попадает ряд идиом типа *better days*, сохраняющих эталонность в контексте, передающих не фиксированную в них непосредственную оценку описываемой текущей

ситуации, но отражающих её оценку говорящим или пишущим субъектом.

Диффузность **BETTER DAYS (SEEN BETTER DAYS)** в языке и культуре

В.Н. Телия рассматривает диффузность как «итог категоризации двух фреймов», когда «важны не классообразующие признаки объекта обозначения и его чёткие границы, а скорее – указание на принадлежность к специфическим членам класса. Эта специфика вносится образным основанием метафоры, подключение которого к структуре знаний об обозначаемом чаще всего приводит к увеличению “подробностей” в самом значении» [Телия 1996: 150].

В английском языке разложимое словосочетание *better days* (буквально „лучшие дни“) может употребляться как самостоятельная субстантивная фразеологическая единица *better days* „лучшие дни, лучшая пора“ и входить в состав глагольных фразеологических единиц *have had better days*, *have known better days* и *have seen better days*, имеющих значение „устареть, отслужить своё, выйти из употребления, отживать свой век; знать лучшие времена“, согласно [Кунин 1984]. Данные глагольные единицы всегда стоят в грамматической форме настоящего завершённого времени (the Present Perfect Tense), которое используется для выражения уже завершившегося к моменту речи действия или его результата. Выделены параметры, позволяющие описать переживший свои лучшие дни объект с помощью эвфемизма *have seen better days* [Speake 2000], причём характеристиками такого объекта являются следующие качества: *old* „старый“, *worn-out* „изношенный, потёртый; усталый, измученный, измотанный“ и *shabby* „потрёпанный, ветхий; одетый в лохмотья“.

В англоязычной культуре за фразеологической единицей *seen better days* стоят культурно-маркируемые смыслы, связанные не только с ностальгией по старым временам, но и с указанием на тяжёлое финансовое состояние, из которого трудно выбраться именно потому, что человек не смог приспособиться к новым временам. Идиома *seen better days* имеет дополнительную эмоциональную оценку и часто используется в качестве эвфемизма, замещая синонимичное прилагательное *poor* „бедный“ [Holder 2008], поскольку в английском обществе до сих пор существует табу на разговор о деньгах [Partridge, Whitcut 1999]. Примечательно, что составитель словаря эвфемизмов [Holder 2008] объясняет выражение *seen better days* через другой эвфемизм (*It describes people who have fallen on hard times*). Таким образом, выражение

применяется к людям, для которых настали тяжёлые времена (*hard times*) после периода материального благополучия. Относительно фразеологизмов-эвфемизмов М.Л. Ковшова указывает, что «их современная эвфемистическая функция не принадлежит им изначально, а формируется в культуре» [Ковшова 2012: 384].

SEEN BETTER DAYS в национальных корпусах

Согласно данным программы-поисковика “Google Ngram Viewer” (<https://books.google.com/ngrams>), работающей с корпусом текстов из пяти миллионов оцифрованных источников, опубликованных за период с 1500 по 2008 годы, форма *seen better days* по употреблению значительно опережает формы *known better days* и *had better days*, причём последний вариант начинает чаще употребляться с 1980-х годов.

Судя по графикам частотности в подкорпусе “English (2012)” пики употребления формы *seen better days* в той или иной степени соотносятся с определёнными историческими периодами и событиями из жизни англоговорящего социума. Например, пики частотности у *seen better days* можно связать со значимыми для Великобритании событиями: 1795 год – массовые продовольственные беспорядки, 1808 год – запрет США на отношения с Англией, 1825 год – «расцвет» эпохи непопулярного Георга IV (1820-1830), 1829 год – начало эксплуатации в Британии омнибусов, 1831 год – начало правления Вильгельма IV (1830-1837) и назначение будущей королевы Виктории наследницей престола (1837-1901), 1835 год – приход к власти партии вигов, 1870 год – обсуждение Ирландского вопроса и т.д. Достаточно ровный высокий уровень частотности для *seen better days* за период 1862-1901 годов, где на 1862 год приходится пик частотности, совпадает с периодом, когда одновременно с началом индустриального развития произошло значительное обеднение дворянства, вынужденного отказываться от привычного образа жизни, а их дети столкнулись с новыми реалиями. Несмотря на хорошее происхождение, о чём свидетельствует упоминание о предке, проигравшем состояние во время эпохи Регентства (*an ancestor who had gambled away his fortune at White's during the Regency*), наличие отца-полковника и полученное в Кембридже образование, герой романа С. Моэма “Theatre” / «Театр» (1937) становится актёром. В детективных романах А. Кристи часто встречаются возможные сценарии действий: титулованная знать могла рассчитывать на брак с богатыми американками (“The Mystery of the Blue Train” / «Тайна “Голубого поезда”» (1928), дочери также вступали в неравные

браки с обеспеченными людьми (“Taken at the Flood” / «Прилив», 1948; “Crooked House” / «Скрюченный домишко», 1949; “4:50 from Paddington” / «В 4.50 из Паддингтона», 1957). Если младшим сыновьям не удавалось найти богатую жену (“Death on the Nile” / «Смерть на Ниле», 1937), то они, изменив имя, устраивались, например, платными партнёрами по танцам (“Towards Zero” / «К решающему часу», 1944). Девушки из хороших семей шли в продавщицы магазинов модной одежды, куда их брали в надежде на клиентуру из числа светских знакомых (“The Hollow” / «Лощина», 1946), или в горничные, получая поддельную рекомендацию от родных (“The Murder of Roger Acroyd” / «Убийство Роджера Экройта», 1926).

Значительный спад для *seen better days* совпадает с началом в 1902 году эдвардианской эпохи, которая противопоставляется «золотому веку» викторианства с его стабильностью. В XX веке падение частотности для *seen better days* приходится на 1917, 1929, 1940 и 1961 годы, а рост – начинается с 1978 года, когда на парламентских выборах победила партия консерваторов, а премьер-министром стала М. Тэтчер.

По подкорпусу “American (2012)” видно наложение графика частотности для *seen better days* на важные даты для истории США: например, 1870 год – вступление в силу Пятнадцатой поправки к Конституции, давшей избирательное право для цветного населения и бывших рабов, 1929 год – биржевой крах и т.д. Примечательно, что в американском английском вариант *known better days* первоначально имел большую частотность, чем *seen better days*.

По данным “Google Ngram Viewer” форма *seen better days* появляется в 1696 году, после чего она активно входит в британский английский, а в американском английском она закрепляется в 1751 году. Необходимо отметить, что в обоих случаях форма *seen better days* связана с именем В. Шекспира и массовой публикацией его сочинений: в шести томах выходят “The Works of Mr. William Shakespeare” (1709), затем под редакцией А. Поупа ещё одно издание (1725), потом в восьми томах “Works of William Shakespeare” (1728) и в семи томах “The works of Shakespeare in seven volumes” (1733) и т.д.

BETTER DAYS у В. Шекспира

В произведениях В. Шекспира идиома *better days* встречается три раза: в виде *have look'd on better days* и *have seen better days* в комедии “As You Like It” / «Как вам это понравится» (публикация – 1623), *have seen better days* в трагедии “Timon of Athens” / «Тимон Афинский»

(1607). Основанная на превосходной степени сравнения прилагательного *good* „хороший“ перифраза выражения как *the best is past* есть в трагикомедии “The Tempest” / «Буря» (1611).

В сцене 7 второго акта из комедии “As You Like It” выражение *better days* используют вынужденный бежать из дома Орlando (*If ever you have look'd on better days*) и изгнанный старый герцог (*True is it that we have seen better days*), когда они встретились в Арденском лесу. Угрожая мечом, Орlando дерзко требует у герцога и его свиты отдать еду. Герцог расспрашивает его о причинах подобного поведения, заставивших забыть о воспитанности (*Art thou thus bolden'd, man, by thy distress, / Or else a rude despiser of good manners, / That in civility thou seem'st so empty?*). Герой объясняет, что его на это толкает нужда (... *the thorny point / Of bare distress hath ta'en from me the show / Of smooth civility...*), а в обычной ситуации он – вежливый и воспитанный человек (*yet am I inland bred / And know some nurture*). В ответ герцога включено существительное *gentleness* „мягкость, доброта, кротость“ (*Your gentleness shall force / More than your force move us to gentleness*), чья основа, как и у существительного *gentleman* „джентльмен, хорошо воспитанный человек“, восходит к прилагательному *gentle* „well-born, noble, generous“ [Hoade 2003]. Что относится к периоду *better days* с точки зрения шекспировских героев? Это время, когда человек ходил в церковь (*have with holy bell been knoll'd to church*), сидел за пиршественным столом (*sat at any good man's feast*), знал, что такое милосердие и сам проявлял его (*know what 'tis to pity and be pitied*) и гостеприимство (*gentleness*).

Таким образом, В. Шекспир устанавливает взаимозависимые связи: люди, которые *have seen better days* (буквально „видели лучшие дни“), раньше вели обеспеченную жизнь, но были вынуждены от неё отказаться по причинам от них не зависящих. Их отличают хорошие манеры и поведение, воспитанность и вежливое отношение к окружающим. Кстати, слова Герцога (*we have seen better days*) стали в XXI веке коммерческим слоганом, который фирма “Distinctive Journals” печатала на обложке ежедневников в 2018 и 2020 годах.

В трагедии “Timon of Athens” выражение *have seen better days* употребляет управляющий Флавий в момент раздачи собственных денег слугам после разорения своего хозяина Тимона, лишившегося состояния из-за излишней щедрости и трат на развлечения друзей. Верный Флавий считает, что богатство не только портит людей (*For bounty, that makes gods, does still mar men*), но оно также способно при-

нести горести и несчастье (*Who would not wish to be from wealth exempt, / Since riches point to misery and contempt*), так как в случае его потери от человека отворачиваются все. Примечательно, что в его реплике также упоминается колокольный звон, но только это похоронный звон – он звучит как предвестник смерти (*twere a knell unto our master's fortunes*), т.е. утрата возможности вести прежний образ жизни (*better days*) расценивается как социальная смерть, когда человек становится в своём кругу изгоем.

Шекспировские герои верят во власть над человеком судьбы, рассматриваемой как *Destiny* или *Fate* (см. подробнее [Полторацкий 1994]). О покорности судьбе свидетельствуют реплики короля Неаполя Алонзо из трагикомедии “*The Tempest*”, когда он, очутившись на необитаемом острове после кораблекрушения, говорит, что всё лучшее в его жизни было в прошлом (*The best is past*).

SEEN BETTER DAYS и лингвосоциокультурные типажи

Идиома *seen better days* тесным образом связана с лингвосоциокультурными типажами, которые понимаются как обобщённые типы личностей, представленные в языковом сознании носителей определённой лингвокультуры. В структуру подобных типажей входит «перцептивно-образное представление о типаже, включающее его внешность, возраст, пол, социальное происхождение, среду обитания, речевые способности, манеры поведения, виды деятельности и досуга» [Дмитриева 2007: 4]. В большинстве случаев подобные типажи являются национально-специфичными и могут являться лингвокультурными концептами и индикаторами соответствующей эпохи. В описание лингвокультурного типажа закладываются следующие параметры: хрестоматийность, частотность, символичность, яркость, типичность, прецедентность.

Материалом исследования послужили данные, полученные с помощью программы-поисковика “Google Ngram Viewer” и из репозитория цифрового контента “HathiTrust” (hathitrust.org), основанного на оцифрованных текстах в рамках проектов “Internet Archive” (archive.org) и “Google Books” (books.google.com). Проведённый анализ произведений англоязычных авторов XVII-XX веков позволяет выделить для сложившегося в англоязычном социуме типажа человека, видавшего когда-то лучшие дни следующие признаки:

- конститутивные (нищий; старый холостяк; вдова – в особенности вдова офицера; служанка: цветочница; гувернантка без опыта и надлежащего образования – девушка из разорившейся семьи);

- перцептивно-образные (опустившийся, забывает следить за собой – о мужчинах; аккуратная, следит за собой – о женщинах);

- оценочные (бедный; работает за кров и еду; зависит от помощи благотворителей; атеист, но перед смертью обращается в веру; гордый – гордость мешает попросить помощи; предпочитает умереть от голода, но не попрошайничать; ставит себя выше других; неудачник – постоянно не везёт в любых начинаниях и, в особенности, в коммерческих предприятиях; его грабят или обманывают; робкий; искренний – в словах благодарности; склонен к слезливости в минуту отчаяния; образованный и т.д.);

- сфера деятельности: нищий; преступник; квартирная хозяйка; компаньонка; слуга; моряк; творческая профессия – типа художника;

- место жительства: город, деревня, реже – заграница или колонии типа Ист-Индии, куда после распродажи имущества с молотка его отправляют старые друзья семьи или дальние родственники; маленький мрачный домик; рабочий дом;

- семейное положение: был(а) в браке – вдовец / вдова; реже – состоит в браке (тогда пытается поддержать видимость благополучия); часто имеет богатых родственников, к которым не обращается из-за гордости; если имеются дети, то они отправляются в столицу искать счастья;

- эмоциональное состояние: чувство стыда за униженное положение; склонность к унынию; о хороших манерах вспоминает только среди равных; выпивает, чтобы забыться; вынужден браться за любую работу; не имеет постоянного местожительства и т.д.;

- внешний облик: бледный; больной (ревматизм, слепота и т.д.); широкий лоб интеллектуала; лицо выдаёт перенесённые тяготы; поношенная одежда хорошего качества и покроя; отсутствие жилета как обязательного элемента мужского костюма и т.д.

Герой рассказа “Tears of gratitude” из журнала “The Lady’s Magazine” (1791) специально оговаривает, что он не только получил образование настоящего джентльмена (*he had been educated like a gentleman*), но и родился джентльменом (*I have, indeed, seen better days; I was born a gentleman*).

С конца XVII века начинает формироваться общественное мнение о необходимости поддерживать тех, кто *видел лучшие дни*, но вынужден оказаться в низком обществе. Была образована организация помощи беднякам “Benevolent, or Strangers’ Friend Society”, в чьих отчётах часто встречается формулировка *they had seen better days*. В группу

риска попадали вдовы и незамужние дочери духовенства, учителей, юристов, врачей и купцов: для них применялся особый оборот «пребывание в сравнительной нужде» (*who had seen better days, and been reduced from affluence to a state of comparative indigence*). Примечательно, что причины падения обычно прямо не называются: упоминаются некие *reduced circumstances* „стеснённые обстоятельства“.

Если на рубеже XVIII-XIX веков под теми, кто *видел лучшие дни*, в основном имели в виду бежавших из охваченной революцией Франции аристократов и бывших офицеров, то с XIX века в эту категорию попадают сами англичане. К утрате положения в обществе и прежнего уровня жизни приводят: бездумное мотовство и расточительство предков; погоня за модой и клубная жизнь; биржевые спекуляции; тяжёлая болезнь; алкоголизм. От них отворачиваются не только друзья, но и ближайшие родственники. В утрате семейного благополучия всегда виноват муж, оставивший семью без средств к существованию.

Состав обедневших семей мелкопоместного дворянства, среднего класса и духовенства обычно включал нежную мать, очень молодую дочь и сына, потерявших кормильца. Все они обладают изысканным вкусом, а проявляемая бережливость вызывает уважение у окружающих, по отношению к которым они, однако, ощущают чувство превосходства. В романе “*Rosanne*” (1814) писательница Л. Хоукинс показывает семью, вынужденную жить малым (*they lived on little, but their tastes were elegant, and their prudence was honourable: they had seen better days, and had a character of superiority about them, that claimed respect*). Подобная благородная бедность показана и в рассказе А. Кристи “*The Listerdale Mystery*” / «Тайна Лорда Листердейла» (1934), где мать беспокоится, что дочь не выйдет удачно в финансовом плане замуж, а сын может жениться на дочери лавочника. У вдовца обычно имеется одна красавица дочь, но её красота в условиях бедности начинает увядать.

Со второй половины XX века выражение *seen better days* в большинстве случаев применяется в отношении домов, предметов интерьера и быта.

Культурно-маркируемые смыслы *seen better days* и (не) переводимость

Как правило, непереводаемость возникает в виде непереводаемых языковых, тематических и стилистических явлений, но устранима на уровне текста. Непереводаемыми оказываются слова или выражения, за которыми стоят ситуации, предметы и понятия, не существующие или

не существовавшие в практическом опыте носителей языка. В этом отношении переводимость обеспечивается, в первую очередь, соблюдением Принципа Кооперации [Neubert 1985], направленного на достижение взаимопонимания. Непереводимость может быть обусловлена наличием национально-специфических лакунарных концептов, занимающих особое место в языковой картине мира. Под лакунарными концептами понимаются «специализированные этнокультурные ментальные репрезентации, в концентрированном виде выражающие особенности той или иной культуры» [Долинский 2012: 40]. В качестве эвфемизма из тематической области «Бедность» фразеологизм *seen better days* требует применения несколько иных стратегий передачи: например, развитие исходного образа для сохранения идейного содержания переводимого произведения. Так, при описании матери Сибиллы Вейн, старой актрисы, чьи дети были рождены вне брака от состоятельного джентльмена, О. Уайльд пишет, что на сцене в платье пурпурного цвета (*magenta dressing-wrapper*) она выглядит так, как будто *видела лучшие дни* (*looks as if she had seen better days*). Именно анилиновые красители, а фуксин (*magenta*) – это красная анилиновая краска, удешевили производство тканей в викторианскую эпоху, сделав яркие цвета доступными для бедных. Смысл бедности, пытающейся спрятаться за нарочитой яркостью наряда, сохраняет только В. Чухно, добавивший к описанию платья прилагательное *дешёвый*.

... in a sort of magenta dressing-wrapper <...> looks as if she had seen better days. О. Wilde. *The Picture of Dorian Gray* (1891) ↔ *... в каком-то красном капоте. Заметно, что эта женщина знавала лучшие дни.* О. Уайльд. *Портрет Дориана Грея* (Перевод М. Абкиной, 1960); *... в каком-то дешёвом платье ядовито-красного цвета.* О. Уайльд. *Портрет Дориана Грея* (Перевод В. Чухно, 1999); *... в каком-то пурпурном капоте; судя по всему, она повидала лучшие дни.* О. Уайльд. *Портрет Дориана Грея* (Перевод А. Грызуновой, М. Немцова, 2012); *... в каком-то лиловом одеянии и выглядит так, будто знавала лучшие времена.* О. Уайльд. *Портрет Дориана Грея* (Перевод Д. Целовальниковой, 2018)

Конечно, по причине различий в культурных и языковых кодах стилистически маркированный исходный микроконтекст может оказаться нейтрализованным: одежда у безработного из романа Э.С. Гарднера “*The Case of the Perjured Parrot*” (1939) явно была хорошего качества, но поношенной по причине отсутствия у персонажа работы и денег. Переводчик сохраняет вещественную образность ситуации, и что в принципе не противоречит смыслу, но изменяет вторичную семио-

тизацию: в переводе герой тщательно следит за своей одеждой (*одежда была аккуратной, тщательно отутюженной, но далеко не новой*), тогда как в оригинале одежда выдаёт его прежний достаток.

I realized, of course, that he was much older than I, and quite apparently, was out of work. His clothes were well-kept, but had seen far better days. E.S. Gardner. *The Case of the Perjured Parrot* (1939) ↔ *Я понимала, разумеется, что он гораздо старше меня и, очевидно, в настоящий момент не имеет работы. Его одежда была аккуратной, тщательно отутюженной, но далеко не новой.* Эрл Стенли Гарднер. *Дело о предубеждённом попугае* (Перевод Л. Васильевой, 2004)

Выводы

Концептуализация мира в каждом культурно-языковом социуме происходит своим особенным образом. В художественном тексте фразеологизмы, обладающие национально-культурными коннотациями, часто используются в качестве акцентированной художественной детали, несущей смысловую нагрузку и связанной с содержательным раскрытием авторской идеи. При их передаче средствами другого языка допустима концептуальная реорганизация исходной ситуации из-за переориентации фразеологического образа и сопутствующих ему коннотаций на другой национальный лингвокультурный социум.

Литература

Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажы России и Франции XIX в.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007.

Долинский В.А. Моделирование вербальных ассоциативных полей в квантитативной лингвистике: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2012.

Ковшова М.Л. Культурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Рус. яз., 1984.

Полторацкий А.И. Судьба у Шекспира // Понятие судьбы в контекстах разных культур. М.: Наука, 1994. С. 260-267.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Hoade T.F. The Concise Oxford Dictionary of English Etymology. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003.

Holder R.W. Oxford Dictionary of Euphemisms. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008.

Neubert A. Text and Translation. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1985.

Partridge E., Whitcut J. Usage and Abusage. London: Penguin Books, 1999.

Speake J. Oxford Dictionary of Idioms. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000.

E.M. Maslennikova (*Tver, Russia*)

Tver State University

DIFFUSION OF IDIOM *BETTER DAYS* (*SEEN BETTER DAYS*) IN LANGUAGE AND CULTURE: NATIONAL AND CULTURAL CONNOTATIONS

Idioms can be closely linked with cultural codes and start possessing national-cultural connotations. Such idioms are often used as accented artistic details that carry a specific semantic load. They are connected with culturally marked meanings due to which they may turn into lacunae over time.

Key words: cultural codes, phraseological units as euphemisms, conceptualization, meaning, lacunae.

Н.Г. Мед (*Санкт-Петербург, Россия*)

Санкт-Петербургский государственный университет

natalia_med@mail.ru

СОМАТИЧЕСКИЙ КОД КУЛЬТУРЫ КАК ФОРМАТОР ОЦЕНОЧНЫХ СМЫСЛОВ В ИСПАНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Статья посвящена исследованию соматического кода культуры в испанской фразеологии и его связи с категорией оценки. Анализируются виды оценочных значений в испанских фразеологизмах с соматическим компонентом, а также основные механизмы оценочной фразеологизации

Ключевые слова: испанский язык, фразеология, оценка, соматизм, код культуры.

В.Н. Телия определяла культуру как «такое освоенное человеком его событие в мире, которое осознается им в ценностно-установочном модуле «достойного» / «недостойного» для личности или для корпоративно-группового социума отношения к этому миру во всех сферах его деятельности в нем: в природе, в создании и манипулировании артефактами, а также ментофактами социальной и духовной сфер» [Телия 2004: 25]. Данное определение культуры представляется чрезвычайно важным, поскольку оно постулирует связь культуры с аксиологией. Суть «аксиологического подхода к культуре раскрывается в понятии “ценность”, в апелляции к ценностям и их исследованию» [Зыкова 2015: 187].

Лингвистическая сущность оценки естественным образом связана с аксиологией, поскольку она знаковым способом характеризует те или иные ценности посредством положительных оценок, противопоставляя их, в противовес аксиологии, анти-ценностям, оперируя также и отрицательными оценками [Мед 2007: 16].

Наблюдения человека над самим собой и над окружающим миром получают свое отражение в кодах культуры. Как отмечает М.Л. Ковшова, «разными способами кодируемое ценностное содержание, вырабатываемое в культуре, образует систему кодов культуры и составляет в целом картину мира, которая раскрывает мировоззрение того или иного социума» [Ковшова 2012: 170]. Под кодом культуры понимается «система знаков (знаковых тел) материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов» [Гудков, Ковшова 2007: 9]. Среди выделяемых кодов культуры (см.: [Телия 1999; Красных 2001; 2017; Гудков, Ковшова 2007; Ковшова 2015]) наиболее древним является телесный (соматический) код культуры, поскольку, как справедливо отмечает В.В. Красных, «человек начал познавать окружающий мир с познания самого себя. С этого же и началась окультурация человеком окружающего мира <...>. Иначе говоря, через осознание себя человек пришел к описанию мира, экстраполируя свои знания о себе самом на окружающую действительность (что и оказалось зафиксированным в соматическом коде культуры)» [Красных 2001: 6].

Фразеологизмы с соматическим компонентом представляют собой богатый материал для лингвокультурологических исследований, поскольку отражают не только знания человека о самом себе и окружающем его мире, но и их ценностные характеристики в контексте культуры.

На материале испанского языка нами было выделено большое количество фразеологизмов с компонентом-соматизмом, использующихся для выражения оценки. Рассмотрим некоторые наиболее употребительные из них в испанской разговорной речи. Для классификации типов оценочных значений мы воспользовались классификацией Н.Д. Арутюновой [1988: 71-77].

Голова как символ мысли и духовной деятельности человека активно задействуется в испанских фразеологизмах для выражения положительной или отрицательной интеллектуальной оценки: ее наличие, большой размер или ее отсутствие характеризуют либо природный ум человека, либо глупость: *tener (mucha) cabeza* (букв. иметь (много) голову/ы), *no tener cabeza* (букв. не иметь головы) – „быть глупым“. Утрата головы связана с утратой рассудка: *perder la cabeza* (букв. потерять голову) – „сойти с ума“. Представление о голове как о сосуде, вместилище, наполненном сором, формирует отрицательную интеллектуальную оценку глупого человека: *cabeza de serrín* (букв. голова из опилок). Отрицательную интеллектуальную оценку передает также соматизм «лоб» (*frente*): *no tener dos dedos de frente* (букв. иметь лоб в два пальца шириной).

Лицо человека отражает его эмоциональное состояние, его характер, его намерения, поэтому фразеологизмы с компонентом «лицо» мотивируют эмоциональные, эстетическую, этическую и интеллектуальную оценку. Так, фразеологизмы *tener cara de pasqua(s)* (букв. иметь пасхальное лицо) и *tener cara de aleluya* (букв. иметь лицо аллилуйи) используются для выражения положительной эмоциональной оценки радостного человека, что мотивировано атмосферой радости, веселья, царящего на праздновании пасхи, и призывом к восхвалению Бога в христианских конфессиях. Фразеологизм *tener cara de vinagre* (букв. иметь уксусное лицо) характеризует унылого человека с кислым выражением лица, словно напившегося уксуса, а значение фразеологизма *tener cara de viernes* (букв. иметь лицо пятницы) – „иметь постное лицо, быть изможденным, грустным“ мотивировано тем, что в христианской традиции пятницы являются днями воздержания, постными днями, будучи связанными со Страстями Христовыми. Фразеологизм *tener cara de pocos amigos* (букв. иметь лицо малого количества друзей) используется для обозначения неприятного, недружелюбного человека, не располагающего к дружеским отношениям. Бесстрастное выражение лица, не отражающее никаких эмоций, ассоциируется в испанском языковом сознании с невозмутимым, непроницаемым

выражением лица игрока в покер, контролирующего свои эмоции: *poner/ tener cara de póquer* (букв. иметь лицо покера). Фразеологизм отрицательной эстетической оценки *tener cara de hereje* (букв. иметь лицо еретика) – „быть некрасивым, уродливым“ основан на отрицательной этической оценке людей, уличенных в ереси и жестоко преследуемых инквизицией.

Отрицательная этическая оценка «бессовестный человек» основана на жестком, лишенном сострадания выражении лица: *ser cara dura/caradura* (букв. быть жестким, жестоким лицом), *tener cara de cemento* (букв. иметь цементное лицо). Выражение жестокости, бессердечия как бы увеличивают лицо в размере: *tener mucho rostro, mucha cara* (букв. иметь большое лицо). Причем в испанской разговорной речи, которой свойственна юмористическая гиперболизация, наблюдается целый ряд компаративных фразеологизмов-интенсификаторов данной отрицательной этической оценки: *tener más cara que espaldas/ que culo/ que un camión de muñecas* (букв. иметь лицо больше, чем спина/ зад/ чем грузовик с куклами), *tener más cara que un elefante con /flemón/paperas* (букв. иметь лицо больше, чем у слона с флюсом/болеющего свинкой).

Отрицательная интеллектуальная оценка, характеризующая глупого, ничего не понимающего человека, содержится во фразеологизме *tener cara de haba* (букв. иметь бобовое лицо). Бобы на протяжении веков были в Испании пищей бедных людей и даже именовались “*carne de robres*” (мясо бедняков), а бедность, в свою очередь, ассоциировалась с неразвитостью и глупостью.

Глаза человека как символ зрения, а также зрачки и ресницы служат источником формирования положительной интеллектуальной оценки человека, обладающего интуицией, проницательностью, жизненным опытом: *tener /mucho/ojo* (букв. иметь глаз/много глаза), *tener pestaña/mucha pupila* (букв. иметь ресницу/много зрачка).

Рука имеет символическое значение инструментальности [Ковшова 2012: 181], которое обусловлено работой рук или их бездействием, что отражается в этической оценке «трудолюбивый/ленивый человек»: *tener buena mano* (букв. иметь хорошую руку), *estar mano sobre mano* (букв. положить руку на руку), *cruzarse de brazos* (скрестить руки), *con las manos en los bolsillos/con las manos bajo los sobacos/con las manos sobre la cintura* (букв. с руками в карманах/ подмышками, на поясе). Во фразеологизме “*manos de trapo*” (букв. тряпичные руки) характери-

стика ленивого человека основана на бесполезности рук, состоящих из такого непрочного и недолговечного материала, как тряпка.

Палец как часть руки также принимает участие в формировании отрицательной этической оценки ленивого, бездействующего человека: *no mover un dedo* (букв. не пошевелить пальцем). Образ младенца, сосущего палец, ассоциируется с несмышленостью неразвитого человека: *chuparse el dedo* (букв. сосать палец) – „быть глупым“. Неприятная привычка облизывать пальцы после вкусной еды отражена во фразеологизме положительной вкусовой оценки *para chuparse los dedos* (букв. чтобы облизать пальцы), который расширил сферу своего употребления и используется также и для выражения положительной эстетической оценки: *una paella para chuparse los dedos* («потрясающе вкусная паэлья»), *una gubia para chuparse los dedos* («потрясающая блондинка»).

Отрицательная интеллектуальная оценка в испанском языковом сознании связана с **подмышкой**: *sobaco ilustrado* (букв. просвещенная подмышка), *intelectual de sobaco* (букв. интеллектуал подмышки). Они характеризуют глупого человека, кичащегося умом и начитанностью. В основе представлений заложен образ человека, таскающего подмышкой книги, но не читающего их.

Локоть и кулак используются для характеристики жадного человека в испанской фразеологии: *duro de codo* (букв. иметь твердый локоть), *puño en rostro* (букв. кулак в лицо). Отрицательная этическая оценка в данных фразеологизмах строится на жестовой символике, поскольку кулак и негнибачимый локоть означают жадность, нежелание помочь ближнему. Фразеологизм *ser de la Cofradía del Puño* (букв. принадлежать к братству Кулака) в юмористической форме характеризует принадлежность к сообществу жадных людей, а фразеологизм *ser de / como la Virgen del Puño* (букв. быть как Богородица Кулака) основан на аналогии с именами Богородицы, связанными с местами ее явления.

Отрицательная этическая оценка ленивого, отдыхающего пузом вверх, или почесывающего живот человека в испанском языковом сознании связана с таким понятием, как **живот**: *estar de barriga para el aire* (букв. лежать животом на воздух), *rascarse la barriga* (букв. чесать живот).

Как правило, все, связанное с маскулинностью, в испанской фразеологии приобретает положительные оценочные смыслы. Например, **cojones** „мужские гениталии“ используется во фразеологизмах для обо-

значения храброго человека или для выражения общей оценки «хороший», усиливает оценочные смыслы посредством числительных-определений: *tener cojones/un par de cojones/dos cojones* „быть храбрым человеком“; *de cojones/de tres/cinco/pares de cojones* „быть хорошим“.

Борода также служит источником общей положительной оценки настоящего мужчины: *con toda la barba* (букв. со всей бородой). Фразеологизм оценки-интенсификации *de bigote(s)* (букв. с усами) в зависимости от семантики ключевого слова и окружающего контекста может использоваться в качестве общей положительной оценки, либо в качестве интенсификатора: *Paco es un tío de bigote, siempre que puede te ayuda* («Пако отличный парень (букв. с усами), всегда помогает, когда может»); *Ayer hizo un frío de bigote, ocho bajo cero* («Вчера был жуткий холод (букв. с усами), минус восемь») [Buitrago Jiménez 2004: 197].

Наличие усов и обильный волосяной покров на теле мужчины считаются признаком мужественности и формируют фразеологизмы этической оценки «храбрый человек»: *tener bigotes* (букв. иметь усы), *de pelo en pecho* (букв. с волосами на груди).

Соматическая лексика, называющая внутренние органы человека, также находит отражение в испанской оценочной фразеологии. **Печень и почки** во многих культурах считались символом жизненных сил и храбрости [Rioduero 1983: 188], что фиксируется во фразеологизмах *ser de/ tener(muchos)hígados/riñones* (букв. иметь/много печени/почек) – „быть храбрым“; *tener hígados para todo* (букв. иметь печень для всего) – „быть храбрым“.

В культурных кодах может отражаться и научная информация. Так, представления гуморальной теории Гиппократата, Галена и Ибн-Сины о роли жизненных соков организма в характере человека [Гак 1999: 263] и определяющих тип его темперамента, наблюдаются во фразеологизме общей отрицательной оценки с компонентом **кровь** (*sangre*), обозначающим плохого человека: *ser una/ tener/ mala sangre* (букв. быть плохой кровью/иметь плохую кровь). Повышение температуры и кипение крови связаны с отрицательной эмоциональной оценкой, характеризующей сердитого, разозленного человека: *quemarse a alguien la sangre* (букв. гореть крови у кого-либо). Холодная кровь означает отсутствие эмоций, и фразеологизм *tener sangre de horchata* (букв. иметь кровь оршада – прохладительного напитка с миндалем) обозначает спокойного, бесстрастного человека. Черная желчь, находящаяся в печени и селезенке, влияет на характер человека, и фразеологизм *tener malos hígados* (букв. иметь плохую печень)

служит для отрицательной эмоциональной оценки злого, раздражительного человека, а положительная эмоциональная оценка веселого, радостного человека связана с необходимостью избавления от черной желчи: *no dar tormento el bazo* (букв. не мучиться селезенке) [Cantera Ortiz de Urbina 1983: 48].

Сердце во всех культурах считается средоточием ума и чувств. Соматизм «сердце» (его наличие или отсутствие, размер, характерные признаки) в составе испанских фразеологизмов может служить для выражения общей положительной оценки хорошего, доброго человека: *tener gran corazón* (букв. иметь большое сердце), *tener mucho corazón* (букв. иметь много сердца), *ser todo corazón* (букв. состоять из сердца), *tener un corazón de oro* (букв. иметь золотое сердце), для выражения положительной этической оценки храброго человека: *tener el corazón en su sitio* (букв. иметь сердце на своем месте), *tener bien puesto el corazón* (букв. иметь хорошо поставленное сердце), *hombre de corazón* (букв. человек с сердцем) и для отрицательной оценки плохого, жестокосердного человека: *no tener corazón* (букв. не иметь сердца), *tener el corazón de bronce/ de peña* (букв. иметь бронзовое сердце / сердце скалы).

Любопытно происхождение фразеологизма *tener pelos en el corazón* (букв. иметь сердце, заросшее волосами) – „быть плохим, жестоким человеком“. Согласно некоторым источникам, выражение основано на истории, рассказанной Плинием Старшим в 37 главе 11-ой книги «Естественная история». Во время 2-ой Мессенской войны греческий воин Аристомен, убивший триста спартанцев, был захвачен в плен, и когда вскрыли его тело, обнаружили, что его сердце было покрыто волосами [Buitrago Jiménez 2004: 767, https://esacademic.com/dic.nsf/sp_sp_dichos_refranes/2204/tener].

Анализ испанских фразеологизмов с соматическим компонентом показал, что их фразеологизация достигается прежде всего при помощи семантического рассогласования, заключающегося в несовместимости значений компонентов с позиции реальных предметных отношений [Гак 1977: 26-27; Кириллова 1986: 12], с нарушением следующих видов семантической валентности:

1. несовместимость употребления существительных соматической лексики с определениями из области абстрактной лексики: *cara de viernes* (букв. лицо пятницы), *sobaco ilustrado* (букв. просвещенная подмышка);

2. несовместимость употребления соматической лексики с существительными, обозначающими материал, вещество: *tener cara de ce-*

mento (букв. иметь цементное лицо) – „быть наглым“; *tener cara de vinagre* (букв. иметь уксусное лицо) – „быть унылым“; *tener el corazón de peña* (букв. иметь сердце скалы) – „быть плохим человеком“;

3. несовместимость соматической лексики, несущей сему неотторжимости, с глаголами, содержащими сему утраты, либо функционирующими с отрицанием: *perder la cabeza* (букв. потерять голову) – „сойти с ума, утратить рассудок“; *no tener corazón* (букв. не иметь сердца) – „быть бессердечным“;

4. несовместимость соматической лексики с количественными прилагательными и числительными: *tener mucho corazón* (букв. иметь много сердца) – „быть хорошим человеком“; *tener muchos hígados* (букв. иметь много печени) – „быть храбрым“; *de tres/cinco/pares de cojones* (букв. иметь три/пять пар гениталий) – „быть хорошим человеком“;

5. несовместимость соматической лексики с лексикой растительного мира: *tener cara de acelga* (букв. иметь лицо белой свеклы) – „быть бледным, изможденным“; *tener cara de haba* (букв. иметь бобовое лицо) – „быть глупым“.

Также характерным для моделирования соматических фразеологизмов является внешнее семантическое согласование, состоящее в переосмыслении исходного словосочетания, в абстрагировании от реальной ситуации [Гак 1977: 25; Кириллова 1986: 12-13]: *chuparse el dedo* (букв. сосать палец) – „быть глупым“; *rascarse la barriga* (букв. чесать живот) – „ленился“; *tener bigotes/ser de pelo en pecho* (букв. иметь усы/иметь волосы на груди) – „быть храбрым“. Такая омонимия наглядно показывает происхождение фразеологизма из нефразеологического словосочетания.

Отметим также семантическое несогласование, состоящее в опущении компонентов ФЕ [Гак 1977: 26; Кириллова 1986: 11-12], в частности, в утрате у соматизма обязательной адъективной валентности: *tener pestaña/pupila*, *tener cabeza* (букв. иметь ресницу, зрачок, иметь голову) – „быть сообразительным, умным“; *tener riñones* (букв. иметь почки) – „быть храбрым“; *tener cojones* (букв. иметь гениталии) – „быть храбрым“.

Важным механизмом создания оценочных фразеологизмов является семантическое сжатие или компрессия, возникающая за счет опущения лексических компонентов словосочетания. Однако количественное упрощение зачастую влечет за собой качественное осложнение, поскольку нарушение связи с общим значением приводит к семантическо-

му преобразованию подобных фразеологических единиц [Назарян 1981: 163]. Например, фразеологизм *tener cara de pascua(s)* (букв. иметь пасхальное лицо) – „быть веселым, радостным“ представляет собой свернутую структуру, которая может быть воспроизведена следующим образом: “*tener la cara tan alegre como la que tiene la gente durante la fiesta de Pascua*” (букв. иметь такое радостное лицо, как у людей во время празднования Пасхи). Фразеологизм *tener cara de aleluya* (букв. иметь лицо аллилуйи) – „быть радостным“ соотносится с развернутой структурой “*tener la cara tan apacible y placentera como la gente que asiste a las liturgias especialmente en tiempo de Pascua*” (букв. иметь лицо такое чистое и радостное, как у людей во время пасхальных служб, восхваляющих Бога возгласом «Аллилуйя!»), а фразеологизм *tener cara de viernes* (букв. иметь лицо пятницы) – „быть изможденным, грустным“ является компрессивным образованием от развернутого текста: *tener la cara tan triste y macilenta como la gente que observa la cuaresma los viernes* («иметь лицо такое грустное и изможденное, как у людей, которые соблюдают пост по пятницам»).

Проведенное исследование показало высокий оценочный потенциал испанских фразеологизмов с соматическим компонентом как вербальных знаков культуры, использующихся для выражения общих и частных положительных и отрицательных оценок человека, его внешних и внутренних качеств, особенностей его характера и поведения в контексте ценностной картины мира.

Литература

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.

Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). М.: Международные отношения, 1977.

Гак В.Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 260-265.

Гудков Д., Ковшова М. Телесный код культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007.

Зыкова И.В. Культура как информационная система: Духовное, ментальное, материально-знаковое. М.: ЛИБРОКОМ, 2015.

Кириллова Н.Н. Сопоставительная фразеология романских языков. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1986.

Ковшиова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М.: ЛИБРОКОМ, 2012.

Ковшиова М.Л. Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры. М.: Гнозис, 2015.

Красных В.В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКСПресс, 2001. С. 5-19.

Красных В.В. Психолингвокультурология как наука о человеке говорящем сквозь призму лингвокультуры // (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. И.А. Бубнова, И.В. Зыкова, В.В. Красных, Н.В. Уфимцева / под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2017. С.183-261.

Мед Н.Г. Оценочная картина мира в испанской лексике и фразеологии (на материале испанской разговорной речи). СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007.

Назарян А.Г. История развития французской фразеологии. М.: Высшая школа, 1981.

Телия В.Н. Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999.

Телия В.Н. От редактора // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 9-15.

Buitrago Jiménez A. Diccionario de dichos y frases hechas. Madrid: Espasa, 2004.

Cantera Ortiz de Urbina J. Refranes y locuciones del español y el francés en torno al bazo, el hígado, el corazón, los riñones // Cuadernos de Investigación. Filología. Tomo 1X. Fasc 1 y 2; mayo/diciembre de 1983., Logroño, 1983. P. 47-62.

Rioduero Diccionario. Símbolos. Madrid: Ediciones Rioduero, 1983.

N.G. Med (St.-Petersburg, Russia)

Saint Petersburg State University

THE SOMATIC CODE AS A WAY OF FORMATION OF EVALUATIVE MEANINGS IN SPANISH PHRASEOLOGY

The article studies the somatic code of culture in Spanish phraseology and its connections to the category of evaluation. The paper analyzes the types of evaluative

meanings in Spanish phraseologisms with the somatic components and the main mechanisms of evaluative phraseologization.

Key words: the Spanish language, phraseology, evaluation, somatisms, code of culture.

*А.Г. Минченков (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
alexey.minchenkov@gmail.com*

КУЛЬТУРНЫЕ КОННОТАЦИИ В ЗНАЧЕНИИ АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСЕМЫ *MIDDLE CLASS*

В статье с использованием данных из лексикографических источников и двух корпусов английского языка исследуется интерпретационный потенциал английской лексемы *middle class*. Выявляется набор актуализируемых в оценочном контексте культурно-специфичных признаков, составляющих коннотативный компонент значения указанной лексемы.

Ключевые слова: культурная коннотация, культурно-специфичный признак, вторичная интерпретация, оценочный контекст, интерпретационный потенциал.

Анализ языковых единиц, функций и категорий позволяет говорить о том, что язык выполняет не только когнитивную и коммуникативную функции, но также функцию интерпретации. Человек взаимодействует с окружающим миром и пропускает накопленные знания через своё индивидуальное восприятие мира, «через призму мнений и оценок, интерпретируя таким образом полученные знания и создавая вторичные смыслы» [Интерпретация мира 2017: 274]. Выделяются первичная и вторичная интерпретация. В результате первичной интерпретации образуются системы категоризации естественных объектов, наследуемые языком в виде систем лексических категорий и концептуально-тематических областей. Вторичная интерпретация направлена на уже существующие коллективные знания о категориях, и ее результатом оказываются новые знания об объектах и событиях мира, нередко знания оценочного характера. Основой для развития у языковых единиц вторичных значений и использования их в разных концептуально-тематических областях является аналогия в организации концептуально-тематических областей. При вторичной интерпретации ин-

терперирующая роль человека состоит в выделении определенных характеристик объектов и явлений действительности. Как пишет Н.Н. Болдырев, интерпретация, с одной стороны, опирается на существующее коллективное знание, а, с другой стороны, на индивидуальную концептуальную систему, т.е. носит субъективный характер [Болдырев 2012].

Вторичная интерпретация может происходить на разных уровнях языка. Перспективным направлением исследований является изучение вторичных смыслов на лексическом уровне. В этом отношении интерес представляет изучение интерпретационного потенциала лексических единиц английского языка, обозначающих классы английского общества, в частности, лексемы *middle class*. Под интерпретационным потенциалом мы, вслед за Е.В. Чистяковой, будем понимать способность лексических единиц «передавать смыслы для описания других концептуально-тематических областей» [Интерпретация мира 2017: 276]. Предпринятое нами исследование изначально основывалось на гипотезе о том, что концепты социальных классов могут содержать характеристики аналогичные характеристикам концептов, входящих в концептуально-тематическую область свойств людей. Исследование интерпретационного потенциала лексемы *middle class* проводилось на основе данных современных толковых и тезаурусных словарей и двух корпусов английского языка.

Интерпретационный потенциал лексических единиц конкретного языка является национально-специфичным. Языки различаются в отношении первичной интерпретации объектов и явлений окружающего мира, но еще больше, как отмечает В.Н. Телия, «по культурно-национальной самобытности тех ассоциаций, которые связывают предшествующий опыт с вновь накопленным и отображаемым ... в частности – в коннотативном компоненте значения» [Телия 1986: 105]. Один и тот же объект в разных культурно-языковых сообществах может быть оценен по разным признакам и с разных точек зрения [Там же]. О.А. Корнилов в этой связи пишет о свободе «национального ассоциативного мышления» [Корнилов 2003: 236]. Коннотативный компонент значения лексической единицы, или коннотация, определяемая как «семантическая сущность, узуально или окказионально входящая в семантику языковых единиц и выражающая эмотивно-оценочное...отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении в высказывании» [Телия 1986: 5], может быть результатом произвольной «работы эмоционально-оценочного компонента языкового

сознания этноса», а может обуславливаться реалиями национальной культуры [Корнилов 2003: 246]. Соответственно, лексические единицы языка могут различаться по степени мотивированности коннотаций [Там же: 236]. В случае, когда возникновение коннотации обусловлено реалиями национальной культуры, факт того, что конкретный признак или признаки становятся объектом оценки, отражает некие культурные ценности, соизмеримые со стандартом, принадлежащим определенной концептуальной картине мира. Стандарт выражает сложившиеся в обществе нормы представления о том, что хорошо и что плохо, что проявляется выше нормы, а что ниже нормы [Телия 1986]. При изменении стандарта во времени происходит переоценка культурных ценностей и, соответственно, содержание коннотативного компонента значения единиц, в той или иной мере отражающих культурные реалии, тоже меняется. Для обозначения коннотативного компонента значения, обусловленного культурными реалиями, В.Н. Телия использует термин «культурная коннотация» [Телия 1996].

Представляется, что названия социальных классов – это лексические единицы, которые изначально, на уровне первичной номинации, никак не связаны с оценкой или эмоциями. Так, согласно этимологическому онлайн словарю английского языка, термин *middle class*, возникший в 1766 году, понимался как “class of people socially intermediate between the aristocratic and the laboring classes” [Online etymology dictionary]. Современные толковые словари, как правило, определяют данный термин так же «неэмоционально»: *the people in a society who are not working class or upper class; business people, managers, doctors, lawyers, teachers are usually regarded as middle class* [CALD]. Как можно заметить, в приведенном описании отсутствует оценка: *middle class* определяется путем указания на его тождественность двум другим основным классам общества, а также путем перечисления профессиональных групп, входящих в него. Данные толковых словарей в целом свидетельствуют о том, что сочетание *middle class* относится к лексическим единицам, денотативный компонент значения которых не содержит оценки. Интерпретирующие функции такой единицы связаны с ее вторичными коннотативными значениями, которые, как пишет Н.Н. Болдырев, проявляются только в интерпретирующем и, как правило, оценочном контексте [Интерпретация мира 2017: 31], где в центре внимания оказывается не денотативный компонент, а «информация, выражающая отношение субъекта речи к описываемому обозначаемому» [Телия 1986: 18]. В данном случае выявление вторичных

значений представляет собой непростую задачу, для решения которой анализ по толковым словарям оказывается явно недостаточным. Следует отметить, что и многие примеры, содержащиеся в проанализированных нами корпусах английского языка, иллюстрируют употребление указанной лексической единицы в ее денотативном значении в не-оценочном контексте. В этих примерах единица *middle class* употребляется либо как составное существительное в единственном или множественном числе, либо как прилагательное в сочетании с другим существительным. Встречались, в частности, такие сочетания как *middle-class voters*, *middle-class areas*, *middle-class origins*, *middle-class group*, *middle-class households*, *middle-class jobs*, *middle-class professionals*, *middle-class status* [BNC], в каждом из которых интересующая нас лексическая единица указывала лишь на принадлежность к определенной социальной группе со свойственным ей статусом, уровнем дохода, условиями жизни и т.д. Встречались, однако, примеры и другого рода, указывающие на то, что *middle-class* обладает определенным интерпретационным потенциалом. Рассмотрим, в частности, сочетание *a family very middle class* [CCWB]. Наличие интенсификатора *very* перед единицей *middle class* в функции определения предполагает присутствие в сознании субъекта некоей шкалы, в рамках которой кто-то может быть в большей или меньшей степени *middle-class*, а также признаков, по которым коллективное национальное сознание категоризирует поведение или свойства как характерные для *middle-class*. Исходя из того, что коннотативный компонент значения интересующей нас лексической единицы очевидно обусловлен реалиями национальной культуры, мы, для полноты анализа, сочли необходимым обратиться к культурно-историческому контексту, в котором формировалось и развивалось понятие *middle-class*.

Как уже было отмечено выше, понятие *middle-class* впервые возникло в XVIII веке; однако, период расцвета английского среднего класса и его становления как политически влиятельного класса в обществе, как правило, связывают со временем правления королевы Виктории (1837-1901) [Strong 1996]. В этот период возникает набор ценностей Британского среднего класса, которые оказываются его отличительными признаками в сравнении с другими классами. Например, *aspiration* и *ambition* противопоставлялись довольству скромным жизненным уровнем и отсутствию стремления к всестороннему развитию, свойственным рабочему классу, а *hard work*, *self-discipline*, *responsibility* и *thrift* – расточительному и праздному образу жизни ари-

стократии и богемы. Кроме того, среднему классу, заинтересованному в стабильности общества и государственного устройства, было свойственно неприятие любых форм радикализма [Wikipedia], а также *personal independence* [BNC]. Представляется, что культурные коннотации, входившие в значение лексемы *middle class* на том этапе развития общества, определялись контекстом во многом в том смысле, что сильно зависели от того, к какому классу принадлежал субъект высказывания. Если это был представитель среднего класса, то коннотативный компонент значения включал одну из перечисленных выше характеристик с положительной оценкой. Для представителей других классов коннотативный компонент значения этой лексемы в оценочном контексте включал, вероятно, уже другие характеристики, и оценка могла быть негативной.

В процессе исторического развития Британского общества с начала XX века до сегодняшнего дня произошли большие изменения по нескольким направлениям. Викторианский средний класс лишился своих лидирующих позиций в обществе и влияния на общественное мнение в связи с развитием и постепенным усилением рабочего класса. Сам этот класс на сегодняшний день сильно изменился по сравнению с XIX веком, изменились и стали более размытыми критерии отнесения к среднему классу. Радикальные изменения в обществе привели к существенному изменению культурных ценностей. Наконец, английский язык стал глобальным, и на его картину мира оказывают влияние не только меняющиеся ценности и представления британского общества, но и ценности и представления представителей других англоязычных социумов. Все эти изменения неизбежно должны были привести к изменению в культурных коннотациях, ассоциируемых с лексемой *middle class*.

Составить перечень характеристик, ассоциируемых с интересующей нас лексемой, позволяет анализ статей отдельных толковых словарей, тезаурусных словарей и словарей синонимов [BT, CED, COD, LC, LLA, Oxford, Th]. При этом необходимо сделать две оговорки. Во-первых, при использовании толковых словарей вторичные смыслы выявляются, в основном, при анализе статей к прилагательному *middle-class*, а не к соответствующему существительному. Во-вторых, большое количество характеристик удалось выявить благодаря определению двух ключевых синонимов существительного *middle class* и прилагательного *middle-class* – единиц *bourgeoisie* и *bourgeois*, соответственно [BT]. Дополнительным подтверждением того, что *bourgeois* вос-

принимается как синоним *middle-class* является пример из одного их корпусов *bourgeois or middle class* [BNC]. Учитывая вторую оговорку, при анализе по словарям учитывались данные не только по лексеме *middle class*, но и по лексемам *bourgeoisie* и *bourgeois*. Рассмотрим выявленные в результате анализа характеристики. Чаще всего (6 словарей из 7) отмечается характеристика *materialistic*, предполагающая заботу лишь о материальных благах и отсутствие духовных интересов. За ней по количеству упоминаний (4 источника из 7) идет признак *conventional* и/или схожий с ним признак *traditionalist*. Три раза упоминаются характеристики, связанные с излишней заботой о внешне пристойном поведении и показной добродетелью, а именно *proper*, *correct* и *decorous*. К ним примыкает упомянутый один раз признак *prude*, определяемый как *showing an excessively modest or proper attitude, especially regarding sex* [CED]. По два раза упоминаются характеристики *conformist*, *conservative* и *philistine*. Последняя характеристика определяется словарем в виде *unreceptive to or hostile towards culture, the arts, etc.* [CED]. По одному разу встретились такие характеристики как *boring*, *old-fashioned*, *unadventurous*, *unimaginative*, *illiberal*, *mediocre* и *smug*. *Illiberal* определяется как *narrow-minded, prejudiced, intolerant*, а также *lacking in culture or refinement* [CED], *mediocre* как *average or ordinary* [CED], а *smug* как *excessively self-satisfied or complacent* [CED]. Важно отметить, что все отмеченные по словарям характеристики содержат в себе отрицательную оценку. Во многих случаях они сопровождались специальной пометой *derogatory* или *disapproval*.

Теперь на материале собранных данных двух корпусов (общее количество примеров – 149 в корпусе CCWB и 903 в корпусе BNC) рассмотрим, какие вторичные смыслы лексемы *middle class* может приобретать в контексте. Следует оговорить, что на данном этапе исследования анализировались только случаи употребления указанной лексемы в оценочных контекстах. Анализ показал, что в контексте происходит актуализация многих из выделенных ранее на материале словарей признаков, а также некоторых новых. Рассмотрим несколько примеров: (1) *Young Suburbia mothers today must work to maintain the outward appearance of comfortable middle-class lives* [CCWB]. Пример (1) описывает ситуацию, в которой героини стремятся сохранить в глазах окружающих видимость принадлежности к среднему классу. Поскольку цели героинь чисто материальные, на что указывает прилагательное *comfortable*, средний класс, к которому героини относились раньше и представителями которого хотят казаться теперь, ассоциируется

с признаком *materialistic*, а из-за их желания соответствовать определенному стилю и уровню жизни – также с признаком *conformist*. Те же признаки, на наш взгляд, актуализируются и в примере (2), описывающем схожую ситуацию: (2) *Bessy Berger will do anything to maintain an appearance of middle-class respectability* [CCWB]. Встречаются примеры, в которых определения, даваемые среднему классу или его образу жизни, содержат признак *conformist* или *materialistic* в своем денотативном значении: (3) ...*apparently conformist middle class couples* [BNC]; (4) *the acquisitive way of life will have operated amongst the middle class* [BNC].

Рассмотрим теперь пример (5): *It is a fundamental part of the paper's middle-brow, middle-income, Right-thinking, middle-class ethos* [CCWB]. В примере речь идет о том, что позиция газеты отражает взгляды среднего класса, который характеризуется как *middle-brow*, *middle-income* и *Right-thinking*. Первая и третья характеристики несут в себе оценку. Анализ контекста и данных толкового словаря [CED] подводит к выводу, что первая лексема актуализирует признаки *conventional* и *philistine*, а третья – *conservative*. Стоит отметить, что данный пример – не единственный случай, когда в качестве определений к *middle class* используются сложные слова с тем же первым компонентом (*middle*), что и у самой лексемы *middle class*. Среди оценочных определений такого рода помимо уже упомянутого встречалось также *middle-minded*, актуализирующее признак *mediocre*: (6) *Many Express readers identified with the couple middle-class, middle-minded, with a reasonable disposable income...* [CCWB]. В отношении других упомянутых выше характеристик стоит отметить, что признак *conservative* может актуализироваться и напрямую самим прилагательным *conservative*: *conservative middle class* [BNC], так же, как и признак *philistine* существительным *the philistines*: (7) *aristocratic families adopted the morality of Arnold's philistines, the middle class, in cultivating the sanctity of home* [BNC]. Важная характеристика Британского среднего класса, особенно актуальная в Викторианскую эпоху, связана с его уверенностью в себе, в своем материальном благополучии и в завтрашнем дне. Эта характеристика может обозначаться прилагательным *confident*, которое, как показал анализ, встречается в современном языке в контекстах с положительной оценкой, как, например, в сочетании *the socially confident middle class* [BNC]. Однако, в зависимости от субъекта оценки, она может меняться на отрицательную. То, что одному субъекту видится как уверенность в себе, другому субъекту может представляться как неприятная самоуверенность, что видно в следующем примере: (8) *That woman*

had been middle-class English with the poise, the facial set, the physical carriage, of her type [CCWB]. Наблюдающий за героиней субъект отмечает мимику ее лица, манеру держать себя, используя, среди прочего, лексику *poise*, означающую *assurance in movement or bearing* [CED], и делает комментарий, что все наблюдаемое типично для ее класса. Общая оценка героини больше негативная, чем положительная, и можно сделать вывод, что *middle class* ассоциируется для данного субъекта с уже упомянутым ранее признаком *smug*.

Анализ данных корпусов подтверждает также, что *middle class* ассоциируется с упоминавшейся ранее характеристикой *proper*. В этом отношении интересен пример, в котором *middle class* отождествляется с *genteel*, определяемым как *affectedly proper* [CED]: (9) *the values and standard of behaviour about which I am speaking are genteel or middle class* [BNC]. Были также отмечены случаи усиления отрицательной оценки применительно к этим характеристикам, когда представители среднего класса ассоциировались с лицемерно-показной добродетелью, желанием казаться почти святыми: (10) *There was considerable pressure for actions against them from a sanctimonious middle class* [BNC]; *the British middle-class Pharisee* [CCWB]. В таких случаях можно говорить об актуализации дополнительного признака *hypocritical*.

В корпусах были обнаружены подтверждения того, что коннотативный компонент значения *middle class* включает и другие из выделенных ранее признаков. Например, высказывание (11) *I mean you're talking about old middle class rather staid people* [BNC] актуализирует признаки *old-fashioned* и *boring*, что следует из словарного определения прилагательного *staid* [CED]. В примере (12) *middle class ideology of riskless hedonism* [BNC] слова *riskless* и *hedonism* актуализируют ассоциируемые с *middle class* признаки *unadventurous* и *materialistic*, соответственно. Рассмотрим еще один пример: (13) *pleasant and unpleasant, ... ugly and beautiful are essentially middle class notions* [BNC]. Речь в примере идет о двух противоположных, причем крайних, понятиях, и субъект утверждает, что такого рода понятия характерны для среднего класса. Другими словами, по мнению субъекта, представители этого класса не видят нюансов, а склонны выносить крайние суждения, делить мир на черное и белое. На наш взгляд, пример иллюстрирует ассоциирование *middle class* с признаком *unimaginative*.

Наконец, анализ данных корпусов позволил выделить дополнительные не отмеченные в словарях характеристики, ассоциируемые с *middle class*. К ним относится, во-первых, признак *privilege*, сопро-

вождаемый отрицательной оценкой, что иллюстрирует пример, в котором героиня размышляет о среднем классе: (14) *People who have never known anything but privilege and wealth ... and who, thanks to mummy's and daddy's connections, have had doors opened to them all their life* [CCWB]. Говоря о данном признаке, стоит обратить внимание также на сочетание *middle class perks* (=special benefits given to a particular group of people [CALD]) [BNC].

Еще одна важная отрицательная коннотация, ассоциируемая с *middle class*, выявляется в следующих двух примерах: (15) *...they are also the ones who we see every day working hard to ensure that their class is protected and cushioned when times get tough*; (16) *they've always got a safety net* [CCWB]. Ассоциируемый с *middle class* признак, актуализируемый данными примерами, можно было бы обозначить как *secure*, но, учитывая негативный характер коннотации, представляется более точной характеристика *sheltered*.

Помимо упомянутой выше характеристики *confident* были выделены три признака *middle class* с положительной оценкой – *honest*, *hard-working* и *respectable*, что иллюстрируют следующие примеры: (17) *honest, hard-working, middle-class boy* [CCWB]; (18) *We are just hard-working, middle-class people* [CCWB]; (19) *We were respectable Home Counties middle class* [BNC]. Во всех такого рода случаях высказывания принадлежат представителям среднего класса.

Подведем итоги. Наше исследование подтвердило наличие в коннотативном компоненте значения лексемы *middle class* целого ряда культурно-ориентированных вторичных смыслов. Были выделены следующие признаки, с которыми упомянутая лексема может ассоциироваться в интерпретирующем контексте: *materialistic, conformist, conventional, philistine, conservative, mediocre, smug, proper, hypocritical, old-fashioned, boring, unadventurous, privilege, sheltered, honest, hard-working, confident*. В большинстве оценочных контекстов лексема *middle class* употребляется с негативной оценкой. Исключения составляют случаи, когда актуализируются признаки с положительной оценкой: *honest, hard-working, confident, respectable*.

Литература

Болдырев Н.Н. Категориальная система языка // Когнитивные исследования языка. 2012. Вып. X. С. 17-120.

Интерпретация мира в языке. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017.

Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.

BNC – British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/>

BT – Bloomsbury Thesaurus. London: Bloomsbury Publishing Ltd., 1993.

CALD – Collins Cobuild Advanced Learner’s Dictionary. Glasgow: Harper Collins Publishers, 2006.

CCWB – Collins Cobuild Advanced Learner’s English Wordbank. HarperCollins, 2006.

CED – Collins English Dictionary. Glasgow: HarperCollins Publishers, 1995.

COD – Collins Online Dictionary. URL: <http://www.collinsdictionary.com>

LC – Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman, 1993.

LLA – Longman Language Activator. Harlow: Longman, 1996.

Online etymology dictionary. URL: <http://www.etymonline.com>

Oxford – Oxford Learner’s Thesaurus. A Dictionary of Synonyms. Oxford: Oxford University Press, 2008.

Strong R. The Story of Britain. London: Hutchinson, 1996.

Th – Thesaurus.com. URL: <http://www.thesaurus.com>

Wikipedia – English Wikipedia. URL: <https://en.wikipedia.org/>

A.G. Minchenkov (St.-Petersburg, Russia)

St.-Petersburg State University

CULTURAL CONNOTATIONS IN THE MEANING OF THE ENGLISH LEXEME *MIDDLE CLASS*

Using the data from lexicographic sources and two English language corpora, the article explores the interpretative potential of the English lexeme „middle class”.

A number of culture-specific characteristics are identified that make up the connotative component of the lexeme's meaning and are expressed in evaluative contexts.

Key words: cultural connotation, culture-specific characteristic, secondary interpretation, evaluative context, interpretation potential.

Е.О. Опарина (Москва, Россия)

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской Академии наук (ИНИОН РАН)
ellenoparina@gmail.com*

КУЛЬТУРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В ДЕТЕКТИВНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ: НА ПРИМЕРЕ РОМАНА А. КРИСТИ «СКРЮЧЕННЫЙ ДОМИШКО»

В статье анализируются способы презентации культурной информации в тексте, относящиеся к жанру классического английского детектива. Показано, что языковые и текстовые единицы, актуализирующие в романе фрагмент представлений об «английском vs. неанглийском», декодируются через ассоциации с эксплицитно выраженными в идиомах и пословицах предписаниями английской культуры, что требует от читателя культурно-языковой компетенции.

Ключевые слова: культурная информация; культурно-языковая компетенция; предписания (предписания) культуры; пословицы и идиомы; культурные ассоциации; детективный жанр.

Одна из работ Вероники Николаевны Телия начинается словами: «Сама возможность постановки проблемы о взаимодействии языка и культуры, в частности о коррелятивном взаимоотношении единиц фразеологии и концептосферы культуры, в какой бы версии лингвокультурологического анализа она ни выдвигалась, исходит из допущения о высокой вероятности способности субъектов языка как субъектов культуры воплощать в речемыслительной деятельности знания, принадлежащие этой сфере осознания мира человеком» [Телия 2004: 19]. Эта способность субъектов языка, которые являются и субъектами культуры, обозначается в концепции Вероники Николаевны как культурно-языковая компетенция и определяется следующим образом: «это способность носителей языка оязыковлять и воспринимать в коммуникативной деятельности мир на основе языковой компетенции, presupпозицией для которой является владение культурой – осоз-

нанное или коренящееся в глубинах бессознательного» [Там же: 24]. Фрагменты культурной информации, воплощенные в языковых единицах, часто (по выражению Вероники Николаевны – «чаще всего» [Там же: 19]) являются сокровенными. То есть они могут воплощаться говорящим или пишущим неосознанно, быть скрытыми от поверхностного наблюдения и открываться только в результате деятельности, направленной на «извлечение» культурных смыслов – при наличии у субъекта языка соответствующей культурно-языковой компетенции.

Вероника Николаевна подчеркивала, что исследования, проводимые в области лингвокультурологии и направленные на выявление корреляций между «языком» культуры и языковой семантикой, не могут ограничиваться фразеологией и лексическими номинациями. Корреляции языка и культуры сохраняются в дискурсивных практиках, а значит, они по-своему проявляются в текстах, принадлежащих к разным дискурсам и жанрам.

В «Словаре лингвокультурологических терминов» термин «культурная информация» определен следующим образом: «Сведения о процессах и продуктах самопознания человечества на всех этапах его развития; форма осознания мира. Понятие культурно значимой информации связано с главным в самопознании – с выделением из всего существующего общечеловеческих ценностей и тех ориентиров, которые выстраивают иерархию ценностей в конкретной культуре на том или ином этапе ее развития у того или иного народа в ту или иную эпоху. Человек, владеющий культурно значимой информацией, владеет ценностным кодом, ориентирующим его в эмпирической, социальной, интеллектуальной и духовной сферах» [Ковшова, Гудков 2017: 55-56].

В текстах культурная информация может быть «рассеяна» по текстовому пространству, при этом культурные смыслы выражаются не только прямо, но также имплицитно – через слова, обороты или текстовые фрагменты, которые могут не являться эксплицитными языковыми носителями этих культурных смыслов, но быть ассоциативно связаны с ними.

В этой статье мы пытаемся проанализировать способы презентации культурной информации в одном из англоязычных текстов, принадлежащих к жанру массовой художественной литературы – жанру классического английского детектива. Это роман А. Кристи «Скрюченный домишко» (Agatha Christie, “Crooked house”). Мы стремимся показать, что культурные смыслы, относящиеся к определенному

фрагменту культурных знаний (а именно к противопоставлению «английское vs. неанглийское»), присутствуют в тексте данного детективного романа, и их присутствие не является эпизодическим или случайным. Эта тема варьируется в разных концептах и прескрипциях, при этом автор не делает ее основанием для односторонних оценочных выводов, соответствующих стереотипным воззрениям.

Заглавие романа воспроизводит выражение из прецедентного для английской культуры текста, а именно из детского стихотворения, относящегося к жанру “nursery rhyme”: “*There was a crooked man and he went a crooked mile // He found a crooked sixpence beside a crooked stile. // He had a crooked cat which caught a crooked mouse, // And they all lived together in a little **crooked house***” (текст приводится по изд. [Christie 2017: 22]). Автор этого стихотворения неизвестен, впервые оно было опубликовано в: [Halliwell 1842: 30; см. также *There Was a Crooked Man*. Электронный ресурс].

При чтении романа мы обратили внимание на то, что в него с самого начала вводится тема инокультурности, тема 'свое vs. чужое'. При этом способы ее репрезентации отличаются от способов, типичных для тех произведений А. Кристи и их экранизаций, в которых главным персонажем является Эркюль Пуаро. Например, в популярном многосерийном телефильме «Пуаро Агаты Кристи» (“Agatha Christie's Poirot”, сериал выпускался в 1989-2013 гг., компаниями: LWT, Granada Productions, ITV Productions и др.) иностранное происхождение главного героя проявляется обычно в языковых ошибках, в принадлежности к католической религии, в нетипичных для англичан манерах и вкусах. Такие знаки инокультурности чаще всего выражены эксплицитно и представлены на поверхности текста в виде отдельных «казусов», вызывающих коммуникативные неудачи при общении Пуаро с англичанами.

В «Скрюченном домишке» культурные знаки, объединенные темой «английское vs. неанглийское», вводятся иначе и выполняют иную функцию: они участвуют в конструировании характеров персонажей и сюжета, в создании загадки, в характерной для классического английского детектива игре автора с читателем. Культурная информация выражена в основном не прямо, но через ассоциации упоминаемых явлений с эксплицитными прескрипциями культуры. При этом в интерпретации самого автора нет однозначного противопоставления: «английское – хорошо, неанглийское – плохо», нет также предопределенности финала этой оппозицией. Однако ассоциации, связанные

с представлениями об «истинно английском», с установками английской культуры, обязательно должны возникнуть у читателя, обладающего необходимой культурно-языковой компетенцией.

Тему инокультурности можно рассматривать как важную для произведения уже потому, что в центр детективной интриги поставлена семья, главой которой является богатый предприниматель по имени Аристид Леонидес – грек по происхождению. В молодости он иммигрировал в Англию и сумел сделать в этой стране огромное состояние благодаря необычайной деловой хватке и харизматичности. Сюжет строится вокруг расследования насильственной смерти 87-летнего Леонидеса. При этом мотивы английского – неанглийского подаются автором в начале романа, по мере знакомства с жизнью семьи, как бы направляя ход мысли читателя в определенное русло и предлагая следующий ход рассуждений: а не подозрительны ли отступления от традиционных английских устоев и традиций, не являются ли они причиной преступления?

Рассмотрим, как представлена информация, относящаяся к этой теме, в тексте.

1. **My house is my castle.**

Символика дома как семейного очага и пространства неприкосновенной личной жизни воплощена в известной поговорке *My house (home) is my castle / An Englishman's house (home) is his castle* «Мой дом – моя крепость» / «Дом англичанина – его крепость» (букв. замок). Эта поговорка служит эксплицитной установкой культуры, или ее прескрипцией [Ковшова, Гудков 2017: 130-131]. Вероятно, это главное, ключевое средство выражения данной установки, однако существует целый ряд других, поддерживающих и подтверждающих ценность дома в сознании носителя английской культуры. В этих паремиях 'дом' представлен обычно как 'домашний очаг', что выражается лексемой *home*. Например: *East or West – home is best* «Запад ли, Восток ли – дом лучше всего»; *There is no place like home* «Ни одно место не сравнится с домом»; *Home is home, though it be never so homely* «Дом есть дом, даже если он и не очень уютный» (здесь и далее перевод мой – E.O.) [eng.goodspot.ru Электронный ресурс].

В тексте романа в эксплицированном виде эта установка не присутствует. Однако концепт 'дом' вынесен в заглавие произведения и развивается в тексте. Уже в заглавии проявляется мотив нарушения традиционных установок и позитивных ценностей культуры. Дом семьи Леонидес характеризуется как *crooked* – «кривой», «искривлен-

ный», „косой“, то есть 'не-прямой' и потому неправильный. Значение слова *crooked* отсылает к архетипической оппозиции 'прямой' – 'кривой', которая принадлежит не только английской культуре и несет непредметный оценочный смысл. Однако в данном случае ощущение несообразности, как объясняет один из персонажей романа, участвующий в расследовании, возникает на предметном уровне – из-за внешнего вида строения. Оно воспроизводит архитектуру английского коттеджа, но никак не соответствует ему по своим огромным размерам: “*It was the type, really, of a cottage, it was a cottage swollen out of all proportions. It was like looking at a country cottage through a gigantic magnifying-glass*” [Christie 2017: 26]. – «Он [дом] был построен по типу коттеджа, но это был коттедж, раздутый до невероятных размеров. Как будто смотришь на деревенский коттедж через гигантское увеличительное стекло». Таким образом, строение воспринимается как нелепая имитация типичного английского дома – коттеджа, то есть как профанация английских традиций. Причина – своеобразный вкус хозяина-миллиардера, который через архитектуру дома стремился одновременно и продемонстрировать богатство и статус, и заявить, что он в Англии «свой». В тексте этот фрагмент культурной информации поддерживается также обыгрыванием пословицы о доме-замке, как буквально говорится в пословице *My house (home) is my castle*: “*Yet I got the idea. It was a Greek restaurateur's idea of something English. It was meant to be an Englishman's home – built the size of a castle*” [Ibid: 26]. – «И все же я понял, в чем дело. Это было представление грека-владельца ресторанов о чем-то английском. Это было задумано как дом англичанина, но в размерах замка». Обладающий культурно-языковой компетенцией читатель в связи с упоминанием необычной архитектуры дома-коттеджа также вспомнит английскую поговорку *Love in a cottage* (букв. любовь в коттедже), соответствующую русской поговорке «С милым рай и в шалаше». Она в данном случае может восприниматься только иронически, но тем не менее имеет отношение к сюжету: в этом доме его богатый хозяин действительно счастливо жил в первом браке.

Таким образом, в тексте в нескольких вариантах присутствуют фрагменты, которые выводят культурную интерпретацию и интерпретацию текста на определенную прескрипцию культуры. Через эту прескрипцию может осуществляться понимание смыслов тех языковых единиц и фрагментов текста, которые, присутствуя в тексте, с этой прескрипцией ассоциируются и ее варьируют. Подобный принцип

ввода культурной информации в исследуемый текст проявляется и при анализе других знаков культуры.

2. Fair play.

Принцип 'честной игры', или 'игры по правилам', который следует соблюдать в деловых отношениях – в англосаксонском менталитете также одна из важных культурных установок. Данная идиома, основанная на спортивной метафоре, является эксплицитным выражением этой установки. Характеристика Аристиды Леонидеса дается без упоминания идиомы *fair play*, однако она может рассматриваться как фон для оценки этого персонажа. Хозяин дома явно не был привержен данному принципу. Говорит полицейский инспектор: “*He was always a twister*” [Christie 2017: 16]. – «Он всегда был лгуном (обманщиком)»; “*He's cleaned up a packet that way even in this last war, and old as he was*” [Ibid: 17]. – «Он нажил доход даже во время последней [Второй мировой] войны, хотя был уже очень стар». Но характеристика Аристиды Леонидеса, данная полицейским, всё же содержит нюансы. Они объясняются через различие в оттенках значений однокоренных слов: *crook* („прямой мошенник“) и *crooked* („нечестный человек“, возможное соответствие в русском языке – «скользкий тип»): “*You mean he was a crook?*” I asked. Taverner shook his head. “*No, I don't mean that. Crooked, yes – but not a crook*” [Ibid: 16]. – «Ты хочешь сказать, что он был мошенник?» – спросил я. Тавернер покачал головой. – «Нет, я не это имею в виду. Да, он был нечестный, но не мошенник». Далее характер деятельности Леонидеса поясняется через неоднозначное соответствие этой деятельности закону: он никогда не совершал ничего, прямо нарушающего закон (“*Never anything outside the law*”), но почти всегда действовал как бы «вокруг закона» (“*the ways you can get round the law*”). Отметим, что эта характеристика также ассоциируется с архетипом 'прямой – кривой' (*round the law*) и коррелирует со значениями лексем *crook* и *crooked*.

3. Privacy.

„Privacy“ – культурный концепт, вербализующий традиционный английский принцип права на неприкосновенную частную жизнь. Подразумевается, что для взрослого человека такая жизнь должна быть самостоятельной. Эта установка также входит в противоречие с образом жизни семьи, который был введен Леонидесом-старшим и который значительно ближе к патриархальному, чем к принятому в Англии. В доме вместе с пожилым отцом живут: два его взрослых сына со своими семьями, включая внуков разного возраста, его моло-

дая жена и сестра его первой жены. Частично это следствие обстоятельств, но не только в них дело: таковы были убеждения главы семьи, и остальные так или иначе следовали им. Вот как определяет ситуацию 23-летняя внучка Аристиды Леонидеса София (Sophia): “*The war and blitzes have brought that about – but I don't know... perhaps **spiritually** the family has always lived together – **under my grandfather's eye and protection**” [Christie 2017: 4]. – «Так получилось из-за войны и авианалетов, но не знаю... возможно, в духовном смысле члены семьи всегда жили вместе, под опекой и защитой деда». Леонидес был щедр к семье, содержал финансово и при необходимости выручал не очень преуспевших в делах сыновей (*under his eyes and protection*), но он и жестко контролировал членов семьи. Это обстоятельство стало одной из причин трагической развязки.*

4. Ruthlessness.

Ruthless – „безжалостные“, „жестокие“, „бесчеловечные“. Словарная дефиниция значения: “**1** (of a person or their behaviour) showing no human feelings; without pity or forgiveness” [Longman dictionary of contemporary English: Spec. ed. = Словарь современного английского языка 1992: 919].

Этим словом характеризует семью София. Ее жених частным образом участвует в расследовании, и девушка откровенно рассказывает ему о своих опасениях, отмечая, что каждый из членов семьи по своему обладает этим качеством: “*You see, we're a very queer family... There's **a lot of ruthlessness** in us – and – **different kinds of ruthlessness**. That's what's so disturbing. The different kinds*” [Christie 2017: 19]. – «Понимаешь, мы очень странная семья. В нас много жестокости, и при этом разных видов жестокости. Это и тревожит. Разных видов». У читателя может возникнуть соблазн связать это свойство, следуя стереотипу восприятия южных темпераментов и обычаев, с этническим происхождением семьи. Такой вариант свойства *ruthlessness* действительно в семье присутствует, прежде всего это относится к самому Аристиду Леонидесу: “*Once when he was telling us about his boyhood in Smyrna, he mentioned, quite casually, that he had stabbed two men. It was some kind of a brawl – there had been some **unforgivable insult**... But it was, somehow, such a queer thing to hear about, quite casually, in England*” [Ibid.: 29-30]. – «Однажды, когда он нам рассказывал о своей юности в Смирне, он мимоходом упомянул о том, что заколол кинжалом двух человек. Там была какая-то ссора, ему нанесли оскорбление, которое нельзя было простить... Но всё же было очень странно, что об

этом так просто говорится здесь, в Англии». Однако в семье есть и другие варианты этого качества, более ассоциирующиеся с британскими типажам, особенно из имперских времен: “*And then there was my grandmother... I think she might have had the ruthlessness that comes from having no imagination whatever. All those fox-hunting forebears – and the old Generals, the shoot-'em-down type. Full of rectitude and arrogance, and not a bit afraid of taking responsibility in matters of life and death*” [Ibid: 30]. – «Потом моя бабушка... Я думаю, что у нее могла быть жестокость, которая возникает из-за полного отсутствия воображения. Все эти ее предки, охотившиеся на лис, обладатели медалей за военную службу – все те, кто запросто стреляет. Полные сознания своей правоты и высокомерия, нисколько не боящиеся брать на себя ответственность в делах жизни и смерти». *Generals* – разговорное обозначение британских медалей за военную службу, учрежденных в начале XX в., в название которых входит это слово: General Service Medal «За службу», Naval General Service Medal «За службу во флоте», African General Service Medal «За службу в Африке» [Великобритания: Лингвострановедческий словарь 1980: 26, 181, 293]. Таким образом, это наименование британской реалии ассоциируется с идеей армейской службы и свойственными ей приоритетам долга и непримиримости по отношению к «врагам». Представлен еще один образец этого свойства: “*And there's Clemency, Uncle Roger's wife. She's a scientist – she's doing some kind of very important research – she's ruthless too, in a kind of cold-blooded impersonal way*” [Christie 2017: 30]. – «И Клеменси, жена дяди Роджера. Она занимается наукой, ведет очень важное исследование. Она тоже по-своему жестока – хладнокровная и бесстрастная». В данном случае свойство жесткости, обезличенной объективности связывается не с английскими традициями, а с профессией ученого-естественника, однако можно найти и ассоциацию с национально-культурным стереотипом. Понятие 'ruthlessness' близко по семантике понятию 'firmness' – 'твердость'. В языке слова *ruthless* и *firm* пересекаются по значению: „твердый“ – одно из значений слова *ruthless*. Твердость, упорство в следовании своим принципам – черта, приписываемая англичанам: идиома *(to keep) stiff upper lip* – „(сохранять) твердость духа“ (букв. неподвижная / застывшая верхняя губа) выступает как языковой символ этого свойства. Жесткость и жестокость могут рассматриваться как негативная сторона этого качества и пониматься читателем как доказательство способности совершить преступление.

Подведем итог. В тексте романа А. Кристи «Скрюченный домишко» (“Crooked House”) присутствуют культурные смыслы, связывающие его содержание с представлениями об «истинно английском», а также о противоположном английскому – «чужом». Нельзя утверждать, что данная тема является главной и определяет развязку. Однако языковые знаки и текстовые фрагменты, несущие связанную с этой темой культурную информацию, участвуют в развитии сюжета и характеров. При этом они как бы «подсказывают» направление, по которому движется мысль читателя в попытке предсказать ход событий и развязку. Они, как правило, не выражают прямо прескрипций культуры, однако связаны с ними через ассоциации, и совокупность этих знаков создает в тексте определенное поле культурного смысла «английское vs. неанглийское».

Культурная информация, введенная таким образом в текст детектива, представляет собой форму игры автора с читателем, но одновременно это и «информация к размышлению» о роли стереотипных воззрений, о степени их соответствия реальному положению дел. Это дает основание говорить о том, что от читателя требуется активизация культурно-языковой компетенции и способность к переосмыслению привычных понятий.

Литература

Великобритания: Лингвострановедческий словарь: 9500 единиц / под ред. Е.Ф. Рогова. Изд. 2-е. М.: Рус. язык, 1980.

Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2017.

Телия В. Н. Культурно-языковая компетенция: Ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки славянской культуры, 2004. (Studia philologica).

Christie A. Crooked House. London: HarperCollins/Publishers, 2017.

Halliwel J.O. The nursery rhymes of England: Col. principally from oral tradition. London, 1842.

Longman dictionary of contemporary English: Spec. ed. = Словарь современного английского языка: Спец. изд. В 2 т. М.: Рус. язык, 1992. Т. 2.

E.O. Oparina (Moscow, Russia)

*Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences
(INION RAN)*

CULTURAL INFORMATION IN A DETECTIVE NOVEL: ON THE EXAMPLE OF A. CHRISTIE'S "CROOKED HOUSE"

The article analyzes the ways of presentation of cultural information in a classic English detective story. The research carried out shows that linguistic and text units actualizing the presentation of the concept 'English vs. non-English' in the text can be decoded via associations with the prescriptions of the English culture explicitly expressed in the idioms and proverbs, which makes it necessary for the reader to have cultural and language competence.

Key words: cultural information, cultural and language competence, prescriptions of culture, cultural associations, proverbs and idioms, detective genre.

T.B. Радбиль (Ни́жний Новгород, Россия)

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет имени Н.И. Лобачевского
timur@radbil.ru*

«КУЛЬТУРНЫЙ ФОН» КАК ИМПЛИЦИТНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В СЕМАТИКЕ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ

В статье на новом исследовательском материале развиваются некоторые, сформулированные ранее положения автора о методах обнаружения и лингвистической интерпретации «культурного фона», стоящего за культурно-значимыми единицами русского языка (*человек, характер, лицо* и пр.), которые основаны на анализе культурных коннотаций во фразеологизмах, в особенностях свободной сочетаемости этих слов и в некоторых моделях узальной деривации с их участием.

Ключевые слова: «культурный фон», культурная коннотация, имплицитная культурно-значимая информация в языке, фразеологические единицы, лингвокультурология, русский язык.

Введение

В работе на новом исследовательском материале развиваются некоторые, сформулированные ранее, в работах [Радбиль 2016а и 2016б],

положения о методах выявления имплицитных культурных компонентов в семантике единиц языка, формирующих так называемый «культурный фон». Согласно В.Н. Телия, большинство языковых значений так или иначе соотнесены с тем или иным культурным кодом, который как-то «вычитывается» в словах и выражениях естественного языка в речевой практике этноса [Телия 1996: 219 и далее]. В этом плане важно, что, по мысли В.Н. Телия, во многих единицах языка культурно-значимая информация репрезентируется не прямо, а на имплицитном, в частности – на коннотативном уровне [Там же: 235]. Культурный компонент в семантике языковых знаков в имплицитном виде присутствует в таких выделяемых В.Н. Телия единицах – выразителях культурно значимой информации, как **культурная коннотация** и **культурный фон** [Телия 1994: 14-15], которые, при всей очевидной имплицитности, все же как-то регулярно и ожидаемо считаются носителями языка в их речевой практике [Ковшова 2013; Радбиль 2016b].

Следовательно, мы можем, с одной стороны, постулировать наличие неких лингвистических и культурных механизмов рецепции коннотативной и фоновой культурно-значимой информации у носителей языка, которые являются частью их языковой и культурной компетенции, а с другой стороны, построить адекватную указанным механизмам процедуру их выявления на разных участках языковой системы и ее речевой реализации, контуры которой как раз и намечены в пионерских работах В.Н. Телия.

В настоящей работе обсуждаются возможные пути научной активации наименее вербализованного культурного компонента в семантике языковых единиц, а именно – «культурного фона». Цель исследования – продемонстрировать механизмы выявления и лингвистической интерпретации «культурного фона», стоящего за некоторыми культурно-значимыми единицами русского языка (лексемы *человек, душа, характер, лицо, сердце* и др.) посредством анализа культурных коннотаций, выявляемых во фразеологических единицах с указанными компонентами, в особенностях моделей свободной сочетаемости этих слов и моделей узуальной деривации.

Предполагается, что «указанные неявные, скрытые, имплицитные смыслы могут быть обнаружены с помощью анализа синтагматики (т.н. репрезентативных контекстов), парадигматики (неузуальных квазисинонимических, квазиантонимических, гиперо-гипонимических, партитивных и иных отношений), деривационного потенциала, прагматических условий реализации и пр.» [Радбиль 2016а: 53].

Материалом исследования являются данные толковых словарей русского языка [БАС 1950-1965], а также Национальный корпус русского языка [НКРЯ] как репрезентативный источник текстовых примеров.

1. Лингвистические признаки «культурного фона» и возможный научный инструментарий его обнаружения

Как уже было сказано раньше, «культурный фон» представляется наименее проявляющим себя культурным компонентом в семантике языковых единиц, его имплицитность более глубокого «уровня залегания», и в силу этого возникает проблема, так сказать, его лингвистической определенности. В наших работах «культурный фон» трактуется как «некое синкретичное, нерелефное и неverified содержание ассоциативной природы, некая смысловая тональность или аура высказываний или даже целых фрагментов дискурса, присутствие которых неявным образом ощущается в коммуникативной среде этноса» [Радбиль 2016а: 53]. Это то, о чем говорящие, скорее всего, даже и не подозревают, это та информация, которая стоит за языковыми привычками коллектива говорящих на языке, которая даже, возможно, «зашифрована» и реконструируется только специальными методами анализа, по косвенным признакам.

Но при этом представляется, что научное понятие «культурного фона» все же можно как-то формализовать. Мы отталкиваемся от определения В.Н. Телия: «... культурный фон – не входящие в собственно значение культурно маркированные ассоциации, проявляющиеся в дискурсе» [Телия 1994: 14]. Источником подобных ассоциаций являются культурные коннотации, которые обнаруживаются во внутренней форме слова или фразеологизма, согласно [Телия 1996], а также, если трактовать коннотации в духе работ Ю.Д. Апресяна, во вторичных, переносных значениях слов [Апресян 1995: 159-160] и вообще – в сфере «языковой облигаторности», которую составляют «регулярные модели словообразования или грамматические модели и конструкции, в которых можно видеть рефлекс культурно-значимых представлений, установок или ценностей» [Радбиль 2016а: 53].

При этом «культурный фон» и культурные коннотации находятся в отношении *общее – особенное* и могут быть разведены следующим образом. Культурная коннотация – это устойчивый культурный компонент в семантике отдельно взятой единицы, который может в рамках обыденной коммуникации и не осознаваться говорящими, но при определенных условиях он актуализуется в дискурсе (в поэзии, в риторике

ческой коммуникации, в фонде устойчивых выражений и пр.). Типологическое сходство ряда культурных коннотаций, отраженное в некоем предельно общем ассоциативном представлении, которое обнаруживается на разных участках языковой системы, номинативно и денотативно не соотносимых друг с другом и отражающих разные предметные области и смысловые сферы, формируют то, что можно именовать «культурным фоном». В этих случаях присутствие «культурного фона» можно установить посредством комплексного внутриязыкового или межъязыкового сопоставления проверяемых явлений с явлениями подобного типа, у которых искомым культурных «фоновых» ассоциаций не фиксируется.

В настоящей работе мы остановимся только на методике обнаружения «культурного фона» посредством внутриязыковых сопоставлений. В наших работах [Радбиль 2016а, 2016б] были выявлены приметы «культурного фона», стоящего за духовными абстрактными понятиями в русской языковой картине мира, который отражает специфическую черту устройства мира ценностей этноса – а именно восприятие нормы не как среднего показателя на шкале ценностей, а как положительного полюса на шкале ценностей: иными словами, норма – это умный, а не «средний член» между умным и глупым, как это имеет дело в случае с внеоценочными, параметрическими явлениями.

Поясним сказанное на примере слова *душа* [БАС-3 1954], предположительно обладающего повышенной ценностной маркированностью, в сопоставлении, например, со словом *нос*, таковой значимостью не обладающим. Тогда наличие фонового представления о соответствии нормы положительному полюсу на воображаемой «шкале ценностей» будет выражаться в репрезентативных контекстах употребления данного слова. Слово *душа* в зоне именно своего культурно-коннотативного компонента семантики по умолчанию в ряде контекстов употребления будет означать не просто наличие души (которая по определению наличествует у всех одушевленных существ), а, так сказать, наличие «хорошей» (т.е. доброй, справедливой и пр.) души. Например, в контексте *У нее есть душа* (или в антитетическом употреблении *У нее нет души*) выражается идея не о наличии или отсутствии души, но о наличии положительно оцениваемых душевных качеств (доброта, сочувствие, милосердие, щедрость и пр.). Для лексем, не имеющих подобного «культурного фона», утвердительное употребление будет аномальным, тавтологичным (*У нее есть нос звучит в экстенциональ-

ном контексте довольно странно), а отрицательное употребление будет просто констатировать отсутствие данного объекта (*У нее нет носа*).

Устойчивость, а следовательно, и культурную значимость для говорящих выявленного ценностно-маркированного представления можно верифицировать на других участках языковой системы, а именно – в определенных словообразовательных моделях. В работах [Радбиль 2016а и 2016б] указано, что в русском языке имеется любопытная словообразовательная модель префиксально-суффиксального образования прилагательных от существительных ментальной, эмоциональной, этической или ценностной семантики: *безумный, бездушный, бесхарактерный, бессердечный, бессовестный* и пр., словообразовательное значение которой отличается от слов, образованных по этой же модели от существительных «недуховной» природы: *безрукий, безногий, безносый* и пр. Так, прилагательные типа *бездушный, бесхарактерный* и др. означают не отсутствие души, характера и др. вообще, а отсутствие «хорошей», «правильной» души, характера, т.е. плохое качество души, характера и др., в рамках системы ценностей этноса. Аналогично *безумный* – не обозначает ‘отсутствие ума’, а обозначает отсутствие ‘правильного’, «нормального» ума. Наличие данного «культурного фона» верифицируется в рамках внутриязыкового сопоставления указанных производных прилагательных с прилагательными, образованными по этой же модели на базе существительных, обозначающих «физические» объекты, сущности или явления, словообразовательная семантика которых как раз включает представление об отсутствии объекта, названного исходным существительным: *безногий* – ‘без ног или без ноги’, *безносый* ‘без носа’ и пр.

Нетрудно видеть, что культурная коннотация для слова *душа* (‘хорошая, ‘правильная’, т.е. соответствующая некому идеалу душа’) вполне вписывается в очерчиваемые данной словообразовательной моделью ценностно значимые представления. Если мы обнаружим еще какие-либо единицы данной или близкой предметной области, которые имеют схожие культурные коннотации в аналогичных условиях, мы можем постулировать и наличие определенного «культурного фона», в формировании которого участвуют данные культурные коннотации.

Интересно в этом плане слово *мозг* (особенно во множественном числе – *мозги*), во вторичных метонимических употреблениях обозначающее ‘ум’ [БАС-6 1957]. Последовательно «прокрутим» его по выявленным нами условиям употребления на предмет верификации схожей культурной коннотации. В выражениях *У него есть мозги / У него*

нет **мозгов** также обнаруживается, что данное слово обозначает не наличие / отсутствие мозгов вообще, а наличие или отсутствие больших умственных способностей, т.е. «хороших», «правильных» *мозгов* (= ума). Аналогично производное по указанной выше словообразовательной модели прилагательное *безмозглый* также означает не отсутствие мозгов (=ума) вообще, а слабые умственные способности, т.е. отсутствие «хороших», «правильных» *мозгов* (= ума). Кстати, и само слово *ум*, как будет нетрудно заметить, проведя собственный эксперимент, ведет себя точно так же.

Слово **сердце** во фразеологизмах *иметь сердце / не иметь сердца, есть сердце, нет сердца* [БАС-13 1962] также выражает идею наличия или отсутствие требуемых в соответствии с этическими нормами душевных качеств (наличие или отсутствие «хорошего», «правильного» сердца). Эта культурная коннотация подтверждается и на словообразовательном уровне: *бессердечный* „грубый, черствый, жестокий“ означает не отсутствие сердца вообще, а отрицательные черты характера, т.е. отсутствие «хорошего», «правильного» *мозгов* (= ума). Ср. антоним *сердечный* в метафорическом значении „добрый, душевный“, тогда как в прямом значении, не имеющем этого культурного фона, данное прилагательное имеет стандартное для относительных прилагательных значение – „имеющий отношение к сердцу“ (*сердечный приступ*). Устойчивость и воспроизводимость в дискурсе данных фоновых представлений подтверждается частотностью контекстов подобных употреблений и, в общем, их обычностью и общепонятностью для носителей языка; ср. [НКРЯ]: *Наша территория за последние 15 лет сильно уменьшилась, но все равно остается большой, очень большой. У нас есть мозги и руки, есть душа и сердце. Мы так чудили в своем историческом экспериментаторстве, что могли ведь погибнуть, исчезнуть вовсе с карты мира* (Семен Новопрудский. Элегия Пингвина // «Известия», 2003.01.28).

Ниже приводится еще ряд примеров, проявляющих аналогичные модели культурных коннотаций, что в целом позволяет обнаружить приметы анализируемого в работе «культурного фона» и тем самым с достаточной степенью надежности подтвердить его наличие для определенных слов русского языка. Предметные области, которые нас интересуют, – это человек в целом, его внутренний мир и его, так сказать, «внешнее», телесное, структурное устройство.

2. Примеры, верифицирующие наличие «культурного фона»

2.1. Человек. В русском языке лексема *человек* и ее производные часто обозначает не человека вообще как представителя рода человеческого, но человека, в каком-либо отношении (интеллектуальном, социальном, нравственном) выдающегося, отвечающего представлениям этноса об идеале. Эта культурная коннотация проявляется во фразеологических единицах с компонентом *человек*: *быть, стать человеком, сделать кого-нибудь человеком; из кого-нибудь вышел человек* и т.п.: «О достойном члене общества; о том, кто достиг в нем известного положения, уважения, влияния и т.п.» [БАС-17 1965], во вторичных значениях производного прилагательного *человеческий*: «1. Такой, который, по чьим-нибудь представлениям, свойствен, подобает настоящему человеку (*человеческое лицо*); 2. разг. Подобающий, приятный; 3. То же, что *человечный, гуманный*» [БАС-17 1965].

Ср. также аналогичное значение во фразеологизмах с компонентом *человеческий*, указанных в БАС: *приводить, привести кого-нибудь в человеческий вид; утратить, потерять человеческий вид (образ, облик)* [БАС-17 1965]. При этом третье значение для *человеческий* становится первым, основным для *человечный*: «Отзывчивый, внимательный к людям, гуманный» [БАС-17 1965], что целиком и полностью соответствует механизму верификации коннотаций, предложенному в работах Ю.Д. Апресяна [Апресян 1995: 159-160]. Нравственно-психологический аспект данной коннотативной семантики также отражен в первом значении наречия *по-человечески*: «Человечно, чутко», ср. также – для фразеологизма *говорить по-человечески*: «По-хорошему, добром» [БАС-17 1965], тогда как второе и третье значения этого наречия прямо выводят нас на семантику соответствия норме: «2. Разг. Как следует, по-настоящему (*отдохнуть по-человечески*); 3. Как это свойственно человеку (*по-человечески обидно*)» [БАС-17 1965].

Данное коннотативное представление реализуется и в дискурсе, где получила распространение устойчивая коллокация *будь человеком* в значении «ты должен соответствовать моим ожиданиям, моим представлениям о том, как должен в норме вести себя идеальный человек». Вспомним название популярного советского детского мультфильма «*Баранкин, будь человеком!*». Ср. также примеры из [НКРЯ]: (1) – *Мне и тех, с кем я уже познакомилась, достаточно. Игорь, будь человеком, отвези. Хочешь, сам оставайся. А меня хоть до станции довези* (Татьяна Соломатина. Большая собака, или «Эклектичная живопис-

ная вавилонская повесть о зарытом» (2009)); (2) *Я оглянулся – кроме меня и ее в кафе больше никого не было. – Я к тебе по-человечески, и ты тоже, пожалуйста, будь человеком, – дружелюбно говорила она. – У меня Васе сегодня восемнадцать. Надо успеть салаты сделать...* (Андрей Курков. Милый друг, товарищ покойника (2001)).

2.2. Характер. Лексема *характер* как обозначение совокупного внутреннего мира человека в первом значении имеет: «Совокупность основных психических свойств, особенностей личности человека, чей-нибудь нрав» [БАС-17 1965]. Наличие определенной коннотации у первых значений слов приводит к тому, что во вторичных, метафорических, употреблении согласно Ю.Д. Апресяну, эти коннотации развиваются в полноценные, самостоятельные значения [Апресян 1995: 159-160]. Для слова *характер* это метафорическое значение в БАС формулируется как «Твердость, сила воли, упорство в достижении цели» [БАС-17 1965].

Данная культурная коннотация подтверждается и в семантике фразеологизмов с компонентом *характер*, в которых не просто констатируется наличие или отсутствие характера, но выражается представление о позитивно оцениваемом в каком-либо отношении характере: *есть характер (нет характера), хватает, хватит (не хватает, не хватит) характера у кого-нибудь; кто-нибудь с характером, без характера, не без характера* [БАС-17 1965]. Вспомним также название знаменитого советского фильма «*Девушка с характером*». Мы видим, что в коннотативном плане устанавливается равенство *характер = сильный, решительный характер*.

В производных словах по выявленной ранее словообразовательной модели имеем *бесхарактерный* „слабовольный, нерешительный“, подтверждающее выявленную ранее коннотацию: в этом слове не отрицается наличие у характеризуемого объекта характера вообще, но утверждается наличие слабого характера, т.е. не соответствующих идеалу требований к тому, каким в норме должен быть характер.

2.3. Лицо. Лексема *лицо* является примечательным примером того, как слова, обозначающие части или органы человеческого тела, имеют различный фоновый культурный потенциал. В частности, за лексемой *лицо*, в отличие от обозначений других частей тела, обнаруживается проанализированный выше «культурный фон», что выражается в коннотации *лицо = примечательное в каком-либо плане или соответствующее какому-либо идеалу лицо*. Идея внешней примечательности отражена во фразеологизме *лица нет на ком-то*: «О резком,

очень заметном изменении внешнего облика (бледности, худобе и т.п.), вызванном сильным потрясением, болезнью, волнением» [БАС-6 1957]. Она метафорически связана с идеей, выраженной в переносном метафорическом значении лексемы *лицо*: «Перен. Индивидуальный облик, отличительные черты» [БАС-6 1957]. Это, в свою очередь, отражается в дискурсе в образовании устойчивой коллокации *без лица* в значении „не имеющий признаков индивидуальности“; ср. [НКРЯ]: *Прибегнув к помощи Николая Николаевича, человека без лица и стиля, выяснили, что из животных щекотки боятся разве что обезьяны и крысы, а остальные просто не знают, что это такое* (Вероника Капустина. Щекотка // «Звезда», 2009).

На словообразовательном уровне это верифицируется в семантике производного прилагательного *безликий*, которое означает не отсутствие лица, а отсутствие примечательного в каком-либо отношении, обладающего индивидуальностью облика (сравним, например, с *безвольный* или *беспозвоночный*, которые не имеют данного «культурного фона» и поэтому просто обозначают отсутствие указанной части тела).

Культурная маркированность лексемы *лицо* способствует расширению ее коннотативного потенциала в дискурсе за счет включения в систему нравственных координат – посредством создания устойчивой коллокации *потерять лицо* „(1) перестать соответствовать своей репутации; (2) утратить честь и достоинство, опозориться“; ср. [НКРЯ]: *Не принять вызов Турции для Александра II означало бы потерять лицо в глазах русского общества, балканских славян и всей Европы* (Владимир Дегоев. Россия и Бисмарк // «Звезда», 2001); (2) *Второй страх – за свою честь, можно сказать, свое реноме. Это страх перед оговором, позором, страх потерять лицо. Опозоренного изгоняют, а он в одиночку не выживет* (Л.А. Китаев-Смык. «В лесу, откуда обратного пути нет, мы готовили космические полеты» (2015)). – Нетрудно видеть, что здесь также актуализована такая ассоциативная связь, как *лицо* = «хорошее», «правильное», «соответствующее идеалу» *лицо* (в значении „образ, имидж личности“).

3. Выводы

Проведенный анализ позволяет объективировать имплицитную культурно-значимую информацию фонового характера, стоящую за определенными единицами русского языка. Фоновые представления носителей русского языка о том, что в мире ценностей, в отличие от мира внеоценочных объектов, нормой является положительно окра-

шенный член ценностной оппозиции, реализуются как обобщение и отвлечение на базе сходных культурных коннотаций для ценностно-маркированных слов (*душа, сердце, ум, мозг, человек, характер, лицо* и др.), которые проявляются во вторичных переносных употреблениях, в устойчивой и свободной сочетаемости, в ряде словообразовательных моделей.

Выявленные в ходе исследования репрезентативные типы сочетаемости (*У X есть / нет Y*) и словообразовательные модели (образование прилагательного с префиксом *без-* и суффиксами *-н/-ов/-л/-/ -Ø*) актуализации фоновой информации могут послужить своего рода лингвистическим тестом на наличие или отсутствие у определенной единицы анализируемого в работе «культурного фона».

Литература

Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2 т. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995.

БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.: Наука; Л.: Изд-во АН ССР, 1950-1965. Т. 3, 1954. 700 с.; Т. 6, 1957. 739 с.; Т. 13, 1962. 757 с.; Т. 17, 1965.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.03.2020).

Радбиль Т.Б. Вопрос о «культурном фоне» некоторых моделей и категорий русского языка // Мова: Науково-теоретичний часопис з мовознавства. 2016а. № 25. С. 51-56.

Радбиль Т.Б. ИмPLICITная культурно-значимая информация в естественном языке // Лингвокультурологические исследования: язык лингвокультурологии: теория vs. эмпирия / отв. ред. М.Л. Ковшова. М.: ЛЕНАНД, 2016б. С. 18-26.

Телия В.Н. Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии // Национально-культурный компонент в тексте и в языке: Тезисы докладов Международной научной конференции: В 2-х ч. Минск: «Універсітэцкае», 1994. Ч. I. С. 14-15.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

T.B. Radbil (Nizhny Novgorod, Russia)
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

“CULTURAL BACKGROUND” AS AN IMPLICIT CULTURAL COMPONENT IN THE SEMANTICS OF LANGUAGE SIGNS

The article provides new research material to extend the author’s ideas developed in the existing papers about the ways of detection and linguistic interpretation of the “cultural background” lying behind some culturally significant units in the Russian language (*man, character, face*, etc.). The ideas are based on the analysis of cultural connotations in phraseologisms, specific features of free words compatibility and some usual derivation models.

Key words: “cultural background”, cultural connotation, implicit culturally significant information in language, phraseological units, linguocultural studies, the Russian language.

Г.В. Токарев (Тула, Россия)
*Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого
grig72@mail.ru*

О СПЕЦИФИКЕ КВАЗИСИМВОЛА¹

В статье рассмотрен особый вид лингвокультурных единиц – квазисимволы. Квазисимвол отличает от других знаков культуры императивная направленность на интерпретатора. Семиотическая специфика квазисимвола определена его вербальной природой, семантическая – репрезентацией абстрактной семантики. На примере сопоставления символа и квазисимвола *крест* выявлено, что коррелирующие символы преимущественно выражают различные семантические слои.

Ключевые слова: язык, культура, символ, квазисимвол, семантика, прагматика.

Одним из значительных научных достижений В.Н. Телия является обоснование нового научного направления – лингвокультурологии, науки, изучающей «процессы корреспонденции языка и культуры»; «научной дисциплины, исследующей воплощённые в живой национальный язык материальную культуру и менталитет и проявляющиеся

---

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 19-512-18008).

в языковых процессах в их действенной преемственности с языком и культурой этноса) [Телия 1996: 216-217]. В третьей главе монографии Вероники Николаевны «Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты» был рассмотрен предмет исследования – культурная коннотация, предложен метод лингвокультурологической интерпретации, сущность которого состоит в объяснении фактов языка и речи в категориях культуры. Вместе с тем была предложена научная парадигма, включающая базовые лингвокультурологические понятия. Лингвокультурология была истолкована как когнитивная дисциплина, как наука, имеющая интерпретативную сущность [Там же: 18]. Синкретичный характер лингвокультурологии обусловил использование когнитивных, психолингвистических, культурологических терминов: концепт, стереотип, компетенция, культура, текст культуры, симболярий культуры, тезаурус культуры и др. В работе «Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры» были названы главные векторы развития новой отрасли знания, среди них «выявление средств и способов, которые придают фразеологизмам способность к культурной референции» [Телия 1999: 13]. Основным эмпирическим материалом для решения поставленных задач В.Н. Телия определила фразеологию – пласт языка, наиболее чувствительно отражающий миропонимание и мировосприятие народа. Именно в этом ключе Вероника Николаевна понимала культуру: «мировидение и миропонимание, обладающее семиотической природой» [Телия 1996: 222]. Из данного определения следует, что лингвокультурологические исследования ограничены наивной картиной мира. Фразеология наиболее выпукло отражает культуру в оригинальных образах. «Система образов, закреплённых в фразеологическом составе языка служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения» [Там же: 215]. При этом Вероника Николаевна указывала, что культура маркирует все уровни языка [Там же: 222]. Воспроизводимость и устойчивость фразеологических единиц являются следствием ценности данного вербального комплекса для лингвокультурной группы. Воплощением теоретических положений, апробацией лингвокультурологической концепции стал «Большой фразеологический словарь русского языка» [БСФРЯ 2006].

В.Н. Телия подчёркивала особый статус культурно маркированных единиц: «языковые сущности берут на себя роль «тела» культур-

ных знаков» [Телия 1996: 224]. Для определения их особой природы учёный использует приставку *квази-*: квазисимволы, квазиэталоны, квазимеры – «с целью разграничить символическую функцию реалии и символическую функцию имени языкового знака» [Там же: 243]. По сути, это те же меры, символы, эталоны, но выраженные вербальным способом. Заметим, что для культурологии был значим факт специфики материального воплощения образа. Например, в зависимости от материала креста определяется символическое значение: крест из золота – символизирует просвещение, из серебра – очищение, из других металлов – смирение, из дерева – устремление. Эта символика отражена Ф.М. Достоевским в романе «Преступление и наказание». Соня отдаёт Раскольникову кипарисный крест, себе оставляет медный, который она накануне получила от Лизаветы: «На, возьми вот этот, кипарисный. У меня другой остался, медный, Лизаветин. Мы с Лизаветой крестами поменялись, она мне свой крест, а я ей свой образок дала». Данный знак может быть прочитан как желание Сони, чтобы Раскольников устремился к вере, к раскаянию в своём злодеянии. Медный крестик Лизы символизирует смирение с судьбой, сопереживание греха Родиона Романовича. Тем самым, «тело» знака имеет важное значение для семиотики культуры, культурологии. Лингвокультурология рассматривает знаки культуры, представленные вербальным способом. Полагаем, что на современном этапе развития этой науки актуально описание единиц данного уровня. Настоящая статья посвящена развитию идей В.Н. Телия о единицах лингвокультуры, в частности о квазисимволах. Их особенности рассмотрим на примере квазисимвола *крест*.

Крест является базовым символом любой культуры. В культурологии его называют знаком знаков. Но в то же время крест как культурный знак воспринимается в качестве символа только в рамках своей культуры, ясен только пользователю той или иной семиотической системы. Он выполняет ряд культурных функций: выступает в роли символа, в функции оберега, или апотропейного знака. Крест отражён в словниках всех словарей символов. Он характеризуется большим числом семантических слоёв. Культуры используют разнообразные формы данной геометрической фигуры и наделяют её разнообразными смыслами.

Своё исследование мы хотели бы начать с краткого обзора значений символа в русской культуре в контексте европейской. Значения

символа «крест» многообразны, поэтому мы объединим их в семантические комплексы.

Крест символизирует христианство, веру, Иисуса Христа, его распятие и воскрешение. «С креста начинается и им же заканчивается жизнь каждого христианина: от обряда крещения до погребения, где надгробный крест символизирует надежду на предстоящее воскресение. На Руси целовали крест, когда хотели принести нерушимую клятву; творили крестное знамение, чтобы отпугнуть нечистую силу; носили нательный крестик в качестве талисмана и оберега» [Вовк 2006: 16]. Эти же смыслы отражены и в других словарях символов. Например, в «Энциклопедии символов» указывается: «В христианской традиции крест олицетворяет собой распятие Христа, его муку и смерть» [Баешко, Гордиенко 2007: 238-239].

Ещё одним комплексом значений символа является «бессмертие, вечная память, а также смерть и жертва» [Баешко, Гордиенко 2007: 237]. Г. Бидерманн отмечает: крест – «символ орудия казни Христа, символ воскресения, символ божественной избранности» [Бидерманн 1996: 133].

Крест символизирует модель времени и пространства. Он обозначает космос, четыре стороны света, двойственность, соединение. Г. Бидерманн пишет, что крест: «изображает ориентировку в пространстве, точку пересечения верха и низа и правого и левого <...> Модель мира, модель пространства», «символ деления года на четыре сезона» [Бидерманн 1996: 132]. Авторы «Энциклопедии символов» также отмечают отражение в данном символе модели пространства: «Крест мук Господних изготовлен из четырёх пород дерева: кедра, кипариса, маслины, пальмы, которые соответствовали четырём сторонам света» [Баешко, Гордиенко 2007: 238-239]. Дж. Купер характеризует крест как универсальный, космический символ. «Крест – символ мира и, следовательно, точка сообщения между небом и землёй... Линия вертикальная – небесная, духовная, интеллектуальная, позитивная, активная, мужская, горизонтальная является земной, рациональной, пассивной, отрицательной и женской. <...> Это заложенный в природе дуализм и единство противоположностей. <...> Он означает вечную жизнь» [Купер 1995: 155-158].

Крест символизирует человека, его физическое и духовное воплощение. Крест «соответствует образу человека с распротёртыми руками» [Бидерманн 1996: 132].

Как видим, крест имеет большое число семантических пластов. По всей вероятности, это объясняется полидискурсивностью символа. Он активно используется в различных сферах коммуникации: религиозной, бытовой. Семантические слои функционально не ограничиваются продуцировавшей их дискурсивной сферой. На символическое значение в отдельных случаях оказывает влияние образ изображения или предмета: крест напоминает контуры человека или представляет собой две перпендикулярные линии.

На фоне символа-артефакта рассмотрим специфику символа, представленного «телом» естественного языка, выясним, совпадает ли смысловое содержание сопоставляемых знаков.

Мы придерживаемся точки зрения, что в результате тесного взаимодействия языка и культуры существует особый, промежуточный, лингвокультурный уровень, который представляют единицы, утратившие, по большей мере, свои языковые функции и функционирующие как знаки культуры. В этом случае они принимают на себя новые функции оберега, символа, меры и др. Среди них можно выделить особую единицу – квазисимвол. Как отмечала В.Н. Телия, главной семантической особенностью квазисимвола является то, что он связан с обозначением абстрактных понятий, идей. «Словозначение в этом случае <...> замещает некоторую идею» [Телия 1996: 243]. Особенно ярко это видно при сравнении значения слова и квазисимвола. Слово *крест* имеет конкретное значение, квазисимвол характеризуется абстрактной семантикой. По нашему мнению, формирование символического значения формируется на основе коннотаций слова, которые образуются преимущественно на основе наблюдений за обозначенным языковой единицей объектом. Символическое значение проявляется в поговорках, фразеологических единицах, прецедентных текстах.

Большинство квазисимволов характеризуется полисемантической. Однако, в отличие от слова, в семантической структуре квазисимвола невозможно выделить основное значение.

Проиллюстрируем два последних тезиса. Устойчивые выражения: 1) *Вот те (тебе) крест.* 2) *Целовать крест.* 3) *Дурак не боится креста, а боится песта.* 4) *Ходить с крестом.* 5) *Креста на нём нет.* 6) *Тяжел крест, да надо несть.* 7) *Поставить крест* – объективируют соответственно следующие значения квазисимвола: 1) вера; 2) верность, присяга чему-либо; 3) молитва, обрядовые действия; 4) мона-

шество; 5) совесть; 6) судьба; 7) прекращение деятельности. Семантические пласты данного квазисимвола лишь отчасти совпадают с семантикой своего предметного коррелята. Каждое из перечисленных значений сформировалось на основе наблюдений лингвокультурной общности за использованием креста и системе представлений, связанных с этим предметом. Данные знания сначала объективируются в виде культурных коннотаций, на основе которых формируются символические значения вербальных знаков культуры.

Семиотическая специфика квазисимвола заключается в том, что слово с конкретным значением становится базой для формирования символического значения. «Материальным экспонентом этого замещения является не реалити как таковая, а имя» [Телия 1996: 243]. Квазисимвол *крест* мы относим к группе дублирующих символы-артефакты, то есть квазисимвол оказывается параллельным знаком культуры для невербального символа. Однако таких случаев немного. Символизацию предметов и слов мы считаем независимыми процессами, о чём свидетельствуют несовпадающие значения данных знаков культуры. Среди выделенных семем невозможно выделить основное значение или смоделировать иерархичную семантическую структуру. Каждое значение реализуется в соответствующей культурно-прагматической ситуации.

Изменение знаковой природы тесно связано с функциональной трансформацией. «В отличие от собственно символов (когда носителем символической функции является предмет, артефакт или персона) роль языкового символа заключена в смене значения языковой функции на функцию символическую» [Там же].

Квазисимвол является прагматически ориентированной единицей. В этом отношении он характеризуется тем, что моделирует поведение человека. Н.Д. Арутюнова отмечает: «Стать символом значит приобрести определяющую жизнь человека или коллектива людей функцию, властно диктующую выбор жизненных путей и моделей поведения» [Арутюнова 1999: 338]. Данный признак является дифференцирующим, отличительным для квазисимволов среди других лингвокультурных единиц.

Символ заставляет что-то учитывать, принимать во внимание и в связи с этим выстраивать своё поведение. Символ всегда влияет на поведение интерпретатора. Для указанных выше значений квазисимвола *крест* можно выделить следующие императивные элементы семем.

1. Некто должен поверить кому-то или во что-то.

2. Веди себя в соответствии с ранее принятыми на себя обязательствами.

3. Знай, что некоторые действия могут иметь особое значение для кого-либо.

4. Учти, что некто является представителем христианской конфессии.

5. Некто должен вести себя, как христианин.

6. Некто должен принять то или иное положение дел, в котором он оказался.

7. Не делай что-либо.

Интенциями значений рассматриваемого квазисимвола являются констатация положения дел, убеждение, желание повлиять на волю другого.

В семантике квазисимвола особенно значим образ, который в той или иной степени определяет сигнификативные признаки единицы и прагматическую интерпретацию. Так, для языкового сознания оказывается актуальным образ креста как геометрической фигуры, как сакрального предмета. Этот образ окружён многообразными фоновыми знаниями, которые связывает, в частности, православный человек с крестом.

Потенциально образный компонент, как и в семантической структуре языковой единицы, способен продуцировать эмотивность и оценочность, хотя рассматриваемый пример этого не демонстрирует.

Образный компонент воплощает культурный код, генерирующий символ. Интересно, что квазисимвол *крест* апеллирует к двум кодам культуры: предметному и геометрическому. Если первые шесть значений связаны с образом креста как сакрального предмета, то последнее (*поставить крест*) прочитывается по-разному. Во-первых, номинация *поставить крест* может быть связана с традицией установки креста на могиле. Во-вторых, она может отражать сценарий перечёркивания чего-либо.

Из описания значений квазисимвола *крест* видно, что основной путь формирования семем – смежность. Базой формирования символических значений стали религиозные представления, связанные с историей Иисуса Христа, с нравственными аспектами его учения, с атрибутами внешнего вида священника, а также с наблюдениями за богослужением. Квазисимвол имеет широкую палитру интенций употребления: констатация положения дел, желание повлиять на волю другого, убеждения и др.

Обращает на себя внимание распределение разными материальными типами символа (вербальным и предметным) зон влияния. Вербальный символ в большей степени регулирует нравственную сферу человека, его действия в осуществлении нравственного выбора. Предметный символ направлен на ориентацию в мире, во времени и пространстве, определении места человека в данной модели. Между тем есть и интегральный семантический признак: конфессиональная ориентированность.

Таким образом, квазисимвол является особым видом знака культуры, для которого характерна императивность, моделирование поведения человека. Семиотическая специфика квазисимвола заключается в вербальном способе представления значения. Квазисимвол демонстрирует функциональную омонимию с языковыми единицами: он формируется на базе слов и фразеологических выражений, получивших новую, культурную функцию. Семантическая специфика квазисимвола заключается в том, что он выражает абстрактные понятия, что также выявляется путём сравнения с производящим словом. Квазисимвол имеет живую образность, способствующую реализации значения и прагматической интенции. Семантические слои квазисимвола формируются на основе культурных коннотаций продуцирующих языковых единиц. К перспективам исследования квазисимволов мы относим изучение кодов культуры, генерирующих данные единицы, рассмотрение прагматических правил использования квазисимволов, экспликацию культурных норм, которые поддерживаются рассмотренными знаками культуры, описание симболариев различных культурных парадигм, проведение сопоставительных исследований, составление словарей квазисимволов.

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: «Языки русской культуры», 1999.

Баешко Л.С., Гордиенко А.Н. Энциклопедия символов. М.: Эксмо, Смоленск: Наше слово, 2007.

Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996.

БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.

Вовк О.В. Энциклопедия знаков и символов. М.: Вече, 2006.

Купер Дж. Энциклопедия символов. М.: Ассоциация духовного единения «Золотой век», 1995.

Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Яз. рус. культуры», 1996.

Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: «Языки русской культуры», 1999. С. 13-24.

Энциклопедия, Символы. Знаки. Эмблемы / авт.-сост. В. Андреева. М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2004.

G.V. Tokarev (Tula, Russia)

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University

ON THE SPECIFICS OF QUASI-SYMBOL

The article considers a particular type of linguacultural units: quasi-symbols. The quasi-symbol is distinguished from other signs of culture by an imperative orientation towards the interpreter. The semiotic specificity of a quasi-symbol is determined by its verbal nature, while the semantic specificity is determined by the representation of abstract semantics. Using the comparison of a symbol and a quasi-symbol 'krest' (a cross), it has been revealed that correlating symbols mainly express different semantic layers.

Key words: language, culture, symbol, quasi-symbol, semantics, pragmatics.

Д.И. Эдельман (Москва, Россия)

*Институт языкознания Российской академии наук
joy.edelman@gmail.com*

К СЕМАНТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНИХ ЛЕКСЕМ

Данная статья посвящена анализу большого этимологического корпуса иранских языков с точки зрения семантической динамики. Такой подход может дать много интересных наблюдений в области «глубинных» элементов значений древних слов.

Ключевые слова: этимология, лексикология, семантика, реконструкция, иранские языки.

Как известно, работа в области этимологии подразумевает изучение не только фонетической, но и семантической трансформации слов, выявление закономерностей в лексико-семантической мотивированности в назывании (и переназывании) объектов, качеств, действий, понятий и т.п.

При анализе относительно большого этимологического корпуса иранских языков выявляются интересные историко-семантические факты. Часть из них представляет собой системные смысловые изменения, которые можно трактовать как элементы диахронической типологии в семантике слов разных языков. Часть же, привязанная к тем или иным ареалам ираноязычного мира, дает возможность выявить некоторые этнопсихологические элементы, стимулирующие сходные смысловые изменения некоторых лексем, проявляющиеся только в языках, бытующих (или бытовавших прежде) в данном ареале.

Известно также, что реконструируя древний прототип того или иного конкретного современного слова в конкретном языке, как и древний единый прототип этимологически родственных слов разных языков, мы восстанавливаем практически приблизительный характер этого древнего языкового знака в некий период его функционирования.

При этом в иранистике реконструкция фонетического и/или фонологического облика этого древнего прототипа относительно предсказуема, поскольку так называемые фонетические законы большинства языков установлены, и мы можем с определенной долей вероятности представить себе звучание реконструируемого слова. Например, известно, что праиранский консонантный кластер **-tr-* отразился в древнеперсидском языке как некий сибилант, развившийся в современный персидский *-s-*; в парфянском же языке этот же кластер перешел в *-hr-*; в северопамирских языках – в аффрикату *-c-* («ц»), в ваханском языке сохранился в виде **-tr-* и т.д.

Содержательная же сторона древнего прототипа устанавливается довольно «рыхло» – в виде отдельных семантических «точек», «вешек» и очень приблизительного общего круга значений. К тому же мы можем установить вероятность употребления данного слова в данном значении и предположить возможность употребления слова в определенном контексте (если это находит аналогию в древних текстах), но не можем установить запрет на то или иное употребление.

Вместе с тем, рассмотрение этимологического корпуса иранских языков с точки зрения диахронической семантики показывает, что в некоторых случаях есть возможность установить не только основные

значения реконструируемого древнего слова, но и его более объемное представление, некий смысловой «пучок», включающий дополнительные подразумеваемые, неявные оттенки значения, в том числе оценочные, эмоциональные, культурно-исторические, мировоззренческие, которые можно отнести к элементам коннотации (см. [Телия 1990: 236]).

Некоторые примеры этимологии слов иранских языков Центральной Азии, особенно Памиро-Гиндукушского ареала, иногда дают возможность реконструкции элементов ареальной материальной и духовной культуры, а в ряде случаев – возможность выявить фрагменты ареальной этнолингвopsихологии, включая отраженные в языке фрагменты ареального видения мира. Это могут быть смысловые единицы, принесенные в данный ареал носителями древнейших иранских (то есть индоевропейских) диалектов, но могут быть и элементы, усвоенные из местного доиранского субстрата.

Названия Солнца как светила. Одним из примеров отражения в языке видения мира и одновременно примером замены древних слов более поздними, этимологически различными, но семантически сходными, могут служить случаи вытеснения рефлексов праиранского названия Солнца как светила именами божеств Митры и Ахурамазды.

Исконным праиранским названием Солнца было **h(u)uān-* / **h(u)uān-* > **xʷar-* / *xʷan-* : *hūr-* / *hūn-* ‘Солнце’ – продолжения индоевропейского **sumel-*, *suél-*, *sul-* / **suen-* : *sun-*, родственные русскому *Солнце*. Рефлексы этого праиранского слова присутствуют в большинстве иранских языков, включая часть языков Центральноазиатского ареала, например: классический персидский *xʷar*, *xōr* ‘солнце’, сивенди *for*; ягнобский *xūr*, *xūr* (солнце); осетинский *xūr* / *xor* 1) ‘солнце, солнечный’; 2) перен. ‘счастье’; из языков Центральной Азии: язык пашто – западный диалект *lmar*, *almar*, восточный диалект *nmar*, *nwar* ‘солнце’; шугнанский язык *xīr*, рушанский *xor*, бартангский *xōr*, язгулямский *xəwūr*; ваханский (*y*)*ir* ‘солнце’ и т.п. Однако уже с древнейшего периода название Солнца как светила подразумевало, по видимому, не просто «солнечный диск», а «Солнце как божественная сущность», «Солнце как божество». Частично это проявилось в языке Авесты, ср. авест. *hvar-*, *xʷan-* 1) ‘Солнце (как светило), солнечный свет’, 2) ‘Солнце – как имя божества’. Подробнее см. [Расторгуева, Эдельман 2007: 438 и сл.].

Это подразумеваемое, неявное значение Солнца как предмета поклонения, его божественности, способствовало вытеснению в ряде

языков рефлексов праиранского названия Солнца как светила собственными именами божеств.

Замещение названия Солнца именем индоиранского бога Митры (**mitra-*) было наиболее ранним и зафиксировано в иранских языках разных ареалов. Употребление имени Митры и – позднее – этимологических рефлексов этого имени в отношении Солнца отмечено в одних языках как одно из значений, в других – как единственное значение „Солнце“. Например: среднеперсидский язык *mīhr* (из северо-западного источника); классический персидский *mīhr*, *mehr*; современный персидский *mehr* „Солнце“; парфянский *mīhr*, ормури (диалект Логара) *meš*; согдийский *myr*; пашто диалектный *myēr*, ванечи *mīr*; мунджанский *mīro*, *mīrā*; йидга *mīra*, *mira* „Солнце“ и др. В более позднюю эпоху рефлексy **mitra-* в значении „Солнце“ отмечаются в ряде языков во вторичных композитах и словосочетаниях, например: бактрийский язык *μροασαβο*, *μροσαβο* „восток“ (из **miθrāsānā-*, букв. „солнца восход“); *μροαφραβο* „запад“ (из **miθra-nīfrāna-* „солнца закат“); мунджанский язык *mirāvāyū* „закат солнца“, *mirów* „восход солнца“; йидга *mīra-avlasto* „радуга“, букв. „солнца рукав“, *mīra-lamdo* „радуга“, букв. „солнца подол“ и др. [Эдельман 2015: 368-370].

Замещение названия Солнца именем иранского верховного зороастрийского бога Ахурамазды (**ahura-mazda-*), значительно более позднее, связанное уже с расцветом зороастризма, отмечено в более узком пространстве, в нескольких иранских языках Центральноазиатского ареала, которые ныне оказались на периферии ираноязычного мира. Например: хотаносакский язык *urmayśde*, хорезмийский *rēmažd*, ишкашский *remūzd*, сангличский *ormozd*, зебакский *ōrmōzd* „Солнце“, см. [Расторгуева, Эдельман 2000: 101-102; Эдельман 2015: 304].

Можно предположить, что первоначальное восприятие Солнца как божественной сущности, как предмета поклонения было распространено по всему ареалу древнейших арийских, а затем иранских диалектов, что стимулировало древнейшее отождествление образа «Солнца-божества» с праарийским божеством Митрой. В более ограниченном ареале Центральной Азии, где этот образ позднее ассоциировался с Ахурамаздой, определенную роль мог сыграть также субстрат, влияние которого на распространенные здесь языки было очень сильным (см. [Топоров 1965; Эдельман 1980]). О влиянии субстрата в мировоззрении и, в частности, в религиозных взглядах этноса см. [Абаев 1972: 322].

Для нас важно, что в эпоху, предшествовавшую вытеснению праиранского названия Солнца именами божеств Митры и Ахурамазды, в семантике рефлексов праиранского слова *x^var- / x^van- : hūr- / hūn- „Солнце“ в древних иранских диалектах уже существовал некий подразумеваемый элемент божественности, почитания, стимулирования поклонения, который можно расценить как проявление коннотации.

Смысловая почва образования табуизмов. Интересный материал для выявления исторических дополнительных элементов семантики слов, включая культурно-исторические, мировоззренческие и т.п., содержит система табуизмов, не только живых, но и исторических, выявляемых из этимологий. В ареале Центральной Азии они прослеживаются, в основном, в обозначениях: 1) диких животных – объектов охоты для пропитания и хозяйственных нужд («чтобы не вспугнуть»); 2) хищников, представляющих угрозу для человека и домашнего скота («чтобы не накликать»); 3) того, что вредит урожаю, уничтожает или портит заготовленные впрок пищевые припасы; 4) опасных болезней, «потусторонних» персонажей, природных стихий и т.п.

В плане отражения в словах-табу элементов ареальной этнопсихологии важна смысловая подоплека при выборе способа характеристики объекта, который надо назвать иносказательно. При обозначении животных здесь, как правило, используются слова, характеризующие их цвет и строение тела, то есть слова, обрисовывающие их материальные признаки, реже – их повадки. Такие слова-табу не отличаются типологически от обычных зоонимов, восходящих к древним прототипам, что свойственно и другим иранским языкам, не входящим в данный регион. Это относится и к большей части табуированных обозначений хищников и вообще «вредных» животных.

Так, от обозначений окраски образованы названия животных, которые для современных языков уже не являются табуизмами. Например, от праиранской основы *ba-bru-, *ba-brau- (результат редупликации от *baura- „гнедой, темно-коричневый“) образованы: авестийский *bawra-*, *bawri-* „бобр“; но и классический персидский *babr* „тигр“, таджикский *babr* „леопард, барс“, дари *babr* „лев“, пашто *babar* „лев“, шугнанский *babr(i)*, язгулямский *babr* „барс“ [Расторгуева, Эдельман 2003: 153]. От праиранской основы *pis-īa- „дестрый, пятнистый“ – ваханский *pās*, *pis*, сарыкольский *pis* „барс, леопард“ [Morgenstierne 1973: 535]. От праиранской основы *pard- „дестрый, пятнистый, яркий“ (священной с соответствующими европейскими названиями животных, от-

куда заимствованные русские названия: *леопард*, *генард*): тадж. *palang* „тигр, барс“; пашто *prāng* „снежный барс“; заимствованные из таджикского: ваханский *pəlang*, шугнанский *palāng* „барс“ [Эдельман 2009: 50-51, 145].

Интересными примерами древних табуизмов, которые теперь уже не являются иносказаниями, служат ареальные названия мыши, вытеснившие продолжения индоевропейского *mūs-* „мышь“. (Табуизация названия мыши как «вредного животного», главного «соперника» человека в потреблении заготавливаемых на зиму припасов, в данном ареале не случайна). Эти названия восходят к праиранской основе **paru-ka-*, букв. „серенький“ (от корня **par-* из и.-е. **pel-*, **pol-цo-* „серый, седой, половой“): мунджанский язык – нижний говор *poru*, верхний говор *porg*; язык йидга *pārγ*, язгулямский *purg* „мышь“, шугнанский *pürg* „мышь, крыса“, рушанский *purg*, сарыкольский *pyrg*; ваханский *pyrk*, ишкашимский *pürk*, сангличский *pörk* „мышь“ [Morgenstierne 1974: 58]. Любопытно, что в другом ареале индоевропейского пространства, в языках балтийской группы табуированное название мыши реализовалось из того же индоевропейского корня **pel-* „серый“: литовский *pelė* „мышь“, *peľiùkė* „мышка, мышонок“, латышский *pele* „мышь“, древнепрусский *peles* мн.ч. „мыши“ [Fraenkel 1962: 565-566, 591].

Обозначение животного через описание строения тела также распространённый способ табуизации, современной и исторической. Например, праиранское обозначение зайца, производное от одного из праиндоевропейских названий серого цвета (**kas-* „серый“), рефлекс которого сохранился, например, в виде пашто *soy*, ваханский *syu* „заяц“ и др. (см. [Эдельман 2009: 49, 143]), в некоторых языках вытеснено описательными словами, возможно, вначале табуированными: в таджикском языке *xargūš* „заяц“, букв. „большеухий“ или „ослоухий“, в языках шугнано-рушанской группы: шугн. *xitum*, рушанский, роршорвский *xitum* „заяц“, первоначально „куцехвостый“ (из рефлексов **xšita-* „ущербный, сокращенный“ + **dum(b)a-* „хвост“ [Morgenstierne 1974: 103]). Известны табуистические обозначения медведя (при сохранении в этих же языках обычного исконного или заимствованного слова «медведь»): ваханское *nyur-dum* „круглохвостый“ или „куцехвостый“, пашто *milu*, *melu* „волосатый“.

Значимое исключение из ареальных слов-табу составляют местные табуистические названия волка.

При этом в обычной речи здесь сохраняются исконные названия волка, распространённые в разных иранских языках, включая языки

данного ареала, и восходящие к праиранскому **urka-* – из индоевропейского **u_lk^o-* „волк“: ср. ав. *vāhrka-*, ср.-перс., кл. перс. *gurg*, совр. перс. *gorg*, тадж. *gurg*, ягн. *urk/g*, мдж. нижн. *wyr̄*, верхн. *wyr̄g*, ишк. *urk*, сгл. *wark*, язг. *war ḡ*; шугн., хуф., барт. *wūrj̄*, руш., рош. *wurj̄* „волк“ и др. [Эдельман 2009: 142-143]. Однако в эмоциональной речи, в экстраемальных ситуациях (например, на летнем пастбище) они заменяются табуизмами.

Табуизмы здесь различны этимологически, но типологически едины по глубинному смыслу. Это слова, связанные не с материальными характеристиками животного, а с проклятием, как бы закланием от беды.

I. Сарыкольский язык *ǰiθp*, шугнанский язык (диалект Барвоза) *ǰiθp* „волк“ – слово заимствовано с метатезой из ваханского *ǰapt* „волк“, которое, в свою очередь, заимствовано из дардского языка кховар в виде **ǰapt-*, ср. современный кховар *ǰapīr* „волк“, унаследованное из старого кховар **ǰapita-*, а оно, в свою очередь, усвоено из древнеиндийского *śaptá-* „проклятый“ [Morgenstierne 1973: 438, 456, 544; Morgenstierne 1974: 104].

II. Язык пашто *lewá* „волк“, язык ванечи *lew* „хищник“, особенно „волк“ – из **daiwiya-* (от **daiwa-* „дэв“), то есть „дэвовский, дьявольский“ [Morgenstierne 2003: 45].

III. Двойное табу в обозначении волка, особенно принятое на летних пастбищах: шугнанский (диалект Барвоза) *bilisak* (ср. обычное значение шугнанского *bilisak* „вихрь, пыльный смерч, сильный ветер с пылью“); ишкашимский *sabilək* – уничижительная форма от *sabil* „проклятый, выброшенный“, ваханский *səbilək* – то же.

С чем связан такой особый способ табуировать именно название волка? В условиях горного отгонного животноводства, летних пастбищ, опасны любые хищники, однако в отличие, например, от барса, который живет в одиночку и может встретиться только в горах, волки заходят и в селения, поэтому опасность нападения волка ощущается постоянно. По-видимому, в периоды создания рассмотренных табуизмов (в пунктах I. и II. они достаточно древние) само исконное слово «волк» подразумевало не только само животное, но и связанное с ним ощущение постоянного страха, грозящей опасности, необходимости берега, как от потусторонних сил.

О двойных табуизмах см. [Мирбобоев 1985]; о вариантах табуирования см. также [Эдельман 2009: 249].

Представляется, что внимательный анализ большого этимологического корпуса иранских языков с точки зрения семантической динамики может дать много интересных наблюдений в области «глубинных» элементов значений древних слов. Использование этимологии слов, не только являющихся рефлексами рассматриваемого прототипа, но и других, связанных с ним косвенным образом, позволяет представить семантический образ слова-прототипа более объемным и глубоким.

Литература

Абаев В.И. Как апостол Петр стал Нептуном // Этимология 1970. М.: Наука, 1972. С. 322-332.

Мирзобоев А. Об одном этнолингвистическом явлении в лексике летовщиков Вахана // Вопросы памирской филологии. 1985. 3. С. 92-97.

Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 1. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000.

Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 2. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2003.

Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 3. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2007.

Телия В.Н. Коннотация // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: «Советская энциклопедия», 1990.

Топоров В.Н. Несколько замечаний к фонологической характеристике Центрально-Азиатского языкового союза (ЦАЯС) // *Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kuryłowicz.* Wrocław, 1965. С. 322-330.

Эдельман Д.И. К субстратному наследию Центральноазиатского языкового союза // Вопросы языкознания. 1980. № 5. С. 21-32.

Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Лексика. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2009.

Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 5. М.: Наука – Восточная литература, 2015.

Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Band I und II. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1962.

Morgenstierne G. Indo-Iranian Frontier Languages. Vol. II. Iranian Pamir Languages (2nd edition revised and with new material). Oslo-Bergen-Tromsø: Universitetsforlaget, 1973. xxiv, 558, 69 p., ill.

Morgenstierne G. Etymological Vocabulary of the Shughni Group. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1974.

Morgenstierne G. A New Etymological Vocabulary of Pashto. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2003.

Joy I. Edelman (*Moscow, Russia*)
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

ON SEMANTIC RECONSTRUCTION OF ANCIENT LEXEMES

The paper focuses on the analysis of the large corpus of Iranian etymologies from the standpoint of dynamics of meanings, which allows for many interesting remarks on deep elements of semantics of ancient words.

Key words: etymology, lexicology, semantics, reconstruction, Iranian languages.

IV. ЯЗЫК – «КЛЮЧ» К САМОСОЗНАНИЮ ЭТНОСА, СОЦИУМА, ЛИЧНОСТИ

---

*А.С. Алёшин (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича
alexis001@mail.ru*

ШВЕДСКИЕ И РУССКИЕ ПОСЛОВИЦЫ С КОМПАРАТИВНЫМ КОМПОНЕНТОМ *BÄTTRE/ЛУЧШЕ* (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В статье проводится сопоставление шведских и русских пословиц с компонентами *bättre* и *лучше* для выявления общего и культурно-специфического в выражаемых установках культуры и ценностных приоритетах паремий двух языков.

Ключевые слова: пословицы, компаративный компонент, оценка, ценность, шведский язык, русский язык, лингвокультурология.

Исследование фразеологизмов в лингвокультурологическом аспекте получает всё большее развитие в современной лингвистике. Во фразеологии «концептуализированы не только знания о собственно человеческой, наивной картине мира и все типы отношений субъекта к её фрагментам, но и как бы запрограммировано участие этих языковых сущностей вместе с их употреблением в межпоколенной трансляции эталонов и стереотипов национальной культуры» [Телия 1986: 9]. Особое место в этом отношении занимают компаративные фразеологизмы. О.С. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов» даёт следующее определение компаративности: «Категория компаративности опирается на логические понятия равенства и неравенства, большей или меньшей степени качества, находящие выражение как в грамматической категории степеней сравнения прилагательных и наречий, так и в лексике и фразеологии» [Ахманова 2005: 449]. Н.Д. Арутюнова в своей ставшей классической работе «Язык и мир

человека» называет пословицы с компонентами-формами степени сравнения «предложениями операционального предпочтения», которые «базируются на аксиологической связке-компаративе, соединяющей между собой пропозиции, представленные в развернутом или свернутом виде» [Арутюнова 1998: 224].

Целью данной статьи является сопоставление шведских и русских пословиц с компонентом *bättre* и *лучше* для выявления общего и культурно-специфического в выражаемых установках культуры и ценностных приоритетах паремий двух языков. В своем анализе мы опираемся на положение о том, что лингвокультурологическое направление во фразеологии исследует взаимосвязь языка и культуры в диапазоне культурно-национального самосознания и его фразеологической презентации [Ковшова 2015: 69]. Понятие установок культуры является одним из базовых терминов лингвокультурологии. В.Н. Телия указывает, что «основным стержнем культуры, организующим её в особую часть картины мира, является совокупность её установок, т.е. ментальных образцов, играющих роль прескрипций для социальных и духовных жизненных практик [Телия 1999: 18-19]. Подобно тому, как существует общий для его носителей язык, так и общепонятны для носителей культуры общие же её установки [Телия 2006: 776]. К эмплицитным установкам культуры можно отнести прескрипции культуры, зафиксированные в религиозных текстах, в пословицах, в эталонах обиходного опыта [Ковшова, Гудков 2017: 131].

Для лингвокультурологического анализа особенно показательным является объект исследования – шведские и русские народные пословицы, опорными компонентами в которых выступают аксиологические предикаты *bättre/лучше*. Семантику данных предикатов составляет оценочная модальность; оценка «хорошо», получившая выражение в признаке сравнения, данного в превосходной степени, служит аксиологической характеристикой того, что возводится на высший позитивный «уровень» в системе ценностей того или другого народа.

Материалом для исследования послужили данные «Словаря шведских пословиц и поговорок» П. Хольма [Holm 1971] и «Пословицы и поговорки русского народа» В.И. Даля [Даль 2004]. Методом сплошной выборки было выявлено 127 шведских пословиц с компонентом *bättre* и 175 русских пословиц с компонентом *лучше*. На основе рубрикации материала в Словаре Даля была разработана классификация, составленная по квантитативно-тематическому принципу. С точки зрения количественного соотношения и тематической направ-

ленности шведских и русских пословиц с компонентами *bättre/лучше* было выделено пять квантификативных групп с их внутренней тематической классификацией: 1. Группы, выделяемые только в шведском языке; 2. Группы с преобладанием шведских единиц по сравнению с русскими; 3. Группы с приблизительно одинаковым количеством шведских и русских пословиц; 4. Группы с преобладанием русских пословиц по сравнению со шведскими; 5. Группы, выделяемые только в русском языке.

Рассмотрим все квантификативные группы и их внутреннее тематическое деление подробнее и проведем лингвокультурологический анализ.

1. Группы, выделяемые только в шведском языке

Самой объемной группой, имеющейся только в шведском языке, среди пословиц с компонентом *bättre* выделяется тематическая группа «Дело – работа». Данная группа содержит единицы с общим значением совершения действия или выполнения работы. Общие ценностные установки, выражаемые пословицами этой группы и фокусируемые в ценностном предикате *bättre* – «если делать что-либо, то делать хорошо» и «для достижения успеха нужно проявлять инициативу»: *Bättre aldrig börjat än illa slutat* (Лучше никогда не начатое, чем плохо законченное); *Bättre ogjort än illa gjort* (Лучше не сделанное, чем плохо сделанное); *Bättre förvärva än vänta få ärva* (Лучше заработать, чем ждать, когда унаследуешь). Такие установки соотносятся с принятой с давних пор в шведском обществе протестантской этикой отношения к труду. Добросовестный труд и качественное выполнение работы являются для шведов залогом успешной жизни. По одной единице в рассматриваемом шведском материале можно отнести к таким группам, как «Одиночество», «Щедрость», «Страх» и «Время». Одиночество в шведских пословицах оценивается выше нахождения в плохой компании: *Bättre ensam än i dåligt sällskap* (Лучше одному, чем в плохом обществе). Исследователи шведской культуры с давних пор пишут об устойчивом предпочтении шведами одиночества и созерцания природы человеческому общению [Sundbärg 1915]. Такие свойства шведского национального характера, очевидно, находят отражение и в паремиях. Время представляется как важнейшая ценность; значимы, прежде всего, пунктуальность и необходимость выполнения всего в срок: *Bättre en timme för tidigt än en minut för sent* (Лучше на час раньше, чем на минуту позже).

2. Группы с преобладанием шведских единиц по сравнению с русскими

1) «Богатство – бедность». В данной группе имеется одна общая ценностная установка, которая отражается в шведских и русских пословицах с компонентами *bättre/лучше*, – «честная бедность лучше богатства, добытого преступным и греховным путём»: *Bättre ge sig fattig än stjåla sig rik* (Лучше ходить бедным, чем наворовать богатство) – *Лучше жить бедняком, чем разбогатеть со грехом*. Но в шведском материале с компонентом *bättre* также находят отражение такие установки, как «бедным лучше не быть», «лучше родиться бедным, чем стать им» и «бедность лучше, чем деньги, взятые в долг»: *Bättre att fattigt folk sitter vid din dörr än du vid deras* (Лучше чтобы бедняки сидели у твоих дверей, чем ты у их дверей); *Bättre födas i fattigdom än råka i den* (Лучше родиться в бедности, чем впасть в неё); *Bättre tom pung än lånta pengar* (Лучше пустой кошелёк, чем взятые в долг деньги).

2) «Дом – хозяйство». Эта группа является наиболее объёмной среди шведских единиц рассматриваемой структуры. Пословицы данной группы, очевидно, являются наиболее древними по происхождению и выступают в роли советов простому человеку (крестьянину) по устройству быта. Традиция таких наставлений уходит корнями в далёкое прошлое. Их можно обнаружить уже в древнейших литературных памятниках, общих для всех скандинавских народов, например в «Старшей Эдде». В частности, в «Речах Высокого» говорится: *því at óbrigðra vin fær maðr aldregi en mannvit mikit* (Ибо нет на земле надёжнее друга, чем мудрость житейская – пер. А.И. Корзуна). По сути, именно житейская крестьянская мудрость лежит в основе возникновение единиц этой группы. Частые неурожаи, голод и другие бедствия и лишения сформировали главную ценность, выражаемую в шведских пословицах, прямо сформулированную в одной из них – *Bättre något än intet* – «лучше что-то, чем ничего». См. также: *Bättre inne för maten än ute och intet få* (Лучше дома с едой, чем на улице и ни с чем); *Bättre klippa fåret än flå det* (Лучше стричь овцу, чем забить её); *Bättre vindögd än blindögd* (Лучше косою, чем слепой); *Bättre något släppa än allt mista* (Лучше что-то отдать, чем всё потерять); *Bättre små fiskar än tomma diskar* (Лучше маленькие рыбы, чем пустая посуда) и др.

Среди русских пословиц с компонентом *лучше* в сборнике В.И. Даля встречаются только паремии о приоритете бережливости над богатством; ср., например: *Запасливый лучше богатого; Бережливость лучше прибьтка*.

3) «Много – мало». Данная группа также широко представлена в шведском материале с компонентом. Основная ценностная установка, выражаемая шведскими пословицами рассматриваемой группы – «лучше обладать меньшим, но наверняка, чем большим, но не имея уверенности в получении этого большего»: *Bättre en fisk i grytan än tio i sjön* (Лучше одна рыба в котелке, чем десять в озере), *Bättre en fisk i handen än två vid stranden* (Лучше одна рыба в руке, чем две у берега), *Bättre en fågel i handen än tio i skogen* (Лучше одна птица в руке, чем десять в лесу), *Bättre halvt bröd än allt mista* (Лучше полхлеба, чем всё потерять). В эту же группу можно отнести паремии, выражающие ценность наличия чего-то меньшего, но более важного. В качестве компонентов в пословицах данной группы задействованы зоонимы, наименования лиц, хозяйственно-бытовых реалий и даже старинных мер веса: *Bättre en ko i ro än två med oro* (Лучше одна корова в покое, чем две в смятении); *Bättre halvt bröd än allt mista* (Лучше полхлеба, чем всё потерять); *Bättre en liten välsignad bit än ett stort förbannat stycke* (Лучше маленький благословенный кусочек, чем большой проклятый кусок), *Bättre ett vittne som har sett än tio som har hört* (Лучше один свидетель, который видел, чем десять, которые слышали), *Bättre ett kvintin lycka än ett skålpund vett* (Лучше квинтин счастья, чем фунт ума), *Bättre få vänner och trygga än många som går till rygga* (Лучше мало друзей, но верных, чем много, но которые отступятся) и др. В русских пословицах с компонентом *лучше* данная группа представлена гораздо меньшим количеством единиц: *Живёт и меньшее лучше большого*; *И маленькая рыбка лучше большого таракана*; *Всё лучше того, как нет ничего*.

4) «Пища». В этой группе наблюдается незначительное преобладание шведских единиц с компонентом *bättre* по сравнению с русскими с компонентом *лучше*. Следует особо отметить актуализацию концепта ХЛЕБ, номинируемого компонентом *bröd* во многих шведских пословицах. Хлеб всегда служил основной пищей шведов, этот концепт является константой, организующей вокруг себя один из центральных фрагментов шведской национальной картины мира: *Bättre bröd än fågelsång* (Лучше хлеб, чем птичья песня); *Bättre ge hunden bröd än bitas med honom* (Лучше дать псу хлеба, чем драться с ним); *Bättre halvt bröd än allt mista* (Лучше полхлеба, чем всё потерять). Однако способность принять верное решение, а также не взять на душу грех ценятся выше пищи: *Bättre brödlös än rådlös* (Лучше без хлеба, чем без совета); *Bättre gå i säng utan aftonvard än stiga upp med skuld* (Лучше лечь в постель без ужина, чем встать с грехом). В русских по-

словицах с компонентом *лучше*, относящихся к данной тематической группе, также встречается компонент *хлеб*, хотя и несколько реже, чем в шведских. Хлеб символизирует в пословицах важнейший продукт русской еды, является символом пищи вообще, но также служит символом бедности в сочетании с *водой*: *Сколько ни думай, а лучше хлеба-соли не придумаешь; Лучшие хлеб с водой, чем пирог с бедой*. В русских паремиях с компонентом *лучше* также встречаются и другие символически «нагруженные» единицы русского пищевого кода – *капуста, редька, хрен, квас, мёд*. Ср.: *Капуста лучше пуста: хоть в брюхе не порожнее; Хрен редьки не слаще, чёрт дьявола не лучше; И худой квас лучше хорошей воды; Лучшие воду пить в радости, чем мёд в кручине*.

5) «Осторожность». Данная группа пословиц шведского языка формально связана с бытовыми советами, за которыми стоят философские обобщения, поскольку пословица всегда двупланова: *Bättre blåsa på gröten än bränna sig* (Лучше дуть на кашу, чем обжечься); *Bättre vända om än gå vilse* (Лучше повернуть вспять, чем заблудиться) и др. В русском материале с компонентом *лучше* в данную группу попадает только одна пословица: *Береженье лучше вороженья*.

6) «Здоровье». В этой группе обнаруживаются практически эквивалентные в двух языках пословицы: *Bättre fattig och frisk än rik och sjuk* (Лучше бедный и здоровый, чем богатый и больной) – *Здоровье лучше богатства*. Однако в шведском языке есть паремии данной структуры, вербализующие более конкретные ситуации и при этом выражающие ту же установку; ср.: *Bättre nöta skorna än lakanen* (Лучше пускай сотрутся башмаки, чем простыни); *Bättre rikta skomakaren än apotekaren* (Лучше направиться к сапожнику, чем к аптекарю).

3. Группы с приблизительно одинаковым количеством шведских и русских пословиц

В данный разряд можно отнести такие группы шведских и русских пословиц с компонентами *bättre/лучше*, как «Неправда – обман», «Суд – правда», «Упорство», «Ссора – драка – война», «Жизнь – смерть», «Язык – речь», «Честь – почёт», «Друг – недруг». В этих группах находим пословицы, выражающие схожие установки, или полностью эквивалентные: *Bättre väl död än med sorg leva* (Лучше хорошо умереть, чем жить с печалью) – *Чем жить да век плакать, лучше спеть да умереть; Bättre snava med foten än med tungan* (Лучше споткнуться ногой, чем языком) – *Лучше ногою запнуться, нежели языком; Bättre falla med ära än stå med skam* (Лучше с честью пасть,

чем стоять с позором) – *Лучше смерть, нежели позор* и др. Однако следует отметить, что в рассматриваемых группах русских паремий наряду с серьёзными пословицами встречаются иронические, например: *Хороша и честь и слава, а лучше того каравай сала*. В группе «Друг – недруг» шведские пословицы вербализуют ценность истинных друзей: *Bättre ovän än falsk vän* (Лучше недруг, чем ложный друг); *Bättre få vänner och trygga än många som går till rygga* (Лучше мало друзей, но верных, чем много, но которые отступятся). Русские же единицы акцентируют ценность старой дружбы: *Старый друг лучше новых двух*; *Лучше найдёшь – забудешь, хуже найдёшь – вспомнешь*.

4. Группы с преобладанием русских единиц по сравнению со шведскими

В этот раздел попадают такие группы русских пословиц с компонентом *лучше*, как «Смирение – гордость», «Муж – жена», «Условие – обман». Шведские единицы с компонентом *bättre* советуют быть смиренным: *Bättre bocka sig än stöta huvudet i dörren* (Лучше кланяться, чем совать голову в дверь проявлять непокорность). Русские паремии в целом более образны и ироничны: *Журавлина походка не нашей стати*. *Лучше низом, нежели горою*; *Не смейся, горох, не лучше бобов: размокнешь, и сам лопнешь*. Шведские паремии группы «Муж – жена» отражают только мужской взгляд на жену и женитьбу: *Bättre gammal vid sitt lår än ung i sitt hår* (Лучше старая [жена] в бёдрах, чем молодая в волосах; имеется в виду, что со старой женой больше покоя и надёжности, чем с молодой); *Bättre väl hängd än illa gift* (Лучше хорошо повешен, чем плохо женат). В русских же единицах данной группы представлена и жена глазами мужа, и муж глазами жены. При этом однозначна антиценность плохой жены для мужа: *Лучше хлеб есть с водою, чем жить со злою женою*; *Лучше жить со змеёю, чем со злою женою*. В отношении оценки мужа проявляется двойственность: *Нужа, нужна! Нет её хуже, а лучше худого мужа*; *Стужа да нужна, а лучше худого мужа*; *Худ мой Устим, да лучше с ним*; *Лучше семью гореть, чем одна овдоветь*. Обращает на себя внимание значительное преобладание русских паремий в группе «Условие – обман». В эту группу входят такие единицы, как *Договор лучше денег*; *Слово лучше печати*; *Денежки вперёд – лучше горе не берёт*; *Недосул лучше пересула*; *Ряда – дело хорошее, а устойка и того лучше*. В шведском языке в эту группу можно отнести только одну единицу: *Bättre ett ärligt nej än ett falskt ja* (Лучше честное нет, чем ложное да).

5. Группы пословиц, выделяемые только в русском языке

Сюда входит большое количество русских пословиц и поговорок с компонентом *лучше*, которые иллюстрируют следующие темы: «Удача», «Терпение», «Обида», «Добро – зло», «Признательность», «Кара – милость», «Былое – будущее», «Баба – женщина», «Грамота», «Память». См., например, такие русские пословицы, как: *Последняя удача лучше первой; Лучшие пропасть, чем терпеть злую напасть; Лучшие в обиде быть, нежели в обидчиках; Лучше не дари, да после не кори; Бить – добро, а не бить – лучше того; Чем старый серп зубрить, не лучше ли новый купить; Лучшие раздражить собаку, нежели бабу; Лучшие печатного не скажешь; Чего не воротить, про то лучше забыть*. Примечательно отсутствие у шведских паремий с компонентом *bättre* таких тем, как «Любовь» и «Пьянство», довольно широко представленных в русских пословицах с компонентом *лучше*. Русские паремии, описывающие данную тематику, обладают особой экспрессивностью и выразительностью, а также зачастую иронией: *Покажется сатана лучше ясного сокола; Полюбится сова лучше ясного сокола; Хорошо гостит девка, а и того лучше дома сидит; Нет питья лучше воды, как перегонишь её на хлеб; Гулящие дни случаются, так чем на улице валяться – лучше в кабаке просыпаться; Пей пиво, запивай вином, лучше хмель не возьмёт; Пить добро – а не пить – лучше того*.

Выводы

В результате проведённого анализа можно сделать следующее заключение. Признак сравнения – аксиологический предикат *bättre/лучше* – в шведских и русских пословицах рассмотренной структуры позволяет в предельной степени явно выразить ценностные установки, сформированные в народной культуре. При соотносимом количестве с русскими паремиями шведские паремии с компонентом *bättre* составляют более объёмные по числу единиц тематические группы, среди которых выделяются ядерные для шведской культуры, такие как «Дело – работа», «Богатство – бедность» и др. Основные ценности, вербализуемые в шведских паремиях, обусловлены суровым бытом шведского крестьянства и протестантской трудовой этикой. Главными ценностями являются трудолюбие, добросовестность, умение ценить малое. Анализ материала позволяет также говорить о большем разнообразии самих культурных установок, которые выражаются с помощью шведских пословиц такой структуры. Русские паремии, в отличие от шведских пословиц, распределяются по большему количеству тематических групп, то есть охватывают самые разные денотативные сфе-

ры, но количество самих единиц в рамках той или иной тематики незначительное. При этом русские паремии рассматриваемой структуры отличаются ироничностью и более яркой образностью, чем шведские. Тем самым, шведские пословицы с аксиологическим компонентом *bättre* представляются более «прицельными» в вынесении оценочных суждений, сформированных в шведской народной культуре. Русские пословицы не обнаруживают «стремления» к прямолинейному выражению приоритетов с помощью компонента *лучше*, что говорит или об иных способах выражения приоритетов, или о том, что данный параметр («лучше») не является оптимальным для русского самосознания.

В структуре шведских и русских пословиц признаки сравнения *bättre/лучше* выполняют важную функцию – отмечают предельную меру проявления того или иного признака, значимого в концептуализации действительности, и передают укорененные в языковом сознании эталоны народной культуры.

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 3-е стер. М.: УРСС, 2005.

Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. М.: Эксмо-Пресс, 2004.

Ковшова М.Л. Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры. М.: Гнозис, 2015.

Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис. 2017.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.

Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13-24.

Телия В.Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. С. 776-782.

Holm P. Ordspråk och talesätt. Stockholm, 1971.

Sundbärg G. Det svenska folklynnnet. Stockholm, 1915.

A.S. Alyoshin (*St.-Petersburg, Russia*)

*The Bonch-Bruевич St.-Petersburg State University of Telecommunications
alexis001@mail.ru*

**PROVERBS WITH A COMPARATIVE COMPONENT
BÄTTRE/ЛУЧШЕ IN SWEDISH AND RUSSIAN
(A LINGUACULTURAL ASPECT)**

The article deals with comparison of Swedish and Russian proverbs with the components *bättre* and *лучше* in order to identify the culturally specific in the expressed cultural attitudes and the value priorities of Swedish and Russian proverbs.

Key words: proverbs, comparative component, evaluation, value, Swedish, Russian, linguacultural studies.

В. Высочаньски (*Вроцлав, Польша*)

*Вроцлавский университет
wladzimierz.wysoczanski@uwr.edu.pl*

**ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД
В КОМПАРАТИВНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ
(НА ПРИМЕРЕ КАРТИНЫ БЕДНОСТИ)**

В данной статье демонстрируется значение этнолингвистического направления в изучении фразеологии, рассматриваемого как часть когнитивного исследования. На материале фразеологизмов, обозначающих бедность, сопоставляются картины мира польского и русского языков, выводятся характерные для них стереотипы и ценности.

Ключевые слова: фразеология, когнитивизм, этнолингвистика, компаративные исследования, фразеологическая картина бедности.

Введение

Исследования в области фразеологии на протяжении последних трех десятилетий позволяют не только отметить отход от структуралистской методологии, но и оценить основное изменение исследовательских перспектив как укрепление когнитивистских положений. Связывая языковые явления «с более общими познавательными процессами в индивидуальной и общественной сферах, зависящими от истории и культуры данного коллектива, от его концептуализации мира», ког-

нитивизм определил себе другие исследовательские цели, предложил также другой взгляд на язык [Pajdzińska 2006: 86] (здесь и далее перевод цитат наш. – *В.В.*). Современные фразеологические исследования характеризуются интегральностью; интердисциплинарный подход к фразеологии относится, в особенности, к изысканиям в прагматическом и культурно-когнитивном направлениях. В антропологическом подходе, в силу того, что «язык и культура обнаруживают сходство во многих существенных отношениях (семантическом, функциональном, прагматическом, структурном) [Толстая 2011: 17], несмотря на доминанту когнитивного профиля с явной когнитивно-дискурсивной направленностью, активно намечается и лингвокультурологическое направление [Wysoczański 2015: 44-50] с главной категорией фразеологизма как особенного языкового знака [Ковшова 2013: 69]. При антропологическом подходе к фразеологическим исследованиям важная роль принадлежит этнолингвистическому профилю [Wysoczański 2015: 50-52]. Суть этнолингвистики – «рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов корреспонденции» [Толстой 1995: 27]. Согласно этому, «ключевыми понятиями в этнолингвистических исследованиях и работах по фразеологии конца XX в. становятся культура, этнос, миропонимание, духовный опыт, стереотип, эталон, ритуал и др.» [Ковшова 2013: 33]. Фразеология, играя существенную роль «в сохранении в своих образах знаний и опыта человека, получаемого им при восприятии окружающего мира и взаимодействии с ним, является наиболее ярким показателем этнокультурной специфики национального языка» [Алефиренко, Степанова 2010: 232]. Отмеченные парадигматические перемены относятся и к сравнительной фразеологии, которая, наряду со структуралистскими подходами (в частности, проблематики фразеологической эквивалентности и формально-семантических видов эквивалентов), в настоящее время разрабатывает и применяет другие приемы, например анализ концептуальных параллелей. В контрастивных исследованиях, ввиду того факта, что язык тесно сопряжен с культурой народа, мы обращаемся «к плану уже не языковой семантики, но к семиотическому плану, к элементам, которые, функционируя в разных знаковых системах, по сути дела переводимы с языка на язык в пределах некоторой культурной общности» [Lewicki 2003: 21, 231].

Исходя из обозначенных этнолингвистических предпосылок, в данной статье внимание сосредоточивается на представлении основ-

ных положений и подходов по отношению к компаративному изучению фразеологии. Объектом теоретико-методологических и предметных изысканий становится, прежде всего, выявление сопоставительного и контрастивного планов в этнолингвистических штудиях фразеологических единиц. Ввиду укорененности фразеологических единиц в культуре и их важности для языковой картины мира, сопоставительное этнолингвистическое направление, направленное «на установление соотношения универсального, присущего многим языкам, и национального, специфичного лишь для одного языка» [Алефиренко, Корина 2011: 128], вносит «ценный вклад в лингво-культурные исследования» [Szerszunowicz 2016: 89].

Этнолингвистический подход в сравнительных фразеологических исследованиях и в изысканиях фразеологии

Взаимосвязь языка и культуры не подлежит сомнению: «язык служит выражению культурного содержания, но сам подвергается влиянию, проистекающему из разных сфер культуры, а также из сферы религиозной жизни» [Вајерова 1993: 3]. В результате взаимодействия обоих феноменов, трактуемых как разные семиотические системы [Телия 1996, 1999], «осуществляется формирование культурно обусловленной фразеологической подсистемы языка, в которой фразеологизм обретает статус знака — «язык» культуры и начинает играть в последней особую роль» [Зыкова 2015: 81]. Исследование фразеологии в контексте культуры концентрируется, согласно В.Н. Телия, на процедурных областях выявления экстралингвистической (культурной) информации в семантике фразеологизмов, их употреблении и восприятии в дискурсе. При таком подходе исследование знаков языка заключается в их соотношении с «предметной областью культуры». Основной упор делается на выявлении таких языковых средств и способов, которые обеспечивают фразеологизмам способность отображать в знаковой форме те или иные черты культуры, присущие определенному языковому сообществу. Задача исследователя состоит в уточнении того, как понимается, изучается и описывается культурная семантика фразеологизмов в аспекте взаимодействия языка и культуры при этнолингвистическом, лингвокультурологическом и контрастивном подходах, а также в выявлении того, каковы пункты взаимодействия и различий у данных подходов. В лингвокультурологии важнейшими представляются вопросы, связанные «с выделением общей для языка и культуры методологической платформы, на базе которой разрабатываются методы

изучения единиц фразеологического состава языка, выступающих в функции межпоколенно воспроизводимых знаков «языка» культуры и участвующих в трансляции ментальности народа – носителя языка» [Телия 1999: 13-14]. В этнолингвистике, обращенной, в основном, на исследование взаимосвязей между языком, мышлением, поведением человека и действительностью, главным объектом исследования является язык, функционирующий в неразрывной связке с культурой, прежде всего, народной. Также несомненно, что и «в исследовательской парадигме этнолингвистики особое место отводится фразеологии» [Приходько 2013: 107], однако при этнолингвистическом подходе не уделяется достаточно внимания теоретико-методологическим вопросам контрастивной фразеологии, несмотря на отмечаемую исследователями бесспорную целесообразность методов сравнительной фразеологии. На наш взгляд, основные проблемы в этнолингвистическом подходе связаны, главным образом, с необходимостью расширения области этнолингвистического исследования и разработкой методологических и предметных аспектов контрастивного характера, т.е. в сочетании при исследовании фразеологии этнолингвистического и контрастивного подходов.

Анализ фразеологизмов позволяет воссоздать языковую картину действительности, «представляющую собой вербализованную систему когнитивных структур, отображающих этноязыковое «видение» мира» [Алефиренко, Степанова 2010: 232], ибо «фразеология – это уровень, на котором определенные виды языковой картины мира обнаруживаются с особенной выразительностью» [Pajdzińska 2006: 22, 137]. Формы переживания и осмысления мира являются источниками культурной информации, и они также «определяют ее организацию во фразеологических знаках, создавая соответствующие информационные слои (или пласты) в их глубинном содержании» [Зыкова 2015: 218]. Следовательно, кроме всего прочего, концепция фразеологической картины мира с опорой на межязыковой анализ конкретного материала является первостепенным орудием компаративной фразеологии для выявления близости и сопредельности сопоставляемых языков и представления дву(много)плановости национально-уникального или однородности и обобщенности универсального в этнолингвистическом освещении. Несомненно, при реконструкции языковой картины мира «сочетаемость слов может быть ценным источником информации о языковых категоризациях и субкатегоризациях» [Pajdzińska 2006: 153]. Относительно языковой картины мира в сопоставительном ракурсе

верно мнение, что отсутствие учета последовательного межъязыкового «сопоставления фразеологических фактов дает основу для довольно субъективных апелляций к специфично национальному — духу языка»» [Мокиенко 1999: 120]. Касательно компаративного подхода следует заметить, что «выделяются фразеологизмы, приписывающие конкретному этносу такие свойства, которые – в силу общих закономерностей оценки чужого – можно было бы отнести ко многим другим (если не ко всем) чужим народам» [Березович 2007: 405]. В этом контексте желательно также обращать внимание на соответствия в плотностях и сбивчивостях фразеологической картины и ее фрагментов определенного языка по отношению к сопоставляемым фразеологическим картинам разных языков. Справедливо отмечается, что вопреки всеобщему мнению «иногда различия между разными языковыми картинами мира внутри одного языка оказываются больше, чем межъязыковые различия» [Шмелев 2002: 15].

Предположение, в самом общем смысле, что фразеологизмы, «отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы» [Маслова 2001: 82], означает, что в этом понимании они представляют собой национально-специфические единицы языка, аккумулирующие культурный потенциал народа. Следовательно, в этнолингвистический подход входит и вопрос культурно-языковых стереотипов. Лингвокультурологический подход опирается на положение о том, что связь языка с национальной культурой реализуется через культурную коннотацию [Телия 1996: 214], что «культурная коннотация – это категория, позволяющая соотнести две семиотические системы: язык и культуру» [Маслова 2001: 88]. Сопоставление фразеологических единиц разных языков дает возможность засвидетельствовать культурно-языковые подобию либо различия в картине мира, прояснить способы категоризации и интерпретации действительности под углом сравнительного их сопоставления, в том числе – подтвердить факт уникальности стереотипов, которые можно трактовать как импликаторы фразеологической картины мира [Wysoczański 2006: 84].

Не вдаваясь в развернутые рассуждения, касающиеся исследования того, в какой форме – эксплицировано или имплицитно – происходит отражение системы ценностей во фразеологии (см. [Pajdzińska 2006: 129-139]), следует подчеркнуть, что именно с помощью компаративного подхода возможно осуществить реконструкцию ценностно

значимой информации, «вписанной» во фразеологизмы. Это позволит подтвердить идею о том, что фразеологический запас языка является источником знаний о системе ценностей, которая может быть выявлена и описана, прежде всего, при сравнении фразеологизмов на материале разных языков.

Фразеологическая картина бедности

На основе компаративного анализа польских и русских единиц представим фразеологическую картину бедности, как она запечатлена в польской и русской фразеологии.

БЕДНОСТЬ

К бедности. Бедно. Обеднение

Симптомы обеднения. Об обеднении сигнализируют недостатки, недоборы: *sama bieda/ bida*; положение, когда кто-либо оказывается в трудной ситуации: *przychodzi bieda na [kogoś]*; *bieda pada na kogo*; состояние, когда кто-либо с трудом удовлетворяет основные потребности: *biedę/ nędzę pchać/ latać*. Переживание бедности. Кто-либо начинает испытывать бедность, нищету: *bieda wkrada się/ zagląda do [kogoś]/ [czyjegoś] domu*; кто-либо становится бедным, находится на грани нищеты: *bieda zagląda [komuś] w oczu*. Усугубление бедности. Усиление бедности имеет много индикаций: из малой бедности превращается в большую: *wpaść/ trafić/ dostać się z deszczu pod rynnę*; очень бедно жить, терпеть нужду: *pchać/ latać biedę*; *перебиваться с хлеба на квас/ с хлеба на воду*; *переколачиваться с крохи на кроху*; жить, существовать в большой бедности, плохо, терпя нужду и лишения: *перебиваться с куска на кусок*; *перебиваться с корочки на корочку*; *перебиваться с гроша на копейку*; *перебиваться с пуговки на петельку*; терпеть нужду: *мыкать горе/ жизнь*; переживать большие материальные лишения и терпеть бедствия: *терпеть голод и холод*; *голодать и холодать*; испытывать крайнюю нужду, временное безденежье: *сидеть на мели*; *свистеть в кулак*; живя в бедности, едва справляться с нуждой, с трудом укладываться в жалование: *едва/ еле/ кое-как сводить/ свести концы с концами*; жить очень бедно: *жить на тонкую ногу*; *еле дышать*; *перебиваться с копейки на копейку*. Причины бедности. Обеднеть, оскудеть, разориться можно в результате утраты прежнего величия: *zejść/ schodzić na psy*; *iść z torbami*; возвращения к исходному положению неустроенности, потери всего приобретенного: *к разбитому корыту возвращаться/ вернуться* (из Сказки о рыбаке и рыбке А.С. Пушкина); через запущенность, неряшливость: *brud*,

smród i ubóstwo. Доведение до бедности. До бедности, нужды, нищеты доводит кто-либо: *wtrącać [kogoś] w nędzę; doprowadzać [kogoś] do ubóstwa*, что-либо: *[coś] przywodzi [kogoś] do nędzy*, жестокое эксплуатирование: *выжимать/ выжать соки/ сок из [кого]*. Видимость бедности. Заметны острая нужда, сокращение расходов на жизнь: *затягивать потуже пояс; поджимать/ подтягивать живот*; существование без сапог, без штанов: *bez butów; chodzić bez portek*; плохо, бедно одетый человек: *держат в зампанезе [кого]*; бедно и неряшливо одетый человек: *wyglądać jak nędzarz; wyglądać jak sierota*; одет как пугало/ как чучело гороховое/ как шут гороховый; как оборванец; как бродяга. Наступающее оскудение приводит человека к бедности, нищенствованию, убожеству: *пойти по миру; пойти с сумой*; приводит к разорению, нищете: *вылетать/ вылететь в трубу; остаться в одной рубашке*; доводит до крайности: *идти/ пойти на дно*.

Бедствование. Жизнь в бедности. Человек, пребывающий в бедности

Претерпевание, выдерживание бедности. За бедного человека бедность цепляется: *bieda się [kogoś] czepia*; мучает его: *bieda [komuś] dogryzła/ dojadła*. Бедность обозначает жизнь в тяжелых условиях, бедную, скромную жизнь: *żyć w biedzie; жить в бедности; cienko prząść; żyć na niskiej stopie/ na niską stopę*. В бедности человек плохо питается, живет очень скромно: *biedować/ być/ siedzieć/ żyć o chlebie i wodzie; czarny chleb; o suchym chlebie*; испытывает нужду в чем-либо: *гладен и хладен*. Бедность, безденежье. У нуждающегося возникают финансовые и материальные проблемы, он страдает от безденежья: *[komuś] się nie przelewa; dziurawa kieszeń; nie śmierdzieć groszem; nie cuchnąć/ śmierdzieć pieniędzmi; bryndza jest u [kogoś]; śpiewać cienkim głosem; nie mieć ani grosza/ szeląga/ złotówki przy duszy; bez grosza przy duszy; ни гроша/ ни копейки/ ни полушки за душой [у кого]; ни гроша/ни копейки/ ни копыя [у кого]; без копейки; пустой/ тощий кошелек [у кого]; пустой/ тощий карман; в кармане пусто [у кого]; ветер свистит/ гуляет в кармане/ в карманах [у кого]; денег не густо; с деньгами туго; в одном кармане блоха/ клоп/ вошь на аркане, а в другом нет ничего*. Бедность, жизнь в недостатке. Человек бедствующий живет в недостатке: *być w biedzie; cierpieć biedę; biedę/ nędzę klepać/ znosić; chuda fara u [kogoś]; pleban/ proboszcz sam dzwoni*; страдает от лишений, живет в трудных условиях, недостатке: *nędzne życie; uznać pocём фунт лиха*. Бедность, жизнь в убожестве. Человек, терпящий лишения, испытывает убожество: *zakosztować/ skosztować/*

zaznać biedy; cierpieć ubóstwo. Бедность, жизнь в нищете. Бедность иногда равнозначна жизни в нищете: *bieda ciśnie/ dociska/ przyciska/ dusi/ gniecie/ przygniata* [когоś]; *нужда гнетем/ угнетаем; bieda daje się we znaki/ dokucza/ doskwiera; borykać się z nędzą; cierpieć nędzę.* Бедность, нищета дома мучительны: *cztery kąty a piec piąty.* Бедность, голод. Бедствовать – это нередко голодать: *przymierać głodem/ z głodu; gryźć kamienie;* жить впроголодь, отказывая себе в самом необходимом: *куска недоедать.* Масштаб бедности. Отчетливой степенью бедности является крайняя бедность, нужда, нищета: *straszna bieda; ostatnia bieda; bieda/ bida z nędzą; bieda, choć siekiera rąbać; bieda aż piszczy/ skwierczy; świecić bokami;* *засверкать голым задом; заплата на заплате; нагота и босота.* Касается это также положения, когда абсолютно ничего нет, не осталось у кого-л., особенно из имущества: *biedny jak mysz kościelna; beden/ niucz jak церковная мышь/ крыса (беднее церковной мыши/ крысы); goły jak/ niczym święty turecki; beden/ гол как турецкий святой; гол как сокол; ni kola ni двора [у кого]; ni ложки ni плошки [у кого, где]; choć шаром покати [где, у кого].* Испытывать крайнюю нужду или временное безденежье: *свистеть в кулак.* Воздействие бедности, последствия бедности. Определенные действия совершаются из-за бедности: *w biedzie; z biedy;* бедность вынуждает сделать что-либо: *bieda popycha do* [czegoś]. Обусловленность бедности. Живя в бедности, заводить семью, детей: *biedny, tylko w dzieci bogaty; плодить нищету;* несмотря на бедность, нищету может быть чисто: *choć ubogo, ale chędogo;* весело, радостно: *choć golo, ale wesolo;* бедный человек бывает счастливый, умеет радоваться жизни: *goły, ale wesoly.* Избегание бедности. Беречь себя от бедности: *oganiać się przed biedą;* терпя крайнюю нужду и лишения, усиленно, но безрезультатно добиваться улучшения материального положения: *биться как рыба об лёд.* Выход из бедности. Из бедности можно выйти: *dźwignąć się z biedy/ nędzy; выбраться из нищеты/ нужды; из грязи (да) в князи попасть/ выйти/ вылезти* (здесь «фразеологизм в целом выступает в роли стереотипного представления о быстром продвижении человека из низов общества в его социальную верхушку, от бедности – к богатству» [Телия 2009: 267-268]). Невозможность выхода из бедности. Из бедности нельзя выйти: *bieda biedę radzi/ wspiera.* Поддержка в бедности. В бедности, в трудных жизненных ситуациях не покидают друг или друзья: *wierny przyjaciel; prawdziwych przyjaciół poznaje się/ poznajemy w biedzie.* Помощь в бедности. Кому-либо в трудной материальной ситуации оказывают

помощь: *wydobyć/ wyciągnąć/ wyrwać/ wygrzebać [kogoś] z biedy*; просят, выпрашивают в помощь бедному, обедневшему: *na biednych; na biedność*. Время пребывания в бедности. Указывается период бедности: *chude lata*; жизнь в течение долгого времени в бедности: *najeść się biedy*; непрерывная бедность: *bieda się trzyma kogo; bieda nie wychodzi z tego domu*. Места, где господствует бедность. В определенных местах люди живут в нищете: *bieda [gdzieś] panuje*. Распространенность бедности. Бедность повсеместно встречается, кто ее только не испытывает: *po kom beśda nie chodziła*. Очередность бедности, недостатка и достатка, зажиточности. В соответствии с библейским повествованием после периода успеха, достатка, зажиточности следует период бедности, недостатка, неудачи: *siedem lat thustych i siedem lat chudych*. Изменчивость порядка жизни характеризует иной раз счастье, в другой раз бедность: *dola i niedola*. Бедность – отсутствие бедности. Бедная, скромная жизнь противопоставляется жизни без нужды, в зажиточности: *żyć w biedzie – żyć dostatnio; takiemu to dobrze; nie ma co do garnka włożyć – mieć co do garnka włożyć; nie mieć co do pyska włożyć – mieć co do gęby włożyć*.

Представленная в такой целостности фразеологическая картина бедности демонстрирует параллелизм в выделении основных категорий и большинства субкатегорий, выявляет лакуарность, отражает определенное сходство в интерпретации бедности, ср. напр. *żyć w biedzie; жить в бедности*, указывая вместе с тем специфику «точки зрения» на многие фрагменты этой картины, ср. напр. *bieda zagląda w oczy* [бедность заглядывает в глаза]; *cztery kąty a pięć piątą* [четыре угла, а печь пятая]; *перебиваться с хлеба на квас; свистеть в кулак*.

Заключение

Подытоживая рассуждения, следует подчеркнуть, что в исследованиях по фразеологии широко распространен этнолингвистический подход когнитивной направленности, развиваемый в рамках антропологической научной парадигмы [Высочаньски 2018: 351]. Этнолингвистические предпосылки, будучи применены к конкретному фразеологическому материалу при межъязыковом сопоставлении, позволяют точнее выявить определенные конфигурации компаративного характера. Так, на примере проведенного исследования обнаруживаются национально-уникальные свойства, имеющиеся у каждого из составляемых языков, выявляются различия и национальная маркированность фразеологизмов, но вместе с тем – наличие сходства во фразеологиче-

ских картинах бедности в силу существующих взаимосвязей и общности в сферах культуры или религии. Требуется отметить также важность этнолингвистического анализа лакунарных неоднословных единиц в межъязыковой перспективе (см. [Szerszunowicz 2016]).

В свете сопоставительного изучения фразеологии с этнолингвистических позиций особенно ценны изыскания, становящиеся основой для реконструкции фразеологической картины мира, понимаемой как фрагмент общей языковой картины мира (см. [Высочанский 2014: 48-67]). Эти исследования выразительно отображают специфичность фразеологической категоризации в разных языках, выявляют интерпретационные приемы и ракурсы в концептуализации действительности посредством фразеологизмов, подтверждают фразеологическую манифестацию культурно-языковых стереотипов и прототипов. Такой подход раскрывает хранящееся во фразеологическом пласте ценностное понимание мира, выявляет аксиологическую систему, запечатленную во фразеологии (см. [Высочански 2018: 351]), поскольку «существенное свойство человека – это то, что видит он мир в категориях ценностей», и «аспекты этих оценок бывают разные – моральный, эстетический, прагматический, познавательный, религиозный» [Puzupina 1997: 195]. Так применение этнолингвистического профиля в сравнительных (сопоставительных и контрастивных) фразеологических исследованиях, позволяет определять «рамки» эквивалентности, конгруэнтности и несходства категоризационно-концептуализационных процессов при восприятии мира, которые отражаются по-разному в разных языках, в том числе их фразеологическом составе.

Таким образом, при компаративном изучении фразеологии в этнолингвистической перспективе, «обращенной по данным языка к реконструкции культурных, народно-психологических и мифологических представлений» [Ковшова 2013: 54], предметом анализа становятся знаки культурно-языковые как специфичноязыковые маркеры этнически-культурного тождества, с акцентированием их особых функций – идентифицирующей и дифференцирующей (см. [Wysoczański 2002: 43-71]).

Литература

Алефиренко Н.Ф., Корина Н.Б. Проблемы когнитивной лингвистики. Нитра: Univ. Konštantína Filozofa v Nitre, 2011.

Алефиренко Н.Ф., Степанова Л.И. Динамика фразеологической картины мира // *Areálová slavistika a dnešní svět. Monografie z*

filologicko-areálových studií / Ed. I. Pospíšil. Brno: Tribun EU, 2010. С. 231-238.

Березович Е.Л. Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования. М.: «Индрик», 2007.

Высочаньски В. Когнитивно-этнолингвистические предпосылки в исследовательских подходах сравнительной фразеологии // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке. Тула: ТППО, 2018. С. 348-354.

Высочаньский В. Категоризация действительности в реконструкции фразеопаремической картины мира // Корина Н., Норман Б., Алефиренко Н., Высочаньский В., Соколова Я. Языковая картина мира и когнитивные приоритеты языка. Nitra: Univ. Konštantína Filozofa v Nitre, 2014. С. 45-ф68.

Зыкова И.В. Концептосфера культуры и фразеология. Теория и методы лингвокультурологического изучения. М.: ЛЕНАНД, 2015.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М.: Книж. дом «ЛИБРОКОМ», 2013.

Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: «Академия», 2001.

Мокиенко В.М. Русская картина мира и сопоставительный анализ фразеологии и паремиологии // IX Международный конгресс МАПРЯЛ. Русский язык, литература и культура на рубеже веков. Тез. докл. и сообщений. Секция лингвистическая. Братислава; М.: Изд-во МАПРЯЛ, 1999. С. 120-121.

Приходько А.И. Этнолингвистический аспект изучения фразеологии // Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами / ред. Алефиренко Н.Ф. Белгород: Издат. Дом «Белгород»: НИУ «БелГУ» 2013. С. 106-109.

Телия В.Н. (отв. ред.). Большой фразеологический словарь русского языка. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009.

Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13-24.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки рус. культуры», 1996.

Толстая С.М. Семантические категории языка культуры. Очерки по славянской этнолингвистике. М.: Книж. дом «ЛИБРОКОМ», 2011.

Толстой Н.И. Язык и народная культура Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Изд-во «ИНДРИК», 1995.

Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Bajerowa I. Wpływ życia religijnego na język ogólnopolski (próba systematyzacji opisu historycznego) // *Język a chrześcijaństwo* / ed.: Bajerowa I., Karpluk M., Leszczyński Z. Lublin: Wyd. Tow. Nauk. Katolickiego Uniw. Lubelskiego, 1993. S. 7-18.

Lewicki A.M. Studia z teorii frazeologii. Łask: Oficyna Wyd. Leksem, 2003.

Pajdzińska A. Studia frazeologiczne. Łask: Oficyna Wyd. Leksem, 2006.

Puzynina J. Słowo – wartość – kultura. Lublin: Tow. Nauk. Katolickiego Uniw. Lubelskiego, 1997.

Szerszunowicz J. Lakunarne jednostki wielowyrazowe w perspektywie międzyjęzykowej. Białystok: Wyd. Uniw. w Białymstoku, 2016.

Wysoczański W. Integralność we współczesnych badaniach frazeologicznych // *Linguo-Cultural Research on Phraseology*. Vol. 3 / Ed.: Szerszunowicz J., Nowowiejsk B., Ishida P., Yagi K. Białystok: Univ. of Białystok Publ. House, 2015. S. 37-63.

Wysoczański W. Językowy obraz świata w porównaniach zleksykali-zowanych. Na materiale wybranych języków. Wrocław: Wyd. Uniw. Wrocławskiego, 2006.

Wysoczański W. Znaki językowo-kulturowe. Specyficznojęzykowe wyznaczniki tożsamości etniczno-kulturowej // *Rozprawy Komisji Językowej*. 2002. T. XXVIII. S. 43-71.

W. Wysoczański (Wrocław, Poland)

University of Wrocław

ETHNOLINGUISTIC APPROACH IN COMPARATIVE PHRASEOLOGY (AS APPLIED TO POVERTY VIEW)

The article deals with the importance of ethnolinguistic approach in phraseological research, referred to as part of cognitive studies. Phraseological units denoting poverty are used to compare Polish and Russian worldviews and identify Polish and Russian stereotypes and values.

Key words: phraseology, cognitivism, ethnolinguistics, comparative research, phraseological view of poverty.

О.И. Калинин (Москва, Россия)
Военный университет Министерства обороны
okalinin.lingua@gmail.com

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ КАК СПОСОБ ВЫЯВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ

В данной статье предложен и апробирован способ выявления культурно-специфического концептуального компонента во фразеологии, который базируется на анализе переводческих интерпретаций иноязычных паремий. В качестве материала исследования используются фразеологизмы китайского языка типа чэньюй с общей темой «война».

Ключевые слова: переводческая трансформация, культурно-специфический компонент, концептуальное поле, культурная маркированность, китайская лингвокультура.

Введение

Вопросы выявления и описания культурно-специфического концептуального компонента во фразеологии являются актуальными для исследования в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии. В.Н. Телия определяет фразеологию как «наиболее значимую в лингво-культурологическом плане часть языка», единицы которой (далее – ФЕ) направлены на осуществление процесса культурной референции в ходе их восприятия и употребления [Телия 1999: 14]. Наличие культурно маркированных смыслов в семантике ФЕ обуславливается интерпретацией фразеологизма в пространстве культуры, что, по сути, является связующим «звеном, обеспечивающим диалогическое взаимодействие разных семиотических систем – языка и культуры» [Там же: 15].

Эти теоретические посылки стали отправной точкой многих исследований, нацеленных на анализ так называемой кумулятивной культурологической функции фразеологизмов, то есть функции накопления «культурного кода» в семантике и прагматике ФЕ [Szerszunowicz 2009: 440].

А. Вежбицкая рассматривает культурную мотивированность как маркер той или иной культуры [Вежбицкая 1996], что проявляется преимущественно в наличии национально-специфичных слов-реалий, в том числе в составе паремий. Однако и вне зависимости от наличия культурно-маркированных слов-компонентов, фразеологическая единица «отражает культурное окружение носителя языка, обладая

мощными культурными коннотациями, которые помогают понять национальную психологию» [Wang 2018: 296].

Возможность и необходимость исследования фразеологии как одной из основ для понимания национальной культуры более чем очевидна. Ключевым вопросом остаются подходы и методики подобных исследований. В самом общем сущностном приближении основными являются два подхода: описательный, предполагающий системное исследование ФЕ одного языка [Muñoz-Basols 2013; Ковшова 2019], и сопоставительный [Ван 2018; Дарбанова, Ильин 2016; Vedmanova, Kulikova 2015; Ковшова, Доу Чуньяо 2015], в основе которого лежит сравнение сходных по семантическому полю или сфере применения паремий в разных языках.

Оба подхода могут опираться на различные методики исследования: корпусные [Pivovaiova 2019], дискурсивные [Balonkina 2019], когнитивные [Беляевская 2016], лингвокультурологического эксперимента и комментирования [Ковшова 2015]. Одним из наиболее распространенных методик к исследованию национально-культурной специфики паремий является анализ перевода, установление межязыковых эквивалентов, исследование их семантики, культурной обусловленности, когнитивных особенностей [Liu 2012; Akbari 2013; Khan 2013; Abdulaziz Assaf Al-assaf 2019]. Кроме того, часто в поле внимания исследователей лежит изучение фразеологизмов, соотносимых с какой-либо одной концептуальной областью, например, с военной сферой [Лупанова 2017; Ван 2018].

Все вышеперечисленные ученые используют перевод и межязыковые эквиваленты как предмет и материал исследования, в данной статье предполагается проверить применимость использования перевода и его когнитивной интерпретации как методики выявления «культурного кода», существующего во фразеологии того или иного национального языка.

Гипотеза и методика исследования

В основе данного исследования лежит гипотеза о том, что анализ интерпретирующего перевода фразеологизмов является действенным способом изучения отличий культурно-специфического компонента какой-либо концептуальной области, которая характерна для национального менталитета и запечатлена в том или ином языке.

Основная идея данного исследования состоит в том, чтобы изучить интерпретацию носителями русской лингвокультуры куль-

турно-маркированных ФЕ китайского языка, объединенных одной общей концептуальной областью. В качестве такой области была взята ВОЙНА, вслед за исследованиями этой сферы в других аспектах [Kalinin 2020; Kalinin, Mavleev 2020]. Концептуальная область ВОЙНА отражает глубинные национальные черты и характеристики, так как военная сфера жизни общества связана с весьма специфической деятельностью, которая осуществляется на грани жизни и смерти и основана на исходном принципе «борьбы за существование». В этой связи выбор концептуальной области ВОЙНА представляется интересным и важным с точки зрения выявления наиболее существенных национальных черт и их отражения во фразеологии.

Таким образом, предметом данного исследования стали китайские ФЕ, входящие в концептуальное поле ВОЙНА, а объектом – их переводческая интерпретация носителями русской лингвокультуры.

Методика данного исследования представляет собой несколько последовательных шагов:

1. Подбор фразеологизмов из концептуальной области ВОЙНА, семантическое значение которых не является прямым сложением значений входящих в ФЕ лексем, то есть подбор фразеологизмов с внутренней культурно-специфической образностью. Например, **掩旗息鼓** – дословно «*свернуть флаги, остановить бой барабанов*», основное значение – «*остановить боевые действия*», переносное значение «*пойти на пятую*», дополнительное значение «*действовать тайно*».

2. Проведение эксперимента, где испытуемые должны были перевести выбранные фразеологизмы, опираясь только на значение каждого отдельного иероглифа. Например, **掩** «*прятать*», **旗** «*флаг, знамя*», **息** «*отдыхать, заканчивать*», **鼓** «*барабан*».

При этом нужно было предложить дословное значение ФЕ, основное значение из военной сферы и сделать предположение о переносном и дополнительных значениях.

В качестве испытуемых выступили 50 студентов 1-5-го курса, которые проходят обучение по специальности «перевод и переводоведение» по программе китайского языка как первого иностранного.

3. Изучение полученных переводов-интерпретаций: анализ типичных ошибок и их причин, распределение интерпретаций по

тематическим блокам для каждого фразеологизма, выявление сходств и отличий в когнитивных импликациях исследуемой концептуальной области в русском и китайском языках.

Характеристика чэньюев

Прежде чем приступить к анализу результатов исследования, необходимо дать краткую характеристику фразеологии китайского языка. Прежде всего необходимо отметить разнообразие типов фразеологизмов: пословицы, поговорки, афоризмы, речения с усеченной концовкой. Однако, наиболее распространенными являются ФЕ по типу чэньюй, разные словари насчитывают более 50000 именно таких фразеологических оборотов.

«Чэньюй – это устойчивое фразеологическое словосочетание (чаще четырехиероглифное), построенное по нормам древнекитайского языка, семантически монолитное, с обобщенно-переносным значением, носящее экспрессивный характер, функционально являющееся членом предложения» [Калинин, Радус 2017: 107]. Чэньюй обычно этимологически уходит корнями в прошлое, их семантика охватывает широкие сферы материального быта и духовной жизни китайского народа, «содержат многочисленные сведения по истории, культуре, этике и эстетике Китая» [Там же: 108].

При этом важной особенностью большинства чэньюев является их внутренняя образность, то есть исходное построение ФЕ основано на иносказании или на метафоре. Очень часто в основе чэньюя лежит целая история, без знания которой перевод практически невозможен. Например, 画蛇添足 – «рисовать змею и добавить ноги» (прямое значение), «сделать ненужную лишнюю работу» (словарное значение). При этом, когда ФЕ не базируется на какой-то истории, все равно в ее составе почти всегда имеется образность и большое количество культурно-специфической лексики, анализ которой позволяет исследовать множество особенностей национального менталитета.

В этой связи использование методики интерпретации перевода чэньюев, или декодирование ФЕ, на базе основного лексического значения каждого из иероглифов в его составе представляется эффективным способом, который может показать разницу в восприятии той или иной концептуальной области.

Результаты и обсуждение

Для более доступного изложения результаты эксперимента будут представлены последовательно для каждой ФЕ по отдельности. Перед анализом интерпретаций будет предложена таблица с основным значением и статистическими показателями по переводу данного фразеологизма – верный, неверный перевод и интерпретации.

Когда перевод и интерпретация признаются верными, это значит, что они полностью совпали со словарным значением, и испытуемый правильно понял внутреннюю семантику ФЕ. Если при переводческой интерпретации была не просто нарушена внутренняя семантика ФЕ, а на начальном этапе перевода испытуемый выбрал неверное значение одной из лексем в составе ФЕ, что привело к неверному пониманию смысла, то такой перевод и интерпретация считаются неверными. Неверный перевод считается браком и не рассматривается в исследовании. Наибольший же интерес представляют сделанные на основе верного пословного перевода переводческие интерпретации, они в целом отражают правильный перевод, но с некоторым отклонением от словарного значения, и именно этот разброс значений является ключевым объектом изучения.

Таблица 1

Результаты перевод-интерпретации ФЕ

ФЕ	Дословный перевод	Словарное значение	Верный перевод	Неверный перевод	Интерпретация
背水一战	Спина, вода, бой/ воевать	Сражаться спиной к реке, биться не на жизнь, а на смерть	24 / 48%	12 / 24%	14 / 28 %
孤军奋战	Одинокий, армия, энтузиазм, сражаться	Одинокая армия продолжает храбро сражаться, один в поле воин	31 / 62%	4 / 8%	15 / 30%
兵凶战危	Солдат, преступник/ свирепый, бой опасность	На войне нет победителя	9 / 18%	8 / 16%	33 / 66%
龙战虎争	Дракон, бой, тигр, сражение	Битва двух равных противников	22 / 44%	7 / 14%	31 / 62%

IV. Язык – «ключ» к самосознанию этноса, социума, личности

ФЕ	Дословный перевод	Словарное значение	Верный перевод	Неверный перевод	Интерпретация
人海战术	Человек, море, война, искусство	Тактика атаки людскими волнами, брать количеством	23 / 46%	15 / 30%	12 / 24%
东驰西击	Восток, мчаться, запад, атаковать	Мчаться на восток, атаковать на запад; несогласованность руководства	5 / 10%	9 / 18%	36 / 72%
旌旗蔽空	Штандарт, знамя, заслонить, небо	Флаги и знамена заслонили небо; огромная и грозная армия	17 / 34%	5 / 10%	28 / 56%
避强击惰	Избегать, сильный, атаковать, инертный	Избегать сильных, атаковать слабых; бить по слабым местам	19 / 38%	17 / 34%	14 / 28%
破釜沉舟	Разбивать, котелок, топить, лодка	Разбить котлы и потопить лодки; сражаться не на жизнь, а на смерть; сжечь мосты	22 / 44%	3 / 6%	25 / 50 %
束戈卷甲	Связывать, копье, сворачивать, броню	Связать копья и сложить латы; сдаться	10 / 20%	4 / 8 %	36 / 72 %

Фразеологизм **背水一战** («сражаться не на жизнь, а на смерть») был переведен преимущественно верно, что говорит о сходном понимании импликации «смертельный бой» в китайской и русской культурах. Среди 14 интерпретаций наиболее интересны: «назад дороги нет» (6), «победа любой ценой» (3), «позади Москва» (3), «сражаться, не видя врага» (1), «быть на волоске от смерти» (1). Как мы видим, большая часть вариаций связана с тематикой Великой Отечественной войны, что свидетельствует о том, что импликация «смертельной битвы без возможности отступления» связана в исторической памяти с конкретными событиями.

Фразеологизм **孤军奋战** («один в поле воин») также получил большой процент правильных переводов при минимальном браке (8%). Большая часть интерпретаций перевода была связана со

значением «единоличного подвига»: «одиноким воин сражается еще более отважно» (7), «28 панфиловцев» (3), «взять все в свои руки» (2). Остальные вариации также интересны, хотя их трудно классифицировать: «безрассудство» (2), «единство армии» (1), «ближний бой» (1). Несмотря на то, что «один в поле воин» является трансформацией известной русской поговорки «*Один в поле не воин*», в данном случае можно утверждать, что значение «один в поле воин» ассоциируется с индивидуальным подвигом, что подтверждается как большим количеством верного перевода, так и интерпретациями перевода.

Фразеологизм 兵凶战危 («на войне нет победителя») породил довольно много интерпретаций при небольшом количестве верных переводов. При этом это отнюдь не связано с тем, что смысл, содержащийся в этой ФЕ, не близок представителям русской культуры. Скорее, это связано с тем, что сам фразеологизм был одним из наиболее сложных для интерпретации. Итак, наиболее характерными вариациями в значении стали: «плохой/жестокий/свирепый воин опасен на войне» (16), «война не обходится без жестокости» (7), «солдат несчастен, так как война опасна» (4), «опасный для солдат бой» (3), «жестокий солдат приносит вред для битвы» (2), «храбрец» (1). Полученные результаты показывают также большую индивидуализацию, персонификацию военной сферы в русской культуре, так как наиболее частотны вариации переводческих интерпретаций со значением личной жестокости или личного горя. При этом нельзя не отметить, что вариация «жестокий солдат опасен» говорит о своеобразной гуманной составляющей, которая в целом, как известно, присуща русскому народу при ведении боевых действий.

Фразеологизм 龙战虎争 («бой двух равных») также получил значительное количество отклонений от словарного значения. Наиболее частотной интерпретацией была «свирепый/ кровавый бой» (22). Также мы столкнулись с такими вариациями: «бой с самим собой» (5), «меж двух огней» (3), «каждому свое» (1). На этом примере очевидна неверная интерпретация культурно-специфической лексики «дракон» и «тигр», которые в китайской культуре связаны с могуществом и силой. Если в китайской культуре бой двух могущественных существ предстает как «равная битва», то в русской – это «смертельный бой», что говорит о другой оценке сути сражения.

Фразеологизм **人海战术** («атаковать числом») оказался не под силу для перевода почти для трети испытуемых, которые были сбиты с толку морфемой **海** «море». Среди наиболее характерных интерпретаций были «пушечное мясо» (6), «сражаться как рыба в воде» (4), «многие люди знают боевое искусство» (2).

Фразеологизм **东驰西击** («несогласованность руководства») оказался самым трудным для верного перевода, что привело к большому количеству переводческих смысловых интерпретаций. Наиболее частотной стала смысловая интерпретация «обманный маневр» (21). Испытуемые правильно осуществляли дословный перевод, но предполагали, что это одна из возможных военных хитростей. Это характеризует понимание войны носителями русской культуры как ремесла, профессии, где есть свои тайны и секреты. Другими вариациями перевода стали «битва на два фронта» (6), «передислокация» (5), «война на большой территории» (4), «молниеносная победа» (1). Все эти инварианты демонстрируют большое внимание в русской культуре к прикладным аспектам военных действий.

Фразеологизм **旌旗蔽空** («огромная грозная армия») показал довольно большой процент правильного перевода при маленьком количестве переводческого брака. Основной интерпретацией стало значение «многочисленная армия» (9), «быть готовым к войне» (8), «победа» (7). Эти интерпретации показывают, что внешние характеристики армии, такие как знамена и флаги, не являются показателем мощи, а соотносятся с какими-либо конкретными действиями, например, с готовностью к началу боевых действий или к победе в бою.

Фразеологизм **避强击惰** («бить по слабым местам») оказался трудным для перевода, что привело к тому, что более трети испытуемых дали неверный перевод. При этом интерпретации были весьма разрознены по смыслу: «слабый избегает сильного удара» (4), «быть во всеоружии» (3), «избегать сильных ударов» (3), «умный в гору не пойдет» (2), «вести пассивную оборону» (2). Подобные смысловые оттенки показывают влияние прикладных аспектов военного дела, доминирование утилитарной составляющей войны в сознании носителей русской лингвокультуры.

Фразеологизм **破釜沉舟** («сжечь мосты») показал высокий процент правильных переводов, что говорит о сопоставимости понимания значения «невозможности отступления». Весьма интересны переводческие трансформации, данные испытуемыми: «биться до конца» (17), «добиваться цели не взирая на трудности» (4). Они показывают, что в целом семантика невозможности отступления в русском менталитете тесно связана со сражением до последней капли крови.

Фразеологизм **束戈卷甲** («сдаться») был в целом правильно понят при дословном переводе («связать копыя и скрутить/сложить латы»), однако основное словарное значение «сдаться» было предложено только в 20% случаев. Очень интересны трансформации данной ФЕ: «готовить оборону» (8), «подготовиться к бою» (6). Здесь мы видим, что в русской культуре «складывание оружия» означает скорее окончание ведения активных боевых действий, но никак не готовность сдаться. Также частотными стали трансформации «заклечь мир» (5), «закончить битву» (4), «объединиться» (2), что также говорит о неготовности к поражению, о стремлении избежать его любой ценой.

Выводы

Сравнительный анализ словарных переводов позволяет выявить отличия в статических аспектах языковой репрезентации смыслов, то есть описать национально-специфическое на уровне лексем. Предложенная в данном исследовании методика интерпретирующего перевода может использоваться как действенный способ выявления важных отличий в концептуализации тех или иных смыслов в знаках того или иного языка. Данная методика служит анализу национально-специфичной лексики и фразеологии на глубинном уровне, а именно дает возможность обнаружить специфику в восприятии и понимании языковых знаков как репрезентирующих единиц той или иной концептуальной сферы. При этом нельзя не отметить ряд сложностей в постановке и проведении эксперимента. В силу разного уровня языковой подготовки, испытуемые, которые владеют китайским языком, опираясь на свою языковую догадку, более точно и правильно формулировали перевод ФЕ. В дальнейшем предполагается провести когнитивное исследование с испытуемыми, которые абсолютно не знают исходного языка, и предложить им пословный перевод ФЕ для интерпретации. Так можно будет избежать ошибок в переводе, а также

быть уверенным в том, что все испытуемые имеют одинаковую подготовку в области исследуемой лингвокультуры.

Литература

Беляевская Е.Г. Концептуальные основания семантики идиом как носители информации о культуре социума // Лингвокультурологические исследования: Язык лингвокультурологии: теория vs. эмпирия. М.: УРСС, 2016. С. 41-48.

Ван С. Русские и китайские фразеологизмы, характеризующие поведение человека по время военных действий // Вестник Башкирского университета. 2018. Т. 23. № 2. С. 468-472.

Вежибицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.

Дарбанова Н.А., Ильин П.Ю. Гендерные стереотипы во фразеологизмах русского и китайского языков // Вестник Бурятского государственного университета. 2016. Т. 1. С. 20-26.

Калинин О.И., Радус Л.А. Курс лекций по стилистике китайского языка. М.: ВКН, 2017.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М.: ЛИБРОКОМ, 2015.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: антропонимический код культуры. М.: Ленанд, 2019.

Ковшова М.Л., Доу Чуньяо. Концептуализация возраста в русской и китайской фразеологии: к постановке проблемы // Лингвокультурологические исследования. Язык лингвокультурологии. Теория vs. эмпирия. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 227-230.

Лупанова Е.В. Отражение военной субкультуры в семантике фразеологизмов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. Т. 1-2. № 67. С. 142-145.

Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13-24.

Abdulaziz Assaf Al-assaf A. Translating Idioms from English into Arabic: Appointment with Death as a Case Study // Arab World English J. 2019. № 230. P. 1-51.

Akbari M. Strategies for Translating Idioms // Journal of Academic and Applied Studies. 2013. Т. 3. № 8. P. 32-41.

Balonkina O.V. Functioning of Idioms with the Component Air in Different Types of Discourse // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 5-17.

Kalinin O. War as a Lesson or as a Gambling: Cross-Cultural Variation of Conceptual Metaphors in Russian and in Chinese // WUT 2020, 10th International Conference – Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects?. Chelyabinsk, 2020.

Kalinin O., Mavleev R. WAR in Cognition and Language: Comparative Analysis of Russian and Chinese Cultures // 2020.

Khan L. Translation and Culture: a Comparative Analysis of English Idioms and Proverbs and their Translation to Urdu // Pakistan J. Lang. Transl. Stud. 2013. Т. 13. № 2. P. 58-77.

Liu D. Translation and Culture: Translating Idioms between English and Chinese from a Cultural Perspective // Theory Pract. Lang. Stud. 2012. Т. 2. № 11.

Muñoz-Basols J. Spanish Idioms in Practice // Spanish Idiom. Pract. 2013.

Pivovarova E.V. Corpus Analysis Method in Studying the German Phraseology (theoretical survey) // Philol. Sci. Issues Theory Pract. 2019. № 12. P. 263-268.

Szerszunowicz J. No Idioms as a Reflection of Ethnic and Cultural Identity // Humanit. New Eur. Sci. Soc. 2009. Т. 2. P. 439-447.

Vedmanova E., Kulikova N. Ethnical Peculiarities of Comparative Phraseological Units in the English, German and Russian Languages // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Язык. 2015. № 4. С. 115-120.

Wang P. Cultural Characteristics of Idiomatic Expressions and Their Approaches of Translation // J. Lit. Art Stud. 2018. Т. 8. № 2. P. 295-300.

O.I. Kalinin (*Moscow, Russia*)

Ministry of Defense Military University

INTERPRETATION OF FOREIGN LANGUAGE PHRASEOLOGY AS A METHOD FOR DETERMINING CULTURAL SPECIFICITY

Being a case study of Chinese phraseological units of the *Chengyu* type on the general theme of “WAR”, the paper proposes and approves a method for identifying a culturally specific conceptual component in phraseology. The approach is based on an analysis of translation interpretations of foreign phraseology.

Key words: translation transformation, culturally-specific component, conceptual field, cultural marking, Chinese linguistic culture.

А.Э. Левицкий (Москва, Россия)

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
andrelev@list.ru

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

В статье раскрываются особенности языковой личности как лингвокультурного феномена. Акцент делается на представлении художественного текста как зеркала межкультурной коммуникации. На примере Р. Киплинга обосновывается понятие бикультурной языковой личности, сочетающей в себе культурные, языковые и концептуальные особенности двух этносов, что проявляется в художественном дискурсе языковой личности.

Ключевые слова: лингвокультурология, языковая личность, языковая картина мира, концептуальная картина мира, межкультурная коммуникация, художественный дискурс.

Языковая личность сквозь призму лингвокультурологии

Понятие языковой личности возникло в лингвистике лишь в конце 80-х годов XX века [Караулов 1987] и сразу стало важным объектом исследования разных лингвистических парадигм и направлений. Языковая личность понимается как социокультурный феномен, выраженный в языковой форме; углубленное, развитое, насыщенное дополнительным содержанием понятие, составляющее многослойную и многокомпонентную парадигму [Колшанский 1975: 117]. Следовательно, языковая личность рассматривается как первый структурный уровень, основанный на культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностях, знаниях, установках и реакциях поведения, что позволяет интегрировать языковую и коммуникативную компетенции с тезаурусом [Карасик 1996: 85]. Важность для лингвиста также приобретает изучение идиостиля отдельно взятого индивида, ведь языковая личность может быть уникальной: как носитель культурного идиолекта она может являться существенным компонентом культурной парадигмы этноса.

Языковая личность традиционно изучается на трех уровнях: 1) вербально-семантическом (воспроизводит степень владения повседневным языком); 2) лингвокогнитивном (предусматривает отражение в описании языковой модели мира личности); 3) прагматическом (выявление и характеристика мотивов и целей, которые движут ее развитие, поведение, определяют иерархию смыслов и ценностей в ее язы-

ковой модели мира) [Караулов 1987: 37]. Данный подход позволяет совместить представления о языковой картине мира (ЯКМ) и языковой личности, которая сначала через язык овладевает ЯКМ, а затем с помощью того же языка позиционирует себя в этом мире [Цветкова 2000: 95]. Языковая личность, таким образом, не ограничивается индивидуальным пользователем языка, оно выходит на уровень национального и даже наднационального языкового типа, включая весь спектр национально-культурных факторов, которые отражаются в картине мира [Кочеткова 2001: 179]. Язык, который является составной частью культуры, прежде всего, воспроизводит образ пользователя определенной культуры и помогает нам воссоздать образ национальной языковой личности [Голубовская 2002: 47]. Поэтому изучение национальной личности является важной частью анализа национальной культуры с учетом национальной психологии и менталитета.

Структура языковой личности представляет собой иерархизированную систему. Самый высокий (прагматический) уровень интегрирует составляющие предыдущих уровней и становится определяющим для всего речевого поведения индивида. В данной структуре особое место принадлежит ценностям – наиболее фундаментальным характеристикам культуры, высшим ориентирам поведения [Карасик 1996: 16], которые репрезентируют типы национального характера. Кроме того, в рамках этих типов выделяют различные аспекты языковой личности: ценностный, познавательный и поведенческий [Кочеткова 2001: 179], и каждый имеет индивидуальный характер проявления у отдельного человека. В современных исследованиях языковая личность определяется как «совокупность отличительных качеств личности, которые выражаются в ее коммуникативном поведении» [Там же: 179]. Более того, у каждой нации те или иные черты отличаются, поэтому необходимо говорить об отдельных национальных языковых личностях.

Принято считать, что языковая личность состоит из двух компонентов: универсального и индивидуального [Бабаева 1996: 25]. Они тесно пересекаются между собой. Универсальный компонент позволяет достичь взаимопонимания различных национальных и социальных групп. Различные же понятия, нормы, стереотипы определяют речевое поведение языковой личности как представителя определенного народа и воспроизводят его колорит. Тем самым, языковая личность сочетает в себе психический, социальный, нравственный и другие компоненты, отфильтрованные через язык. Языковая личность существует в пространстве культуры, выраженной в языке, в формах обществен-

ного сознания на разных уровнях (научном, бытовом и др.), отражая в поведенческих стереотипах и нормах, в предметах материальной культуры и т.д. ценности нации, которые являются концептами смыслов [Маслова 2001: 118-119].

В наше время особенно актуальным стало исследование не абстрактных моделей, а изучение определенной языковой личности [Потапенко 2004]. Появились попытки описания особенностей различных типологических групп языковой личности: врача, юриста, учителя, переводчика, политика и многие другие [Кочеткова 2001: 179]. Особое значение имеет исследование языковой личности писателя, особенно в случае, если он является представителем не одной национально-культурной группы, а впитал в себя черты двух культур, не схожих между собой.

Эстетическое освоение мира как отражение мировоззрения отдельного деятеля культуры трактуется как индивидуальная картина мира [Смирнова 1990: 75]. Индивидуально-авторская картина мира – это воспроизведение субъективных черт языковой личности автора, т.е. представление действительности сквозь призму его собственного эстетического восприятия. Языковая личность и концепт – это базовые категории лингвокультурологии, отражающие ментальность и менталитет обобщенного носителя языка [Воркачев 2001: 72]. Каждый из аспектов концептуализации мира обусловлен как основным законом его бытия, так и личной авторской позицией, его отношением к действительности. Итак, языковая личность является тем интегративным понятием, исследования которого предоставляет доступ к изучению национально-культурных особенностей народа и его языка, ведь именно языковая личность выступает той призмой, сквозь которую происходит видение мира. Изучение этого лингвистического феномена делает возможным воспроизведение ЯКМ и ККМ определенной национально-культурной группы [Телия 1988, 1996; Ковшова, Гудков 2017].

Особенности языкового отражения мира бикультурной личностью (на примере Р. Киплинга)

Воплощающая в себе особенности двух культур на их пересечении, бикультурная языковая личность писателя представляет значительный интерес для лингвокультурного исследования его художественных произведений. Бикультурная языковая личность Редьярда Киплинга особенно показательна в этом плане, поскольку возникла в ре-

зультате взаимодействия английской и индийской культур – ярких представительниц традиций Запада и Востока.

Если произведение является своеобразным пересечением нескольких культур, оно становится продуктом межкультурной коммуникации. Рождение мультикультурной художественной реальности происходит в рамках сложного процесса обработки информации, которую несет произведение кросс-литературы [Голкачев 2002: 28]. Межкультурная коммуникация как диалог культур является явлением интересным и многогранным. В нем прослеживается взаимодействие: а) языка, воспроизводящего культуру народа и выступающего формой культурного поведения; б) культуры, передающей своеобразие культурно-исторических условий; в) личности, психический склад которой сформировался в результате практической деятельности [Краснова 2003: 12]. В результате взаимодействия этих компонентов появляется новая реальность – межкультурная.

Культуры в процессе контактов выступают своеобразными кодами, которые раскрываются в процессе диалога между разными культурно-национальными традициями. С целью воссоздания национальных колоритов представителей поликультурного сообщества, используется широкий арсенал языковых средств, отражающих национальное восприятие писателем как своей, так и чужой культур. Такое понимание межкультурной реальности субъективно по своей природе. Объективность в изображении представителей разных культур, их быта и традиций, форм мышления и принципов общения может обеспечить личность, непредвзято относящаяся к членам чужого для нее этносоциума, межкультурно компетентная, поликультурная или бикультурная личность. Такая личность, которая одновременно может существовать в двух культурных пространствах и с легкостью адаптироваться к ним, рождается при соединении двух культур. Сознание билингвальной языковой личности формируется путем сопоставления двух ЯКМ, присущих двум этносам [Цветкова 2000: 97-98].

Язык отражает не только особенности концептуализации информации отдельной личностью, но и национальный дух, а также особенности творчества отдельных индивидов. Результаты процесса концептуализации творческой деятельности индивида реализуются в его произведениях. Автор является представителем определенной национальной общности, носителем национальной картины мира и, как следствие, отражает некие культурные концепты, интерпретируемые в процессе его индивидуального восприятия и находящие воплощение

в тексте как продукте, созданном определенной языковой личностью. Картина мира как продукт познавательной деятельности существует в сознании каждого индивида и воспроизводит объективную действительность сквозь субъективный фильтр: национальный менталитет и систему взглядов [Гайдукова 2000].

Концептуальный анализ позволяет совместить языковую и культурную семантику слова, которые лежат в основе разделения на концептуальную и языковую картину мира. Аспекты концептуализации обусловлены как основными механизмами мировосприятия, в частности, получения, обработки, хранения и передачи информации, так и личной позицией автора относительно оценки полученных результатов когнитивной действительности.

Лучше всего понять мироощущение и мировосприятие деятеля культуры можно с опорой на дискурс его произведений, включая жизненный опыт, индивидуальную систему ценностей и психологические особенности. Р. Киплинг был неординарной и яркой личностью; его произведения пользовались большой популярностью в прошлом и продолжают захватывать читателей и в наше время. Творческое наследие автора считается классикой мировой литературы.

Джозеф Редьярд Киплинг – уникальная языковая личность, в которой пересекаются две разные культурные традиции, а соответственно и способы мышления и восприятия мира. Языковая личность писателя характеризуется чертами, соответствующими его мировоззрению и образу мышления. Взаимодействие двух культур в рамках одной личности делает творчество Киплинга своеобразным и уникальным; картина мира, отраженная в его творчестве, характеризуется неординарностью – в ней пересекаются сложные особенности его воспитания и образования, полученные в условиях бикультурного окружения.

Англичанин по происхождению, Р. Киплинг родился и провел значительную часть своей жизни в Индии. Будучи еще ребенком, будущий писатель впитал в себя специфику индийской культуры. Если человек познает систему ценностей и жизненных ориентиров, он включает ее в свою картину мира [Цветкова 2000: 93]. Индийская культура стала неотъемлемой частью писателя, ведь он вырос в ней и считал ее родной. Культура, в которую погружается человек, становится неотъемлемой частью жизни личности. В таком случае при соположении двух картин мира возникает новая специфическая картина мира, которая сочетает в себе специфические черты двух культур.

Английская и индийская культуры изображены в художественной прозе Киплинга как противопоставленные друг другу, противоположные, подобно тому, как отличаются между собой философия Востока и Запада. Сталкиваясь в художественном мире Киплинга, специфика этих разных культур раскрывается наиболее полно, акцентируя внимание на их наиболее ярких чертах и специфическом характере. В дискурсе Киплинга осуществляется своеобразный диалог культур, из которого можно узнать о двух этносах, их традициях, образе жизни, истории, религии.

Родившись и повзрослев в Индии, Р. Киплинг в значительной степени ассоциировал себя с индусами. Именно Индия сформировала Киплинга, разбудила его дар, вылепила из него художника слова. Встреча с многоликой страной, где энергия Запада натывается на недвижность Востока, где островки европейской цивилизации теряются в море древнейшей и загадочной культуры, где переплетаются в одно целое убожество, предрассудки и высокая духовность и где человек ежеминутно подвергается тяжелым моральным и физическим испытаниям, стала решающей для становления литературного дара Киплинга. Он получил глубокое знание индийской жизни в обоих ее измерениях, «туземном» и колониальном, эти знания в течение долгих лет служили ему источником творчества. Р. Киплинг терпеливо пытался понять Законы Востока, расшифровать его «код» и взглянуть с его точки зрения на мир [Гениева 1991: 6]. Большинство мировоззренческих постулатов Востока было воспроизведено в художественной прозе писателя. Созданная им картина мира выводит читателей за пределы индивидуального, единственного, исторически конкретного: в ней мало оттенков и полутонов, она универсальна, поскольку построена, как миф, который оперирует только исконными категориями и известными каждому символами. Жизнь / смерть, победа / поражение, сила / слабость, день / ночь, свет / темнота, рай / ад, порядок / хаос, Бог / дьявол – это далеко не полный перечень типичных для творчества Р. Киплинга противопоставлений, реализуемых на многих уровнях и влияющих на чувства читателя [ЛНП 1992: 153].

Картины мира обоих народов настолько тесно переплелись в его творчестве, что иногда читатель не может их различить, а воспринимает их как единое пространство, в котором слились воедино особенности мировоззрения обоих народов. Однако базовые принципы обеих культур, их этническая и мифологическая основа имеют свои, ярко выраженные, черты.

Художественное мышление Р. Кипплинга ориентировано на фольклорно-мифологические мотивы, которые словно просвечиваются сквозь материальный мир. Фольклорно-мифологическое основание обеих культур обладает значительным потенциалом, который Кипплинг мастерски раскрыл в своем творчестве. Не только в сказках о животных, но и во многих других произведениях он основывается на первичных, архаичных сюжетах и образах, которые изначально хранятся в коллективной памяти человечества [ЛНП 1992: 24]. Так, богатые древние традиции индийских религиозных мифов, легенд о начале мира и зарождении живого на земле и мифологические верования англичан были изображены Р. Кипплингом и отражены в созданной им картине биполярного мира. Тексты автора содержат значительное количество номинативных единиц, характерных для индийской ЯКМ, включая реалии и специфические способы адаптации англицизмов (*She took the light silver-studded sitar, and began a song of the great here Raja Rosalu; Rest, then; and do not talk I am here, bachheri (little woman): Min you, it was a pukka, respectable opium-house and not one of those stifling, sweltering – khanas, that you can find all over the city*). Встречается также активная адаптация индийской идиоматики (*To discuss medicine before the ignorant is of one piece with teaching the peacock to sing,” said hakim*). Отметим, что в произведениях Р. Кипплинга наблюдается достаточно плотное взаимодействие маркеров английских и индийских лингвокультур (*As black as Merlin could make it; “You’re another,” and Mister Gladstone is calling down brimstone upon the British Dominion, and the little black copy-boys are whining, “kaa-pi chay-ha-keh” (copy wanted) like tree bees, and most of the paper as blank as Modered”s*).

Для Кипплинга глубокое знание индийской и английской культур помогает воссоздать образы индусов и англичан. Особо наглядно это проявляется в репрезентации базовых категорий, например, времени, которое в системе мировоззрения индусов оказывается чрезвычайно сложным: оно опирается на природные явления, растительный и животный мир, разграничение дней и ночей. В целом в Индии время не играет важной роли в жизни человека: оно представляется в виде колеса, которое постоянно движется, где события плавно перетекают, сменяя друг друга и помогая индусу продолжать размеренный ритм жизни. Персонажи-европейцы, наоборот, высоко ценят время и внимательно следят за ним. Исследование произведений Кипплинга позволяет воссоздать особенности его бикультурной языковой личности и описать ее как лингвокультурный феномен.

Проявление бикультурной языковой личности у американских писателей, выходцев из Азии

Если родившийся в Британии Р. Киплинг, рос в Индии, то писатели-эмигранты, покинув свою родину, не могут полностью отречься от традиций и убеждений своих этносов. Их многое связывает со своей родной культурой. В то же время они не могут игнорировать устоявшиеся обычаи своей новой родины, ведь без этого они не будут приняты читателями-американцами. Чтобы интегрироваться в новое общество, им приходится перенимать мировоззрение и манеры поведения, принятые в США, постепенно отдаляясь от культурных эталонов, заложенных в них у себя на родине. Связь с родной культурой становится слабее, а новая культура «не торопится» принимать эмигрантов, они чувствуют, что не являются полноценными и равноправными членами американского общества. Таким образом, эмигранты вынуждены «разрываться» между двумя культурами, оставаясь чужими как для своей, так и для новой страны, так они становятся бикультурными языковыми личностями.

В большинстве произведений американских писателей азиатского происхождения авторы берут за основу собственный опыт переезда в США и пути приобщения к жизни в новой стране, что определенно накладывает отпечаток на изображение главных героев. Именно ситуации аккультурации, описанные авторами в художественных произведениях, помогает читателю глубже понять все особенности формирования бикультурной языковой личности.

Люди иного происхождения самой судьбой обречены на двойственность и способны глубже понять проблемы современного общества, сильнее других почувствовать взаимоотношения разных сторон, быть одновременно внутри и снаружи определенной культуры. Погружение в мир другой культуры помогает понять, чем так дорог свой и привычный мир. Писатель-эмигрант, как правило, изначально ориентирован на то, чтобы одновременно поразить нового читателя и подтвердить его представления о стране, в которой он проживает.

При социальном взаимодействии эмигрантов с носителями американской культуры у не-носителей культуры начинает проявляться бикультурная языковая личность. Это выражается в принятии определенных моделей поведения и ценностей, которым эмигранты начинают следовать, потому что без этого они не смогут полностью ассимилироваться в американское общество. Поскольку у эмигрантов формируется бикультурная языковая личность, обе культуры наносят отпеча-

ток на их мировоззрение, что впоследствии ведет к внутреннему конфликту ценностей, которые они разделяют. С одной стороны, эмигранты первого поколения были рождены в иной культурной среде, которая повлияла на их социокультурное развитие, однако, с другой стороны, они приобщаются к нормам другой культуры, и некоторые ценности идут вразрез с устоявшимися ранее. У эмигрантов второго поколения первичная языковая личность отличается от их родителей, выросших за пределами США, однако принятые в семье ценности отличны от тех, что приняты в американской культурной среде.

Большую роль в американской литературе XX века сыграли эмигранты. Основной особенностью американской мультикультурной парадигмы является то, что родным языком писателей, независимо от их этнического происхождения, остается английский. На нем они создают свои произведения, что позволяет относить их к общенациональной литературе США. В то же время они привносят в нее колорит собственных этнокультур. Важнейшими составляющими мультикультурной литературы США являются её расовый и этнический компоненты.

Сейчас изучение творчества представителей расово-этнических групп выходит на первый план, так как они, формально относясь к меньшинствам, заслуженно претендуют на то, чтобы представлять национальную литературу в целом. Примером этому могут служить многие авторы азиатско-американского происхождения. Эти писатели пользуются английским языком, а творчество их представляет различные национальные литературы, и созданные ими произведения несут на себе яркий отпечаток различных особенностей национальной жизни.

Современную азиатско-американскую прозу в целом характеризует то, что практически каждое произведение организовано вокруг какого-либо образа или идеи-символа, взятых из азиатской культуры или природы, которая также ассоциируется с исторической родиной и противопоставляется их американской жизни. В художественном дискурсе бiculturalной языковой личности проявляются такие доминанты. В качестве примера можно указать хайку – трехстрочное японское стихотворение из семнадцати слогов (новелла «Семнадцать слогов» Х. Йамамото), маджонг – национальная китайская игра («Клуб веселой удачи» Э. Тан), китайский фольклор («Воительница» М.Х. Кингстон), статуэтка кухонного божка («Жена кухонного бога» Э. Тан), описание крыши из травы, запаха яблок и т.д.

Процесс концептуализации реальности в художественном дискурсе предполагает создание автором художественного произведения языковой картины мира, представленной им в виде выраженных с помощью языковых средств стереотипизированного представления нации об окружающем мире, специфического языкового поведения носителей конкретной культуры и характерных особенностей национальной ментальности. Иными словами, в современном мире бiculturalная языковая личность писателя оказывается востребованной и представляет собой важный объект лингвокультурного исследования.

Литература

Бабаева Е.В. Лексическое значение слова как способ выражения культурно-языкового концепта // *Языковая личность: культурные концепты*. Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. С. 25-33.

Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // *Филологические науки*. 2001. № 1. С. 64-72.

Гайдукова В. К вопросу о логическом анализе языка // *Русский язык*. 2000. № 15. URL: <http://www.relga.rsu.ru/n45/rus45.htm>

Гениева И.А. Индия, моя Индия // *Киплинг Р. Восток есть Восток*. М.: РОССПЭН: Политическая энциклопедия, 1991. С. 185-200.

Голубовская И.А. Этнические особенности языковых картин мира. Киев: «Киевский университет», 2002.

Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // *Языковая личность: культурные концепты*. Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. С. 3-16.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.

Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2017.

Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975.

Кочеткова Т.В. К проблеме изучения языковой личности // *Межкультурная коммуникация: к проблеме формирования толерантной языковой личности в системе вузовского и школьного лингвистического образования*. Уфа: Башкирский университет, 2001. С. 177-179.

Краснова Н.П. Межкультурная коммуникация как диалог культур // Лингвокультурологические проблемы изучения национальных концептосфер. Йошкар-Ола: МГПИ, 2003. С. 12-15.

Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М.: Диалог – МГУ, 1998.

ЛНП = Лауреаты Нобелевской премии: Энциклопедия: пер. с англ. М.: Прогресс, 1992.

Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001.

Толкачев С.П. Мультикультурный контекст современного английского романа // Филологические науки. 2002. № 4. С. 23-33.

Потапенко С.І. Мовна особистість у просторі медійного дискурсу (досвід лінгвокогнітивного аналізу). К.: Вид. центр КНЛУ, 2004.

Смирнова Р.А. А. Блок: К описанию «картины мира» // Поэтика и стилистика. М.: Наука, 1990. С. 73-81.

Телия В.Н. Мегафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 177-206.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Цветкова Т.К. Обучение межкультурной коммуникации в свете теории языковой личности // Межкультурная коммуникация: Теория и практика: М.: ГУВШЭ, 2000. Вып. 2. С. 93-103.

A.E. Levitsky (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

LINGUISTIC PERSONALITY AS A LINGUACULTURAL PHENOMENON

The article deals with linguistic personality as a linguacultural phenomenon. Fiction text as a mirror of intercultural communication is in the limelight of the research. Rudyard Kipling serves as example of bicultural linguistic personality for the unity of cultural, linguistic and conceptual traits typical of two ethnic groups reflected in his literary discourse.

Key words: linguacultural studies, linguistic personality, language worldview, conceptual worldview, intercultural communication, literary discourse.

О.А. Лещинская (Гомель, Беларусь)

*Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины
zshvedova@mail.ru*

БЕЛОРУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ТРОФОНИМАМИ ЖИВОТНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ: ОБРАЗЫ, ЦЕННОСТЬ, ОЦЕНКА

В статье на материале фразеологизмов белорусского языка с компонентом-трофонимом животного происхождения устанавливаются культурная коннотация, устойчивое ценностное содержание культуры, ее категорий и смыслов, взаимодействие языка и культуры народа благодаря отбору тропонимов при создании образов фразеологизмов, объективирующих гастрономический код культуры белорусов в диапазоне культурно-национального самосознания. Интерпретация образных представлений, связанных с национальными гастрономическими реалиями, выявляет прежде всего оценку самого человека, характеристику его действий, состояния и реж характеристику и оценку различных реалий его жизни.

Ключевые слова: фразеологизм, код культуры, тропонимы животного происхождения, национально-культурная коннотация, виды оценки.

Одной из важнейших задач исследования современной лингвистики является установление связи языка и культуры, языка и менталитета народа. И превосходной почвой для этого признана фразеология. Фразеологические единицы (ФЕ) считаются самыми «культуроносными» (по В.Н. Телия) единицами каждого языка, а их интерпретация направлена на установление смыслов культуры в организации этих единиц согласно кодам культуры как «вторичных знаковых систем, в которых используются различные материальные и формальные средства обозначения культурных смыслов» [Ковшова 2013: 170].

Среди многочисленных кодов культуры (см.: [Гудков, Ковшова 2007; Ковшова 2013; Пименова 2011; Ляшчынская 2019]) выступает гастрономический код как один из основных в определении особенностей национального сознания, что объясняется ролью пищи в жизни человека, сохранением употребления национальных продуктов и названий блюд, преемственностью способов их приготовления на протяжении всей истории народа. Именно неизменность основных показателей национальной гастрономической принадлежности служит базой для определения особенностей менталитета и является

притягательной для исследования гастрономических особенностей разных народов, связанных с выбором продуктов питания, их вкусовых свойств, рецептуры, наименований блюд как основы создания образов ФЕ. Это, например, монография, посвященная вкусовым метафорам [Костяев 2007], глава монографии, посвященная анализу русских ФЕ с отдельными пищевыми компонентами [Ковшова 2013], статьи о еде [Веденина 2009], о вьетнамской кухне [Глазунова 2009], об отдельных компонентах и тематических группах ФЕ испанского [Мед 2014], белорусского [Ляшчынская 2011; Ляшчынская 2013] языков и др. [Лещинская 2016].

В рамках предлагаемой статьи объектом наблюдения избраны ФЕ с компонентом-трофонимом (от гр. *trophe* «пища, питание») только животного происхождения, которые не были объектом изучения, но существенно дополняют количественно значимую группу трофонимных ФЕ и являются важной частью пространства гастрономического кода культуры белорусов как микросистемы характеристик такого объекта или фрагмента картины мира. Их источником послужили словари литературной, диалектной и художественно-авторской фразеологии белорусского языка, а в качестве компонентов-трофонимов выделенных ФЕ определены *вяршкі* «сливки», *каўбаса*, *лой* «нутряной жир», *малако*, *масла*, *маслёнка/маслянка* «пахта», *мяса*, *пенка*, *сала/сальцэ*, *сыр*, *яйка/яечка/яйцо*. И хотя это и малая часть многочисленных трофонимов животного происхождения, широко известных и употребляющихся у белорусов в качестве продуктов, названий блюд (ср.: *антрэкот*, *гуляш*, *біфшэкс*, *катлета*, *лангет*, *паляндовіца*, *плоў*, *сальцісон*, *студзень*, *шынка* «окорок» и др.), отбор данных образов, как и вообще отбор определенных лексем – компонентов ФЕ, обусловлен универсальным правилом фразеологии. Согласно этому правилу отобранные слова уже в «дофразеологический» период своего существования были наделены культурной спецификой, определенным культурным смыслом и в составе ФЕ выступают со своим символическим содержанием [Ляшчынская 2016]. Именно этим фактом объясняется, как и почему некоторые синтаксические конструкции с выбранными компонентами обладают способностью мотивировать возникновение вторичных единиц, сохраняющих и передающих культурную информацию; того, что ФЕ выполняют «культурно-языковые» (по В.Н. Телия) функции символов, эталонов, стереотипов.

Анализ более шестидесяти ФЕ позволяет отметить, что только некоторые из них имеют «продуктовое» значение. Так, в ФЕ *каўбаса пальцам пханая* _колбаса, сделанная, приготовленная дома, с приправами, не купленная_ маркируется определенный способ приготовления и выражается высокая оценка качества продукта, особенно в сравнении с купленными видами колбас. Ср. также: *птушынае малако* _1. нечто невероятное, сказочное, явно невозможное (чаще о еде); 2. очень вкусный торт, а также конфеты особого сорта_ ; *клёцкі з душами* _клецки, начиненные мясным или иным фаршем с приправами_ или *клёцкі з душами* _юлдуны (мучное или картофельное блюдо с мясной начинкой)_ ; диалектная ФЕ *аб адным малаку/гурку/шчаўлю* _ (питаться) преимущественно одним видом еды_ (букв. _на одном молоке/огурце/щавеле_). К единицам номинативного плана относятся и ФЕ *малако/малачко ад шалёнай каровы/кароўкі* _самогон_ (букв. _молоко/молочко от бешеной коровы/коровки_), однако этот фразеологизм не столько именуется разновидность напитка, в частности, самодельную водку, сколько служит для выражения шутиливо-ироничного отношения к такому спиртному напитку.

Остальные ФЕ образованы и используются, прежде всего, для характеристики и оценки самого человека в различных проявлениях его существования. ФЕ с тропонимами животного происхождения, наделенными в культуре (в дополнение к онтологическим свойствам пищевых реалий) символическими смыслами, служат образному описанию качеств и свойств человека, ситуации в целом, что особенно подчеркивает роль ФЕ как знаков языка культуры.

Среди выделенных компонентов-тропонимов в составе белорусских ФЕ особой частотностью отличаются *малако, масла, мяса, каўбаса* и *яйка*, которые тем самым выступают своеобразными маркерами национальных продуктов питания животного происхождения с давних времен. Данные компоненты в составе ФЕ являются важнейшим показателем гастрономического кода культуры и национального своеобразия питания белорусов. В образах ФЕ с этими компонентами описываются и получают оценку те или иные черты и свойства человека, его действий и поступков.

Так, компоненты-тропонимы в составе ФЕ *<матчына/мамчына>* *малако на губах не абсохла / не высахла / не павысыхала* _кто-л. молод и совсем неопытен_ указывает на возраст пусть и взрослого, но все же молодого человека, его невозможность быть опытным и искушенным в чем-либо, действовать самостоятельно, принимать самостоятельные

решения в раннем возрасте на основе ассоциации с младенцем, который питается только молоком матери. Такое переосмысление связано с тем, что молоко как первый продукт питания ассоциируется с младенчеством и неопытностью и потому выступает в качестве их символа; в целом ФЕ отражает стереотипное представление о (чаще всего) молодом мужчине, который плохо разбирается в жизненных обстоятельствах, но пытается действовать самостоятельно, пренебрегая помощью и мнением опытных старших, или о мужчине, который незаслуженно рано начал занимать высокую должность и своей некомпетентностью вызывает ироничное или презрительное отношение к себе.

ФЕ *з малаком маці/мацеры атрымліваць, успрымаць* или *з матчыным малаком атрымліваць, успрымаць* и т.п. *получать, воспринимать* с детского возраста, с самых ранних лет⁴ и *ўсмоктаць з малаком маці* *твердо усваивать* с самых ранних лет⁴ (ср. *всосать с молоком матери*) указывают на ситуацию, являющуюся знаковой при ее культурном осмыслении; компоненты-трофонимы «вносят в семан-тику не лексический, но символический смысл, отвлеченный от повседневных реалий» [Ковшова 2013: 258]. Данные ФЕ восходят «к древнейшему представлению о питании как о естественном усвоении организмом человека чего-л., как о способе выращивания всего живого, к архетипическому противопоставлению «души» и «тела», к библейским представлениям о пище духовной и пище физической» [БФСРЯ 2009: 136]; каждая из этих ФЕ имеет дополнительное символическое значение.

Компоненты ФЕ *кроў з малаком* 1) *здоровый, крепкий, в расцвете сил*⁴; 2) *очень красивый (обычно о женщине)*⁴; 3) *свежий, румяный*⁴ и диалектного фразеологизма *мёд з малаком* *очень красивый (обычно о женщине)*⁴. Данные компоненты обладают символическим значением. *Кровь*, по своей цветовой характеристике в данном выражении, является символом жизненной энергии, жизнеспособности человека. *Мед* в культуре – символ всего сладкого, которое переосмысливается как желаемое, а также доброе, милое, хорошее. *Молоко* – символ чистоты, красоты, знатности, жизненных сил, благополучия и достатка. Трофонимы вносят в семантику ФЕ символичные смыслы здоровья, крепкого и сильного физического состояния человека (чаще о мужчине), который выделяется статью, внешним видом, или символичные смыслы здоровья и красоты (чаще о женщине с бело-румяным лицом). В целом, в образах данных ФЕ хранятся и пере-

даются «культурные», по В.Н. Телия, стереотипные представления о внешнем виде физически здорового и красивого человека.

Оценку и характеристику человека содержит образная ФЕ *ячка з галавы не скоціцца* (идти, ходить) очень стройно, ровно с прозрачной мотивацией, к которой на основе общего компонента *ячка* близка ФЕ *як ячка* очень хороший, замечательный; уменьшительно-ласкательная форма тропонима в обеих единицах создает положительную коннотацию. Первая ФЕ передает стереотипное представление о ровной, стройной фигуре человека при ходьбе, а вторая на основе сравнения и с учетом, очевидно, овальной формы, гладкости и символики яичка служит эталоном для описания объектов подобной формы и качеств. Диалектная ФЕ *дзелава я каўбаса* ловкий, деятельный человек выражает ироническое отношение к излишней ловкости человека, направленной, возможно, на обретение лишних благ для удовлетворения своих первичных потребностей, на что указывает пищевой компонент в образе ФЕ. Возможны также ассоциации с круглой формой (кольцо колбасы) и переосмыслением круглого как чего-то полного, завершенного, цельного. Другая ФЕ: *хоць кілбасы вешай на кім* кто-л. очень худ и высок служит для иронического указания на внешний вид. Фразеологические единицы *ні рыба ні мяса* заурядный, ничем не выделяющийся человек, *ні лой ні масла* неопределенный, заурядный, ни хороший, ни плохой или *ні лой ні масла не гарыць і не згасла* заурядный, ничем не выделяющийся человек построены на основе гастрономической метафоры. Неопределенность выбора при сопоставлении продуктов уподобляется неопределенности проявления качеств и свойств человека; эта неопределенность в культуре переосмысливается как отклонение от нормы, которая видится в наличии у каждого человека определенных индивидуальных черт.

Другой образ лежит в основе ФЕ *з-над сучкі яйцо/яйка ўкрадзе*, созданной с помощью метафоры, путем уподобления по сходству рискованного поступка человека – способности достать яйцо из труднодоступного места. Компоненты ФЕ соотносятся с пространственным (*з-над*), зоонимным (*сучкі*), гастрономическим (*яйцо/яйка*) и антропно-деятельностным (*ўкрадзе*) кодами культуры, поскольку данные предметы, действия и их параметры обрели в культуре ту или иную символическую значимость. Так, выражение *з-над сучкі яйцо/яйка ўкрадзе* чаще употребляется с негативной оценкой, что подчеркивает компонент *ўкрадзе*, выступающий в составе ФЕ как

стереотип противоправного деяния, которое остается противоправным, невзирая на находчивость и изобретательность его исполнителя. ФЕ служит стереотипом пронырливого и хитрого человека, ради своей выгоды способного на все. Данной ФЕ по общности компонентов близка ФЕ *ад яйка/яйца адліць* – «невероятно ловко украсть, присвоить чужое даже тогда, когда это кажется невозможным», в ней также выражается неодобрение, осуждение поступка (хотя и здесь подчеркивается невероятная ловкость действия).

Перечень ФЕ с негативной оценкой черт характера человека, его поведения дополняют рифмованные диалектные фразеологические единицы *ласы на чужыя кілбасы/каўбасы* «небезразличный к чужому, любящий поживиться за чужой счет» (букв. «падный на чужие колбасы»), *ласы як кот на каўбасы* «любящий поживиться чем-л., съест что-л. вкусное» или ФЕ *на чужое мяса як сабака ласы* «небезразличный к женщинам; ищущий любовных приключений», которые выражают неодобрительное отношение к людям с подобными наклонностями. Ср. также ФЕ *не для пса кілбаса* «не подходит, не пара кто-л. кому-л.», которая образно и оценочно представляет существенную разницу в характере, внешности и т.п. юноши и девушки или мужа и жены; в составе ФЕ компоненты *кілбаса* и *пès* семиотизируют противоположные оценки: хорошее, высокое и плохое, низкое. Следующее устойчивое сравнение *як у пеўня мяса на шпорах* «совсем нет (стыда у кого-л.)» (букв. «как у петуха мяса на шпорах») служит выражению иронического отношения к полному отсутствию стыда у человека как проявления этической нормы.

В большинстве ФЕ тропонимы-компоненты (прежде всего *малако, малочны, масла, сыр, каўбаса*) употребляются для образного описания тех или иных понятий, параметров, характеризующих состояние жизни человека, разные обстоятельства, ситуации. Указанные тропонимы, в силу высокой ценности обозначаемых ими продуктов питания у белорусов, обрели в гастрономическом коде важные символичные смыслы: «достаток», «благополучие», «комфортная жизнь» и др., которые вошли в семантику целого ряда ФЕ. Так, ФЕ *малочныя рэкі <з кісельнымі берагамі>* «привольная, обеспеченная жизнь» с помощью символических смыслов, которыми наделены компоненты – имена природных объектов – *рэкі* и *берагі*, указывает на древнейшие представления о прекрасном месте с беспредельным сказочным богатством. Этот образ обогащается гастрономической символикой, которую воплощают в культурно значимые компоненты

малочныя и *кісельныя*. Данная ФЕ выполняет функцию эталона в выражении представлений о богатой и нереально беззаботной жизни, и потому часто употребляется иронически. Ср. также ФЕ: *як сыр у масле купацца/качацца/плаваць* *жить* привольно, в полном достатке⁴. В этом фразеологизме для «*вмерения*» беззаботной зажиточной жизни используется сравнение с жирными продуктами питания, служащими знаком обеспеченности, которая в образе ФЕ удваивается. Ср. также диалектную ФЕ: *ў малацэ купацца* 1) *жить* без забот и хлопот⁴; 2) *жить* зажиточно, богато⁴; по метафоре, легкая обеспеченная жизнь уподоблена нахождению человека в комфортной среде. В первом значении переосмысливаются тактильные и вкусовые признаки реалии; для второго значения в фокус выходит большое количество молока (в нем можно купаться) как символа обеспеченности. Ср. также ирреальный образ в диалектных ФЕ: *дзверы кілбасамі/каўбасамі завязваюць* *живут* зажиточно, богато⁴ и *каўбасамі клямку завязваць* *жить* богато, зажиточно⁴ (букв. *колбасами* *щеколду завязывать*⁴). Данные образы передают стереотипные представления о богатстве и достатке. Выбор указанных трофонимов в качестве компонентов ФЕ говорит о традиционной сельскохозяйственной направленности жизни белорусов, о значимых продуктах питания в белорусской культуре, которые стали символами, в том числе, зажиточной и богатой жизни. Например, *малако* – первый (молоко матери), основной, питательный и наиболее распространенный вид пищи именуется традиционный продукт питания, который у древних славян всегда был одним из главных (вместе с хлебом). По самому способу получения продукта как дара животного мира и в силу его полезных свойств, молоко в культуре стало объектом мифологических верований, магических ритуалов и защиты; было наделено сакральными смыслами; молоко – это пища богов, символ возрождения и бессмертия, богатства и плодородия.

Во фразеологии онтологические свойства пищевых реалий переосмысливаются в ценностных категориях, значимых в культуре и жизнедеятельности человека. Так, образ диалектной ФЕ *перадаць у кашу масла* *сделать* больше, чем нужно, сверх нормы⁴ построен на уподоблении ситуаций: как кашу маслом не испортишь, так и работа сверх нормы не повредит. Ср. также ФЕ *як масла*, где путем сравнения с маслом на основании таких его особенностей, как мягкость, податливость и ценность, дается высокая оценка плодородной, богатой перегноем земле. В ФЕ *як на масле ісці, пайсці* *идти*, *пойти* очень

легко, хорошо, без препятствий и сложностей⁴ по аналогии со смазыванием маслом для большего скольжения образно описаны действия человека или взаимодействие между людьми, которые проходят гладко, без особых осложнений. ФЕ *як маслом на души/сэрцы* _очень нравится, очень приятно⁴ описывает эмоциональное состояние, при этом внутреннее ощущение передается в образе внешнего действия – мягкость масла переосмысливается в категориях доброго воздействия на *душу* или *сэрца* как компонентов с символическим значением _центра эмоций и чувств⁴.

Компонент *масла* наиболее часто используется в ФЕ, служащих выражению негативной этической оценки. Это ФЕ, в которых описываются острые, неприязненные отношения между людьми: *падліванне масла ў агонь* _обострение неприязненных отношений между кем-л.⁴, а также способ образования таких отношений (*падліваць масла ў агонь* _обострять неприязненные отношения между кем-л., усиливать какие-л. чувства, настроения и т.д.⁴ и _вызывать, повышать интерес к чему-л.⁴; ср. также диалектную ФЕ: *ўзліваць масла на агонь* _обострять положение своим вмешательством⁴). В данных образах почти все компоненты вносят свои символические смыслы в создание отрицательной оценочности. Так, глагольный компонент *падліваць/узліваць* в антропо-акциональном коде культуры вносит смысл добавления лишнего, которое может нарушить норму; что подчеркивает намеренность негативного действия, которое своим вмешательством (добавлением лишнего к норме) не улучшает, а вредит, приводит к неприязни между людьми, к ухудшению обстоятельств, что считается отклонением от нормативного идеала. За компонентом *агонь*, на основании опыта, закреплена символика опасности, беды, несчастья; компонент *масла* вносит символический смысл скорого и масштабного осуществления действия, полученный на основе знаний человека о свойствах масла и его усиливающим воздействии на огонь. В целом образы ФЕ передают стереотипные представления о возможности возникновения неприязни и усиления негативных обстоятельств посредством вмешательства со стороны.

Неодобрительное отношение передает и тавтологичное выражение *масла масленае*, которое кратко и образно, верно и выразительно не только называет, но и негативно оценивает повторение одного и того же без прибавления смысла. Следующие ФЕ: *выедзенага яйца/яйка не варты* _совсем ничего (не стоит, не заслуживает внимания)⁴ и *выедзенае яйцо/яйка* _мелочь, что-л., не стоящее

внимания⁴ обладают прозрачной мотивацией (от выеденного яйца ничего не остается, кроме скорлупы). Данные образы служат для передачи стереотипного представления о незначительности чего-либо, выступают эталоном чего-либо абсолютно незначительного, не заслуживающего внимания. Ср. также компаративные ФЕ: *як/нібы з велікодным яйкам цацкацца, няньчыцца* «слишком много и деликатно⁴ (букв. как/будто с пасхальным яйцом цацкаться/нянчиться⁴) и *насіцца як курыца з яйкам/яйцом* «незаслуженно уделяя много внимания кому-л. или чему-л.⁴. В данных ФЕ каждый компонент несет в себе негативный оттенок, придает отрицательную оценку и вносит свою лепту в общее значение для описания того, что является лишним или незаслуженным (как в отношениях между людьми, так и в отношении к чему-нибудь). Компонент *велікоднае* напоминает об употреблении на Пасху крашеных яиц, которые стали символом праздника, но которые съедаются, или ими играют в битки; или *курыца* – по стереотипным представлениям, неразумное существо, поскольку часто ведет себя нелепо, совершает бессмысленные действия. Ср. также компаративную ФЕ *каціся каўбасой/кілбасой/яечкам* «убирайся, иди прочь, вон отсюда⁴. Компоненты-трофонимы в данных вариантных образах, в силу круглой формы названных реалий и связанной с этим легкости перекачивания, используются для описания способа «выкатывания» человека, когда его откуда-либо изгоняют. Так онтологические свойства реалий становятся источником для их переосмысления в поведенческих категориях, пополняя собой семиотические средства в кодах культуры, служащие выражению культурно значимых смыслов.

К группе ФЕ с отрицательной коннотацией относятся фразеологизмы с одиночными тропонимными компонентами, которые обозначают различные релевантные признаки реалий, получившие в культуре дополнительное, символическое значение. В образе фразеологизмов такие компоненты способствуют усилению семиотизации культурно значимых смыслов и созданию оценочности в семантике. Так, лексема *вяршкі* «сливки⁴ обозначает густую жирную массу на молоке; в семантику ФЕ *збіраць/здымаць вяршкі* «брать себе самое лучшее, выгодное, опережая других⁴ данный компонент привносит сформированное в культуре символическое значение «лучшее, самое ценное⁴. В данной единице образно и наглядно передается стереотипное представление о том, кто бесстыдно опережает других и отбирает для себя лучшее (как кот, снимающий сливки в кувшине

с молоком), и выражается негативная оценка таким действиям. Или возьмем образ ФЕ *гарматнае мяса* «солдатская масса, обреченная на уничтожение, гибель». Компонент *мяса* на основе представления о плоти живых существ в сочетании с компонентом *гарматнае* «пушечное» выражает смыслы жестокости, насилия, убийства, уничтожения; важно подчеркнуть, что образ в целом создает синекдоха, так как компонент *мяса* замещает собой целое, человека. На основе стереотипных, возникших из опыта, представлений о таких онтологических свойствах *мяса*, как плотная волокнистая структура мышечной ткани, компонент *мяса* выступает образным эталоном при описании нарушения целостности чего-либо, окончательной утраты целостности – ФЕ *з мясам вырваць, адарваць, адкуруціць* «вместе с куском материала».

Прозрачный образ ФА *маслёнку везці* указывает на замедленность движения или перемещения человека, уподобляя его перевозке *маслёнкі/маслянкі*, т.е. пахты («жидкость, остающаяся после взбивания масла»). Несмотря на объективный характер такого замедленного действия, образ, перенесенный на действия человека в жизни, в работе, выражает отрицательное отношение к его медлительности. Тем самым, в образ фразеологизма вкраплена гипербола, т.е. преувеличение, которое и усиливает негативную оценку.

ФЕ *як кот маслянкі* выражает неодобрение не только избыточному употреблению напитков как отдельному случаю, но и самой привычке; образ возник путем сравнения с котом, который любит пить пахту.

Очевидно, что не все ФЕ с тем или иным компонентом-трофонимом транслируют важные культурные смыслы, являются в одинаковой мере «культуроносными» (по В.Н. Телия). Так, ФЕ *на малако* и *за малаком* с общим значением «мимо, не в цель (выпустить пулю, выстрелить и т.д.)» основаны на таком онтологическом свойстве природной реалии и продукта питания, как цвет; образ возник на основе уподобления цвета молока и цвета обозначенной области на мишени для стрельбы. В данных единицах не используется символическое содержание молока как знака гастрономического кода культуры, ФЕ включает в себя номинацию места на мишени; в целом образ ФЕ выражает отсутствие прицельного попадания.

Итак, национальное сознание представляет собой разветвленную систему с ценностно значимыми смыслами и оценками, отраженными, в том числе, во фразеологии, в образной семантике которых ценност-

ные ориентиры получают свое воплощение и определение. Оценка на эмоциональном и ценностном уровнях семиотизирует процесс отражения сознания человеком, окончательно преобразуя мир объективный в мир оцененный. Анализ фразеологизмов с компонентом-трофонимом животного происхождения позволяет определить наиболее национально значимые продукты белорусов; понять, как образуются фразеологизмы и как компоненты-трофонимы в составе ФЕ осуществляют хранение и передачу культурной информации о ценностных ориентирах в мире и ценностных параметрах в жизни человека.

Литература

Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В.Н. Телия. 4-е изд. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009.

Веденина Л.Г. Человек и его пища // Лингвострановедение: Методы анализа, технология обучения. Шестой Межвузов. семинар по лингвострановедению: сб. научн. статей. Ч. 2 / под общ. ред. Л.Г. Ведениной. Моск. гос. ин-т межд. отношений (ун-т) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2009. С. 174-240.

Глазунова С.Е. Национальная вьетнамская кухня как отражение культурных и философских традиций // Лингвострановедение: Методы анализа, технология обучения. Шестой Межвузов. семинар по лингвострановедению: сб. научн. статей. Ч. 2 / под общ. ред. Л.Г. Ведениной. Моск. гос. Ин-т межд. отношений (ун-т) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2009. С. 15-72.

Гудков Д., Ковшова М. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.

Костяев А.И. Вкусовые метафоры и образы в культуре. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2012.

Ляшчынская В.А. Пра хлеб і да хлеба: Веды і вопыт беларусаў у фразеалагічных адзінках мовы // Роднае слова. 2011. № 10. С. 38-42.

Ляшчынская В.А. Эталоны і стэрэатыпы ў беларускіх саматычных фразеалагізмах: есці на поўны рот ці на зуб? // Слов'янська писемність у контексті християнської культури: матеріали круглого столу до Дня слов'янської писемності та культури. Миколаїв: МНУ імені В.О. Сухомлинського, 2013. С. 134-139.

Ляшчынская В.А. Крытэрыі адбору слоў як кампанентаў фразеалагізмаў пры іх утварэнні // –Святло душы і таленту Святло...”: зб. навук. артыкулаў / рэдкал.: А.М. Ермакова (гал. рэд.) [і інш.]. Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2016. С. 116-122.

Ляшчынская В.А. Ідыяматыка беларускай мовы ў лінгвакультуралагічным асвятленні. Мінск: РІВШ, 2019.

Мед Н.Г. Национально-культурная специфика испанских фразеологизмов с гастрономическим компонентом // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. статей / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2014. Вып. 50. С. 216-222.

Пименова М.В. Исследование ментальности русского народа // В.В. Колесов, М.В. Пименова Языковые основы русской ментальности: учебн. пособие; отв. ред. М.В. Пименова; 2-е изд., испр. и доп. Кемерово: КемГУКИ, 2011. С. 73-130.

Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5-ці т. Т. 5. Кн. 2: У – Я / [Рэд. тома М.Р. Суднік]. Мінск: Выд-ва Беларус. Сав. Энциклапедыі, 1984.

V.A. Lyashchynskaya (Gomel, Belarus)

Francysk Skoryna Gomel State University

BELARUSIAN PHRASEOLOGISMS WITH TROPHONYMS OF ANIMAL ORIGIN: IMAGES, VALUE, EVALUATION

The article deals with phraseological units of the Belarusian language with the component-trophonym of animal origin. The article identifies cultural connotation, a stable value content of culture, its categories and meanings, the interaction of language and culture of the nation due to the selection of troponyms when creating the images of phraseologisms objectifying the gastronomic code of culture of Belarusians in the range of national and cultural self-consciousness. The interpretation of the figurative representations connected with national gastronomic realia, first of all, reveals the evaluation of a person himself, the characteristic of his actions, state, and less often the characteristic and evaluation of different realia of his life.

Key words: phraseologism, gastronomic code of culture, component, troponyms of animal origin, images, cultural and national information, types of evaluation.

Wolfgang Mieder (*Burlington, Vermont, USA*)

*The University of Vermont
Wolfgang.Mieder@uvm.edu*

**“TIME SPENT WISHING IS TIME WASTED”:
TEMPORAL WORLDVIEW IN MODERN
AMERICAN PROVERBS**

There is no doubt that the multifaceted aspects of time play a major role in the rather pragmatic American worldview. By analyzing authentic American proverbs of the modern age, it is shown that Americans in general appear to be against wasting time, that they want to enjoy the relatively short time-span of a normal human life, and that they embrace solid work ethics in order to be successful over time. There is a definite preoccupation with time well spent, be it for pleasure or for steady progress. Proverbs encapsulate this mentality and are employed as cultural and social wisdom or signs in oral and written communication. All of this has nothing to do with national character but rather with general attitudes towards time shared by many Americans.

Key words: American, culture, folk idea, mentality, modernity, proverb, worldview.

Twenty-five years ago, I had the pleasure and honor to meet Prof. Veronika N. Teliya at an international phraseological conference at Graz, Austria. I still remember her intriguing lecture on “Phraseological Entities as a Language of Culture” that was published three years later in 1998. In the same year appeared her important chapter on “Phraseology as a Language of Culture: Its Role in the Representation of a Collective Mentality” that she wrote together with three colleagues. There is no doubt that her insights into the interrelationship of phraseologisms and culture as well as their significance for the understanding of worldview have been and continue to be of great significance for the study of mentality. Following her lead, Roumyana Petrova looked in considerable detail at “proverbs as cultural texts” [Petrova 2003: 331], with Pekka Hakamies agreeing that “proverbs provide relevant and interesting data for mentality studies, as long as the many-sided problems involved with their use are taken into account” [Hakamies 2002: 229]. Indeed, care must be taken that proverbs are not studied in isolation when looking at them as cultural signs or expressions of a general worldview [Mieder 2008, 2019b; Nedeva 2014: 105; Profontova 1996: 719; White 1987: 168]. Alan Dundes warned against the danger of over-simplification or over-generalization in interpreting proverbs without context and without

knowing the frequency of their use [Dundes 1969: 55]. In fact, in a seminal article on “Folk Ideas as Units of Worldview” [Dundes 1972] he made the important point that proverbs and other folkloric matters are best looked at as groups of “folk ideas” that collectively might amount to a general worldview. Thus, looking at groups of proverbs of a certain language culture about age, love, or money can lead to a generalized picture of the mentality of a certain people [Mieder 2018, 2019a]. Dundes showed by way of proverbs and other traditional materials that there appears to be something like a “future orientation in American worldview” [Dundes 1969] and a “linear worldview in American folk speech” [Dundes 2004]. This does not necessarily have anything to do with “national character” which can too quickly lead to stereotypical and misguided conclusions. Cultural linguistics and folkloristics should refrain from such questionable interpretations.

It should not come as a surprise that the question of how various cultures and societies have interpreted the omnipresent concerns with “time” has led to fascinating studies. John Hassard’s “The Sociology of Time” [Hassard 1990] speaks of the contrast between “social-time vs. clock-time” and “linear-time vs. circular-time” [Ibid.: 6-9] and concludes that “increasingly our social life is structured in accordance with ‘mechanical’-time: that is, an artificial form [the clock] which is quite independent of the cyclic rhythms of man’s organic impulses and needs” [Ibid.: 11]. Alfred Gell in his book “The Anthropology of Time. Cultural Constructions of Temporal Maps and Images” [Gell 1992] quite convincingly concludes that “time is a familiar dimensional property of our experienced surroundings” [Ibid.: 315] and argues more specifically that “the time handling expressions in common use in our language reveal the very widespread use of process-related time indicators of a non-metric type. We talk about events and organize ourselves in relation to them by making use of a socially embedded temporal schema” [Ibid.: 107]. This speaks, albeit indirectly, of proverbs referring to the multifaceted aspects of time and space that can be understood as “ubiquitous components that constitute the perception of the world” [Piiirainen 2012: 399]. Thus, concerning the proverbial expression *To kill time* that has been identified in 57 European languages, Elisabeth Piirainen points out convincingly that “it illustrates the conceptualization of time as a resource that can be consumed or wasted and, at the same time, shows a metaphorization of time as a living being that can be killed” [Ibid.: 446]. This preoccupation with phrasemes about time has led to Heinz-Gerhard Friese’s monograph “Ziterfahrung im Alltagsbewußtsein. Am Beispiel des deutschen Sprichworts der

Neuzeit” [Friese 1984] as well as two other articles dealing with German *time*-expressions [Cox 1999-2000; Pérennec 2001].

Regarding Anglo-American proverbs about time, the cultural linguist Ali Dabbagh points out that “English proverbs profile schemas which associate time with a valuable entity” and that “nothing is more important in this world than the present moment due to the fact that nothing else is permanent and stationary” [Dabbagh 2017: 588]. More revealing yet is Kimberly Lau’s seminal article on “It’s about Time’: The Ten Proverbs Most Frequently Used in Newspapers and Their Relation to American Values” [Lau 1996]. While it is primarily concerned with the innovative use of the computer for paremiological research, Lau is able to list ten of the most frequently used proverbs in the database, among them three *time*-expressions: *Time will tell*, *Time is money*, and *Time flies* (for additional texts see [Mieder et al. 1992: 598-599]). This leads her to the conclusion that “time is a driving force in American life” and “without question, time entertains a primary position in American culture and ideology” [Ibid.: 139-140]. Stan Nussbaum, in his little-known book “American Cultural Baggage. How to Recognize and Deal with It” [Nusbaum 2005] cites such old stand-by proverbs like *Time is money*, *Time flies*, *No time like the present*, and *Time marches on to prove that if Americans are obsessed with anything, that thing is time*. The view of time as a scarce, valuable thing affects all of American life” [Ibid.: 124] and that “Americans are time-conscious to an extreme” [Ibid.: 127]. There certainly is some truth in this, and he also might be quite right in claiming that for Americans *Life is a race, a race against time*. And yet, the proverb *Time is money* is not of American coinage and has long been loan translated into numerous languages worldwide. Its earliest reference was found in a British journal of 1719 from which Benjamin Franklin, who usually is credited with having coined it, copied it in 1751 [Villers, Mieder 2017]. And, of course, the proverb *Time flies* goes even back to antiquity and is current internationally! So, the question arises how valid it is to claim a particular American worldview by way of such texts? But it is true that both proverbs are very popular in American oral and written speech and their frequent use in different contexts makes them at least part of the American worldview.

But here is something that Americans have done with the ancient proverb *Time flies*! In “The Dictionary of Modern Proverbs” [DMP] (cited throughout with dates in parentheses), edited by Charles Clay Doyle, Wolfgang Mieder, and Fred R. Shapiro, appears the anti-proverb *Time flies when you’re having fun* with its earliest recorded date of 1939 – (1939) [DMP:

259]. It has long become an American proverb in its own right and it can be interpreted as expressing the “folk idea” of enjoying life to the fullest, somewhat in accord with the classical “carpe diem”. But be that as it may, the following deliberations about the American mentality about time are all based on modern proverbs (not older than the year 1900) coined in the United States! They have all been found in numerous contexts of which some are cited in our dictionary and its three supplements. The proverbs under discussion are thus not a “mixed bag” of proverbs from different times and different cultures but rather authentic American proverbs in actual use today [Mieder 2015]. As such, they allow a more informed and valid discussion of how Americans in general (!) think about that important commodity of time.

Before looking at these authentic modern American proverbs about temporal matters, the following chronologically arranged list of earlier texts coined in the United States might be of some interest. They can be found in Wolfgang Mieder’s annotated collection “*Different Strokes for Different Folks*”: 1250 authentisch amerikanische Sprichwörter” [Mieder 2015]:

Time and chance happen to all men. (1677)

Time is an herb that cures all diseases. (1738, coined by Benjamin Franklin)

Lost time is never found again. (1748, coined by Benjamin Franklin)

Nothing is more precious than time, yet nothing is less valued. (1775)

These are the times that try men’s souls. (1776, coined by Thomas Paine)

There is always a first time. (1792)

Time wasted is time lost. (1865)

These proverbs indicate that their wisdom about time is by no means metrical but rather general in nature. This will also be the case with modern *time*-proverbs to be dealt with in the following paragraphs. In fact, there really are only two modern proverbs dealing with measurable time. There is first of all the interesting proverb *If you are fifteen (ten, etc.) minutes early, you are on time (already five minutes late)* (1963) [DMP: 167] that somewhat ironically comments on how clock-time governs modern professional life with its stress and frustrations. The other proverb is *A week is a long time in politics* (1961) [DMP: 274] that at times has been attributed to British Prime Minister Harold Wilson with no record of his use having been found before 1968.

While this proverb clearly relates to the vicissitudes of political life, there are several proverbs that express the American insistence on having fun, i.e., having a good time. Since “party life” can go too far, there is the cautionary proverb *Always leave the party (leave, go home, quit) while you’re having fun (a good time)* (1953) [DMP: 191] that circulates in a number of variants. This emphasis on pleasure is also expressed in the proverb *We’re here for a good time, not a long time* (1977) [Doyle, Mieder (in print)]. This proverbial wisdom appears to play on the classical opposites of *carpe diem* and *memento mori*. But not to worry, there is also the proverb *Time you enjoy wasting is not (always) wasted time* (1912) [DMP: 259]. More important and certainly in much more frequent use is the titular proverb *Time spent wishing is time wasted* (1922) [DMP: 259] of this essay that had its origin in the popular song “Carolina in the Morning” (1922). The first stanza includes the line turned proverb:

Wishing is good time wasted,
Still it’s a habit they say,
Wishing for sweets I’ve tasted,
That’s all I do all day.
Maybe there’s nothing in wishing,
But, speaking of wishing I’ll say,
Nothing could be finer
Than to be in Carolina
In the morning.
No one could be sweeter
Than my sweetie when I meet her
In the morning.

It’s a love song of sorts where someone remembers a sweet relationship and wishes that it could be rekindled. But since chances of that happening are slim or even non-existent, such hope might well be a waste of precious time. And yes, the American worldview is clearly that time is too precious to let pass by without a success in whatever that might be.

Already Benjamin Franklin coined the proverb *There will be sleeping enough in the grave* in 1741 as an admonishment against letting time pass by without taking action. The implication of death in this proverb might have been the reason that it is not particularly current in American parlance any longer, but I must admit that I do enjoy citing it to justify my positive obsession with work. In any case, there is a «milder» modern proverb that

has taken its place in the middle of the twentieth century: *Life (Time, etc.) is too short (too precious) to waste it sleeping* (1944) [DMP: 145]. This is once again somewhat of a reminiscence of the well-known classical dichotomy of “*—ita contemplative*” and “*—vita active*”. Not that Americans do not treasure reflection or philosophical pursuits, but the general mentality leans towards an existence of active pursuits since after all life really is but short and must be lived to the fullest. But to return to my personal work ethics, I wonder what my thoughts might be at the end of my life in the service of paremiology. Will I finally agree with the proverb *No one on his deathbed has ever said, “I wish I’d spent more time at the office (at work, on business)”* (1984) [DMP: 52]? Benjamin Franklin, to whom we owe the so-called Protestant ethics with its emphasis on constructive work, would surely have disagreed with this mentality [Mieder 1989: 129-142]. But times have changed, and while the belief in the value of solid work continues to be part of the American worldview, the pleasure principle is plenty strong as well. That is perfectly expressed in the proverb *Take time to smell the flowers (roses)* (1951) [DMP: 259] with the meaning of not to hurry or worry but rather to enjoy the beauty of life.

But there is a proverb that good old Franklin doubtlessly would have liked: *The best way to kill time is to work it to death* (1914) [DMP: 271]. That is a solid dose of pragmatism that obviously is part of the American worldview. But care must be taken that the so-called “*Parkinson’s Law*” does not take over that says proverbially that *Work expands to fill the available (allotted) time* (1955) [DMP: 281]. It originated with C. Northcote Parkinson and basically argues that work should be executed in a very efficient way without wasting unnecessary time. One is reminded of the classical proverb *Nothing is excess is best*.

In classical times and in many cultures still today the advice *To take opportunity by the forelock* encouraged people to step up to the plate and make things happen at the right time. Two modern proverbs with animal metaphors express this idea quite convincingly, to wit *The time to shoot (catch) bears is when they are out (around)* (1914) [DMP: 259] and *The best time to fish is when they are biting* (1921) [DMP: 80]. But there is a third proverbial animal metaphor giving some down-to-earth advice, once again touching on the concern about wasting valuable time: *Never try to teach a pig to sing; it wastes your time, and it annoys the pig* (1973) [DMP: 197].

With some of these new proverbs one gets the feeling that they are nothing else but reformulations of traditional proverbs. Thus, the Biblical proverb *There is a time for everything* seems to be restated as *Nothing hap-*

pens until it happens (before its time) (1901) [DMP: 180]. Of special interest is doubtlessly the fascinating rephrasing of the traditional proverb *Time heals all wounds* into the clever anti-proverb *Time wounds all heels* (1938) [DMP: 259] with its homonymous pun and the allusion to the passing of time becoming an Achilles heel of sorts. Of interest is also the seemingly innocuous proverb *When it's time to go, it's time to go* (1936) [DMP: 260]. It usually refers to the departure from a meeting or a social gathering, but in a more morbid sense it can also imply dying. Humorously stated, it can also imply the necessity of a visit to the toilet, something that can also be expressed with the similar modern proverb *When you've got to go, you've got to go* (1937) [DMP: 100]. In both cases the verb *to go* can signify urination or defecation. All of this shows that the essence of modern proverbs just like old proverbs lies in their polyfunctionality, polysituativity, and polysemanticity [Mieder 2004: 9]. But in any case, modern American proverbs about time, albeit not a large number of them, appear to express the worldview that time is definitely of the essence and that it must be enjoyed while at the same time condoning good work ethics for a fulfilled and successful life.

References

Cox H.L. Morgenstund hat Gold im Mund. Sprichwörter mit einer Zeit-Komponente im Sprichwortschatz Bonner Student(inn)en // Rheinisches Jahrbuch für Volkskunde, 33 (1999-2000). S. 81-95.

Dabbagh A. Cultural Linguistics as an Investigative Framework for Parremiology: Comparing Time in English and Persian // International Journal of Applied Linguistics. 27 (2017). P. 577-595.

Doyle Ch.C., Mieder W. The Dictionary of Modern Proverbs: Third Supplement // Proverbium, 37 (2020), in print.

DMP – The Dictionary of Modern Proverbs / Doyle Ch.C., Mieder W., Shapiro F.R. (eds.). New Haven, Connecticut: Yale University Press, 2012.

Dundes A. Thinking Ahead: A Folkloristic Reflection of the Future Orientation in American Worldview // Anthropological Quarterly, 42, no. 2 (1969), P. 53-72.

Dundes A. Folk Ideas as Units of Worldview // Towards New Perspectives in Folklore / Eds. Américo Paredes and Richard Bauman. Austin, Texas: University of Texas Press, 1972. P. 93-103.

Dundes A. –As the Crow Flies”: A Straightforward Study of Lineal Worldview in American Folk Speech // –What Goes Around Comes Around”: The Circulation of Proverbs in Contemporary Life. Essays in Honor

of Wolfgang Mieder. Eds. Kimberly J. Lau, Peter Tokofsky, and Stephen D. Winick. Logan, Utah: Utah State University Press, 2004. P. 171-187.

Friese H.-G. Zeiterfahrung im Alltagsbewußtsein. Am Beispiel des deutschen Sprichworts der Neuzeit. Frankfurt am Main: Materialis, 1984.

Gell A. The Anthropology of Time. Cultural Constructions of Temporal Maps and Images. Oxford: Berg Publishers, 1992.

Hakamies P. Proverbs and Mentality // Myth and Mentality. Studies in Folklore and Popular Thought. Ed. Anna-Leena Siikala. Helsinki: Finnish Literature Society, 2002. P. 222-230.

Hassard, John (ed.). The Sociology of Time. New York: St. Martin's Press, 1990.

Lau K.J. "It's about Time": The Ten Proverbs Most Frequently Used in Newspapers and Their Relation to American Values // *Proverbium*, 13 (1996). P. 135-159.

Mieder W. American Proverbs. A Study of Texts and Contexts. Bern: Peter Lang, 1989.

Mieder W. Proverbs. A Handbook. Westport, Connecticut: Greenwood Press, 2004; rpt. New York: Peter Lang, 2012.

Mieder W. "Wisdom Is Better Than Wealth". Proverbs as Expressions of Culture and Folklore // Wolfgang Mieder. "Proverbs Speak Louder Than Words". Folk Wisdom in Art, Culture, Folklore, History, Literature, and Mass Media. New York: Peter Lang, 2008. P. 9-44.

Mieder W. "Different Strokes for Different Folks". 1250 authentisch amerikanische Sprichwörter. Baltmannsweiler: Norbert Brockmeyer, 2015.

Mieder W. "Life is not a Spectator Sport": Proverbial Emotions about Modern Life // *Emotsional'naia sfera cheloveka v iazyke i kommunikatsii: Sinkhroniia i diakhroniia*. Ed. E.R. Ioanesian. Moscow: Institut Iazykoznaniiya RAN, 2018. P. 7-17.

Mieder W. "Age is Just a Number": American Proverbial Wisdom about Age and Aging // *Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония* / отв. ред. Е.Р. Иоанесян. М.: ИЯ РАН, 2019а. С. 7-23.

Mieder W. "Right Makes Might". Proverbs and the American Worldview. Bloomington, Indiana: Indiana University Press, 2019b.

Mieder W. *Kingsbury S.A., Harder K.B. (eds.)*. A Dictionary of American Proverbs. New York: Oxford University Press, 1992.

Nedeva S. Achieving Better Intercultural Communication Through Learning to Interpret Cultural Value of Proverbs in a Language and the Way They Reflect National Character // *Revista Economică*, 66 (2014). P. 105-116.

Nussbaum S. American Cultural Baggage. How to Recognize and Deal with It. Maryknoll, New York: Orbis Books, 2005.

Pérennec M.-H. Lexikalisierte Zeitmetaphern und ihre Abwandlungen // *Phraseologiae Amor: Aspekte europäischer Phraseologie. Festschrift für Gertud Gréciano* / eds. Annelies Häcki Buhofer, Harald Burger, and Laurent Gautier. Baltmannsweiler: Schneider Verlag Hohengehren, 2001. P. 199-209.

Petrova R. Comparing Proverbs as Cultural Texts // *Proverbium*, 20 (2003). P. 331-344.

Piirainen E. *Lexicon of Common Figurative Units. Widespread Idioms in Europe and Beyond.* New York: Peter Lang, 2012.

Profantová Z. *Worldview, Proverbs, Folk Narrative // Folk Narrative and World View* / ed. Leander Petzoldt. 2 vols. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1996. II. P. 719-793.

Teliya V.N. *Phraseological Entities as a Language of Culture (Methodological Aspects) // Europhras 95: Europäische Phraseologie im Vergleich: Gemeinsames Erbe und kulturelle Vielfalt.* Ed. Wolfgang Eismann. Bochum: Norbert Brockmeyer, 1998. P. 783-794.

Teliya V.N., Bragina N., Oparina E., Sandormirskaya I. *Phraseology as a Language of Culture: Its Role in the Representation of Cultural Mentality // Phraseology: Theory, Analysis, and Applications* / ed. A.P. Cowie. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 55-75.

Villers D., Mieder W. “Time is Money”. Benjamin Franklin and the Vexing Problem of Proverb Origins // *Proverbium*, 34 (2017). P. 391-404.

White G.M. *Proverbs and Cultural Models. An American Psychology of Problem Solving // Cultural Models in Language and Thought* / eds. Dorothy Holland and Naomi Quinn. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 152-172.

V. Мидер (Берлингтон, штат Вермонт, США)
Вермонтский университет

**“TIME SPENT WISHING IS TIME WASTED”
(«ВРЕМЯ, ПОТРАЧЕННОЕ НА ЖЕЛАНИЯ, ПОТРАЧЕНО ЗРЯ»):
ВРЕМЯ В КАРТИНЕ МИРА НА МАТЕРИАЛЕ
СОВРЕМЕННЫХ АМЕРИКАНСКИХ ПОСЛОВИЦ**

Вне всякого сомнения, многообразные аспекты времени играют значительную роль в американской – довольно прагматичной – картине мира. Ана-

лизируя современные американские пословицы, мы демонстрируем, что американцы в целом настроены против траты времени, желают радоваться сравнительно короткой человеческой жизни и придерживаются незыблемой рабочей этики для того, чтобы со временем добиться успеха. В фокусе картины мира находится время, проведенное с пользой, под которой может пониматься и удовольствие, и стабильное движение к цели. Эту ментальность воплощают и кратко излагают пословицы, которые используются как образчики культурной и социальной мудрости или знаки в устном и письменном общении. Все это связано не с национальным характером, а, скорее, с общим отношением ко времени, характерным для многих американцев.

Ключевые слова: американский вариант английского, культура, народная мысль, ментальность, современность, пословицы, картина мира.

Т.Г. Никитина (Псков, Россия)

*Псковский государственный университет
cambala2007@yandex.ru*

КОДЫ КУЛЬТУРЫ И СУБКУЛЬТУРНОЕ ПЕРЕКОДИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

В статье рассматривается сленговая фразеология в ее соотношении с кодами традиционной культуры и молодежных субкультур. На субкультурном материале показаны семантические преобразования фразеологизмов, сопровождающиеся сменой их соотношения с культурным кодом. Иллюстрируется универсальность кодов культуры и специфика их субкультурного проявления. Подчеркивается значимость лингвокультурологического исследования фразеологии как сферы пересечения культурных и субкультурных кодов.

Ключевые слова: фразеология, лингвокультурология, коды культуры, молодежные субкультуры, трансформация фразеологизмов, молодежный сленг.

Анализ русских фразеологизмов в соотношении с кодами культуры как одно из направлений лингвокультурологических исследований вот уже более двух десятилетий не теряет своей актуальности. Развивая идеи В.Н. Телия [Телия 1993, 1996, 1999], ее ученики и единомышленники уточняют предметно-содержательные и операциональные характеристики лингвокультурологического метода во фразеологии [Ка-

бакова 2004; Ковшова 2006, 2012], обосновывают понимание культурного кода как базы лингвокультурологической интерпретации фразеологической единицы [Гудков 2004; Ковшова 2007, 2008; Савченко 2016], выявляют специфику фразеологической репрезентации различных кодов культуры [Гудков 2003; Захаренко 2003; Гудков, Ковшова 2007; Ковшова 2009; Спесивцева 2016]. Но если фразеологизмы литературного языка основательно исследованы как репрезентанты кодов русской культуры, то субкультурная фразеология пока не нашла исчерпывающего отражения в этом плане.

К тому же при устоявшемся понимании кода культуры как системы знаков разной субстанции в их культурной функции [Ковшова 2012: 171] или образной его интерпретации как «сетки», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его [Красных 2002: 232], понятие кода субкультуры четко не определяется в работах социолингвистов, культурологов, педагогов. Как правило, речь здесь идет о кодировании сообщения, адресованного носителем субкультуры, когда «языковым и субкультурным кодом» является сленг [Кожелупенко 2008: 112-113], а также невербальные средства: звуковые (шум, музыка) или зрительные (цвет одежды и волос, косметика, жесты и др.) [Данилова 2012: 17]. Лингвисты же, исследуя на субкультурном сленговом материале коды культуры (зооморфный, гастрономический, соматический и др.), понимают их традиционно и ограничиваются рассмотрением образности зоонимов, соматизмов, гастрономимов в языке субкультурной сферы [Чичерова 2018а, 2018б, 2018в].

Материалом нашего исследования являются фразеологические единицы (ФЕ) – репрезентанты общекультурных кодов, которые переосмысляются носителями молодежных субкультур. Происходит в этом случае их перекодирование, включение в некую систему субкультурных кодов, если таковая реально существует? Выяснить это и поможет лингвокультурологический анализ субкультурной фразеологии.

Исследуя ранее концептосферу субкультуры футбольных фанатов [Никитина 2007], мы отмечали ее биполярность, отражающую на субкультурном уровне архетипическое противопоставление «своей/чужой», на котором строятся идеологемы субкультуры: своя команда – лучшая, высококлассная, всегда побеждает, будет чемпионом, ее нужно поддерживать; чужая команда – низкой квалификации, никогда не станет чемпионом, обязательно проиграет, с ее фанатами надо бороться, доказывать свое превосходство.

Наполняясь субкультурным содержанием, члены архетипических оппозиций могут менять свои аксиологические параметры на прямо противоположные, как, например, *черный/белый, день/ночь, свет/мрак* в субкультуре готов, называющих себя «темными романтиками», предпочитающих черный цвет в одежде и макияже, развивающих тему смерти в музыке и поэзии. В ряде молодежных сообществ общекультурные концептуальные оппозиции конкретизируются, отражая противопоставления, актуальные для субкультурных практик: *земля/подземный мир* – для диггеров это поверхность земли и сеть подземных коммуникаций, по которым они путешествуют; *правый/левый* у скейтбордистов и сноубордистов – противопоставление райдеров, катающихся в правосторонней или левосторонней стойке; *верх* и *низ* у брейкеров – танцевальные и акробатические элементы нижнего и верхнего брейка, у музыкантов – низкие и высокие частоты звука, у футбольных фанатов – положение любимой команды вверху или внизу турнирной таблицы.

Наполненные субкультурным смыслом репрезентанты общекультурных кодов включают механизмы семантических трансформаций фразеологизмов. Рассмотрим такие случаи, выявленные нами в 2018-2020 гг. в ходе анкетирования представителей различных молодежных субкультур, на фоне интерпретации исходных оборотов в «Большом фразеологическом словаре русского языка» под редакцией В.Н. Телия [БФСРЯ 2006]. Так, фразеологизм *хоть трава не расти* (‘безразлично, все равно’) соотносится, согласно комментарию в словаре, с растительным (фитоморфным) кодом культуры. Образ фразеологизма возводится к архетипическому противопоставлению «свой – чужой», а также связывается с оппозициями «жизнь – смерть», «близко – далеко». Стереотипное представление о выражении безразличия по отношению к чужой беде передает метафорический образ, в структуре которого трава символизирует развитие и продолжение жизни [БФСРЯ 2006: 717]. В сообществе наркоманов *трава* (сленговое название конопли, содержащей психоактивные вещества) – одна из основных субкультурных ценностей, и внутренняя форма фразеологизма *хоть трава не расти* при его шутовском переосмыслении интерпретируется исключительно с этих позиций.

Представители субкультуры байкеров, шутовски характеризуя человека небольшого роста оборотом *от горшка два вершка*, также переносят фразеологическое «измерение» в свою систему координат: *горшок* в их сленговом лексиконе – это мотоциклетный шлем.

Субкультурная реинтерпретация внутренней формы фразеологизма чаще приводит к его семантической трансформации. Например, фразеологизм *гонять собак* (бездельничать, заниматься пустым делом) в субкультуре футбольных фанатов используется в значении *ездить на электричках на гостевые матчи своей команды* (*собака* здесь – сленговое обозначение электрички, пригородного поезда). Компонент *гонять*, как и в исходном фразеологизме, соотносится с антропным кодом культуры, а образному стержню *собака*, этимологически восходящему к названию палки, которой гоняют шар при игре в бабки, а значит, соотносимому с игровым кодом культуры [БФСРЯ 2006: 651], возвращается изначальная принадлежность к зооморфному коду в его метафорической репрезентации.

Свою кодовую принадлежность меняет в субкультурном сленге и слово *пушка*. В лексиконе футболистов и футбольных фанатов этот сленгизм соотносится с деятельностным кодом субкультуры и обозначает мощный удар по воротам, отсюда и значение переосмысленного в субкультуре шутивно-иронического фразеологизма *из пушки по воробьям* – *о* мощном ударе выше ворот.

Семантическая трансформация фразеологизма в языке субкультуры может сопровождаться восстановлением общеязыкового метафорического значения одного из компонентов ФЕ с его соответствующей «перекодировкой». Так, фразеологизм *держат нос по ветру* (беспринципно менять свои взгляды, оценки, поведение в зависимости от изменений обстоятельств) интерпретируется в «Большом фразеологическом словаре русского языка» под редакцией В.Н. Телия как основанный на зооморфной метафоре, уподобляющей действия человека поведению животного, старающегося уловить запах и поворачивающего нос в направлении ветра [БФСРЯ 2006: 171]. В субкультуре дельтапланеристов оборот используется в значении *лететь по направлению ветра*, а *нос* здесь – передняя часть купола, что соответствует общеязыковому метафорическому значению слова – *передняя часть самолета, судна или другого транспортного или боевого средства*. Если компонент *ветер* в исходном фразеологизме связан с универсальным представлением о непостоянстве, а фразеологизм в целом выступает в роли стереотипа ненадежности [БФСРЯ 2006: 171], то у дельтапланеристов *держат нос по ветру* – один из самых надежных и безопасных видов полетов, а обозначающее его устойчивое сочетание, утратив исходную образность, перешло в разряд профессионализмов.

Компонент *пятки* (ФЕ *наступить на пятки* – *догонять, наступать кого-л.*) в аналогичном устойчивом обороте сноубордистов обозначает заднюю часть сноуборда (ср.: общеязыковое перекодирование: соматический код → предметный код – *пятка топора, пятка косы*), а выражение в целом отражает ситуацию наезда на одного сноубордиста на другого сзади.

Обращение к субкультурному материалу будет полезным и для верификации этимологических версий. Представляется весьма убедительной интерпретация происхождения и соотнесения с культурными кодами фразеологизма *по барабану* (*абсолютно безразлично*), предлагаемая в «Большом фразеологическом словаре русского языка»: образ фразеологизма основан на уподоблении отскакивания звука от мембраны барабана невозможности проникновения происходящего в душу человека, а компонент *барабан* соотносится в такой трактовке с вещным кодом культуры [БФСРЯ 2006: 521]. Обратившись к словарю языка криминальной сферы, находим там глагол *барабанить* – *овершать половые акты; насиловать кого-л.* [Грачев 2003: 57] и обозначение венерически больной женщины – *барабанная палочка* [Там же: 646]. Учитывая соответствующие «ударные» ассоциации в наименованиях мужского полового органа (*ударник, маслобойка, долбалка* и др.) и рассматривая фразеологизм *по барабану* в рамках структурно-семантической модели *по + наименование (в том числе эвфемизм) мужского полового органа = „абсолютно безразлично“* (например: *по пистолету, по гондурасу, по хрену* и несколько ФЕ с компонентами-обсценизмами) [Никитина 2013: 594—602], можно предположить возможность реализации в данном случае соматического и деятельного кодов культуры при перекодировании компонента *барабан* непосредственно в составе фразеологизма. Ср. также в тексте известной песни «Катись, колесо» группы «Сплин» параллельное использование ФЕ этой структурно-семантической модели: *мне все по барабану, мне всё по пистолету*.

Отдельные лексические единицы при переходе из общенародного словарного состава в субкультурный могут специализироваться не меняя кодовой соотнесенности. Для таких случаев весьма актуальным представляется высказывание В.Н. Телия о культурной функции наименования реалии, когда словозначение награждается смыслом, указывающим не на собственный референт слова, а на некоторую, замещающую его идею [Телия 1996: 243]. Специализацию выражения с таким субкультурно «идеологизированным» компонентом наблюдаем

в лексиконе субкультуры готы: *лежать в гробу* (в литературном языке – *«быть мертвым»*) для представителей данной субкультуры – привычный вид «деятельности»: гот размышляет об ужасном и таинственном, просматривает хоррор-фильмы, слушает музыку в стиле готик-рок, лежа в гробу, который является основным атрибутом субкультуры. Семантически трансформируется выражение *лежать в гробу* и в сленге футбольных фанатов, где таким образом обозначается один из способов безбилетного проезда в поезде на гостевой матч: фанаты прячутся от контролеров в «гробах» – закрытых отсеках под нижними полками плацкартных вагонов старого образца (такие примеры метафоризации компонентов субкультурных устойчивых оборотов были рассмотрены выше).

В целом же результаты анализа субкультурной фразеологии подтверждают вывод об универсальности культурных кодов и специфике их проявления в зависимости от конкретной культуры [Савченко 2016: 84]. Наш материал позволяет говорить об актуальности этого положения не только для национальных культур, но и для субкультур одной этноязыковой общности.

Приведенные выше примеры демонстрируют, например, значимость и специфику языковой репрезентации растительного кода для субкультуры наркоманов (большое количество наркотических средств для курения и внутривенного введения изготавливается здесь из растительного сырья). Предметный код субкультурных практик репрезентируют наименования субкультурной атрибутики, орудий и других средств, используемых при осуществлении субкультурно ориентированной деятельности (*гроб, собака, горшок, пятка* – в представленных выше примерах) и т.п. Исследование субкультурных кодов и их сленговых репрезентантов непременно должно получить дальнейшее развитие в современных условиях интернационализации молодежных субкультур и их взаимодействия с традиционной культурой. И особая роль в таких исследованиях должна отводиться фразеологии, которая в силу своей двуплановости и огромного трансформационного потенциала становится сферой пересечения кодов культуры и субкультуры.

Литература

БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС-КНИГА, 2006.

Грачев М.А. Словарь тысячелетнего русского аргю. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003.

Гудков Д.Б. «Кровь» в соматическом коде культуры (по данным фразеологии) // Язык. Сознание. Коммуникация. 2003. Вып. 23. С. 15-28.

Гудков Д.Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики // Язык. Сознание. Коммуникация. 2004. Вып. 26. С. 39-50.

Гудков Д., Ковшова М. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007.

Данилова Г.В. Подростковая субкультура: код времени // На путях к новой школе. 2012. № 1. С. 16-17.

Захаренко И.В. «Ноги» в соматическом коде культуры (по данным фразеологии) // Язык. Сознание. Коммуникация. 2003. Вып. 23. С. 86-96.

Кабакова С.В. Механизмы культурной интерпретации образного основания идиом // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 77-85.

Ковшова М.Л. Языковая и культурная специфика фразеологического знака: теоретические и методологические основы исследования // Вопросы филологии. 2006. № 3. С. 6-12.

Ковшова М.Л. «Культурный код» как элемент культурной интерпретации фразеологизмов в лингвокультурологической парадигме исследования // Славянские языки и культура. Т. 1. / отв. ред. В.Т. Бондаренко. Тула: ТГУ им. Л.Н. Толстого, 2007. С. 30-33.

Ковшова М.Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2008. Т. 67. № 2. С. 60-65.

Ковшова М.Л. Пищевой код в культуре и во фразеологии // Язык. Культура. Общество. V Междунар. конф. В 2 т. Т. 1. М.: Московский ин-т иностр языков, 2009. С. 164-165.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

Кожелупенко Т.П. Концептуальное субкультурное кодирование в современных американских и русских рэп-текстах // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2008. № 3. С. 110-114.

Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002.

Никитина Т.Г. Новые русские паремии: фанатская кричалка // Фразеологизм и слово в языке и речи: сб. статей. Великий Новгород: НовГУ им. Я. Мудрого, 2007. С. 253-264.

Никитина Т.Г. Ключевые концепты молодежной культуры: тематический словарь сленга. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013.

Савченко Л.В. Парадигма современных исследований кода культуры в векторе интерпретации фразеологизмов // *Sciences of Europe*. 2016. № 5-3. С. 75-83.

Спесивцева В.С. Исследование соматических фразеологизмов через призму теории культурных кодов // *Новый взгляд. Международный научный вестник*. 2016. № 15. С. 75-83.

Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) // *Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов*. М.: Наука, 1993. С. 302-314.

Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.

Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // *Фразеология в контексте культуры*. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13-24.

Чичерова Е.А. Гастрономический код культуры в сленге военнослужащих // *Universum: Филология и искусствоведение*. 2018а. № 8. С. 8-10.

Чичерова Е.А. Зоологический код культуры в сленге военнослужащих США // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018б. № 11-2. С. 400-404.

Чичерова Е.А. Образность соматизмов в языке военной субкультуры // *Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки*. Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2018в. С. 46-50.

T.G. Nikitina (Pskov, Russia)
Pskov State University

THE CODES OF CULTURE AND SUBCULTURAL TRANSCODING OF PHRASEOLOGICAL UNITS

The article deals with slang phraseology in its relation to the codes of traditional culture and youth subcultures. The subcultural material presented in the article shows semantic transformations of phraseological units, accompanied by a change in

their relationship with the cultural code. The universality of culture codes and the specificity of their subcultural manifestation is illustrated. The importance of linguistic and cultural research of phraseology as a sphere of intersection of cultural and subcultural codes is emphasized.

Key words: phraseology, linguocultural studies, culture codes, youth subcultures, transformation of phraseological units, youth slang.

О.С. Орлова (Москва, Россия)

Институт языкознания РАН

OrlovaOlgaS@list.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В РУССКИХ ЗАГАДКАХ

Статья посвящена изменениям, которые наблюдаются в русских загадках, связанным с новыми условиями их бытования, новой ролью в обществе и культуре и новыми функциями. Особое внимание уделяется изменениям в степени сложности загадок. На примере традиционных и современных загадок о кошке показывается, что загадки, созданные в русской традиционной культуре много лет назад, являются более сложными для разгадывания, чем современные русские загадки.

Ключевые слова: традиционная загадка, современная загадка, загаданный денотат, загадочный текст, знания, сигнальный компонент, простая/сложная загадка.

Загадка является одним из древнейших жанров традиционной культуры. Под загадкой понимается «иносказательное изображение в короткой формуле предмета или явления, которые нужно угадать; выражение, требующее разгадки» [Ушаков 2014: 147]. Загадка характеризуется наличием двух обязательных составляющих – загаданного денотата (отгадки) и загадочного текста (собственно загадки). Ср.: «*Около кола золотая голова (подсолнух)*» [Рыбникова 1932: 587]. «Основная сложность загадки – в отдалённости подобиий, в метафорах, которые далеко уведат сознание от исходного денотата» [Ковшова 2019: 97].

Отгадывание загадок осуществляется с опорой на знание культуры – «внеязыкового мира, концептуализируемого языком и обретающего в его формах своё знаковое бытие» [Телия 2004: 21]; «пространства смыслов, имеющих ценностное содержание, вырабатываемое человеком в процессе миропонимания, и кодов – знаковых систем, в ко-

торых используются разные материальные и формальные средства для означивания этих смыслов» [Ковшова, Гудков 2017: 50].

Как при восприятии культуросных, по В.Н. Телия, знаков, так и при разгадывании загадок отгадчик использует «как бы две антенны» [Телия 2004: 21]. С помощью одной «антенны» он выделяет информацию, которая «содержит сведения о концептуализированных сущностях, принадлежащих культуре как таковой», а с помощью второй – пытается опознать «сигналы о характере тех способов референции к предметной области культуры, которые носитель языка осуществляет исходя из культурных слоёв языкового объекта, принадлежащих её кодам, симболарию, содержанию концептов культуры, вместе образующими тот или иной пространственно-временной тезаурус» [Там же].

Появление народной загадки относят к I тысячелетию до н.э., а возникновение авторских загадок – примерно к VII в. до н.э. [Кривенко 1999: 133-134]. За долгое время существования загадок они претерпели существенные изменения: изменились функции загадок, место в жизни общества, денотативная область загадок, способы и условия их загадывания и сами загадки.

Происхождение загадки связано с табу, тайной речью, древними обрядами и ритуалами (см. [Аникин 1957, Топоров 1999]). В течение многих лет загадки бытовали в народной культуре, являясь средством накопления и передачи знания об окружающем мире из поколения в поколение. Со временем загадки стали использоваться как элемент игры, с целью развлечения, а также применяться в обучении и воспитании детей.

В древние времена загадки было принято загадывать после Рождества, на масленицу, во время семейных праздников и посиделок, на свадьбах и во время общей работы; на загадывание загадок днём, летом и во время поста был наложен запрет (см. подробнее в [Седакова, Толстая 1999]). В современном мире загадывание загадок не связано с какими-либо запретами или особыми условиями.

Изначально загадка существовала преимущественно в устной форме и загадывание загадки предполагало словесный диалог между загадывающим загадку и её отгадчиком. Со временем загадочные тексты стали фиксировать в письменной форме. В современном мире распространение получили группы в социальных сетях, специальные сайты в сети интернет, а также различные приложения для смартфонов, посвящённые загадкам, и наличие непосредственного словесного диа-

лога между загадывающим и отгадывающим загадку перестало быть обязательным.

С распространением интернета популярность обрели визуальные загадки типа «найди кота». Ср.:

Рис. 1. Загадка.
[pikabu.ru]

Рис. 2. Отгадка

Денотативная область загадок издревле охватывает всё то, что существенно в данной культуре на том или ином этапе её развития. Таким образом, с появлением новых реалий, создаются и новые загадки. Ср.: *«Как смогли вести беседу / Два часа после обеда / Три подружки, из Норильска, / Озерков и Сан-Франциско? (скайн)»* [riddle.su].

Все эти изменения связаны с изменениями в жизни человека: развитием общества, сменой мышления с мифологического на рационалистическое, с появлением новых технологий, изменением уклада жизни и др. Загадки меняются, поскольку меняется адресат, для которого они предназначены. Изменяются загадочные тексты, главным образом, по степени сложности – в современных загадках больше подсказок, начиная от прозрачных метафор и заканчивая рифмой; для отгадывания денотата не требуется подключать те уходящие в глубь веков знания, которыми в той или иной мере, в силу своего возраста и опыта, владел носитель традиционной культуры.

Под современными загадками в данной статье понимаются загадки, создающиеся с развлекательными, познавательными и обучающими целями в современном игровом дискурсе; их кардинальное отличие от традиционных загадок состоит в отвлечении от пространства народной культуры, с её сложившимся мировоззрением, особенностями труда и быта, фольклором и т.п. Будучи созданы на основе народных загадок, современные загадки в каком-то смысле могут считаться их продолжением, однако то, что они возникают и распространяются

в иных условиях, отличных от тех, что характерны для возникновения и бытования загадок традиционной культуры, заставляет говорить о них как о самостоятельной группе загадок со своими особенностями, которые проявляются на разных уровнях. Традиционные загадки создавал народ, из века в век они хранили и передавали опыт и народно-поэтический взгляд на мир. Современные загадки создаются отдельными личностями – литераторами, педагогами или творчески настроенными любителями, при этом авторство таких загадок, как правило, утрачивается, но народными они не становятся.

Сравним детскую загадку русской традиционной культуры *«У нашей бабуси / сидит зверь у кожуси, / возле печки греется / без водички моется (кошка)»* [Рыбникова 1932: № 43] и современную загадку – *«Я умею чисто мыться / Не водой, а язычком. / Мяу! Как мне часто снится / Блюдце с тёплым молочком! (кошка)»* [slavclub.ru/zagadki]. Приведённые загадки о кошке, как народная, так и современная, не являются сложными для разгадывания, поскольку предназначены для детей. Детские загадки нацелены не столько на то, чтобы испытать отгадчика и проверить его знания, сколько на то, чтобы сообщить новые знания, передать накопленный и обобщенный в загадке опыт. Тем не менее, современная загадка по многим параметрам проще, чем традиционная. При разгадывании обеих загадок даются явные подсказки в виде описания свойств кошки, взятых из простого наблюдения за её поведением – так называемые сигнальные компоненты. Сигнальный компонент представляет собой составляющую загадочного текста, которая выступает в качестве основной подсказки, сигнализирующей о том, какой денотат описывается.

В загадке современной культуры дано прямое указание на присутствующее только кошке свойство, позволяющее ребёнку, который знает, что такое кошка, верно отгадать загадку («Мяу!»). Остальные характерные признаки кошки, включённые в её иносказательное описание в загадочном тексте (умывается языком, много спит, любит молоко), – это те знания, которые взрослые хотят передать ребёнку, загадывая ему эту загадку.

Отгадывая традиционную загадку, дети, воспитывавшиеся в традиционной культуре, опираются на знание, взятое с раннего возраста, что в крестьянской избе не держат животных, за исключением кошек. Так посредством загадки усваивались знания о том, какое место занимает кошка в крестьянском быту и какая роль ей отведена. За хищную натуру и своенравный характер кошку в народе называли зверем.

Ср. поговорку: «*На мышку и кошка зверь. Не велик зверь, да ластист*» [Даль 1989, 2: 51]. В традиционной загадке с помощью слов «сидит у бабуши» с детства усваивалось представление о том, что кошка в народной культуре отождествляется с образом женщины и ее жизненной сферой; ср. об этом [Гура 1999: 637]. Противоположностью кошке, по стереотипным представлениям, является собака, которая связана с мужской сферой деятельности [Там же]. Ср. пословицу: «*Мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка завсегда в избе*» [Даль 1989, 1: 308]. В приведенной выше загадке слова «возле печки греется» передают знание о том, что кошки любят тепло и место их у печи. Ср. также поговорку: «*И псу конурка, и коту печурка*» [Даль 1989, 1: 86]. Вселяясь в новый дом, было принято сначала приносить туда кошку и сажать на печной столб рядом с дымовой трубой, где, по поверьям, обитал домовый [Гура 1999: 639]; в тайной речи охотников кошку называли «запечённой» [Там же: 638]. Данная в загадке характеристика «без водички моется» иносказательно описывала отличительную черту кошки – умываться языком (ср. прямолинейное описание выше, в современной загадке: «*Я умею чисто мыться / Не водой, а язычком*»). С умыванием кошки в русской традиционной культуре также связывают приход гостей, ср. примету: «*Кошка моется – гостей замывает (засывает)*» [Даль 1989, 2: 259]; это знание также участвует в отгадывании загадки.

Представляется, что сложность загадок следует определять именно по сигнальному компоненту, который является имманентным свойством денотата. Его содержание, во многом, определяется стереотипными представлениями о денотате, в составе загадки сигнальный компонент, данный прямо или косвенно, выступает в качестве подсказки, запускает механизм разгадывания. В рассмотренной традиционной загадке о кошке сигнальным компонентом, прежде всего, выступает «нахождение животного в избе», а в современной загадке – подражание звукам, характерным для кошки («Мяу!»).

Безусловно, детские загадки, как народные, так и современные, проще, чем загадки, рассчитанные на взрослого человека; основная цель детской загадки как в традиционной культуре, так и в современном игровом дискурсе – познакомить ребенка с окружающим миром, передать в игровой форме знания; основная цель загадок для взрослой аудитории – испытание на сообразительность и проверка знаний.

Обратимся к двум загадкам, которые могут загадываться как детям, так и взрослым. Они сходны по отгадке («кошка») и по тому при-

знаку, который положен в основу разгадывания – знание о том, что кошка ловит мышей. Ср.:

- традиционная загадка: «*Под полóm-полóm / Ходит барыня с колóm, / Ищет барыню с хвостом (кошка)*» [Садовников 1876: № 914];
- современная загадка: «*Как написать слово «мышеловка» пятью буквами? (кошка)*» [super-positive.ru/zagadki-s-podvohom/].

Рассмотрим механизм кодирования загаданного денотата, который в обеих загадках основан на представлении об изначальной функции кошки в домашнем быту – ловле мышей.

В традиционной загадке иносказательно описывается типичная ситуация, в которой кошка ищет мышь, чтобы её поймать. Загадочный текст «*Под полóm-полóm / Ходит барыня с колóm, / Ищет барыню с хвостом*» состоит из метафорических обозначений кошки и мыши – «*барыня с колóm*» и «*барыня с хвостом*» и дополнен прямым именованием (подсказкой) места, в котором разворачивается ситуация («*под полóm-полóm*»), и прямым указанием (подсказкой) на действия кошки («*ищет*»).

Подпол, подполье, подполица, подполница – «простор или яма под полом; у крестьян это род чулана или погребка, либо с западней, либо с ходом через голбец» [Даль 1989, 3: 179]. Поскольку в подполе хранились запасы, в поисках пропитания там появлялись мыши, а значит, в поисках добычи туда отправлялись и кошки.

Мышь в загадке – «*барыня с хвостом*», кошка – «*барыня с колóm*», то есть тоже с хвостом. Образ барыни, используемый для метафорического обозначения мыши и кошки, вероятно, даётся в загадке, чтобы показать, что участники ситуации, представленной в загадочном тексте, женского пола – кошка и мышь. «Наличие хвоста» у участников ситуации, описанной в загадке, является сигнальным компонентом данного загадочного текста. С хвостом в подполе, согласно стереотипным представлениям, могут быть только мыши или крысы и охотящиеся на них кошки. Образ кола используется в загадочном тексте для непрямого именованья хвоста кошки, однако такое описание животных – не только кошки, но также крысы или мыши – характерно для загадок русской традиционной культуры. Хвост уподобляется палке по внешнему виду и по звуку, который производится, когда хвостом или колом стучат по полу. Ср. образы в загадках: «*Кто по избе с колóm ходит? (кошка)*» [Садовников 1876 № 915]; «*Под полóm-полóm / Ходит барыня с колóm (крыса)*» [Рыбникова 1932 № 440]; «*Под полóm, полóm / Стоит (ходит) барыня с колóm (мышь)*» [Садовников 1876 № 1552]

и др. Поскольку длинные хвосты кошек, мышей и крыс, каждый по своему, являются их очевидным признаком, они часто используются для загадывания посредством самых разных образов. Ср.: «*Бежит Орина / Из овина / В заду – тычина (кошка)*» [Садовников 1876 № 916]; «*Под мостом, постом / стоит барыня / с хлыстом (крыса)*» [Рыбникова 1932 № 440] и др.

Однако в анализируемой загадке: «*Под полом-полом / Ходит барыня с колом, / Ищет барыню с хвостом*» [Садовников 1876: № 914] образы животных с хвостами противопоставлены, и потому образ кола принимает другое назначение. Компонент «барыня с колом» рисует особый образ – кошки-властительницы, кол в руке которой является знаком власти, силы по отношению к подданной – мыши.

Таким образом, традиционная загадка разгадывается с опорой на знание традиционной культуры – крестьянского быта и уклада жизни. Образ загадки отсылает адресата к стереотипным представлениям о функции кошки в деревенской избе и к определенным ролям между кошкой и мышью.

Современная загадка о кошке: «*Как написать слово «мышеловка» пятью буквами? (кошка)*» [super-positive.ru/zagadki-s-podvohom/] строится иначе. Ее вопросительная структура позволяет фокусировать внимание на слове, раскрывающем основной признак, с которым каким-то образом связан загаданный денотат. Данная форма загадывания не требует от адресата подключения большого объема знаний. Отгадывая загадку, её адресат будет исходить из того, что ему необходимо найти слово из пяти букв, которое будет синонимом слова «мышеловка». Сигнальным компонентом в данной загадке является признак «ловля мышей». Отгадчику необходимо проявить сообразительность, чтобы догадаться, что речь в загадке не о синониме, не о каком-то неодушевленном предмете, который используется как мышеловка, а о кошке, которая ловит мышей.

Необходимо отметить, что среди традиционных загадок встречаются загадки различных типов и разной степени сложности, в том числе простые (в основном, для детей) загадки с вопросительной структурой, схожие с приведённой современной загадкой (для детей и взрослых) про мышеловку. Ср. традиционную загадку: «*Кто родится с усамы (кошка)*» [Митрофанова 1968: 48]. Также есть традиционные загадки, в которых «фокус» декодирования «смещён» на проявление остроумия со стороны адресата. Ср.: «*Отчего кошка бегаёт? – Она бы полетела, да крыльев нет*» [Митрофанова 1968: 162]; «*Сидят три кош-*

ки, / а против каждой кошки две кошки; / сколько их всех? (Три кошки)» [Рыбникова 1932: 153]. Тем не менее, бóльшую часть загадок традиционной культуры (как детских, так и взрослых), в отличие от современных текстов, составляют загадки, декодирование которых требует от адресата не столько остроты ума, сообразительности, сколько знания народной культуры – обычаев, условий крестьянского быта, уклада жизни, народных суеверий и т.п. (см. сборники загадок В.В. Митрофановой, М.А. Рыбниковой, Д.Н. Садовникова и др.).

В то же время, нельзя утверждать, что все современные загадки просты или сводятся к языковой игре – при отгадывании современной загадки в той или иной мере также требуется опора на знание культуры, ее символов, эталонов, стереотипов и др. Ср. современные загадки: «У мышинной норы / Лежат крючья остры. / И повисли, горя, / Два зелёных фонаря (кошка)» [<https://aromatyschastya.ru/zagadki-pro-koshku>]; «По цепи кругом ходок, / Точит острый коготок. / Захочет вправо походить – / Сказки станет говорить, / А налево как пойдёт – / Песню громко заведёт (кот)» [<https://zagadki.info/zag/koty.html>]. Однако исследование материала показывает, что большинство народных загадок сложнее, насыщеннее по образам, по стоящим за образами представлениям о мире, сложнее по той культурной информации, которая уходит корнями в народную культуру с ее мифами, бытом, обрядами и т.п. Так, ср. типичные традиционные и современные загадки про кошку:

• «Темнота светлоту / Унесла на высоту / А благодати дома не было (кошка, искра, крыша, вода)» [Садовников 1876 № 918]; «Стоит свекровь на току / И грозитя на сноху (кошка над мышью)» [Садовников 1876 № 917а]; «В избе ломтём; / На дворе – калачём (кошка и собака)» [Садовников 1876 № 910]; «Идёт детина, несёт выше себя дубину (кошка, котёнок или кот)» [Мирофанова 1968: 48]; «Пошла баба в клеть, / а за ней тащитя плетъ (Кот. Кошка)» [Рыбникова 1932: 251];

• «Выгнул спинку он дугой, / Замяукал. Кто такой? / Потянулся сладко – / Вот и вся загадка (кошка)» [<https://zooclub.ru/skazki/zagadki/zagadki-pro-koshek.shtml>]; «Этот зверь живёт лишь дома. С эти зверем все знакомы. У него усы как спицы. Он, мурлыча, песню поёт. Только мышь его боится. Угадали? Это – ...(кошка)» [<https://mamamozhetvse.ru/zagadki-pro-koshku-dlya-detej-30-luchshix.html>]; «Защипит и выгнет спину, / Лишь увидит рядом псину. / За воробышком крадется. / Нам о ноги нежно трётся. / Любит греться у окошка, / Ловит мышек, наша ...(кошка)»

[<https://www.murcat.ru/prokoshek/zagadki/index.php?id=1495641937>];
«*Радуется – ворчит, / Ластится – царапает, / А рассердится – хвостом завилает (Кот, кошка)*» [<https://aromatyschastyu.ru/zagadki-pro-koshku>].

Итак, в сегодняшнем русском культурном пространстве традиционные и современные загадки со-существуют; они обращены к адресату, который, в силу возраста, опыта, образования, владеет (в идеале) многими типами знаний, отличается в той или иной мере сообразительностью, смекалкой, способностью к остроумной догадке. Традиционная и современная загадка представляют собой сложное дискурсивное образование, которое может быть исследовано как когнитивно-культурный феномен, существующий в единстве и противопоставлении. За время своего существования загадки прошли долгий путь от переименований по запрету и неотъемлемых составляющих древних ритуалов до игровых текстов, использующихся в основном для развлечения и применяющихся в образовательных целях. С течением времени пополнился список загадываемых объектов, изменились условия загадывания, появились новые способы загадывания и новые загадки. Однако наиболее значимые изменения в жизни загадки связаны с её информативным, содержательным упрощением, перефокусировкой в кодировании денотата и игровом сдвиге в механизме отгадывания. Эти процессы активно развиваются еще и потому, что современная загадка ищет новые, в том числе электронные, визуально-графические формы своего воплощения, у которых будет новый «язык» и иные способы «считывания» загадочного кода.

Литература

Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М.: Гос. уч.-пед. изд. Министерства просвещения РСФСР, 1957.

Гура А.В. Кошка // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 тт. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 637-640.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М.: Общество любителей российской словесности, 1865.

Даль В.И. Пословицы русского народа. Т. 1. М.: Художественная литература, 1989.

Даль В.И. Пословицы русского народа. Т. 2. М.: Художественная литература, 1989.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры. М.: ЛЕНАНД, 2019.

Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2017.

Кривенко А.Б. К вопросу об энигматическом варианте афористического текста // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст 2. М.: Индрик, 1999. С. 128-147.

Митрофанова В.В. Загадки. Л.: Наука, 1968.

Рыбникова М.А. Загадки. М.; Л.: Academia, 1932.

Садовников Д.Н. Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач / Д.Н. Садовников. СПб.: ТК Велби, 1876.

Седакова И.А., Толстая С.М. Загадка // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 тт. Т. 2. М.: Международные отношения 1999. С. 233-237.

Телия В.Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 19-30.

Топоров В.Н. Второе происхождение – загадка в ритуале (ведийская космологическая загадка типа brahmodya: структура, функция, происхождение // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст 2. М.: Индрик, 1999. С. 8-53.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014.

Загадки с подвохом. URL: <https://super-positive.ru/zagadki-s-podvohom/> (дата обращения: 16.02.2020).

Загадки про гаджеты. URL: https://riddle.su/zagadki_pro_gadgety.html (дата обращения: 13.02.2020).

Загадка «найди kota». URL: https://pikabu.ru/story/naydi_kota_6970531 (дата обращения: 18.05.2020).

Славяна. Клуб родительской культуры. URL: <https://slavclub.ru/zagadki/zivotnie/1336-koti.html> / (дата обращения: 16.02.2020).

O.S. Orlova (Moscow, Russia)

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

ABOUT SOME CHANGES IN RUSSIAN RIDDLES

The article deals with some particular changes in Russian riddles connected with new conditions of their existence, their new role in society and culture and their new functions. Special attention is paid to the fact that modern Russian riddles are easier to solve than traditional Russian riddles that have been a part of the Russian culture for centuries. Traditional and modern Russian riddles about cats are analyzed to show that the riddles created in Russian traditional culture many years ago are more difficult to solve than modern Russian riddles.

Key words: traditional riddle, modern riddle, riddle denotation, riddle text, signal component, easy/difficult riddle.

И.В. Рогозина, Н.Ю. Бухнер (Барнаул, Россия)

Алтайский государственный технический университет

им. И.И. Ползунова

irogozi@mail.ru, nbuhner@mail.ru

ПОРТРЕТ УЗБЕКСКОГО ЭТНОСА: ОПЫТ ЛИНГВОКОГНИТИВНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

В статье язык рассматривается как средство фиксации и обнаружения этнокультурных компонентов сознания, вербальные репрезентанты которых (этнодескрипторы) позволяют построить сложную многопризнаковую модель иерархического типа – этнический портрет – на основе лингвокогнитивной реконструкции. Цель настоящей работы состоит в реконструкции ядерной части портрета узбекского этноса с опорой на экспериментальные данные, полученные методом шкалирования. Полученная модель открывает три уровня и два поля распределения этнодескрипторов. Ядерная часть этнического портрета показывает зеркальность структуры положительного и отрицательного полей модели и пропорциональность соотношения этнодескрипторов по уровням. Наполняющие модель этнодескрипторы фиксируют результаты концептуализации узбекского этноса и в совокупности со структурными компонентами манифестируют системный характер модели.

Ключевые слова: этнический портрет, лингвокогнитивная реконструкция, языковое сознание, ядерная часть этнического портрета, этнодескрипторы, экспериментальное исследование, иерархическая многопризнаковая модель.

Отражая повсеместно и динамично изменяющуюся реальность, лингвистические изыскания последних десятилетий демонстрируют закономерное возрастание интереса к различным аспектам этнолингвокультурной проблематики [Бромлей 1983; Бутакова 2001; Герд 2005; Думанова 1996; Пищальникова 2001; Стефаненко 2003]. Одним из проявлений подобного интереса, можно считать использование в отдельных работах термина *портрет*, который встречается в таких словосочетаниях как *этнический портрет* [Бутакова 2001; Камалова 2014], *этнокультурный портрет* [Бутакова 2001], *социолингвистический портрет этноса* [Евстафьева 2019], *языковой портрет этноса* [Трифоновна 2018], *речевой портрет этноса* [Абильдинова 2013; Гурулева 2017; Сундуева 2015] и т.д. К сожалению, большинство работ не предлагает рабочих определений используемых терминов, и только из текста становится понятно, что в ряде случаев под этническим речевым/языковым портретом понимается функциональная модель языковой личности [Панов 1990], идентифицирующей себя с каким-либо этносом. В других же случаях термин *портрет* используется для обозначения модели, фиксирующей результаты идентификации одним этносом этноспецифических свойств другого этноса.

На наш взгляд, реконструкция этнических портретов второго типа представляется более актуальной в свете интенсификации межкультурного взаимодействия и, как следствие, обострения межэтнической напряженности. Для уяснения сущности такого портрета, на наш взгляд, наиболее продуктивным является определение этноса, предложенное А.С. Гердом, который видит в нем «сложную многопризнаковую семиотическую систему ассоциативно-иерархического многоуровневого типа» [Герд 2005: 47]. Следовательно, этнический портрет представляет собой модель этой системы в единстве когнитивных структур разной степени сложности и дифференцированности, сформированных у представителей одного этноса в отношении другого. Такой подход, по всей видимости, обладает существенной объяснительной силой, предоставляющей теоретическое обоснование для реконструкции результатов этнической концептуализации.

Представляется, что целостность этнического портрета как сложной и многоуровневой системы определяется комплексом факторов: природно-климатических, социокультурных, этнопсихологических и др. Многие ученые сходятся во мнении, что в межэтническом взаимодействии на передний план выходят этнопсихологические характеристики. Так, Т.Г. Стефаненко выделяет в качестве определяющего

признака этноса общность психологических черт его представителей [Стефаненко 2003: 19]. Аналогичную мысль находим у В.А. Пищальниковой, которая видит одну из сущностных черт этноса в психофизиологической схожести составляющих его индивидов [Пищальникова 2007: 12]. Ю.В. Бромлей говорит об относительной стабильности особенностей психики принадлежащих определенному этносу людей [Бромлей 1983] как основе осознания ими отличительных свойств «своих» и «чужих». Из сказанного можно сделать вывод, что этнопсихологические характеристики, выявляемые в межэтнических контактах, занимают центральное место в портрете этноса и требуют внимания при моделировании его фрагментов.

Целью данной работы является осуществление лингвокогнитивной реконструкции ядерной части портрета узбекского этноса в языковом сознании этнических русских, при этом языковое сознание понимается нами «как некое моделирующее устройство, с помощью которого можно реконструировать знания, мнения, впечатления говорящих об определенных фрагментах действительности» [Бутакова 2001], в том числе и этнорелевантных. Ставя указанную цель, мы исходим из посылки о том, что язык, с одной стороны, является средством фиксации и обнаружения этнокультурных компонентов сознания, а с другой, – позволяет «выстроить» их в сложную многопризнаковую систему (модель) ассоциативно-иерархического многоуровневого типа. Для достижения поставленной цели нами был проведен эксперимент, основанный на опросной технике Д. Кац и К. Брейли [Кац, Брейли 1933], в основе которой лежит предъявление респондентам стимульного списка адъективных языковых единиц, которые мы рассматриваем как «материал», необходимый для реконструкции ядерной части этнического портрета. По сути, респондентам была предложена универсальная шкала качеств, которые в случае выбора их для каждого отдельного этноса принимает неповторимую конфигурацию, образуя уникальную многопризнаковую этнорелевантную систему. Именно такую конфигурацию мы рассчитывали обнаружить экспериментально в сознании жителей Алтайского края в отношении узбекского этноса, с представителями которого они соприкасаются в повседневной жизни. Таким образом, шкала – стимульный список для эксперимента – была составлена на основе отбора 50 адъективов из 84 в списке Д. Кац и К. Брейли. При отборе адъективов для своего варианта шкалы мы руководствовались тем, что исходный список содержит значительное количество близких по значению стимульных слов, что могло затруд-

нить респондентам принятие решения о выборе того или иного адъектива. По этой причине в результате тщательного отбора в списке для проведения эксперимента было оставлено 50 адъективов. Мы исходили из презумпции, что полученная шкала признаков должна содержать негетогенный перечень характеристик, способных представить этнос с разных сторон, как с положительной, так и с отрицательной. Таким образом, в шкале соотношение позитивно- и негативнооценочных адъективов составило 30 к 20-ти, что характерно практически для всех подобных шкал.

Респондентам в количестве 90 человек было предложено следующее экспериментальное задание: «Из приведенного списка выберите 10 качеств, которые, на Ваш взгляд, наиболее полно и точно характеризуют узбеков». Представляется, что именно такая постановка вопроса в экспериментальном задании позволила активировать этнопсихологические фрагменты сознания респондентов, в результате чего выбранные адъективы приобрели свойства этнодескрипторов с соответствующей этнокультурной маркированностью [Привалова 2003]. В результате пятьдесят адъективов стимульного списка получили в эксперименте различные количественные значения в диапазоне от 54 (трудюбивые) до 5 (бесхозяйственные). В целях выявления наиболее характерных этнодескрипторов, относящихся к ядерной части этнического портрета, было принято решение осуществить выборку 10 наиболее частотных положительных и 10 отрицательных этнохарактерологических признаков.

Исходя из того что портрет этноса представляет собой иерархическую многопризнаковую модель, мы, прежде всего, сочли необходимым определить количество уровней, ее составляющих, посредством использования формулы определения числа классов Фридмана-Диакониса [Определение числа групп ... <https://planetcalc.ru/484/>]. В результате произведенных вычислений были выявлены уровни распределения признаков, их границы и внутриуровневое наполнение, что позволило осуществить реставрацию модели ядерной части портрета представителей узбекского этноса (рис. 1). Модель открывает следующие особенности структурного устройства:

1. Зеркальность структуры положительного и отрицательного полей модели. Зеркальность выражается в распределении этнодескрипторов по трем уровням (Уровень I, Уровень II, Уровень III) с количественно одинаковым наполнением каждого из уровней этнодескрипторами.

2. Пропорциональность соотношения этнодескрипторов по уровням в каждом из полей. Как положительные, так и отрицательные этнодескрипторы распределяются по трем уровням в одном и том же пропорциональном соотношении – 1: 4: 5. Существенный разрыв между первым и последующими уровнями (11-14 ед.) свидетельствует, на наш взгляд, о селективной способности человеческого мышления, заключающейся в выделении в объекте наиболее когнитивно значимых свойств. Следствием этой закономерности является то, что первый уровень модели представлен единственным этнодескриптором и в положительном, и в отрицательном поле (*трудолюбивые* vs *эмоциональные*).

Рис. 1. Модель ядерной части портрета узбекского этноса

Целостность модели определяется неразрывной связью между ее структурным устройством и наполнением этнодескрипторами, фиксирующими результаты концептуализации узбекского этноса. На первом уровне в «положительном» поле модели находим этнодескриптор *трудолюбивые*, который выбрали 60 % респондентов. Такой выбор

представляется логичным, так как респонденты имеют возможность наблюдать представителей этноса и видеть их отношение к труду, способность много и упорно работать. Отрицательное поле на этом же уровне представлено этнодескриптором *эмоциональные*, который был выбран 43,3% участников эксперимента в качестве наиболее броской составляющей темперамента этноса. Следует отметить, что респонденты прибегли к использованию разных оснований для выбора этнодескрипторов положительного и отрицательного полей. На наш взгляд, в первом случае они указали на черту, которую высоко оценивают и одновременно считают недостаточно свойственной «своему» этносу. Во втором случае мотивация выбора представляется иной – выбрана черта, значительно менее присущая «своему» этносу и по этой причине воспринимаемая как потенциально опасная. Тем не менее, и в первом, и во втором случае респондентами была применена оценочная смысловая стратегия, в рамках которой узбекский этнос оценивался «с позиций «своих», то есть русских» [Бутакова 2001].

Уровень I и Уровень II предстают как тесно связанные между собой. На Уровне II многокомпонентной модели совокупность этнодескрипторов обоих полей специфицирует особенности протекания и опосредования психических процессов, проявляющихся в деятельности. Так, в положительном поле трудолюбие непосредственно пересекается с качествами, репрезентируемыми этнодескрипторами *адаптивные, целеустремленные, энергичные*. Что касается этнодескриптора *общительные*, то коммуникативные навыки также необходимы для успешной трудовой деятельности. В отрицательном поле наблюдаем аналогичную тенденцию – этнодескрипторы *агрессивные, подозрительные, импульсивные, скрытные* можно рассматривать и как следствие, и как проявление эмоциональности представителей узбекского этноса.

Этнодескрипторы Уровня III тоже «встраиваются» в общую тенденцию, демонстрируя тесную взаимосвязь между элементами системы. В положительном поле они соотносятся как с трудом (*деловитые, сильные*), так и с коммуникабельностью (*дружелюбные, гостеприимные, вежливые*). В отрицательном поле межуровневая взаимосвязь представляется не менее выраженной (*недоверчивые, замкнутые, неприветливые, упрямые, жестокие*). Иными словами, все компоненты модели манифестируют ее системный характер.

Таким образом, экспериментальные данные, полученные на основе шкалирования, позволили осуществить лингвокогнитивную реконструкцию ядерной части этнического портрета, предстающего в каче-

стве многопризнаковой иерархической многоуровневой модели. Полученная модель открывает три уровня и два поля распределения этнодескрипторов, их границы и внутриуровневое наполнение. Ядерная часть портрета узбекского этноса показывает зеркальность структуры положительного и отрицательного полей модели и пропорциональность соотношения этнодескрипторов на каждом уровне. Наполняющие модель этнодескрипторы представлены тремя оказавшимися для респондентов наиболее значимыми наборами этнодифференцирующих характеристик. Первый уровень модели тесно связан с представлениями респондентов о качестве, обеспечивающем успешность трудовой деятельности представителей узбекского этноса, и о наиболее броской составляющей темперамента его представителей. Второй и третий специфицируют как качества, сопутствующие успешной трудовой деятельности, так и качества, тесно связанные с характерным для этноса проявлением эмоций. Наполняющие модель этнодескрипторы в совокупности со структурными компонентами манифестируют системный характер модели.

Литература

Абильдинова Ж.Б. Особенности речевого портрета русского, казахского и немецкого этноса в анекдотах // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 7-2. С. 9-11.

Бромлей Ю.В. Очерки по теории этноса. М.: Наука, 1983.

Бутакова Л.О. Лингвистическое моделирование этнических фрагментов регионального языкового сознания // Филология и человек. 2001. № 3. С. 26-45.

Герд А.С. Введение в этнолингвистику. Курс лекций и хрестоматия. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005.

Гурулева Т.Л. Речевой портрет этнической языковой личности // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 3А. С. 196-205.

Думанова Н.В. Этнокультурные эмотивные коннотации во французском и русском языках // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. С. 176-183.

Евстафьева Н.М. Социоллингвистический портрет этнических немцев Крыма (исторический аспект) // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: материалы IV Международного научного конгресса, Симферополь, 1-19 апреля 2018. Симферополь: АРИАЛ, 2019. С. 103-106.

Камалова Г.Р. Молодежь республики Башкортостан: этнические и институциональные портреты и автопортреты // Теория и практика общественного развития. 2014. № 6. С. 38-40.

Определение числа групп при построении гистограммы // PLANETCALC. Онлайн калькуляторы. URL: <https://planetcalc.ru/484/>

Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII-XX в. М.: Наука, 1990.

Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики: курс лекций. Ч. 2. Этнопсихолингвистика. М.: МГЛУ, 2007.

Пищальникова В.А. Общее языкознание. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001.

Привалова И.В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность (теоретико-экспериментальное исследование): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006.

Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2003.

Трифорова С.А. Языковой портрет этноса сквозь призму диалектизмов и эвфемизмов в английской литературе // Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки: сб. статей по материалам IX-X междунар. науч.-практ. конф. № 4-5 (8). Новосибирск: Изд. АНС «СибАК», 2018. С. 40-49.

Сундурева Д.Б. Лингвокультурологическая рефлексия речевых портретов Шилкинских Хамниган Забайкальского края // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 10-1. С. 78-83.

Эшимбекова Н.С. Психологический портрет Кыргызов: история и эмпирика вопроса самоидентификации // Вестник Кыргызско-Российского Славянского Университета. 2014. № 6 (14). С. 76-80.

Katz D., Braly K.W. Racial stereotypes of one hundred college students // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1933. Vol. 28. P. 280-290.

I.V. Rogozina, N.Yu. Buhner (Barnaul, Russia)

I.I. Polzunov Altai State Technical University

THE UZBEK ETHNIC PORTRAIT: EXPERIMENTAL RECONSTRUCTION

In the article language is viewed as a means of representing and discovering the ethno-cultural components of human mind. Serving as their verbalizers, ethno-descriptors can be used for the restoration of the ethnic portrait, which is regarded as

a complex multi-characteristic hierarchical model. The objective of the article is to restore the nuclear part of the Uzbek ethnic portrait based on experimental scaling. The model includes three levels and two fields of distributing ethno-descriptors. The nuclear part of the ethnic portrait reveals the «mirror» structure of the model's positive and negative fields and the proportional correlation of ethno-descriptors at each level. The ethno-descriptors along with the structural components manifest the systemic character of the model.

Key words: ethnic portrait, linguocognitive reconstruction, linguistic consciousness, nuclear part of the ethnic portrait, ethno descriptors, experimental research, hierarchic multi-characteristic model.

Л.Б. Савенкова (Ростов-на-Дону, Россия)

*Южный федеральный университет
savenkova@sfedu.ru*

КАК ЭТО – ПО-РУССКИ?

В среднем каждое десятое употребление наречия *по-русски* в газетных публикациях начала XXI века направлено на характеристику стереотипов (по преимуществу, автостереотипов ситуативного характера). Наблюдается тенденция к неразграничению понятий «русское» и «российское». Стереотипы различаются по степени исключительности, локализации по времени, отсутствию/наличию эмоциональной оценочности. Главное в автостереотипе русских – преобладание эмоциональности над рациональностью, максимализм и тяга к крайностям.

Ключевые слова: стереотип, автостереотип, ситуация, русские, *по-русски*.

Актуальными направлениями современной лингвокогнитивистики выступают изучение понимания носителями лингвокультуры той или иной сущности, видения системы ценностей членами одного этно-, социо- или лингвокультурного объединения, в том числе и в ее динамике, выявление эталонов и стереотипов в языковом сознании. В этом русле в отечественной науке многое сделано В.Н. Телия, Ю.С. Степановым, В.В. Красных, Е.В. Урысон, Н.Н. Болдыревым, В.В. Колесовым, В.И. Карасиком и др. Несмотря на интенсивность исследований лингвистической репрезентации стереотипов (условимся опираться в понимании стереотипа на формулировку из словаря М.Л. Ковшовой и Д.Б. Гудкова: «Знак —языва» культуры; коллективное представление, синтезирующее в себе типовые ситуации и свойства; ментальный об-

раз определенного участка картины мира. Устойчивое, минимизированное, инвариантное, обусловленное национально-культурной спецификой представление о предмете или ситуации» [Ковшова, Гудков 2017: 126]), некоторые проблемы их описания остаются нерешенными. Одна из них связана с обусловленностью характера стереотипов грамматической спецификой их языкового воплощения. При этом кажется значимым разграничение **авгостереотипов** – стереотипных представлений носителей лингвокультуры о самих себе как о единицах определенного сообщества или о типичных условиях/обстоятельствах и т.п. своего существования и **гетеростереотипов** – стереотипных представлений носителей лингвокультуры о членах иных лингвокультурных объединений и разнообразных реалиях их существования.

В работе Т.А. Голиковой на основе обзора мнений этносоциологов и этнопсихологов представлена реконструкция «этнического автостереотипа русских», которая включает следующие черты: «беспечность, гостеприимство, доброжелательность, доброта, душевность, лень, общительность, отзывчивость, открытость, простота, пьянство, терпимость, трудолюбие, честность» [Голикова 2005: 16], где негативных всего три: беспечность, лень и пьянство. Но осуждаемы ли эти черты в представлении самих русских? А с другой стороны, означает ли общая положительная оценка «своего» по сравнению с «чужим» безоговорочное одобрение всего, что связано с самовосприятием у русских? И еще: существует ли в наше время этот самый «этнический стереотип русских» в чистом виде? Вопросы непростые, и вряд ли для ответа на них достаточно пространства скромной статьи. Поэтому ограничимся одним из аспектов. Соглашаясь в целом с возможностью выделения стереотипов двух видов, – тех, что касаются особенностью поведения, и тех, в основу которых ложатся образы-представления [Русское культурное пространство 2004: 19], а также учитывая, что части речи с когнитивных позиций имеют свою специфику в формировании картины мира носителей лингвокультуры (это исходный – и бесспорный – тезис Е.С. Кубряковой [2004]), попробуем уяснить взгляд «усредненного» носителя российской лингвокультуры XXI века на себя и собственное ближайшее окружение, взяв в качестве материала контексты из Газетного корпуса НКРЯ с наречием *по-русски* в качестве маркера.

Благодаря этим данным можно получить представление о том, какие объекты (и какие их стороны) выдвигаются в сознании носителей лингвокультуры на первый план. Охватываемое подкорпусом «СМИ

2000-х гг.» пространство текстов соотносится с реалиями жизни российского общества, продолжающего после «лихих девяностых» переживать эпоху социальной активности, постоянного внимания к общественно значимым процессам и событиям. Осознание того, какими видят себя носители российской лингвокультуры в первые годы XXI века, думается, удобнее всего выявить через погружение именно в газетный материал, тем более что он извлечен методом сплошной выборки из семи источников с нетождественной редакционной политикой.

Вопросы, ответы на которые предстоит получить, суть следующие:

1) Каковы значения прилагательного *русский* и существительного *русские* в толковых словарях, и какую семантику в соответствии с этим можно обнаружить у наречия *по-русски*?

2) В каких значениях наречие *по-русски* употребляется в исследуемом материале, и насколько часто это связано с идеей стереотипа?

3) Всегда ли наречие *по-русски* маркирует однозначное стереотипное лингвокультурное представление о тех или иных реалиях?

4) Как часто использование наречия *по-русски* в газетных текстах связано с понятием автостереотипа?

5) Выявляет ли материал СМИ соотносительную значимость поведенческого автостереотипа и образа-представления?

6) Можно ли говорить о преобладании позитивной оценки в контекстах с наречием *по-русски*, отражающих автостереотипные представления о предмете речи? Вообще, обязательно ли автостереотип содержит оценочный элемент?

Ответим на вопросы по порядку.

В Большом академическом словаре для прилагательного *русский* в качестве первого значения указывается – «Относящийся к Руси, России» [ССРЛЯ 1961: 1582], второго – «Относящийся к русским, принадлежащий им <...> свойственный русским, такой, как у русских <...> || в знач. *суц.* То же, что русский язык» [Там же: 1582-1584]. Существительное *русские* семантизируется как «Восточнославянский народ, составляющий основное население РСФСР и широко представленный в других республиках Советского Союза; представители этого народа» [Там же: 1582]. В то же время дериват *по-русски* представлен как многозначное слово: «1. Как у русских, по обычаю русских <...> 2. На русском языке» [Там же: 1584], хотя и должен быть возведен к разным производящим базам.

Второе издание Малого академического словаря меняет акценты в характеристике семантики прилагательного *русский*: на первое место

ставится значение – Принадлежащий русским (см. русские), созданный русскими, свойственный русским⁶, а на второе – Прил. к Россия, к Русь⁶ [СРЯ 1983: 742]. *Русские* здесь квалифицируются не как *народ*, а как *нация*: Нация, основное население РСФСР, а также лица, относящиеся к этой нации⁶ [Там же]. Наречие *по-русски* в соответствии с особенностями макроструктуры издания не является заглавием отдельной статьи, а фиксируется только в качестве иллюстрации к статье, описывающей словообразовательный потенциал приставки *по-* с указанием, что подобные дериваты образуются от прилагательных [Там же: 150].

Вышедший в XXI веке Новейший Большой Толковый словарь русского языка вновь ориентируется в подаче информации на ССРЛЯ, то есть первым в последовательности значений прилагательного *русский* указывается отнесенность к понятиям «Россия» и «Русь», а при толковании существительного (в соответствии с изменившимися политическими реалиями) *русские* характеризуются как – Восточнославянский народ, составляющий основное население России⁶ [НБТСРЯ 2008: 1135] (и это вновь – *народ*, а не *нация*). Вопрос о частеречной принадлежности деривационной базы наречия *по-русски* не поднимается. Как и в СРЯ, оно приводится в перечне иллюстраций при статье «ПО-»: Вносит зн.: так, таким образом, как указано во второй части слова⁶ [Там же: 848].

Очевидно, что наречие *по-русски* может маркировать отнесенность к русским как этносу, к их языку и стране, в которой они живут.

Доли данных каждого издания, включенного в НКРЯ, не равновесные, поэтому задача сопоставить стереотипы, формируемые отдельными газетами, нами не ставилась. В подборке из 4246 контекстов с наречием *по-русски* около 89% составляют употребления слова в значении на русском языке⁶. Как правило, эти наречия входят в состав словосочетаний с лексемами, отсылающими к процессам коммуникации (*говорить, разговаривать, разговор, беседа, петь, слушать, читать, писать, понимать* и т.п.). И только 11,02% составляют контексты, касающиеся особенностей жизни России либо характеристики самих русских или россиян.

Попытка определения этнической принадлежности автора контекста, в который входит наречие *по-русски*, приводит к двум выводам. 1) Обработке подвергается корпус российских СМИ, поэтому в выборке преобладают высказывания жителей России: из 467 контекстов лишь 27 передают речь иностранцев (двое из которых имеют русские корни). Так что в основном оценка субъектами речи чего-то как про-

исходящего, выглядящего, делаемого и т.д. *по-русски* должна была бы в большинстве случаев отражать именно автостереотипы. 2). Однозначно отнести / не отнести и русскоговорящих авторов остальных 440 словоупотреблений, и почти всех характеризуемых и/или маркируемых наречием *по-русски* индивидов к русским как конкретному «восточнославянскому народу» невозможно. Только в отношении 3 примеров можно утверждать, что интервьюируемый, живущий либо долгое время проживший в России, противопоставляет себя русским именно с этнических позиций; ср., например:

Асвад, единственный из чеченцев, с которыми удалось пообщаться, не защищает своих земляков: – В Чечне редко дерутся. Но если дерутся и не разнять вовремя, то до смерти. Ты живешь в России, ты дерись по-русски! Вечером подрался – утром помирился!

(Здесь и далее цитирование осуществляется по выборке из Газетного корпуса Национального корпуса русского языка (СМИ 2000-х гг.). Автор, название публикации, наименование и дата издания в целях экономии не указываются.)

При этом в исследованном материале и журналистов, и их собеседников следует идентифицировать как *россиян* – живущих в одной стране, осуществляющих коммуникацию на русском языке. Видимо, большая их часть причисляет себя к единому лингвокультурному сообществу, но далеко не каждый является этническим представителем того самого восточнославянского народа. Об этом отчасти свидетельствуют их имена, ср.: *Ингеборга Дапкунайте, Нигина Бероева, Михаил Марголис, Зураб Налбандян, Пьер Сидибэ, Костя Цзю* и т.д.

В свете сказанного, если автор за счет наречия *по-русски* маркирует не только другого (других), но и себя как носителя стереотипного национального признака, скорее всего, он не проводит разграничения между указанием на национальность – *русский* и указанием на гражданство – *российский*. Тем самым, просматривается отчетливая тенденция к отождествлению понятий и частичной синонимизации *русского* и *российского* (в этом плане рациональным выглядит возвращение на первую позицию значения *прил.* к Россия, Русь [НБТСРЯ 2008: 1135]), а современный автостереотип «русский человек» обнаруживает сферу пересечения с автостереотипом «россиянин».

Небольшая часть примеров (11) отсылает к России как географической реалии с ее природой, климатом, рельефом местности (*esox lucios по-русски* – крупная щука, которую можно поймать в российских водоемах; *экстрим по-русски* – посещение футбольного матча

в зимней одежде и унтах в суровых климатических условиях Сибири); либо к отдельной личности, живущей в России: *Эминем по-русски* – перифрастическая характеристика рэпера Михаила Гребенщикова, который, на взгляд его фанатов, не уступает известному американскому рэперу Эминему в способности к импровизации и т.п. Эти контексты способствуют созданию образа России (общая идея: в России есть некие реалии, заслуживающие внимания своей неординарностью), но не имеют отношения к автостереотипу ни «этнического» русского, ни «гражданского» россиянина.

Важно подчеркнуть, что грамматическая специфика слова-маркера *по-русски*: его нацеленность на признаковость, в первую очередь процессуального плана, – влечет за собой специфику стереотипной информации. В минимальном количестве контекстов мы имеем дело с маркированием особенного качества той или иной сущности, ср.: *яйца по-русски; обувь добротная – по-русски; по-русски статные фигуры; по-русски белокура; красота по-русски; об интеллигенте, по-русски глубоко, сердечном и совестливом; по-русски душевный* и др. В подавляющем же большинстве примеров формально примыкающее к прилагательному или – чаще – к существительному наречие *по-русски* в глубинной структуре предложения маркирует ту или иную специфическую характеристику процессуальности. В одних случаях она эксплицирована в признаковых лексемах, ср.: *раздольное, по-русски, гулянье* (← *гулять*), *строгий запрет* (← *запретить*) *по-русски* и т.п. В других случаях используется метонимизация, ср.: *платная дорога по-русски протяженностью в 20 километров обошлась в 110 рублей* (= проезд по платной дороге), *коммерческое кино по-русски* (= съемки кино) и т.д. В 163 контекстах наречие примыкает к глаголу, но при этом оно редко когда указывает на специфику конкретного действия, однако стереотипное значение обнаруживают интенсификаторы признака, ср.: *похлопывает по железному коню как-то совсем по-русски; ответил чисто по-русски: Приезжайте, выльем и поговорим*. Действие, которое представлено как единое, оказывается чаще всего многокомпонентным, ср.: *глушилку сварганили по-русски оригинально; снять картину по-русски* и т.п. Сочетание глагола с наречием *по-русски* отсылает к типовым, характерным для поведения русских, с точки зрения автора текста, ситуациям, обрисовка которых может быть изложена в рамках одного предложения («*угоstitь*» *лоцманов по-русски, с рюмкой знаменитой «Столичной»*) или в рамках сложного синтаксического целого (*Ну как решит проблему*

му?! По-русски. Для начала брошенный любовник напился. Не фанты, как в рекламе, а кой-чего покрепче. А потом решил остановить самолет.). Анализ выборки убеждает: при описании конкретных действий и поступков с помощью наречия *по-русски* маркируются этнические стереотипы, характерные для типовых ситуаций. Отсюда – возможность выдвижения в качестве заголовка словосочетаний типа *любовь по-русски, бизнес по-русски, модернизация по-русски, внешнеполитический реализм по-русски* и т.п. В 18-ти контекстах наречие входит в основу предложения, ср.: *помочь, посоветовать – это так по-русски; Согласитесь, как же это по-русски!* и т.д. При этом в рамках ситуации не всегда характеризуются действия субъекта, встречается и признание авторами речи «русскости» ситуаций как таковых, ср.: *Он мог, он заслужил, он выстрадал. Но остался ни с чем. Как это по-русски ...; судьба по-русски.*

Если считать исходной позицией при подходе к автостереотипу в рамках рассматриваемых контекстов включение субъектом речи (или отдельного в тексте высказывания) себя в число носителей российской лингвокультуры, то совокупность высказываний, опирающихся на автостереотип либо транслирующих специфику мнения русских/россиян о различных реалиях, в материале равна 427 единицам. При этом соотношение примеров, где приметы русских или их взгляд на мир расцениваются вне привязки к современности, и примеров, где автор высказывания формулирует свое видение сегодняшних русских/россиян, выглядит как 2,19:1 (293:134). Рамки статьи позволяют сделать лишь беглый обзор контекстов первой группы.

Итак, 293 примера, ориентированных на стереотип традиционных русских характеристик, указывают на разную степень «русскости».

45 контекстов употреблений наречия *по-русски* (то есть 15,36% примеров в данной группе) связаны с трансляцией представлений о важных атрибутах традиционной русской культуры: деталей быта, вещей, рецептов (*рубленные по-русски дома; платок, повязанный по-русски; икра по-русски – с блинами*), обычаев, обрядов (*чаепитие по-русски; по-русски обнялись; расцеловывается по-русски; сыграть свадьбу по-нашему, по-русски; скорбили* (так в тексте. – Л.С.) *по-русски; поминки по-русски*; и т.д.), уважительного отношения к друзьям, знакомым, гостям; эмоционального объединения русских по самым разнообразным поводам, стремления активно и с размахом отмечать и радостные, и печальные события и ситуации (свадьбу, поминки, Новый год, день рождения, встречу с друзьями, выигрыш и даже просто факт вынужденного безделья) вместе с ними (*встретил Новый год по-*

*русски, в кругу друзей; мне по этой ставке выпал джекпот <...>. – Как поступили с деньгами? – Ну, понятное дело, **по-русски – с друзьями отметил**) – и кончая укладом жизни (*Говоришь по-русски – живи по-русски; Все должно быть по-русски, по-христиански и т.д.*).*

112 контекстов (38,23%) выявляют общую формулу «как обычно делают русские / как случается у русских». Какой-либо признак считается характерным для русских, хотя и не проявляющимся исключительно у них; ср., например: *В хороший морозец люди **или на свежий воздух, набирались здоровья. Вот это по-русски**; В Штатах я познакомилась с некоей Олей. Она приехала из Владивостока, нашла американского мужа, родила двоих детей. <...> Супруги решили жить **не по-американски – в кредит, а по-русски – копить**; Фильм – **безнравственный, хоть и о «героях»**. И показать и научить ничему не может. <...> **По-русски ли это? Снимать такое?**; Сотрудники РФС, помню, переживали: Гус на прощание не сказал в их адрес трогательных слов, не угостил шампанским. В общем, **не по-русски ушел**.*

96 контекстов (32,76%) объединяет мысль «Так делают только русские». Здесь налицо лексические средства сопоставления (отсылка к особенностям других этнообъединений) или специальные грамматические маркеры, в первую очередь частицы *так, как, чисто*, ср.:

*<...> в каждой стране осталась своя «специфика» отношений мужчины и женщины. <...> брак **по-итальянски**, к примеру, отличается от **французского**, а что значит «**любить по-русски**» – никому объяснять не надо. Или слишком долго; Любовь, настоящая (так в тексте. – Л.С.) на жалости, – **так по-русски ...**; **Как это по-русски – смешать мясо, птицу, рыбу (то есть креветки), яйца и икру!** Код национальной идентичности: ни в чем не знать меры; **Не спеша, чисто по-русски**, 28 долгих лет раскачивались ее создатели.*

Русские чаще видят себя не схожими индивидами, а именно обществом. Особенно явно это проступает в контекстах с критической самооценкой, например, при оценке самой ситуации/события либо поведения субъекта в ней как нелогичных, странных, глупых: ***Это все так по-русски – в стране проблем миллион, зато мы можем сделать такое, от чего у всех дыхание перехватит. Только зачем?**; <...> **все получилось очень по-русски: сначала загнали себя в тупик, а потом героически преодолевали сложность**.*

То, что не видно при анализе отдельных публикаций, хорошо проявляется в их совокупности и обнаруживает общую структуру автостереотипа: у русских эмоции превалируют над рассудочностью. Для них характерна душевность, теплота, отзывчивость, сострадание, лю-

бовь, терпение, щедрость, искренность, откровенность, прямота. Но все это не регулируется подключением логики и рациональности, отсюда проявления максимализма, тяготение к крайностям, ср.: *надо или полноценно трудиться, или отдыхать. Иначе получается как-то не по-русски, несерьезно; Вы лучше моего знаете, что такое завтрак по-русски. Да была бы его воля, мой сосед загрузил бы в тарелку и селедку под шубой, и котлету в придачу к омлету, и гору фруктов, мяса и сыра.*

Следствием того, что основной движущей силой поступков русских оказывается эмоциональность, является необдуманность их поступков, недисциплинированность, необязательность, безалаберность, бессознательная небрежность в отношении к окружающим, ср.: *Это так по-русски – в красивейшем дворце бывшего фаворита сначала была конюшня, потом мастерская <...>, потом <...> промышленная ярмарка; Поставили памятник, а исполнитель роли, то есть я, Куравлев, даже не знает об этом. Честно, это по-русски. Мы – неряшливый народ. Как итог – способность русских не видеть противоречий, относиться к ним как к норме (ср.: *В Питере все чужие – в Одессе все свои. Что интересно, и то и другое – очень по-русски*), а в экстремальных условиях не обращать на них внимания (ср.: автор публикации «Болесть по-русски. Какие кошмары пережили болельщики на пути в Хохфильцен, чтобы увидеть победу Ольги Зайцевой в гонке преследования» приводит рассказ одного из болельщиков: *Это был кошмар – 13 часов дороги в проливной дождь, по тяжелейшей трассе. Мы прокололи колесо, плутали два часа в поисках сервиса, не спали, не ели... И все это ради одного дня в Хохфильцене!* Далее журналист задает вопрос, не жалеют ли болельщики о своем поступке, и получает в ответ недоумение: *Зайка преподнесла нам такой подарок – о чем жалеть?! Мы счастливы!*).*

Сопоставляя авто- и гетеростереотипы в плане оценки, ученые признают их несовпадение. Так, О.В. Белова с опорой на взгляды предшественников, резюмирует: гетеростереотипам из-за тенденции к этноцентризму и определенному самовозвышению чаще присуща негативная оценочность; чужие культура, традиции и даже достижения, преимущества осознаются как менее привлекательные, чем собственные реалии [Белова 2006: 4].

В анализируемом материале большинство автостереотипных характеристик можно интерпретировать как позитивные (39,57%) или, по крайней мере, нейтральные (35,15%). К последним относятся и контексты, констатирующие нелогичность поведения русских или их склонность к употреблению спиртного. Так, в интервью журналисту

глава сельсовета сначала осуждает поведение пьющей женщины, которую трижды лишали родительских прав, а потом **по-русски начина-ет жалеть** односельчанку; при этом журналист лишь передает информацию, не выражая своего оценочного суждения, т.е. описывает ситуацию нейтрально. Склонность русских к употреблению спиртного, по преимуществу, подается как типичное поведение, обусловленное той или иной ситуацией, уместное; ср.: – *25 мужиков ходят по территории базы, не знают чем заняться... Пока не решат по-русски: раз делать нечего, давай соберемся – на раз, два, три сообразим. – А-а-а, так вот откуда нарушения режима в сборной пошли, – ловит друга на слове Михайлов. – Так это же вполне естественно, – отбивается Майоров; Накрыла стол, что называется, по-русски: капуста квашеная, грибочки соленые, картошечка рассыпчатая, мясо, рыба, зелень... Вот только водочки не хватало.* Заметим: в данном примере используются диминутивные формы, с помощью которых также описание темы пьянства смягчается и трансформируется в положительное описание русского застолья.

Конечно, было бы преувеличением утверждать, что абсолютно все примеры можно квалифицировать как отражение автостереотипов. 25 контекстов (8,53%) транслируют специфику представления русских об отдельных реалиях, и здесь уже не стереотип русского, а иные грани его мировидения; ср.: *Таких людей, как он, по-русски называют мужиками. Андрей оказался настоящим лидером ...; Футбол по-русски самовыражается в композиции более шустрой, более живой.* Еще в 10 контекстах речь просто идет об этнической самоидентификации русских, ср.: *Мы думаем и говорим по-русски; Тихой сапой проник в наш быт <...> “сленг”, людей приучают думать и чувствовать не по-христиански и не по-русски.*

Итак, из всего материала в данной статье были рассмотрены контексты, в которых основные приметы русских или их взгляд на мир не связаны с акцентом на современность. Проведенный анализ позволяет утверждать следующее:

1) наречие *по-русски* в значительном числе контекстов выступает как маркер «русскости» стереотипных ситуаций;

2) этнический автостереотип русского постепенно размывается, заменяясь стереотипом российского;

3) автостереотипные представления о русских/россиянах, как правило, содержат оценочность – позитивную или негативную, но примерно треть контекстов не выражает оценку, носит характер констатации признака;

4) традиционно стереотипными для русских, на их собственный взгляд, оказываются ситуации, обусловленные преобладанием у русских эмоциональности над рациональностью.

Литература

Белова О.В. Этнические стереотипы по данным языка и народной культуры славян (этнолингвистическое исследование): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006.

Голикова Т.А. Психолингвистическая концепция исследования этнического сознания: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005.

Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2017.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004.

НКРЯ. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/search-paper.html>

НБТСРЯ – Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», М.: «Рипол классик», 2008.

Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. Вып. 1 / под ред. И.В. Захаренко и др. М.: Гнозис, 2004.

СРЯ – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Т. 3. М.: Изд-во «Русский язык», 1983.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 12. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1961.

*L.B. Savenkova (Rostov-on-Don, Russia)
Southern Federal University*

HOW IS IT – 'PO-RUSSKI'?

On average, every tenth use of the Russian adverb '*po-russki*' (meaning 'in Russian', 'in the manner the Russians usually act') in newspaper publications of the beginning of the XXI century is focused on the characteristic stereotypes (mainly autostereotypes of a situational nature). There is a tendency not to distinguish between Russian as *_russkiy*⁴ and Russian as *_rossiyskiy*⁴. Stereotypes differ in the degree of exclusiveness, localization by time, and the absence/presence of emotional evaluation. The main thing in the autostereotype of the Russians is the predominance of emotional aspects over rational ones, maximalism and craving for extremes.

Key words: stereotype, autostereotype, situation, the Russians, '*po-russki*'.

V. РОЛЬ МЕТАФОРЫ В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И КУЛЬТУРНО ОКРАШЕННАЯ КАРТИНА МИРА

О.Б. Абакумова (Орел, Россия)

*Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
abakumova-ob@mail.ru*

МЕТАФОРЫ В ПОСЛОВИЦАХ О ЛЮБВИ: УНИВЕРСАЛЬНОЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ

В статье проводится описание концептуальной метафоры в семантической структуре русских и английских пословиц о любви с использованием понятия концептуальной метафоры, а также предложенной нами тематической роли – «квалитатив», что позволяет описать качество действия или состояния, выраженного пословичным предикатом и соответствующими актантом или сирконстантом в семантической структуре пословичного предложения-высказывания.

Ключевые слова: метафора, пословицы о любви, русский язык, английский язык, универсальное и специфическое.

С конца 60-х годов прошлого века стал проявляться широкий интерес к метафоре среди специалистов разных гуманитарных наук, который был обусловлен сменой научной парадигмы гуманитарного знания. В центре внимания оказался человек, его деятельность, обеспечивающая социальную ориентацию в мире, его практическое освоение, познание и понимание процессов, происходящих во внешнем и внутреннем мире человека. Поскольку все типы метафоризации основаны на ассоциативных связях, почерпнутых человеком из опыта, метафора изначально *антропометрична*: она соизмеряет разные сущности, создавая новый «гештальт» из редуцированных прототипов, формируя на

его основе новый гносеологический образ и синтезируя в нем признаки гетерогенных сущностей [Телия 1988: 3].

Антропометричность метафоры отвечает современной антропологической парадигме научного знания. Как замечает В.З. Демьянков, «антропоцентризм в гуманитарных науках – это исследование предметов человеческой культуры под углом зрения человека – носителя этой культуры <...> Можно предположить, что в рамках различных языков не только хранятся различные данные о внеязыковой действительности, но и задаются различные пути трансфера знаний. Иначе говоря, пути познания одних и тех же (универсальных, цивилизационных) сущностей в различных языках и культурах различны» [Демьянков 2016: 36-43]. Используя методологические установки современного когнитивного подхода, Н.Н. Болдырев напоминает, что языковая интерпретация действительности сознанием – это познавательная активность, которая в своих результатах направлена на понимание и объяснение человеком мира и себя в этом мире. Данная активность основана, с одной стороны, на коллективных знаниях о мире, и, с другой стороны, на индивидуальном, в том числе языковом, опыте взаимодействия с этим миром [Болдырев 2016: 26-27].

Пословица занимает свое важное место в языковой интерпретации внешнего мира и внутреннего мира человека, обращая особенное внимание на социальные нормы и фиксируя в своей семантике и прагматике (эксплицитно или имплицитно) культурные установки и предпочтения данной культуры.

А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский трактуют пословицу как фразеологизм, имеющий структуру предложения, с семантикой всеобщности, выражающий рекомендацию (совет, нравоучение или запрет) или объясняющий обсуждаемое положение дел с точки зрения правил наивной логики. При этом рекомендательная и объяснительная сила пословиц основывается на общем знании, разделяемом всеми носителями данного языка, поэтому они культурно зависимы [Баранов, Добровольский 2010: 79]. По мнению В.П. Жукова, «пословицы – это краткие народные изречения, имеющие одновременно буквальный и переносный план или только переносный план и составляющие в грамматическом отношении законченные предложения» [Жуков 1991: 11]. Л.Г. Пермяков указывает на тройственную природу пословицы, выявляя в ней свойства единицы языка, логики (так как она выражает суждение) и литературного произведения (поскольку это художественная миниатюра) [Пермяков 1970: 8]. Мы полагаем, что пословица пред-

ставляет собой сложный знак гибридного типа с текстовыми характеристиками и прагматическими функциями, практическое оценочное суждение, функционирующее в речи как косвенный речевой акт чаще всего директивного типа, который используется как тактическое средство реализации коммуникативной стратегии говорящего [Абакумова 2012].

Исследователи фольклора, относящие пословицы к текстам, считают, что их семантика складывается из темы (идеи), образа и синтаксической конструкции (структуры) (см. работы Каньо, Кууси, Григаса и др.), но ведущим, по мнению К. Григаса [Григас 1987], является ядерный образ, связанный с метафорой.

В коллективной монографии «Метафора в языке и тексте» (1988) В.Н. Телия рассматривает процесс метафоризации и ее результат, т.е. «такие наименования, которые, будучи конвенционально закрепленными средствами выражения эмотивности, т.е. чувств-отношений, стимулированных одобрительной или неодобрительной оценкой обозначаемого, придают экспрессивно-эмоциональный эффект всему отрезку текста, который связан по содержанию с высказыванием, содержащим данные единицы» [Телия 1988: 26]. Она использует термин «метафоры-высказывания», которые считает наиболее естественной формой производства смысла, поскольку именно в высказывании и осуществляется метафорическая номинация. Исследователь включает в процесс метафоризации субъекта метафоры и его новое знание о мире, его знание языковых значений и их ассоциативных комплексов, его замысел относительно объема нового понятия, цели метафорической интеракции, а также фактор адресата. Кроме этих сущностей в процессе взаимодействует ряд отношений: *модус фиктивности* (als ob «как если бы X тождествен Y»); *модус антропоцентричности*, который соотносит свойства Y со стереотипами в рамках знаний человека о мире или языковой картине мира; *оценочный модус*, определяющий ценность X по некоторой шкале, отражающей систему оценок, принятых в данном обществе; *эмотивный модус*, содержанием которого является выражение чувств-отношений в диапазоне одобрения/неодобрения того, что X предстает в образе Y; *эстетический модус* и стилистический «режим» [Телия 1988: 46-47].

В.Г. Гак утверждал, что изучение метафоры в сопоставительно-типологическом плане позволяет проникнуть в общие закономерности человеческого мышления, выявить типичные ассоциации и вместе с тем определить специфику каждого языка, отделяющего его от обще-

го и всеобщего. Общее проявляется в том, что в разных языках слово А приобретает метафорическое значение В. Специфика выражается в том, что внутри общего значения В в разных языках могут акцентироваться различные «подзначения» в 1, в 2, в 3, а также в том, что к переносу В могут добавляться переносы в иные сферы понятий [Гак 1988: 11-26].

С. Ульман выделил три универсальных типа метафоризации: антропоморфизм, перенос от конкретного к абстрактному и синестезию. Другие исследователи выделяли пространственные, метеорологические, антропоморфные, зооморфные, ботанические, технические, социоморфные метафоры; цит. по: [Гак 1988: 17]. Дж. Лакофф и М. Джонсон [Lakoff, Johnson 1990] предлагают рассмотреть ряд метафор: ориентационные метафоры (с оппозициями: верх-низ, центр-периферия, далеко-близко и т.п.), структурные, онтологические и др.

Е.М. Вольф полагает, что в основе оценочных смыслов метафор лежит ценностная картина мира [Вольф 1988: 57].

Метафору в структуре пословицы не всегда легко отличить от символа. Метафоры, образные сравнения, вместе с символами, эталонами, стереотипами и другими культурно нагруженными единицами языка являются репрезентантами культурных кодов. В.Н. Телия дает такое определение понятию культурного кода: «Коды культуры тематически объединены на основе свойств и действий самого человека, животного, растительного и т.п. миров, мира предметного (натуральных или сотворенных человеком «вещей»), природно-ландшафтного или духовно-религиозного и под.» [БФСРЯ 2006: 13]. В.Н. Телия трактует культурный код как систему знаков материального и культурного мира, ставших носителями культурных смыслов; как способ сохранения и передачи культурной информации, иначе говоря, тип культурной памяти [Там же: 40]. Сходное понимание находим и в «Словаре лингвокультурологических терминов» [Ковшова, Гудков 2018: 40]. Говоря о пословицах, М.Л. Ковшова отмечает, что слова-компоненты пословицы являются именами не реалий (в широком смысле этого слова), а культурных знаков, т.е. реалий, получивших культурное переосмысление. «Ключевые слова-компоненты пословицы изначально являются знаками вербального кода культуры, и в этом качестве они воспринимаются носителем языка, вызывают представления, знания, ассоциации, которые соотносятся с предметами, текстами и действиями культуры» [Ковшова 2013: 175]. Тем самым, в рамках данного исследования метафора понимается как репрезентант кодов культуры.

Нами были проанализированы более 250 русских и английских пословиц о любви. Любовь, как известно, относится к сфере чувств, высших эмоций. Существует определенный список метафорических концептов, используемых для репрезентации эмоций. Эмоции часто персонифицируются или, наоборот, объективируются, т.е. представляются в виде неодушевленных материальных объектов. Е.Г. Беляевская полагает, что особую роль в презентации эмоций играет метафора контейнера [Беляевская 2016: 122]. Такая же метафорическая модель используется, когда речь идет об упоминании сердца и души человека, которые символически представляют человеческие эмоции: *сердце, полное любви, в глубине его души все еще жила любовь* и т.п. Е.Г. Беляевская предлагает рассмотреть несколько разновидностей одной концептуальной метафоры, связанных с антропоцентрическим фактором – изменением позиции наблюдателя. Так при использовании метафоры контейнера человек может концептуализироваться какместилище эмоций (внутренний контейнер), но эмоции можно рассмотреть и как некоторый контейнер, в который погружается человек (контейнер-пространство): *на него нахлынула волна нежности, она погрузилась в воспоминания* и т.п. [Там же: 122-124].

Рассмотрим типы метафор, которые нам удалось выявить на материале пословиц о любви двух неблизкородственных языков, репрезентирующих пословичный концепт ЛЮБОВЬ. Пословичный концепт определяется нами как совокупность концептуальных признаков разного рода: онтологических, аксиологических, модальных, выраженных качественными, тематическими ролями, дающими характеристику объекту через семантику предиката и второго актанта/сирконстанта [Абакумова 2012].

Антропоцентрический характер метафоры наиболее очевиден в случае концептуальной метафоры.

Анализ концептуальных метафор позволяет выявить следующие ее разновидности:

Онтологические метафоры

Метафоры персонификации («любовь – это болезнь»)

Любовь слепа (букв. *Love is blind*), *Любовь ни зги не видит*, *Любовь может и слепа быть – черное за белое почитает*, (качествен немотивированного выбора, неадекватного восприятия); *Love is blind, Love sees no faults, In the eyes of the lover pock-marks are dimples* (качествен немотивированного выбора); *Любовь зла – полюбишь и козла*,

Полюбится сатана пуще ясного сокола, Полюбится сова – не надо райской птички (квалитатив немотивированного выбора); *Love is without reason, Affection blinds reason* (квалитатив иррациональности), *Одно сердце страдает, а другое не знает* (квалитатив отсутствия взаимности) (ср. *Love is sweet torment*) (квалитатив боли, мучений); *Lovers' quarrels are soon mended* (ср. *Милые бранятся – только тешатся*) (квалитатив быстрого примирения/излечения); *No herb will cure love* (букв. *Никакой травой от любви не излечишься*) (квалитатив болезненного состояния). Таким образом, в двух неблизкородственных языках одной языковой семьи представлена метафора «любовь – это болезнь».

Пословицы с образной мотивацией, включающие подобные метафоры, констатируют, что любовь близка болезненному состоянию человека: часто лишает его разума и зрения, заставляет испытывать боль и страдания, от нее сложно, а порой и невозможно излечиться. В английской культуре человека с детства учат быть бодрым и здоровым, сдержанным в проявлении эмоций. Но когда человек влюбляется, его поведение претерпевает такие изменения, которые наводят окружающих на мысль о его проблемах со здоровьем. Русскоязычная метафора представлена чаще зооморфными, а также демонологическими образами (совы, райской птицы, сокола, козла, сатаны), которые не столько указывают на внешность или поведение людей, имеющие сходство с животными или мистическими существами, сколько связаны с мифологической картиной мира и народной символикой. Несмотря на это, модус фиктивности сохраняется, но на первый план выходят эмотивные и оценочные отношения. Оценка поведения влюбленных в русской лингвокультуре сочувственно-негативно-ироническая. Антропоморфный код культуры комбинируется с зооморфным, соматическим и колористическим кодами. Фокус метафорического концепта находится в области немотивированного индивидуального выбора объекта любви, при этом к несчастному влюбленному в большинстве случаев проявляют сочувствие, хоть и не одобряют его выбор.

В английских паремиях болезненное состояние влюбленных передается более эксплицитно: используются имена и глаголы, называющие последствия болезни (*blind, torment, without reason*) и процесс излечения (*cure, mended*). Пословицы учат людей быть снисходительными к влюбленным, стараться их понять и не осуждать, поскольку такая «болезнь» может случиться с каждым. В английской культуре принято спокойно относиться к странностям в поведении отдельного человека,

если они не представляют какой-либо опасности для окружающих. Антропоморфный код, в котором интерпретируются пословицы, дополняется в этом случае гастрономическим и ботаническим. Модус фиктивности сохраняется и дополняется модусами оценочности. Фокус метафорического концепта в данном случае в большей степени связан с иррациональным, неадекватным поведением влюбленного человека.

Метафоры объективации («любовь – это сложный физический объект»)

Любовь – стекло: разобьешь – не склеишь (квалитатив хрупкости); *Хорошую любовь и топором не разрубишь* (квалитатив прочности, крепости); *Любовь – солома: загорится – не потушишь* (квалитатив возгораемости, воспламеняемости); *Old love does not rust* (ср. *Старая любовь не ржавеет*) (квалитатив прочности, надежности). Как показал материал, эта метафора чаще встречается в русских пословицах. Пословицы показывают, что любовь – сложная субстанция, ценная, надежная, одновременно и хрупкая, и прочная, легко воспламеняемая, и предупреждают, что с любовью шутить не стоит. Антропоморфный код в этом случае уходит на периферию, уступая место предметному. Модус фиктивности сохраняется, но ослаблен за счет опоры на стереотипы и символы, что способствует выражению эмотивной оценки. Метафора объективации в большей мере характерна для русских пословиц, реже представлена в английских. Фокус метафорического концепта может перемещаться с одного концептуального признака объекта на другой, но находится в области предиката.

Метафора «контейнер» («любовь – это контейнер чувств»)

Влюбился как мышь в короб ввалился (=попал в ловушку) (квалитатив неловкости); *Love is full of fear* (букв. *Любовь – вместительница страхов*) (квалитатив страха, опасения); *War, hunting and love are as full of trouble as of pleasure* (букв. *Война, охота и любовь полны несчастий в такой же мере, как и удовольствия*) (квалитатив беды и удовольствия); *Любовь на замок не закроешь* (ср. *Love laughs at locksmiths*) (квалитатив свободного изъяснения); *Love locks no cupboards* (букв. *Любовь шкафов не закрывает*) (квалитатив открытости, доверия); *Of honey and gall in love there is store: the honey is much, but the gall is more* (букв. *В любви таятся запасы мёда и боли: мёда много, но боли больше*) (квалитатив сладости и боли); *Любовь – костер: вовремя дров не подложишь – погаснет; Любовь входит через глаза, а выходит боком; Милый не злодей, а иссушит до костей; Любовь – не пожар, а заго-*

рится – не потушишь (квалитатив воспламеняемости). Пословицы с метафорой *внутреннего контейнера* характеризуют любовь как вместилище самых разных эмоций: страхов, неловкости, радости, удовольствия, обиды и боли. Для второй разновидности – метафоры *внешнего контейнера (пространства)* – характерно смещение концептуального фокуса с внутреннего состояния человека на деятельность по поддержанию чувств, эмоций другого или на стихийное проявление чувств, которые не поддаются контролю. Антропоморфный код дополняется предметным, а в русской лингвокультуре – еще и природно-стихийным кодом.

Для английских пословиц больше характерна метафора *внутреннего контейнера*, которая связана с английским национальным характером и заставляет человека с детства контролировать, сдерживать, не проявлять своих эмоций; для русских более типична метафора *внешнего контейнера*, пространства, стихии, в которую «погружается» человек, и над которой он не властен (ср. *Любовь хуже огня: огонь водой зальёшь, а любовь ничем не уймёшь*). Модус фиктивности сохраняется, но на первый план в русской культуре чаще выходит эмотивный модус, в английской – оценочный, что связано с особенностями характера (сдержанного, ироничного английского и эмоционального, страстного русского).

Ориентационные метафоры

Оппозиция «верх/низ»

Love is above King or Kaiser, lord or laws. To be beloved is above all bargains (квалитатив господства, высокой ценности). *Без любви – как без солнца* (квалитатив высокой ценности) – (ср. *Где любовь, там и Бог*) (квалитатив высшей ценности).

Первые две английские пословицы рекомендуют ценить любовь выше отношений с начальством и деловых предложений. Антропоморфный код здесь комбинируется с социоморфным. Русские пословицы кодируют культурные смыслы посредством антропоморфного, природного и религиозного кодов культуры. Модус фиктивности сохраняется, хотя и имеет ослабленный вид, поскольку на первый план выходит эмотивно-оценочное отношение, которое опирается на социальные стереотипы и систему (этических) ценностей.

Оппозиция «далеко/близко», «центр/периферия»

Любовь версты не меряет; Для милого дружка семь вёрст не околица; С милым хоть на край света идти; К милому семь вёрст не

крюк (квалитатив нерелевантности расстояния, субъективного восприятия пространства); *Out of sight, out of mind* (ср. *С глаз долой – из сердца вон*) (квалитатив разлуки, расставания); *Absence makes the heart grow fonder* (ср. *Разлука делает сердце нежнее*) (квалитатив притяжения/нерелевантности расстояния); *Love will find a way* (букв. *Любовь найдет дорогу*) (квалитатив силы, целеустремленности). Пословицы убеждают, что расстояние не может быть препятствием для серьезных искренних отношений, но является проверкой их прочности, помогает человеку понять истинность своих чувств и чувств партнера.

Для передачи культурных смыслов в этих пословицах антропоморфный культурный код выступает в комбинации с пространственным, а в русской лингвокультуре еще и с акциональным. В английском языке преобладает подтип «верх/низ», «центр/периферия», в русском – «далеко/близко», «центр-периферия». Метафорический образ в этих пословицах ослаблен, так как модус фиктивности смещается и уступает место эмотивному и оценочному модусам, последний больше связан со стереотипами и опирается на деонтические нормы социального поведения носителей данной культуры. В русской культуре, коллективистской («другоцентрической», по Н.В. Уфимцевой) по своей природе, рекомендуется активная деятельность, имеющая целью всегда быть рядом с любимым человеком и проявлять таким образом свою любовь; в английской, индивидуалистической, культуре фиксируется внимание на переживаниях личности, которая должна осторожно, не спеша разобраться в себе и сделать правильный выбор: следует ли доверять данному человеку, и затем уже действовать целенаправленно.

Оппозиция «начало/конец/вечность»

Пословицы показывают, что любовь иногда уходит так же внезапно, как и приходит: *Любовь приходит и уходит* (ср. *As good love comes as goes*). Вторая группа пословиц передает идею о том, что любовь проходит со временем, если не получает ответа: *Time, not the mind, puts an end to love* (квалитатив транзитивности) (ср. *Время лечит*). Паремии этой группы убеждают, что время может помочь избавиться от чувства любви.

Любовь закона не знает, годов не считает (квалитатив вечности, неизменности); *True love never grows old* (букв. *Истинная любовь не стареет*) (квалитатив вечности, неизменности); *Любовь – кольцо, а у кольца нет конца* (ср. *Love without end has no end*). Пословицы утверждают, что настоящая любовь длится вечно, для нее время не су-

ществуем. Здесь антропоморфный код комбинируется с временным, а в русском языке еще и предметным кодом.

Как можно было убедиться в результате анализа пословиц как оценочных суждений, модус фиктивности в структуре метафорических пословичных высказываний сохраняется с опорой на эталоны и стереотипы, мифологемы, культурные ассоциации и коннотации. На первый план в русских пословицах чаще выходит эмотивный модус, в английских – оценочный, что обусловлено системой ценностей в данных культурах.

Проведенный сопоставительный анализ показал как универсальное, так и специфическое в структуре метафорических образов пословиц о любви. Универсальное проявляется в довольно ограниченном выборе областей целей и источников концептуальной метафоры, которые совпадают у носителей двух даже неблизкородственных языков. Специфическое связано с изменением фокуса метафорического концепта, вызванного позицией наблюдателя – представителя той или иной лингвокультуры.

Литература

Абакумова О.Б. Пословицы в языке, сознании и коммуникации. СПб.: Алеф-пресс, 2012.

Беляевская Е.Г. Антропоцентризм в конструировании метафорических концептов // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVII. С. 119-127.

Болдырев Н.Н. Языковая интерпретация и структура сознания // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVII. С. 25-36.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Классификация фразеологизмов: новый взгляд на классическую проблему // Слово, фразеологизм, текст в литературном языке и говорах. Орел: Изд. ОГУ, 2010. С. 80-87.

БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-Пресс книга, 2006.

Вольф Е.М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 52-65.

Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 11-26.

Григас К. Литовские пословицы: сравнительное исследование. Вильнюс: Вага, 1987.

Демьянков В.З. Об антропоцентрическом направлении в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVII. С. 36-45.

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 1991.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М.: Либроком, 2013.

Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2018.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Народная мудрость. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011.

Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 26-52.

Lakoff G., Johnson M. Women, fire and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1990.

The Penguin Dictionary of Proverbs / eds. R. Fergusson, J. Law. London: Market House Books Ltd, 2000.

O.B. Abakumova (Orel, Russia)

Orel State University named after I.S. Turgenev

METAPHORS IN PROVERBS OF LOVE: THE UNIVERSAL AND NATIONAL-SPECIFIC

The paper deals with singling out metaphors in semantic structure of Russian and English proverbs about love. The analysis is conveyed by means of conceptual metaphor and thematic role of the qualitative (first proposed by the author in her doctorate paper), which represents the quality of the object as a combination of the second actant and the semantics of the proverbial predicate.

Key words: metaphor, proverbs about love, Russian, English, comparative analysis, the universal and national-specific.

Е.Г. Борисова, А.В. Ковалева (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет (МГПУ)
egbor@mail.ru

БЫТ КАК ИСТОЧНИК ОБРАЗНОГО ВОСПРИЯТИЯ МИРА

Статья посвящена проблеме формирования системы образного отражения действительности средствами фразеологии. В частности, обращается внимание на бытовые реалии, вошедшие в состав фразеологизмов (в первую очередь, идиом) русского и немецкого языков. Делаются попытки выявления особенностей бытовых предметов, ставших основанием для их использования в сфере образного отражения действительности. Предлагаются модели формирования образа, основанные на понимании образной системы языка, предложенные в поздних работах В.Н. Телия.

Ключевые слова: этнокультурный, идиомы, образ, быт, метафора.

1. Фразеологические изыскания конца XX века и изучение образной системы

С именем Вероники Николаевны Телия связан один из ключевых шагов в истории изучения фразеологии: переход к упорядоченному и систематизированному описанию не просто системы фразеологизмов, но и образной системы, отражаемой в них.

В 60-е годы XX века русская фразеология как отрасль лексикологии пережила всплеск, отразившийся в проведении специальных конференций (многим памятна конференция в Самарканде, проведенная в 1970 году под руководством профессора Л.А. Ройзензона) и выходе одного из первых словарей русской фразеологии под редакцией А.И. Молоткова, за которыми последовали и другие (в частности, фразеологический словарь под редакцией В.П. Жукова, учебный словарь под редакцией Н.М. Шанского).

В.Н. Телия, занимаясь теоретическими аспектами семантики фразеологических единиц, была поставлена перед необходимостью упорядочить существующие представления о фразеологии с целью ее систематизации. Она была привлечена к работе группы под руководством В.М. Андрющенко, приступившей к формированию Машинного фонда русского языка – аналога уже существовавшему национальному корпусу английского языка и создававшимся корпусам других языков. В сформированную Вероникой Николаевной группу вошли специалисты по немецкой фразеологии И.И. Чернышева и Д.О. Добровольский, по романской фразеологии Т.Б. Алисова, по

русской – В.И. Зимин и ряд других специалистов (в частности, Е.Г. Борисова занималась в рамках этой команды устойчивыми сочетаниями, называемыми в дальнейшем коллокациями). Несколько позднее к команде присоединился А.Н. Баранов.

Группа активизировала контакты среди отечественных фразеологов, участвовала в работе конференций по созданию Машинного фонда, провела собственную конференцию по фразеологии и выпустила коллективную монографию, где были представлены наиболее актуальные на тот момент труды по фразеологии (преимущественно, идиоматики) в нескольких языках [Телия 1990].

Описание семантики идиом заставило В.Н. Телия обратиться к работам немецких философов языка, в частности Л. Вайсгерберу с его системой введения образного отражения реальности через оператор *als ob* «как если бы». Видимо, отсюда идет особое внимание к соотношению отражения реальности прямым способом и через образ, что дало толчок исследованиям В.Н. Телия, которые были одними из первых проявлений использования аппарата когнитивной лингвистики в России.

2. Источник переосмысления во фразеологизмах

В нашей работе рассматривается один из аспектов образного отражения действительности средствами идиом (куда мы относим и устойчивые сравнения), а именно обращение к той или иной семантической группе в базе метафоризации.

Признавая типологию Балли – Виноградова устаревшей, мы придерживаемся следующей типологии фразеологических единиц, используемой современными фразеологами: идиомы (*бить баклуши, водить за нос*), коллокации (*принимать решение, ставить вопрос*), пословицы (*тише едешь – дальше будешь*), поговорки (*опять двадцать пять*), крылатые слова (*грабь награбленное*), грамматические фразеологизмы (*едва не, как бы там ни было*), фразеосхемы (*X он и в Африке X*). К числу традиционных типов фразеологизмов относятся и клише [Телия 1990].

То, что процесс превращения метафоры в семантику фразеологизма зависит от языковой сущности фразеологизма, видно хотя бы по тому, что для разных типов фразеологических единиц базой метафоры служат разные семантические поля. Так для коллокаций основой образного переосмысления служит пространственная метафора: движение (*идет война, ставить вопрос – eine Frage stellen, принять ре-*

шение – *eine Entscheidung treffen*), метрические параметры пространства (*глубокая скорбь – tiefe Trauer*) и другие его характеристики (*горячая поддержка*) [Борисова 1991]. Семантика быта и производственной деятельности отражена в коллокациях крайне скудно: *сеять вражду – böses Blut erzeugen, плести интриги, завязать дружбу – Freundschaften schließen*. Зоометафора практически не представлена (кроме, может быть, *волчий аннетум – Wolfshunger*). В то же время в идиомах практически все сферы деятельности человека, разнообразные явления природы представлены очень широко. Отдельный вопрос: что становится базой метафоры в полисемии, т.е. для переносных значений? Здесь очевидна роль зоометафоры, однако насколько широко представлены остальные поля, пока сказать трудно.

3. Таксономия фразеологизмов по источнику образования

Среди прочих классификаций фразеологизмов важную роль играет членение идиом по источнику образования. Благодаря развитию этимологического направления во фразеологии, связанного в первую очередь с работами Н.М. Шанского и В.И. Зимины, можно представить себе следующие виды возникновения идиом:

1. из пословиц и поговорок (возможно, и загадок) путем сокращения: *все хорошо, что хорошо кончается – Ende gut, alles gut*;

2. из крылатых слов: *на блюдечке с голубой каемочкой* (Илья Ильф и Евгений Петров) – *in der Jugend lernt, im Alter versteht man* («в молодости учатся, а в старости понимают») (Мария Эшенбах);

3. отдельно выделяют библеизмы: *иерихонская труба*, в которых тоже происходят усечения более пространных и синтаксически цельных речений: *накормить пятью хлебами, лицом к лицу – von Angesicht zu Angesicht, стереть с лица земли – vom Antlitz der Erde auslöschen*;

4. из отражения исторических реалий: *шапка Мономаха, турысы на колесах*;

5. из дохристианских верований: *перемывать косточки* или немецкий фразеологизм – *auf den Schild heben* (букв.: поднимать на щит);

6. из бытовых, иногда уже отошедших, реалий: *попасть впросак, зарубить на носу, чужими руками жар загребать, точить лясы – leeres Stroh dreschen* (букв.: молотить пустую солому), *носить воду решетом – Wasser ins Meer tragen* (букв.: носить воду в море);

7. кальки иноязычных фразеологизмов (помимо перечисленных, т.к. библеизмы и крылатые слова во многом попали в русский язык как кальки): *таскать для кого-то каштаны из огня*.

Если рассматривать проблемы формирования образа, то очевидно, что для всех случаев модель может быть своеобразной, не совпадающей с другими.

4. Бытовая лексика в русских и немецких идиомах

Быт, повседневное существование человека, невозможен без различных предметов, которые сопровождают человека на протяжении всей его жизни. Из этого следует, что каждый человек использует их в обиходе или как минимум знает о них и их применении. На наш взгляд, именно по этой причине бытовые реалии очень часто встречаются в составе идиоматических выражений.

Предметом нашего рассмотрения являются идиомы русского и немецкого языков, содержащие бытовую лексику: обозначение одежды, посуды, мебели, еды и питья, частей дома, хозяйственных построек, орудий труда, конской упряжи и средств передвижения. К этому примыкают и обозначения животных, составляющих часть быта в традиционном обществе. Однако этот достаточно многочисленный класс идиом здесь не рассматривается. Во-первых, он получил уже достаточно хорошее описание как в отдельных языках, так и при их сопоставлении [Солодуб 1982]. И, во-вторых, живое существо получает больше шансов стать источником образного восприятия, чем мертвые предметы, что видно и в первобытных верованиях, и в оставшихся от них сказках. Поэтому здесь можно усмотреть такую модель преобразования, т.е. превращения в образ, лежащий в основе идиомы: символизация (культурно закрепленная) – включение в идиому в качестве уже сложившегося образа, например, лиса – символ хитрости – использование символа в образовании идиом *вертеться лисой*, *лисы повадки*, *хитрая лиса*, *как лиса хитрый*. Имеются и несколько иные варианты, в том числе и те, которые связаны с бытовыми предметами.

Не затрагиваем мы и сопряженные с повседневной реальностью соматические образы во фразеологии, которые получили сравнительное описание; см., например [Щирова 2011].

В русском языке относительно немного идиом, связанных с мебелью. Правда, уже выходят из обихода обороты со словом **лавка**: *семеро по лавкам* (много детей), *пока поперек лавки лежит* (воспитывать надо сызмальства), *найти топор под лавкой* (устарелое, обнаружить очевидное), *под лавку швырнуть*, *бросить* „выбросить; оставить; забыть“; **стол**: *держат стол* (приглашать гостей к трапезе), *накрыть*

(на) стол, не сходит со стола, а также более поздние *круглый стол*, *стол переговоров* и др.

Образы предметов мебели нашли свое отражение и в идиомах немецкого языка. Есть несколько выражений со словом *die Bank* „скамья, лавка“, которые не перестают быть актуальными и на сегодняшний день. Например, идиома *etw. auf die lange Bank schieben* (буквально засовывать что-либо в долгую скамью) является неполным эквивалентом русской идиомы *отложить в долгий ящик*. Названные идиомы имеют значение „отложить какое-либо дело навсегда, никогда не выполнить“ [Телия 1995: 103; Duden 2013: 89]. Данная пара фразеологизмов имеет негативную коннотацию, они выражают пренебрежение. Чаще всего используются в разговорной речи.

Согласно Словарю образных выражений русского языка под ред. В.Н. Телия, имеются три версии происхождения русской идиомы. Согласно первой версии, *долгий ящик* – длинный сундук, в который во времена Средневековья складывали папки с делами. Вторая версия связана с царем Алексеем Михайловичем, который ввел обычай опускать прошения и жалобы в длинный ящик, прикрепленный к стене дворца. Ответы на данные послания приходилось ждать очень долго, а иногда решений вообще не было. Третья версия гласит, что *долгий ящик* – ящик письменного стола, в который откладывались неспешные дела [Телия 1995: 103].

Идиома *durch die Bank* означает „все без исключения“. Данная идиома произошла от традиции поведения за столом в Средневековье. Когда люди собирались за столом, они получали еду по очереди, в зависимости от того, в какой последовательности они сидели на скамейке (*die Bank*) [Duden 2013: 89].

Стол как один из важнейших атрибутов обихода является неотъемлемой частью немецкой фразеологии. Например, *über den Tisch ziehen* (букв.: тянуть кого-либо над столом) – „обмануть, провести“ [Dobrovolskij]; ср. также: [Duden 2013: 754]. Данная идиома связана с видом спорта *Fingerhakeln*, известным в Баварии, Австрии и Скандинавии.

Von Tisch und Bett getrennt sein (букв.: отдельно от стола и кровати) – „жить отдельно [врозь] (о лицах, состоящих в браке)“ [Duden 2013: 754]; ср. также [Dobrovolskij].

Vom Tisch sein/kommen/müssen (букв.: быть от стола) – „быть выполненным“ [Duden 2013: 754].

Среди идиом русского языка также можно найти выражения с данным словом. Например, *быть во главе стола* в значении „быть

главным, занимать главенствующее положение”, что соответствует традиции предоставлять почетное место хозяину, *держат стол* (приглашать гостей к трапезе), *накрыть (на) стол, не сходит со стола*. Явно более позднее выражение *работать в стол* – „заниматься бесполезными вещами” связано с использованием стола (уже другого, письменного) с хранением бумаг, в частности не могущих быть опубликованными рукописей. С официальной традицией дипломатического и делового общения связаны выражения *круглый стол, стол переговоров*.

Из других предметов мебели можно упомянуть **сундук**, популярный в поговорках в прошлом (*Два мужа наружку, один в сундуке, Приданое в сундуке, да дурак на руке* и др.), однако данный предметный образ сейчас встречается редко – и в реалиях, и в языке. Можно вспомнить *хранить/ прятать в сундуке, положить в сундук* в значении „не пользоваться имеющимся, накопленным”, ср. также *держат под сундом*.

Имеются фразеологизмы со словом *полка*, например: *положить зубы на полку* – „голодать”, рассмотренный В.В. Виноградовым; ср.:

«**ЗУБЫ ПОЛОЖИТЬ НА ПОЛКУ**». Образ, лежащий в основе однородных фразеологических единств, может иметь в русском литературном языке и народных говорах разные формы выражения. Например, для выражения голода, отсутствия заработка служит поговорка *положить зубы на полку*. М.И. Михельсон это народное выражение ставит в связь с прядением, производством пряжи: «“Зубы (зубья) кладут на полку” когда прясть нечего, работы нет – голодать приходится» (Михельсон, Русск. мысль и речь, 1, с. 354). Ср.: “Жди толку, *положа зубы на полку*”» [Азбука ру]. В советское время у идиомы развилось новое значение, и выражение *положить на полку* применялось к кинофильмам, которые не выпускали в прокат, а оставляли в архиве.

Фразеологизм со словом **шкаф**: *скелет в шкафу* – очевидная, причем недавняя калька с английского.

Отдельно можно отметить фразеологизмы со словом *колыбель*: *с колыбели „с ранних лет”*, *в колыбели „только начало развиваться”*, *колыбель науки*. Последнее устойчивое сочетание является коллокацией; здесь заметно приобретение самостоятельного переносного значения у слова *колыбель*.

В немецком языке существует много идиом со словом *der Stuhl* „стул”. Идиома *sich zwischen zwei Stühle setzen* является эквивалентом русской идиомы *сидеть на двух стульях*, которая, согласно словарям, означает „придерживаться различных точек зрения” (едва ли не единственная идиома со словом *стул* в русском языке). Данные фразеоло-

гизмы имеют негативную окраску, обычно используются в разговорной речи [Телия 1995: 103; Duden 2013: 728].

У некоторых идиом со словом *der Stuhl* нет аналогов в русском языке. Идиома *jmdn. vom Stuhl hauen* (досл.: швырнуть кого-либо со стула) означает „удивить кого-либо“; *mit etw. [nicht] zu Stuhle kommen* (досл.: приходит с чем-либо к стулу) означает „заканчивать что-либо успешно“ [Duden 2013: 729].

Другие предметы мебели: **диван**, **тумбочка** и др. не дали большого количества идиом. Можно отметить только возникшие позднее: *деньги из тумбочки* (из анекдота, о неизвестном источнике денег), *диванные стратеги* (любители комментировать события в Интернете), *диванная философия* и т.п.

Что касается посуды, то тут имеется целый ряд единиц со словом **ложка**: рус. *ложкой по лбу*, *ложка дегтя (на бочку меду)*, *кормить с ложечки*, нем. *für etw. [k]einen Löffel haben* (букв.: иметь или не иметь для чего-либо ложку) – „иметь интерес к чему-либо“.

Не менее интересна по своей образности единица *er hat die Weisheit mit dem Löffel gegessen* (досл.: он ложкой ел мудрость), который характеризует зазнавшегося человека, считающего себя всезнающим. Данный фразеологизм используется для выражения иронии по отношению к высокомерным людям [Duden 2013: 478].

Есть идиомы со словом **чашка (чаша)**: *испить чашу*, *горькая чаша*, *да минет чаша сия*. Эти единицы связаны с библейской легендой о молении Иисуса Христа в Гефсиманском саду, где *чаша* употребляется переносно. То же слово в сочетании *полная чаша* имеет совсем другие коннотации – это символ изобилия: *Дом – полная чаша*. Имеется также выражение: *поднести на блюде* (возможно, тоже из библейской легенды об Иоанне Крестителе). Данное выражение было преобразовано И. Ильфом и Е. Петровым в ироническое: *на блюдечке с голубой каемочкой*.

В немецких идиомах встречается слово *der Kelch* „чаша, чашка, кубок“, которое символизирует испытание (чаще всего божественное), что тоже связано с христианской традицией. Например, *der Kelch ist an jemandem vorbeigegangen* (досл.: чаша/кубок прошла мимо кого-то). Так говорят, когда кто-то мог пережить неприятности, но они миновали. Фразеологизмы *den (bitteren) Kelch bis zur (bitteren) Neige* – „опустишь горькую чашу до дна“ и рус. *испить чашу до дна* являются

фразеологическими эквивалентами и означают – „перенести страдания или жизненные испытания в полной мере, до конца“ [Duden 2013: 729].

Слово **тарелка** относительно поздно пришло в русский язык (ср. историю и культурологический анализ выражения *в своей (не в своей) тарелке быть, находиться* [Ковшова 2016: 311-313]). Есть также фразеологизм *перебить тарелки* – „нарушить что-то согласованное“. Отметим, что в старину посуда была чаще всего деревянная или грубая глиняная, так что перебить ее было непросто, хотя засвидетельствовано *перебить горшки*, т.е. сильно повредить возможности нормального развития событий.

Среди фразеологизмов в подгруппе «посуда» есть немецкие безэквивалентные фразеологизмы: *sich ins Geschirr legen/ins Geschirr gehen* (букв.: ложиться в посуду) со значением – „усердно работать“, *den Löffel abgeben* (букв.: отдавать ложку) – „умирать“ [Duden 2013: 399].

Слово **стакан** употребляется в ряде идиом для обозначения пьянства, злоупотребления спиртными напитками.

5. Образ в основе идиомы

Если мы теперь посмотрим, как формировался образ, превращающий высказывание в образное выражение с устойчивым составом компонентов, достаточно очевидными коннотациями, то придется признать, что следует учитывать несколько механизмов этого процесса в зависимости от способов формирования идиомы. И какой из них имел место в реальности, выясняется (если выясняется) после специальных этимологических исследований.

Рассмотренный нами материал показывает, что в некоторых случаях образное переосмысление бытового предмета имеет свои корни в культурной истории. Это происходит, когда фразеологизм сформировался на основе библеизма (см. выше *пронести чашу*), крылатого слова или цитаты (*Два мужа наружу, один в сундуке* – из старой комедии), возможно, элементов языческой культуры (*выносить сор из избы*). Немало идиом представляют собой усеченную пословицу. В этом случае образное переосмысление формируется в рамках предложения, которое имеет целью обобщение ситуации и приводится часто с нравоучительной целью. Однако с течением времени связь с предикативной единицей может теряться, как и с этимологической основой. И образ получает самостоятельное

существование, иногда без приемлемого объяснения внутренней формы идиомы (*попасть впросак, седьмая вода на киселе*).

Имеются также идиомы, в которых образ просматривается четко (правда, иногда вследствие ложной этимологии, однако для синхронного состояния языка вопрос об истинных источниках теряет актуальность). В этом смысле интересна идиома *положить зубы на полку*, имеющая, как показал М.И. Михельсон, вполне логичное объяснение, но с течением времени и с изменением бытовых условий получившая образ «вставные зубы человека, т.е. съемный протез, кладется на полку за отсутствием необходимости» (см. выше приведенные объяснения В.В. Виноградова).

В целом, довольно заметная часть идиом приобретает образ, основанный на бытовых наблюдениях. Обращение к понятным в определенной культуре бытовым ситуациям позволяет понять идиому, даже если она не вполне известна слушающему. Так, идиома *сидеть на двух стульях* понятна даже детям, которые представляют себе бытовую ситуацию (вывод сделан одним из авторов на основании наблюдений над речевым поведением ее внуков). Так же легко воспринимается образ *кормить с ложечки*.

Вместе с тем ряд бытовых ситуаций, отразившихся в идиоматике (как русской, так и немецкой), уже ушел из нашей жизни. Мебель в современной комнате – даже если эта комната составляет часть традиционной избы – уже отличается от системы «лавка – стол – полати», характерной для русского быта в прошлом. Слово *лавка* не относится ни к одному предмету. И большинство идиом с этим словом ушло из языка вместе с этим словом: выражения *нашел топор под лавкой* (о тривиальном объяснении), *под лавку* (что-то спрятать, забыть) уже не понятны. Сохранилось только *семеро по лавкам*, что включает не только бытовую, но и частично мифологический компонент (число семь).

Однако далеко не всегда уход предмета из повседневного быта приводит и к устареванию идиомы, связанной с бытовой ситуацией. Она может существовать как загадочное речение, смысл которого, однако, носители языка понимают, например, *попасть впросак*. Или может получить новую (при этом ложную) этимологию, как в случае с единицей *положить зубы на полку*. И в первом, и во втором случае этимологизация таких выражений связана с возможностью (и необходимостью) восстановить какие-то особенности быта, ныне уже не существующего. Фактически это та же операция, которая осуществляется в исторической лексикологии, ведущей к реконструкции бытовых реалий эпохи существования праязыка [Бенвенист 1995].

6. Выводы

Обращение к образной основе фразеологизма – существенная часть исследований в области фразеологии. В этой сфере велики заслуги В.Н. Телия, которая внесла огромный вклад в систематизацию образов и даже словарь идиом назвала «Словарь образных выражений русского языка».

Анализ обращения к образу идиомы в любом языке (как видно на примере рассмотренных нами русского и немецкого языков) предполагает предварительное вычленение единиц, основанных на культурных традициях: сокращений крылатых слов, пословиц, библеизмов и речений, связанных с языческой культурой. Но и после этого остается большое число единиц, основанных на бытовых и трудовых традициях. Их образная основа формируется на основе обобщения действий и событий, известных всем носителям языка. Такие единицы могут служить для реконструкции исторических реалий, существование которых может быть подтверждено и из других источников.

Литература

Азбука ру. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/istorija-slov/353#sel=6:1,7:80>

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.

Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов = Le vocabulaire des institutions indo-européennes. М.: Прогресс, Универс., 1995.

Борисова Е.Г. Зоны аналогии (идеография лексических функций) // Известия АН СССР. Сер. языка и литературы. 1991. Т.50. С. 274-280.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М.: ЛЕНАНД, 2016.

Солодуб Ю.П. К вопросу о совпадении фразеологических оборотов в различных языках // Вопросы языкознания. 1982. № 2. С. 106-114.

Телия В.Н. (ред.). Фразеография в Машинном фонде русского языка / [Э.И. Астахова, А.Н. Баранов, Е.В. Беляева и др.]; отв. ред. В.Н. Телия; АН СССР, Науч. совет по лексикологии и лексикографии, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1990.

Телия В.Н. (ред.). Словарь образных выражений русского языка / Т.С. Аристова, М.Л. Ковшова, Е.А. Рысева и др.; под ред. В.Н. Телия. М.: Отечество, 1995.

Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014.

Щирова В. С. Немецкие соматические фразеологизмы как единицы антропокультурного кодирования. М.: МГПУ, 2011.

Dobrovolskij D.O Deutsch-russische Idiome online. Auszug aus "Moderne deutsch-russische Idiomatik: Ein Korpuswörterbuch"/ Dobrovolskij, D.O. URL: Deutsch-russische Idiome online: http://www.eur..http://wvonline.ids-mannheim.de/idiome_russ/index.htm/

Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Bd. 11. Hrsg. von der Dudenredaktion. Berlin: Dudenverlag, 2013.

E.G. Borisova, A.V. Kovalyova (Moscow, Russia)
Moscow City University (MCU)

DAILY LIFE AS THE SOURCE OF CONCEPTUAL WORLDVIEW

The paper deals with formation of conceptual reflection of the world by means of phraseology. Utmost attention is paid to the way daily routine is reflected in Russian and German figurative units (primarily idioms). The article aims at defining the peculiarities and specificity of everyday practical objects that are conceptualized in idioms. Models of image formation are proposed on the grounds of the image system of language as defined in Veronika Teliya's later works.

Key words: ethno-cultural, idioms, image, daily life, metaphor.

E.A. Бочарникова (Астрахань, Россия)
Астраханский государственный технический университет
Bocharnikova2006@bk.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СФЕР В АНГЛИЙСКОЙ НАУЧНОЙ ГУМАНИТАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматривается проблема взаимодействия разных концептуальных сфер на примере английской научной гуманитарной литературы. На основе изучения данного вида текстов выявлены фрагменты концептуального взаимодействия знаний разных наук в процессе формирования знания опреде-

ленной науки, установлен результат такого взаимодействия с позиций когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: научная гуманитарная литература, концептосфера, взаимодействие, когнитивная лингвистика.

До недавнего времени считалось, что каждая наука, в том числе гуманитарная, имеет свой предмет, свои подходы и методы исследования. Так, социология занималась изучением системы устройства общества, проблемами отношений между людьми; экономика исследовала механизмы функционирования рынков и деловой деятельности; культурология изучала закономерности существования и способ постижения культуры, политология – политические системы, вопросы управления, психология – психику, нормы поведения и т.д. Однако появившаяся в последнее время тенденция интеграции наук и размыwania научных граней меняет систему изучения проблем и явлений вообще, и гуманитарных в частности, увеличивает способы исследования и влечет изменение их ракурса, открывает возможность по-новому увидеть изучаемое.

Познавательный процесс в гуманитарном знании апеллирует не к внешнему или внутреннему содержанию предмета/явления, а к его смыслу, который складывается через обращения к разным сюжетам, ситуациям, мнениям и т.д., а потому сопряжен с поиском многих значений, выявлением разных характеристик, установлением взаимосвязей и др., что оправдывает феномен взаимодействия знаний в гуманитарном дискурсе. Именно в случаях синтеза происходит сращивание смыслов и определение более точного и полноценного знания, возникающего в результате разностороннего анализа.

Соответственно, на ментальном уровне этот процесс предстает в виде взаимодействия концептосфер соучаствующих областей знания, разных систем мышления, разных представлений, разных свойств и характеристик, разных традиций и источников и т.п. При этом задействуется механизм концептуального интегрирования. Взаимодействию, безусловно, принадлежит когнитивная и творческая функции, проявляющиеся в способности создавать фундамент для сложенных смысловых конфигураций, полученных в результате слияния концептуальных сфер.

Поскольку «одним из основных инструментов познания, концептуализации и категоризации окружающего мира является язык», который «нужен для передачи или активизации концептов» [Болдырев

2014: 43] и который находит свое письменное выражение в тексте, то выявление фактов концептуального взаимодействия требует обращения к языковым произведениям. В качестве примеров нами выбраны фрагменты из английских текстов, представляющих разные области знания, такие как: филология, искусствоведение, психология, философия.

Так, например, в следующем фрагменте из филологической литературы автор, объясняя увеличение интереса к английской филологии в конце XIX, привлекает знания концептуальных сфер религиозного, исторического, политического, психологического, социологического происхождения. Знание из области религиоведения представлено концептами РЕЛИГИЯ, РЕЛИГИОЗНЫЙ КРАХ; из области истории актуализируется за счет использования исторических концептов ВИКТОРИАНСКИЙ ПЕРИОД, XIX ВЕК; знание политологии – концептами ИДЕОЛОГИЯ, ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ, ПРАВЯЩИЙ КЛАСС, ВЛАСТЬ; знание психологии – концептами СЕРДЦА И УМЫ ЛЮДЕЙ, ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕТОД; социологии – СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ, УВЕЛИЧЕНИЕ ИНТЕРЕСА. Взаимодействие знаний привлеченных концептосфер при описании концепта АНГЛИЙСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ значительно расширяет представление о филологическом концепте, наполняя его содержание дополнительными характеристиками субординатного уровня и указывая на необходимость взаимосвязи концептосфер при формировании полномасштабной картины знания. Благодаря концептуальному взаимодействию, автор показывает, как и в связи с чем происходит смена идеологий в обществе, приводит пример из истории, описывает, как воспринимает подобные перемены человеческое сознание, и как это отражается на поведении общественных масс и в политике. На когнитивном уровне данный фрагмент знания представляется в виде скрипта там, где используется цитата, и сценария (концепты привлеченного знания здесь и далее выделены нами жирным шрифтом): *If you ask someone to give one simple explanation for the increased interest in **English philology** at the end of the 19th century, the worst answer would be: "because of the **collapse of religion**." In the **Victorian period**, this reliable and highly influential ideology found itself in a deep crisis. She no longer owned the **hearts and minds of the masses**, and under the double blow of scientific discoveries and social changes, her once undeniable **power** risked dissipation. This greatly excited the **ruling class** of the **Victorian era**, for religion for many reasons is an **effective form of ideological control*** [Eagleton 2008: 30].

В следующем фрагменте текста, принадлежащего концептуальной сфере искусства и живописи, встречаются концепты, восходящие к концептосферам медицины, психологии и спорта: *But early appreciation of complex harmony, and skill in execution, are not enough to produce a great artist, for there must be associated with these things a powerful imagination. While the particular nerves or vessels of the brain with which the imagination is concerned have not been identified, we know by analogy and experience that the exercise of the imagination like that of any other function, is necessary for its development, and according as we allow it to remain in abeyance so we reduce its active value* [Govett 2016: 23]. В результате такого взаимодействия автору при описании концепта ВЕЛИКИЙ ХУДОЖНИК удается показать, что только гармоничного видения и изобразительных навыков недостаточно, чтобы стать великим художником, важно упражнять воображение. Однако, как показывает автор текста, конкретные нервы или сосуды мозга, которыми занимается воображение, еще не были идентифицированы. Обращаясь к разным областям знания, автор использует и обозначения соответствующих концептов. Так, знание концептосферы медицины представлено концептами НЕРВЫ, СОСУДЫ, МОЗГ; знание концептуальной области психологии представлено концептом ВООБРАЖЕНИЕ; знание концептуальной области спорта – концептами ТРЕНИРОВКА, АКТИВНОЕ СОСТОЯНИЕ, ОСТАНОВКА. Более того, автор использует метод и опыт спортивного знания в области знания медицины, сравнивая результат приостановки тренировок с отсутствием упражнений воображения. Таким образом, представление об описываемом концепте расширено и выражено через концептосферы других наук. На уровне ментальных образований приведенный фрагмент может быть представлен в формате скрипта.

Следующий фрагмент из психологической литературы интересен тем, что в нем содержатся знания концептосфер физики и биологии: *For human thought is conservative: it follows external events slowly, just as our eye perceives the sun at a point which the sun has in reality already passed, as the rays require several minutes of time in order to strike our optic nerves* [Hunt 1941: 45]. Такое взаимодействие знаний разных областей науки позволяет автору, описывая концепт ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ МЫСЛЬ, сравнить ее движение с движением глаза при восприятии солнца и сообщает о скорости достижения лучами зрительных нервов, при этом знание физики объективируется при употреблении концептов ЛУЧ, МИНУТА, ВРЕМЯ; знание биологии – концептами ЗРИТЕЛЬ-

НЫЙ НЕРВ, ГЛАЗ; имплицитно используются концепты физики СКОРОСТЬ, ДВИЖЕНИЕ. Автор проецирует наблюдения, ранее сделанные в области физики, на описание психологических явлений, что не только облегчает понимание информации, но и благодаря художественному сравнению делает это описание красочным.

Следующий пример из психологической литературы содержит знание концептосферы философии, когда автор, исследуя проблему появления интереса к самопознанию, описывает концепт САМОПОЗНАНИЕ, ссылаясь на достижения греческих философов Платона и Аристотеля. Как видно из последнего примера, в котором синтез знаний представлен таким образом, что принадлежность описываемых концептов к той или иной концептосфере является спорной, взаимодействие научных областей отмечалось еще несколько веков назад: *The desire to understand ourselves is not new. Greek thinkers such as Plato (428 BC—347 BC) and Aristotle (384 BC—322 BC) were among the first to struggle with fundamental questions about how the mind works. Greek philosophers debated many of the questions that psychologists continue to debate today. For example, are cognitive abilities and knowledge inborn, or are they acquired only through experience* [Schacter, Gilber, Wegner 2009: 112]. В данном фрагменте объективируются концепты КОГНИТИВНЫЕ СПОСОБНОСТИ, ВРОЖДЕННЫЕ ЗНАНИЯ, относящиеся больше к концептосфере психологии, но, как показывает автор, их разработкой занимались и философы. Таким образом, из данного примера следует, что еще в 428 г. до н.э. мыслители склонялись к возможности интегрирования наук, к обоюдному исследованию вопросов, понимая неизбежность и продуктивность этого процесса.

В завершение статьи можно сделать вывод о том, что по мере развития общества и человека наука становится более сложной и комплексной. Не вызывает сомнений, что именно интегрированный подход к изучению многих проблем является наиболее эффективным и достоверным. В связи с этим концептуальные грани между различными областями науки становятся все более размытыми, а получаемое в результате взаимодействия разных дисциплин знание более полным и точным.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 4, испр. и доп. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.

Eagleton T. Literary Theory. An Introduction. Wiley-Blackwell: Univ. of Minnesota Press, 2008.

Govett E. Art Principles With Special Reference to Painting. Wentworth Press, 2016.

Hunt W.A. Recent developments in the field of emotion // Psychological Bulletin. 1941. 38. P. 249-276.

Schacter D., Gilber D., Wegner D. Psychology. New York: Worth Publishers, 2009.

E.A. Bocharnikova (*Astrakhan, Russia*)
Astrakhan State Technical University

INTERACTION OF CONCEPTUAL SPHERES IN ENGLISH HUMANITARIAN ACADEMIC LITERATURE

Being a case study of English humanitarian academic literature, the article discusses the problem of the interaction between different conceptual areas. The analysis of this type of texts reveals fragments of the conceptual interaction of knowledge of different sciences in the process of the formation of knowledge of a particular science. The result of such interaction is established from the standpoint of cognitive linguistics.

Key words: humanitarian academic literature, concept sphere, interaction, cognitive linguistics.

И.В. Варфоломеева (*Астрахань, Россия*)
Астраханский государственный технический университет
ivvarfolomeeva78@gmail.com

МЕТАФОРА КАК ОТРАЖЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ МЕХАНИЗМОВ ЭКСПРЕССИВНОСТИ ПРИ СОЗДАНИИ ФИКЦИОНАЛЬНОГО МИРА

В статье на материале новеллы Р. Брэдбери «Июнь 2001. И по-прежнему лучами серебрят простор луна...» исследуются конвенциональные и инновационные метафоры, объективированные равноуровневыми средствами языка и служащие созданию образности и экспрессивности при репрезентации фикционального мира художественного текста. Художественное творчество рас-

смачивается как максимальное проявление возможностей интерпретации в языке.

Ключевые слова: инновационная метафора, интерпретация, конвенциональная метафора, модель концептуальной метафоры, языковая метафора, творческое сознание, художественный текст.

Известно, что основной трудностью понимания специфичности фантастической литературы является художественный мир произведения, поскольку главной чертой фантастики принято считать введение в описываемую реальность некоего объекта, который может не существовать на самом деле, но играет ведущую роль при конструировании фикционального мира художественного текста.

Что касается фикционального мира как такового, то в рамках теории возможных миров литературы, развиваемой канадским ученым Л. Долежелом и другими литературоведами, это – бытие, созданное автором художественного произведения, которое не существует до акта творения. Художественный мир понимают как семиотическую макроструктуру, которая состоит из конечного числа элементов и их системного взаимодействия. Организуется она внутренними законами и создается авторской интенцией. Текст же конструирует художественную реальность, которая обладает свойствами, структурой и типом существования, отличными от эмпирической действительности. Мир создается посредством иллюкативной силы текста, который задает своими средствами параметры мира, включая и его онтологический статус [Неронова 2011: 101]. Это свидетельствует об отсутствии четкой границы между реальным и воображаемым мирами в сознании человека.

Отметим, что художественная реальность вторична по отношению к онтологии сознания человека и представляет собой результат преобразующей деятельности творческого сознания автора любого художественного текста.

В Философском энциклопедическом словаре творчество определяется как «деятельность, порождающая нечто качественно новое, никогда ранее не бывшее...» [ФЭС 1989: 642], а сознание – как «одно из основных понятий философии, психологии и социологии, обозначающее высший уровень духовной активности человека как социального существа...» [Там же: 596].

Помимо этого, понятие «творчество» трактуется следующим образом: «Создание новых по замыслу культурных, материальных цен-

ностей...» [Ожегов 1984: 687], а «сознание» – как «... Мысль, чувство, ясное понимание чего-нибудь; Способность человека мыслить, рассуждать и определять свое отношение к действительности; психическая деятельность как отражение действительности...» [Там же: 646].

По нашему мнению, когнитивный подход к художественному тексту подразумевает осмысление его в качестве продукта индивидуального творческого сознания. Что же касается художественного творчества, то, на наш взгляд, оно представляет собой максимальное проявление возможностей интерпретации в языке.

Каждый автор любого художественного произведения, выстраивая фикциональный мир художественного текста, опирается на свою собственную концептуальную систему и ее структуру – ментальный уровень или ментальную (психическую) организацию, где «сосредоточена совокупность всех **концептов**, данных уму человека, их упорядоченное объединение» [КСКТ 1996: 94].

Безусловно, на разных этапах создания концептосферы текста она подвергается определенным изменениям, которые отражаются и в ментальной картине автора, соотносящейся с созданием фикционального мира текста (ср. [Андреев 2017: 92]). Важную роль при этом играет создание образности и экспрессивности на основе интерпретации элементов концептуальной системы посредством обращения к различным типам метафор: концептуальным (конвенциональным и инновационным (индивидуально-авторским)) и собственно языковым (тропам). Признаки, отражающие различия языковой и художественной метафор, достаточно детально описывает Г.Н. Скляревская [Скляревская 2004: 34-41].

Отметим, что благодаря развитию когнитивной парадигмы знания, был выделен особый тип концептуальной (когнитивной) метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон и др.), которая тесно связывает мыслительные процессы и речевую или языковую деятельность человека. В «Кратком словаре когнитивных терминов» (КСКТ) концептуальная (когнитивная) метафора определяется как «одна из форм концептуализации, когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания...» [КСКТ 1996: 55].

Принимая во внимание все ментальные конструкты, которыми оперирует когнитивная лингвистика, подчеркнем тот факт, что антропоцентризм довольно четко прослеживается непосредственно в случае концептуальной метафоры. В.Н. Телия отмечает следующее: «Синтезирующий характер метафорических процессов связан с целепола-

гающей деятельностью ее субъекта – «творца метафоры» [Телия 1988: 180-181].

Как указывает Э.Р. Хамитова, «концептуальные метафоры не соотносятся с отдельными предметами действительности, а концептуализируют целые смысловые пространства, тогда как вербализация результатов процесса концептуальной метафоризации осуществляется уже на уровне частных случаев метафоры – языковых и авторских» [Хамитова 2011: 156]. При этом подчеркивается тот факт, что концептуальные метафоры имеют обобщенный характер, в то время как языковые и художественные метафоры могут быть уникальными [Там же].

При построении мира художественного текста автор прибегает к метафоре, преследуя различные прагматические цели, а именно: создание частных концептов концептосферы текста (персонажей), мета-концептов (событий, ситуаций и т.п.), создание метафорического мира текста в целом. Что касается содержания концептов и мета-концептов, то они могут быть объективированы в тексте разными способами: через диалоги и внутренние монологи персонажей, авторский нарратив (описание, повествование) и др.

В новелле «Июнь 2001. И по-прежнему лучами серебрят просторы луна...» с помощью механизма метафорической интерпретации концептов, репрезентирующих реальный мир, Рэй Брэдбери формирует такие мета-концепты концептосферы фикционального мира, как: ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ПЕРСОНАЖ-S, ПЕРСОНАЖ-W и т.д.

Обращаясь к проблеме творчества Рэя Брэдбери, необходимо отметить тот факт, что этот автор создает фундаментальные мифологемы, используя универсальную оппозицию верха (Космоса) и низа (Земли). Это является характерной особенностью классического мифа. Упомянутая выше оппозиция имеет определенную ценностную ориентацию, в которой Космос, представленный необычной планетой Марс, противопоставляется обыденности планеты Земля [Новикова 1992].

Общеизвестно, что мифологическое знание является особой сферой человеческого познания. В работах, исследующих мифологическое знание в современном сознании, наблюдается понимание мифа как системы мировоззрения («модели мира»), которая осуществляется посредством мифологического повествования. Выделяют мифы творения, этиологические и космогонические мифы, а также их героев. Ими являются первопредки, божественныедемиурги и боги-творцы [Мелетинский 1995: 325].

Обращение Р. Брэдбери к данному аспекту неслучайно. Еще В.Н. Топоров указывал на возможность реализации универсальной мифопоэтической схемы в сфере художественного текста [Топоров 1995: 195]. Своим героям Р. Брэдбери часто предлагает роль демиурга, борца, хранителя. В произведении, анализируемом в данной статье, наиболее характерны в этом отношении два основных персонажа – Спендер и капитан Уайлдер. Их основная роль созидательная несмотря на то, что они совершают определенные деструктивные поступки, последствия которых невозможно исправить.

Итак, обратимся к рассуждениям Спендера, в которых он прибегает к употреблению необычного метафорического сравнения (здесь и далее подчеркивание наше):

And somehow the mountains will never sound right to us; we'll give them new names, but the old names are there, somewhere in time, and the mountains were shaped and seen under those names. The names we'll give to the canals and mountains and cities will fall like so much water on the back of a mallard [Bradbury 2012: 70-71].

За данным метафорическим сравнением усматривается модель авторской концептуальной метафоры, в которой «областью-источником» выступает концепт ЖИВОТНОЕ (птица) – утка кряква (*a mallard*), представленная частью ее тела (*the back of a mallard*). «Областью-мишенью» является комплексный концепт НОВЫЕ НАЗВАНИЯ ПРИРОДНЫХ И АРТЕФАКТНЫХ ОБЪЕКТОВ (*the names of the canals and mountains and cities*). Посредством реплики данного персонажа Р. Брэдбери интерпретирует взаимодействие исконных марсианских имен и присвоенных им землянами. Метафора основана на определенных знаниях специализированного характера (из области орнитологии / зоологии), а именно того факта, что при нырянии дикой утки кряквы в воду погружается лишь передняя часть ее тела, а лапы и хвост остаются над поверхностью воды, то есть сухими. Таким образом, используемое метафорическое сравнение подчеркивает, что новые названия никак не влияют на оригинальные, отражающие принципы концептуализации обозначаемых объектов марсианами, как не влияет вода на поднятую над ней заднюю часть тела утки. (Заметим, что в русском языке наблюдается нечто подобное: и у нас есть выражение «как с гуся вода», но в нем за основу принимается способность птицы выделять определенный секрет, смазывающий оперение, который не позволяет гуся промокнуть.)

Э.Р. Хамитова отмечает, что «многие концептуальные метафоры как отражение взгляда на мир универсальны и характерны для всех сходных культур, но обладают при этом дифференцирующими признаками, проявляющимися на уровне именно языковой реализации» [Хамитова 2011: 156].

Далее один из главных персонажей новеллы, Спендер, продолжает свои размышления о влиянии человека на планету Марс: *No matter how we touch Mars, we'll never touch it. And then we'll get mad at it, and you know what we'll do? We'll rip it up, rip the skin off, and change it to fit ourselves* [Bradbury 2012: 71].

Глагол *touch* употребляется в указанном выше отрывке как в прямом смысле (в значении «приземлиться» на Марсе), так и в переносном (в значении «прикоснуться» к истории и цивилизации Марса). Метафорическое значение данного глагола не только создает образность, но и имплицитно передает глубинный смысл новеллы. Марс рассматривается в данном случае как некое живое существо, с которого можно снять кожу (*We'll rip it up, rip the skin off*). Экспрессивность и образность создаются здесь на основе метафтонимии. С одной стороны, планета Марс метонимически представляет ее жителей и погибшую марсианскую цивилизацию в целом. С другой стороны, Марс метафорически репрезентируется как человек, неотъемлемым органом которого является кожа. Говоря о сдирании кожи, персонаж подразумевает перекраивание землянами марсианской цивилизации «под себя», исходя из собственных моральных ценностей (*and change it to fit ourselves*). То, что мораль землян далека от идеала, подтверждает следующая реплика Спендера: *We Earth Men have a talent for ruining big, beautiful things* [Bradbury 2012: 71].

Противоположную точку зрения представляет другой главный персонаж новеллы – капитан Уайлдер, который, соглашаясь в определенной мере со Спендером, объясняет такое поведение землян их моральной незрелостью: *Did you notice the peculiar quiet of the men, Spender, until Biggs forced them to get happy? They looked pretty humble and frightened. Looking at all this, we know we're not so hot; we're kids in rompers, shouting with our play rockets and atoms, loud and alive. But one day Earth will be as Mars is today. This will sober us. It's an object lesson in civilizations. We'll learn from Mars* [Bradbury 2012: 72].

Обращаясь к конвенциональной метафоре ЦИВИЛИЗАЦИЯ – ЭТО ЧЕЛОВЕК, автор усиливает это сравнение через указание на возраст человека (*kids in rompers*) и присущую детям жестокость (*forced*

them to get happy, shouting), проявляющуюся в том числе и в использовании оружия (*play rockets and atoms*). Уайлдер делает морализирующий вывод, считая опыт Марса и его судьбу уроком для других цивилизаций.

Метафора используется и для создания общей тональности текста: грусть, печаль, траур по угасшей марсианской цивилизации, по невозможности землян изменить свою разрушительную природу. Так, образное описание общего неопределенного настроения всех членов команды землян представлено следующим фрагментом: *Someone hugged the accordion. It gave a sound like a dying animal. That was all* [Bradbury 2012: 73].

Метафорическое сравнение восходит здесь к конвенциональной модели концептуальной метафоры ЖИВОТНОЕ. «Областью-источником» вновь выступает концепт МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ – ЭТО ЖИВОТНОЕ. Профилирование такого признака, как звук, позволяет охарактеризовать звук музыкального инструмента как своего рода предсмертный стон умирающего животного (*a sound like a dying animal*), интерпретировать его как нечто грустное, «щемящее», задевающее за «живое», не оставляющее читателя равнодушным, затрагивающим самые сокровенные струны его души, и создать соответствующую тональность новеллы.

Гибель великой цивилизации не могла не повлиять на ощущения людей, пребывающих в месте, где она зародилась и затем ушла в небытие. Один из персонажей (Хетэуэй) описывает тела марсиан, погибших от ветряной оспы, с большой горечью в сердце: *My God, there were bodies there. It was like walking in a pile of autumn leaves. Like sticks and pieces of burnt newspaper, that's all* [Bradbury 2012: 65-66].

В данном фрагменте текста мертвые тела марсиан сравниваются с осенними листьями, палочками и кусочками горелой газеты, а их количество вызывает у персонажа представление о невозможности не наступить на них, что имплицитно указывается на звук, производимый при ходьбе по хрупким шуршащим предметам. Это производит дополнительный экспрессивный эффект, рождая у читателя чувство безысходности, сострадания и глубокой грусти, даже тоски по великим, ушедшим в мир иной марсианам. И, возможно, также навеивает определенные мысли о бренности и бессмысленности собственного существования. Авторская модель концептуальной метафоры A LARGE AMOUNT OF DEAD BODIES IS A PILE OF FRAGILE

OBJECTS (*a pile of autumn leaves*) позволяет создать траурное настроение всего повествования.

Подчеркнем тот факт, что к образному описанию природы и окружающей обстановки автор прибегает неоднократно, при этом природа, как правило, одушевляется. Приведем лишь несколько примеров такой метафоры: *The wind kept coming in off the dead sea* [Bradbury 2012: 72]; *The sun burned father up the sky* [Там же: 80]; *Nobody moved. The moons held and froze them; the wind beat slowly around them* [Там же: 74]; *The fire crackled and died* [Там же: 76] и др.

Однако далеко не все представители команды (ОБЩЕСТВА) испытывают благоговейные чувства к чужой природе и цивилизации, что еще больше укрепляет негативное отношение Спендера к таким членам команды землян и приводит его к противоправным поступкам. При этом, убивая первого человека (Бигса), который повел себя на Марсе недостойно, Спендер называет себя марсианином: *I'm the last Martian* [Bradbury 2012: 76].

Используя данный метафорический перенос, Р. Бредбери характеризует основного персонажа как способного к переосмыслению своей жизненной позиции, т.к. герой считает себя «переродившимся», приобщившимся к цивилизации марсиан. В то же время, другие представители землян неслучайно сравнивают Спендера с голодной собакой, рыскающей повсюду: *You're like a dog in a bone yard* [Bradbury 2012: 77].

В этой сравнительной конструкции метафорического характера «областью-источником» снова является концепт ЖИВОТНОЕ (собака), а «областью-мишенью» – ЧЕЛОВЕК (персонаж Спендер). Эта конвенциональная модель метафоры репрезентирует результат интерпретации сложившихся отношений персонажей через имплицитную отрицательную оценку. (Отметим, что в русском языке также часто используется выражение с подобной негативной коннотацией.)

После того, как Спендер убивает нескольких членов команды, его подвергают преследованию, а негативное отношение к нему обостряется настолько, что один из персонажей (Паркхилл) хочет выстрелить Спендеру в голову, приговаривая: *Here's a slug for your head!* [Bradbury 2012: 92]. Обращаясь к конвенциональной модели метафоры АРТЕФАКТ – ЭТО ЖИВОТНОЕ, Р. Бредбери интерпретирует смертельное свойство пули через свойство такого вида животных как слизни, некоторые представители которых являются хищниками и некрофагами (поедают живых беспозвоночных и их трупы).

Переломным моментом в сознании Спендера становится убийство им члена его команды с «говорящим» именем Чероки (Cherokee), образованным от названия индейского племени, пострадавшего при колонизации в Оклахоме, потомком которого упомянутый выше человек и являлся. (Автор употребляет здесь такой стилистический прием, как антономасия, или антономазия, с целью почеркнуть и несколько усугубить остроту этого момента). Отказавшись присоединиться к Спендеру, Чероки был им застрелен так же, как и другие члены команды несмотря на то, что тот разделял чувства своего убийцы к марсианской цивилизации.

Спендер сообщает в своем последнем разговоре с капитаном Уайлдером следующее: *After the fifth killing at breakfast, I discovered I wasn't all new, all Martian, after all. I couldn't throw away everything I had learned on Earth so easily* [Bradbury 2012: 85]. Исползованная ранее модель метафоры объективируется здесь антонимической (отрицательной) по отношению к ранее использовавшейся языковой конструкцией. Таким образом Р. Бредбери имплицитно идею о том, что человеку сложно измениться психологически, т.к. Спендеру не удалось «переродиться», овладеть всеми новыми для него качествами, свойственными представителям великой погибшей цивилизации марсиан.

Безусловно, художественная выразительность творчества Рэя Дугласа Бредбери в значительной мере обусловлена его неподражаемым мастерством детализации. Персонаж в его произведении позиционируется не как отдельная личность, а как некое родовое существо, заключающее в себе определенные обобщенные черты. Через героев автор репрезентирует реальный мир.

В заключение отметим, что хотя конвенциональные модели концептуальной метафоры являются устойчивыми структурами, языковые средства их объективации разнообразны и зависят от творческого воображения автора и социокультурных факторов. Что касается творчества Рэя Бредбери, то его индивидуально-авторская метафора позволяет постичь сущность человеческого бытия и всего мироустройства в целом. Кроме того, авторские метафоры в анализируемом произведении больше нацелены на реализацию прагматической цели создания определенной атмосферы новеллы, на имплицитное глубинное смысла. При этом все типы метафор способствуют созданию экспрессивности при изображении воображаемого авторского мира художественного текста.

Литература

Андреев В.С. Квантитативный анализ метафоры: корреляция единиц концептосферы // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXX. С. 90-92.

КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М.: МГУ, 1996.

Мелетинский Е.М. Малые жанры фольклора и проблемы жанровой эволюции в устной традиции // Малые формы фольклора: сборник статей памяти Г.Л. Пермякова / сост. Т.Н. Свешникова. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995.

Неронова И.В. Нарративное конструирование онтологии художественного мира в творчестве братьев Стругацких 1980-х годов // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2011. № 10 (225). Вып. 52. С. 101-108.

Новикова В.Г. Фантастическая новелла Рэя Брэдбери: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 1992.

Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 16-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1984.

Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2004.

Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 173-204.

Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995.

ФЭС – Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1989.

Хамитова Э.Р. К вопросу о соотношении индивидуально-авторских, языковых и концептуальных метафор // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. № 1. С. 155-157.

Bradbury Ray Douglas. June 2001: – and the Moon Be Still as Bright // The Martian Chronicles. The USA: New York: Simon & Schuster Paperbacks, 2012. P. 63-95.

I.V. Varfolomeeva (Astrakhan, Russia)

Astrakhan State Technical University

METAPHOR AS THE ACTION OF EXPRESSIVE VERBAL MECHANISMS: ON THE CREATION OF IMAGINARY WORLD IN AN ENGLISH FICTIONAL TEXT

The article deals with conventional and innovative metaphors that are verbalized by linguistic means of different layers. The metaphors prove to create figurativeness and expressiveness in the image of fictional world. The research is done on the material of a short story by R. Bradbury "June 2001 – and the moon be still as bright". Artistic (poetic) creation is considered to be the maximum display of interpretation opportunities in language.

Key words: innovative metaphor, interpretation, conventional metaphor, a model of conceptual metaphor, linguistic metaphor, creative consciousness, fictional text.

A.B. Верецагина (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

linaanghelina@mail.ru

ПОНЯТИЕ «ДУША» В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ И НОВОГРЕЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Настоящее исследование посвящено сравнению древнегреческой и новогреческой языковой картины мира. Материалом исследования являются лексемы, описывающие понятие «душа», в греческом языке в диахроническом разрезе. Удалось проследить изменения в вербальном выражении данного понятия. Отмечается переход к меньшей вариативности его описания при сохраняющемся синкретизме.

Ключевые слова: языковая картина мира, душа, древнегреческий язык, новогреческий язык, диахрония.

Понятие «душа» является ключевым понятием в языковой картине мира не только греческого, но и других языков. Неслучайно исследованию понятия «душа» посвящены труды многих ученых [Айдарбекова 2015; Варданян 2013; Головановская 2009; Иванова 2016; Кондратьева 2012; Медведева 2016; Морозова 2014; Санлыер 2009; Степанов 2001; Хабибуллина 2012; Хайбулаева 2014; Шмелев 2002];

в большинстве случаев анализ проводится в сравнительном аспекте, в том числе на текстах Библии. Разрабатывалось данное понятие и на материале древнегреческого языка [Верещагина 2006, 2020; Нижников 2006; Обидина 2008; Скобелева 2009].

В настоящем исследовании проводится сравнительный анализ греческой лексики, описывающей понятие «душа», в диахроническом аспекте. Материал данной работы взят из основных словарей греческого языка и работ отдельных авторов [Ebeling 1885; Дворецкий 1958; Хориков, Малев 1993]. Учитываются данные основных этимологических словарей греческого языка [Boisacq 1923; Chantraine 1999; Frisk 1972; Hoffmann 1989] и сравнительно-сопоставительные словари индоевропейских языков [Buck 1949]. Новогреческий материал дается в орфографии до 1982 года.

Начиная с самых ранних эпических памятников древнегреческого языка, мы можем выделить 6 основных лексем, обозначающих душу: $\theta\acute{\xi}\ \eta\lambda$, $\zeta\lambda\kappa\acute{o}\sigma$, $\pi\acute{\xi}\alpha\pi\acute{\iota}\sigma$, $\theta\eta\acute{\xi}$, $\theta\alpha\zeta\delta\acute{\iota}\alpha$, $\varsigma\pi\rho\ \eta$.

Что касается особенностей языкового выражения понятия «душа» в архаический период древнегреческого языка, то следует отметить синкретизм в описании психомыслительных и речевых процессов, что характерно в принципе для эпохи архаики во многих языках мира [Леви-Брюль 1930]. Конкретно исследованиям психофизического синкретизма в раннем древнегреческом – гомеровском языке посвящены труды многих ученых [Онианс 1999; Лосев 1996].

1. Рассмотрим лексему $\theta\acute{\xi}\ \eta\lambda$, $\theta\acute{\xi}\ \epsilon\lambda\acute{o}$ (дорический вариант – $\theta\acute{\xi}\ \acute{\alpha}\lambda$) и эволюцию ее значений и производные от нее слова в греческом языке. Этимологически она связана, с одной стороны, с «преградой, загородкой», а с другой стороны – с «вздрагиванием, содроганием».

Помимо значения «душа, сердце», которое отмечается у Гомера ($\eta\acute{\xi}\nu\kappa\acute{\epsilon}\nu\pi\lambda\zeta\eta\ \theta\acute{\xi}\ \epsilon\lambda\alpha$ «они трепещут душой» или $\theta\alpha\eta\acute{\alpha}\ \theta\acute{\xi}\ \epsilon\lambda\alpha\ \theta\alpha\acute{\iota}\ \theta\alpha\eta\acute{\alpha}\ \zeta\lambda\kappa\acute{o}\lambda$ «в глубине души»), а также Эсхила ($\nu\acute{\upsilon}\theta\ \acute{\alpha}\pi'\ \acute{\alpha}\theta\acute{\xi}\alpha\sigma\ \theta\acute{\xi}\ \epsilon\lambda\acute{o}\sigma$ «от всего сердца – *дословно* не краем души»), данная лексема обозначает «грудобрюшную преграду» и «внутренности, грудь», например у Пиндара ($\text{A}\acute{\iota}\alpha\mu\ \acute{\xi}\pi\alpha\mu\epsilon\ \delta\acute{\iota}\ \theta\acute{\xi}\ \epsilon\lambda\acute{\omega}\lambda\ \mu\acute{\iota}\theta\nu\sigma$ «Эант вонзил (себе) меч в грудь»). Кроме того, уже в ранний гомеровский период она приобретает значение «ум, мышление, мысль» ($\theta\acute{\xi}\ \epsilon\zeta\ \acute{\iota}\lambda\ \acute{\alpha}\gamma\alpha\zeta\eta\zeta\ \eta\lambda\ \theta\epsilon\rho\zeta\eta\zeta\alpha\eta$ «быть честно-го образа мыслей» или $\kappa\epsilon\eta\acute{\alpha}\ \theta\acute{\xi}\ \epsilon\zeta\ \acute{\iota}\ \beta\acute{\alpha}\acute{\iota}\ \epsilon\zeta\ \zeta\alpha\acute{\iota}\ \eta\eta$ «мысленно решать что-либо») и сохраняет его в классический период, например у Софокла

($\theta\zeta\epsilon\lambda\omega\lambda$ $\theta\epsilon\lambda\acute{o}$ «обезумевший») или Геродота ($\theta\zeta\epsilon\lambda\acute{\iota}$ ι $\alpha\beta\epsilon\iota\lambda$ $\eta\rho\lambda$ ι $\acute{o}\gamma\nu\lambda$ «поразмыслить о словах»).

От лексем $\theta\zeta\acute{\eta}\lambda$, $\theta\zeta\epsilon\lambda\acute{o}$ образованы следующие производные. Их довольно много, даже не считая префиксальных форм.

Во-первых, от нее происходят следующие прилагательные (14) – $\theta\zeta\epsilon\lambda\omega\acute{\iota}$ $\epsilon\omicron$ «потерявший рассудок, безумный» (Эсхил), $\theta\zeta\epsilon\lambda\acute{\eta}\xi\epsilon\omicron$ «здравомыслящий, благоразумный» (Геродот, Еврипид), $\theta\zeta\epsilon\lambda\nu\beta\iota$ $\acute{\alpha}\beta\eta\omicron$ «помешанный, безумный» (Геродот, Плутарх Лукиан), $\theta\zeta\epsilon\lambda\nu\tau\iota\epsilon$ $\gamma\eta\omicron$ «с ума сводящий» (Эсхил), $\theta\zeta\epsilon\lambda\acute{o}\tau\iota\epsilon$ $\theta\eta\eta\omicron$ «пораженный безумием» (Эсхил) и $\theta\zeta\epsilon\lambda\acute{o}\tau\iota$ $\epsilon\mu$, $\theta\zeta\epsilon\lambda\nu\eta\theta\eta\eta\omicron\lambda$ «остроумный, изобретательный» (Аристотель), $\theta\zeta\epsilon\lambda\nu\gamma\epsilon\zeta\eta\omicron$ «веселящий душу, проливающий радость», $\theta\zeta\epsilon\lambda\nu\delta\alpha\iota$ $\eta\omicron$ «расстраивающий душу, сводящий с ума», $\theta\zeta\epsilon\lambda\nu\kappa\alpha\lambda\acute{\eta}\omicron$ «беснующийся, иступленный» (Эсхил), $\theta\zeta\epsilon\lambda\nu\tau\iota\alpha$ $\lambda\eta\omicron$ «расстраивающий душу, сводящий с ума» (Эсхил), $\theta\zeta\nu\lambda\epsilon\kappa\alpha\eta\acute{\iota}\alpha\omicron$ «мужественный, высокомерный», $\theta\zeta\acute{o}\lambda\eta\kappa\nu\omicron$ «находящийся в здравом уме, умный», $\theta\zeta\nu\lambda\eta\eta\zeta\eta\eta\theta\acute{o}$ «размышляющий».

Во-вторых, отмечаются сложные существительные (3) – $\theta\zeta\epsilon\lambda\alpha\tau\acute{\alpha}\eta\omicron$ «обманщик, оболститель», $\theta\zeta\epsilon\lambda\nu\beta\iota$ $\acute{\alpha}\beta\epsilon\tau\eta$ «помешательство, безумие» (Лукиан), $\theta\zeta\epsilon\lambda\nu\tau\iota\epsilon$ $\zeta\eta\eta\omicron$ «похититель здравого смысла» и простые отглагольные существительные (11) – $\theta\zeta\acute{o}\lambda\epsilon\kappa\alpha$ «образ мыслей, разум», $\theta\zeta\epsilon\lambda\epsilon\eta\eta\zeta\eta\kappa\acute{o}\omicron$ ($\theta\zeta\epsilon\lambda\acute{\eta}\eta\eta\eta$) «безумие, помешательство» (Плутарх, Лукиан), $\theta\zeta\nu\lambda\epsilon\kappa\alpha\eta\eta\zeta\eta\kappa\acute{o}\omicron$ «высокомерие» (Полибий), $\theta\zeta\acute{o}\lambda\epsilon\zeta\eta\eta$ «здравый смысл, ум», $\theta\zeta\acute{o}\lambda\eta\kappa\nu\lambda$ «мужество, присутствие духа, разумность», $\theta\zeta\acute{o}\lambda\eta\eta$ «благоразумие, рассудительность» (Гомер), $\theta\zeta\nu\lambda\eta\eta\omicron$ «мышление, мысль, забота», $\theta\zeta\acute{o}\lambda\eta\eta\zeta\eta\kappa\alpha$ «мысль, выдумка», $\theta\zeta\nu\lambda\eta\eta\zeta\eta\eta\eta\lambda$ «место для размышлений», $\theta\zeta\nu\lambda\eta\eta\zeta\eta\eta\omicron$ «мыслитель, исследователь», $\theta\zeta\nu\lambda\eta\eta\zeta\eta\eta\theta\acute{o}\lambda$ «размышление» (Плутарх), не считая префиксальных форм.

В-третьих, что касается глаголов, можно выделить около 7 отыменных лексем, не считая префиксальных глаголов – $\theta\zeta\epsilon\lambda\acute{o}\varsigma$ «вразумлять, наставлять», например, $\acute{\alpha}\lambda\delta\acute{\xi}\epsilon\omicron$ $\pi\epsilon\theta\zeta\epsilon\lambda\acute{o}\varsigma$ $\kappa\acute{\epsilon}\lambda\nu\eta$ «сознательные люди» (Лукиан), $\theta\zeta\epsilon\lambda\epsilon\eta\eta\delta\omicron\varsigma$ ($\theta\zeta\epsilon\lambda\eta\eta\delta\omicron\varsigma$) и $\theta\zeta\epsilon\lambda\eta\acute{\alpha}\varsigma$ «быть в горячечном бреду, впасть в неистовство, быть буйно помешанным» (Плутарх), многозначный глагол $\theta\zeta\nu\lambda\acute{\epsilon}\varsigma$ «чувствовать, быть в здравом уме, быть благоразумным, мыслить, замышлять, принимать во внимание», $\theta\zeta\nu\lambda\epsilon\kappa\alpha\eta\delta\eta\delta\eta\kappa\alpha$ «зазнаваться, кичиться» (Аристотель), $\theta\zeta\nu\lambda\eta\delta\omicron\varsigma$ «думать, обдумывать». Среди них можно зафиксировать по крайней мере одно сложное слово, например, $\theta\zeta\epsilon\lambda\alpha\tau\acute{\alpha}\eta\alpha\varsigma$ «вводить в заблуждение» (Новый Завет).

Наконец, следует отметить наречия – $\theta\zeta\epsilon\lambda\acute{o}\zeta\epsilon\lambda$ «с ума», например, $\theta\zeta\epsilon\lambda\acute{o}\zeta\epsilon\lambda \acute{\epsilon}\pi' \acute{\alpha}\zeta\eta\tau\epsilon\zeta\acute{\alpha} \beta\eta\lambda\alpha$ «сойти с ума» (Софокл), а также $\theta\zeta\epsilon\lambda\kappa\acute{o}\zeta\sigma$ «в помешательстве», например, $\theta\zeta\epsilon\lambda\kappa\acute{o}\zeta\sigma \lambda\nu\zeta\acute{\omega}\lambda$ «душевнобольной» (Софокл) и $\theta\zeta\nu\lambda\nu\acute{o}\lambda\eta\sigma$ «разумно», $\theta\zeta\nu\lambda\eta\tau\eta\theta\acute{\omega}$ «заботливо».

В новогреческом языке зафиксирована лексема $\eta\ \theta\zeta\eta\lambda$ или $\eta\acute{\delta}\ \theta\zeta\acute{\epsilon}\lambda\alpha$ «разум, рассудок, ум; диафрагма», то есть смещение значения происходит в сторону ментальной сферы, например, $\rho\acute{o}\lambda\sigma\ \eta\acute{\delta}\ \theta\zeta\acute{\epsilon}\lambda\alpha\ \kappa\nu\tau$ «терять рассудок», $\gamma\acute{\iota}\lambda\nu\kappa\alpha\eta\acute{\epsilon}\mu\sigma\ \theta\zeta\epsilon\lambda\acute{\omega}\lambda$ «выходить из себя».

Кроме того, от этой лексемы происходят прилагательные, также в основном связанные с ментальной сферой (более 10): $\theta\zeta\epsilon\lambda\eta\zeta\epsilon\sigma$ «невменяемый, обезумевший», $\theta\zeta\epsilon\lambda\theta\acute{\rho}\sigma$ «психический, относящийся к диафрагме, умственный», $\theta\zeta\epsilon\lambda\eta\theta\acute{\rho}\sigma$ «безумный, неистовый, яростный», $\theta\zeta\epsilon\lambda\eta\theta\acute{\rho}\delta\epsilon\sigma$ «взбешенный, вышедший из себя», $\theta\zeta\epsilon\lambda\nu\beta\iota\ \alpha\beta\eta\sigma$ «сумасшедший, душевнобольной», $\theta\zeta\epsilon\lambda\nu\ \nu\eta\theta\acute{\rho}\sigma$ «френологический», $\theta\zeta\epsilon\lambda\nu\ \alpha\zeta\eta\sigma$ «сумасшедший, душевнобольной», $\theta\zeta\acute{o}\lambda\eta\kappa\nu\sigma$ «благоразумный, рассудительный», $\theta\zeta\epsilon\lambda\mu\iota\zeta\ \kappa\acute{\epsilon}\lambda\nu\sigma$ «взбешенный, неистовый», $\theta\zeta\nu\lambda\eta\tau\eta\ \kappa\acute{\epsilon}\lambda\nu\sigma$ «заботливо устроенный», $\theta\zeta\nu\lambda\eta\tau\eta\ \tau\epsilon\zeta\eta\theta\acute{\sigma}$ «подготовительный»; существительные (20): $\theta\zeta\epsilon\lambda\alpha\tau\acute{\alpha}\tau\epsilon$ «иллюзия, галлюцинация», $\theta\zeta\epsilon\lambda\mu\iota\zeta\ \kappa\alpha$ «бешенство, ярость», $\theta\zeta\epsilon\lambda\iota\theta\eta\delta\alpha$ «бред, безумие, воспаление диафрагмы», $\theta\zeta\epsilon\lambda\nu\beta\iota\ \acute{\alpha}\beta\epsilon\tau\mu$ «помрачение ума, душевная болезнь», $\theta\zeta\epsilon\lambda\nu\theta\nu\kappa\epsilon\acute{\iota}\nu\lambda$ «психиатрическая больница», $\theta\zeta\epsilon\lambda\nu\ \nu\gamma\acute{\iota}\alpha$ «френология», $\theta\zeta\epsilon\lambda\nu\ \acute{o}\gamma\nu\sigma$ «френолог», $\theta\zeta\acute{o}\lambda\epsilon\kappa\alpha$ «взгляд, воззрение, самосознание», $\theta\zeta\nu\lambda\epsilon\kappa\alpha\eta\acute{\iota}\alpha\sigma$ «человек с твердыми убеждениями», $\theta\zeta\nu\lambda\epsilon\kappa\alpha\eta\acute{\iota}\ \kappa\acute{o}\sigma$ «вразумление, наставление», $\theta\zeta\acute{o}\lambda\epsilon\zeta\epsilon$ «благоразумие, рассудительность», $\theta\zeta\nu\lambda\eta\ \kappa\acute{\alpha}\delta\alpha$ ($\theta\zeta\nu\lambda\eta\ \acute{o}\tau\eta\epsilon\tau\alpha$) «благоразумие, рассудительность», $\theta\zeta\nu\lambda\eta\ \tau\eta\sigma$ «зуб мудрости», $\theta\zeta\nu\lambda\eta\delta\alpha$ «забота, беспокойство», $\theta\zeta\acute{o}\lambda\eta\tau\eta\epsilon$ «забота, беспокойство», $\theta\zeta\nu\lambda\eta\tau\eta\ \tau\eta$ «заботливость», $\theta\zeta\acute{o}\lambda\eta\tau\eta\ \kappa\alpha$ «уход, присмотр», $\theta\zeta\nu\lambda\eta\tau\eta\ \tau\eta\zeta\eta\tau\lambda$ «подготовительная школа», $\theta\zeta\nu\lambda\eta\tau\eta\ \tau\eta\sigma$ «попечитель»; глаголы (5): $\theta\zeta\epsilon\lambda\mu\iota\delta\sigma$ «выводить из себя, выходить из себя, безумствовать», $\theta\zeta\epsilon\lambda\eta\theta\acute{\omega}$ «быть вне себя, неистовствовать», $\theta\zeta\nu\lambda\epsilon\kappa\alpha\eta\acute{\iota}\delta\sigma$ «наставлять на ум, вселять уверенность», $\theta\zeta\nu\lambda\eta\ \kappa\epsilon\acute{\upsilon}\sigma$ «становиться разумным», $\theta\zeta\nu\lambda\eta\theta\sigma$ «заботиться, беспокоиться», не считая префиксальных форм.

2. Древнегреческая лексема $\zeta\tau\kappa\acute{o}\sigma$, этимологически связанная с «дымом» и «дыханием», употребляется, во-первых, как «жизненное начало, душа, дух» в основном в эпических поэмах, например, $\zeta\tau\kappa\acute{o}\lambda\ \acute{\alpha}\pi\nu\pi\lambda\epsilon\acute{\iota}\sigma\lambda$ «испуская дух» (Гомер), $\zeta\tau\kappa\acute{o}\lambda\ \acute{\alpha}\gamma\epsilon\acute{\iota}\zeta\epsilon\eta\lambda$ «собираться с сила-

ми или вновь приходиться в себя» (Гомер). Во-вторых, она обозначает «волю, желание, стремление», например, ζκρόο έζή κη «мне хочется или нравится» (Геродот), ζκρόο θεи ευει «есть желание» (Гомер). В-третьих, можно отметить значение «потребность, голод, жажда», например, у Гомера – πε ζάκελνο ζκρόλ έδεήрно θαί πηήηно «утолив голод и жажду пищей и питьем». В-четвертых, зафиксировано значение «душа, сознание» – ι όγυλο ζκώ βαι ειλ «запечатлеть слова в памяти» (Эсхил). В-пятых, в основном, в эпосе данная лексема обозначает «душу, чувства, мысли, настроение», например, у Гомера – ραίξηηλ ζκώ «внутренне радоваться», ἄрно ιθάλεη ζκρόл «печаль наполняет душу». В-шестых, она имеет значение «смелость, отвага, мужество», например, ζκρόл ι ακβάηηλ «воспрянуть духом, собраться с мужеством» (Гомер) или ζκρόл ἔρεη ἄγαζόл «быть бодрым» (Геродот). Наконец, она обозначает «гнев, злоба», например, ηόл ζκρόл έπαλάηηηл «возбуждать гнев» (Геродот), ζκρόл θαηαζέζζαη «унять гнев» (Аристофан), и «страсть», например у Аристотеля – ζκρόο θαί έπζκία «страсть и вожделение».

Среди производных в древнегреческом языке можно назвать, в основном, аффективно окрашенные: существительные – ηό ζκίδηηл «гневливость, ворчливость», ηό ζκηρόл «пылкость, страстность», ηό ζκνεηѳо «страсть, смелость, отвага», ό ζκρόκαληη «прозорливый умом», ηό ζκνύκελνл «гнев, раздражение», ηό ζύκ ска «гнев, злоба», ηό ζκρόζ νθνл «разумность, понятливость», прилагательные – ζκνι έαηηа «отважная как львица» и ζκνι έσ л «храбрый как лев», ζκώδεо «смелый, отважный, вспыльчивый», ζκνξαѳηо «уничтожающий жизнь», ζκνπте ζηо «исполненный гнева» (Эсхил), ζκνβόξво «терзающий душу», ζκνδάθεо «уязвляющий чувства, жестокий», ζκνεηѳо «смелый, страстный, горячий», ζκνβαξηо «с тяжелым сердцем», ζκηρόо «отважный, пылкий, горячий», ζκνθζόξво «губительный, коварный», ζκνζνθηόо «рассудительный, разумный» (Аристофан), ζκρόζνθνо «разумный» (Аристофан, Плутарх), глаголы – ζκνβνξέс «терзать сердце, мучить», ζκνкарѳо «ожесточенно бороться, сердиться», ζκόνκαη «сердиться, раздражаться», ζκνθζνξέс «страдать душой, терзаться», наречие – ζκηώо «пылко, страстно, гневно», не считая префиксальных форм.

В новогреческом языке значение лексемы ζκρόо изменяется в сторону аффектов. Она обозначает «гнев, ярость, злобное настроение», например, ηόл έηηαε ό ζκρόо «его охватил гнев, он рассердился».

Что касается производных, не считая префиксальных форм, то можно отметить лексемы с ментальным значением – ἡ ζύκεζε «память, воспоминание», ἡ ζυκετηρό «память», ζυκετηρόο «обладающий хорошей памятью», ζυκίδος (ζυκῶ) «напоминать», ζυκῆκαη «помнить, вспоминать», а также с аффективным оттенком – ἡ ζυκνζυθία «хладнокровие, флегматизм», ἡ ζυκηρό «аффективный фон», ἡ ζυκσκα «вспышка гнева, ярости, нервозность», ζυκηρόο «аффективный», ζυκόςυθυο «хладнокровный, флегматичный», ζυκώδεο «вспыльчивый, раздражающийся», ζυκσκέλυο «сердитый, рассерженный» и ζυκώλσ «сердить, раздражать; сердиться, раздражаться».

3. Лексема ἡ θηξ (θέαξ), употреблявшаяся в архаический и отчасти классический период древнегреческого языка, имеет значение «сердце», например, ἐλὶ ζυήζεζυη θυ υλ θηξ ηείζεη «в груди щемит сердце» (Гомер), ἡ θέαξ εὐθξάλζεη «я возрадовался сердцем» (Аристофан) и «чувства, душа, нрав» – ἐπύλακκα θυ υл θηξ «поборов свои чувства» (Гомер) и θέаξ ἀπαξάκпзул «непреклонный нрав» (Эсхил). Производных почти нет, кроме глагола θεξάйлс «тревожиться, беспокоиться» (Еврипид). В новогреческом языке она исчезает.

4. Древнегреческое слово ἡ θαξδία обозначает как «сердце» – например, ἔμσ ζυήζеуο ἐζζώζυη «сердце так и рвется из груди» (Гомер), так и средоточие чувств – «сердце, душу», например, υὶ θαζαξυὶ ηῖ θαξδία «чистые сердцем (душой)» (Новый Завет), υὶδάλεηηη θαξδία ρυ ῶ «сердце наполняется гневом» (Гомер), «чувства, настроение» – например, ἡ λένλ ηίла υῖηη θαξδίαλ ἔρεη; «каково будет настроение, по-твоему, у юноши?» (Платон), «желание, намерение» – например, кóυ ηη θαξδίαο ἐμύζηκαкаη «я неохотно отказываюсь от своего намерения» (Софокл) и др. Кроме того, оно также имеет значение, не связанные с душевной деятельностью – «внутренность, середина, сердцевина» и т.п. Производные в основном немногочисленны и связаны как со значением «сердце как орган», например, θαξδηθύο αμ «нагрудный панцирь» (Полибий), θαξδηγкóο «боль в желудке» (Плутарх), θαξδηζζс «страдать желудочными болями» (Аристотель), θαξδηγтυ θέс «извлекать сердце» (Лукиан), πεξηθάξδηγс «околосердечный», так и «душа» – θαξδηγγλóζηс «гложущий сердце, удручающий» (Эсхил), θαξδηρдеηгс «гложущий сердце», ὑпυθάξδηγс «таящийся в сердце».

В новогреческом языке ἡ θαξдηῖ также сохраняет значение «сердце» и «душа». Что касается душевной деятельности, существует нема-

ло фразеологических оборотов, например: $\delta\upsilon\lambda\iota\epsilon\upsilon\varsigma\ \kappa\acute{\epsilon}\ \delta\iota\epsilon\ \kappa\upsilon\lambda\ \eta\eta\lambda\ \theta\alpha\zeta\delta\eta\acute{\iota}$ «вкладывать всю душу в дело», $\acute{\alpha}\lambda\upsilon\gamma\iota\varsigma\ \eta\eta\lambda\ \theta\alpha\zeta\delta\eta\acute{\iota}\ \kappa\upsilon\lambda$ «открыть свое сердце, излить свою душу», $\kappa\upsilon\tilde{\upsilon}\ \zeta\theta\acute{\iota}\gamma\gamma\epsilon\pi\eta\eta\eta\ \theta\alpha\zeta\delta\eta\acute{\iota}$ «у меня щемит сердце» и т.п. Кроме того, иногда эта лексема обозначает «смелость, отвагу», например, $\eta\acute{\rho}\ \iota\acute{\epsilon}\epsilon\eta\eta\ \theta\alpha\zeta\delta\eta\acute{\iota}\ \eta\pi\lambda$ «он смелый», $\acute{\epsilon}\rho\varsigma\ \theta\alpha\zeta\delta\eta\acute{\iota}$ «быть смелым, отважным», $\theta\acute{\alpha}\lambda\varsigma\ \theta\alpha\zeta\delta\eta\acute{\iota}$ «осмеливаться, набираться смелости», помимо сохранившихся значений «середина, центр» и «сердцевина».

Относительно производных в новогреческом языке (около 25, не считая префиксальных форм) следует отметить, что они в основном связаны с «сердцем как органом», например, $\theta\alpha\zeta\delta\eta\mu\theta\acute{o}\varsigma$ «сердечный», $\theta\alpha\zeta\delta\eta\mu\gamma\eta\acute{o}$ «сердечный (о больном)», $\theta\alpha\zeta\delta\eta\mu\lambda\alpha\zeta\eta\varsigma\upsilon\theta\eta$ «аномальное расположение сердца», $\theta\alpha\zeta\delta\eta\mu\theta\eta\alpha\zeta\iota\alpha$ «расширение сердца», $\theta\alpha\zeta\delta\eta\gamma\gamma\acute{\alpha}\theta\epsilon\ \kappa\alpha$ «кардиограмма», $\theta\alpha\zeta\delta\eta\gamma\gamma\acute{\alpha}\theta\iota\alpha$ «кардиография», $\theta\alpha\zeta\delta\eta\gamma\gamma\acute{\alpha}\theta\eta\theta\acute{o}$ «кардиографический», $\theta\alpha\zeta\delta\eta\gamma\gamma\acute{\alpha}\theta\upsilon\upsilon\ \sigma$ «кардиограф», $\theta\alpha\zeta\delta\eta\mu\pi\lambda\upsilon\lambda\upsilon$ «сердечная боль», $\theta\alpha\zeta\delta\eta\mu\pi\acute{\alpha}\zeta\epsilon\tau\eta$ «порок сердца», $\theta\alpha\zeta\delta\eta\mu\theta\eta\upsilon\lambda\eta$ «биение сердца», $\theta\alpha\zeta\delta\eta\mu\iota\ \nu\gamma\iota\alpha$ «кардиология», $\theta\alpha\zeta\delta\eta\mu\iota\ \nu\gamma\eta\theta\acute{o}$ «кардиологический», $\theta\alpha\zeta\delta\eta\mu\iota\ \nu\gamma\upsilon\upsilon\ \sigma$ «кардиолог», $\theta\alpha\zeta\delta\eta\mu\zeta\acute{\alpha}\gamma\iota\alpha$ «разрыв сердца», $\theta\alpha\zeta\delta\eta\mu\zeta\theta\eta\acute{\iota}\ \zeta\sigma\zeta\epsilon$ «кардиосклероз», $\theta\alpha\zeta\delta\eta\mu\eta\kappa\iota\alpha$ «анатомическое исследование сердца».

Что касается значения «душа», сюда можно отнести $\theta\alpha\zeta\delta\eta\mu\gamma\lambda\acute{o}\zeta\eta\sigma$ «сердцевед», $\theta\alpha\zeta\delta\eta\mu\theta\iota\ \acute{\epsilon}\theta\eta\sigma$ «покоритель сердца, сердцецед», $\theta\alpha\zeta\delta\eta\mu\pi\upsilon\lambda\acute{\omega}$ «испытывать душевную боль», $\theta\alpha\zeta\delta\eta\mu\zeta\theta\alpha\zeta\eta\acute{\iota}$ ($\theta\alpha\zeta\delta\eta\mu\zeta\theta\alpha\zeta\eta\upsilon$) «сильное огорчение, большая неприятность», $\theta\alpha\zeta\delta\eta\mu\delta\upsilon\iota\ \alpha\ \kappa\upsilon\lambda$ «сердечко мое, мой милый, дорогой».

5. Лексема $\mu\acute{\epsilon}\lambda\iota\acute{o}$, редко встречающаяся в древнегреческом языке, означает «грудобрюшную преграду» – $\beta\acute{\alpha}\iota\ \epsilon\ \eta\pi\alpha\zeta\ \acute{\upsilon}\pi\acute{o}\ \mu\acute{\epsilon}\lambda\iota\delta\ \sigma\lambda$ «он поразил его печень под самой грудобрюшной преградой» (Гомер), «сердце, душу» – $\nu\acute{\iota}\ \acute{\alpha}\pi\acute{o}\ \mu\acute{\epsilon}\lambda\iota\delta\ \sigma\lambda\ \eta\acute{\iota}\zeta\ \prime\ \acute{\iota}\kappa\epsilon\zeta\upsilon\ \sigma$ «отошло у него желание от сердца, т.е. пропала охота» (Гомер), $\acute{\alpha}\zeta\epsilon\zeta\ \acute{\omega}\sigma\ \mu\acute{\epsilon}\lambda\iota\delta\epsilon\zeta\zeta\eta$ «пришедшийся по душе» (Гесиод) и «ум, разум» – $\kappa\alpha\lambda\epsilon\acute{\iota}\zeta\alpha\ \mu\acute{\epsilon}\lambda\iota\delta\eta\ \sigma$ «с помраченным умом» (Еврипид).

В новогреческом языке она не употребляется.

6. Слово $\zeta\mu\eta\acute{\iota}$ имеет в древнегреческом языке много значений. Выделяются, во-первых, «дыхание, дух, душа, сознание» – $\eta\delta\lambda\ \acute{\epsilon}\iota\ \mu\epsilon\ \zeta\mu\eta\acute{\iota}$ «душа покинула его» (Гомер); во-вторых, «жизнь» – $\mu\epsilon\zeta\acute{\iota}\ \zeta\mu\eta\acute{\iota}\ \sigma\mu\epsilon\ \kappa\acute{\alpha}\rho\epsilon\zeta\zeta\alpha\eta$ (Гомер) или $\mu\epsilon\zeta\acute{\iota}\ \zeta\mu\eta\acute{\iota}\ \sigma\mu\epsilon\ \delta\eta\mu\eta\ \eta\lambda\alpha\ \theta\eta\lambda\delta\mu\lambda\epsilon\upsilon\epsilon\eta\lambda$ (Фукидид) «рисковать жизнью за кого-либо»; «душевные свойства, характер, нрав» –

σπρ ἡλ νύθ ἄθξνο малодушный (Геродот); «настроение, чувства» – ηηλ νῖεζζ' αὐηήλ σπρ ἡλ ἔμηηλδῶηλ (Демосфен) «что она, полагаете вы, почувствует, когда»; «существо, личность, человек» – πᾶζα σπρ ἡ (Новый Завет) «всякий человек», ζ πρῆλ δῖδῶλαη ἡδὸνλῖ (Эсхил) «предаться наслаждению» и некоторые другие.

Можно отметить следующие производные, не считая префиксальных форм, в основном связанные со значением «душа» (около 20): σπρα γσ γέσ «вести или вызывать души усопших; обольщать», σπρα γσ γία «духовное руководство, удовольствие», σπρ αγσ γηθόο «увлекательный», прилагательное σπρα γσ γόο «вызывающий души усопших» и существительное σπρ αγσ γόο «психагог, чародей», σπρ αι γήο «причиняющий душевные страдания», σπρ απάηεο «обманывающий душу», σπρά ξηλ «душонка», ζ πρεκπνξηθῆ «торговля духовными благами», σπρηθόο «душевный, духовный», σπρν γνλία «возникновение души», σπρν δαίθηεο «душераздирающий», ζ πρνκαληεῖνλ и ζ πρνπνκτεῖνλ «место вызывания и вопрошения душ усопших», σπρν τι αλῆο «заставляющий души блуждать, т.е. приводящий в исступление», σπρ νπνκλόο «ведущий души», ζ πρνζ ηαζία «взвешивание душ», σπρν ηαθηόο «изводящий душу». Реже встречаются слова, образованные от ζ πρῆ со значением «жизнь» (8) – σπρν ζζόνο «сохраняющий жизнь», ζ πρνκαρέс «сражаться насмерть», σπρν каρία «борьба насмерть, отчаянный бой», σπρν ζξαγέс «быть при последнем издыхании, быть умирающим», σπρν ζξαγῆο «находящийся при последнем издыхании», σπρῆ τῶο «одушевленный, живой», σπρηθόλ «душевное или жизненное начало», σπрдν ηῆξ «податель жизни».

В новогреческом языке у лексемы σπρ ἡ ее основные значения видоизменились следующим образом – во-первых, «душа», во-вторых, «храбрость, мужество», в-третьих, «бодрый дух, энергия», в-четвертых, «человек».

Что касается производных в новогреческом языке, их довольно много – более 100, не считая префиксальных форм, в том числе некоторые сохранились из древнегреческого языка, например σπρα γσ γία «духовное руководство, удовольствие». Однако, в основном, производными являются различные термины, содержащие лексему σπρ ἡ в значении «душа», например, σπρα ζζέλεηα «душевное расстройство; психастения», σπρ ηηξηθῆ «психиатрия», σпρν γέλεηα «психогенез, формирование психики», σпρ νγξαθία «психография», ζ πρνδпγλσζпηθῆ «психотехника», ζ πρνζεξάλεηα «психотерапия», σпρ νθηλσληγία

«психосоциология», *σπρν ι νγία* «психология», *σπρν θξαπία* «анимизм», *σπρν ηερληθή* «психотехника», *σπρν καληρία* «спиритизм», *σπρν θξαπία* «спиритизм», *σπρν θπζ ηι νγία* «психофизиология», *σπρν θπζ ιθη* «психофизика», *σπρν αλάι πζε* «психоанализ», *σπρν κεηξία* «психометрия», *σπρν πάζετη* «психопатия, душевая болезнь», *σπρνλαζνι νγία* «психопатология», *σπρν λευξσζε* «психоз», *σπρν ηεκόο* «психика», *σπρνό ξεκετη* «инстинкт», *σπρν ξεάγεκα* «агония» и многие другие, в том числе прилагательные (например, *σπρνηαξηθηόο* «психиатрический», *σπρν βηηι νγηθόο* «психобиологический», *σπρν νλεπξηθηόο* «психоневрологический» и т.д.) и глаголы, например, *σπρν ξεαγώ* «быть в агонии», *σπρνι νγώ* «заниматься психологией, проводить психологические наблюдения» и т.п.

Отдельно можно выделить религиозные, церковные термины и связанные с ними понятия, например, *σπρν ράξηηη* «помянуть», *σπρν ζάβατηλ* «родительская суббота», *σπρν ζσ ηήξηηο* «душевноспасительный», *σπρνηθό* «милостыня», *σπρνόπηηα* «поминальный пирог», *σπρνηθάξεο* «милосердный, сострадательный», *σπρν πατέξας* «приемный отец», *σπρν θόξε* «приемная дочь» и некоторые другие.

Таким образом, удалось проследить изменения в вербальном выражении понятия «душа» в древнегреческом и новогреческом языках. Отмечается переход к меньшей вариативности его описания, при сохраняющемся синкретизме данного понятия.

Литература

Айдарбекова А.С. Витальные признаки в структурах концепта «душа» и казахского концепта «жан» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62). Т. 3. С. 112-115.

Варданян Л.В. Смысловое наполнение этнолингвокультурного концепта «душа» в английском и русском языках // Казанская наука. 2013. № 3. С. 122-124.

Верецагина А.В. Формирование лексико-семантического поля мыслительной деятельности (на материале глаголов в языке Гомера и Аполлония Родосского): дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

Верецагина А.В. К вопросу об употреблении лексики *ΘΥΜΟΣ* в поэме Аполлония Родосского «Аргонавтика» // Парадигма культурной памяти и константы национальной идентичности: коллективная монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. С. 38-47.

Голованивская М.К. Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые мировоззренческие концепты французов и русских. М.: Языки славянской культуры, 2009.

Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. М.: ГИС, 1958.

Иванова Е.А. Реконструкция пословичного концепта и прототипа душа в русском и английском языках // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXV. С. 634-641.

Кондратьева О.Н. Натурморфная метафора как средство осмысления концепта «душа» в русской лингвокультуре (диахронический аспект) // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2012. № 4. С. 83-93.

Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М.: Атеист, 1930.

Лосев А.Ф. Гомер. М.: Мол. гвардия: Соратник, 1996.

Медведева Д.И. Языковая репрезентация концепта душа в русской и сербской фразеологии // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2016. Т. 26. № 5. С. 77-88.

Морозова И.Н. О понимании культуры как возделывания души в христианстве // Вестник Челябинской гос. академии культуры и искусств. 2014. № 3 (39). С. 46-53.

Нижников С.А. Понятие души в культурных традициях Востока и Запада // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Философия. 2006. № 2 (12). С. 28-38.

Обидина Ю.С. Эволюция представлений о природе души в древнегреческом сознании // Вестник Нижегородского гос. университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 6. С. 328-332.

Онианс Р. На коленях богов: Истоки европейской мысли о душе, теле, разуме, времени, мире и судьбе. М.: Прогресс-Традиция, 1999.

Санлыер Д.Ф. Языковое воплощение концептов, характеризующих духовный мир человека (на материале татарской, турецкой, чувашской и английской лингвокультур) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. 2009. № 3. С. 195-200.

Скобелева В.А. Мифопоэтические константы понимания души в античном мире // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 2. С. 530-533.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Изд-во Академический проект, 2001.

Хабидулина А.З. Концепт «душа» в русской, татарской и китайской литературе (опыт сопоставительного анализа) // Филология и культура. 2012. № 3 (29). С. 150-155.

Хайбулаева М.М. Особенности реализации концепта «душа» в аварской языковой картине мира // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2014. № 3 (28). С. 89-92.

Хориков И.П., Малев М.Г. Новогреческо-русский словарь. М.: Культура и традиции, 1993.

Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира. Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Boisacq E. Dictionnaire étymologique de la langue grecque: Etudiée dans ses rapport avec les autres langue indo-européenes. Paris, 1923.

Buck C.D. A dictionary of selected synonyms in the principal indo-european languages. Chicago: University of Chicago Press, 1949.

Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris, 1999.

Ebeling H. Lexicon Homericum. Leipzig, 1885.

Frisk J. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg: Winter, 1972.

Hoffmann J.B. Etymologisches Wörterbuch des Griechischen. Athen, 1989.

A.V. Vereshchagina (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

THE CONCEPT “SOUL” IN THE ANCIENT GREEK AND MODERN GREEK LINGUISTIC WORLDVIEW

This study is devoted to comparing the ancient Greek and modern Greek linguistic worldviews. The research material is lexemes describing the concept SOUL in the Greek language in a diachronic context. It was possible to trace changes in the verbal expression of this concept. There is a transition to less variability in its description, with the remaining syncretism.

Key words: picture of the world, soul, ancient Greek, modern Greek, diachrony.

К.Г. Красухин (Москва, Россия)

Институт языкознания РАН

krasukh@mail.ru

ДЕНЬГИ И РУССКАЯ КУЛЬТУРА (ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД)

В статье рассматривается происхождение основных наименований денег вообще и конкретных денежных единиц в русском языке. Подчёркнута существенная знаковая роль денег как своеобразной семиотической системы, отношение к деньгам, богатству/ бедности в русской картине мира.

Ключевые слова: язык, культура, картина мира, этимология, деньги.

0. Значение денег для культуры значительно шире, чем для других сфер жизни. Как говорили Адам Смит и Фердинанд де Соссюр, деньги – это своеобразный язык, знаковая система, пронизывающая всю систему рукотворного материального мира и определяющая значимость каждого его составляющего: «В самом деле, для того, чтобы было возможно говорить о ценности, необходимо:

1) наличие какой-либо *непохожей* вещи, которую можно было бы *обменивать* на то, ценность чего подлежит определению;

2) наличие каких-то *сходных* вещей, которые можно было бы сравнивать с тем, о ценности чего идет речь.

Оба этих фактора необходимы для существования ценности. Так, для того, чтобы определить, какова ценность монеты в 5 франков, нужно знать: 1) что ее можно обменять на определенное количество чего-то другого... 2) что ее можно сравнить с подобной ей монетой той же системы... Подобным образом и слову может быть поставлено в соответствие нечто не похожее на него, например, понятие, а с другой стороны, оно может быть сопоставлено... с другими словами» [Соссюр 1977: 148]; о взглядах А. Смита на языкознание см. [Германова 2019].

Знаковая роль денег состоит именно в том, что, во-первых, деньги отрешают предмет от его физических качеств, встраивают его в систему ценностей для человека, во-вторых, уравнивают несравнимое (всеобщий эквивалент). Поэтому денежная система подлежит изучению и с точки зрения семиотики. Деньги вполне могут быть сравнимы с другими знаковыми системами: в них тоже присутствует означаемое – товар, и означающее – цена (порой с различием номинальной и реальной цены). Как знаковая система позволяет сравнивать предметы и де-

лает их доступными для пользователей, так и денежная система позволяет сопоставлять несопоставимые товары и делает их доступными для покупателя. Наконец, избыток не обеспеченных товаром денег приводит к их обесцениванию. Нечто аналогичное случается со словом, не обеспеченным смыслом.

Одну из удачных попыток рассмотрения денег как знаковой системы предпринял Ю.С. Степанов в своём известном словаре «Константы» [Степанов 1997]. Наша же цель – указать на основные семантические мотивировки наименования денег, этимологию их именованных в русском языке и, по возможности, набор связанных с ними культурных концептов.

0.1. Конечно, мы не будем вести речь о деньгах с точки зрения экономики. Впрочем, *à propos* сказать кое-что необходимо. Как известно, К. Маркс, различая, вслед за Д. Рикардо *потребительскую* и *меновую* стоимость товара, объявил последнюю отражением общей категории стоимости. Потребительскую стоимость Маркс отнёс к предмету только товароведения и исключил из рассмотрения. Таким образом, вся теория Маркса – отнюдь не всеохватывающая экономическая модель, а расчёт только издержек производства, калькуляция. Очевидно, однако, что меновая стоимость товара определяется двумя факторами: его необходимостью и его редкостью. Потребитель должен быть готов заплатить за товар сумму, превышающую издержки его производства и продажи – только на этом строится экономика. Следовательно, задача экономиста – изучение факторов, определяющих повышение потребительской стоимости и рекомендация по уменьшению издержек. Меновая стоимость – отнюдь не только отражение стоимости, но прежде всего – потребительской стоимости. А потребительскую стоимость изучает не только товароведение, но и целый комплекс гуманитарных наук, в т.ч. социальная психология.

Но на один закон, имеющий прямое отношение к именованию, следует всё-таки обратить внимание: закон ухудшения качества денег, впервые установленный в 1526 г. Н. Коперником ([Copernicus Nicolaus 1526]; более точную формулировку правила дал английский финансист Томас Грешем (1519–1579), поэтому его иногда именуют законом Коперника–Грешема): лучшие деньги всегда вытесняются худшими. Коперник написал своё сочинение с конкретной целью – изобличить властей предержавших, подмешивавших в драгоценные металлы дешёвые добавки (олово и т.д.) Но попутно ему удалось установить важный закон денежного обращения: менее материально ценные денежные

единицы вытесняют более ценные. Он напрямую следует из знаковой природы денег: ценность даже драгоценных металлов и камней условна, зависит прежде всего от их редкости. К примеру, в раннем Древнем Египте украшения из железа ценились больше золотых. В начале XX в. популярны были украшения из новооткрытого алюминия; при появлении дешёвых способов добычи этот лёгкий, подверженный окислению и весьма распространённый в земной коре металл потерял свою цену. С законом убывания стоимости денег связано правило в языке: название крупных денежных единиц превращается в название мелких единиц. Лат. *solidus* „массивный; прочный; казна“ стало именем золотой монета *solid* (4,55 г.; впервые начал чеканиться франкскими королями в V в.). В романских языках это имя превратилось в итал. *soldo* (мелкая монета), франц. *sou*. Лат. *denarius grossus* „большой, тяжёлый денарий“ перешёл в нем. *Grosch*, заимствованное в польск. *grosz*.

1. Какие же известны мотивации именования денег?

1.1. Очевидно, самая древняя из них – это именование товара, ценность которого не символична: «мех» (др.-русск. *куна*), «хлеб» (др.-инд. *dhānā* „хлеб“ → „деньги“), «скот» (лат. *pecu* → *pecunia*, гот. *faihu*, *skatts* „деньги“; др.-фризск. *sket* „деньги; скот“). Общеславянское **skotъ* тоже имеет разные значения; ср. др.-русск. *скотьница* „сокровищница“. Не вполне ясны отношения этого этимона с германским: родство или заимствование? Если заимствование, то в какую сторону? Наше мнение см. ниже. В качестве такого эквивалента-номинатора может выступать и металл: лат. *aes* „медь, бронза“ → „деньги“. Медь/бронза до перехода человечества к железному веку представляла собой основной рабочий металл, вследствие чего ценилась достаточно высоко. Её стоимость определялась и её полезностью, и определённой сложностью выплавки. Затем настал черёд металлов, имеющих символическое значение: «серебро» – франц. *argent* „серебро; деньги“; греч. *ἄργυρος* „то же“. Очевидно, появление такого эквивалента окончательно превращает деньги в условную систему. Серебро, довольно мягкий и непрочный металл, конечно, ценно своим красивым цветом, но главным образом – редкостью. То же относится и к золоту, – до сих пор главному эквиваленту цены.

1.2. Название денег как системы иногда происходит от именования мельчайшей денежной единицы в этой системе: польск. *grosz* → *groszy* „деньги“; русск. *деньга* (1/2 гроша) → *деньги*; греч. *ι ελληό* „лёгкий“, *ι ελλη* „мелкая монета“ → н.-греч. *λεφθά* „деньги“.

1.3. Иногда мотивирующим оказывается понятие «Ценность, владение, установление»: греч. ρῥῆκα, дословно «имущество», λόκικα «установление» (в ед.ч. чаще «монета»).

2. Рассмотрим наименование основных русских денежных единиц и денег вообще.

2.1. *Гривна* (производное от *грива*) – ожерелье, затем мера веса, в т.ч. и драгоценных металлов (около 25 г.). Связано с тем, что славяне придавали особое значение шейным украшениям. Поэтому гривна довольно скоро стала самой крупной денежной единицей: при покупке товаров, меньших по цене, гривна рубилась на части.

2.2. *Куна* – вещественная, связанная с конкретным товаром единица; в древнерусских памятниках она обозначала не деньги вообще, а конкретную денежную единицу. В.Л. Янин [1956] и И.Г. Спасский [1969] считают, что появление куны было связано с проникновением на Русь новых денежных единиц: арабского дирхема и европейского денария, которые и были отождествлены с куной. Материальным выражением новых денежных единиц были известные с X в. *златники* и *сребники* (их начали чеканить при Владимире Красно Солнышко). Имя впервые упоминается в «Повести временных лет»: *Начашиа скоть собирати ѿ мужа по .дѣ. куны а ѿ старость по іѣ грѣи* (ПВР 6526 г.) «от мужа по 5 кун, а от старост по 10 гривен». Эти монеты были соотнесены с бытовавшей в качестве и украшения, и товарного эквивалента *гривной*. В X–XI вв. 1 куна = 1/25 гривны = 2 г. серебра. Таким образом, название шкурки в итоге развития денежного обмена превратилось в имя и денежной, и весовой единицы. Использовались также термины *гривна кун*, *старая (ветхая) куна*. Ср.: *ѿ Смолѣнскаго по двѣ гривныи конѣ ѿ берковѣска воцаного* (Грамота кн. Всеволода, 1136); *Молитвенникъ же купилъ въ протопопиное и да на немъ 8 гривенъ конѣ* (Ип. лет. 6796 г.); *а ѿже мѡржа сваджють безъ вини, то віѣ гривенъ за соромъ старыхъ конѣ* (Мир. грам. Новг. 1199) – И.И. Срезневский отмечает, что 4 гривны кун равнялись одной гривне серебра; *ѡже пошибаіеть мѡржескѡу женѡу или дчерь, то князю мѣ гривенъ ветхыми конями, а женѣ или мѡржеской дчери мѣ гривенъ ветхыми конями* (Там же). В других случаях появляются и *новые куны*: *того дѣля ѡставилъ іесъмь святой Софѣи ать іемлетъ пискѡтъ за десятиноу ѡтъ виръ и продажъ рѣ гривенъ новыхъ конѣ* (Уст. грам. Свят. 137). Упоминаются в грамотах также *куны смоленские и тверские*.

2.3. Впоследствии вместо *куна* наименованием денег стало *пенязь*. Пришедшее из германских языков *пенязь* (русс., ц.-слав. *пѣнязь*, *пѣнзъ* „δελάξιπλ“, также „деньги“, укр. *пінязь* „полушка“, болг. *пenez*, чеш. *peníz* „деньга, монета“, с-хорв. *пѣнези* „деньги“). Заимствование из др.-сакс *penning* < др.-фриз. *penning*, ранее *panding* < лат. *pondo* „весом (в фунт)“ (с общегерманским суффиксом индивидуализации *-ing-*). Так именовался франкский динарий (чеканился с 650 г.) Заимствование отражает германский умлаут, следовательно, произошло около VIII в. В большинстве славянских языков означает «деньги»; подобно литовскому *pinigai*, очевидно, было заимствовано в форме мн.ч. (*-gi > -зь) и заменило слишком конкретное *куна*.

Этапы, пройденные этим именем, сходны с *куной*. В церковнославянских Евангелиях выступает как перевод греч. δελάξιπλ: *иже бѣ дльжънь иемоу сътъмъ пѣнзъ* (ἔθαπλ δελάξιπλ; Четвероевангелие 1144 г., Мф 28:28; ц.-слав. имя собирательно). Затем оно становится обозначением мелкой монеты, ἄζζ ἄξπλ, ὄβνι νο: *не пать ли пѣтиць ѿ ѣнитъса пѣнзема дѣвѣма* (ἄζζ ἄξισλ δύν Остр. Ев., Лк 12: 6); *праведномѹ все лѣпо е ѿ богѣство, невѣрномѹ же не достоитъ и пѣндъ* (νύδὲ ὄβνι νλ; Притч 17: 6).

Имя *пѣнзъ* как церковнославянское в русских документах противопоставлялось иногда исконному *куна* как наименование иностранных денег: *За гривномѹ серебра по дѣ гривны коунами или пѣнзѹ* (Смолен. грам. 1229); в других контекстах оно обозначало денежную единицу без указания на номинал и происхождение, а также «деньги» как максимально обобщенное понятие: *Тържъникомъ расыпа пензѹ* (Остр., Ин 2: 15); *Да не осудимъся... пѣнзѹ ради* (Триод. цвет. XII в.)

2.4. Для наименования русских и церковнославянских монет имеются следующие имена: *стѣлязь/стелзъ* (*Да дасть двѣ ѿ(и) за срамъ литру злѣа сирѣчь о ѿ двѣ стелзѹ* Ряз. корм. 1284 лист 186; *Блудли чюжю рабу да продасть лѣ стѣлязь* – Там же; далее *стѣлязь* отождествляется со златником), *цьлязь*: *Вѣдаша ѿльговѹ по цьлягу, іако же Козаромъ даху; ѿни же рѣша: Козаромъ по цьлягу и ѿ рала даемъ* (ПВР, 885 и 964 г.), *скѣлязь* (уже в Мариинском и Зографском Евангелиях): *Покажете ми скѣлязь киньсны* („монета, которой платится подать“); *они же принесоша иемоу пензѹ* (κήνσον, Мф 22: 19). Это заимствование из др.-сакс *skilling* (в других германских языках аналогично) < *skild* „дтит“.

Колебания инлаута (ь/ѣ) указывают на различные формы германского прототипа: *skiling-/ *skulling; последнее просматривается в др.-сканд. *skjoldr*. Возможно, оно развилось из прагерманского *skeldus (гот. *skildus*) путём так называемого велярного преломления. В любом случае, интересно сохранение в славянском заимствовании формы, почти не зафиксированной в германском. Более новое *шеляг* (*Всякѣи сусѣди и тежѣ Жидѣ, 30 шеляговѣ мает заплатити*; Жалованная грамота 1388 г.), затем *шелег* (сохранилось по преимуществу в украинско-белорусском ареале) заимствовано из польск. *szeląg* (что объясняет наличие -e-), которое в свою очередь происходит из ср.-в.-нем. *scilling* (нов.-в.-нем. *Schilling*).

2.5. Имя *скот*, как отмечалось, также употребляется в общем значении „деньги“: *а ѡже кто скота възмѣет...* (Рус. правда Ярослава); *Начаша скотѣ собирати ѡ мужа по дѣ куны и ѡ старость по иѣ грѣи* (ПВР 6526 г.); *Дарши скотомъ избавити хоцетѣ родѣ свои* (δῖπῃ ἡδὴλ ρῥεκαίρηλ, Роман об Александре, 2, 17). Теперь попытаемся ответить на вопрос о соотношении этого имени с германскими именами: нем. *Schatz* „сокровище“, гот. *skatts* „деньги“, др.-англ. *sceatt* „деньги, владение, богатство, сокровище“. Как видим, значение «скот» в германском отсутствует. Только в древнефризском *sket* означает, помимо „деньги“, ещё и „скот“. Такое преобладание более абстрактного и явно производного значения в германском, как представляется, свидетельствует о том, что прагерм. *skatta- было заимствованием из праславянского *skoto-. Иными словами, славяне получили от германцев *peneng-, передали им *skoto-. Согласно А.Ф. Журавлёву [1983], *скотѣ* связано с глаголом *kotiti (*se*) „размножаться“, что лишний раз доказывает вторичность значения „деньги, сокровище“. Это говорит о характере торгового обмена между обоими народами: германцы покупали у славян домашний скот и продавали им металл. Но важно подчеркнуть, что в домонгольской Руси денежная система не устоялась, что показывает отсутствие общего имени для *денег*.

3. С XIII в. денежная система Руси попадает под влияние Золотой Орды. Тюркизм *деньги* становится общим именем, вместе с ним появляются *алтын*, *пуло*; возможно тюркское происхождение имён *рубль* и *копейка*.

Деньга как денежная единица фиксируется с XIV в.: *А мыта съ воза по дензе* (Дог. грам. 1361–1362). С XV в. появляется собирательное *деньги* в современном значении: *И раздаѣ денгы мнѡгы* (Мак. 1:

146 Библия 1499 г.) К этому времени Русь официально избавилась от татаро-монгольского ига; денежная же система сохранилась.

В Нижегородском и Суздальском княжестве с 60-х гг. XIV в., а в Тверском – с XV чеканилась мелкая монета (по номиналу меньше деньги) – *пул* (*пѣль*) или *пуло*. Это имя через турецкое *pul* восходит к ср.-греч. $\theta\acute{o}\lambda\iota\tau\rho$, дословно „лист, листок“ (в свою очередь, заимствованное из лат. *folium*). Так в Византии называли мелкие монеты, представляющие собой очень тонкие серебряные пластинки. Они были в ходу в Османской империи, дошли и до Руси, попутно ещё обесценившись.

Имя *рубль* обозначало сначала „обрубок“: *И повеле ІАнь вложити рубль въ уста има и привязати іа къ отругу* (ПВЛ 6579 г.). Первое упоминание о рубле как денежной единице датируется 1147 г.: *Купиль есмь замлю Пречистыя в домъ... а даль есмь сто рублевъ* (Грам. игумена Ант. 1147 г.). Но основной денежной единицей он сделался, начиная с XIII в. Этимология этого имени вызывает споры. Традиционно его производят от *рубить* (гривну); не приходится сомневаться в том, что *рубль* „обрубок“ имеет именно такое происхождение. Но со времён О.И. Сенковского существует сравнение этого имени с перс. *rupīe*, араб. *rub'ijje*, происходящими из др.-инд. *rūpumat* „обработанное (обрубленное) серебро; рупия“. Мнение Сенковского поддерживает Б.В. Казанский; М. Фасмер считает это отождествление ошибочным. Хронология появления этого имени как названия денежной единицы свидетельствует о возможной контаминации исконно русского *рубль* и вышеупомянутых восточных наименований, тем более что их древнеиндийский прототип означал примерно то же, что и русское *рубль*. И в ордынское время в связи с преобразованием финансовой системы именно название новой единицы стало преобладающим. В период, совпадающий с окончанием ига, появляется такая денежная единица, как *алтын* (3 копейки = 6 денег; с 1375 г.; происходит из тюрк. *altyn* „золото“), упоминавшийся *грош* (с 1351 в западнорусских грамотах, с конца XIV в. – в новгородских). В XVII в. вошло наименование единицы, меньшей, чем рубль – *гривенник*.

В XVII в. появилась и своеобразная серебряная монета, именуемая *эфимком*. Она представляла собой слегка видоизменённый австрийский серебряный талер; её необходимость была вызвана дефицитом серебра. Имя происходит из нем. *Joachimstaler* „(монета) из долины Иоахима (*Joachimstal*)“; в настоящее время город Яхимов в Чехии.

В русский язык вошла первая часть этого названия, в немецком сохранилась вторая (*Taler*). Она была заимствована в датский язык (*daller*), из него – в английский (*dollar*), впервые упомянута в «Макбете». Русские же ефимки были введены в денежную систему с помощью так называемого признака: штампа с изображением Георгия Победоносца на аверсе талера, поверх австрийского орла. Для нумизматики и истории взаимоотношения России с Западом они представляют большой интерес, для русских финансов и русской культуры – значительно меньший. Как видно из вышеизложенного, денежная система, которая началась складываться к началу татаро-монгольского ига и во время его окончательно сформировалась, с небольшими изменениями дожила до наших дней. Менялся внешний вид денежных знаков, появлялись новые, для обозначения которых появлялись и новые имена, в основном неофициальные, разговорные. Так, 25-рублёвая купюра стала именоваться *беленькой*, 50-рублёвая – *серенькой*, 100-рублёвая – *радужной* или *катенькой* (по портрету Екатерины II). Надо сказать, что такая мотивация названия конкретных денежных единиц довольно распространена. Монеты с портретом одного из Людовиков во Франции вполне официально именовались *луидорами*, соответственно с профилем Наполеона – *наполеондорами*. После победы над Карфагеном римляне стали чеканить деньги с портретом богини Юоны-Монеты („советчицы“), которая и дала имя металлическим деньгам.

Итак, в русском языке названия основных денежных единиц и соотношение их номиналов сохранились.

***

Тем самым, мы проследили основные этапы становления денежной системы Древней и Ордынской Руси. Сейчас целесообразно сказать несколько слов и об отношении к деньгам в русском народном сознании. Пословицы рисуют богатство не с самой положительной точки зрения: *С работы не будешь богат, а будешь горбат; От трудов праведных не наживёшь палат каменных*. Бедность же характеризуется так: *Беден, да честен*; см. подробнее о пословицах на тему богатства и бедности в [Бредис 2016], а также статью В. Высочаньского в данном сборнике. Некоторые исследователи связывают это с православным мировоззрением. Известна работа М. Вебера [Вебер 1990]. Автор полагает, что именно установки, выработанные в кальвинистском варианте протестантизма, способствовали позитивному отноше-

нию к богатству и оказали влияние на становление капитализма: богатство из постыдного превратилось в почётное и желанное, необходимость трудиться стала восприниматься как долг перед Господом. И некоторые социологи, историки, культурологи полагают, что богатство совершенно противоречит русскому национальному характеру, поддержанному православием с его установкой на аскезу, смирение, бедность. Но, во-первых, в применении к православию это далеко не так. С тех пор, как движение нестяжателей (во главе с Нилом Сорским) было осуждено (при самом деятельном участии Иосифа Волоцкого), православие никак не может рассматриваться как религия бедности. С другой стороны, надо признать, что церковные ценности не пользовались в народе большой популярностью: самый отрицательный персонаж в фольклоре – это поп, которому, среди прочего, приписывалась и особая жадность. Поэтому отрицательное отношение русского народа к богатству надо искать не в православных догматах.

Если обратиться к западноевропейскому и восточному фольклору, то и в нём мы увидим фигуру обаятельного бедняка и отталкивающего глупого богача, которого бедняк с успехом обманывает. Дело в том, что в тоталитарных и авторитарных обществах богатство ассоциировалось с близостью к властям предрержащим. У народа же к ним всегда было негативное отношение. Только разрыв предпринимателя с властью реабилитирует его в глазах народа. Очевидно, протестантизм сыграл в таком разрыве определённую роль. Он отринул посредника между богом и человеком, уничтожил церковную иерархию, возложив ответственность за отношение с Богом на конкретного человека. Поэтому именно в протестантских странах возникла идея демократии, осуществлённая как в теории (Дж. Локк), так и на практике.

В России же слишком долго господствовало патриархальное, традиционалистское общество, в котором жизненный успех был меньше связан с личной инициативой работника, больше – с его встроенностью в систему власти. Осознавал народ эту связь и выражал её в пословице *С сильным не борись, с богатым не судись*. Не отрицая необходимость упорного труда (*Без труда не вытащишь и рыбку из пруда; Терпение и труд всё перетрут; Попробуй раз со ста – всё выйдет просто*), русский человек с горечью осознавал, что одним трудом богатства не добьёшься, и выразил своё отношение к богатству с помощью вышеприведённых пословиц. Таким образом, применение лингвокультурологического подхода [Телия 1996; Ковшова 2012] к изуче-

нию пословиц позволяет выявить некоторые важные черты народного мировоззрения.

Говоря о материальных и нематериальных потребностях человека, можно вспомнить так называемую «пирамиду Маслоу» [Maslow 1954], согласно которой потребность в питании, воплощающаяся в стремлении к богатству, относится к основным, базовым для человека (в его пирамиде она занимает самый нижний ярус). Теория Абрахама Маслоу часто критиковалась (см. [Холлидодд, Уидден 2008]), но значимость материальных потребностей никем не оспаривалась. Интересную интерпретацию дал человеческим потребностям Н.М. Амосов (обобщающий труд – [Амосов 2002]): для оценки потребностей используются критерии значимости по минимуму (положительные эмоции от удовлетворения), значимость по минимуму (отрицательные эмоции от неудовлетворения), вариативность (различная степень эмоций в первом и втором случае). Оказалось, что потребность в насыщении наиболее велика по максимуму и минимуму, наименее вариативна. Действительно, материальная потребность наиболее сильна у человека. Деспотически-патриархальный режим отрицательно относится к инициативе человека, ибо она делает его независимым. Подданный такого режима не должен слишком богатеть: если он не будет заботиться о хлебе насущном, он может озаботиться своими гражданскими правами. Поэтому идеология тоталитарных режимов старалась превратить зарабатывание денег, удовлетворение материальных потребностей в нечто постыдное. Таким образом, подлинная демократия – это и апология материальной потребности.

Литература

Амосов Н.М. Энциклопедия Амосова. М.: АСТ, 2002.

Бредис М.А. Отражение ценности «богатство» в паремиологической картине мира разных лингвокультур (на материале русского, латышского, литовского, немецкого и английского языков) // отв. ред. М.Л. Ковшова. Лингвокультурологические исследования. Язык лингвокультурологии: теория vs. эмпирия. М: ЛЕНАНД, 2016. С. 314-318.

Вебер М. Протестантские секты и дух капитализма. М.: Прогресс, 1990.

Германова Н.Н. Трактат «Соображения о происхождении и формации языков» Адама Смита: Были ли предшественники у братьев

Шлегелей? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2019. Вып. 4. С. 192-205.

Журавлёв А.Ф. К этимологии слав. *skotь // Этимология 1981. М.: Наука, 1983. С. 38-44.

Казанский Б.В. Приключения слов. М.: Молодая гвардия, 1931.

Ковшиова М.Л. Лигвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

Спасский И.Г. Русская монетная система. Л.: Аврора, 1969.

Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики // *Соссюр Ф. де* Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь концептов русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997.

Телия В.Н. Русская фразеология. М.: Языки русской культуры, 1996.

Холлидад С., Уидден С. Мотивация: Практическое пособие для менеджера. М.: Нипро, 2008.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1968-1974.

Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольская Русь. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956.

Copernicus Nicolaus. *Monetae cudendo ratio.* Varsoviae, 1526.

Maslow A. *Motivation and personality.* N.Y.: Harper & Row, 1954.

K.G. Krasukhin (*Moscow, Russia*)

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

MONEY AND THE RUSSIAN CULTURE (A HISTORICAL AND ETYMOLOGICAL STUDY)

The paper deals with the origins of general names of money and of particular names of some monetary units; all the motivations are considered. The attention is paid to the significant role of money as an important semiotic system and to the attitude to money and wealth/ poverty in the Russian worldview.

Key words: language, culture, worldview, etymology, money.

Л.А. Манерко (Москва, Россия)

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
wordfnew@mail.ru

Е.А. Чулкова (Москва, Россия)

Московский педагогический государственный университет
ea.chulkova@mpgu.edu

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ АСТРОНОМИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЯХ В ДРЕВНЕГЕРМАНСКОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗА ЗМЕЯ)

Данное исследование посвящено мифологическим представлениям, которые показываются посредством процесса метафоризации на основе образа змея или дракона, представляющих собой один объект номинации, таких астрономических явлений, как полярные сияния и прохождения комет в древнегерманской картине мира. Материал статьи опирается на тексты древнеанглийского и древнеисландского языков.

Ключевые слова: картина мира, метафора, астрономические явления, полярные сияния, кометы, древнегерманские языки.

Во многих картинах мира многие астрономические явления, в частности кометы, полные солнечные и лунные затмения, полярные сияния вызывали у человека чувство первобытного страха перед неизвестным им феноменом, нарушавшим естественное течение событий и космический порядок. В миропонимании древнего человека земные события и явления природы были связаны воедино, а небесные явления трактовались как предзнаменования земных событий.

Данные астрономические явления не представляют обыденный элемент окружающей действительности, а имеют статус феномена, т.е. необычного явления. Таким примером может послужить прохождение большой кометы, наблюдение которой возможно невооруженным глазом. В среднем данное явление можно наблюдать раз в десять лет, однако на этот процесс влияет множество факторов: от погодных условий до местоположения наблюдателя – которые могут препятствовать или наоборот способствовать наблюдению. Большинство наименований данных астрономических явлений в языках (английском и исландском) отсутствовало в исследуемый период в VIII-XI вв.

Сущность языка, как в ту далекую эпоху, так и сейчас, напрямую связана со знаками, которые способны передавать своей семантикой

в конкретном отрывке текста не только сложные взаимоотношения между самим знаком и его референтом, а также особенности человеческого восприятия и понимания действительности в целой совокупности представлений, воплощенных в символической вселенной языка. Этот аспект тем более важен, что каждый отдельный элемент, обладающий «знаковой специфичностью» в совокупности с другими единицами языка, воплощает культурные смыслы, мировоззренческие и эмоционально-ценностные предпосылки в познавательной деятельности людей. Их представления становятся «культурно-окрашенной картиной мира», которая в дальнейшем также воздействует на человеческое самосознание [Телия 1996: 8, 272]. Подобные представления «едва ли могут пониматься как универсальная данность, “кодируемая” единицами языка» [Смирницкая 1998: 74], тем более способность говорить и понимать услышанное изначально отражает свойство «быть вплетенным во все виды человеческой деятельности» [Журбакова 2012: 63].

Человек осмысляет окружающие явления постоянно, в процессе подобного «конструирования мира» и рождения смысла в своем сознании посредством номинации и коммуникации индивид выражает свое понимание явлений действительности. Подобное особенно происходит, когда человек хочет воплотить что-то неведомое и наблюдаемое впервые, связываемое иногда с мифологическими представлениями на основе тех единиц, которые ближе всего в его сознании. Он пытается сочетать свой конкретный опыт, передавая его путем метафоры. По мнению В.Н. Телия, в метафоре запечатлеваются «...сходства некоторых признаков реалии, уже названной в языке, и называемой реалии синтезируется новый идеальный объект – метафорически пересмысленное значение имени..., создание некоторого нового понятия в самом процессе его метафорического именованья» [Телия 1988: 175]. На основе ассоциативных связей с основным объектом метафоризации и эмоционально-ценностных компонентов формируются новые смыслы, позволяющие хоть и временно восполнить языковые лакуны. При этом эти смыслы «на поверхностно-синтаксическом уровне согласуются по их “буквальному” значению, а на глубинно-синтаксическом – по смыслу, соответствующему номинативному аспекту высказывания» [Там же: 176]. Метафорические обозначения воспроизводятся и актуализуются в текстах, что «свидетельствует об архаической неразделенности “научной” (рациональной) и “художественной” (эмоционально-образной) форм познания» [Смирницкая 1998: 74].

Данная статья посвящена исследованию образа змея, в котором метафорически воплотились такие астрономические явления, как полярное сияние и прохождение кометы по небесной эклипике в древнегерманской картине мира. Материалом для исследования послужили тексты на древнеанглийском и древнеисландском языках, в которых есть упоминания астрономических явлений. На данном этапе развития языка «создается необходимая когнитивная база для дальнейшего осмысления мира или конкретного феномена в рамках формирования первичного знания» [Магировская 2008: 106]. Важным положением в этом исследовании является то, что «интерпретация действительности, акт миропонимания зависит от призмы, через которую осуществляется миропонимание» [Телия 1988: 179].

В работе для представления понимания и отображения человеческих представлений, запечатленных в текстах древнеанглийского и древнеисландского языков, были использованы филологический, сравнительно-исторический и сопоставительный методы, дефиниционный и контекстуальный анализы.

В древнескандинавской астрономии, как можно заметить, нет прямых свидетельств наблюдения комет в письменных памятниках, однако в своем исследовании И. Доннелли утверждает, что примерно 12 тысяч лет назад с Землей столкнулась большая комета, которая породила большую часть известных мифов, включая миф о змее в скандинавской космологии [Donnelly 1883: 144-145]. Теория космического воздействия на историю встречается в работах И. Великовского, написанных в 50-х годах XX столетия; недавние исследования геологов и астрономов также говорят о том, что влияние комет или метеоров могло в значительной степени находить свое отражение в мифологии, в том числе скандинавской [Carlson 1986: 71; Hense 2012]. Сами кометы в эпоху викингов воспринимались как воплощения мирового змея Йормунганда (др.-сканд. *Jörmungand* «огромный монстр»). В фольклоре многих культур, территориально близких к Скандинавии, например Балтики, есть мифологические сюжеты, связывающие метеоры и кометы с летающими змеями [Avilin 2007: 113]. В некоторых средневековых записях приводятся описания комет как огромных змей, изрыгающих яд или огонь на небесах [Delumeau 2009: 111]. Однако наряду с этими двумя астрономическими явлениями полярные сияния также могли изображаться в англосаксонских и ирландских летописях как летающие огненные драконы, а сам образ бестии являлся предвестни-

ком катастроф и был связан с эпидемией и голодом [Cesario 2016: 153; Mc Carthy 1997: 7; Чулкова 2019: 112].

Рассмотрим такой случай на примере «Англосаксонских хроник» – погодных записей на древнеанглийском языке, охватывающих период от начала христианизации Англии до середины XII века [Манерко 1998: 13]. В этих хрониках мы находим следующее описание событий 793 года: “*Her wæron reðe forebecna cumene ofer Norðhymbra land, þæt folc earmlic bregdon, þæt wæron ormete bodenas ligrescas, fyrenne dracan wæron gesewene on þam lifte fleogende. Pam tacnum sona fyligde mycel hunger, litel æfter þam, þæs ilcan geares on .vi. Idus Ianuarii, earmlice hæpenra manna hergunc adilegode Godes cyrican in Lindisfarnae þurh hreaflac mansliht. Sicga forðferde on .viii. Kalendas Martius*” («В этом году на земли Нортумбрии явилось ужасное предзнаменование, вызвавшее страх и ужас среди народа: огромные вихри света, вспышки молний, по небу летали огненные драконы. Вслед за этими знамениями последовал страшный голод, и немногим позже, за шесть дней до первой Иды января, язычники [викинги] вторглись в дом Божий на острове Линдисфарн, устроили в нём погром, церковь разорили, а людей убили. За восемь дней до первой Календы Марта скончался Сига»). Основой формирования данной метафоры послужил образ дракона или змеи (*fyrenne dracan* «огненные драконы»), между которыми не было существенных различий в древнегерманской картине мира, ср. «Христос и Сатана» (334-336) “*Nabbað he to hyhte nymbe cyle and fyr / wean and witu and wyrma þreat, / dracan and næddran and þone dimman ham*” («Нет у него [Сатаны] надежды – только пламя да холод / скорбь и мучения и укусы змеинные: / драконов и гадюк – и таково царство тьмы»), которые, согласно поэме, стерегут падших ангелов (101-102): “*Hær is nedran swæg, / wyrmas gewunade*” («Здесь [у адских врат] слышно змеиное шипение / змеиная обитель»).

В данном случае метафора замещения «драконы» позволяет распознать объект номинации за счет атрибутивного компонента *fyrenne* «огненный», указывающего на предметную соотнесенность. Данный метафорический перенос реализуется на основе внешнего сходства, в том числе большого размера: *ormet* «огромный, колоссальный»; и функциональной наполняемостью: драконы обладают возможностью извергать языки пламени – *ligræsc* «огненный ливень, молнии». По мнению М.М. Маковского, «в ряде случаев значение «огонь» соотносится со значением «змея»: ср. латыш. *kaitet* «гореть», но чеш. *had*, русск. *гад*; и.-е. **ater-* «гореть», но англ. *adder* «змея», лат. *ignis*

«огонь», но др.-инд. *ahi* «змея»; др.-англ. *lieg* «огонь», но др.-в.-нем. *slango* «змея»; гот. *waurms* «змея», но англ. *warm*, нем. *warm* «теплый», и.-е. **uē₂-* «гореть» [Маковский 1996: 240].

В записи также говорится, что эти небесные знамения “*folc earmlic bregdon*” («вызвали страх и ужас среди народа»). Это был страх перед небесным знамением – не страх перед астрономическим явлением самим по себе, а перед тем, что данное явление должно предвещать; в то же время, это подтверждение взаимосвязи природного явления с предполагаемыми последствиями, если подобная закономерность отмечалась предшественниками ранее. При этом в записи за 793 год в «Англосаксонских хрониках» присутствуют лексические единицы, указывающие на акт предсказания – *forebecna* (генетив множественного числа) *tacnum* (датив множественного числа) от *forebecen* и *tacen* соответственно.

В словаре англо-саксонского периода английского языка мы находим следующие значения глагола – др.-англ. *brēgan* «внушать страх, пугать», а также «изумлять, поражать» от лат. *stupefacere* [Bosworth, Toller 1898: 122] (не стоит исключать, что коннотации, возникшие в результате наблюдения необычного явления, могут относиться к одному и тому же эмпирическому опыту). Однокоренное слабое существительное *broga* «ужас» также может быть истолковано как «(дурное) предзнаменование или чудо» и соответствовать лат. *portentum*, *ostentum*, или *monstrum* при переводе [Там же: 127]. В работе «Город Бога против язычников» (“The City of God against the Pagans”) Аврелий Августин утверждает, что “*monstra futura praedicant*” («чудища предсказывают будущее») [Sanford 1965: 57], а в своей известной работе Исидор Севильский (“Isidori Hispalensis Episcopi Etymologiarum sive Originum Libri XX”) связывает этимологию латинского существительного *monstra* с глаголом *monere* «предупреждать» [Lindsay 1911: 46]. Для вышеуказанных авторов лат. *monstra* представляло собой визуализацию божьей кары, предвещавшей ужасные последствия для человечества. В таком значении др.-англ. *broga* может рассматриваться как пример прогностической лексики наряду с *forebecna* и *tacnum* ввиду соотнесенности семантических совокупностей лексических единиц. Лексема *broga* фиксируется в «Англосаксонских хрониках» только раз в записи за 992 год (в манускриптах C, D и E), в которой сообщается о вторжении викингов в Англию и поражении англичан в битве при Малдоне, в двух гомилиях Эльфрика Грамматика (во втором сборнике гомилий и “*Sermo de Die Iudicii*”), затрагивающих тему Судного дня,

а также в 37v-38r глоссах “*Dream lunarium*” говорится: “*on .xxv. 7 on .xxvi. nihta þæt tacnað 7 towardlice firhto. 7 brogan. 7 on nigon dagum oððe on .x. þæt byþ geyped. ac wend þin heafod east bide þe are*” [<https://www.le.ac.uk/english/em1060to1220/mss/EM.BL.Tibe.A.iii.htm>] («25 и 26 ночей [Луны] знаменуют наступление страха и ужаса, и через 9 или 10 дней [предсказание] исполнится; тогда повернись [головой] на восток и моли пощады»).

Говоря об употреблении прямого английского эквивалента *broga* англ. “terror” («ужас, страх»), Э. Стенли утверждает, что лексическая единица обладает агентивной (когда страх исходит изнутри; деятель испытывает чувство испуга) и неагентивной (когда объект действия, приводящий субъект в ужас, находится извне) функцией в зависимости от контекста [Stanley 2006: 112]. В «Англосаксонских хрониках» древнеанглийская единица *broga* передает коллективное чувство страха, вызванное внешним фактором: некоторым знаком или явлением, посланным с небес, которое обращено не к отдельному человеку, а ко всему человечеству; что говорит об употреблении слова в неагентивной функции. Автор эпической поэмы «Беовульф» для описания сильного чувства страха, вызванного чудовищем, в кульминационные моменты использует более распространенные др.-англ. *egsa* и *gryre* «страх, ужас, боязнь» [Bosworth, Toller 1898: 244, 492]. Впервые в поэме слово *broga* встречается при описании нападения матери Гренделя на Хеорот, которая мстит за смерть сына – это строка 1291: *byrnan side, þa hine se broga angeat* («о просторной кольчуге, когда его сковал страх»). Затем эта лексема фиксируется в строке 2324, когда Беовульф узнает о нападении дракона, см.: *þa wæs Biowulfe broga gecyded* («Тогда и Беовульф узнал о том ужасе»). И наконец, мы фиксируем еще один пример, когда речь идет о финальной битве между Беовульфом и драконом, строка 2565: *æghwæðrum wæs bealohycendra broga fram oðrum* («Каждый из них вселял ужас в другого») [<http://norroen.info/src/other/beowulf/beowulf.html>].

Важно также отметить, что метафора *fyrenne dracan* может быть связана с образом викингов по ассоциации с их военным судном – драккаром: норв. *drakkar*, от др.-сканд. *dreki* «дракон». Корабль получил свое название в честь характерной носовой части в форме дракона, который устанавливался на носу корабля. Викинги считали, что изображение дракона наделяло корабль магической силой, отпугивало злых духов, а также внушало страх и ужас врагам. Когда мореплаватели приближались к дружественным берегам, голова дракона

снималась, чтобы не гневить местных богов [Гуревич 1966: 42]. По словам В.А. Дыгало, «мореплаватели старались всячески задобрить богов и духов, которые, как им представлялось, могли укрощать силы ветра и волн, оберегать от несчастий, способствовать успеху плавания. Уходя в море, моряки всегда совершали жертвоприношения, а чтобы показать, что своих покровителей никогда не забывают, на судах стали устанавливать в виде украшения культовые предметы и изображения богов. Чаще всего на первых порах это были изображения мифических животных» [Дыгало 2000: 95]. В таком случае можно наблюдать другой стилистический прием – метонимию, поскольку перенос осуществляется по смежности, указывается вместилище (судно), а не содержимое (викинги), так подобное «“иносказание” (в самом широком понимании этого термина) возбуждает сеть ассоциаций, сквозь которую действительность, воспринимаемая сознанием, воплощается в языковой форме» [Телия 1988: 173].

Образ змеи мы также находим в записи «Англосаксонских хроник» за 774 год: “*On þy geare men geseгон read Cristes mel on heofenum æfter sunnan setlangange. gefuhton Myrce Cantwara æt Ottanforda, wundorlice nædran wæron geseogene on Suðseaxna lande*” («В этом году люди увидели на небе красное распятие после заката. В Отфорде произошла битва между жителями Мерсии и Кента; и на территории южных саксов можно было увидеть диковинных змей»). В данной записи представлены два явления, связанные с магнитной космической активностью. Природа данных феноменов была исследована студентом Калифорнийского университета Дж. Алленом, которую он объясняет космической вспышкой в 774 году [<https://www.nature.com/news/ancient-text-gives-clue-to-mysterious-radiation-spike-1.10898>], в связи с чем солнечные выбросы должны были вызвать заметные северные сияния. Поскольку в записи упоминается явление, названное как *wundorlice nædran* «диковинные змеи», которое последовало вслед за красным распятием, у нас есть основания полагать, что, как в случае с записью 793 года, в данном случае речь идет о полярном сиянии. Об этом также свидетельствует выбор одной и той же области источника для осуществления метафорического переноса – дракон или змея.

Образы драконов и змеев (змей) в древнегерманской картине мира были связаны с хтоническими чудовищами, в том числе с Йормунгардом, которые в свою очередь представляют собой эсхатологический элемент древнегерманской мифологии. На основе внешнего сходства (комета, полярное сияние), а также сходных характеристик, например,

возможности источать пламя (полярное сияние) древний человек строил ассоциативные связи с наблюдаемыми астрономическими явлениями. Встреча с неизвестным (на что также указывает отсутствие единицы номинации в языках) вызывала у германцев страх перед надвигающейся катастрофой, а последующие за ним события связывали подобные описания с небесным знаменем – явлением небесного змея или дракона.

Таким образом, в данной работе мы попытались показать на примере древнеанглийских и древнеисландских источников то, как человек отображал в языке свои представления о неизвестном астрономическом явлении, которое наделялось связями с некоторой «областью источником» – конкретными и вполне понятными явлениями действительности – названиями змеев (змей) и драконов.

Литература

- Гуревич А. Я.* Походы викингов. М.: Наука, 1966.
- Дыгало В.А.* Откуда и что на флоте пошло. М.: Крафт+, 2000.
- Кубрякова Е.С.* В поисках сущности языка: когнитивные исследования. М.: Знак, 2012.
- Магировская О. В.* Особенности концептуализации и категоризации мира в рамках когнитивной деятельности наблюдателя // cyberleninka.ru. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kontseptualizatsii-i-kategorizatsii-mira-v-ramkah-kognitivnoy-deyatelnosti-nablyudatelya> (дата обращения 30.03.20).
- Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. М.: Изд-во: «Владос», 1996.
- Манерко Л.А.* Этимология английского языка через историю народа Великобритании. Рязань: Изд-во РГПУ, 1998.
- Серебренников Б.А., Кубрякова Е.С., Постовалова В.И.* и др. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1988.
- Смирницкая О.А.* Слова культуры как предмет этимологического анализа // Научные доклады филологического факультета МГУ. Вып. 2. М.: Диалог-МГУ, 1998. С. 71-83.
- Телия В.Н.* Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Чулкова Е.А. Метафоризация явления полярного сияния как вестника злого рока в древнегерманской картине мира // Филология и культура. Philology and Culture. Вып. I. Казань: ФГАОУ ВПО КФУ, 2019. С.112-117.

Avilin T. Meteor beliefs project: east European meteor folk-beliefs // WGN: Journal of International Meteor Organization. 2007. Vol. 35. # 5. P. 113-116.

Bosworth J., Toller T. An Anglo-Saxon dictionary. Oxford: Clarendon Press, 1898.

Carlson J. Review: The cosmic serpent, a catastrophic view of Earth History // Archaeoastronomy. 1986. Issue 10. P. 70-72.

Cesario M. Fyrenne Dracon in the Anglo-Saxon Chronicle // Textiles, Text, Intertext: Essays in Honour of Gale R. Owen-Crocker. Woodbridge: Boydell & Brewer, 2016. P. 153-170.

Cotton Tiberius A. Iii Continuous glosses; Prayers; Homilies, etc. URL: <https://www.le.ac.uk/english/em1060to1220/mss/EM.BL.Tibe.A.iii.htm> (дата обращения 30.03.20).

Delumeau J. História do medo no Ocidente. São Paulo: Cia das Letras, 2009.

Donnelly I. Ragnarok: the age of fire and gravel. New York: D. Appleton, 1883.

Hense J. The Universe: when space changed History. Documentary film, 45 min., A&E/History Channel, 2012.

Internet sacred texts archive. Online source of Christ and Satan. URL: http://www.sacred-texts.com/neu/ascp/a01_04.htm (дата обращения 30.03.20).

Lindsay M. Isidori Hispalensis Episcopi Etymologiarum sive Originum Libri XX, ed. W. M. Oxford: Oxford University Press, 1911.

Lovett R. Ancient text gives clue to mysterious radiation spike. URL: <https://www.nature.com/news/ancient-text-gives-clue-to-mysterious-radiation-spike-1.10898> (дата обращения 30.03.20).

Mccarthy D., Breen A. An evaluation of astronomical observations in the Irish Annals // Vistas in Astronomy. 1997. Vol. 41. # 1. P. 1-23.

Norse Glory. Online source of Beowulf. URL: <https://norse.ulver.com/src/other/beowulf/beowulf.html> (дата обращения 30.03.2020).

Sanford E.M. The City of God against the Pagans, ed. and trans. 7 vols, Loeb Classical Library 417. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965.

Stanley E. Fear Chiefly in Old and Middle English // *Poetica* 66, 2006. P. 77-115.

The Anglo-Saxon Chronicle. An edition with TEI P4 markup, expressed in XML and translated to XHTML1.1 using XSLT. URL: <http://asc.jebbo.co.uk> (дата обращения 30.03.20).

L.A. Manerko (*Moscow, Russia*)

Lomonosov Moscow State University,

E.A. Chulkova (*Moscow, Russia*)

Moscow State Pedagogical University

MYTHOLOGICAL REPRESENTATIONS IN ASTRONOMICAL PHENOMENA IN THE OLD GERMANIC WORLDVIEW (ON THE BASIS OF A SNAKE IMAGE)

The article describes mythological representations, which are depicted on the basis of metaphorization of the astronomical phenomena such as aurorae and comets as a snake or dragon in the Germanic world image. The serpents were not discriminated by Old Germans and considered to form a semantic unity. The material of the paper is based on the texts of Old English and Old Icelandic languages.

Key words: worldview, metaphor, astronomical phenomena, aurorae, comets, Old Germanic languages.

Ж.Н. Маслова (*Санкт-Петербург, Россия*)

Российский государственный педагогический университет

имени А.И. Герцена

maslovajeanna@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЙ МИФ КАК КУЛЬТУРНЫЙ И ЯЗЫКОВОЙ ФЕНОМЕН

В статье рассматривается современный миф как сложный формат знания. На материале русскоязычной поэзии изучен советский миф, выделены этапы его жизненного цикла. Сделан вывод о том, что элементы мифа после распада остаются частью культурной и языковой среды.

Ключевые слова: миф, когнитивная лингвистика, наррация, формат, поэзия, образ, советский.

Переходя в процессе эволюции к более совершенным формам мышления, человечество не заменяет одно другим, оно скорее накапливает опыт. Во взаимодействии с физической реальностью человек не в силах объяснить все с позиций рациональной логики, поэтому оказываются востребованными элементы ранних форм мышления.

В рамках развития когнитивно-онтологического подхода к изучению творческого языкового сознания мир уже был рассмотрен как когнитивная среда, где миф как одна из дологических форм мышления рассматривался в качестве особого формата знания («пакета информации») с иррациональными связями между элементами [Маслова 2015: 162; Маслова 2017].

При взаимодействии в условиях когнитивной среды человек оперирует рациональным и нерациональным знанием и репрезентирует его в языке [Маслова 2015: 24]. Миф в современной реальности восстанавливает стабильность отношений в системе взаимоотношений «мир-человек» там, где ее нельзя достичь рациональным объяснением, с одной стороны, и где рациональное познание неэффективно, с другой стороны.

Привлекая методологический аппарат когнитивной лингвистики, мы можем говорить о структурной близости мифа по отношению к одному из сложных форматов знания – фрейму или матрице [Болдырев 2018]. Однако, на наш взгляд, миф обладает большей структурной сложностью, уникальной взаимосвязанностью элементов внутри структуры, способностью в компактной форме содержать и передавать большой объем информации. Миф имеет жизненный цикл, в рамках которого в период распада воспроизводится лишь форма мифа (языковая – в нашем случае). Отдельные части мифа обладают относительной самостоятельностью и продолжают оставаться в культурном поле после распада мифа. В связи с этим мы предлагаем рассматривать современный миф как целостный ментальный формат знания – «пакет информации».

Репрезентация мифа в языке не ограничивается определенными сферами бытования языка. В данном исследовании для анализа взят язык поэтического текста, потому что репрезентация мифа наблюдается здесь в достаточно полной и компактной форме; в языке поэтических текстов ясно прослеживаются этапы жизненного цикла мифа. Основные положения статьи рассмотрены на языковом материале русскоязычных поэтических текстов; объектом исследования является советский миф.

Положение 1. Миф обладает структурной сложностью, и современный миф в своих структурных элементах воспроизводит мифологический космос, то есть создается по «древним» лекалам. Миф противопоставлен наррации. Наррация, или умение воспроизводить длительность во времени и перспективу в пространстве в языке, возникла в тот момент, когда прошлое отделяется от настоящего, этот мир – от того. Наррация также разграничивает активное начало (субъект) от другого, пассивного (объект) [Фрейденберг 1978: 206-229].

В своем анализе мы исходим из того, что в Советском Союзе поэтическое искусство имело наряду с другими функциями функцию идеологическую – оно должно было создавать и передавать определенное знание. Поэзия была одним из инструментов формирования советского менталитета, при том что «советский менталитет был построен на слишком упрощенных идеологических текстах и испытывал постоянную потребность в призывах и лозунгах, но при отсутствии преобладания глубоких теоретических знаний, в том числе и философских» [Коновалова 2001].

Советский миф как некий всеобщий миф являлся частью когнитивной среды, представляющей собой общность, разделяемую членами данного социума, информационную среду. На наш взгляд, именно общность информационного фона, которая формирует общность восприятия и оценки, во многом формирует «ментальность».

Поэзия советского периода образует общее дискурсивное поле. Под дискурсивным полем мы понимаем усредненную информированность членов сообщества о прецедентных текстах, знаковых событиях, значимых культурных символах и т.п. Дискурсивное поле включает также принятую и разделяемую членами сообщества систему оценок данного знания, что наряду с другими факторами позволяет достигать понимания в коммуникации.

«Основная тематика была сформирована уже на этапе советизации русской поэзии, ее трансформации в советскую, что имело место на протяжении 1920-1930-х и в меньшей степени 1950-х годов. Во второй половине XX века вплоть до распада Советского Союза русская поэзия в РСФСР развивалась в условиях последовательной идеологизации» [Кирчанов. Эл. ресурс]. В советской поэзии выделились доминирующие темы: *любовь к советской Родине, ленинская тема, советский патриотизм, революционная тема, прославление человека труда, образ врага, прогрессивная Россия, патриархальная Русь*. «Поэзия способствовала усилению и укреплению официальной советской иден-

тичности. В этом контексте советская поэзия играла в большей степени политическую и идеологическую, а не литературную и эстетическую роль... В этом отношении русская советская поэзия играла центральную роль в функционировании и воспроизводстве советской идентичности как идентичности преимущественно политической и идеологической» [Там же]. На этапе конструирования и развития советского мифа основные темы отражают существенные моменты мифологического космоса.

Следует отметить, что упомянутые основные темы советской поэзии составляют «несущие конструкции» советского мифа и часто существуют вместе в границах одного поэтического текста: «Повёл «Рабочий путь». / Народу вольным / Дыханием вздохнуть / Дал Ленин в Смольном. / Распушен предпарламент. / Гремит «Аврора». / Взят Зимний с юнкерами» (из цикла 1941-1952 гг.) (Г.Н. Оболдуев) [НКРЯ].

Мифологический космос складывается из пантеона богов и героев, знаковых событий, артефактов, ритуалов. Становление нового космоса рождается в битве старых и новых богов. В данном случае, это битва старого и нового режимов, где знаковое событие – Революция, Октябрь; герой – Народ, новая сакральная фигура – Ленин: «К неуютю зовите, / если опыт уютной неправды займем! / Отступать не давайте / в сражении / за революцию! / Проступайте, / светясь, / в глубине красноволенных знамен!» (1965) (Е.А. Евтушенко), «С тобой, в котором движущие силы – / Октябрь, Народ и Ленин. Весь я в них» (1957) (В.А. Луговской) [НКРЯ]. В образе Ленина усматриваются черты божественного, где смешиваются языческие и христианские мотивы. В частности, это отсылка к триединству, как в предыдущей цитате. Или возможность объясняться на разных языках: «По-явански Ленина / он всю ночь расспрашивал. / И когда товарищ / Ленин, все ответив, / Из тюремной камеры / вышел на рассвете, / В кандалах поднявшись / с пола на колени, / На стене он кровью / нацарапал: “Ленин”» (1949) (К.М. Симонов) [НКРЯ].

Миф не только образует пространственно-временной континуум, в языке миф воспроизводит сам себя. Это, например, вторичное описание в поэзии закрепления мифа в артефактах – статуях и изображениях: «Лишь в зальце к диогографии Петра / Прибавился однажды утром – Ленин» (1945) (Д.Б. Кедрин), «И изваянье Ленина стоит, / В седые степи руку простирая» (1947) (Н.А. Заболоцкий) [НКРЯ]. Данные артефакты непосредственно связаны с тем народом, который населяет это мифологическое пространство: «В своих широких шляпах из брезента /

Шахтеры вторят звону инструмента / И поднимают к небу фонари» (1947) (Н.А. Заболоцкий), «Народное тело – храмина высоких забот, / и Ленина каждый, как душу, в кармане несет» (1974) (А.Н. Миронов). В герметичности мифа воссоздается единство всех и каждого.

Во взаимодействии сакральной фигуры и народа профилируется ряд черт, которыми обладает сакральная фигура, например, это человеческая простота вождя: «Он вышел с каким-то фабричным, / и оба в туман зашагали» / и Ленин спросил его: «Слышал?» / А тот: «Не робей, погоди! / И Ленин подумал: «Какой же парнишка хороший. / Как Бабушкин в юности...» (1949-1957) (О.Ф. Берггольц) [НКРЯ]. Мифологизированная фигура вождя содержит несколько узнаваемых и значимых черт, которые определяют ее.

Миф, транслируемый через поэзию, связан с социально-исторической обстановкой и поддерживается ею. «С. Московичи, рассматривая коммуникацию как социальный процесс, утверждает, что для масс, для толпы важно, чтобы политика была представлена идеей революции, свободы, победы, и эту идею необходимо внушать до тех пор, пока она не превратится в коллективные образы и действия»; цит. по: [Рябцев 2004].

Таким образом, структуру мифа можно рассматривать как набор взаимосвязанных категорий, каждая из которых содержит концепты с общим категориальным основанием. Применительно к анализу поэтического текста в качестве составляющих в структуре мифа мы выделяем художественные концепты.

Положение 2. Современный миф имеет свой жизненный цикл.

В период функционирования мифа мифологическая ситуация (событие), как правило, создается комплексно. Мифологическое время – это вечность, бессрочность, бессмертие (богов): «Бессрочна она и безмерна, / И мы ее в вечность несем. / Как Ленина дело бессмертно, / Так память бессмертна о нем» (1948-1949) (А.Т. Твардовский). Мифологическое пространство бесконечно: «Кремлёвские звёзды – всемирный маяк!» (1947) (С.Я. Алымов) [НКРЯ].

Миф воспроизводится в некой целостности созданного космоса, его отличает иерархия и событийная знаковость. Космос мифа характеризуется знаковыми событиями. Анализ текстов показывает, что одним из них является даже не революция, а въезд Ленина в Кремль: «Впервые / в Кремль въехал Ленин. // Был прекрасный день!» (1946) (С.П. Щипачев) [НКРЯ].

Есть упреки в шаблонности подобной поэзии, однако, миф не имеет авторства, и сложившиеся «языковые лекала» позволяли воспроизводить тексты, транслирующие похожее содержание, хотя и несколько отличавшиеся по форме. В современном мифе нивелируется субъективное начало. «В недрах русской советской поэзии возникали и беспомощные с литературной точки зрения, но идеологически правильные и верные произведения» [Кирчанов. Эл. ресурс].

Советский миф формируется после 1917 года и активно транслируется в поэзии до первой половины 70-х годов XX века. В этом поэтическом дискурсе рождаются тексты (сначала – единичные), свидетельствующие о распаде мифа. Данный факт проявляется в изменении оценок; ср., например: «Здесь революцией клянутся, / за революцию здесь пьют, / а сами соряются, клюются / и все на свете продают» (1965) (Е.А. Евтушенко).

Отслоение мифа от повседневной реальности происходит через изменение образного ряда; лирический герой, авторское «Я» больше не находится в мифологическом времени и пространстве: «Античность нашей истории. Осоавиахим. / Пожар мировой революции, / горящий в отсвете алом» (1967-1972) (Б.А. Слуцкий), «Эра технического прогресса / Она / Не лишена / Исторического интереса / Механизмы / Прошли / Все стадии развития / От рабства / До коммунизма / Революция / Пертурбация / Реконструкция / Машинонация / Человечество / Низложено / Но не уничтожено» (1959-1989) (И.С. Холин). Человек уже не мыслит категориями мифа, общая реальность мифа распадается на фрагменты мифологической и новой реальности: «античность нашей истории» и «пожар мировой революции» сосуществуют в границах одного текста. О распаде мифа свидетельствует изменение оценок: «Что ж ты плачешь, старая развалина, – / Где она, священная твоя / Вера в революцию и в Сталина, / В классовую сущность бытия...» (1971) (А.П. Межиров), «Потом, конечно, нравы стали быстро портиться: / то – революция, то – безработица» (1995) (И.А. Бродский). В новой реальности «старая развалина» – это бывший «народ-герой». События, составляющие миф, получают критическую оценку: «В ежедневном / единоборстве с северной природой / нет времени у честного канадца / губить страну в пожаре революций, / гражданских войн и бунтов, разрушая / порядочность грядущих поколений...» (1989) (Б.Ш. Кенжеев) [НКРЯ].

В литературоведении признанием распада советского мифа в поэзии и, шире, в искусстве является направление концептуализма

(Д. Пригов, Т. Кибиров, И. Иртенъев). По мнению М. Эпштейна, «концептуализм – система языковых жестов, относящихся к материалу советской идеологии, массового сознания социалистического общества. Официальные лозунги и клише доводятся до абсурда, обнажая разрыв между знаком, от которого остается голый концепт, партийное ядро, и его реальным наполнителем – означаемым. Поэзия опустошенных идеологом, близкая тому, что в живописи именуется соцартом» [Эпштейн 2000: 5].

Единство мифологического космоса исчезает в период распада мифа. Это уже 90-е гг. XX века. «Бюст Ленина: увесистый чугун, / сердитые глаза монгольского оттенка. / Однажды на вокзале в Ленинграде, / у сувенирной лавочки, лет шесть / тому назад, мне удалось подслушать / как некто, созерцая эти многочисленные бюсты, / твердил приятелю, что скоро / их будет не достать. / Я только хмыкнул, помню, не поверив» (1990-1997) (Б.Ш. Кенжеев) [НКРЯ].

Полный распад мифа характеризуется полной сменой оценок, десакрализацией, низвержением сакральных фигур и артефактов, отказом от ритуалов: «От вещи останется ценник. / Не верится – десять рублей. / Останется Ленин от денег, / на лоб ему ценник приклеят» (1986-2004) (Д. Г. Новиков) [НКРЯ].

Положение 3. Элементы мифа продолжают автономное существование в культуре после распада целостной системы.

После распада элементы мифа становятся частью других художественных сюжетов и подвергаются вторичному переосмыслению – «сегодняшний день разбит, как стекло в подъезде. / И в каждом сегменте тесно, как на партийном съезде» (Знаменосец Ира) [Большой сборник 2019: 8]; «Комиссары ломали двери руками сильными / И приходили изъять поэзию из меня... Донос на меня написала моя соседка. / Она ненавидит поэтов уже давно» (Ася Стихия) [Большой сборник 2019: 21]; «И теперь эта мышца, способ уничтожить монарха, / качает революционного цвета жидкость / по когда-то собачьему телу, / собачьим ятрам и собачьей печенке» (Николай Синехог) [Большой сборник 2019: 71].

После распада миф живет в поэзии как некое воспоминание: «Летит, летит, над Единой и Неделимой. / Летит над Советской, не замечая восходы, / Летит от восхода и до Владивостока, / Летит быстроногая конница, мнет ковыль» (Знаменосец Ира) [Большой сборник 2019: 7]; «Скоро май, будет ветер с востока – горячий, дикий. / Скоро май. И мы

выйдем на площадь, неся гвоздики. / Как раскрытое сердце, исполненное тоски» (Знаменосец Ира) [Большой сборник 2019: 6].

В качестве вывода следует сказать, что в рамках когнитивного подхода миф рассматривается как сложный культурно-языковой феномен и сложный формат знания. Современный миф участвует в конфигурации, обработке и передаче нерационального знания в образных форматах, обеспечивая компактную «упаковку» для больших объемов информации. Современный миф имеет жизненный цикл и подвергается интерпретации. На основе переосмысления составляющих мифа возникает возможность получения инферентного знания.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2018.

Большой сборник Чемпионата поэзии им. В.В. Маяковского 2019: сборник стихов. СПб.: Центральная городская публичная библиотека им. В.В. Маяковского, 2019.

Кирчанов М.В. Русский национализм и советский миф в русской поэзии РСФСР: национализм, историческая память и лояльность (1960-1980-е гг.) Электронный научно-практический журнал «Филология и литературоведение». URL: philology.snauka.ru/2013/01/410 (дата обращения 18.03.2020).

Коновалова Ж.Ф. Миф в советской истории и культуре. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та экономики и финансов, 1998.

Маслова Ж.Н. Миф как познавательная категория современного сознания // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXX. С. 70-74.

Маслова Ж.Н. Творческое языковое сознание: монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 19.03.2020).

Рябцев С.В. Место и роль мифологии в социально-политической жизни России XX столетия: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. философских наук. М., 2004.

Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М.: Наука, 1978.

Эпштейн М. Постмодерн в России: Литература и теория. М.: Изд. Р. Элинина, 2000.

Zh.N. Maslova (St.-Petersburg, Russia)
Herzen Russian State Pedagogical University

CONTEMPORARY MYTH AS A CULTURAL AND LINGUISTIC PHENOMENON

The article considers contemporary myth as a complex format of knowledge. The Soviet myth has been studied and the stages of its life-cycle have been highlighted, as applied to the Russian-language poetry. It is concluded that the elements of the myth after its disintegration remain a part of the cultural and linguistic environment.

Key words: myth, cognitive linguistics, narration, format, poetry, image, Soviet myth.

Н.В. Шелепова (Астрахань, Россия)
Астраханский государственный технический университет
shelepova1976@mail.ru

О СООТНОШЕНИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ, МИФА И СИМВОЛА

Наш опыт взаимодействия с физическим миром служит в качестве естественной и логической основы для понимания более абстрактных областей, что находит свое отражение в создании метафор. Анализ английских метафор с мифологическим компонентом показал, что на когнитивном уровне за ними стоят концептуальные метафоры, которые, в свою очередь, участвуют в «порождении» культурных символов, активно функционирующих в различные исторические эпохи.

Ключевые слова: мифологическая метафора, концептуальная метафора, символ, миф, когнитивные структуры.

Изучение метафоры ведется со времен античности. Однако остается еще немало вопросов, связанных с этим явлением, а потому сегодня она активно и всесторонне исследуется различными науками, включая когнитивную лингвистику, стилистику, лингвокультурологию. Большой научный интерес представляет проблема изучения современных мифологических метафор и тех концептуальных метафор, которые стоят за ними. Мифологические метафоры, с одной стороны,

выступают в качестве средства интерпретации окружающей действительности, а также репрезентации внутренней природы человека (психики, ментальных процедур), с другой стороны, лежат в основе культурных символов, относящихся к различным эпохам, областям человеческой жизни, а потому считаются важными, значимыми явлениями. Придерживаясь данного положения, проведем анализ некоторых английских метафор с мифологическим компонентом и установим концептуальные метафоры, на которых базируются определенные символы, прочно вошедшие в сознание современного человека и являющиеся «культурно значимыми ориентирами» [Телия, Опарина 2011: 146].

Общепризнано, что мифологическое мышление имеет символически-метафорический характер. По мнению Е.М. Мелетинского, мифотворчество является своего рода символическим «языком», используемым человеком для моделирования, классифицирования и интерпретации мира [Мелетинский 2012: 137]. Одним из элементов этого языка выступает мифологическая метафора (у О.М. Фрейденберг такая метафора называется «до-метафорой», см. [Фрейденберг 1998: 28]). Как полагает Ж.Н. Маслова, в основе мифологической метафоры лежит мифологический образ [Маслова 2015б: 141]. Согласно А.А. Потебне, «миф состоит в перенесении индивидуальных черт образа, долженствующего объяснить явление (или ряд явлений), в самое явление» [Потебня 1989: 263]. Мифологический образ считается объективным и потому целиком (не разлагаясь) переносится в значение и служит основанием для дальнейших заключений о свойствах означаемого, при этом иносказательность образа субъектом не осознается [Там же: 243, 259]. Мифологическая метафора предшествует современной метафоре и отличается от последней тем, что не имеет функции «перенесения». Аналогия здесь заменяется идентичностью [Маслова 2015а: 25].

Традиционная метафора, даже при наличии в ее структуре мифологического компонента, не тождественна мифологической метафоре, поскольку в ней осознается разнородность образа и значения, т.е. имеет место исчезновение мифа [Потебня 1989: 261]. Назвать такую метафору мифологической можно только условно. Тем не менее, в рамках настоящего исследования будем считать вышеуказанные современные метафоры «мифологическими», т.е. относящимися к мифологии, в силу их «генетической связи», «генетического родства» с мифом, мифологией. Современная мифологическая метафора представляет собой полимодальное метафоро-мифологическое образование, более услож-

ненное по сравнению с метафорой без мифологического компонента, поскольку имеет многослойную структуру. Она, как и любая метафора, включает в себя ментальные репрезентации различного характера – сенсорно-моторные, эмоциональные, оценочные и смысловые. Кроме того, она содержит репрезентации «символического характера», которые позволяют этой мифологической метафоре служить основой для символа (культурно-стереотипного, субъективно-авторского (классификация символов по [Шелестюк 2003: 32])). Как писал А.Ф. Лосев: «Символ очень близок к метафоре, но он не есть метафора» [Лосев 1971: 3].

Как уже говорилось выше, мифологическая метафора тесно связана с процессами символизации, протекающими в сознании человека, и их результатом – символом. Известно, что способность представлять мир символически, т.е. создавать абстрактные мыслительные формы, развилась из конкретного мышления. В языке первобытного человека существовали не отвлеченные, а конкретные значения, которые были *неосознанно* (выделено мною – Н.Ш.) метафорическими [Мелетинский 2012: 108]. Как писал А.А. Потебня, «метафоричность есть единственный, первоначальный способ, доступный языку, уже предполагаемый отсутствием представления в слове, прозаичностью слова» [Потебня 1989: 263]. Конкретность первобытного мышления существовала рядом с символизмом мифа. Образная символика характеризовалась полисемантической. В образе могли уживаться различные представления, включая противоположные.

Современное мышление, познавая мир, не утратило способности создавать конкретные формы, но получило их в наследство от предыдущих поколений в воплощенном виде. Мифотворчество также присуще современному человеку, поскольку принцип работы сознания, заключающийся в перенесении индивидуальных черт образа в явление, сохранился. Наряду с этим, существуют разнообразные когнитивные механизмы, с помощью которых мы создаем и понимаем абстрактные понятия и строим абстрактные суждения. Одним из таких механизмов является метафора.

Исследования в области когнитивной лингвистики показали, что и сегодня люди говорят метафорически, потому что они думают, чувствуют и действуют метафорически. Еще А.А. Потебня говорил, что «язык как продукт <...> не только вначале, а всегда беден по отношению к требованиям <...> мысли» [Потебня 1989: 263]. По словам автора, эта «бедность», фактически, привела к метафоричности и созданию

мифов, т.е. к дальнейшему развитию языка. Другими словами, метафоричность сознания воплощается в метафоричности языка. Следует заметить, что метафоричность не ограничивается мифотворчеством, но реализуется в огромной системе метафор, которая структурирует нашу повседневную концептуальную систему (главным образом, неосознаваемую, автоматическую), содержащую тысячи обычных метафорических отображений, организованных в подсистемы [Lakoff 1993: 206-207]. Метафора позволяет нам понимать абстрактный или изначально неструктурированный предмет с точки зрения более конкретного или, по крайней мере, более структурированного предмета [Там же: 228-229].

Итак, метафоричность языка обусловлена метафоричностью сознания. За языковыми формами стоят концептуальные модели, в данном случае – концептуальные метафоры. Некоторые авторы считают, что процесс создания современной метафоры есть не просто когнитивный процесс, но креативный акт с включением интуиции, позволяющей уловить сходство в отношении двух различий, оценить его, что в итоге приводит к открытию подобия в различном [Hausman 2006: 214]. Значение метафоры рождается в конфликте, в напряженности, возникающей в результате соединения, казалось бы, несовместимых смыслов, при этом метафорический смысл вытесняет буквальный, и эвристическая деятельность субъекта усиливается [Рикёр 2008: 33].

Метафора усиливает процесс понимания и интерпретации. Она больше чем стилистический прием, поскольку играет важную роль в процессе порождения значения и познания вообще. Потенциал метафоры заключается в возможности создавать бесконечную последовательность знаков, которые интерпретируют и усиливают предыдущий знак, тем самым, увеличивая способность метафоры создавать новые миры, включая символические.

Возвращаясь к вопросу о символах, заметим, что существует изоморфизм между символическими представлениями и миром действия и восприятия, но значение символов не сводится к восприятию и действию [Kintsch 2008: 145]. Символы в общем и культурные символы в частности часто базируются на метафорах. Так, один из символов жизни (*life*) – это нить (*thread*). В основе этого символа лежит концептуальная метафора LIFE IS A THREAD или LIFE IS WEAVING/SPINNING, которая, например, прослеживается в следующих идиомах и фразеологических оборотах:

nick the thread = put an end to life;

my thread is spun = my life is over;

have woven my piece = have reached the end of my life.

В английском варианте «Одиссеи» (The Odyssey) Гомера встречается фраза “*the gods weave the fates of mortals*”. Еще один, на наш взгляд, красочный пример из этого же произведения:

But then he will suffer there whatever fate and the heavy spinners spun with their thread for him when he came into being, when his mother gave birth to him (Odyssey); цит. по: [Zanker 2019: 100].

Кроме того, непосредственно существуют метафоры *the thread of life*, означающая “the lifespan of an individual” (поэтический вариант *the thread of existence*) и *the thread of time*.

Своими корнями вышеупомянутый символ уходит в древнегреческую мифологию к *Μοῖρα* – богиням, прядущим судьбы людей. Мотив «богинь судьбы» (в англ. *Fates*) был общераспространенным в европейском политеизме. Эти богини, чаще всего их было три, изображались как ткачихи, сидящие за станками и прядущими гобелены. Как видно, чтобы понять значение этого символа, необходимо увидеть концептуальные метафоры, которые этот символ может «пробуждать».

Сама метафора *thread of life* может считаться мифологической, поскольку восходит к мифологии Древней Греции. Она является полимодальным образованием, поскольку состоит из ментальных репрезентаций различного характера, включая не только смысловые, но и эмоциональные, оценочные и сенсорно-моторные, которые объединяются за счет таких операций, как блендинг, связывание, компрессия. При этом в сознании говорящего возникает определенный визуальный образ, сопровождающийся конкретными эмоциями и оценкой. Возможно, эта «нить жизни» будет иметь определенный цветовой оттенок, толщину, длину или представлять собой череду крошечных жизненных эпизодов.

Наряду с символами, концептуальные метафоры могут различным образом реализовываться в мифах, например, в качестве ключевого элемента. В той же «Одиссее» Гомера, описывающей приключения мифического героя по имени *Одиссей* (Odysseus), метафора LIFE IS A JOURNEY, точнее, LIFE IS A SEA JOURNEY является основополагающей, структурирующей. Фактически, она есть главный мотив повествования. Интересно заметить, что В.Н. Телия и Е.О. Опарина в своей работе «Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак» писали, что одна из базовых языковых метафор, коренящихся глубоко в культуре, – «уподобление перипетий личной и общественной жизни плаванию по морю» [Телия, Опарина 2011: 148]. По мнению авторов, метафора «моря житейского» восходит к библей-

скому сюжету великого потопа. Подтверждение этой идеи находим в английских выражениях:

God is good, but don't dance in a currach [small boat made of wickerwork and hides] = don't tempt providence;

rock the boat = risk failure by not cooperating (рус. раскачивать лодку);

there's another side on the boat = you don't have to do it that way;

the first in the boat has the choice of oars = first come, first choice.

Мифологические персонажи также могут являться воплощением той или иной метафоры. К примеру, Зевс (*Zeus*) – в древнегреческой мифологии бог неба, грома и молний, ведающий всем миром. Зевс ассоциируется с огнём, горячей субстанцией, небом. Он есть организующее средоточие космической и социальной жизни. Зевс выступает богом неконтролируемых, опасных, разрушительных, карающих сил. В основе такого представления лежит концептуальная метафора ANGER IS FIRE. Следы этой концептуальной метафоры находим в следующих современных выражениях:

don't poke fire with the sword = don't aggravate a fiery person;

fire drives out fire = two fiery characters cancel out each other;

fire-flaught = a fiery, hot-tempered person.

В древнеримской мифологии Зевсу соответствовал Юпитер (*Jupiter* лат. *Iūpiter*, от арх. лат. *Iovis pater/Diēspiter* «бог-отец»), чье имя было также применимо к различным кельтским богам, в том числе малоизвестным *Brixianus*, *Ladicus*, *Latobius*, and *Poeniunus* [Monaghan 2003: 268]. Под влиянием римской культуры кельтские божества на Британских островах идентифицировались с похожими (или предполагаемыми похожими) римскими богами. Первоначальные имена некоторых богов сохранялись в качестве фамилии Юпитера. Однако образ этого бога в кельтской культуре значительно отличался от римского. Он часто был описан как бог изобилия и плодородия. Скульптуры и рельефы показывают зрелого, бородатого мужчину с вьющимися усами и бородой; мускулистого и сильного. Вероятно, в сознании отдельных кельтских народов того времени сформировалась несколько иная концептуальная метафора JOY IS A NATURAL FORCE, связанная с новым Юпитером, что очень ярко проявилось, например, в современном прилагательном *jovial* (from Late Latin *Iovialis* “of Jupiter” [OED], веселый, общительный, живой, жизнерадостный, бодрый, игривый, относящийся к Юпитеру) [Multitran] и в существительном *joviality* (веселость, общительность, игривость).

Таким образом, изучение метафор с мифологическим компонентом показало, что за ними, как и за другими метафорами, стоят концептуальные метафоры, причем для осознания абстрактных понятий берутся конкретные представления. Другими словами, процесс метафоризации протекает от конкретного к абстрактному, что, фактически, есть результат многовековой истории развития человеческого сознания. В свою очередь, концептуальные метафоры служат базисом для создания широкого спектра культурных символов, которые нашли свое отражение не только в повседневной речи, а также в величайших произведениях Гомера, в неугасаемой древнегреческой мифологии, а также в наследии кельтов и духовных писаниях.

Литература

Лосев А. Ф. Символ и художественное творчество // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1971. Т. XXX. Вып. 1. С. 3-13.

Маслова Ж.Н. Мифологическая метафора в аспекте исследования генезиса метафоры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2015а. Т. 15, вып. 1. С. 24-28.

Маслова Ж.Н. Творческое языковое сознание: монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015б.

Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Академический Проект: Мир, 2012.

Потебня А.А. Слово и миф. М.: Издательство «Правда», 1989.

Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академический Проект, 2008.

Телия В.Н., Опарина Е.О. Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак // Культурология. 2011. 1 (56). С. 145-148.

Фрейденоберг О.М. Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998.

Шелестюк Е.В. Представленность символа в структуре понятия // *Mentalität und Mentales* / Hrsg. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2003. S. 32-45.

Hausman C. A review of metaphorical theory and metaphorical reference revisited // *Semiotica*. 2006.161, vol. 1. P. 213-230.

Kintsch W. Symbol systems and perceptual representations // *Symbols and Embodiment*, ed. by M. De Vega, A. Glenberg, & A. Graesser. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008. P. 145-164.

Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / ed. by A. Ortony, 2nd edn. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 202-251.

Monaghan P. The Encyclopedia of Celtic Mythology and Folklore. NY: Facts On File, Inc., 2003.

Multitran. URL: <https://www.multitran.com/>

OED – Onlyne Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/>

Zanker A.T. Metaphor in Homer: Time, Speech, and Thought. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2019.

N.V. Shelepova (*Astrakhan, Russia*)

Astrakhan State Technical University

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN CONCEPTUAL METAPHOR, MYTH AND SYMBOL

Our experience of interacting with the physical world serves as a natural and logical basis for the understanding of more abstract things, which is reflected in the creation of metaphors. The analysis of English metaphors with a mythological component has shown that on a cognitive level they are followed by conceptual metaphors, which, in their turn, are involved in the “generation” of cultural symbols, actively functioning in different historical eras.

Key words: mythological metaphor, conceptual metaphor, symbol, myth, cognitive structures.

VI. КУЛЬТУРНО МАРКИРОВАННЫЕ И ЭКСПРЕССИВНЫЕ ЗНАКИ ЯЗЫКА В ТЕКСТЕ И ДИСКУРСЕ

---

*И.И. Валуйцева, Г.Т. Хухуни (Мытищи, Россия)
Московский государственный областной университет
irinaiv-v@yandex.ru
khukhuni@mail.ru*

«ТЕКСТОЦЕНТРИЧНОСТЬ» В ПЕРЕВОДЕ: ЗА И ПРОТИВ

В статье рассматриваются некоторые аспекты, связанные с ролью исходного текста в процессе межязыковой коммуникации. Отмечается, что в последние десятилетия утверждение функционально-коммуникативного подхода к переводу порой приводит к преуменьшению значимости оригинала, что представляется не вполне оправданным.

Ключевые слова: текст, исходный, перевод, функционально-коммуникативный подход, эквивалентность, адекватность.

Позволим себе начать статью с эпизода, рассказанного С.С. Аверинцевым и относящегося к его беседе с известным франко-израильским ученым, общественным деятелем и переводчиком Священного Писания на французский язык Андре Шураки: «Монологу этого изощренного экспериментатора <...> был неожиданно предпослан наподобие эпитафии немудрящий еврейский анекдотец. Еврей переходит границу; таможенник спрашивает: “Что в сумке?” Еврей отвечает: “Шофар” (то самое, от звука чего развалились стены Иерихона, – духовой инструмент из бараньего рога). “А что такое – шофар?” – спрашивает таможенник. На этом месте еврей, должно быть, вспоминает всю европейскую традицию библейских переводов: “Ну, труба”. – “Так бы и говорил – труба”, – ворчит таможенник. А еврей: “Так ведь шофар – это ж не труба...” В его собственном переводе шофар называется только “шофар” – shophar – и больше никак <...>» [Аверинцев 1998. Электронный ресурс].

Соотнося приведенную историю с темой нашей работы, отметим несколько моментов, представляющихся существенными. Во-первых, носитель иудейской культуры, ориентирующийся на исходный текст, четко отграничивал специфическую для нее реалию от «трубы вообще». Во-вторых, чтобы избежать коммуникативной неудачи с представителем другой культуры, он счел необходимым прибегнуть к использованию привычного для него понятия. Заметим, что по аналогичному пути следовала не только «вся европейская традиция библейских переводов», о которой упоминал С.С. Аверинцев, но и создатели русскоязычных версий Библии в самом Израиле [ТаНаХ. Электронный ресурс]. В-третьих, собеседник С.С. Аверинцева предпочел в данном случае пойти наперекор традиции и ориентироваться исключительно на текст оригинала, т.е. руководствоваться текстоцентричным принципом в его «чистом» виде, хотя вряд ли читатели французской версии, не знакомые в своей массе с использованными в еврейском тексте Библии обозначениями музыкальных инструментов, оказались бы более подготовленными в коммуникативном плане, чем тот таможенник, с которым пришлось иметь дело герою анекдота.

Теперь коснемся самого понятия «текстоцентричности». Относительно широко оно стало применяться в отечественной научной литературе приблизительно последние лет двадцать, причем нередко акцентировалась его противопоставленность коммуникативно-функциональному подходу, признаваемому если не единственно правильным, то, во всяком случае, ведущим принципом современного переводоведения: «Текстоцентрическому подходу к изучению и осуществлению перевода противостоит коммуникативно-функциональный подход, который <...> сейчас уже уверенно определяет направленность многих переводоведческих исследований <...> При таком подходе основным ориентиром для переводчика является цель перевода, осознание которой позволяет избрать стратегию перевода, соответствующую коммуникативной ситуации» [Сдобников. Электронный ресурс]. В связи с этим автор упоминает скопос-теорию, по его мнению, «точно раскрывающую суть и характер профессиональной переводческой деятельности» [Там же].

И.С. Алексеева рассматривает скопос-теорию в рамках антропоцентрической парадигмы («Решающим компонентом модели “скопос”, вне всяких сомнений, является антропологический фактор»), как это делает и В.В. Сдобников, указывавший, что в области переводоведения произошел «поворот», который можно назвать антропоцентриче-

ским, послуживший основанием для коммуникативно-функционального подхода к осуществлению и изучению перевода» [Сдобников 2019: 296]. Далее она заключает: «<...> оба подхода взаимно дополняют друг друга: антропоцентрические подходы не полны без понятия “текст”, поскольку тексты – продукция переводчика; текстоцентрические подходы не могут не учитывать человеческий фактор. Соединяются они в рамках деятельностной парадигмы» [Алексеева 2013: 186]. Таким образом, И.С. Алексеева не отказывает (в отличие, например, от Р.Р. Чайковского [Чайковский 2016]) скопос-теории в том, что ее положения «расширяют представления о базовых понятиях: переводе и эквивалентности» [Алексеева 2013: 18], но не разделяет точки зрения наиболее крайних ее представителей о «низведении со своего пьедестала исходного текста» и тем более о его «низвержении» [Прунц 2015: 164].

В связи с этим мы хотели бы внести определенные коррективы в основной постулат сторонников данной концепции, согласно которому «главным в переводном акте становится не соответствие ПТ исходному тексту в семантическом и даже в функциональном отношении, а соответствие созданного в результате переводческого акта продукта потребностям и ожиданиям получателя или инициатора перевода» [Сдобников 2015: 27].

Прежде всего, получатель перевода (а нередко и заказчик) далеко не всегда имеет достаточное представление о том, что из себя представляет исходный текст. А без этого понятия, как справедливо замечено И.С. Алексеевой, при рассмотрении перевода обойтись невозможно. Это признают и представители скопос-теории, поэтому в тех случаях, когда имеет место такая ситуация, переводчик может взять инициативу на себя, определяя, какую именно цель заказчик имеет в виду ([Сдобников 2015: 27], ссылка на [Nord 2006]). Однако в подобном случае возникает реальная опасность того, что переводчик не только и даже не столько будет исходить из желания клиента (оставляем пока в стороне вопрос, насколько такая позиция может считаться полностью оправданной), сколько подменять ее своим. В этом смысле тезис, нередко выдвигаемый критиками скопос-теории, согласно которому ее установки делают из переводчика некое подобие представителя сферы обслуживания, руководствующегося принципом «Клиент всегда прав» [Чайковский 2016: 16], рискует превратиться в свою противоположность – клиент окажется вынужден потреблять то, что навязет ему «обслуживающий персонал».

Объективности ради необходимо признать, что обе опасности – как то, что неограниченное следование воле клиента может привести к фактической манипуляции текстом под его диктовку, так и то, что в конечном итоге результат перевода будет отвечать установкам не заказчика, а исполнителя – не прошли мимо внимания представителей скопос-теории. В связи с этим К. Норд вводится понятие лояльности (*loyalty*), предполагающее, с одной стороны, уважение к коммуникативным интересам и намерениям автора, а с другой – коммуникативным нуждам клиента. Именно такое «взаимное уважение», по ее словам, и приведет к желаемому результату, когда заказчики смогут принять перевод, который отличается от их ожиданий: “If authors can be sure that translators will respect their communicative interests or intentions, they may even consent to any changes or adaptations needed to make the translation work in the target culture. And if clients or receivers can be sure that the translator will consider their communicative needs as well, they may even accept a translation that is different from what they had expected” [Nord 2009: 117]. Логика в приведенном утверждении, конечно, присутствует. Понятие лояльности позволяет, оставаясь в рамках скопос-теории, смягчить положение, согласно которому «про инвариант перевода можно говорить только применительно к определенной коммуникативной ситуации» [Сдобников. Электронный ресурс]. При такой трактовке «лояльность» и будет рассматриваться как грань, очерчивающая ареал того, что «остается неизменным во всех случаях перевода» [Там же]. Но здесь есть и определенные риски. Во-первых, далеко не всегда существует возможность узнать «коммуникативные интересы или намерения автора». Во-вторых, в тех случаях, когда, по утверждению представителей скопос-теории, сами заказчики не могут эксплицитно сформулировать, чего они ждут от перевода, «бремя целеустановки» ложится на переводчика, что придает «уважению коммуникативных нужд клиентов или получателей» субъективный характер. Наконец, само понятие «лояльности» остается в рассуждениях К. Норд и ее коллег не слишком определенным, на что указывал не принадлежащий к противникам данной теории А.С. Десницкий, считающий, что «в целом ее подход представляется вполне разумным» [Десницкий 2015: 95].

Думается, что аналогичные риски могут иметь место и в тех случаях, когда заказчик, напротив, не только достаточно эксплицитно осознает, чего именно он ждет от перевода, но и весьма активно навязывает его исполнителю свою цель – иными словами, здесь будет иметь место такое «соответствие ожиданиям», которое отвечает суще-

ствующей на момент «заказа» конъюнктуре, но «привязать» которые к «интересам и намерениям автора» исходного текста можно с большой натяжкой. В подобных случаях следует говорить не столько о целевой установке, определяемой заказчиком, сколько о цензурном вмешательстве с его стороны. Будет ли оно определяться административными органами, частными лицами или даже самим переводчиком, примеров чему в истории данной области человеческой деятельности было достаточно много, – особой роли не играет. В любом случае сохраняется угроза произвола по отношению к «целям и намерениям автора», о которой предупреждала сама К. Норд: “<...> there would be no restriction to the range of possible ends; the source text could be manipulated as clients (or translators) saw fit” [Nord 2009: 117], что явно нарушает сформулированный ею принцип «лояльности».

Само использование в качестве критерия понятия «намерение» также вызывает некоторые вопросы. Особенно очевидно это в тех случаях, когда автор либо уже прекратил свое физическое существование, либо вообще анонимен, на что указывал, в частности, А.С. Десницкий [Десницкий 2015: 95]. Однако и в тех случаях, когда подобное препятствие отсутствует, возникает вопрос о том, насколько «намерения» как таковые могут являться надежным критерием при решении вопроса об адекватности перевода. Если говорить о художественном переводе, то истории хорошо известны случаи, когда результат творческой деятельности автора, запечатленный в *тексте*, далеко не полностью совпадал с *намерениями*, с которыми автор приступал к его созданию. Если даже не обращаться к примеру с библейским пророком Валаамом, где это несоответствие отражено наглядным образом, можно вспомнить цитату, к которой часто прибегали отечественные литературоведы советского периода: «<...> Бальзак по своим политическим взглядам был легитимистом. Его великое произведение – нескончаемая элегия по поводу непоправимого разложения высшего общества; все его симпатии на стороне класса, осужденного на вымирание. Но при всем этом его сатира никогда не была более острой, его ирония более горькой, чем тогда, когда он заставлял действовать именно тех мужчин и женщин, которым он больше всего симпатизировал, дворян. И единственные люди, о которых он всегда говорит с нескрываемым восхищением, это его самые ярые политические противники, республиканцы» [Энгельс 1965: 137]. Следовало ли переводчику, получившему, скажем, заказ от издателя-монархиста, руководствуясь «намерениями» писателя-легитимиста, «низвести с пьедестала» исходный текст и предста-

вить в своем варианте представителей дворянства в героическом свете, а в сатирическом – революционеров-республиканцев, или все же руководствоваться именно тем, что запечатлено в объективно существующем и оставленном автором *тексте*? Думается, что даже наиболее последовательные приверженцы скопос-теории затруднятся в подобном случае с однозначным ответом.

В специальной литературе теоретиков перевода неоднократно упрекали в том, что, создавая свои концепции, они опираются, прежде всего, на материал, связанный с передачей художественной литературы, что, с одной стороны, сужает область исследования, а с другой – в значительной степени лишает его объективности, поскольку «перевод художественной литературы является наиболее благоприятным материалом для создания субъективных, умозрительных, даже радикальных теорий, нежизнеспособность которых было бы легко продемонстрировать, применив их к более утилитарным текстам» [Бузаджи 2011. Электронный ресурс]. Не останавливаясь сейчас на другой стороне вопроса – а насколько «объективной» является критика теоретических принципов, касающихся передачи художественного текста, с позиций перевода текста «утилитарного» – обратим внимание на следующее. В цитируемой нами статье для иллюстрации своих идей Д.М. Бузаджи прибегает к примеру из художественной литературы – сопоставлению фрагментов двух переводов юмористического рассказа с английского языка на русский. Представляется, что это не случайно – полноценное рассмотрение вопросов, входящих в компетенцию переводоведения, вряд ли возможно без сравнительных исследований, а именно тексты художественной литературы располагают обычно более чем одной версией перевода, для некоторых же произведений таких версий может быть довольно много.

В завершение остановимся еще на одном моменте. Стремление обеспечить исключительно сиюминутный коммуникативный эффект за счет игнорирования тех элементов исходной культуры, которые могут вызвать у рецепторов перевода непонимание или отторжение, его создатель может зайти весьма далеко и в конечном итоге фактически упустить из виду цель, которую он в своей деятельности реализует. Характерен пример, приведенный в работе В.Н. Комиссарова: автор некоего миссионерского перевода Нового Завета, обнаружив, что у принимающей аудитории существует групповой брак, вследствие чего наиболее дорогим и близким родственником будет сын сестры, а не собственный ребенок, поскольку в отцовстве уверенным быть нельзя,

чтобы добиться коммуникативного эффекта, решил сделать Христа племянником Господа Бога [Комиссаров 2000: 146-147]. Если учесть, что конечной целью миссионерской деятельности вообще-то является приобщение язычников к христианству как религии монотеистической, то появление у Господа сестры, необходимой для наличия племянника, таковой цели вряд ли послужит.

Подведем итоги сказанному. Было бы неверным отрицать тот вклад, который внес (и продолжает вносить) в переводоведение коммуникативно-функциональный подход, равно как и однозначно квалифицировать рассматриваемую в качестве его разновидности скопостеорию как «засохшую ветвь переводоведческой науки» [Чайковский 2016: 16]. Такую оценку можно объяснить полемическим преувеличением. Однако данное направление – как и любая научная концепция – неизбежно имеет определенные пределы своего применения, вследствие чего ее абсолютизация и тем более попытки придать ей монопольный характер могут привести к негативным последствиям. Так что – возвращаясь к эпизоду, приведенному в начале статьи – в коммуникативном плане «шофар», наверное, действительно соотносится с трубой, но для перевода такое отождествление не всегда стоит рассматривать как единственно правильное.

Литература

Аверинцев С.С. Два слова о том, до чего же трудно переводить библейскую поэзию. Из книги Псалмов Давидовых // Новый мир. 1998. № 1. С. 94-97. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1998/1/dva-slova-o-tom-do-chego-zhe-trudno-perevodit-biblejskuyu-poeziyu.html (дата обращения: 09.03.2020).

Алексеева И.С. Антропоцентризм и текстоцентризм в современной теории и философии перевода // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 183-187.

Бузаджи Д.М. К вопросу об определении понятия «перевод» // Мосты. 2011. № 2(30). С. 44-55. URL: <http://www.thinkaloud.ru/science/buz-definition.pdf> (дата обращения: 14.03.2020).

Десницкий А.С. Современный библейский перевод: теория и методология. М.: Изд-во ПСТГУ, 2015.

Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Курс лекций. М.: ЭТС, 2000.

Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической. М.: Р. Валент, 2015.

Сдобников В.В. Инвариант перевода: миф или реальность? URL: <http://docplayer.ru/51154868-Invariant-perevoda-mif-ili-realnost.html> (дата обращения: 09.03.2020).

Сдобников В.В. Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода: дис. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород, 2015.

Сдобников В.В. Переводоведение сегодня: вечные проблемы и новые вызовы // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2019. №2. С. 295-327.

ТаНаХ (Тора, Пророки, Писания). Перевод на русский язык Давида Йосифона. Иерусалим: Изд-во «Мосад Рав Кук», 1975. URL: <http://holyscripture.ru/bible/?t=josphon> (дата обращения: 09.03.2020).

Чайковский Р.Р. Свет и тени российского переводоведения // Вестник МГУ. Серия 22. Теория перевода. 2016. №4. С. 5-25.

Энгельс Ф. Письмо Маргарет Гаркнесс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 37. М.: Издательство политической литературы, 1965. С. 135-137.

Nord Christiane. Jack of All Trades, Master of None? // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2009. Вып. 4. Лингвистика и межкультурная коммуникация. С. 114-121.

Nord Christiane. Loyalty and Fidelity in Specialized Translation // Artigos e comunicações: Confluências – Revista de Tradução Científica e Técnica. No 4, Maio, 2006. P. 29-41.

I.I. Valuitseva, G.T. Khukhuni (Mytishchi, Russia)
Moscow Region State University

“TEXTCENTRICITY” IN TRANSLATION: PRO ET CONTRA

The paper deals with some aspects connected with the role of the source text in translation process. The authors argue that last decades the implementation of the communicative-functional approach leads sometimes to the understatement of the original, which they do not deem to be quite reasonable.

Key words: text, source, translation, communicative-functional approach, equivalence, adequacy.

А.В. Вдовиченко, В.Я. Порхомовский, О.И. Романова
(Москва, Россия)

Институт языкознания РАН

anlvdo@mail.ru

vporkhom@yahoo.com

olgaromanov@gmail.com

АНТРОПОМОРФИЗМЫ В ВЕТХОМ ЗАВЕТЕ ПО ВЕРСИЯМ СЕПТУАГИНТЫ И ВУЛЬГАТЫ

Статья посвящена анализу стратегий перевода канонического текста Ветхого Завета в версиях Септуагинты и Вульгаты. При переводе фрагментов, не соответствующих более поздним монотеистическим принципам иудаизма и христианства, возникает выбор между двумя стратегиями – следовать оригиналу или редактировать его в соответствии с принципами монотеизма. Эта проблема рассматривается на материале лексической группы антропоморфизмов.

Ключевые слова: Ветхий Завет, Септуагинта, Вульгата, стратегии перевода, антропоморфизмы.

Данное исследование является продолжением серии работ одного из авторов настоящей статьи совместно с французским семитологом и библеистом профессором Ф. Кассюто (1959-2020), посвященных проблемам перевода Ветхого Завета на различные языки (см., напр., [Кассюто, Порхомовский 2010, 2016; Порхомовский 2012, 2017; Cassuto 1989, 2014; Cassuto, Porkhomovsky 2009, 2014]).

В фокусе внимания находились вопросы стратегии перевода в случаях, которые представляют значительные трудности в плане семантики и прагматики. Одной из основных причин этих трудностей является то обстоятельство, что текст BIBLIA HEBRAICA складывался на протяжении многих столетий в разных культурно-исторических условиях, в нем нашли отражения сложные многоаспектные процессы формирования впервые в мировой истории монотеистической религии и яркие эпизоды борьбы этих новых монотеистических представлений с традиционными культурами. В результате в тексте BIBLIA HEBRAICA представлены многочисленные случаи, когда отдельные фрагменты этого текста не соответствуют сложившимся в более позднее время монотеистическим канонам иудаизма и христианства. Поскольку канонический письменный текст BIBLIA HEBRAICA закрыт для каких-либо изменений, в иудаизме возникли различные способы решения этих проблем, в т.ч. правила чтения отдельных фрагментов письмен-

ного текста – так наз. *qere-ketiv* (наиболее важными из них являются принципы чтения непроизносимого основного имени Бога Всевышнего, обозначаемого тетраграмматоном YHWH) и «исправления писцов». Однако подобный подход невозможен при переводе, где приходится выбирать между максимально точным воспроизведением в переводе письменного оригинального текста и адаптацией этого текста к принципам монотеизма. В рамках наших исследований первая стратегия перевода Библии была определена как филологическая, а вторая – как идеологическая. В фокусе настоящей работы находятся антропоморфизмы. В соответствии с филологической стратегией антропоморфизмы сохраняются в переводе, тогда как идеологическая стратегия предполагает различные способы исключения антропоморфизмов из текста перевода. Наше исследование сосредоточено на способах решения данной проблемы в процессе перевода древнееврейского текста Библии на древнегреческий и латинский языки. Стратегии перевода Ветхого Завета на эти языки представляют большой интерес не только сами по себе, но и по той причине, что эти переводы оказали большое влияние на выбор стратегий последующих переводов Библии на различные языки.

Задача перевода текста Ветхого Завета с библейского иврита возникла задолго до появления христианства вследствие естественных процессов трансформации коммуникативных клише, используемых в данном социуме (ср. попытки понимания старославянских текстов среднестатистическим носителем современного русского языка). Эффект понимающего чтения возникает при условии, что воссоздаваемый читателем фонетический образ читаемого текста отсылает к привычным для него коммуникативным ситуациям, в состав которых входят данные фонетические клише (см., напр., [Вдовиченко 2017]). При полной или частичной утрате (в сознании читающего) связи между фонетической формой, воссоздаваемой по условным правилам чтения, и известным (привычным) семиотическим действием, реализуемым с вовлечением данного клише, текст в каждом из своих моментов становится недостаточно понятным, что и вызывает необходимость его перевода. Как в грекоязычных, так и в арамеоязычных еврейских анклавах, читавших и почитавших еврейский текст Библии, такая необходимость нарастала постепенно, выразившись в создании арамейских таргумов (начиная со II-го в. до н.э.) и грекоязычной Септуагинты.

Септуагинта, наиболее ранний из достоверно известных переводов Библии (III-I вв. до н.э.), согласно преданию, отраженному

в «Письме Аристея» (датируется между III-I вв. до н.э.), явилась результатом работы «семидесяти толковников» (точнее, семидесяти двух). Наиболее важным и бесспорным среди сохранных традицией сведений следует считать тот факт, что переводчики происходили из иудейской среды. Адресатом перевода, согласно «Письму Аристея», был грекоязычный царь Египта Птолемей Филадельф. Однако огромное значение переведенной Торы (пяти первых книг Закона) для грекоязычных иудеев вне Палестины позволяет видеть в этой истории прямую заинтересованность и преимущественную роль самой иудейской общины в осуществлении перевода (согласно «Письму Аристея», иудейская община Александрии одобрила и приняла текст, изначально предназначенный для царя). Ввиду этого часто используемые понятия «греческий читатель» и «греческий язык» применительно к тексту Септуагинты следует воспринимать со значительными поправками, продиктованными спецификой иудейского лингвокультурного пространства: Септуагинта предназначалась не для «греческого читателя»; вербальные клише были ориентированы не на правила «греческого языка», а на аутентичный самодостаточный узус, бытовавший в синагогальных практиках восприятия «Священного текста» [Вдовиченко 2016: 167, etc.].

Ввиду того, что вербальные клише производят смыслообразование только в составе соответствующих семиотических действий, будучи их несамостоятельной интегрируемой частью, действия, производимые с участием на первый взгляд «греческих» вербальных клише, в иудейских «грекоязычных» синагогах при чтении и изучении Писания были не совсем «греческими»: так, *θεός*, условно «греческий», и *θεός*, условно «иудейский», значительно разнятся между собой, несмотря на единую предметную форму. Соотношение между предметной (пословной, языковой) и коммуникативной (смысловой, естественной) интерпретациями «Священного текста», которое заметно варьируется интерпретаторами (переводчиками, толкователями, исследователями), представляет собой ключевое методологическое условие анализа и оценки суждений о природе и смысле вербальных элементов Библии.

Особая роль в этом плане принадлежит латинскому переводу Библии Св. Иеронима, известной под названием Вульгата (от лат. *editio vulgata* 'общепринятая версия'). В основе этой официально признанной католической церковью латинской Библии лежит текст конца IV – начала V в. н.э., выполненный Евсебием Иеронимом, известным

также как Иероним Стридонский. Если для Нового Завета версия Иеронима (383 г.) представляет собой исправленный текст существовавших прежде латинских переводов (так наз. *vetus latina* 'старолатинские'), то перевод всех текстов Ветхого Завета (завершен в 405 г.) выполнен с древнееврейского оригинала. Перевод Иеронима не сразу был принят повсеместно, преимущественно его стали употреблять только в VIII и IX вв.

Создававшиеся начиная с V в. рукописные тексты Библии неизбежно содержали ошибки, опущения и добавления, и при отсутствии единого книжного рынка тексты было сложно верифицировать. В течение последующих веков неоднократно предпринимались попытки избавить текст от ошибок и искажений, пока в конце XVI в. не появилось выполненное под эгидой папы Климента VIII исправленное издание, которое начиная с 1604 г. стало официально называться Клементинским (Клементина). Клементина оставалась официальной латинской Библией Римско-католической церкви до 1979 г.

В 1965 г. Второй Ватиканский собор постановил пересмотреть текст Вульгаты. Полный текст нового перевода вышел в течение 1970-1971 гг., однотомное издание вышло в 1979 г. и получило название «Новая Вульгата». Это издание получило статус официального библейского текста Римско-католической церкви. В 1986 г. вышло второе, исправленное, издание нового перевода, который является нормативным для всей Римско-католической церкви. Примеры в настоящей статье иллюстрируют словоупотребление в двух последних версиях Вульгаты – Клементины и Новой Вульгаты.

Источники

Оригинальный текст Ветхого Завета:

Масоретский текст – BIBLIA HEBRAICA STUTTGARTENSIA. URL: <https://www.die-bibel.de/shop/bibelstudium/wissenschaftliche-bibelgaben/hebraeisch/biblia-hebraica-stuttgartensia-5225>

LXX – Septuaginta. Id est Vetus Testamentum graece juxta LXX interpretes, edidit Alfred Rahlfs. Duo volumina in uno. Deutsche Bibelgesellschaft, Stuttgart, 1935, 1979.

VulgataCl – The Latin Vulgate (Biblia Sacra Vulgata) Clementine Version. Translation from Greek and other languages into Latin by Saint Jerome, about 382 A.D. URL: <http://www.drbo.org/latin>

VulgataN – Nova vulgata bibliorum sacrorum editio (1979), editio tipica altera 1986. URL: http://w2.vatican.va/archive/bible/nova_vulgata/documents/nova-vulgata

В тексте работы оригинальные материалы из Ветхого Завета цитируются по стандартной масоретской версии (см. выше список источников), далее в квадратных скобках дается ссылка на соответствующие книги, главы и стихи Ветхого Завета (используются принятые английские названия), в необходимых случаях приводятся наши буквальные (насколько это технически возможно) переводы оригинального текста на русский язык; в этих переводах тетраграмматон YHWH передается как Яхве. Затем даются версии Септуагинты и Вульгаты из указанных выше источников; в квадратных скобках при соответствующей лексеме приводится русский перевод, при этом перевод в версии Новой Вульгаты не повторяется, если он идентичен версии Вульгаты Клементины.

regle “elohenu [1 Chronicles 28,2 „ноги нашего Бога“]
LXX – ζῆνάζῃ τιν ποδῶν Κεϋλίος (скамейка для ног) ἡμῶν
VulgataCl – scabellum pedum [скамейка для ног] Dei nostri
VulgataN – scabellum pedum Dei nostri

yad YHWH [Isaiah 41,20 „рука Яхве“]
LXX – σῆπ Κεϋλίος (рука Господа) ἐποίηζε ηῶῃη
VulgataCl – manus Domini [рука Господа] (fecit hoc)
VulgataN – manus Domini

we-yad YHWH hayta “el “eliyahu [3 Kings (1 Kings) 18,46
„и рука Яхве была на Илиии“]
LXX – καὶ σῆπ Κεϋλίος (рука Господа) ἐπὶ ἱρὸν Ἠλιοῦ
VulgataCl – et manus Domini [рука Господа] facta est super Eliam
VulgataN – Et manus Domini facta est super Eliam

u-be-“ozne “elohenu [1 Chronicles 28,8 „в уши нашего Бога“]
LXX – ἐν ὠζὶ Θεοῦ ἡμῶν (уши Бога нашего)
VulgataCl – audiente Deo [слух Бога] nostro
VulgataN – audiente Deo nostro

ki pi YHWH diber [Isaiah 1,20 „ибо рот Яхве сказал“]

LXX – τὸ γὰρ ζήόμα Κςπίος (уста Господа) ἐλάλησε ηαῶηα

VulgataCl – quia os Domini [уста Господа] locutum est

VulgataN – quia os Domini locutum est

„eyn YHWH [Psalms 33,18,16 „глаз Яхве“]

(единичное употребление в ед. ч., во всех остальных случаях используется двойственное число)

LXX – ὀθθαμοί Κςπίος (глаза Господа) ἐπὶ δικαίος, καὶ ῶηα αῦηοῶ
εἶρ δέηζι αῦηῶν

VulgataCl – oculi Domini [глаза Господа] (super iustos)

VulgataN – oculi Domini super metuentes eum

shiva,, “eleh „eyne YHWH [Zachariah 4,10 „эти семь глаз Яхве“]

(здесь имеется в виду созвездие Большой Медведицы)

LXX – ἐπῆ οῶηρι ὀθθαμοί Κςπίος (эти семь глаз Господа)

VulgataCL – septem isti oculi sunt Domini [(эти) семь глаз Господа]

VulgataN – Septem illae oculi sunt Domini [(те) семь глаз Господа]

Ruah “adonay YHWH [Isaiah 61,1 „дух Господа Яхве“]

LXX – πνεῦμα Κςπίος (дух Господа) ἐπ’ ἐμέ

VulgataCl – spiritus Domini [дух Господа] super me

VulgataN – Spiritus Domini Dei [дух Господа Бога] super me

“arze “el [Psalms 80,10 „кедры Бога“]

LXX – τὰρ κέδρος ηοῦ θεοῦ (кедры Бога) [Psalms 79,11]

VulgataCl – cedros Dei (кедры Бога) [Psalms 79,11]

VulgataN – cedri Dei (кедры Бога) [Psalms 80,11]

Yarekh „бедро“

«Бедро» – это эвфемизм для обозначения половых органов, так же как и выражение «вышедшие из бедра» [Genesis 46,26; Exodus 1,5]. Жест клятвы («положить руку под бедро») призывает в свидетели непосредственные источники жизни, как в [Genesis 47,29]. Эта лексема в рассматриваемых ниже случаях не является антропоморфизмом, но представляет несомненный интерес для анализа стратегии перевода.

sim na“ yadkha tahat yerekhi [Genesis 24,2

„положи, пожалуйста, руку под моё бедро“]

LXX – θέρε ἤν σαῖπά ζος ὑπὸ τὸν μηρόν μου (под моё бедро)

VulgataCl – pone manum tuam subter femur meum [моё бедро]

VulgataN – Pone manum tuam subter femur meum

kol ha-nefesh ha-ba“a le-ya,aqov mitsrayma yots“e yerekho

mi-levad neshe vene ya,aqov kol nefesh shishim wa-shesh

[Genesis 46,26 „всех душ, которые пришли с Иаковом в Египет, вышедшие из его бедра, не считая жен сыновей Иакова, всех душ – семьдесят“]

LXX – οἱ ἐξεληθόντες ἐκ τῶν μηρῶν αὐτοῦ (из бедер его), συμπὴρ τῶν γυναικῶν ζῴων Ἰακώβ, πᾶσαι τρεῖς ἑξήκοντα ἕξ.

VulgataCL – cunctae animae, quae ingressae sunt cum Jacob in Aegyptum, et egressae sunt de femore illius [из его бедра], absque uxorbibus filiorum ejus, sexaginta sex

VulgataN – cunctae animae, quae ingressae sunt cum Jacob in Aegyptum et egressae de femore illius, absque uxorbibus filiorum eius, sexaginta sex.

wa-yehi kol nefesh yots“e yerekh ya,aqov shiv,im nefesh

[Exodus 1,5 „всех душ, вышедших из бедра Иакова семьдесят душ“]

LXX – ἦσαν δὲ πᾶσαι τρεῖς ἑξ Ἰακώβ (из Иакова) πέντε καὶ ἑβδομήκοντα

VulgataCl – erant igitur omnes animae eorum qui egressi sunt de femore [из бедра] Jacob septuaginta

VulgataN – Erant igitur omnes animae eorum, qui egressi sunt de femore Iacob, septuaginta

В рассмотренных выше примерах наблюдается абсолютное преобладание филологической стратегии. Так, идеологическая стратегия отмечена в Септуагинте и Вульгате в случае *regle* 'elohenu „ноги нашего Бога“ и только в Вульгате в случае *u-be-‘ozne* 'elohenu, „в уши нашего Бога“. Во всех остальных случаях используется филологическая стратегия. Заметим, что подобное распределение стратегий перевода характерно для ранних переводов Библии.

Что касается лексемы *бедро*, то здесь во всех случаях используется филологическая стратегия, т.е. лексема *бедро* сохраняется как

в Септуагинте, так и в Вульгате, за исключением одного примера в Септуагинте, где говорится «(вышедшие) из Иакова». В более поздних переводах Библии на разные языки часто «восстанавливается» лексема, которую в каноническом тексте BIBLIA HEBRAICA заменяет эвфемизм. Можно также отметить, что аналогичный мотив «рождения из бедра» представлен в греческой мифологии.

Литература

Вдовиченко А.В. Казус «языка» Септуагинты и Нового Завета. Лингвистический метод за и против авторов. М.: Издательство ПСТГУ, 2016.

Вдовиченко А.В. Вербальный процесс в зеркале чтения и письма // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III: Филология. 2017. № 3 (52). С. 62-75.

Кассюто Ф., Порхомовский В.Я. Имена Бога в Ветхом Завете и проблема их перевода // В пространстве языка и культуры: звук, знак, смысл. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 363-375.

Кассюто Ф., Порхомовский В.Я. Новый перевод Библии на язык хауса: типологический аспект // Исследования по языкам Африки. 2016. Вып. 6. С. 97-109.

Порхомовский В.Я. К типологии переводов Библии (на материале языка хауса) // Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки: материалы X Международной конференции. Москва: Ключ-С, 2012. С. 210-215.

Порхомовский В.Я. Переводы Ветхого Завета и их роль в становлении языковых и литературных традиций // Развитие языков и литератур в контактных ситуациях: материалы круглого стола. М.: Буки-Веди, 2017. С. 132-142.

Cassuto Ph. Qeré-Ketiv et Listes massorétiques dans le manuscrit B 19a de Leningrad. Frankfurt: Peter Lang, 1989.

Cassuto Ph. La Bible: l'écrit, le lu et autres points. Oralité et écriture dans la Bible et le Coran. Aix-en-Provence: Presses Universitaires de Provence, 2014. P. 11-40.

Cassuto Ph., Porkhomovsky V. Les dieux, le dieu et Dieu dans les versions massorétique et haoussa de la Bible // Studi Magrebini, Nuova Serie (VII). VIII Afro-Asiatic Congress. Napoli, 2009. P. 135-143.

Cassuto Ph., Porkhomovsky V. Les noms des parties du corps dans les versions haoussa de la Bible // Hausa and Chadic studies. Eds. N. Pawlak, E. Siwierska, I. Will. Warsaw: Elipsa, 2014. P. 141-151.

A.V. Vdovichenko, V.Ya. Porkhomovsky, O.I. Romanova
(Moscow, Russia)

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

ANTHROPOMORPHISMS IN THE OLD TESTAMENT ACCORDING TO SEPTUAGINT AND VULGATE

The article analyzes translation strategies in Septuagint and Vulgate. Two strategies can be followed in translating those parts of the canonical Bible text that do not fully correspond to the idea of monotheism, central both to Judaism and Christianity. The options are either to follow the text verbatim or to adjust it according to the idea of monotheism. The ways anthropomorphisms are translated in Septuagint (Greek) and Vulgate (Latin) versions of the Old Testament illustrate how these translation strategies are applied.

Key words: Old Testament, Septuagint, Vulgate, translation strategies, anthropomorphisms.

А.И. Ефимова (Санкт-Петербург, Россия)

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
annefmann@gmail.com

«СВОЙ/ЧУЖОЙ» В КОНСТРУИРОВАНИИ ВЫМЫШЛЕННОГО ЯЗЫКА (на материале научно-фантастической повести Барри Брукса Лонгиера «Враг мой»)

Данная статья посвящена вымышленным языкам в произведениях жанра научной фантастики. В статье проводится анализ дракского языка из сборника рассказов Барри Лонгиера «Враг мой» с целью выявить культурную основу компонентов сконструированного автором языка драков.

Ключевые слова: научная фантастика, вымышленный язык, искусственный язык, оппозиция.

Понятие «искусственный язык» включает в себя совершенно разные языки – от тех, что применяются в программировании и пиктограмм, до языков международного общения. Искусственные языки выделены в отдельную группу не случайно, поскольку создаются для упрощения коммуникации там, где естественный язык неэффективен. Так, в качестве примера А.Ч. Пиперски приводит первые дорожные знаки, которые были созданы в XIX веке для первых автомобилистов и являлись текстовыми. Вскоре стало ясно, что такие знаки сложно читать на высокой скорости, также текстовые знаки усложняли вождение автомобиля за пределами родной страны. В результате современные дорожные знаки стали одним из самых распространенных и известных искусственных пиктографических языков [Пиперски 2018: 62].

Среди искусственных языков выделяется класс вымышленных языков, или «языков искусства» (artlangs) [Шувалова 2009: 10], созданных с целью описания какого-либо вымышленного мира в кино или литературе, которые могут выходить за рамки своего произведения.

Характерной чертой, выделяющей вымышленные языки среди искусственных языков, является усложнение коммуникации. С их помощью автор изображает картину мира, принципиально отличную от картины мира читателя, чтобы вызвать у него интерес к своей работе. Как следствие, персонажи художественного произведения контрастируют с другими не только в облике и поведении, но и в языке.

Материалом данного исследования стала повесть американского писателя-фантаста Барри Брукса Лонгиера (Barry Brookes Longyear) «Враг мой» („Enemy Mine“), послужившей началом для цикла работ «Враг мой» („The Enemy Papers“). Помимо «Врага моего», в сборник включены повести «Талман» („The Talman“), роман «Грядущий завет» („The Tomogow Testament“) и «Последний враг» („The Last Enemy“), эссе «О языках инопланетян» („On Alien Languages“) и «Беги, драк, беги» („Run, Drac, Run), а также статья «Основные дракские слова и выражения» („Drac for Travellers“), которая по сути является англо-дракским и дракско-английским словарем. Таким образом, выясняется, что автор использует английский язык как «свой», а дракский – как «чужой», придавая общению персонажей повести характер межкультурной коммуникации.

Все произведения цикла объединяет история войны землян и драков (Dracs), описанных как разумные обополюе трехпалые ящеры. Причины войны не упоминаются, известно только то, что она идет много лет и носит весьма ожесточенный характер. Несмотря на то, что

в цикл включены и другие произведения, сосредоточим свое внимание именно на повести «Враг мой», так как в ней содержится наибольшее количество фрагментов, иллюстрирующих структуру и языковое употребление, характерные для дракского языка.

В произведении содержится более 160 примеров употребления дракского языка, среди которых выделяются как отдельные слова, так и короткие фразы.

По словам самого Барри Лонгиера, он стремился создать для «Врага моего» такой язык, который был бы непредсказуемым и звучащим незнакомо для читателей в переводе [Longyear 2005: 618]. Вместе с этим читатель, по его замыслу, должен запомнить значение словосочетаний и фраз. В своем эссе «О языках инопланетян», включенном в состав сборника «Враг мой», Лонгьер описывает процесс создания дракского языка, в качестве источников для которого он использовал испанский, японский, иврит и так называемый «свинский латинский» (Pig Latin), который является искаженным английским и используется детьми и подростками как «тайный язык».

В результате повесть включает около трехсот лексических единиц на дракском, включенные в повесть так, чтобы читатель запомнил их вместе с главным героем, так как по сюжету во время очередного боя главный герой совершает аварийную посадку на необитаемой планете и находит спасательную капсулу сбитого им пилота противников. Им приходится выживать вместе, и инопланетянин учит своему языку главного героя и вместе с ним читателя. Стоит упомянуть, что нет возможности рассматривать фонетику дракского, так как в том же эссе Лонгьер объяснял, что фонетических правил для данного языка нет и дракские слова следуют читать так, как они пишутся, чтобы читатель мог без труда произнести инопланетные слова [Longyear 2005: 620].

Всю лексику из повести «Враг мой» можно условно разделить на группы в зависимости от их функций.

Первая группа – стилизованные варианты английских слов, упрощающие понимание вымышленного языка читателем. Одни представляют собой упрощенный английский, например, *ne – no*, *ae – yes*, *gefth – death*, *Irkmaan – Earthman*, *human*, *bresha – crash*, *dualtha – doubter*. Другие напоминают «свинский латинский», по правилам которого в словах, начинающихся на согласный, первый звук переносится в конец слова: *vul – love*, *dev – with*.

Вторая группа – слова, разработанные на основе других языков, при этом имеющие логику внутри дракского, что позволяет читателю

знакомиться с картиной мира описанного народа. В этой группе можно выделить слово *Talma*. Это не только священная книга для драков, но и «жизнь», «путь», «ответ». Образованное от него *Talman* означает и амулет, в котором она хранится у каждого, а *Talmat* переводится как «правило». Скорее всего, слово *Talma* с однокоренными словами было заимствована Лонгиером из иврита, так как оно напоминает «талмуд» (ивр. «учение»), свод правовых и религиозно-этических положений в иудаизме, то есть и значения *Talma* и «талмуд» весьма близки.

Слово *kovah* переводится как «школа», «институт», «храм» или «работа», а *fangen* это не только «друг», но и «будущее», «цель», что напрямую связано с сюжетом «Врага моего».

Третья группа – слова, разработанные на основе других языков, при этом не имеющие логики внутри дракского языка, имитирующие некоторую нелогичность в естественных языках. Так, например, *va* обозначает «твой», *vi* – «мой», но в то же время *vo* и *vi* переводятся как «деревня» и «город» соответственно. Слово *cha* соответствует английскому глаголу *to be*, но в то же время слово *ehdevva* переводится *be with me* без намека на *cha*.

По тем фрагментам коммуникации, что включены в повесть «Враг мой», можно сделать вывод, что дракскому языку присущ свободный порядок слов, что, вероятно, было заимствовано Барри Лонгиером из иврита. Так, фраза, которой пилот землян Уиллис Дэвидж (Willis Davidge) учит ребенка дракского пилота Джерибы Шигана (Jeriba Shigan) по имени Заммис (Zammis), выглядит так: „*Naatha nu enta va, Zammis zea does Jeriba, estay va Shigan, asaam naa denvadar*“. На английский она переводится автором следующим образом: «*Before you here I stand, Zammis of the line of Jeriba, born of Shigan, the fighter pilot*».

На русский язык фразу можно перевести как «Перед вами стою я, Заммис, из рода Джериба, рожденный Шиганом, военным пилотом». При этом, если перевести оригинальное предложение буквально, то получится «Перед вами стоит Заммис, род Джериба, рожден от Шигана, пилота войны», что напоминает порядок слов в иврите, где определение всегда стоит после существительного (*asaam naa denvadar* – «пилот войны») [Лерер 2017: 299]. Когда Джериба Шиган пытается говорить на английском языке с Уиллисом Дэвиджем, у него получается фраза «*Alone your chances better are, your enemy I am*» с порядком слов, в корне неправильным для английского, но допустимым в японском языке, в котором глагол всегда стоит на последнем месте [Басс 2007: 95].

Нефиксированный порядок слов и позиция глагола в конце предложения непривычны для англоязычного читателя, чем и пользуется Барри Лонгиер, создавая правдоподобный вымышленный язык.

Используя английский язык в конструировании дракского, Барри Лонгиер облегчил его понимание для читателя за счет слов, напоминающих английские, но при этом откровенно не похожих на них, например, *Irkmaan – Earthman, dualtha – doubter*. Этот эффект достигается и с помощью слов, созданных на основе других естественных языков.

Барри Лонгиер разработал в меру сложный вымышленный язык, который призван заинтересовать читателя и помогает создать картину мира вымышленного народа, говорящего на нем. Драки противопоставляются землянам, в то же время их язык представляет из себя смесь человеческих языков, причем такую, что читатель по мере прочтения повести осваивает дракский в большей или меньшей степени – в ином случае вымышленный народ не представлял бы интерес из-за невозможности как-либо его понять.

Даже само название инопланетной расы – драки, или *Dracs*, вызывает ассоциации с драконами (англ. *draco, dragon*) еще до того, как автор их описывает. Лексика дракского отражает картину мира драков, основные явления в их жизни, а также ценность учения, описанного в священной книге *Talma*. Дракские слова, обозначающие это и другие явления жизни вымышленного народа, образуются за счет стилизации английских слов. Нефиксированный порядок слов в дракском предложении, а также конечная позиция глагола делает его синтаксис непривычным для среднего европейского или американского читателя. С помощью вымышленного языка Барри Лонгиер конструирует мир, противоположный человеческому, но вместе с тем знакомый, используя для этого отдельные элементы существующих языков и культур – за счет этого картина мира драков становится понятнее для читателя, оставаясь при этом иной, но познаваемой.

Литература

Басс И.И. Порядок слов в японском предложении // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 9. Вып. 2. Ч. II. С. 93-100.

Лерер И.И. Иврит. Полный курс. М.: АСТ, 2017.

Пиперски А.Ч. Конструирование языков. От эсперанто до дотракийского. М.: Альпина нон-фикшн, 2018.

Шувалова О.Н., Сидорова М.Ю. Интернет-лингвистика: вымышленные языки. М.: Проект Москва, 2009.

Longyear Barry B. The Enemy Papers. Published by Universe, Inc., 2005.

A.I. Efimova (St.-Petersburg, Russia)
Pushkin Leningrad State University

**LINGUISTIC BASIS FOR US – THEM
OPPOSITION REALIZATION IN ARTLANG CONSTRUCTION
(based on the science fiction novel “Enemy Mine”
by Barry Longyear)**

The article studies artificial languages (artlangs) in science fiction books. It presents the analysis of artificial Drac language introduced in *The Enemy Papers* by Barry Brookes Longyear aimed to determine cultural basis of its components.

Key words: science fiction, artificial language (artlang), constructed language (conlang), opposition.

Д.Б. Никуличева (Москва, Россия)
Институт языкознания РАН, МГЛУ
nikoulitcheva@yandex.ru

**ВРЕМЯ БОГА И ВРЕМЯ ЧЕЛОВЕКА
В ПАРЕМИЯХ ДАТСКОГО ЯЗЫКА¹**

В статье исследуются вербальные репрезентации представлений о времени Бога и времени человека в паремиях датского языка. Сопоставление старейшего (1550) и современных датских переводов Библии (1931 и 1992) позволяет проследить эволюцию этих представлений. Время все больше предстает как принадлежащее человеку и ориентированное относительно него.

Ключевые слова: датский язык, паремии, масштабизация представлений о времени, время Бога, время человека, переводы Библии, вербальная ориентации во времени.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00146.

Предметом рассмотрения в статье будет языковое представление разной *масштабизации* времени паремиологическими средствами датского языка. Под масштабизацией понимается противопоставление масштабов вселенского времени масштабу антропоцентрированного времени, ориентирующему события относительно субъекта речи. Если антропоцентрированное время можно определить как «время человека», то вселенское время предстает в паремиологии как «время Бога».

Термин *паремии* (в отличие от термина *пословицы*) использован в заглавии статьи не случайно. С одной стороны, под паремией (из греч. *παροιμία* притча, пословица) понимается «родовое обозначение пословиц и поговорок: народный речевой жанр малой формы, характеризующийся устойчивостью и клишированностью» [<https://lektsii.com/2-81184.html>]. В таком понимании паремии не раз становились объектом лингвистического исследования как сложные единицы языка, обладающие значимой коннотативной семантикой в контексте языковой культуры [Телия 1986; Телия 1999; Кузьмина 2002, Ковшова 2012 и др.]. С другой стороны под паремиями понимается нравоучительный текст, содержащий места из Священного Писания: «отрывок из Ветхого Завета, содержащий пророчества или поучения и читаемый в православной церкви во время богослужения» [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/85044/%D0%9F%D0%90%D0%A0%D0%95%D0%9C%D0%98%D0%AF>].

Такая двойственная обращенность паремии к Богу и к человеку получает особый смысл в контексте проблематики, обсуждаемой в данной статье.

Сразу отметим, что религиозное сознание не является типичным для современных носителей датского языка. Так, опрос, проведенный в 2005 году статистической службой “Eurobarometer”, показал, что 31 % датских граждан считают, что верят в Бога, 49 % верят в некий дух или жизненную силу, и 19 % не верят ни во что из вышеназванного [Special EUROBAROMETER 225: 9. Эл. ресурс]. По числу атеистов страна занимает третье место в Евросоюзе после Чехии и Швеции.

В опубликованном издательством Politiken обширном собрании датских пословиц [Politikens Ordsprogsleksikon 1994] (POSL), послужившем материалом нашего исследования, из 6228 единиц упоминание Бога встречается в 99 паремиях. Однако упоминание Бога в связи с идеей времени представлено лишь дважды.

Первая паремия встречается во всех скандинавских языках и представляет собой распространенный культурный трансфер, отражающий идею непредсказуемости будущего:

Mennesket spår men Gud rå'r (POSL 5914, Norden) „Человек предполагает, а Бог располагает“.

Если сопоставить семантическую мотивировку русских и датских предикатов, то в русском языке на первый план выступает идея расположения события в «пространстве» времени: априорной локализации событий человеком – *пред-полагать* и всеобъемлющей – Богом – *рас-полагать*. В датском же, актуализирована идея визуального конструирования времени человеком. Глагол *spå* „предсказывать“, „пророчить“, „ворожить“ этимологически связан со значением „видеть“. Ср. и.е. **spek-* „внимательно смотреть“ лат. *specere, spectare* [Dansk etymologisk ordbog 1989: 413]. Идее неуверенного визуального представления времени человеком противопоставлена идея Божественного владычества над временем: *råde* “советовать“, „править“, „господствовать“.

Время Бога и время человека наиболее явно противопоставляются в паремии времени, пришедшей в датский язык из финского:

фин. *Gud har tid og mennesket dage* (POSL 5299, Finland) „У Бога есть время, у человека – дни“.

Недискретность, безграничность времени Бога (*tid*) противопоставляется дискретности и конечности времени человека (*dage*). Смена дней человека предполагает движение, время Бога – это навсегда заданное пространство вечности. Именно поэтому в датских текстах противопоставление времени человека и времени Бога предстает также как антиномия *времени и вечности*.

Так, фразеологизм *at omveksle tiden med evigheden* (букв. „сменить время на вечность“) служит в датском языке одним из эвфемизмов высокого стиля для глагола «умирать»: “I går er fra Celle indløbet efterretning, at dronning Caroline Mathilde efter nogle dages sygdom har forgårs nat klokken elleve *omvekslet tiden med evigheden*” „Вчера из Целле прибыло донесение, что накануне в 11 часов вечера после нескольких дней болезни королева Каролина Матильда отошла в вечность“ [Kragrup 1998: 120]. (Высказывание стилизовано под язык XVIII века).

Статичность времени Бога как пространства вечности проявляется, прежде всего, в датских переводах Библии. Каждому событию уготовано *свое* (*sin* *tid*) = *правильное* (den *rette* *tid*) время, предопределенное Богом, предназначенное *для* чего-то (*tid til* at...). Использование в датском тексте предлога целеполагания *til* (ср. этимологически род-

ственное нем. Ziel 'цель') даже более, чем русские или английские соотвественства, указывает на предначертанность каждого события во времени:

дат. Tid til at fødes og Tid til at dø, Tid til at plante og Tid til at rydde...

англ. a time to be born and a time to die, a time to plant and a time to uproot...

рус. время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное (Екклесиаст 3:2).

Предикаты, субъектом которых является время Бога, статичны. Особый интерес представляет типичное для датского языка Библии сочетание *tiden er/var inde* (досл. „время было/есть *внутри*“). Использование пространственного наречия *inde* „внутри“ концептуализирует предначертанное время как находящееся внутри определенного временного локуса в хронотопе вечности:

Da *tiden var inde*, sendte han en af sine folk til vinbønderne, så de kunne aflevere en del af vingårdens høst til ham (Луксевангелиет 20:10).

Ср. рус. вариант: И в свое время послал к виноградарям раба, чтобы они дали ему плодов из виноградника (От Луки 20:10).

Blomsterne kommer til syne i landet, *sangens tid er inde*, turtelduens kurren høres i vores land (Ню́нсанген 2:12).

Ср. рус. вариант: Цветы показались на земле; *время пения настало*, и голос горлицы слышен в стране нашей (Песня песней 2:12).

Сербскому писателю Милораду Павичу принадлежит известное высказывание о переводе Библии на разные языки: «Есть одно старое, разработанное для нужд богословия учение о тринадцати языках. О тех самых, что были розданы людям на Вавилонской башне. На этих языках люди впервые начали ссориться и таким образом потеряли истину. Учение утверждает, что человеческая мысль не бывает прямолинейной, но, как только к ней прикоснется любой из вышеупомянутых языков, она превращается в улицу с односторонним движением. И вот для того чтобы понять мысль, для того чтобы узнать ее истинное значение, ее надо перевести на тринадцать разных языков. И тогда в междузначии рождается истина. Истина, следовательно, содержится не в языке, а в междусмыслии разных переводов одного и того же текста» [Павич 2001: 113].

Если сопоставление перевода Библии на разные языки позволяет выявить истинный смысл священного текста, то сопоставление разных переводов на один и тот же язык позволяет «в междусмыслии разных

переводов» проследить то, как изменяется трактовка понятия в языковой культуре, в данном случае – трактовка предначертанного времени в современных датских переводах Библии.

Рассмотрим это на примере строк из уже упомянутой главы 3 Екклесиаста.

Русская версия строки 11 Синодального перевода звучит более многозначно, чем любая из датских версий, которые будут приведены ниже:

Всё соделал Он прекрасным в *свое* время, и вложил *мир* в сердце их... (Екклесиаст 3:11).

Здесь *свое время*, может быть понято и как *время Бога* и как *время всякой вещи* (время для всего), а *мир* – и как *душевный покой*, и как *вселенная*.

В наиболее раннем издании Библии на датском языке (Библия Кристиана III, изданная в 1550 г.) время трактуется как *время Бога*, а мир – как *вселенная* (то есть – в современном понимании – как единый пространственно-временной континуум):

Men *hand* gør alting vel i *sin* tid. Oc lader deris hierte bekomre sig / huorledis det skulde gaa til i *Verden* (Salomon Predickere 3:11), дословно „Но *Он* делает всё в *свое* время. <Рефлексивное местоимение *sin* может относиться только к подлежащему. – Д.Н.> И предоставляет их сердцу беспокоиться, каким образом это должно происходить в *мире*“.

В новом авторизированном датском переводе Библии, выполненном Ульриком Сандборг-Петерсеном в 1931 г. – уже не с текста Лютера (как Библия Кристиана III), а с языка оригинала [<http://denstoredanske.dk/index.php?sideId=46736>] – время определяется не как «свое время» Бога, а как «правильное» (*den rette tid*), тогда как хронологическое понятие *мир* заменено на временное понятие *вечность* (*Evigheden*):

Alt har han skabt smukt *til rette Tid*; ogsaa *Evigheden* har han lagt i deres Hjerte (Prædikernes Bog 3:11), дословно „Все сотворил он в *правильное* время; и *вечность* вложил в их сердце“.

Наконец, в новейшем переводе Библии, выполненном датским Библейским обществом и авторизированном в 1992 году королевой Маргретой II, время также определяется не как время Бога, а как «правильное» время, а мир представляется как находящийся в движении (*verdens gang*):

Han har gjort alting godt og rigtigt *til rette tid*; han har også lagt menneskene *verdens gang* på sinde (Prædikernes Bog 3:11), дословно „Он

сделал всё хорошо и правильно в *правильное время*; он также вложил *ход мира* человеку в душу.”

То есть общей тенденцией является замена идеи «времени Бога» на «свое время всякой вещи», а также усиление собственно временной составляющей и введение идеи движения в осмысление понятия *verden* „мир“.

Это наблюдение относительно тенденций изменения трактовки времени в датских библейских переводах подтверждается схожей динамикой смыслов в английских переводах Библии:

He hath made every thing beautiful in his time: also he hath set the world in their heart, so that no man can find out the work that God maketh from the beginning to the end. King James Bible (1611).

Yet God has made *everything* beautiful for *its own time*. He has planted *eternity* in the human heart, but even so, people cannot see the whole scope of God's work from beginning to end. New Living Translation (1996).

He has made *everything* beautiful *in its time*. Also, he has put *eternity* into man's heart, yet so that he cannot find out what God has done from the beginning to the end. English Standard Version (2001).

Если в переводе Библии 1611 года время однозначно трактуется как время Бога (*his time*), то в переводах 1996 и 2001 года *time* – это время любой вещи, а хронотоп мира (*the world*) заменяется на темпоральную идею вечности (*eternity*), вложенную в сердце человека, которому недоступны ее начало и конец.

Широкое употребление словосочетания *sin tid* „свое время“ задается библейской паремией, с которой начинается глава 3 Екклесиаста:

Altting haffuer *sin tid* / Oc alt det som mand tager sig faare vnder Himmelen / haffuer *sin stund* [<https://tekstnet.dk/christian-3-bibel.xml/1/21?q=Pr%C3%A6dikerens%20Bog%203>].

Alt har *sin Stund* og hver en Ting under Himmelen *sin Tid* [<https://da.bibelsite.com/dan/ecclesiastes/3.htm>].

Всему *своё время*, и время всякой вещи под небом (Екклесиаст 3:1) [<https://bible.by/syn/21/3/>].

Тем более примечательным оказывается то, что в новейшем датском переводе, выполненном датским Библейским обществом (1992), сочетание с притяжательным рефлексивным местоимением *sin tid* заменено на сочетание с неопределенным артиклем: *en tid*. Тем самым – грамматически – всякое событие оказывается отнесено не ко времени, предопределенному Богом, а, наоборот, к некоему *неопределенному* времени:

Alting har *en tid*, for alt, hvad der sker under himlen, er der *et tidspunkt* [<https://www.bibelselskabet.dk/brugbibelen/bibelenonline/Pred/3>], дословно „Все имеет некое время, для всего что происходит под небом, есть некий момент“.

При этом само понятие *tid* „время“ подменяется понятием *et tidspunkt* (тоже с неопределенным артиклем), то есть *некий неопределенный момент времени*. Более того, в датском языке внутренняя форма композита *tidspunkt* означает «временная точка», что само по себе уже соотносится с идеей линейности времени (точка на линии времени), на чем, как будет показано ниже, основана антропоцентрированная идея ориентации человека во времени.

Таким образом, в современных датских переводах Библии идея времени человека постепенно начинает подменять собой идею времени Бога.

Время человека, в отличие от времени Бога, ориентировано на момент речи говорящего. В этом плане обращает на себя внимание своеобразие использования сочетания *sin tid* в современном датском языке. Это уже не время, предопределенное Богом, а «свое время» человека, ориентированное относительно момента речи. Эта ориентация четко проявляется в сочетаемости *sin tid* с разными предлогами: *i sin tid* ↔ *til sin tid*, в зависимости от того, к прошлому или к будущему по отношению к моменту речи относится упоминание этого «своего времени»:

Museet ligger omtrent der, hvor Ole Rømer *i sin tid* indrettede et landobservatorium. (KorpusDK) BT, 1991. „Музей располагается примерно на том же месте, где Оле Рёмер в свое время (*i sin tid*) устроил национальную обсерваторию“.

Hun går i en handicapgruppe i en almindelig børnehave, og til sin tid kommer hun til at gå i skole med de samme børn (KorpusDK) HendVerd1992 „Она ходит в группу детей с ограниченными возможностями в обычном детском саду, и в свое время (*til sin tid*) пойдет в школу с теми же детьми“.

Время человека, так же как и время Бога, может задавать свой временной масштаб. Эта идея является смысловым ядром датской поговорки, происходящей из Восточной Ютландии:

Et gærde varer tre år, en hund tre gærder, en hest tre hunde og et menneske tre heste. (POSL 5297 Østjylland) „Век изгороди – три года, век собаки – три изгороди, век лошади – три собаки, а век человека –

три лошади" (дословно: изгородь длится три года, собака – три изгороди, ... и т.д.)

Если в приведенных ранее паремиях общий масштаб задает время Бога, то в последней масштаб времени задается временем жизни человека. Не случайно одним из значений слова *tid* в датском языке является значение «время жизни» человека: *Han har sådan nogle forfærdelig dårlige tænder, og vi kan ikke drive ham til tandlægen. Han siger, at de skal holde hans tid ud* (KorpusDK) SøndBT1990. "У него отвратительные зубы, но мы не можем отправить его к стоматологу: он говорит, на его век (дословно: на *его время*) хватит".

Таким образом, время Бога наиболее явно проявляется в Библейских паремиях, содержащихся в самом раннем из датских переводов Библии (1550 г). Там время концептуализируется как статичное, предопределенное и принадлежащее Богу. Но уже в позднейших переводах Библии отмечаются вербальные признаки иного представления времени в контексте светской языковой культуры современной Дании. Время все больше концептуализируется как принадлежащее человеку и ориентированное относительно него.

Идеи движения времени, приближения и удаления событий от наблюдателя, соотнесения промежутков времени, владения временем – составляют основной массив датских паремий времени – и в каждой из них в том или ином аспекте отражается Время Человека – антропоцентрический взгляд на время, ориентирующий ход событий относительно говорящего. Но этот материал настолько обширен и разнообразен, что представляет собой тему для отдельного рассмотрения.

Литература

Екклесиаст, 3 глава. Библия. Синодальный перевод. URL: <https://bible.by/syn/21/3/>

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М.: УРСС, 2012.

Кузьмина Е.А. Паремии как лингвокультурная репрезентация языковой личности: на материале немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2002.

Павич М. Звездная мантия. СПб.: Азбука, 2001.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.

Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. С. 13-24.

Dansk etymologisk ordbog. Ordenes historie. Af Niels Aage Nielsen. 4 udgave. København: Gyldendal, 1989.

English Standard Version. URL: <https://biblehub.com/multi/ecclesiastes/3-11.htm>

King James Bible. URL: <https://biblehub.com/multi/ecclesiastes/3-11.htm>

KorpusDK. URL: <https://ordnet.dk/korpusdk>

Krarup R. Kvindeliste og kongelast. Aalborg, Sesam, 1998.

Müller M. Bibeloversættelser – Oversættelser til dansk // Den Store Danske, Gyldendal. Hentet 29.03.2020 URL: <http://denstoredanske.dk/index.php?sideId=46736>

New Living Translation. URL: <https://biblehub.com/multi/ecclesiastes/3-11.htm>

Politikens Ordsprogs Leksikon (POSL)/ Redigeret af Carsten Bregenhøj i samarb. m. Solveig Pått. Politikens forlag, København, 1994.

Prædikernes Bog. Bibel. Overs. af Bibelselskabet, 1992. URL: <https://www.bibelselskabet.dk/brugbibelen/bibelenonline/Pred/3>

Prædikernes Bog. Det Gamle Testamente. Overs. af Ulrik Sandborg-Petersen, 1931. URL: <https://da.bibelsite.com/dan/ecclesiastes/3.htm>

Salomon Predickere. Christian d. 3.s Bibel oversat af Christian Pedersen, 1550. URL: <https://tekstnet.dk/christian-3-bibel.xml/1/21?q=Pr%C3%A6dikere%20Bog%203>

Special EUROBAROMETER 225 “Social values, Science & Technology”, c. 9. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_225_report_en.pdf

D.B. Nikulicheva (Moscow, Russia)

*Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences,
Moscow State Linguistic University*

TIME OF GOD AND TIME OF HUMAN IN DANISH PROVERBS

The article explores verbal representations of God's time and human time in Danish proverbs. Comparison of the oldest (1550) and modern Danish translations

of the Bible (1931 and 1992) allows eliciting the evolution of time representations. Time increasingly shifts to human-owned and human-oriented perspective.

Key words: the Danish language, proverbs, scaling of time representations, time of God, time of human, verbal orientation in time.

Н.А. Николина (Москва, Россия)

*Московский педагогический государственный университет
ruskafedra314@gmail.com*

З.Ю. Петрова, Н.А. Фатеева (Москва, Россия)

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
zoypa@mail.ru
nafata@rambler.ru*

КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК КОМПОНЕНТЫ КОМПАРАТИВНЫХ ТРОПОВ¹

В статье на материале современной русской прозы рассматриваются метафоры и сравнения, включающие культурно-маркированные компоненты. Предлагается семантическая классификация образов сравнения, устанавливаются наиболее частотные группы тропов, определяются функции рассматриваемых метафор и сравнений в художественном тексте.

Ключевые слова: метафора, сравнение, современная русская проза, лингвокультурологический анализ, культурно-языковая картина мира, метафорическая картина мира, интертекст.

Основы лингвокультурологического анализа языковых единиц были во многом разработаны В.Н. Телия, прежде всего на базе фразеологических единиц. «Лингвокультурологический анализ ставит перед собой цель изучения способности фразеологических знаков отображать современное культурное самосознание народа, рассматриваемое как «остов» его ментальности, и выражать его в процессах живого употребления фразеологизмов в дискурсах различных типов» [Телия 1999: 15].

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 19-512-23004 «Метафорическая картина мира современной русской и венгерской прозы конца XX – начала XXI в. (сопоставительный анализ)».

Объектом лингвокультурологического анализа в последние десятилетия становились не только фразеологизмы, но и паремии, загадки, единицы разных культурных кодов. Как отмечает М.Л. Ковшова, такой анализ «выявляет культурную референцию самых разных словесных знаков – соотнесение с различными слоями культуры: с мифологической картиной мира, с древнейшими представлениями <...>, с архетипами культуры как первым моделированием мира, оставившим след во внутренней форме словесных знаков, с мифологическим, религиозным, фольклорным, литературным, историческим слоями культуры; с эталонами, стереотипами, символами <...>» [Ковшова 2019: 33].

В настоящее время в этом аспекте рассматривается широкий круг языковых единиц, однако остаются недостаточно изученными компаративные тропы, в особенности функционирование тропов с культурно-специфичными компонентами в современной русской литературе (компаративные тропы понимаются в данной работе широко, в их состав включаются метафоры и сравнения). Связь метафоры с определенной национальной культурой рассматривается в научной литературе с другой точки зрения: в аспекте универсальности / культурной специфичности метафорических моделей, или образных параллелей [Kövecses 2005; Кондратьева 2005], сравнение конкретных метафор в разных языках, выявляющее характерные для каждого языка культурные коннотации [Дыбо, Никуленко 2019; Юрков 2012 и др.]. Делаются попытки сравнительного изучения наиболее частотных концептосфер метафорических переносов в разных национальных литературах [Макарова 2007]. Нас в данной работе будет интересовать другой аспект культурологического анализа компаративных тропов – использование в них культурно-специфичных языковых единиц современными прозаиками. Изучение функционирования тропов в современной русской прозе важно как для рассмотрения культурно-языковой картины мира в целом, так и для исследования метафорической картины мира современной художественной речи и выявления индивидуального своеобразия стиля различных писателей.

Анализ метафор и сравнений с культурно-специфичными компонентами позволяет показать, в какой мере у современных авторов сохраняется историческая память и одновременно выявить, с одной стороны, устойчивые образные параллели, с другой – проследить возможности их обновления.

Предметом нашего исследования служат метафоры и сравнения с культурно маркированными компонентами, встречающиеся в современных прозаических текстах. Материалом исследования послужили произведения таких авторов, как Ю. Буйда, А. Бушковский, Е. Водолазкин, А. Волос, А. Иванов, А. Иличевский, В. Медведев, В. Пелевин, З. Прилепин, А. Рубанов, Д. Рубина, С. Самсонов, О. Славникова, Саша Соколов, В. Сорокин, Т. Толстая, Л. Улицкая, Г. Яхина. В качестве дополнительного материала привлекались примеры из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

В центре внимания будут находиться культурно-специфичные языковые единицы, выступающие в функции образов сравнения компаративных тропов. В их круг входят единицы, связанные со славянской мифологией, фольклором, национальным бытом, историей народа. Мы употребляем для обозначения предмета нашего анализа термин *культурно-специфичные* единицы [Маслова 2001], их также называют лингвострановедчески ценными [Верещагин, Костомаров 1980], культурно-коннотированными [Уржа, Скворцова 2016] и т.п. Образное употребление таких единиц нашло отражение в специальных лингвокультурологических словарях [Гудков 2020; Брилева, Вольская, Гудков и др. 2004].

В современной прозе представлены различные семантические группы образов сравнения – обозначений культурно-специфичных реалий. Для их классификации мы воспользовались традиционно выделяемыми крупными смысловыми классами образов сравнения: антропонимы, зоонимы, фитонимы и обозначения класса «Артефакты», поскольку эти классы при несовпадении категориальной семантики предмета и образа сравнения могут задавать направления метафорических переносов и сравнений: персонификация, зооморфизм, фитоморфизм, реификация.

В **первую** группу интересующих нас обозначений входят как 1) собственно антропонимы, так и 2) обозначения антропоморфных существ (или существ, у которых антропоморфные свойства преобладают), а также 3) обозначения сказочных персонажей. (Надо отметить некоторую условность деления на антропоморфных и зооморфных существ, так как сказочные персонажи и мифические существа имеют свойства как тех, так и других).

Из этих трех подгрупп наиболее частотны в современной прозе две последние:

а) славянские мифонимы: *Баба Яга (Яга), Кощей Бессмертный (Кощей), леший, домовой, водяной, кикимора, русалка, мавка, упырь, вурдалак*: «Неприятная баба. <...> Я даже сочувствовал Сергею, что у него такая *Яга*» (Л. Зорин. Юпитер); «А сама вечером уже позвонила Дине, чтобы я тут не сидел один с грязным бельем. Как *Кощей Бессмертный*» (А. Геласимов. Рахиль); «Кожа на лице у Сливы бурая, борода – как у *лешего*» (А. Бушковский. Рымба), «Алый румянец облил щеки, глаза яркие, сверкают, как у *мавки*» (А. Рубанов. Финист – Ясный Сокол), «Батя, как хмельной *домовой*, был громыхалой – всегда у него дверцы хлопали, посуда брякала» (А. Иванов. Золото бунта); «Она, пятнадцатилетняя девочка, – непонятная, как *русалка*, и такая же прекрасная, – вместе со мной рисовала, читала» (М. Палей. Дань саламандре); «Словно *упырь*, застигнутый рассветом, обладатель мелового лица кидается в спасительную черноту...» (И. Шевцов, Л. Филатов. Сукины дети). Встречаются также, хотя и редко, имена славянских языческих богов: *Перун, Ярило, Хорс*: «лучи красного солнца топырились во все стороны, будто кудри сказочного *Ярилы*» (А. Рекемчук. Мамонты); «Поют птицы, утро празднуют. Хорс выходит на голубую пажить. В его лучах распрямляется трава» (А. Рубанов. Финист – Ясный Сокол);

б) названия сказочных персонажей: *Царевна-Лягушка, Василиса Прекрасная, Иван-царевич, Иванушка-Дурачок, Финист – Ясный Сокол*: «Будто *лягушка-царевна*, с первыми нотами он [Тадеуш] сбрасывал свою обветренность, мозолистость и восстанавливал родовое изящество (Е. Водолазкин. Брисбен); «Я смотрел на Клавушку, слушал ее певучую речь и, покоряясь светлой красоте – вот вам без грима *Василиса Прекрасная!* – думал о том, какая ровная ясная жизнь могла бы сложиться у Осипа, женись он на ней» (В. Рецепт. Узлов, или Обращение к Казанове); «Все у него в жизни было ладно, складно, и плохое само по себе превращалось в хорошее. Как у *Иванушки-дурачка*» (Г. Щербакова. Ах, Маня...).

К собственно антропонимическим обозначениям относятся имена героев былин и литературных произведений: *Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Соловей-разбойник, Садко*, а также имена исторических персонажей: *Сусанин, Ярославна* и др. Все это прецедентные культурно маркированные обозначения, сведения о внешности, характере, жестах и действиях которых черпаются из фольклорных и литературных текстов, а также исторических источников (например, образ Ярославны формируется на основании «Слова о полку

Игорева»). Ср.: «Не надо догонять Америку, глупо догонять, ну-ка, россияне, взгляните из-под ладони, как *Илья Муромец*, кто там маячит, кого там догонять? (В. Крупин. Как только, так сразу); «Один из них, бородой и статью похожий на какого-нибудь *Добрыню Никитича*, протянул руку Колю» (В. Рыбаков. Вода и кораблики); «Это был широколицый, как *Соловей-разбойник*, человек» (А. Иличевский. Матисс); «*Ярославной* закычила девушка, опираясь худыми ягодицами о постамент и задирая ноги» (В. Аксенов. Негатив положительного героя).

В эту же группу входят unprecedentedные обозначения, включающие историко-культурные смыслы: *витязь*, *богатырь* и пр., не связанные с конкретными антропонимами: «Пашка был не из реальной жизни – *витязь*, быллинный *богатырь* <...>, ему предназначалось жить в сказке, легенде или хотя бы в чьей-либо памяти» (Ю. Нагибин. Терпение).

Между отмеченными подгруппами существует тесная связь, и их единицы могут пересекаться. Такие обозначения в первую очередь являются средством культурно-маркированной типизации свойств и качеств лиц. Это может быть внешность героя: «Предъявила она мне мужа <...> Мой первый рядом с ним выглядел как *Добрыня Никитич*» (Г. Щербакова. Эмиграция по-русски...); внутренние качества: «– Вы не знаете нашего старшего лейтенанта, – сказала Раиса, – Скрыга. *Кащей*. Запру, говорит, всех на замок, а не поможет, так сам под дверь растянусь...» (А. Анфиногенов. А внизу была земля), жизненные ситуации: «Капустян возвращался к своей жене, к своей *Ярославне*, которая ждала его в нашем Путивле на городской стене» (Ф. Кривин. Притчи о жизни). При характеристике не-лиц, например, растений, они образуют антропоморфные образы: «Стояли в воде кривые берёзы; как руки *кикимор*, высывались, изгибаясь, корни упавших сосен; шатры ёлок облепляла ряска» (А. Иванов. Сердце Пармы); «Бывает, я иду вдоль мокрых стволов, трогая их, будто выстроившихся в шеренгу *русалок* <...>» (Д. Гуцко. Осенний человек).

Вторая группа образов сравнения представлена зоонимами, значимыми в русской национальной картине мира. Эти зоонимы также связаны со славянской мифологией и фольклором: *Змей Горыныч*, *сивка-бурка*, *рыба-кит*, *жар-птица*. Эти обозначения образуют зооморфные тропы, среди которых, в свою очередь, выделяются, с одной стороны, тропы, уподобляющие животному – человека: «Засморкался Петро, и не слизь из ноздрей его порскнула,

а кудрявенькие облачка, как у Сказочного *Сивки-Бурки* на детских картинках» (С. Самсонов. Держаться за землю); «Словно дряхлая *жарптица* в ветхом атласном пере, предпочитавшая уже не летать, а тащиться, кланяясь, на полусогнутых ногах, старуха наконец залезла на площадку» (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки), а с другой стороны – неодушевленные предметы: «Волосатой *Рыбой-Кит* вдруг всплыл впереди затопленный огрудок» (А. Иванов. Золото бунта); «Рыжая “шапка” старого «Москвича» выросла перед ней как *сивка-бурка*» (К. Сурикова. Ира – дура).

Третью, наиболее многочисленную, группу образов сравнения составляют названия предметов, отражающие своеобразие народной культуры. Среди них наиболее часто встречаются в тропях названия национальных блюд, кушаний, напитков: *блин, колобок, оладья, калач, кулич, сивуха, сиволдай, самогон, окрошка*: «Петушино-красный блин солнца уже наполовину окунулся в сметану вечерней мглы» (А. Иванов. Золото бунта); «москвич – из-за хлебобулочной лысины и обаятельной улыбки вылитый *Колобок*» (О. Славникова. Бессмертный. Повесть о настоящем человеке), «короткие и пухлые, как *оладьи*, пальцы» (Л. Юзефович. Костюм Арлекина), «Мелькали таверны, пансионы, слобные византийские церкви, похожие на пасхальные *куличи*» (Д. Рубина. Медная шкатулка); «Зачерпнул я, читайте, *сивухи* страстей человеческих, отведал гнилья злообразных жен, и отравя едва не придушила меня» (Саша Соколов).

Четвертая, артефактивная, группа включает несколько менее частотные группы тропов, включающие названия предметов народного быта: *прялка, прясло, пяльцы, хомут, самовар*: «Вот и стоит теперь вдоль Чусовой заброшенное каменное *прясло*, распахнутое навеки» (А. Иванов. Золото бунта), «Взматерел я и выстарел, залоснился и вытерся, как в обиходе *хомут*» (Саша Соколов. Между собакой и волком), «Мне бы ее пожалеть, по перманенту погладить, а я от злобы, как *самовар*, закипаю» (И. Муравьева. Ляля, Наташа, Тома); элементов национального костюма: *сарафан, кокошник* и др.: «Гора впереди словно в пляске мотала каменным *сарафаном*, колыхала складки», «Левый берег уже вздыбился *кокошником* Желтого бойца» (А. Иванов. Золото бунта).

В класс артефактов входит и сказочное наименование *скатерть-самобранка*, которое может в современных текстах характеризовать все, на чем может находиться еда, – газету, карту, стол, блюдо и пр.: «Засмотришься на пожелтевшую, потрескавшуюся от времени

столешницу, и вдруг как бы из ее недр, словно на *скатерти-самобранке*, является взору столовский поднос, уставленный большими тарелками с горячими блюдами» (В. Слипенчук. Зинзивер), «— Чистоту люблю, — пояснил Доктор, вынул из кармана «Вечерку», расстелил на столе. — Вот и *скатерть-самобранка* наша» (Э. Хруцкий. Осень в Сокольниках). В этот ряд входит окказиональное обозначение *газета-самобранка*: «В центре комнаты, рядом с *газетой-самобранкой*, на которой стояли пустые уже бутылки, располагался граммофон» (А. Житинский. Лестница).

Небольшие группы составляют образы сравнения, представленные названиями музыкальных инструментов: *балалайка*, *гусли*, *гармошка*: «Страх пьяной *балалайкой* забренчал в брюхе Осташи», «Чусовая ударялась в огромные каменные *гусли* бойца Гусельного, словно хотела сыграть на струнах сосен, как Кириша Данилов играл под тагильскими домами» (А. Иванов. Золото бунта); названиями денег: *рубель*, *копейка*, *червонец*: «Солнце только что село, небо еще не успело потемнеть; море белое и круглое у линии горизонта, как серебряный *рубель*» (А. Браво. Комендантский час для ласточек); «У дверей подъезда <...> сидел Пуджик и смотрел на Служкина спокойными, как *копейки*, желтыми глазами» (А. Иванов. Географ глобус пропил); «рыжая на солнце россыпь крупной, как *червонцы*, чешуи» (А. Иличевский. Воробей).

Указанные образы характеризуются различным диапазоном охвата разнотипных предметов сравнения. Некоторые из них, относящиеся к общеязыковым метафорам — *блин*, *гармошка* и др., — характеризуют очень широкий круг предметов сравнения, фактически любые денотаты, имеющие похожую форму. Отметим, однако, что среди них можно выделить наиболее частотные группы: например, образ сравнения *блин* чаще всего характеризует светила — луну, реже солнце, человеческое лицо (реже другие части тела — ладони и др.) и человека в целом, изделия из ткани и разные другие предметы. Реже с блином ассоциируется плоский рельеф, снег, свет, вода. Традиционные образ-ные параллели обновляют разнообразные определения, создающие яркие зрительные образы: *маслянистый* («надорванный *маслянистый* блин месяца» (А. Пашкевич. Сим победиши), *масленный*, *в масле* («Луна лежала на месте, не шевелясь, — плоская и жирноватая, как *блин в застылом масле*» (З. Прилепин. Лес), *непропеченный* («Луна в черном небе висела надо мной *непропеченным* блином» (В. Токарева. Центровка), *загибающийся по краям*, *трехдневный* («По ее монго-

лоидному лицу, похожему на *загибающийся по краям трехдневный блин* из столовой, нельзя было ничего сказать о ее возрасте» (В. Пелевин. Бубен Верхнего Мира) и т. д.

Тропы с культурно-специфичными образами сравнения могут образовывать в современных прозаических текстах метафорические цепочки и развернутые конструкции, которые развивают образы, актуализирующие культурные смыслы. Например, в романе А. Иванова «Золото бунта» ряд взаимодействующих метафор связан с темой пасхального праздника, выпечки куличей: «[Ветер] <...> снова сыпал муку последнего снега, разбивал сырое *яйцо* солнца, лил скисшее *молоко* холодных туманов. Вечером что-то пеклось на *красной сковороде* заката. А наутро в небе <...> горделиво плыли пухлобокие пасхальные *куличи* облаков». В этот ряд включаются сразу несколько традиционно образных параллелей: *снег – мука, солнце – яйцо, туман – молоко*, которые существуют в языке художественной литературы и сами по себе, вне данного контекста, а также индивидуально-авторская метафора *красная сковорода заката*. Их взаимодействие создает образ, отражающий своеобразие национальной культуры.

В текстах русской прозы также используются метафоры и сравнения, отражающие культуру и национально-специфичные реалии других народов, так как русская литература во многом вбирает в себя культурную и языковую специфику народов России и ближнего зарубежья, но иногда выходит за эти рамки, обращаясь к культуре и верованиям восточных народов, в том числе Китая, Японии, Индии.

Так, в романе А. Волоса «Возвращение в Панджруд» образами компаративных тропов служат таджикско-персидские реалии и мифонымы: «Он бы просто выхватил любимую из-за плетня и унес. Как птица Симуург, как могучий *джинн!*». В романе В. Медведева «Заххок» также встречаются сравнения и метафоры, связанные с таджикскими реалиями: «Не такой Шукир человек, чтобы доброе слово его успокоило: душа у него как *такыр*. Как сухая, голая бесплодная земля, изрезанная глубокими трещинами», «Эта девушка – ведьма, *оджина* <...>». В романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» татарские образы даются в исходной форме при непосредственном включении в текст: «Рассыпать зерно из одного мешка по нескольким научились еще в девятнадцатом, как только подступила к Юлбашу тогда еще неведомая, но с каждым годом становившаяся все страшнее, как *албасты*, прожорливее, как *дэв*, ненасытнее, как *жалмавыз*, – *продразверстка*» (*албасты* – «женский демонический персонаж

в мифологии», *дэв* – «злой дух, антропоморфный великан», *жалмавыз* – «мифологическая старуха-великанша, обжора и людоедка» [Арязмова 2016]).

Культурно-специфичные единицы могут выступать и в роли предметов сравнения. Так, в романе В. Пелевина «Тайные виды на гору Фудзи» ключевое понятие *джана* – состояние глубокого медитативного погружения в буддизме, в котором пребывают его герои, сравнивается с игрой на музыкальных инструментах: «Словно оркестр затихает, остается играть одна легкая флейта, и играет она довольно тихо – но звук ее настолько волшебен, что все эти тарелки и барабаны кажутся помехой. И слушаешь после этого одну флейту, заполняешься ее звуком без малейшей лакуны, и ничего тебе больше не надо».

Метафоры и сравнения с культурно-специфичными компонентами представлены в современной русской прозе неравномерно. Чаще всего они используются в произведениях исторического жанра, славянском фэнтэзи, в стилизациях, а также в произведениях философской направленности, в которых происходит обращение к разнообразным культурным традициям.

В современной литературе постмодернизма в ряде случаев характерно сочетание обозначений исторических и современных реалий. Так, в романе В. Сорокина «День опричника» компаративные тропы, характерные для текстов ранних литературных периодов, могут характеризовать современные предметы сравнения: «Включаю чистое телерадио. <...> Ловлю Запад. Вот где оплот главной крамолы антироссийской. Здесь, как *осклизлые гады в выгребной яме*, кишат вражеские голоса <...> Выбираю «Свободу», самую яростную из *гадин*, и сразу напарываюсь на свежеиспеченную крамолу: в студии поэт-эмигрант, узкогрудый очкарик-иуда <...> Движением перста удаляю от себя бледную рожу нашего либерала. Гнусны они, яко *червие, стервой-падалю себя пропитающее*».

Тропы рассматриваемого типа выполняют в художественных произведениях следующие функции:

1. Создание исторического колорита. Так, в романе А. Иванова «Золото бунта» регулярно используются метафоры и сравнения, воссоздающие особенности народной культуры и связанные с жизнью Урала XVIII в. В романе А. Рубанова «Финист – Ясный Сокол» культурно-специфичные компаративные тропы служат для воссоздания мира дохристианской Руси.

2. Создание местного колорита. В романе О. Славниковой «2017», изображающем события жизни современного Урала, используются образы уральских сказок, основные из которых, относящиеся к главной героине романа – *Хозяйка Горы, Каменная Девка*, в то же время приобретают концептуализирующий характер.

3. Характерологическая функция. Как мы показали выше, компаративные тропы, в состав которых входят культурно маркированные реалии, часто выполняют характеризующую функцию: они в емкой форме представляют внешность героев, внутренние свойства их личности, необычную трактовку ситуаций, в которых оказываются герои.

4. Интертекстуальная функция. Рассматриваемые компаративные тропы приобретают свою художественность часто за счет отсылки к прецедентным текстам. Так, именно аллюзия к плачу Ярославны из «Слова о полку Игореве» создает приращение смысла во фрагменте текста Е. Попова «Подлинная история “Зеленых музыкантов”»: «Спартак Куликов, ныне решительно забытый, а когда-то временно модный поэт, терпеливо отстояв длинную очередь в Мавзолей, на его пороге встал на колени и стал, как *Ярославна*, заново оплакивать Ильича, призывая его вернуться». В романе Е. Водолазкина «Лавр», изображающем Россию XV века, при передаче точки зрения местных жителей употреблено сравнение, представляющее собой цитату из молитвы: «Никаких следов Арсения – живого или мертвого – слободские не нашли. Может статься, он растаял, *яко тает воск от лица огня*, подумали они». В колоритную сказочно-образную характеристику персонажа в романе А. Бушковского «Рымба» органично вписывается отсылка к Священному Писанию: «А батюшка из лодки вышел: росту чуть не с версту, волосы – *льва рыкающего* грива сива, борода лопатой. Старый подрясник по животу ремнем солдатским перетянут, кулаки – как от киянок головы».

5. Оценочная функция, в частности, связанная с иронической экспрессией: «После работы она заходила за ним в его кабинет никакой романтики: <...> Аркадий Борисыч долго моет руки, трет щеточкой, подозрительно осматривает свои розовые ногти и с отворачиванием смотрит на себя в зеркало. Стоит, розовый, сытый, тугой, яйцевидный <...> Тоже мне *Финист Ясный Сокол!* Какие такие страсти могли у нее быть с Аркадием Борисычем – никаких, конечно» (Т. Толстая. Поэт и муза).

Итак, в современной русской прозе распространены метафоры и сравнения с культурно-специфичными компонентами, связанными

с разными пластами национальной культуры (сравнительные конструкции среди них преобладают). Это свидетельствует об устойчивости национальной метафорической картины мира и развитии традиций, заложенных в предшествующей литературе. Анализ компаративных тропов такого типа может быть использован в сопоставительных исследованиях для выявления сходств и различий образных параллелей в художественных произведениях разных национальных литератур.

Литература

Арязмова О.В. Этнокультуремы в концептосфере писателя-билингва (на материале романа Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза») // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 1. С. 54-58.

Брилева И.С., Вольская Н.П., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В. Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. Выпуск 1. М.: Гнозис, 2014.

Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980.

Гудков Д.Б. Люди и звери. Русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе. Лингвокультурологический словарь. М.: ЛЕНАНД, 2020.

Дыбо А.В., Никуленко Е.В. Зооморфная метафора «медведь» в русском, английском и языках Южной Сибири // Язык и культура. 2019. № 48. С. 78-95.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры. М.: ЛЕНАНД, 2019.

Кондратьева О.Н. Метафора как лингвокультурный феномен // Лингвокультурология. 2014. № 8. С. 104-106.

Макарова О. А. Метафора в британской и американской литературе XX в. Самара – М.: Изд-во МПГУ, 2007.

Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2001.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

Телия В.Н. Основные постулаты лингвокультурологии // Филология и культура: материалы II междунар. конф. 12-14 мая 1999 г.: в 3 ч. / отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ, 1999. Ч. III. С. 14-15.

Уржа А.В., Сворцова В.В. Текстовые функции культурно-коннотированной лексики в рассказе В. Пелевина «СПИ» и его англоязычном переводе // Мир русского слова. 2016. № 3. С. 85-96.

Юрков Е.Е. Метафора в аспекте лингвокультурологии. СПб.: Изд. дом «Мир русского слова», 2012.

Kövecses Z. Metaphor in Culture: Universality and Variation. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

N.A. Nikolina (Moscow, Russia)

Moscow Pedagogical State University

Z.Yu. Petrova, N.A. Fateeva (Moscow, Russia)

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences

CULTURE-SPECIFIC LEXICAL UNITS AS COMPONENTS OF COMPARATIVE TROPES

The article discusses metaphors and similes with culture-specific components, as applied to modern Russian prose. A semantic classification of the images forming the tropes is proposed, the most frequently used groups of tropes are established, the functions of metaphors and similes in the literary text are determined.

Key words: metaphor, simile, modern Russian prose, linguocultural analysis, cultural and linguistic worldview, metaphorical worldview, intertext.

С.Ю. Семенова (Москва, Россия)

ИНИОН РАН, РГГУ

sonya_sem@mail.ru

Е.В. Тарасова (Москва, Россия)

Discovery English Preschool

ek_lll@mail.ru

О ЯЗЫКОВОЙ ИГРЕ В ГАЗЕТЕ «НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО»

В статье кратко освещаются результаты анализа языковой игры в юмористической рубрике «Анекдоты» газеты «Научное сообщество» Московской региональной организации Профсоюза работников РАН. Представлена схема прагмалингвистического анализа игровых высказываний данной рубрики,

а также отражены результаты поиска межъязыковых соответствий между примерами рубрики и материалами ряда англоязычных юмористических сайтов.

Ключевые слова: языковая игра, каламбур, юмористическая рубрика газеты, интертекстуальность в языковой игре, межкультурные трансформации фольклора.

В последние годы в отечественном русскоязычном дискурсе, прежде всего в рекламе, массовых печатных изданиях, блогах и т.п., отмечается значительное распространение практики языковой игры (далее – ЯИ), во многом вызванное, по-видимому, парадоксальностью, эклектичностью и непредсказуемостью самой действительности. При этом нередко игровые реплики, как и другие малые юмористические формы, воспринимаются как плоские, рассчитанные на невысокий образовательный уровень и непритязательные вкусы адресатов. На этом фоне становятся весьма привлекательными современные примеры юмористических высказываний и игровых находок, предназначенные для более взыскательной аудитории.

Значительный круг таких примеров, более или менее утонченных, содержится в юмористической рубрике газеты «Научное сообщество» Московской региональной организации Профсоюза работников РАН [Публикации 2020]. (В настоящее время главным редактором газеты является Владимир Юркин, выпускающим редактором – Надежда Волчкова).

Газета «Научное сообщество» выходит ежемесячно, начиная с 2001 г. В ней обсуждаются важнейшие векторы развития научного потенциала страны, проблемы финансирования научных институтов и науки в целом, освещается деятельность самого профсоюза. Через призму социально-правовых интересов научных работников в газете отражаются актуальные проблемы деятельности государства в политической, экономической, социальной сферах.

Газета предназначена для широкой академической аудитории, для научно-исследовательских институтов и других подразделений РАН, однако в силу сложных финансовых обстоятельств эта газета поступает не во все институты. Отчасти поэтому газета не приобрела большой известности, хотя ее материалы являются актуальными, гражданственными, отличаются зрелостью и взвешенностью интерпретаций. Незаслуженно малоизвестной остается и богатая коллекция анонимных юмористических высказываний; такие высказывания (примерно по 10 единиц) приводятся почти в каждом выпуске газеты в рубрике «Анекдоты».

В данной статье будет представлен прагмалингвистический анализ определенной выборки игровых высказываний из указанной рубрики газеты. Статья основывается на результатах выпускной квалификационной работы (ВКР) Е.В. Тарасовой, подготовленной и защищенной в магистратуре Института лингвистики РГГУ под руководством С.Ю. Семеновой [Тарасова 2019].

Сделаем одно терминологическое уточнение, полезное для дальнейшего изложения. Все единицы рассматриваемой коллекции и, соответственно, отобранные для анализа примеры будем называть высказываниями. При этом формально не все они являются высказываниями в традиционном понимании, согласно которому высказывание – минимальная единица речи, обладающая смысловой завершенностью (например, в рассматриваемой юмористической рубрике наряду с собственно высказываниями встречаются мини-диалоги). Издатели газеты предьявляют единицы коллекции под рубрикой «Анекдоты», но жанровые признаки анекдота (как небольшого рассказа) отмечаются лишь у некоторых единиц. Мы остановились на более или менее нейтральном термине «высказывание».

Основная часть высказываний из рассматриваемой коллекции отражает собственно российские реалии; например, таковы мини-диалог: – *Почему люди не падают с вращающейся Земли? – Потому что прикреплены к поликлиникам* (2015, № 2) или рифмовка: – *Не подведи! – сказал прораб народу, и не подвел ни газ, ни свет, ни воду* (2006, № 4), в то время как другая, меньшая часть представляет собой высказывания более общего характера – бытийные, философские, нравственные, например: *Сильнее всего человек прогибается под тяжестью денег* (2005, № 6).

Из более 2000 высказываний, размещенных в газете с 2001 по 2018 гг., для анализа было отобрано около 200 высказываний, отличающихся «лингвистичностью» и содержащих явную языковую игру (ср. жанр так называемых лингвистических анекдотов).

Надо отметить, что ЯИ ощущается в разной степени в разных высказываниях рубрики, и для некоторых из них комический эффект реализуется за счет других средств: благодаря оригинальному отклику «на злобу дня», нетривиальной иронии общеполитического плана и др. Целый ряд высказываний занимает, как представляется, пограничное положение по отношению к феномену ЯИ. Например, в высказываниях может не отмечаться таких бесспорных признаков ЯИ, как каламбуры или паронимическая аттракция; высказывания могут содержать

лишь «следы» ЯИ, например, скрытую интертекстуальную «перекличку», использование и пародирование клишированных синтаксических моделей и некоторые другие признаки ЯИ. Так, в высказывании: *Не делай ничего с первого раза, иначе никто не оценит, как это было сложно* (2009, № 1) не чувствуется явных лингвистических игровых приемов; правда, можно провести интертекстуальное сопоставление с ироничными репликами, в которых воспроизводятся комбинации слов *ценить, начальство, подвиг*, типа *Не оценит начальство подвига!* (Пример употребления встречается еще у М.Е. Салтыкова-Щедрина; ср. [НКРЯ]: *Начальство, однако ж, не особенно ценило подвиги Редеди и довольно медленно производило его в чины...* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Современная идиллия (1877-1883)).

Трудно усмотреть явную ЯИ и в одном из высказываний на наблевшую тему, опубликованном в уже более поздний (по отношению к выборке) период – в первом номере за 2020 год: *Не так страшен коронавирус, как оптимизированная медицина* (2020, № 1). Игровой (пародируемой) здесь можно считать лишь саму лексико-синтаксическую модель, или фразеосхему [Телия 1990], ср. известную паремическую единицу: *Не так страшен черт, как его малюют*. Также пограничным в аспекте ЯИ видится высказывание из того же номера газеты: *Хозяйке на заметку. Чем хуже настроение, тем нежнее получают отбивные* (2020, № 1). В последнем примере языковая игра проявляется в пародировании текстов по домоводству, помеченных с помощью клишированного заголовка «*Хозяйке на заметку*».

В высказываниях 2001-2018 гг., отобранных для исследования, языковая игра просматривается более выпукло. В процессе анализа выявлялись использованные приемы ЯИ, а также предлагались их расшифровка (например, указание, совмещение каких лексем полисемичного слова имеет место в конкретном каламбуре) и краткое объяснение, за счет чего (например, за счет противоречий с какими фрагментами обыденной картины мира) возникает комический эффект. Поскольку комический текст, вообще говоря, явление многогранное, для достаточно глубокого его понимания следует учитывать разные факторы. Для отобранных высказываний наряду с приемами ЯИ и лингвистическими пояснениями к ним эксплицировались также жанровая принадлежность и тематика. Кроме того, по возможности обрисовывались фоновые знания культурологического плана, которыми должен обладать реципиент для понимания смысла высказывания. Таким образом, анализ проводился по следующей схеме:

1. наименования использованных приемов ЯИ;

2. расшифровка использования приемов с целью объяснения комического эффекта;
3. жанровая принадлежность высказывания;
4. тематика;
5. комментарий (фоновые знания).

Результаты разбора высказываний в соответствии с этой схемой приведены в текстовом виде, но в принципе такая (или близкая) структуризация позволяет накапливать результаты анализа игровых высказываний и в форме базы данных.

Под тематикой (п. 4 вышеуказанной схемы) подразумевается широкая предметная область, в рамках которой строится шутка – политика, экономика, медицина, социальная сфера, бытийная сфера и др. Определение тематической принадлежности высказывания оказалось полезным, в том числе, при поиске английских аналогов для единиц лекции. Дело в том, что анализ производился в предположении, что некоторые высказывания общего характера имеют иноязычные аналоги; исследование предусматривало поиск таких аналогов в англоязычном дискурсе и сравнение их с русскими вариантами (см. ниже). Отнесение к определенной тематике производилось согласно тому, проблема какой сферы обыгрывалась или доминировала в той или иной шутке. Так, если в высказывании обыгрывался какой-либо бытовой факт, высказывание относили к бытийной тематике, если обыгрывалась проблема политического характера – к политической и т.д. Также была выделена общеполитическая тематика, к которой были отнесены высказывания философского характера. И поиск межъязыковых коррелятов производился с учетом тематики.

Распределение по тематике оказалось несколько проблематичным, поскольку не во всех высказываниях можно четко определить тематические границы; в некоторых высказываниях наблюдается «стык» предметных областей. В последнем случае выбиралась тематическая принадлежность, представлявшаяся преобладающей.

Приемы ЯИ определялись, главным образом, на основе классификаций, разработанных в классических трудах [Земская и др. 1983] и [Санников 1999].

Приведем некоторые примеры прагмалингвистического разбора для высказываний исследуемой коллекции.

Пример 1.

– *Что такое ГД РФ?*

– *Набор согласных* (2005, № 6).

1. Создание эффекта обманутого ожидания; каламбур.

2. Неожиданный ответ на вопрос, не содержащий «подвоха». Наложение значений слов: *согласный* – обозначение звука (буквы) vs *согласный* – обозначение личностной характеристики, с отрицательной коннотацией. Можно говорить и о неожиданном автонимном употреблении аббревиатуры *ГД РФ* – когда слово (в данном случае аббревиатура) обозначает самое себя.

3. Анекдот-загадка.

4. Политическая тематика.

5. Запись *ГД РФ*, с одной стороны, содержит набор «согласных» букв в аббревиатуре, а с другой – отражает чересчур лояльный подход депутатов к принятию судьбоносных для страны решений (аббревиатура расшифровывается как «Государственная Дума Российской Федерации»). Как заметила М.В. Ахметова (в рецензии на ВКР), данное высказывание имеет прообраз в диссидентском фольклоре советского периода: *Что такое ЦК КПСС? – Набор глухих согласных*. (В таком варианте кроме вышеназванных приемов отражается намек на возраст высших руководителей страны позднего советского периода).

Пример 2.

И днём, и ночью ток включённый всё ходит по цепи кругом... (2014, № 4).

1. Цитация, каламбур, паронимическая аттракция, метатеза, балагурство.

2. Изменение пушкинской фразы посредством замены слов *кот учёный* на *ток включённый* позволяет выдвинуть на первый план не бытовое значение слова «цепь», а специальное (электрическая цепь), т.е. имеет место каламбур (обыгрывание полисемии слова *цепь*). Также в шутке обыгрывается паронимия – звуковая схожесть слов *учёный* и *включённый*. Используется перестановка звуков (в словах *ток* и *кот*), которую можно классифицировать и как метатезу (это явление отмечено как прием ЯИ в [Земская и др. 1983]), и как анаграмму.

3. Шутка.

4. Бытийная тематика.

5. Отсылка к прецедентной строке в поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила». Высказывание не содержит каких-либо глубоких философских или идеологических намеков, оно может быть отнесено к некогда известной серии «Физики шутят».

Пример 3.

Ученые нашли ген, который отвечает за счастье. Он называется шенген (2017, № 1).

1. Паронимическая аттракция. Рифмовка. Пародия.

2. Созвучность слов *ген* и *Шенген*. Пародирование известных клише *британские ученые* и *гормон счастья (гормон радости)*.

3. Шутка.

4. Бытийная тематика.

5. С одной стороны, при буквальном понимании данного высказывания его можно интерпретировать как констатацию расхожего мнения, что отдых в России по комфорту уступает отдыху в Европе. С другой стороны, можно усмотреть иронию по поводу вышеуказанного обывательского представления, высмеивание своего рода «культы шенгена», имеющегося в массовом сознании.

Пример 4.

Чем хорош русский язык? Все согласны с утверждением, что «Россия после кризиса встанет!». Только оптимисты считают, что она поднимется, а пессимисты, что остановится (2009, № 9).

1. Каламбур.

2. Каламбур базируется на энантиосемии: имеет место столкновение двух антонимичных значений глагола *встать* – „подняться, начать успешно функционировать“ vs „остановиться, перестать функционировать“.

3. Анекдот-загадка.

4. Экономическая тематика.

5. Сопоставление интерпретаций некоторого факта с разных точек зрения служит моделью для построения целого ряда комических текстов малых жанров, ср. известное изречение: *Оптимист: «Зал [зрительный] был наполовину полон», пессимист: «Зал был наполовину пуст»*; ср. также схожую шутку про стакан с водой.

Как отмечено выше, в рамках ВКР была предпринята попытка найти аналогичные высказывания в английском или американском дискурсе, так как возникло предположение, что некоторые шутки, размещенные в газете «Научное сообщество», могут быть переводами с английского или иметь близкие англоязычные варианты. Нам удалось найти несколько полных аналогов, однако их оказалось немного. Некоторые английские шутки представляют собой приблизительные аналоги русских высказываний из «Научного сообщества», они схожи по тематике, закодированным смыслам и комическому эффекту, оказываемому на читателя/адресата, но их реализация осуществляется иногда посредством других приемов ЯИ.

Основным источником английских аналогов стали различные веб-сайты, представляющие собой подборки шуток и анекдотов в соответ-

ствии с их тематикой (*political jokes, math jokes, life jokes, marriage jokes* и т.п.). Поиск проводился в основном по ключевым словам (*doctor, patient, artificial intelligence* и пр.) либо по тематике (например, “*political jokes*”, “*jokes about life*”, “*jokes about medicine*” и т.п.). Также осуществлялся поиск шуток, сравнимых по объему. Оказалось, что формат анализируемых русских шуток и анекдотов соответствуют так называемым «линейным» (т.е. однострочным) шуткам (*one liners*). Упор при поиске аналогов был сделан на высказывания общего характера, нас интересовала «общечеловеческая» тематика, так как искать шутки, отражающие исключительно российские реалии, не было особого смысла. Однако были найдены и такие шутки, которые, отражая общечеловеческие смыслы и ассоциации, преломлялись через призму российских реалий и реалий англоязычных стран, что также оказалось весьма интересным для сравнения.

Так, в следующих примерах русский вариант отражает не только ассоциативные связи с китайскими словами, но и определенные особенности современной Москвы.

Мало кто знает, что вся Москва уже давно поделена на зоны влияния китайских семей: СВАО, ВАО, ЮВАО, ЮАО, ЮЗАО, ЗАО, СЗАО, САО и главная семья – ЦАО (2005, № 12).

„How Long is a Chinese man’s name?“

„No, it actually is“ [Thought Catalog 2020]. («– Длинное ли у китайца имя? – Да, Длин Но Е Ли – действительно китайское имя»).

Тематическим ядром обеих шуток являются китайские имена, а именно их звучание, схожее с некоторыми (прежде всего, неблагозвучными) аббревиатурами в русском языке и некоторыми английскими словами. В русском примере это фонетическое созвучие сокращенных названий административных округов Москвы китайским формам, в английском – вопросительная конструкция *how long*, звучащая «на китайский манер». Русская шутка строится на основе пародии, английский аналог тоже пародиен, но в нем можно усмотреть и амфиболию, так как грамматическая структура предложения позволяет интерпретировать его двояко (*how long* выступает одновременно и как вопросительная конструкция, и как субъект предложения). По жанру русский пример представляет собой шутку, английский аналог – короткий диалог.

Ср. другой пример.

Табличка в зоопарке: Медведя руками не кормить! На них много микробов и мало мяса (2008, № 2-3).

My grandfather has the heart of a lion and a lifetime ban from the local zoo («У моего деда львиное сердце и пожизненный запрет на посещение местного зоопарка») [Quotes Pill 2020].

Оба текста имеют схожую тематику, однако жанрами они отличаются: русский вариант – анекдот-пародия, английский аналог – шутка. В русском высказывании имя *руки* неожиданно насыщает не валентность **инструмента**, а валентность (расходуемого) **средства** у глагола *кормить*. Типичное для зоопарков объявление *Животных не кормить!* и типичное для разных учреждений *Руками не трогать!* и идиома *the heart of a lion* (используется для характеристики храброго человека) благодаря неожиданной концовке переосмысливаются; английская идиома воспринимается буквально. Но смысловой акцент шутки разный. В русском варианте «страдает» посетитель зоопарка – его «руки» становятся едой для медведя. В английском аналоге, наоборот, «страдают» обитатели зоопарка.

Ср. далее:

Если после двух холодных и дождливых дней потеплело, и светит яркое солнце – скорее всего, наступил понедельник (2011, № 6).

There's a technical term for a sunny, warm day which follows two rainy days. It's called Monday. («По-научному теплый солнечный день после двух холодных дождливых дней называется “понедельник”») [Unijokes 2020]. Высказывания являются полными аналогами, так как имеют общую тематику и общий образный ряд. По жанру оба варианта являются шутками. Использованный прием – эффект обманутого ожидания. В обоих вариантах можно усмотреть пародирование научного стиля. Русское высказывание построено как пародия на утверждение, сделанное дедуктивным путем. В нем можно усмотреть, в частности, пародию на «дедуктивный метод», реализованный в диалогах персонажей А. Конан Дойла – Шерлока Холмса и доктора Ватсона. Английское высказывание воспринимается как пародия на дефиницию в научном тексте. Видимо, оба аналога можно считать афоризмами: они имеют философский характер, выражают иронию по поводу вечного невезения.

Жизнь измеряется не числом вдохов и выдохов, а мгновениями, когда захватывает дух! (2018, № 6-7).

Life is not measured by the number of breaths we take, but by the moments that take our breath away [Quotes and aphorisms 2020].

Данные примеры – практически полные аналоги; возможно, русская версия является переводом. По жанру высказывание можно отне-

сти к афоризму; русский вариант полностью соответствует данному жанру. При этом в плане языковой игры английский аналог представляется более интересным, так как анализм английского языка и полисемия глагола *to take* позволяют изменить порядок слов во фразах *breaths we take* и *take our breath away* и тем самым при помощи одних и тех же лексических единиц создать контраст и сменить смысловые акценты. В русском варианте эту английскую игру компенсирует фонетический каламбур *вдох – дух* (слово *дух* здесь употреблено в значении „дыхание“) за счет однокоренных слов и с привлечением паронимической аттракции. Определенным аналогом синтаксической (и семантической) перестановки в английских фрагментах *breaths we take* и *take our breath away* может служить, например, русская поговорка: *Не тот червяк, что мы едим, а тот, что нас ест* [Словарь народной фразеологии 2020].

В целом, коллекция высказываний юмористической рубрики газеты «Научное сообщество» (ставшая предметом лингвистического расследования впервые) отличается значительной мерой интеллектуальности. Так, в проанализированной в ВКР выборке, состоящей из двухсот примеров (взятых на основе предварительных представлений о наличии в них языковой игры, а также из эстетических соображений), доминирует такой прием ЯИ, как каламбур (примерно 30%); значимую долю имеет паронимическая аттракция (8%) – оба приема относятся к «верхнему» уровню игры. Приемы «нижнего» уровня представлены скудно; например, такой прием, как балагурство, очень редок. (Весомо представлены относительно нейтральные по отношению к интеллектуальному уровню игры приемы «создание эффекта обманутого ожидания» – 13% и «цитация и обыгрывание прецедентных текстов» – 9%).

Переплетение нескольких тем в рамках одного высказывания, наличие разнообразных ассоциативных и интертекстуальных связей свидетельствуют о глубине единиц коллекции как литературных произведений малых жанров; зачастую также – об их преемственности как произведений фольклора.

При компилятивном в целом характере коллекции, отбор примеров в нее, осуществляемый издателями газеты, отражает мировоззрение российской интеллигенции, позволяет увидеть многие «болевые точки» современной действительности. В силу сказанного коллекция может занять достойное место в общем собрании юмористических произведений малых жанров. Интересным представляется и то, что изначально возникшая гипотеза о возможном наличии в коллекции пе-

реводов (или близких аналогов) из английского или американского дискурса, подтвердилась. Найденные англоязычные аналоги составляют определенный материал для сопоставительного анализа. Разработанная в отечественной русистике классификация приемов ЯИ (имеются в виду приемы, исчисленные в работах [Земская и др. 1983] и [Санников 1999]) может быть применима и к английскому языку. Это значительно расширяет горизонты исследования ЯИ, т.к. сопоставление аналогичных игровых высказываний на материале разных языков будет способствовать лучшему пониманию механизмов создания языковой игры и комического в целом.

Литература

Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. С. 172-214.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 22.04.2020).

Публикации газеты «Научное сообщество». URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=c2ac45af-e861-4bc1-bd68-2aef0da91fa6> (дата обращения: 25.03.2020).

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 1999.

Словарь народной фразеологии. URL: <http://www.terminy.info/russian-language/dictionary-folk-phraseology/ne-tot-chervyak-chto-my-edima-tot-chto-nas-est/> (дата обращения: 22.04.2020).

Тарасова Е.В. Языковая игра в юмористической рубрике газеты для научных работников: анализ игровых примеров и поиск межъязыковых соответствий. Выпускная квалификационная работа студентки 2 курса магистратуры Института лингвистики РГГУ. М., 2019.

Телия В.Н. Фразеологизм // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 559-560.

Quotes and aphorisms. URL: <https://quote-citation.com/en/> (дата обращения: 03.04.2020).

QuotesPill. URL: <https://quoteswell.com/one-liner-jokes/> (дата обращения: 03.04.2020).

Thought Catalog. URL: <https://thoughtcatalog.com/january-nelson/2018/09/funny-animal-jokes/> (дата обращения: 03.04.2020).

Unijokes. URL: <https://unijokes.com/weather-jokes/4/> (дата обращения: 03.04.2020).

S.Y. Semenova (Moscow, Russia)

INION RAS, RSUH

sonya_sem@mail.ru

E.V. Tarasova (Moscow, Russia)

Discovery English Pre-school

ek_lll@mail.ru

ON LANGUAGE GAME IN RAS TRADE-UNION NEWSPAPER “NAUCHNOE SOOBSHCHESTVO”

The article briefly highlights the results of the analysis of the language game in the “Jokes” section of the “Nauchnoe soobshchestvo” [Scientific Community], the newspaper published by the Trade-Union of the Russian Academy of Sciences (Moscow Region). The authors provide pragmalinguistic analysis of the jokes presented, as well as cross-language matches between the examples in the given section and the materials of humor and satire webpages in English.

Key words: language game, pun, humor section in a newspaper, intertextuality, cross-cultural transformations of folklore.

Л.В. Тарамжина, И.Г. Василькова

(Санкт-Петербурге, Россия)

Российский государственный педагогический университет

имени А.И. Герцена

lvtaramgina@herzen.spb.ru

irvasi.77@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭКСПРЕССИВНЫХ СРЕДСТВ ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В настоящей статье рассматриваются основные тенденции использования лексических средств выражения экспрессивности в современных научных текстах. Анализ статей на английском языке из области математики, физики и информатики показал, что в научной коммуникации экспрессивные средства языка играют важную роль для достижения взаимопонимания между ее участниками: авторами научных статей и читателями.

Ключевые слова: коммуникация, научная статья, экспрессивность, средства языка, адресант, адресат, метафора.

Функциональной основой экспрессивности является эмоциональное воздействие адресанта – говорящего или пишущего на адресата – слушателя или читателя. Экспрессивные средства оказываются необходимыми для выражения не только эмоций, но и мыслей. Как известно, категория экспрессивности связана с речемыслительной деятельностью человека и имеет функционально-коммуникативную направленность. При рассмотрении использования языка современной научной коммуникации наше внимание обратили на себя примеры не совсем характерного для научного стиля письменного изложения авторами научного материала. Научная статья остается основным жанром научно-технической литературы, который по-прежнему обладает всеми стилеобразующими признаками научного дискурса. Однако анализ содержания научных, профессионально-ориентированных текстов на английском языке по математике, физике и компьютерным наукам (информатике), авторы которых не имеют непосредственного контакта с читателями, а значит, не имеют возможности использования внеязыковых средств воздействия на адресата, выявил некоторые отклонения от традиционной стереотипности написания научной статьи. Авторы выбирают разнообразные средства языка, в том числе экспрессивные, которые способствуют передаче содержания таким образом, чтобы адресат правильно понял сложный научный текст. Здесь уместно привести высказывание В.Н. Телия о том, что «экспрессивность языковых произведений – ... это результат такого прагматического употребления языка, основная цель которого – выражение эмоционально воздействующего ... отношения субъекта речи к обозначаемому и «заражение» этим отношением адресата» [Телия 1991: 37].

Анализ содержания научных статей на английском языке по математике, физике и компьютерным наукам показал, что в данных текстах наблюдаются некоторые особенности, которые позволяют говорить о наличии ряда нетипичных черт научного стиля английского языка, что определяет некоторые специфические характеристики современного научного дискурса. Принято считать, что язык науки отличается низкой экспрессивностью, но в современных научно-технических текстах заметно увеличилась роль использования лексических средств выражения экспрессивности, что объясняется коммуникативно-прагматическими факторами и вносит новые характеристики в речевое общение в сфере науки. Из наиболее распространенных способов языкового выражения экспрессивности мы остановимся на её реализации графическим способом, лексическим и фразеологическим,

а также обратим внимание на роль юмора, его воздействие на эмоции, чувства человека и на восприятие сообщаемой информации.

Лексическими средствами выражения экспрессивности, чаще всего используемыми в научной коммуникации, являются метафорические термины, оценочная лексика (как индикатор авторской модальности) и фразеологические единицы. Авторы научных статей и монографий по математике, физике и информатике тоже не обходятся без них: *“Today, the Internet is a combination of WANs and LANs containing a **“backbone”** network constructed from high-speed, high-capacity communication paths that span the USA”* [Popeskić 2011]. *“If the ABC conjecture can be shown to be true, Diophantine analysis will no longer be **the mathematical equivalent of fly-fishing**; it will be more like fishing with dynamite”* [Goldfeld 1996].

Безусловно, наличие используемых авторами различных фразеологических единиц, которые обогащают научный дискурс, привносит новую стилистическую окраску в сферу научного описания, добавляя элементы художественности и образности: *“After all, as Shakespeare and this discovery of SNAG – computation in cells remind us: “There are more things **in heaven and earth**, Horatio, than are dreamt of in your philosophy” (“Simple Non-Abelian Groups” – SNAGs) [Nehanić 2016]. “This work is a technical **tour de force**” (“Toward quantum chips”) [Hardesty 2015]. “The equations also imply the existence of black holes, which in mathematical term correspond to singularities, points in a space where **all hell breaks loose**” [Knudson 2016]. “Mikhail Gromov said that Nash’s work on the embedding problem stuck him to be **“as convincing as lifting oneself by the hair”**” [Mathews 2015].* Встречаются также сравнения и терминологические выражения, заимствованные из других отраслей науки, и этот факт объясняется важной особенностью современных текстов научного содержания – их междисциплинарным характером. Например: *“MedSense consistently shows that hand hygiene increases to about 90 percent as staff know they’re being watched by administrators, a phenomenon called **the Hawthorne Effect**” (CS/медицина, психология) [Matheson 2015]. “Driven by interaction with their environment, ..., they could grow new structures, divide up tasks among different types of **computational “cells”** such as hardware units or software processes, ...” (компьютерные науки/биология) [Nehanić 2016]. “This paper gives an elementary and self-contained proof of Conway’s Basic Theorem on rational tangles...Section 4 is a quick discussion of the applications of rational tangles to the analysis of **DNA recombination**” (математика/молекулярная*

биология) [Goldman, Kauffman 1996]. Несомненно, в письменной речи графические маркеры являются важными носителями экспрессивности. Использование авторами в своих статьях курсива и метафор, заключённых в кавычки, носит прагматический характер и является ещё одним способом воздействовать на адресата, обратить внимание на передаваемую информацию. Огромную роль, особенно в математических текстах, играет курсив: “They dubbed them *Cantorvals*. In their context...the only kind that can arise in our context is what they call an *M-Cantorval*. I prefer the more descriptive term *symmetric Cantorval*” [Nitecki 2015: 868]. “The methods use various elegant ideas: geometric ....; and many others (e.g., *the Monte Carlo Method*) which require modern electronic devices...” [Galperin 2003]. В своей публикации учёный сам определяет необходимость использования метафор в кавычках или без них, понимая, что графические значки делают особый акцент на значении выделенной лексической единицы: “*The traditional waterfall approach to software development is in stark contrast to the “free-wheeling”, trail-and-error process that is often vital to creative problem solving*” [Brookshear, Brylow 2018]. “*This means protons can “feel” electric or magnetic field, while neutrons cannot*” [Williams 2013].

Экспрессивность как черта современной научной коммуникации, безусловно, связана с необходимостью установить контакт автора с адресатом, вызвать рефлексии. С этой точки зрения очевидно, что разговорный язык, в частности, его важная особенность – диалогичность, наложил огромный отпечаток на некоторые основные стилиобразующие черты научных статей. Использование в публикациях по математике, физике и информатике разговорной лексики, обращение к читателю как к собеседнику создаёт атмосферу непринуждённого прямого контакта говорящего и слушателя, оказывая эмоциональное воздействие на человека и его восприятие сообщаемой информации. Приведём примеры из статей: “*The nodes are sort of like neurons, and the network is sort of like the brain itself. (For the researchers among you who are cringing at this comparison: Stop pooh-pooing the analogy. It’s a good analogy)*” [Karen 2018]. “*Great, but we’re still stuck with the problem of getting the raw data...*” [Brown 2015]. “*Computer scientists talk about a “deadly embrace” that occurs when task A is waiting for task B ...to do something, ..., causing them both to get stuck*” [Miles 2016]. В своей статье “Playing pool with π (the number π from a billiard point of view)” автор использовал следующий эпиграф: “*It’s irrational but well-rounded – found on a printed T-shirt*” [Galperin 2003]. В конце статей

также встречается такого рода информация: *This article is based on a talk he gave on ... или... The text of a talk to the Canadian Mathematics Education Study Group...*, которая подчеркивает, что научная публикация имела в основе диалогическую форму общения. Авторы научных статей нередко прибегают к использованию, так сказать, доступного для читателей языка при объяснении сложных научных фактов, а разнообразные сравнения и примеры из повседневной жизни, несомненно, упрощают восприятие и понимание читателями излагаемого материала: *“To get a sense of how optimization works, suppose that you’re a canned-food retailer trying to save money on steel, so you want a can design that minimizes the ratio of surface area to volume”* (Optimizing optimization algorithms) [Hardesty 2015]. *“HUP (Heisenberg Uncertainty Principle) implies “you can never be sure of everything”. The HUP in its looser form (“you can never be sure of everything”) is thus a consequence of the fact that Planck’s constant is not zero”* [Wiseman 2012].

Использование юмора в современном научном дискурсе имеет важное значение. Как известно, юмор, являясь своеобразной формой неформальной коммуникации, наблюдается во всех сферах человеческой деятельности, в том числе не чуждо это чувство и представителям разных отраслей точных наук. Несмотря на дистантность участников и отсутствие обратной связи в рассматриваемой нами научной коммуникации, юмор может довольно эффективно воздействовать на адресата и влиять на восприятие передаваемой автором информации. Однако следует отметить, что юмор имеет национальный характер и изучение его использования в научной литературе на английском языке затрагивает более глубокие проблемы межкультурной коммуникации. Так, например, Стивен Хокинг написал о занимаемой им должности в Кембридже в книге *“The Universe in a Nutshell”* (Физика – Математика): *“Newton occupied the Lucasian chair at Cambridge that I now hold, though it wasn’t electrically operated in his time”* [Hawking 2001]. Дж. Гленн Брукшир таким образом объясняет принцип работы системы базы данных (the Database System): *“When asked if there has been ever a president who was 10 feet tall, a traditional system would not be able to reply with the answer unless the height of each president was actually stored in the database. On the other hand, an intelligent system could reply correctly without knowing each president’s height. The line of reasoning might go like this: if there had been a president who was 10 feet tall, that would have been significant and would be stored in the database. Therefore, since no*

president is recorded as being 10 feet tall, there have been no such president” [Brookshear 2007]. А в одной из своих статей Вернер Гейзенберг, немецкий физик, приводит анекдот для разъяснения «принципа неопределённости» (the Heisenberg Uncertainty Principle): “*You may have heard the anecdote about a woman who is stopped by a policeman who says: “I just measured your speed as 53.9 km/hr when you were in a 40 km/hr school zone.” She retorts: “Are you familiar with the Heisenberg Uncertainty Principle? If you are so sure about my speed, you can’t possibly know where my car was.” It’s a cute joke, but let’s see what the HUP actually says...*” [Wiseman 2012].

Безусловно, экспрессивность в научных текстах по математике, физике и информатике носит прагматический характер, так как автор понимает, что интересно или оригинально сформулированная идея, точка зрения или аргументация легче запоминается читателями. Адресант создаёт научный текст на английском языке по математике, физике и информатике для целевой аудитории, исходя из, как отмечала и В.Н. Телия, коммуникативно-прагматических установок, направленных на адресата [Телия 1991]. Это значит, что научные тексты могут рассматриваться как средство взаимодействия участников коммуникации и строятся отправителями с осознанным отбором всех необходимых языковых средств. Во всех сферах человеческой деятельности, в том числе научной, наиважнейшим для коммуникации является достижение взаимопонимания между ее участниками. Мы считаем, что активное использование авторами научных текстов по математике, физике и информатике рассмотренных нами в статье экспрессивных средств языка является подтверждением того, что экспрессивность стала одной из характерных черт современной научной коммуникации.

Литература

Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Языковые механизмы экспрессивности / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1991. С. 36-66.

Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Языковые механизмы экспрессивности / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1991. С. 5-36.

Brookshear J.G., Brylow D. Computer Science: An Overview, 13th Edition. Pearson, 2018.

Brown E. Better machine learning. URL: <http://news.mit.edu/2015/better-machine-learning-kalyan-veeramachaneni-0224> (дата обращения: 27.03.2020).

Galperin G. Playing pool with π (the number π from a billiard point of view). URL: <https://www.researchgate.net/publication/266523056> (дата обращения: 27.03.2020).

Goldfeld D. Beyond the last theorem. URL: <http://ega-math.narod.ru/Liv/Goldfeld.htm> (дата обращения: 27.03.2020).

Goldman J.R., Kauffman L.H. Rational-Tangles. URL: <https://www.scribd.com/document/75286749/Jay-R-Goldman-Rational-Tangles> (дата обращения: 27.03.2020).

Hardesty L. Optimizing optimization algorithms. URL: <http://news.mit.edu/2015/optimizing-optimization-algorithms-0121> (дата обращения: 29.03.2020).

Hardesty L. Toward quantum chips. URL: <http://news.mit.edu/2015/quantum-computer-chips-0109> (дата обращения: 30.03.2020).

Hawking S. The Universe in a Nutshell. 1st ed. N.Y.: Bantam Books, 2001.

Karen H. What is machine learning? URL: <https://www.technologyreview.com/s/612437/what-is-machine-learning-we-drew-you-another-flowchart/> (дата обращения: 31.03.2020).

Knudson K. The Noble Prize for Physics goes to topology – and mathematicians applaud. URL: <https://theconversation.com/the-nobel-prize-for-physics-goes-to-topology-and-mathematicians-applaud-66532> (дата обращения: 26.03.2020).

Matheson R. Keeping health care clean. URL: <http://news.mit.edu/2015/smart-devices-track-hospital-hand-hygiene-0202> Дата обращения: 29.03.2020.

Mathews D. Every world in a grain of sand: John Nash’s astonishing geometry. URL: <https://theconversation.com/au> (дата обращения: 27.03.2020).

Miles R. Why a reboot is the go-to computer fix. URL: <https://theconversation.com/explained-why-a-reboot-is-the-go-to-computer-fix-65261> (дата обращения: 25.03.2020).

Nehaniv C. How the hidden mathematics of living cells could help us decipher the brain. URL: <https://theconversation.com/how-the-hidden-mathematics-of-living-cells-could-help-us-decipher-the-brain-59483> (дата обращения: 20.03.2020).

Nitecki Z. Cantorvals and Subsum Sets of Null Sequences // The American Mathematical Monthly. November 2015. P. 862-870.

Popeskic V. What is backbone? URL: <https://howdoesinternet.com/2011/backbone> (дата обращения: 27.03.2020).

Williams E. What is an isotope? URL: <https://theconversation.com/explainer-what-is-an-isotope-10688> (дата обращения: 21.03.2020).

Wiseman H. Heisenberg's Uncertainty Principle. URL: <https://theconversation.com/explainer-heisenbergs-uncertainty-principle-7512> (дата обращения: 27.03.2020).

L.V. Taramzhina, I.G. Vasilkova (St.-Petersburg, Russia)

Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen

THE USE OF EXPRESSIVE LANGUAGE MEANS IN MODERN SCIENTIFIC COMMUNICATION

The article discusses traditional parameters of scientific language and the usage of expressive verbal and phraseological units in the English-language works on Maths, Physics and Computer Science. The analysis of modern scientific texts elicits the unconventional characteristics of scholars' academic writing.

Key words: communication, scholars' academic writing, research article, an author, a reader, expressive means of a language, metaphor.

Е.В. Шелестюк (Челябинск, Россия)

*Челябинский государственный университет
shelestiuk@yandex.ru*

Д.Л. Шкарин (Екатеринбург, Россия)

*Центр развития тренинговых технологий
dshkarin@mail.ru*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ СОСТАВ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ О ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ ПОЭЗИЕЙ

Данная публикация является продолжением исследования, целью которого является анализ и сравнение концептуального состава поэзии разных стран, посвященной Второй мировой войне, при помощи сочетания методов автома-

тизированного контент-анализа (SEO), кластерного анализа (TextAnalyst), а также контекстуального и герменевтико-интерпретационного анализов.

Ключевые слова: семантическая структура текста, концептуальная структура текста, семантический анализ, семантические нуклеусы, концептуальный центр, концептуальная периферия.

Авторская картина мира, отражающая в тексте субъективную структуру объективной действительности, занимает главенствующую позицию в упорядоченности содержащихся в этом тексте семантических единиц. Со своей стороны, изучение семантического состава текста способствует выявлению психологического состояния, интересов, ценностей, средоточия фокусов внимания авторов (а также общества, если говорить об авторе текста как выразителе общественных настроений).

Объект данного исследования – концептуальный состав англоязычной военной поэзии, посвященной Второй мировой войне. Цель работы двояка: во-первых, она заключается в выявлении особенностей концептуальной реализации и осмысления носителями англоязычных культур темы Второй мировой войны на основе концептуального анализа корпуса текстов поэзии того времени. Во-вторых, целью является сравнение и сопоставление концептуального состава и признаков концептов англоязычной поэзии о Второй мировой войне с концептуальным составом и признаками концептов советской поэзии о Великой Отечественной войне. Материалом исследования стали готовые подборки (корпусы) англоязычной поэзии о Второй мировой войне, представленные на сайтах *Poetry Foundation* и *All Poetry*. Методика селекции материала включала сплошную выборку стихотворений с 1939 по 1960 г., всего в ходе исследования было проанализировано 73 англоязычных поэтических текста указанного периода. В качестве базового общефилософского метода выбран диалектический, который позволяет «рассматривать текст как системно-структурное образование, видеть за конкретным произведением личность автора и соответствующий этап в развитии литературного языка и художественного стиля» [Болотнова 2009: 407]. Специальную научную методологию исследования образуют метод формально-логический, метод контент-анализа (SEO-анализа в сопровождении кластерного анализа TextAnalyst). Особую роль играют контекстуальный и герменевтико-интерпретационный методы.

Ниже представим сопоставление показателей SEO-анализа англоязычной и советской военной поэзии. Заметно значительное преобладание конкретной (образной, эмпирически осязаемой) лексики в анг-

лоязычной поэзии по отношению к абстрактной, к которой мы также отнесли имена реалий и символов: 67% против 33%. В советской поэзии, напротив, наблюдается некоторое преобладание абстрактной лексики по отношению к конкретной: 47% конкретной лексики против 53% абстрактной. Возможно, это связано с когнитивными особенностями у англоязычных и русскоязычных народов (анализм, логическая индукция, эмпиризм vs синтетизм, дедукция, рационализм).

В советской поэзии о Великой Отечественной войне центральную роль играет символический концепт ЗЕМЛЯ; контекстуально репрезентированный как обобщенный образ основной стихии, где разворачивались бои на территории СССР и как многосмысленный символ со значениями «мать», «защита, убежище», «Родина, Россия, родная сторона», «святыня», «могила, смерть», «источник жизни, жизнь». В англоязычной поэзии в семантическом центре находим концепт AIR (SKY), который в определенной степени зеркально отражает концепт ЗЕМЛЯ в советской поэзии и также многосмысленен: это и основная стихия, в которой разворачивались англо-американские и немецкие бои во Второй мировой войне, и атмосфера как элемент природы, ландшафта, и символ жизни (дыхание, ветер).

По сравнению с ядром концептосферы советской поэзии о Великой Отечественной войне, где выражены абстрактные концепты ВОЗВРАЩЕНИЕ и ОЖИДАНИЕ, в ядерной зоне англо-американской поэзии о Второй мировой войны бросаются в глаза конкретные антропоморфные синекдохи HAND, EYE, FACE. Их частое использование свидетельствует о трансфере личных экспериенциальных впечатлений авторов на лирических героев.

Опишем результаты текстового анализа с помощью программы TextAnalyst. Кластеризация позволяет объединить лексемы с наибольшим числом семантических связей в концепты: DEATH, FACE, MAN (SOLDIER), CHILD (BOY, LEARN), AIR (SKY, WIND, BIRD, WING, PILOT), NATURE, LANDSCAPE (HILL, RAIN), VEHICLE (SHIP, TRAIN, TRUCK), ARMS (ARMY), REMEMBRANCE (MEMORY), WORD, MEETING.

Согласно TextAnalyst, наибольший семантический вес в корпусе англоязычной поэзии имеют лексемы, соответствующие концепту DEATH. Именно о смерти идет речь в большинстве стихотворений англоязычной поэзии о Второй мировой войне. Стихи, написанные в ранние годы войны, носят описательный характер, в них звучат нотки тревоги, неопределенности, недоумения по поводу происходящего:

“Whom do we fight? What are we fighting for? / Wipe off the goggles, clear the mask of breath: / Salvage the head, the brain is spreading *death* ...” (M. Stroebel). Смерть как печальный человеческий конец (в контексте или вне контекста ратного дела) оплакивается, при этом тема смерти нередко переплетается с лирическими темами (любовь, невинность): “They (the lovers) remember *death’s* eyes / Their expected soon is now; / Although the hyacinth hands / Never knew any harm / This year’s violent end / Makes notable their wrong” (J. Symons). “Love that lowered into *death* / Was theirs and in them here / Questioning by their offering / Our unofficial infantry / Lies unsung, unhonored, and four hundred...” (Ewart Milne. Sierran Aftermath). Гротескно описываются тренировки молодых солдат в военном лагере, сравниваемых с детьми, которые осваивают «железную технику смерти»: “they camouflage, they bristle with arms to the teeth, / they implement with knives their patient wonder / and wander like children the iron techniques of *death*” (Patrick Anderson. Military camp). Выражается эмпатия по отношению к молодым людям, которые, не выйдя из детских фантазий, сталкиваются с ужасами войны: “Little boy, nothing has been said about your fear; / the sky projects your growth and in this sudden blackout ghosts foreknew the naked stars that will skin you alive. /... fear breeds hate and *death* brings no taste of godliness...” (Patrick Anderson. Soldier boy). Нельзя не отметить в этом стихотворении также акцентирования концепта FEAR.

Война как бездушная машина смерти отражена в ярком отрывке с ритмическими повторами: “Trains lead to ships and ships to death or trains, / And trains to death or trucks, and trucks to death, / Or trucks lead to the march, the march to death, / And death leads back to trucks and trains and ships, / Or that survival which is all our hope; / But life leads to the march, O flag! at last / The place of life found after trains and death / – Nightfall of nations brilliant after war” (Karl Shapiro. Troop Train). Сцены смерти и героического сопротивления жителей осажденного Ленинграда также поражают воображение англоязычных поэтов: “A woman pulls her son’s sled, / His vacant body covered with sacks, / Shabby monument for the bank of death ... / I see the courage of this city, / The working children shingle-thin, / The women’s faces like carved wood. / Their pride, written in mirror eyes, / Defies the razor wind that mocks the skin. / The gracious art of learning has fallen / And brings the people to rhythm of hate. / Life is a fugue repeating war. / Time is the calendar of scars” (James E. Schevill. The Siege of Leningrad).

Проявление смерти в различных аспектах, страх смерти, ужас перед ней, ее бессмысленность часто имплицитно в произведениях англоязычных поэтов. Изумление и шок психики от столкновения со смертью вытесняют какие-либо другие ощущения и чувства, делают их вторичными. Если в советской поэзии о войне чаще акцентируется величие подвига, его значимость – т. е. происходит вполне сознательная концептуализация духовного смысла сражения и гибели ради победы, то в англоязычной военной поэзии выражены образы, связанные со смертью, с ее реалиями и впечатлениями очевидцев. Эти образы оставили у авторов (и оставляют у читателей) глубокий отпечаток, они воздействуют прежде всего на бессознательное и, как правило, автосемантически.

Необходимость примириться с ужасом, возникающим от вида смерти у живых, имплицитно сочетается с попыткой по возможности сберечь в памяти достоинство павших. Например, стихотворение Джеймса Тейта об отце-пилоте, убитом во время военной миссии в 1944 г., когда автор был еще пятимесячным ребенком, начинается с описания воображаемого лица отца. Лирический герой говорит, что это лицо не было обезображено смертью, как лица других солдат, он описывает это лицо, выражая скорбь и нежность, и говорит, что погибший снится ему в виде маленького африканского божка, кружащего по нисходящей спирали в небе: “Your face did not rot / like the others – the co-pilot, / for example, I saw him / yesterday. His face is corn- / mush: his wife and daughter, / the poor ignorant people, stare / as if he will compose soon. / He was more wronged than Job. / But your face did not rot / like the others—it grew dark, / and hard like ebony; / the features progressed in their / distinction. If I could cajole / you to come back for an evening, / down from your compulsive / orbiting, ... / I would / touch your face as a disinterested / scholar touches an original page... All I know / is this: when I see you, / as I have seen you at least / once every year of my life, / spin across the wilds of the sky / like a tiny, African god...” (James Tate. The Lost Pilot (for my father, 1922-1944)). В коротком стихотворении Рэндала Джарелла говорится о летчике, пилотирующем самолет с пушкой-турелью. Из-за маленького роста поэт сравнивает его с птенцом, попавшим из мягкого гнезда в ужас ревущей и все уничтожающей военной техники. Пилот стреляет из пушки по вражеским самолетам. Во время боя самолет сбивают, при этом останки пилота попадают изнутри в турель, из которой их потом вымывают с помощью шланга: “From my mother’s sleep I fell into the State, / And I hunched in its belly

till my wet fur froze. / Six miles from earth, loosed from its dream of life, I woke to black flak and the nightmare fighters. / When I died they washed me out of the turret with a hose” (Randall Jarrell. *The Death of the Ball Turret Gunner*). В стихотворении *The Performance* Джеймса Дики рассказывается о смерти пилота Дональда Армстронга на Филиппинах, которого «маленькие туземцы» убивают, отрубая ему голову. Перед смертью пилот выполняет свои лучшие трюки, в том числе, стоит на руках идеально ровными ногами на краю вырытой им ранее могилы. При этом палач едва не отрубает ему ноги вместо головы, изумляется и даже плачет. Наряду с ужасом этой смерти в стихотворении имплицитно восхищение поступком американца, в котором усматриваются гордость и бесстрашие: “...Doing all his lean tricks to amaze them – The back somersault, the kip-up – And at last, the stand on his hands... / And the headsman broke down / In a blaze of tears, in that light / Of the thin, long human frame / Upside down in its own strange joy...” (James L. Dickey. *The Performance*).

Нередко через описание смерти и хаоса выражается негативное отношение к войне, например, в поэзии Вернона Скеннелла, который акцентировал семантику разрушения, страдания, безумия войны; ср.: “A mammoth morning moved grey flanks and groaned / In the rusty hedges pale rags of mist hung; / The gruel of mud and leaves in the mauled lane / Smelled sweet, like blood. Birds had died or flown... / In the ditch at the cross-roads the fallen rider lays / Hugging his dead machine... / And then they came, the walking wounded, / Stragglng the road like convicts loosely chained, / Dragging at ankles exhaustion and despair... / They were not magnified by noble wounds, / There was no splendor in that company” (Vernon Scannell. *The Walking Wounded*). Итак, амбивалентность, недосказанность, «обнаженный» натурализм смерти, сквозь который едва просвечивает высший смысл, теряясь в тумане сомнений и релятивизма – свойства англоязычной поэзии о войне.

Также максимальный семантический вес в корпусе англоязычной поэзии имеет лексема *face*, соответствующая одноименному концепту FACE. Лицо выступает важным многосмысленным символом, это и сам человек, и символ человечности как таковой, и зеркало физического и психологического состояния человека, и эмблема человека, которого знал и, возможно, любил, и застывшая, искаженная маска – символ смерти. Лица, увиденные при тех или иных обстоятельствах, выступают важными экзистенциальными гештальтами, трансцендирующими некие смыслы и значения – как индивидуальные, так и общечеловеческие.

Цитированное выше стихотворение Карла Шапиро *Troop Train* метафорически сравнивает лица солдат, которые свисают из вагонов, отправляющихся на фронт, с фруктами из рога изобилия: “Fruit of the world, O clustered on ourselves / We hang as from a cornucopia / In total friendliness, *with faces bunched* / To spray the streets with catcalls and with leers...” (Karl Shapiro. *Troop Train*). Лица вызывают воспоминания, где радость узнавания сочетается с горечью и скорбью: “Somehow we see ourselves in photographs / Held in our hands to show us back our pride / When, aging, we recall in epitaphs / The *faces* just behind and to each side. / ...You feel the *faces* soften into sleep, / Or tense upon the fraught and falling arc / Of fear a boy had buried not too deep” (John Ciardi. *Port of Aerial Embarkation*). К слову, здесь вновь актуализируется концепт FEAR.

Лица людей служат для изображения походных и прочих сцен, так или иначе связанных с войной, в том числе, опять же, с амбивалентными моральными оценками. Ср. лицо дезертира из сочувственного стихотворения Карла Шапиро *The Conscientious Objector*: “You suffered not so physically but knew / Maltreatment, hunger, ennui of the mind. / Well might the soldier kissing the hot beach / *Erupting in his face* damn all your kind. / Yet you who saved neither yourselves nor us / Are equally with those who shed the blood / The heroes of our cause. Your conscience is / What we come back to in the armistice (Karl Shapiro. *The Conscientious Objector*). Или изображение «столкновения лицом к лицу» с врагом в пародийном цикле Генри Рида *Lessons of the War*, как бы воспроизводящем конспект лекции опытного военного, прочитанной им молодым солдатам. В части *Psychological Warfare* читаем: “...when you *come face to face with the foe*, remember dignity, / And though a number of them do fortunately speak English, / Say, proudly, with cold politeness, in the visitor’s own language: „Ich ergebe mich...“ / Do not forget the phrase... / Only always cold in tone: icy, if necessary: / It is such behaviour that will make them accord you / The same respect that they accorded myself, / At Passchendaele” (Henry Reed. *Psychological Warfare*). Любопытно, что в этих стихотворениях акцентируется психология и этикетно-поведенческая мораль (совесть как верность личным принципам, приличие и достоинство при сдаче в плен), которые противостоят воинскому долгу и чести.

В абстрактном стихотворении Робинсона Джефферса *The Bloody Sire* имплицитно понимается война как темной, злой и brutальной стороны существования животного мира и человека, которая, тем не менее, необходима для порождения ее противоположностей – мира,

красоты и добра. В частности, лицо Елены Прекрасной непредставимо без ореола копий – и смертей тех, кто когда-то желал овладеть этой красотой: “It is not bad. Let them play. / Let the guns bark and the bombing-plane / Speak his prodigious blasphemies. / It is not bad, it is high time, / Stark violence is still the sire of all the world’s values. / ...Who would remember *Helen’s face* / Lacking the terrible halo of spears? / Who formed Christ but Herod and Caesar, / The cruel and bloody victories of Caesar? / Violence, the bloody sire of all the world’s values. / Never weep, let them play, / Old violence is not too old to beget new values”. Таким образом, здесь находит свое выражение идея неразрывного сосуществования добра и зла, красоты/величия и жестокости.

С приведенным выше перекликается стихотворение *Now That the War Is Here* Р.Н. Карри, где война восхваляется как стихия, позволяющая проявиться «подавленным добродетелям», умяемым мирной жизнью буржуазного общества, считающимся балластом для него. Такими добродетелями называются «непримиримое мужество, немая выносливость, слепая жертвенность, высокое мастерство в убийстве» – качества, необходимые для боя и победы: “Now that the war is here, thank God / For merciful close perspective, blocking out / Facades of peace which otherwise would dwarf / These stunted sandbag virtues by which we live– / For men must live by virtues, even when / Bombing the helpless innocents; even hearts / Pruned to the stump sprout virtues or else die! / In this diminished world we must acquire – / Although our small hearts ache, thin sinews crack– / Unplumbable courage, numb endurance, / Blind sacrifice, high skill in homicide...” (R.N. Currey. *Now That the War Is Here*).

Согласно TextAnalyst, лексемы *air, arms, birds, child, eyes, hill, human, learn, man, question, rains, remember, wind, wing, words* являются близкими к семантическому центру по семантическому весу и связям.

Концепт AIR (и сопутствующие концепты SKY, WIND, BIRD, WING, PILOT) отражает среду, где происходили дуэли британской противовоздушной обороны с немецкими бомбардировщиками, где разворачивались бои британской/американской и немецкой авиации. Пилотам, сгинувшим в воздушных боях, посвящено стихотворение Говарда Немерова с примечательной концовкой о «славной войне, в которой мы победили, не наблюдая смертей»: “For a saving grace, we didn’t see our dead, / Who rarely bothered coming home to die / But simply stayed away out there / In the clean war, the war in the air. / Seldom the ghosts come back bearing their tales / Of hitting the earth, the incompressible sea, / But

stayed up there in the relative wind..." (Howard Nemerov. *The War in the Air*). Джон Пудни восхищается подвигом летчика, перефразируя его бесхитростный рассказ расцвеченным языком, используя, в том числе, мифологические и художественные аллюзии: "„Just then I saw the bloody Hun"/ You saw the Hun? You, light and easy, / Carving the soundless daylight. „I was breezy / When I saw that Hun." Oh wonder / Pattern of stress, of nerve poise, flyer, / Overtaking time. „He came out under / Nine – tenths cloud, but I was higher." / Did Michelangelo aspire, / Painting the laughing cumulus, to ride / The majesty of air. „He was a trier / I'll give him that, the hum." So you covert / Ultimate sky o air speed, drift and cover; / Sure with the tricky tools of God and lover" (John Pudney. *Combat Report*). Джон Чиарди написал стихотворение *The Pilot in the Jungle*, в котором фантазмагорически сливаются образы смерти и нового рождения пилота, потерпевшего авиакатастрофу в джунглях – «основателя цивилизации».

Концепт CHILD в англоязычной военной поэзии часто акцентирует такие черты, как агрессивность, первобытность, ребячливость, инфантилизм. Это, как можно видеть из контекстов соответствующей лексемы, в том числе, связано с модой на психоанализ и аналитическую психологию в первой трети XX века. Робинсон Джефферс в стихотворении о речи Гитлера в Данциге (1939) рассуждает о том, что «гений, талант, смелость и преданность коренятся в душе больного ребенка», и сравнивает «вой» диктатора с собой и своей поэзией – «исполненной крови и варварских символов, чрезмерно болезненной, бесчеловечной, как крик ястреба»: "This morning Hitler spoke in Danzig, we heard his voice. / A man of genius: that is, of amazing, / Ability, courage, devotion, cored on a *sick child's soul*, / Heard clearly through the dog-wrath, a *sick child* / Wailing in Danzig, invoking destruction and wailing at it... / Well: the day is a poem: but too much / Like one of Jeffer's, heavy with blood and barbaric symbols, / Painful to excess, inhuman as a hawk's cry" (Robinson Jeffers. 9, 19, 1939). Герой стихотворения Генри Рида, военный психоаналитик, описывает потенциального противника как «незрелых детей»: "...they are, by and large, *undeveloped children*, / Or adolescents, at most. It is perhaps to do with physique... / Undeveloped children, I have said, and *like children*, / As those of you with families will know, / They are sometimes very aggressive, even the gentlest of them" (Henry Reed. *Psychological Warfare*).

В аналогичном ключе – с акцентом на воинственности, смешанной с наивностью – описываются и свои, американские и британские,

солдаты: "...they implement with knives their patient wonder / and wander like children the iron techniques of death" (Karl Shapiro. Military Camp), "The good-bad boys of circumstance and chance, / Whose bucket-helmets bang the empty wall" (Karl Shapiro. Troop Train). Отношение к войне солдат неоднозначно – нередко она восхваляется как примордиальная стихия, возвращающая к первобытному инстинкту, «древнейшей романтике, сладким медом сочащейся из сердец»: "...Never was such antiqueness of romance, / Such tasty honey oozing from the heart... / And we recall the merry ways of guns– / Nibbling the walls of factory and church / Like a child, piecrust; felling groves of trees / Like a child, dandelions with a switch. / Machine-guns rattle toy-like from a hill, / Down in a row the brave tin-soldiers fall: / A sight to be recalled in elder days / When learnedly the future we devote / To yet more boastful visions of despair" (Robert Graves. Recalling War).

Заметим отличие указанных признаков концепта CHILD в англоязычной поэзии от признаков аналогичного концепта РЕБЕНОК в советской поэзии и произведениях о советских реалиях того времени. Объясняется это тем, что в годы Великой Отечественной войны дети наравне с взрослыми выносили тяготы войны и тяжелый труд в тылу, кроме того, сам концепт РЕБЕНОК, вероятно, в русскоязычной культуре обладает большей романтичностью, чем соответствующий концепт в англоязычной культуре (ср.: «Пусть женщины выше поднимут детей, / Спасенных от тысячи тысяч смертей» (А. Ахматова); «И мальчик облекался в латы, / За мать в воображеньи ратуя» (Б. Пастернак) и т.п.). Впрочем, лексема *boy* в англоязычной поэзии также может использоваться в романтическом смысле, она олицетворяет представителей молодого поколения, которые стали жертвами войны: "And far from the dead boy who left so long ago" (Thomas Mcgrath. Homecoming); "Of fear a boy had buried not too deep" (John Ciardi. Port of Aerial Embarkation).

Согласно TextAnalyst, тремя важными абстрактными концептами в корпусе англоязычной поэзии являются концепты REMEMBRANCE (MEMORY), WORD, MEETING. Абстрактный концепт REMEMBRANCE (MEMORY) репрезентирован как основным номинантом – "remember", так и посредством вербализаторов пересекающихся концептов, например, NATURE AND LANDSCAPE: "I think continually of those who were truly great. / Who, from the womb, remembered the soul's history / Through corridors of light where the hours are suns / Endless and

singing... Near the *snow*, near the *sun*, in the highest *fields* ... / Born of the sun they traveled a short while towards the *sun* / And left the vivid *air* signed with their honor” (Stephen Spender. I Think Continually of Those Who Were Truly Great). SUN в данном тексте символизирует время, а также вечную жизнь.

Не случайно появление среди заметных концептов англоязычной военной поэзии концепта GHOST: “...*ghosts* foreknew the naked stars that will skin you alive”; “Incarnate *ghosts* have sturdily reproved / The reason’s angled neatness”, “Now his sweet singing *spirit* leaves the orange grove” (for Alun Lewis), “Seldom the *ghosts* come back bearing their tales”, “They must be very tired, those *ghosts* ” и т.д. С одной стороны, этот концепт переключается с религиозно-мифологическим сознанием, с другой, на наш взгляд, он показывает, что в отсутствие визуализации реальных военных действий англоязычные авторы прибегают к фантазийной картине войны. В фантазмагоричных образах мы вновь наблюдаем кричащие, мифопоэтические образы смерти. Ср. стихотворение о погибшем и как бы воскресшем пилоте: “...The chords ... / That snags him limb by limb. / He tears and falls /... And finds himself in mud on hands and knees. / ...And starts a civilization... / Spaceman Crusoe at the wreck of time...” (John Ciardi. The Pilot in the Jungle); фантазмагорические образы, возникающие у автора во время фортепианного концерта в военное время (1943 г.): “...But these he imagined... / he was offering, really, a boy’s head / on an airplane propeller; / he was shouting to the rustled programs / that these stained curls were beyond their kisses...” (Florence Kerr Brownell. Concert, in wartime); имажистские образы в стихотворении *Moonlight Alert* Айвора Уинтерса. Подчеркнем, что эти образы, какими бы яркими они не были, являются плодами воображения поэтов.

Итак, особенностями концептуального состава англоязычной военной поэзии являются: выражение в основном субъективного состояния или настроения; наблюдение за событиями и протагонистами сквозь призму личного восприятия; своеобычность стилистики и тематического сообщения каждого автора; субъективная (как правило, критическая) оценка происходящего; фантазийность, метафорико-ассоциативное восприятие реальности; кадрирование крупных и средних планов и редкое присутствие дальних и общих планов; чувственный эмпиризм и одновременно – высокая степень отвлеченности поэтического дискурса, зачастую психологизация событий и явлений.

Сделаем обобщающий вывод об отличиях советской поэзии о Великой Отечественной войне и англоязычной поэзии о Второй мировой войне. Описание войны в англоязычной военной поэзии отражает *диссоциированную* и *дистанцированную* позицию, или взгляд на войну со стороны, как бы из зрительного зала. Эта позиция близка к отчуждению и достаточно субъективна. Существенным становится субъективное описание ситуации, а объективное ее представление отступает на задний план. Отсюда – философствование, поэтическое домысливание, сложные ассоциативные метафоры, фантазмагоричность, мифопоэтичность, концентрация на образах смерти.

В *ассоциированной* и *вовлеченной* позиции, какую мы находим в советской поэзии, в описании войны нет фантазмагории и отвлеченного философствования. Там лирический герой – субъект деятельности – участвует в гуще событий, знает реалии войны, осязает в первую очередь конкретику, сообразную целям. Имея высший смысл защиты Отечества, он не поражается ликам смерти. Стержневыми для образа автора в советской поэзии являются реализм и ясное осознание духовного смысла происходящего. Советские поэты стремятся выражать объективную конкретику событий, при этом тщательная прорисовка деталей окружающей действительности, реальных фактов и образов сочетается с панорамной перспективой изображения событий, крупные и средние планы сочетаются с дальними, общими планами повествования. В советской поэзии о Великой Отечественной войне мы неизменно находим возвышенный пафос, очень редко встречающийся в англоязычной военной поэзии.

Литература

Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. М.: Флинта: Наука, 2009.

Шелестюк Е.В. Опыт описания концептуального состава корпуса поэтических произведений о Великой Отечественной войне // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 208-216.

Poetry Foundation. URL: <https://www.poetryfoundation.org/articles/91359/the-poetry-of-wwii> (дата обращения: 31.03.2020).

All Poetry. URL: <https://allpoetry.com/> (дата обращения: 31.03.2020).

E.V. Shelestyuk (*Chelyabinsk, Russia*)

Chelyabinsk State University

D.L. Shkarin (*Yekaterinburg, Russia*)

Training Technology Development Center

BRITISH AND AMERICAN WORLD WAR II POETRY VS. SOVIET WAR POETRY: CONCEPTUAL STRUCTURE

This paper continues the study aimed at analyzing and comparing the conceptual composition of the poetry of different countries dedicated to World War II. In this particular case, the authors focus on the poetry written in English, using a combination of automated content analysis (SEO), cluster analysis (TextAnalyst), as well as contextual and hermeneutic-interpretation analyses.

Key words: semantic structure of the text, conceptual structure of the text, semantic analysis, semantic nuclei, conceptual center, conceptual periphery.

Е.Б. Яковенко (*Москва, Россия*)

Институт языкознания РАН

yakovenko_k@rambler.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ТРЕВОГИ В СОВЕТСКОЙ ПРЕДВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматриваются особенности вербализации концепта „тревога“ в советской литературе предвоенных лет. Опираясь преимущественно на произведения А.П. Гайдара, автор показывает, что специфика репрезентации данного концепта в художественном тексте обусловлена рядом объективных и субъективных факторов: политической обстановкой в стране и мире, предчувствием войны, репрессиями, определенными чертами личности писателя и его жизненным опытом.

Ключевые слова: концепт, картина мира, предвоенная литература, эмоциональная лексика, эмоциональная оценка, тревога.

Еще в 1996 году в книге «Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты» Вероника Николаевна Телия писала о тесной связи рациональной оценки как суждения о ценности предмета и эмоциональной, или эмотивной, оценки как эмоциональной реакции на предмет [Телия 1996: 114]. По мнению

В.Н. Телия, эмоциональная оценка происходящего создается преимущественно выражением чувства-отношения субъекта; в меньшей степени в этом участвует чувство-состояние, характеризующее самого субъекта. На наш взгляд, чувства-состояния и их языковые репрезентации также могут участвовать в создании эмоциональной оценки, поскольку во многом вырастают из чувств-отношений субъекта. Тревога, в самом общем плане сводимая к беспокойству, связанному с предчувствием или ожиданием неблагоприятных событий, является как раз одним из таких чувств-состояний.

Переживание тревоги отражает специфический способ взаимодействия субъекта с реальностью. Сложность данной эмоции и трудность ее вербализации обусловили интерес к ней со стороны психологов. Р. Мей считал тревогу важнейшим элементом существования человека, свидетельствующим о внутренней борьбе [Мей 2001: 9]. Известный исследователь эмоций К. Изард определял тревогу как «комплексное эмоциональное переживание», «комбинацию или паттерн различных эмоций» [Изард 2000: 321]. В числе составляющих тревоги Изард называет страх, печаль, стыд и вину. Интересно, что все эти составляющие перечислены Гайдаром, писавшим весной 1941 г. в своем дневнике: «Раньше я был уверен, что всё пустяки. Но, очевидно, я на самом деле болен. Иначе откуда эта легкая ранимость и часто безотчетная тревога? И это, очевидно, болезнь характера. Никак не могу понять и определить, в чем дело? И откуда у меня ощущение большой вины. Иногда оно уходит, становится спокойно, радостно, иногда незаметно подползает, и тогда горит у меня сердце и не смотрят людям в лицо глаза прямо» [Гайдар 1971-1973, т. 4: 565]. Советскому писателю А.П. Гайдару, участнику подавления тамбовского мятежа и разгрома белогвардейских формирований в Хакасии, было отчего тревожиться и за что испытывать вину. Книги и встречи с детьми стали для него спасением и отчасти искуплением жестокости, к которой он прибегал во времена гражданской войны.

Данное исследование посвящено особенностям вербализации эмоции тревоги в советской предвоенной литературе. В силу определенных причин, которые будут изложены ниже, данная эмоция приобретает наиболее разнообразное выражение в творчестве А. Гайдара, что требует внимания к нему со стороны как литературоведов, так и лингвистов.

Применение методик контекстуального анализа и концептуального анализа к текстам А. Гайдара (и, отчасти, других авторов) позволяет

определить средства для передачи ощущения тревоги в художественном тексте, очертить номинативное поле концепта ТРЕВОГА в картине мира писателя, выделить в нем ведущие, ядерные, и второстепенные, или периферийные, средства вербализации данного концепта и те его признаки, которые находят в тексте прямое или косвенное выражение.

Исторический контекст, в котором развивалась отечественная литература 30-х гг. XX в., не нуждается в подробных пояснениях. Атмосфера тревоги и страха, характерная для предвоенного периода и нашедшая частичное отражение в литературе, сформирована политической обстановкой тех лет. События внутри страны: репрессии и усиление сталинского режима – уничтожали всякое представление о безопасности.

Со второй половины 30-х гг. обществом осознается неизбежность войны, начало которой лишь ненадолго отсрочено Мюнхенским договором 1938 г. Однако очень скоро война становится реальностью, и это подтверждают бои на Халхин-Голе, вступление советских войск в Польшу, советско-финская кампания, присоединение к СССР новых территорий. Растущая милитаризация страны, сопровождаемая широкой пропагандой, которая должна создать миф о непобедимости Советского Союза, лишь усиливает тревожные настроения в обществе.

Изображение тревожного состояния изуродованного репрессиями общества появляется в литературе того времени крайне редко. Л.К. Чуковская так передает состояние тревоги в повести «Софья Петровна», написанной в 1939-1940-х гг.:

«Но в следующий миг где-то в области сердца возникала *тревога*, похожая на боль, и сквозь туман этой боли она вдруг вспоминала всё сразу: Коля осужден на 10 лет, Наташу прогнали, Алик арестован, о ней написано, что она заодно с вредителями» [Чуковская 1997: 64]. (Повесть увидела свет лишь в 1965 г. за рубежом и была впервые издана в СССР лишь в 1988 г.)

По вполне понятным причинам тема репрессий является табуированной в тот период и долгое время после него, и в литературе изображается почти исключительно тревога, созданная внешней угрозой. Весьма показательны дневниковые записи тех лет. Так, в 1938 г. Всеволод Вишневский пишет о «невероятном напряжении нервов и мыслей в связи с близостью войны», и тут же, как будто спохватываясь и боясь упреков в малодушии, добавляет: «Россия шагает своим путем, копит свои новые силы, мощь которых будет испытана лишь в новой большой войне» [Вишневский 1961: 353]. Запись, сделанная С.И. Ва-

виловым в дневнике 10 марта 1940 г., гласит: «Война с ее неизбежностью, бессмысленностью и странными формами, непонятными до сих пор. <...> Так за это время все распалось, рассыпалось, и очень тревожно, надо опомниться и взять себя в руки» (Вавилов, «Дневники (1939-1940)», цит. по [НКРЯ]).

В этот период тема приближающейся войны занимает ведущее место в отечественной литературе. Сергей Луконин, симоновский «парень из нашего города», прошедший Испанию, замечает на исходе сражения на Халхин-Голе: «А война еще только начинается» (пьеса увидела свет в марте 1941 г.). Несколько ранее П. Павленко в романе «На востоке» (1936 г.), созданном в жанре оборонной фантастики, рисует широкомасштабную картину национальной войны. Вслед за взрослой литературой проблематику жизни в условиях внешней угрозы стране подхватывает и литература для детей. Герои Сергея Михалкова («Шпион», стихотворение опубликовано в 1937 г. в журнале «Мурзилка»), Зинаиды Александровой («Дозор»), Елены Благиной («Клятва бойца», «Две матери») ловят шпионов, борются с нарушителями на границе, приносят клятву на верность Родине. Об этом же, в сущности, пишет и Гайдар, и именно в его книгах мотив предвоенной тревоги выражен наиболее последовательно и наиболее отчетливо.

Было бы неверно утверждать, что А. Гайдар нагнетает в своих книгах атмосферу тревоги – и он сам, и его герои постоянно находятся в этом состоянии, оно для них естественно. Неестественно скорее состояние покоя, которое воспринимается как временная передышка между давно прошедшей гражданской войной и новыми, еще неизвестными сражениями:

«В те дальние-дальние годы, когда только что отгремела по всей стране война...» («Сказка о военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твёрдом слове», вошедшая в состав повести «Военная тайна», II, 186; здесь и далее произведения А. Гайдара цитируются по [Гайдар 1971-1973], цифрами в скобках указываются номер тома и страницы фрагмента).

«У газетных киосков стояли нетерпеливые очереди. Люди поспешно разворачивали газетные листы и жадно читали последние известия о событиях на Дальнем Востоке. События были тревожные» (Военная тайна, II, 262).

«Говорила Борьке на прощанье старуха мать: «...Говорят, вот скоро война будет. А неужели, Боренька, нельзя никак, чтоб без войны?»» (Проводы, III, 341).

Образы грядущих сражений строятся у героев на основе их собственного опыта гражданской войны или стереотипных представлений о ней. Подобное проецирование прошлых событий на те, что произойдут в будущем, позволяет говорить о специфическом социальном времени, сложившемся у героев Гайдара. Социальное время определяется в социальных науках как «1) темп и ритм последовательности событий, характерных для определенного периода существования индивида, группы или общества; важнейшая форма и мера их существования; 2) универсалия культуры, выражающая сущность понимания времени конкретной социальной группой в конкретном обществе» [Отюцкий 2003: 179]. Социальное время, в отличие от календарного, способно растягиваться и сжиматься, приобретая свою собственную периодичность [Осадчая, Селезнев 2020: 8]. Совмещенное восприятие прошедших и предстоящих событий и их частичная идентификация не оставляют места настоящему; романтические идеалы революции, Интернационала и гражданской войны переносятся на новую грядущую войну [Овчаренко 2015: 47], но ее масштаб, даже воображаемый, вселяет тревогу.

В авторской картине мира А. Гайдара концепт ТРЕВОГА приобретает множество прямых и косвенных номинаций. Прямые обозначения тревоги высокочастотны: так, на 1787 страницах четырех томов собрания его сочинений [Гайдар 1971-1973] присутствует 159 употреблений существительного *тревога* и его производных *тревожный*, *тревожно*, *(вс)тревожиться*, в том числе 18 метонимических употреблений слова *тревога* в значении «сигнал». Анализ контекстов свидетельствует о довольно стандартной сочетаемости номинантов концепта: *смутная/ неясная/ безотчетная/ глубокая тревога, говорить/ спрашивать/ отвечать/ шептать с тревогой, встревоженный голос, тревожный голос/ шум/звук*, однако расширение сочетаемости указанных единиц, появление их в нестандартном окружении, а также использование семантически близких единиц *беда, волнение, беспокойство, грозный, страшный* позволяет автору создать образ тревоги:

«Но в другом углу плаката – очень далеко, в той стороне, куда зорко всматривался стороживший эту дальнюю страну красноармеец, – было нарисовано что-то такое, что всегда возбуждало у Васьки чувство смутной и неясной *тревоги*.

Там вырисовывались чёрные расплывчатые тени. Там обозначались очертания озлобленных, нехороших лиц. И как будто бы кто-то

смотрел оттуда пристальными, недобрými глазами и ждал, когда уйдёт или когда отвернётся красноармеец» (Дальние страны, II, 66-67).

Обозначения тревоги присутствуют преимущественно в авторской речи. Сами персонажи о своей тревоге не говорят. Оперный герой Георгия Гараева, старик, видящий повсюду опасность, – одновременно и его антипод, и второе его. Он поет о том, о чем может думать и сам Гараев, инженер-механик и красный командир:

Я третью ночь не сплю. Мне чудится всё то же
Движеньё тайное в угрюмой тишине.
Винтовка руку жжет. Тревога сердце гложет,
Как двадцать лет назад ночами на войне.

(Тимур и его команда, III, 137).

Ожидая повестку в действующую армию, инженер может испытывать беспокойство. Но как только повестка получена, неизвестность проходит, тревога сменяется уверенностью:

«На следующий день, когда Ольга сидела на террасе, через калитку прошел командир. Он шел твердо, уверенно, как будто бы шел к себе домой» (Там же, 163).

В тревожном ожидании войны находятся и взрослые, и дети. Шестилетняя Светлана воспринимает звуки выстрелов во время учения как начало войны:

«Бой неподалеку, – сказал и я. – Это палят из винтовок. А вот слышите? Это застрочил пулемет. – А кто с кем? – дрогнувшим голосом спросила Светлана. – Разве уже война?» (Голубая чашка, II, 277).

Даже крошечный Алька, герой рассказа «Поход», готов отправиться на войну, как только мать приготовит ему походное снаряжение. Зима проходит за шитьем теплой одежды и изготовлением деревянных сабель, а весной вернувшийся из похода отец наказывает сыну беречь свое оружие и амуницию, «потому что тяжелых боев и опасных походов будет и впереди на этой земле еще немало» (Поход, III, 79).

Гайдар – один из немногих авторов того времени, осмелившийся открыто говорить о тревоге того времени, вызванной репрессиями. Главный герой повести «Судьба барабанщика» не раз говорит о своей тревоге. В этом произведении концепт ТРЕВОГА приобретает антропоморфные и зооморфные признаки, в целом нетипичные для языка А. Гайдара. Тревога, возникающая то как незваный гость, то как неизвестное существо, вцепляется в человека и руководит им:

«Но *тревога* – неясная, непонятная – прочно поселилась с той поры в нашей квартире. То она возникала вместе с неожиданным теле-

фонным звонком, то стучалась в дверь по ночам под видом почтальона или случайно запоздавшего гостя, то пряталась в уголках глаз вернувшегося с работы отца.

И я эту тревогу видел и чувствовал, но мне говорили, что ничего нет, что просто отец устал» (Судьба барабанщика, II, 301).

«И опять, как когда-то раньше, непонятная *тревога* впорхнула в комнату, легко зашуршала крыльями, осторожно присела у моего изголовья и, в тон маятнику от часов, стала меня баюкать» (Там же, 314).

«Утром как будто кто-то подошел и сильно потрянул мою кровать. Я вскочил – никого не было. Это будила меня моя *беда*. Нужно было где-то доставать денег» (Там же, 320).

Интересно, что сходный и еще более зловещий образ поселившейся в доме тревоги возникает, например, в «Книге прощания» Ю.К. Олеси:

«[Мейерхольд] часто в эпоху своей славы и признания именно со стороны государства наклонялся ко мне и ни с того ни с сего говорил мне шепотом:

– Меня расстреляют.

Тревога жила в их доме – помимо них, сама по себе. Когда я жил в этом доме в их отсутствие, я видел, слышал, ощущал эту *тревогу*. Она стояла в соседней комнате, ложилась вдруг на обои, заставляла меня, когда я возвращался вечером, осматривать все комнаты – нет ли кого там, пробравшегося в дом, пока меня не было, – заглядывать под кровати, за двери, в шкафы. Что, казалось, угрожало в те дни этому дому – в дни расцвета и власти хозяина? Ничто не угрожало – наоборот, отовсюду шла слава с букетами, деньгами, восхвалениями, заграничными путешествиями. И все же *тревога* была такой властной в его пустом доме, что иногда я просто обращался в бегство – ни от чего: от обоев, от портрета хозяйки с большими черными глазами, которые вдруг начинали мне казаться плачущими» [Олеша 1999: 224].

Возвращаясь к Гайдару и предвоенному времени, следует отметить, что атмосфера тревоги в его книгах создается также благодаря особой символике. Редкое произведение Гайдара обходится без упоминания железной дороги. Бронепоезд, выходящий из темноты и мчащийся вперед, в неизвестность, способный раздавить все, что окажется на его пути, становится у Гайдара символом и государственной машины, и приближающейся войны, и нарастающей тревоги:

«Трубы нет. Колес не видно. Тяжелые стальные окна у паровоза закрыты наглухо. Вместо окон узкие продольные щели, из которых

торчат пулеметы. Крыши нет. Вместо крыши низкие круглые башни, из тех башен выдвинулись тяжелые жерла артиллерийских орудий. <...> Где-то там, внутри, за щитом, за стальной обшивкой [бронепоезда], возле массивных рычагов, возле пулеметов, возле орудий, насторожившись, притаились красноармейцы, но все это закрыто, все спрятано, все молчит. Молчит до поры до времени» (Дальние страны, II, 16).

«А на одном разъезде бок о бок остановились они рядом с могучим железным бронепоездом. Грозно торчали из башен укутанные брезентом орудия. Красноармейцы весело топали, смеялись и, хлопая варежками, отогревали руки.

Но один человек в кожанке стоял возле бронепоезда молчалив и задумчив. И Чук с Геком решили, что это, конечно, командир, который стоит и ожидает, не придет ли приказ от Ворошилова открыть против врагов бой» (Чук и Гек, III, 41-42).

В тревожных снах маленького Гека оживают разные символы: то движущийся на восток поезд, в котором вагоны ведут разговор с паровозом, то страшный Турворон – громада, «плюющаяся слюной, как кипятком» и бросающая в бой ряды солдат с фашистским флагом и крестом (Там же, 40, 46).

В произведениях Гайдара поезд всегда уходит на восток, в Сибирь – к новым городам, новым стройкам, новым дислокациям частей. Поезд уходит и к местам заключения – но об этом умалчивается. Гайдар, конечно, не единственный, кто использует образ поезда для создания символа советской государственной и военной машины. Изображением ночного поезда, пересекающего польско-советскую границу с вышкой и суровым часовым, завершается, в частности, повесть И. Ильфа и Е. Петрова «Тоня».

В последнюю очередь следует назвать описания пейзажа у Гайдара, также способствующие ощущению тревоги. В таких контекстах тревога формально становится атрибутом предмета ландшафта (лес, река), времени суток (вечер, сумерки), животного и т.д., но на самом деле изображенный таким образом пейзаж является лишь отражением соответствующего эмоционального настроения героев. Разумеется, контексты такого рода вербализуют признаки концепта, характерные не только для предвоенного периода.

«Тревога, смутная, неясная, всё крепче и крепче охватывала Ваську, и шумливый, беспокойный лес, тот самый, которого почему-то так боялся Петька, *показался* вдруг и Ваське *чужим и враждебным*» (Дальние страны, II, 85).

«Небо почернело. Кони настороженно зашевелили ушами. На притихшую зеленую полянку опускались *тревожные* сумерки» (Пусть светит, II, 115).

«Огромное зарево расстилалось все шире и шире. Оно освещало вершины соседнего леса и *тревожно* отсвечивало в черной воде спокойной реки» (Там же, 132).

Таким образом, в предвоенной литературе и в первую очередь в творчестве А.П. Гайдара создается целая система обозначений тревоги и связанных с ней состояний. Тревога концептуализируется не только как эмоциональное состояние лица, но и как социальное явление, спровоцированное политической обстановкой в стране. Сигнализируя о неприятии субъектом настоящего или о его страхе перед угрожающими событиями будущего, тревога становится одним из способов экспликации эмоциональной оценки.

Литература

Вишневский Вс. Статьи, дневники, письма о литературе и искусстве. М.: Советский писатель, 1961.

Гайдар А.П. Собрание сочинений в 4 тт. М.: Детская литература, 1971-1973.

Изард К.Э. Психология эмоций: пер. с англ. СПб.: Питер, 2000.

Мей Р. Смысл тревоги: пер. с англ. М.: Независимая фирма «Класс», 2001.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.09.2020).

Овчаренко А.Ю. «Две капли военной грозы»: «особый, русский вариант». Предчувствие войны в русской литературе 1920-х – конца 1930-х гг. // Отечественная словесность о войне. Проблема национального сознания: К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне: материалы XX Шешуковских чтений. М.: МПГУ, 2015. С. 45-53.

Олеша Ю.К. Книга прощания. М.: Вагриус, 1999.

Осадчая Г.И., Селезнёв И.А., Киреев Е.Ю., Черникова А.А. Великая Отечественная война в исторической памяти молодежи стран-участниц евразийской интеграции // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 3. С. 7-25.

Отюцкий Г.П. Время социальное // Социологическая энциклопедия. В 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 2003.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Чуковская Л.К. Избранное. М. – Минск: Горизонт: Аурика, 1997.

Ye.B. Yakovenko (*Moscow, Russia*)
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

CONCEPTUALISATION OF ANXIETY IN SOVIET PRE-WAR LITERATURE

The paper focuses on the particularities of the representation of the concept ANXIETY in Soviet pre-war literature. Basing mainly on the works by A.P. Gaidar, we claim that the specificity of the verbalization of the concept in question in the texts analyzed is accounted for by a number of objective and subjective factors such as political situation in the USSR and abroad before World War II, presentiment of a war, repressions and – last but not least – Gaidar’s personal features and his experience.

Key words: concept, worldview, pre-war literature, emotive vocabulary, emotional evaluation, anxiety.

VII. ЛЕКСИКОГРАФИЯ В СВЕТЕ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Н.Г. Брагина (Москва, Россия)

Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина / Российский государственный
гуманитарный университет
natasha_bragina@mail.ru

С.С. Войславова (Москва, Россия; София, Болгария)

аспирант Государственного института русского языка
им. А.С. Пушкина
s.voislavova@abv.bg

РУССКО-БОЛГАРСКИЙ ТЕМАТИЧЕСКИЙ КЛАССИФИКАТОР: ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ОПОРНЫМ КОМПОНЕНТОМ *НАДЕЖДА*

В статье обсуждаются принципы построения русско-болгарского тематического классификатора, двуязычного словаря близкородственных лингвокультур. В основание общей концепции положены идеи меж- и транскультурной коммуникации. Приводится модель словарной статьи фразеологизмов с опорным компонентом *надежда*. Концепция словаря создавалась под влиянием исследовательских идей и практической фразеологии В.Н. Телия.

Ключевые слова: тематический классификатор, фразеология, культурная семантика, лингвокультурный комментарий.

В статье обсуждаются принципы построения русско-болгарского тематического классификатора (полное название: Тематический классификатор: «Русская и болгарская лингвокультуры в сопоставлении»). В ней отражена лексикографическая часть общего исследования, посвященного анализу и описанию ключевых слов «мира кажимости» в русском и болгарском языках. Под «миром кажимости» понимается продукт ментальной деятельности как отдельного человека, так и общества / коллектива. «Мир кажимости» имеет свою лексику и грам-

матику. Его лексикон используется в психологии, социологии, истории и в других дисциплинах.

Он в значительно степени универсален, т.е. представлен в разных лингвокультурах, поскольку противопоставление реального – ирреальному, фактического – воображаемому – есть неотъемлемая часть мышления человека о мире, а следовательно это находит свое выражение во многих языках.

В концептуальное поле «кажимости» в русской и болгарской лингвокультурах включены такие единицы, как: русские *воображение, мечта, сон, надежда, фантазия* и др.; и болгарские *въображение, мечта, сън, надежда, фантазия* и др., а также их синонимы и производные. О границах мира кажимости см. [Войсловава 2021].

Модель словарной статьи *надежда* для тематического классификатора будет представлена ниже после обсуждения вопросов о том, что понимается под тематическим классификатором и какие задачи он решает в отношении словарного описания двух близкородственных языков.

Как определяется русско-болгарский тематический классификатор и каковы его задачи?

Тематический классификатор – это словарь, в котором представлена модель описания «культурного айсберга» [Hall 1977] на материале фрагментов русской лингвокультуры в сопоставлении с любыми другими лингвокультурами. Подробно структура и модель тематического классификатора рассматривалась в работах [Bragina, Caspers 2018; Брагина, Войсловава 2019].

Единицей классификатора выступает вербальная или невербальная тема, которая включает в себя компоненты «само собой разумеющегося» знания, или совокупность очевидных смыслов, сформированных и закрепленных в данной лингвокультуре и структурирующих общее знание ее представителей.

Тематический классификатор предполагает создание моделей описания для культурно значимых единиц, которые впоследствии могут быть апробированы и представлены в электронном варианте с включением материала из разных лингвокультур. Классификатор фиксирует как различия (подводная часть «культурного айсберга»), так и (лингво)культурные сходства (его надводная часть).

(Лингво)культурные различия провоцируют непонимание и, как следствие, возможность коммуникативных неудач у представителей

другой лингвокультуры. Акцент на культурных различиях соответствует общей концепции межкультурной коммуникации. Знание их важно при изучении иностранного языка, освоении другой лингвокультуры, знакомстве с ее культурными практиками.

Акцент на сходствах связан с идеями лингвокультурных универсалий, а также с понятием транскультурной коммуникации, в которой интерес представляют именно общие смысловые компоненты, отражающие современные процессы медиазации и глобализации [Нерр 2015]. Стратегии обучения иностранному языку, в частности, выстраиваются с опорой на общие знания.

Отражение сходств имеет особое значение, если объектом описания являются близкородственные языки. В русско-болгарском тематическом классификаторе последовательно фиксируются как сходства двух лингвокультур, так и их различия. Электронная версия словарной статьи позже может быть расширена за счет включения значимой информации, из других славянских лингвокультур. Это позволит точнее охарактеризовать лингвокультурные универсалии славянских языков, а также отразить лингвокультурные различия.

Таким образом, в русско-болгарском классификаторе предлагаются модели словарного описания лексических единиц, которые позже могут быть дополнены лингвистической и экстралингвистической информацией из других языков.

Что нам дает сопоставительное лексикографическое описание русской и болгарской лингвокультур?

Тесные исторические связи между русским и болгарским языками предопределяют наличие сходств, облегчающих восприятие другой культуры. Русская и болгарская лексика содержат много генетически тождественных слов, сохраняющих и в наше время большее или меньшее формальное и смысловое сходство [Червенкова 1976: 157]. Обнаруживается сходство и на уровне фразеологии, которое также объясняется прежде всего генетическим родством обоих языков, историей их развития, их церковнославянским происхождением. Кроме этого, концептуальное поле «кажимости» имеет высокую долю совпадающей информации, что будет отражено в его словарном описании.

Близкое родство болгарской и русской лингвокультур предполагает наличие не только сходств, но и различий, создающих определенные трудности вследствие возникновения явления интерференции, а это

повышает необходимость детального рассмотрения специфики этого типа языковых единиц.

Говоря о сходствах языков, следует также отметить и очевидные сближения в используемом метаязыке русских и болгарских исследований. Это связано с традицией научных контактов между русскими и болгарскими лингвистами и лексикографами. Существует много сопоставительных работ по русскому и болгарскому языкам, развитие получила двуязычная лексикография (подробнее об этом см. [Липовска 2009; Червенкова 2011; Делева 2020; Георгиева 2011] и др.). Исследование русского и болгарского языков в сопоставлении является также главной темой журнала «Болгарская русистика». В целом можно отметить, что лексика русского языка в сравнении с болгарской описана и изучена достаточно хорошо. В будущем развитие может получить изучение изменений в двух языках под влиянием медиазации и глобализации, использование количественных методов при анализе языкового материала, а также сравнительные исследования некоторых аспектов, таких, например, как культурная семантика лексических единиц.

В русско-болгарском тематическом классификаторе выражена одна из актуальных тенденций современных сопоставительных работ. В его концепции находят отражение идеи кросс-культурной прагматики, предлагается контрастивное описание культурной семантики вербальных и невербальных единиц.

Культурная семантика лексических единиц и способы ее лексикографического описания в работах В.Н. Телия

С начала 90-х годов XX века активно развиваются исследования в области культурной семантики. Этому способствовали работы, посвященные анализу языковых метафор, изучение природы коннотаций, интерес к внутренней форме слова. Расширился понятийный аппарат. В широкий научный обиход были введены понятия *языковая картина мира*, *концепт*, *ключевые слова культуры*, *культурные коды в языке* и другие. Исследование культурной семантики не могло не затронуть и фразеологию, как одну из наиболее культурно значимых областей языка.

Разворот фразеологии в область исследования культурной семантики фразеологизмов – заслуга В.Н. Телия [Телия 1993; 1996]. Это, в частности, получило следующую формулировку: *Фразеология как язык культуры* – название коллективного доклада, прочитанного в 1993 году в Лидсе на конференции по фразеологии, а также позже опубликован-

ной статьи [Teliya, Bragina, Oparina, Sandomirskaja 1998]. Это также нашло выражение в названиях конференций, организатором и вдохновителем которых была В.Н. Телия, и одноименных сборников материалов: «Фразеология в контексте культуры» [Телия 1999], «Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках» [Телия 2004].

На формирование нового направления в изучении и описании фразеологии оказывали влияние исследования в области этнолингвистики, когнитивной лингвистики, психолингвистики, логического анализа языка, концептуального анализа и др. (подробнее см. аналитический обзор [Ковшова 2012]). Причем это влияние было обоюдным, поскольку изучение культурной семантики фразеологизмов привлекало разных исследователей: этнолингвистов, психолингвистов, когнитивных лингвистов и т.д. Таким образом, эта область исходно формировалась как объект междисциплинарных исследований.

Лингвистические идеи В.Н. Телия воплощались не только в научных работах: монографиях, статьях, – но и в практической фразеологии [Телия 1991]. Под ее редакцией был выпущен Словарь образных выражений русского языка [Телия 1995]. Во многих отношениях это было пионерское издание. Перечислим некоторые важные моменты: тематический подход в организации материала; «трехмерная» семантизация значения фразеологизмов (собственно толкование, смысловое «подтолкование», в котором описывались особенности, связанные с образным основанием фразеологизмов, ситуативное «подтолкование», в котором демонстрировались ситуации употребления); обновленная по сравнению с традиционными словарями система стилистических помет; включение зоны прагматической информации. Фразеологизмы описывались в трех режимах говорения: *Я, Ты, Он*. Каждый из них мог снабжаться (при необходимости) мини-комментарием, который отчасти модифицировал, отчасти дополнял определенные стилистические пометы. Вместо помет *неодобр.*, *пренебр.* и др. предлагалось: *говорится с (не)одобрением, с упреком, с пренебрежением, с осуждением* и др. Следует также отметить, что, по словам одного из авторов-составителей словаря, М.Л. Ковшовой, на его лексикографическую концепцию оказал непосредственное влияние русско-болгарский фразеологический словарь под редакцией С. Влахова [Влахов 1980].

Вышедший в 2006 году Большой фразеологический словарь [Телия 2006] во многом продолжал и развивал лексикографические идеи Словаря образных выражений русского языка. В нем, однако, появилась новая зона – культурологического комментария, в общую концеп-

цию и построение которого легли идеи и работы, связанные с анализом культурной семантики фразеологизмов. Показательно, что в само название словаря в качестве одного из компонентов был включен *культурологический комментарий*. Это отражает ту значимость, которую В.Н. Телия придавала этой зоне словарной статьи. Сам словарь характеризуется в предисловии как экспериментальный.

Лингвокультурный комментарий, в котором соединены лингвистическое описание с экстралингвистическим, представляется нам одним из важных элементов данной лексикографической концепции. Один из его вариантов для русских фразеологизмов с компонентом *душа* был также предложен в работе [Брагина 2006]. Для русско-болгарского тематического классификатора лингвокультурный комментарий играет определяющую роль.

Какие задачи решает тематический классификатор применительно к близкородственным лингвокультурам?

Разработка словарной статьи для русско-болгарского лингвокультурного фразеологического словаря ведется с учетом опыта двуязычной лексикографии.

При сопоставительном описании близкородственных лингвокультур фиксируются общие культурные смыслы, которые предположительно могут выражать общеславянские лингвокультурные универсалии. Кроме того, отслеживаются случаи возможной межъязыковой и межкультурной интерференции. Областью неполного совпадения культурной семантики для близкородственных лингвокультур может быть также образная семантика, культурные коннотации, внутренняя форма слова и т.д.

Тематический классификатор – это экспериментальный проект. Каждая единица описывается с помощью определенного набора параметров, а сами словарные статьи являются образцами для описания других единиц данной группы. Таким образом, тематический классификатор создает модель для более широких словарных описаний с возможным включением других славянских языков.

Заголовочными единицами, или темами, являются: концепты, фразеологизмы, формулы речевого этикета, а также жесты, мимика, т.е. те единицы, в которых происходит «сгущение культурных смыслов». Они могут вызывать затруднения при переводе (плохая культурная переводимость), провоцировать коммуникативные неудачи в ситуации общения между представителями разных лингвокультур.

Фразеологизмы с опорным компонентом *надежда* в русском и болгарском языках (Словарная статья)

Словарная статья с опорными компонентами *надежда* может рассматриваться как модель для сопоставительного описания русской лингвокультуры и других близкородственных (славянских) лингвокультур. Это значит, что по ее модели могут быть созданы словарные статьи с описанием других лингвокультур, или данная статья может включать в себя также материал из других близкородственных языков.

Русские и болгарские фразеологизмы имеют следующие параметры представления: написание; семантическая группа; иллюстрации; этимология; комментарий. Необходимо при этом сделать две оговорки. Фразеологизмы здесь понимаются широко: с включением устойчивых словосочетаний [Телия 1979]). Словарная статья дается в сокращении, поэтому здесь указаны не все параметры. В настоящее время структура словарной статьи находится в стадии разработки. Перечислим заявленные параметры.

НАПИСАНИЕ:

Надежда / надежда

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА:

Р. *питать надежду*; Б. *храня надежда*.

Р. *надежда умирает*; Б. *надеждата умира*.

Р. *надежда воскресает*; Б. *надеждата възкръсва*.

Р. *льстить себя надеждой*; Б. *лаская се, залъгвам се с надеждата за*.

Р. *возлагать надежду на кого-что-л.*; Б. *възлагам надежди, градя надежди*.

Р. *терять всякую надежду*; Б. *погребвам надежда*.

Р. *разбивать надежды*; Б. *попарвам надеждите на някого*.

Р. *в надежде на что-л.*; *в надежде, что...* Б. *надявам се на нещо; с надежда за...*

ИЛЛЮСТРАЦИИ:

Р. А классика видела в природе только мир непрерывных процессов. И нельзя было **питать надежду**, что в таком классическом мире найдется законное место для новой универсальной постоянной *h*, открытой Планком? (Д. Данин. Нильс Бор).

Б. Въпреки това момчето не можеше да спре. Докато е жив, човек се съпротивлява. И **храни надежда**. Дори да е **напразна тази надежда**, даже да е упование на невъзможно чудо. (М. Семенова. Право на двубой).

ЭТИМОЛОГИЯ:

надѣжда Заимств. из слав.; ср. народн. надѣжа, блр. надзѣжа, др.-русск. надежа (Нестор, Жит. Феодос.), ст.-слав. надежда Ἐλπίς (Супр.), болг. надѣжда. Из *na-dedja от на и деть, děti, ст.-слав. деждж «кладу» [цит. по Фасмер 1987: 37].

КОММЕНТАРИЙ:

В обоих языках *надежда* уподобляется **живому существу, его жизненному циклу**: Р. *надежда зарождается (в душе, в сердце) живет, умирает, воскресает, вселяется в душу в сердце*; Б. *надеждата се заражда в душата, сърцето), надеждата живее, умира, възкръсва, вселява се в душата, в сърцето*.

Надежда находится **на границе между реальным и ирреальным**. Она может осуществляться, переходя в область реального: Р. *надежда сбылась, осуществилась; кто-л. оправдал чьи-л. надежды*; Б. *надеждата се сбъдна, осъществи; някой е оправдал надеждите на някой друг*. Она может не осуществляться, переходя в **область ирреального, невозможного**: Р. *несбыточная надежда*; Б. *неосъществима надежда*. Ситуация окончательного перехода *надежды* в область ирреального описывается как потеря предмета или его разбивание: Р. *потерять (последнюю) надежду; разбивать надежды*; Б. *попарвам надеждите на някого, разбивам надежди*.

Надежда связана с тем, что **человек желает, считая хорошим**, с тем, что **приводит к изменениям в лучшую сторону**: Р. *надежда на лучшее; надежда, что все будет хорошо...*; Б. *надежда за по-добро, надежда, че всичко ще бъде наред*.

Надежда **имеет сходство с уверенностью**, однако они различаются по степени вероятности и определенности того, на что надеется кто-л. или в чем уверен кто-л. У *надежды* она выражена слабее. В значении „ожидание чего-либо хорошего, считая, что осуществление вероятно“ русские и болгарские фразеологизмы различаются по внутренней форме: Р. *питать надежду*; Б. *храня надежди*.

Надежда часто употребляется во множественном числе: Р. *время надежд; кто-л. подает надежды*; Б. *време за надежди, надеждата умира*.

Настоящая статья была сделана в рамках подготовки кандидатской диссертации, а также общего проекта по сопоставлению русской и болгарской лингвокультуры.

Литература

Брагина Н.Г. Социокультурные конструкты в языке: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006.

Брагина Н.Г., Войслова С.С. Тематический классификатор «Русская и болгарская лингвокультуры в сопоставлении»: основные принципы составления // Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XX Кирилло-Мефодиевские чтения». М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 79-82.

Влахов С. (ред.) *Андрейчина К., Влахов С., Димитрова С., Запрянова К.* Русско-болгарский фразеологический словарь. М.: Рус. язык; София: Наука и искусство, 1980.

Войслова С.С. Границы семантического поля «мир кажимости» // Международный аспирантский вестник. (В печати).

Георгиева С. Русская фразеология в зеркале болгарского языка. София: Heron Press, 2011.

Делева Н. Русско-болгарские аналоги. (Лексикографический аспект). София: Парадигма, 2020.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М.: ЛИБРОКОМ, 2012.

Липовска А. Русско-болгарская лексикография: традиции и тенденции развития. София: Университетское издательство «Св. Климент Охридски», 2009.

Телия В.Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. М.: Наука, 1993. С. 302-314.

Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.

Телия В.Н. Макет словарной статьи для Автоматизированного Толково-идеографического словаря идиом (АТИСИ): идеология и технология // Макет словарной статьи для Автоматизированного Толково-идеографического словаря русских фразеологизмов. (Образцы словарных статей) / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1991. С. 18-38.

Телия В.Н. (ред.) Словарь образных выражений русского языка / Авторы-сост. *Аристова Т.С., Ковшова М.Л., Рысева Е.А., Телия В.Н., Черкасова И.Н.* М.: Отечество, 1995.

Телия В.Н. Фразеология // Русский язык: Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1979. С. 384-385.

Телия В.Н. (отв. ред.) Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / авторы-сост. Брилева И.С., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Зыкова И.В., Кабакова С.В., Ковшова М.Л., Красных В.В., Телия В.Н. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.

Телия В.Н. (отв. ред.) Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999.

Телия В.Н. (отв. ред.) Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Муза – Сят) / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987.

Червенкова И.В. Сопоставительное исследование современной русской и болгарской лексики. София: Heron Press, 2011.

Червенкова И.В. Об интерференции в области лексики близкородственных языков // *Ruština v teorii a v praxi*. Praha, 1976. S. 155-159.

Bragina N., Caspers O. Тематический классификатор лингвокультурных моделей и возможности его применения в преподавании русского языка и культуры // *Wiener Slawistischer Almanach*. 81 (2018). S. 33-55.

Teliya V., Bragina N., Oparina E., Sandomirskaya I. Phraseology as a Language of Culture: Its Role in the Representation of a Collective Mentality // *Phraseology. Theory, Analysis, and Applications* / ed. by A.P. Cowie. Oxford: Clarendon Press, 1998. P. 55-75.

Hall E. *Beyond Culture*. Garden City, New York: Anchor Books, 1977.

Hepp A. *Transcultural Communication*. Hoboken, New Jersey: Wiley Blackwell, 2015.

N.G. Bragina (Moscow, Russia)

Pushkin State Russian Language Institute

S.S. Voyslavova (Moscow, Russia; Sofia, Bulgaria)

Pushkin State Russian Language Institute

THE RUSSIAN-BULGARIAN TOPICAL CLASSIFIER: A STUDY OF IDIOMS WITH THE BASIC CONSTITUENT *HOPE*

The paper discusses the principles of building a Russian-Bulgarian topical classifier, a bilingual dictionary of closely related linguacultures. The general

concept is based on the ideas of intercultural and transcultural communication. The paper presents a pattern of a dictionary entry for figurative units with a basic component *hope*. The concept of the dictionary has been influenced by V.N. Teliya's research ideas, as well as her expertise in lexicography of idioms.

Key words: topical classifier, phraseology, cultural semantics, linguacultural commentary.

В.И. Зимин, О.И. Авдеева (Москва, Россия)

Московский педагогический государственный университет

valentin@macmax.ru

ol_avd@rambler.ru

СИНХРОННАЯ ЭТИМОЛОГИЯ КАК СРЕДСТВО УТОЧНЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Данная статья посвящена использованию приёма синхронной этимологии во фразеологии с целью уточнения значений фразеологизмов. Использование данного приёма позволяет решать проблему верификации словарных статей во фразеографии.

Ключевые слова: фразеологизм, этимология фразеологизмов, синхронная этимология, семантика, лингвокультурология, фразеография.

Дорогая Вероника Николаевна!

Спасибо тебе большое! Я многому у тебя научился, особенно жизни и фразеологии.

Валентин Зимин

Этимологический анализ фразеологизмов достаточно часто является основой выявления их значения и правильного употребления в речи. Основными задачами этимологического анализа фразеологических единиц традиционно считаются следующие: 1) определение истинного или заимствованного характера фразеологизма, 2) установление времени его появления в русском языке как определённой значимой единицы с определённым значением, лексико-грамматическим составом и структурой, 3) реконструкция его исходной формы и структурно-семантического характера и 4) выяснение образа, положенного в основу фразеологического оборота, если он появился в языке как метафорическое название; см. [Шанский, Зимин, Филиппов 1987]. По-

следний пункт является наиболее важным для синхронной этимологии, потому что в этом случае определяются сами принципы формирования смысловой целостности фразеологизма, определяется связь между внутренней формой фразеологизма и его общим значением, рассматривается внутренняя форма фразеологизма как предвосхищение его актуального значения.

Во всех случаях образную основу фразеологизма – «гештальт», «картинку» – приходится восстанавливать посредством этимологического анализа.

Синхронная этимология имеет дело с такими фразеологизмами, внутренний образ которых пока еще «прозрачен», хотя часто уже и тронут «тенью забвения». Синхронная этимология носит по существу характер разъяснения особенностей значения и употребления фразеологизмов. Приём синхронной этимологии, безусловно, носит гипотетический характер, но вместе с тем является одним из важных средств установления истинной, правильной формы и значения фразеологизмов, что отражается на их синтагматике и затрагивает такую важную проблему, как верификация словарных статей во фразеологических словарях. В.Н. Топоров писал о синхронной этимологии (правда, применительно к словам, а не к фразеологизмам): «Одним из серьезных недоразумений в области этимологических исследований было игнорирование синхронного подхода к этимологии («статистической этимологии», как её назвал Ж. Вандриес), пренебрежение к этимологии современного языка, к проверке этимологии этимологически прозрачных слов. Тем самым этимология лишалась возможности экспериментировать. Разве нет противоречия в том, что, интересуясь этимологией многовековой давности и зная, что через тысячу лет ученые будут исследовать вопрос об этимологии слов, возникших в XX веке, мы безразлично относимся к тем нормам этимологизирования, которые существуют в речевых коллективах сегодняшнего дня? <...> Неужели непременно условием этимологии является наличие многовековой дистанции между временем происхождения слов и этимологом?» [Топоров 1960: 52]. Это высказывание В.Н. Топорова ещё в большей мере можно отнести к фразеологическим единицам. Синхронная этимология также может быть истинной и гипотетической. Об истинной синхронной этимологии мы можем говорить преимущественно в случаях анализа крылатых выражений, цитат (как периферийного явления во фразеологии), где достоверно известен автор и источник

ник. В случаях с другими видами фразем правомернее говорить о гипотетическом характере синхронной этимологии.

В связи с наличием различных классификаций фразеологического материала представляется целесообразным определить соотношение терминов, используемых в данном исследовании. Вслед за Н.Ф. Алефиренко, мы считаем, что термин «фразеологическая единица» указывает на отнесенность языковой единицы к фразеологической подсистеме языка (сравним – «фонетическая единица», «синтаксическая единица» и т.д.); саму же данную единицу целесообразно называть «фрагма» (по аналогии с «фонемой», «морфемой», «лексемой»), которая в речи реализуется как «фразеологизм». Таким образом, под «фрагмой» понимается языковой знак, сочетающий в себе аналитичность формы с семантической целостностью и синтаксической неделимостью, который «своим возникновением обязан комбинаторному взаимодействию смыслов лексических и грамматических компонентов своего свободносинтаксического генотипа» [Алефиренко 2000: 14]

Таким образом, термин фрагма является родовым по отношению к остальным терминам, обозначающим состав фразеологического корпуса языка, в котором выделяют три зоны – ядерную (идиомы), околоядерную (интеръективные фразеологизмы) и периферийную («устойчивые фразы», по В.Л. Архангельскому, или устойчивые словесные комплексы: этикетные, или ритуальные, формулы, штампы и клише, составные термины и «номенклатурные названия», перифразы и эвфемизмы, тавтологические обороты, пословицы и поговорки, афоризмы и литературные цитаты) [Добрыднева 2000: 9-19].

Семантическая структура фразеологизмов гораздо сложнее семантической структуры слов, а образная основа фразеологических единиц далеко не одинаково воспринимается носителями современного русского языка, отчего у фразеологизмов очень часто возникает разное «прочтение» их различными индивидами, различные степени нюансировки значения, видения внутренней формы, мотивации и т.п. Всё это настоятельно требует обращения к синхронной этимологии.

При синхронной этимологии большое значение имеет «раскрытие» образной основы и внутренней формы фразеологизма, тем более что термины *образная основа* и *внутренняя форма* фразеологизма не являются синонимами. Под *образной основой* следует понимать тот образ, который лежит в основе мотивирующей внутренней формы фразеологизма, а под *внутренней формой* – основную идею этого образа, на основе которой затем и формируется основное значение фра-

земы. Рассмотрим, например, фразеологизм *попасть в переплёт*. Большинство современных людей не видят в нем ни образной основы, ни внутренней формы и понимают значение фразеологизма в основном в зависимости от слова *переплёт*, понимаемого как сложное, запутанное, затруднительное положение, стечение обстоятельств. Однако поморы и жители архангельских мест, носители северных диалектов, чётко видят образную основу этого фразеологизма: для них переплёт – это стационарная рыболовная снасть на небольшой речке. Она представляет собой плетёную из прутьев перегородку, перекрывающую речку полностью. Данная снасть непригодна для больших рек. Используемый для перекрытия речки, переплёт представляет собой «не только и не просто заграждение, а посередине делается своеобразный запутанный лабиринт с одним единственным входом для рыбы. Рыба <...> ищет проход и через специально оставленную щель попадает в настоящий переплёт – в хитросплетение лабиринта, из которого практически невозможно выбраться, так как <...> вход в лабиринт с внутренней стороны оборудуется палочками с остро отточенными окончаниями, прикреплёнными горизонтально к вертикальным прутикам, делающим выход невозможным» [Обдуллаев 1996: 53]. Именно такое описание переплёта позволяет наиболее ярко представить образную основу фразеологизма. Его внутренней формой является идея – “безвыходное положение для рыбы”, на основе которой и формируется современное значение фразеологизма – „безвыходная ситуация, безвыходное положение, в которое попадает человек“. Следует отметить, что описание переплёта, приводимое в словарях (см., например [Шанский, Зимин, Филиппов 1987]), – “плетень из хвороста, от берега вглубь реки, для постановки выше *переплёту*, гарвы, мережки для залава сёмги”, недостаточно для того, чтобы по образной основе и внутренней форме фразеологизма представить полную безвыходность ситуации человека, попавшего в переплёт. Мы вполне согласны с комментарием в: [Обдуллаев 1996] и полагаем, что описание образной основы фразеологизма должно быть такой степени подробности, чтобы были объяснены все особенности значения и употребления фразеологизма.

Синхронная этимология фразеологизмов позволяет поставить этимологизирование «прозрачных» фразеологизмов на экспериментальную основу (анкетирование, опрос информантов, описание и систематизация значений фразеологизмов и т.п.). В настоящее время нами собран большой материал, относящийся в основном к таким фразеологизмам, у которых не просто устанавливается этимология, но и вскры-

ваются значения отдельных слов-компонентов, описываются условия первозарождения и современного употребления данных единиц. Например, в современном языке достаточно распространенной является форма фразеологизма *сбоку припёку*, хотя более ранней формой является *сбоку припёка*. Люди старшего поколения, знающие, очевидно, что *припёка* – это кусочек теста, припёкшийся к боку мучного изделия, понимали, что это не главное, не основное, а главным является хлеб, коврига. Зная этимологию, они обычно употребляют форму *сбоку припёка*. Молодое поколение, в свою очередь, опираясь на толкование, данное во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А.И. Молоткова [Фразеологический словарь 2006: 391]: „лишний, ненужный, не имеющий прямого отношения к кому-либо или к чему-либо“, чаще использует форму *сбоку припёку*. В данном случае сказывается незнание этимологии фразеологизма, что позволяет зарифмовать второй компонент.

Другой фразеологизм: *Мне с ним (с ней) детей не крестить* обычно используют в ситуации, когда хотят сказать, что с этим человеком незачем считаться. Причины и степень размолвки могут быть разными, но значение одно – „с ним не будет близких отношений, поэтому можно не учитывать его чувства; неважно, понравятся ему мои поступки или нет, но я поступлю так, как считаю нужным“. Наиболее распространенными являются две этимологические версии. Согласно первой, образ объясняется тем, что, в силу суеверия, считалось: при крещении детей на них можно напустить порчу (сравним: выражение *насолить* первоначально связано с разбрасыванием соли по следам человека с целью навлечь на него порчу). Поэтому на крестины обычно приглашали людей близких, способных сделать семье и ребенку только добро. Другая этимологическая справка нам представляется более правдоподобной. Люди, которые крестят детей друг друга, становятся кумовьями, т.е. людьми, которые часто после этого становятся более близкими, чем родственники. Крестные отец и мать должны помогать своим крестникам и морально, и материально, должны принимать самое активное участие в воспитании ребенка до его совершеннолетия, а часто и позже, а в случае гибели родителей их заменить. Поэтому те, кто окрестили детей, остаются связанными друг с другом на долгие годы, обычно на всю жизнь. Отсюда вполне понятно значение фразеологизма *Мне с ним (с ней) детей не крестить* – „я не буду ему близким человеком, а потому мне безразлично, что он подумает, я поступлю так, как считаю нужным“.

Синхронная этимология, по нашему убеждению, призвана охранять правильность употребления, а в словарях – правильность лексикографической записи фразеологизма, пословицы или поговорки во всех компонентах словарной статьи: в заголовке, толковании, сочетаемости, прагматической и стилистической характеристиках и т.п. Рассмотрим некоторые примеры. Во «Фразеологическом словаре русского языка» под ред. А.И. Молоткова приводится единица *ни аза* <в глаза> – „совершенно ничего (не знать, не понимать, не смыслить и т.п.)“ [Фразеологический словарь 2006: 29]. А если прочитать весь текст словарной записи: «*ни аза в глаза* не знать, не понимать, не смыслить», то станет ясно, что так не говорят. Дело в том, что здесь наблюдается контаминация двух поговорок: (*ни*) *аза в глаза не видел* – говорится о совсем неграмотном человеке, который не знает даже первой буквы русской азбуки, и *ни аза* (не знает, не смыслит) – может говориться и о грамотном человеке, который в другом (обычно – не своем) деле не знает даже самых основ. И та, и другая единицы возникли на основе образа первой буквы русской азбуки – *азь*, что и привело к появлению во фразеологии упомянутой выше нежелательной контаминации. Рассмотрим другой аналогичный пример неверного объяснения фразеологизма, повлекшего за собой и появление в языке неверной его формы. В этом же словаре записано *с бору да с сосенки* – „кого попало, откуда попало, без разбору. О случайном подборе, составе людей“ [Фразеологический словарь 2006: 41]. В качестве варианта указывается фразеологизм: *с бору и с сосенки*. Всё это подтверждается иллюстрациями в виде предложений из произведений Д.Н. Мамина-Сибиряка, К.А. Федина и М.А. Шолохова. Но при этимологическом разъяснении надо бы задуматься над тем, а что фактически можно собирать с сосенки. Правильная структурная формула этого фразеологизма – *с бору по сосенке*. Такой (правильный) вариант наблюдается в произведениях В.М. Шукшина, В.Г. Распутина и др. После такой записи фразеологизма можно задать правильный ход синхронной этимологии: едет мужик-крестьянин из леса и в каждом бору (лесу, роще) берёт по сосенке, конечно, по случайной. Этот образ, по нашему мнению, и лежит в основе данного фразеологизма, появившегося посредством метафоры.

Синхронная этимология должна быть направлена не только на правильную запись фразеологизма, но и на разъяснение особенностей его значения и употребления. Например, в Словаре под ред. А.И. Молоткова приводится значение фразеологизма *без царя в голове* – „очень глуп, недалёк“ [Фразеологический словарь 2006: 490]; в словаре

А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко дается более пространное толкование – „ограниченного ума; не имеющий определённых взглядов, убеждений, собственного мнения, легко поддающийся чужому влиянию“ [Мелерович, Мокиенко 2001: 771]. В данных описаниях отсутствует главное – во фразеологизме речь идёт о взбалмошном человеке, не умеющем управлять своими действиями. Он вроде бы и глупым не числится, но в то же время делает глупости одну за другой. Классический пример описания фразеологизма находим у Н.В. Гоголя, когда писатель характеризует Хлестакова: «несколько приглуповат и, как говорят, без царя в голове, один из тех, которых в канцеляриях называют пустейшими» [Гоголь 1984: 274]. Если подставить сюда трактовку фразеологизма А.И. Молотковым, то получится, что Хлестаков был “приглуповат и очень глуп”. А мы знаем, что Хлестаков не так уж глуп, если сумел надуть даже городничего, который «трёх губернаторов обманул». Очень глупого называют *олухом царя небесного*, а Хлестакова олухом не назовёшь. Нельзя признать вполне верной и трактовку фразеологизма в словаре А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко, согласно которой Хлестаков должен быть «...не имеющим определённых взглядов, убеждений, собственного мнения, легко поддающимся чужому влиянию» [Мелерович, Мокиенко 2001: 771]. Напротив, этот человек не только имел собственное мнение, но и четко знал, чего он хочет, его нельзя назвать поддающимся чужому влиянию.

Употребление фразеологизма определяется большей частью его образной основой. Например, фразеологизм *белые мухи* во «Фразеологическом словаре русского языка» под ред. А.И. Молоткова толкуется как „снег, снежинки. О падающем снеге“ [Фразеологический словарь 2006: 245]. Однако такое толкование нельзя признать достаточно точным. *Белые мухи* – это не всякий падающий снег, это обычно первый осенний снегопад, когда подплавленные в тёплом воздухе снежинки слипаются в гроздь и летят, гонимые ветром, на фоне чёрной земли и ещё не опавшей зелени. Создаётся впечатление, что летит в одном направлении огромный рой белых мух. Когда зима вступает в свои права и земля сплошь покрыта снегом, эта иллюзия исчезает, зимой о снеге так не говорят. И лишь весной, в марте или в апреле, когда на фоне темных или зазеленевших деревьев вновь запорхают запоздалые снежинки, то говорят: «Вот и опять *белые мухи* полетели». Употребление данного фразеологизма характеризуется наличием и в нем, и в окружающем контексте семы „контрастность“.

Синхронные этимологические рассуждения тесно связаны с очень важной проблемой верификации гипотез происхождения фразем. В этимологических словарях часто к одной и той же фраземе дается несколько версий ее происхождения. Эти версии надо проверять. Основными требованиями являются следующие: в образе фраземы должны содержаться признаки, мотивирующие ее выводное значение. Между образной основой, внутренней формой фраземы и выводным, современным, значением должно устанавливаться смысловое отношение, понятное в настоящее время или вскрываемое этимологическим анализом, если оно забылось и не «просвечивает» в современном состоянии языка. Кроме указанных собственно языковых явлений, в верификации гипотез происхождения фразеологизмов, как и в самой их этимологии, должны быть приняты во внимание многие внеязыковые явления, в частности, исторические, этнические, социальные, культурные и другие условия происхождения фразеологических единиц, примеры употребления, которые бы показывали правомерность толкования и этимологического пояснения. В случае изложения нескольких версий происхождения фразеологизма предпочтение надо отдать той, которая наилучшим образом согласуется с реальным механизмом порождения фразеологизма. Приведем пример. В этимологическом словаре под ред. Н.М. Шанского значение фразеологизма *биться как рыба об лёд* толкуется следующим образом: „о безуспешных стараниях сделать что-либо, добиться чего-либо“ [Шанский, Зимин, Филиппов 1987: 17], а этимологическим основанием является сравнение с пойманной рыбой, брошенной на лёд. В более поздних словарях авторы дают версию, подсказанную А.С. Спириным. Согласно этой версии, этимологическим основанием фразеологизма является то обстоятельство, что рыба подо льдом часто страдает от нехватки кислорода и внутри беспокойно бьется об лёд, пытаясь проломить его. Однако данная ситуация не является типичной для непосредственного наблюдения, и потому версия представляется сомнительной. В первой же версии не содержится указаний на длительность действий, хотя фразеологизм говорит о длительных стараниях добиться чего-либо. Однако в исследуемой ситуации акцент, скорее всего, ставится не на длительность, а на отчаянность и безнадежность попытки спастись (разрешить ситуацию) любой ценой, не отступая от своей цели. Длительность же является побочной характеристикой этих действий.

Другой пример – фразеологизм *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день*, которая означает выражение разочарования из-за неудачи в чем-либо,

сетование о том, что не получил того, на что надеялся. Есть две версии происхождения этого фразеологизма. Согласно первой, в осенний Юрьев день, 26 ноября по старому стилю, крестьянам разрешалось переходить от одного помещика к другому: за неделю до Юрьева дня и неделю после него. В 1581 г. царь Иван IV, временно запретив переход крестьян в Юрьев день, способствовал тем самым прикреплению крестьян к земле помещика. Окончательное закрепление крестьян за определенным помещиком произошло при Борисе Годунове, в 1607 г. Тем самым, крестьяне лишились даже минимальной свободы и превратились в крепостных. Вторая версия такова: в осенний Юрьев день хозяева при расчёте обманывали своих работников; последние надеялись получить что-то за свои труды, а получали намного меньше. С этим днём, возможно, связано и возникновение слова *объегорить* с известным значением – „обмануть“; известно, что *Юрий, Егорий, Гергий* – варианты одного и того же имени.

Возможно, две версии происхождения фразеологизма насаивались одна на другую. Вторую версию убедительно поддерживает семантика слова *объегорить*. Однако у этой версии есть слабое место, поскольку во фразеологизме *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!* на первый план выходит не сема „обман“, как в слове *объегорить*, а сема „неожиданность“. Кроме того, обман при расчете с крестьянами вряд ли был неожиданным, а вот внезапный запрет на переход крестьян действительно стал неожиданностью. Отсюда и резкое разочарование: *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!* Слово *объегорить* может быть связано с обманом при расчете, однако в нем нет той экспрессии, которая есть во фразе, но есть твердая уверенность в наличии жульничества.

Анализ рассмотренных выше примеров приводит нас к следующему важному выводу. Помимо исторической этимологии, вскрывающей исходный образ как способ организации целостного значения фразеологизма, необходимо разрабатывать синхронную этимологию, которая носит по существу характер разъяснения значения и употребления фразеологизма. Применять приём синхронного этимологического анализа необходимо, прежде всего, к тем фразеологизмам, которые, казалось бы, прозрачны по образу, но их подлинная этимология успела забыться. Синхронная этимология важна для фразеографии, поскольку позволяет выяснить правильную форму записи заголовочных фразеологизмов, уточнить их толкование, определить прагматическую, стилистическую характеристику фразеологизмов и т.п. Синхронная этимология представляет собой важную часть традиционной этимологии,

поскольку служит отправной точкой для более глубоких этимологических исследований фразем.

Прием синхронной этимологии может быть также использован для развития фразеологии в лингвокультурологическом аспекте. Так, в Большом фразеологическом словаре под ред. В.Н. Телия для единицы *детей не крестить /не детей крестить* указывается следующее значение – „Не иметь в дальнейшем никаких общих дел“ [БСФРЯ 2017: 177]. Необходимый этимологический комментарий рассматривается во взаимосвязи с базовой для лингвокультурологии идеей культурного кода как хранилища знаний. Этимологические сведения и интерпретация образа в религиозном коде культуры служат той опорой, на которой основывается описание данного фразеологизма и создание культурологического комментария. Ср.: «Образ фразеологизма создается метафорой, уподобляющей отсутствие закреплённой обрядом связи между людьми отсутствию общих интересов, совместных занятий, взаимных обязательств. Фразеологизм в целом символизирует независимость человека от мнения чужих для него людей» [Там же]. Разработка синхронной этимологии отвечает и исследованию вопроса о когнитивной релевантности культурно-этимологической информации сознанию современных носителей языка, поскольку «разные типы культурной информации имеют разные механизмы внедрения в семантику идиом и паремий и разную в них “глубину залегания”. <...> многое зависит от знания носителем языка значения идиомы и условий коммуникативной ситуации: если данные опоры не действуют, сознание носителя языка активнее “подключает” те знания, которыми он в той или иной мере владеет, как историко-этимологического, так и культурологического типа» [Ковшова 2019: 29].

«Археология языка и культуры», о которой так настойчиво говорит в своих исследованиях Вероника Николаевна Телия, вбирает в себя разные методы и разрабатывает новые научные инструменты не только для изучения, но и для сохранения коллективной памяти народа.

Литература

Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия). 2-е изд., испр. и доп. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2004.

БСФРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В.Н. Телия. 4-е изд. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017.

Гоголь Н.В. Повести; Ревизор. М.: Художественная литература, 1984.

Добрыднева Е.А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии / науч. ред. Н.Ф. Алефиренко. Волгоград: Перемена, 2000.

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 1991.

Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры. М.: ЛЕНАНД, 2019.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. М.: Русские словари: Астрель, 2001.

Обдуллаев А.Р. Фразеология: внутренняя форма единиц. Ургенч, 1996.

Топоров В.Н. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа // Вопросы языкознания. 1960. № 3. С. 44-59.

Фразеологический словарь русского языка / сост. Л.А. Войнова и др.; под ред. и с послесл. А.И. Молоткова. 7-е изд., испр. М.: АСТ: Астрель, 2006.

Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М.: «Русский язык». 1987.

V.I. Zimin, O.I. Avdeeva (Moscow, Russia)
Moscow State Pedagogical University

SYNCHRONOUS ETYMOLOGY AS A MEANS OF CLARIFYING THE MEANING OF PHRASEOLOGICAL UNITS

This article is devoted to the use of synchronous etymology in phraseology in order to clarify the meanings of phrases. Using this technique allows to solve the problem of verifying dictionary entries in phraseography.

Key words: phraseological unit, etymology of phraseological units, etymological analysis, synchronous etymology, semantics, linguaculturology, phraseography.

И.К. Мухина (Екатеринбург, Россия)
*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
golst@el.ru*

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ СИНОНИМОВ¹

Статья посвящена выявлению зон идеографического словаря синонимов, в которых представлены мифологические смыслы, приведены лексические репрезентации существующих в русском национальном сознании мифологических представлений. Проведен идеографический анализ содержащихся в словарных статьях словаря синонимов мифологических представлений.

Ключевые слова: миф, мифологема, прототип, синонимический ряд, идеографический словарь, денотативно-идеографическая группа.

В толковом словаре миф определяется как «древнее народное сказание о богах, легендарных героях, о происхождении мира и явлений природы» [Ефремова 2006: 106]. В контексте современных исследований миф представляет собой «сообщение, обусловленное контекстом истории; семиотическую систему, декодируемую и интерпретируемую в соответствии с конкретным социальным и историческим контекстом» [Умеренкова 2017: 197]. Различные мифологемы активно изучаются лингвистическими методами, в том числе в научных трудах, выполненных под руководством В.Н. Телия [Культурные слои 2004].

Когнитивные аспекты изучения мифа связаны с исследованием мифологической картины мира [Косарев 2000], мифологических образов и архетипов как типов концептов [Barber 2004], соотношения мифологемы и концепта [Шелепова 2017], их связи с социальными стереотипами [Wilton 2004], специфики мифологического мышления и мифологического сознания [Яковлева 2011; Barber 2004], современной интерпретации мифов [Hendy 2002], а также с изучением мифологем как результата ментального процесса концептуальной интеграции [Умеренкова 2017].

Мифологемы, известные из совокупности мифов, или мифологические сюжеты, сцены, образы, заимствованные из мифологии, имеют

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке постановления № 211 Правительства Российской Федерации, контракт № 02.А03.21.0006.

широкое распространение в культурах народов мира [Шелепова 2017: 204]. Миф отражает представления людей о мире, его происхождении, месте человека в нем, о богах и героях, тем самым мифологемы соотносятся с различными типами когнитивных структур – с представлениями (*мыслительными картинками*), при этом мифологические представления создаются признаками, объединяющимися формулой «такой, какой может быть; такой, какой, возможно, существует» [Бартминьский 2005: 168].

Мифологемы основаны на *архетипах, образцах* как разновидностях стереотипов, по Е. Бартминьскому, которые формируются на основе признаков, воспринимающихся как черты, необходимые субъекту или предмету с точки зрения норм, признаваемых говорящим, и объединяющихся формулой «такой, какой должен быть» [Бартминьский 2005: 167].

Ю.Л. Шишова называет мифологему универсальной инвариантной *матрицей* смыслообразования, моделирующей внутренне целостный образ пространственно-временного континуума. Мифологема «выступает в тексте как сюжетно-понятийная структура, которая имплицитно содержит в себе повествование о некотором событии, имеющем мифологические корреляты» [Шишова 2002: 4-6].

Новую интерпретацию мифологические представления получают в процессе лексикографического описания синонимов в рамках идеографического словаря синонимов русской речи, создаваемого коллективом ученых Уральской семантической школы под руководством профессора Л.Г. Бабенко [Большой толковый словарь синонимов... 2008]. Когнитивный принцип формирования словарной статьи, представляющей синонимический ряд, реализуется в идее *прототипа* синонимического ряда, объединяющего различные значимые когнитивные признаки. Прототип синонимического ряда, согласно концепции Л.Г. Бабенко, определяется как «устойчивый мыслительный образ; ряд структурно выстроенных когнитивных признаков, которые рассматриваются в аспекте их значимости: ядерные, повторяющиеся, частотные – периферийные, редкие» [Бабенко 2008: 18].

Мифологемы и прототип синонимического ряда как мыслительные образования объединяет наличие совокупности когнитивных признаков, ассоциирующихся в сознании с данными структурами. Так, мифологема может быть представлена в виде многоуровневой структуры, включающей множество элементов, каждый из которых обозначает тот или иной аспект мифа как единого когнитивного целого [Ива-

нова 2002: 47]. Прототипические признаки, в свою очередь, включают в себя знания об объектах, признаках, действиях, прагматические знания об особенностях употребления слов синонимического ряда об их эмоционально-экспрессивной окраске, фоновые знания о национально-культурной специфике лексем [Бабенко 2008].

Рассмотрим, какое место занимают мифологические представления в структуре словарной статьи идеографического словаря синонимов русской речи и в прототипах каких денотативно-идеографических групп они присутствуют.

Мифологические смыслы могут быть обязательным семантическим компонентом, который объединяет все слова синонимического ряда, в этом случае они получают обязательную экспликацию, как в семантической идее ряда (семантических признаках, обязательно повторяющихся в толкованиях всех членов ряда), так и в его прототипе. См., например, семантическую идею синонимического ряда с доминантой *ад* (*ад, бездна, геенна, устар., высок. ад, устар. тартар, разг. преисподняя, разг., шутол. тартарары, разг.-сниж. пекло*): «Место, где души грешников после смерти испытывают вечные муки (**в** религии и **мифологии**)», расширенную в прототипе: «в религии и мифологии – место в глубинах земли, куда попадают после смерти души грешников, где они вечно испытывают страшные муки, которые многократно превосходят земные мучения, причем род наказания соответствует роду преступления. Хозяином здесь является падший ангел Люцифер (Сатана, Дьявол и т.д.), совратитель человечества, противник Бога; прислуживают ему черти, которые жарят грешников на гигантских сковородах, варят в огромных котлах. Это место представляется мрачным, наводящим ужас, окрашенным в черные и красные тона».

В таком случае мифологические представления репрезентированы и в иллюстрациях к членам синонимического ряда, см., например, примеры к лексеме *пекло* «*Разг.-сниж. Место, где души грешников горят в адском огне; сам адский огонь*». *В мифах древних славян, так же как в мифах иных индоевропейских народов, есть воспоминания об атлантах, погибших во время Всемирного потопа. Есть и описания мифологического мира: Белого света, населенного людьми и животными, рая – Ирия, где живут боги и праведники, и Пекла – темного царства, где властвуют силы тьмы и томятся грешные души* (А. Асов).

Подобное повторение мифологических смыслов, которое проявляется и в семантической идее, и в прототипе синонимического ряда, и в примерах-иллюстрациях, наблюдается и в других синонимических

рядах денотативно-идеографической сферы «Религия» денотативно-идеографической группы «Основные понятия религии, религиозные догматы». Например, синонимический ряд с доминантой *рай*: **рай**, *книжн. Эдем, устар., книжн. парадиз, устар., книжн. элизиум*: «Место, пространство, куда попадают души праведников после смерти и где они пребывают в вечном блаженстве; место, где жили первые люди до грехопадения (**в** религии и **мифологии**)».

Другие насыщенные мифологическими представлениями денотативно-идеографические сферы – это «Универсальные представления, смыслы и отношения», «Эмоции» и «Время». При этом мифологические смыслы включаются в прототип синонимического ряда как один из его периферийных когнитивных признаков и помещаются авторами словаря в финальную часть прототипа. См., например, заключительную часть прототипа объемного синонимического ряда с доминантой *судьба*, входящего в денотативно-идеографическую группу «Универсальные представления», подгруппу «Судьба»: *судьба, доля, крест, предопределение, случай, участь, шутол. фортуна, высок. небеса, высок. небо, высок. предназначение, высок. предначертание, высок. рок, высок. судьбина, книжн. жребий, книжн. провидение, книжн. промысел и книжн. промысл, книжн. удел, книжн. фатум*: «В античности воплощением судьбы считались богини мойры (**в греческой мифологии**) и парки (**в римской мифологии**), которые держали в руках нити судьбы людей и богов»; прототип синонимического ряда с доминантой *коварство* (*коварство, вероломность, вероломство, коварность, книжн. иезуитизм, книжн. иезуитство, книжн. макиавеллизм*), входящего в денотативно-идеографическую сферу «Эмоции», группу «Эмоциональные состояния и переживания, эмоциональное отношение, воздействие, эмоциональные качества и внешние проявления эмоций», подгруппу «Неверие»: «**Мифологическим персонажем, с которым ассоциируется коварство, является двуликий Янус**»; прототип синонимического ряда с доминантой *праздник* (*праздник, дата, день, празднество, торжество*): «такие день или дни могут быть связаны с народными обрядами, ритуалами и языческими (**мифологическими**) торжествами в денотативно-идеографической сфере «Время», группе «Время, отмеченное / не отмеченное какими-л. событиями».

«Речевое воздействие» и «Интеллект» – две денотативные сферы, включающие в свой состав абстрактные лексемы, связанные общим контекстом с мифологическими представлениями – получают экспли-

кацию в зоне словарных дефиниций. Рассмотрим примеры к глаголам *доказывать/доказать*, *Заставлять/заставить* кого-либо поверить в истинность чего-либо при помощи логически выстроенных аргументов, ссылок на объективные сведения, факты": *Берлиоз же хотел доказать поэту, что главное не в том, каков был Иисус, плох ли, хорош ли, а в том, что Иисуса-то этого как личности, вовсе не существовало на свете и что все рассказы о нем – простые выдумки, самый обыкновенный миф* (Булг.) (сфера «Речь», группа «Речевое воздействие»); *систематизировать* «То же, что классифицировать». *Систематизировал все эти мифосплетения Гесиод в своей «Теогонии»* (Ф. Зелинский); *сближать/сблизить* «Находить/найти сходство, подобие между кем-, чем-л.» *Отождествляя Ленина с Дантесом, Толстая откликается на советскую мифологию, где принято было сближать Ленина с Пушкиным*: «Ленин Пушкина книги обнимал и к сердцу прижимал» (В. Десятов); *соотносить/соотнести* «То же что сравнивать/сравнить». *Недостаточны черты Ленина-политика, нужно СООТНЕСТИ характер Ленина сперва к мифу национального русского характера, а затем к року, характеру русской истории* (В. Гроссман) (сфера «Интеллект», группа «Процесс определения»); *самоочевидный* «Очевидный сам по себе, без дополнительных обоснований». *Зародившийся миф содержит в себе нечто новое, дотоле неизвестное самому мифотворцу, причем это содержание утверждается как самоочевидная истина* (С. Булгаков) (группа «Особенности протекающего процесса понимания»).

Анализ показал, что результатом процесса мифологизации также являются лексемы с конкретной семантикой, что также репрезентируется в финальной части прототипа. См., к примеру, прототипы синонимических рядов с доминантами *огонь* (*огонь, пламя, трад.-поэт. огонь, трад.-поэт. пламень, устар. польмя* «Раскаленные светящиеся газы, которые образуются при горении чего-л. и охватывают горящий предмет, при этом поднимаясь над ним в виде столба, языков»): «*В древности у многих народов существовал культ огня (огнепоклонничество), в большинстве мифологий были боги огня* (сфера «Неживая природа», группа «Огонь и его признаки»); *белокурый* (*белокурый, беловолосый, белоголовый, льняной, пшеничный, светловолосый, светлоголовый, светлокудрый, светло-русый, трад.-поэт. златовласый, трад.-поэт. златокудрый, трад.-поэт. золотоволосый, трад.-поэт. золотокудрый, разг. белобрысый, разг. блондинистый* «Светлый (о волосах) или имеющий светлые волосы (о человеке)»): «*Обычно*

в виде светловолосых изображаются языческие боги (напр., древнегреческой мифологии) и ангелочки» (сфера «Живое существо», группа «Особенности волосяного покрова живого существа»); **земледелие** (земледелие, агрикультура, агрокультура, землепашество, хлебопашество, хлеборобие и хлеборобье, хлеборобство «Отрасль сельского хозяйства, занимающаяся возделыванием, обработкой земли с целью выращивания сельскохозяйственных культур»): «Для мировоззрения крестьянина характерно уважительное отношение к земле, поэтому **с древнейших времен существуют земледельческие обряды, особая земледельческая мифология**» (сферы «Сельское хозяйство», группа «Отрасль»); **персона** (персона, особа, вип и вип, вип-персона, разг. вип, разг. козырь, разг. пан, разг. туз, разг. фигура, разг., шутл., ирон. шишка, разг.-сниж. авторитет, разг.-сниж. крутой, разг.-сниж., шутл., ирон. шишкар, жарг. кит «Важное, значительное лицо, занимающее видное положение в обществе»): «**О таких людях в обществе возникают слухи, мифы, легенды**» (сферы «Общественно-государственная сфера», группа «Человек по социальному статусу»).

Мифологические смыслы могут формировать сематические компоненты отдельных лексем – членов синонимических рядов: см., например, номинацию *цербер* из синонимического ряда с доминантой *собака* (*собака, барбос, пес, книжн. цербер, разг. ава, разг. бобик, разг. волкодав, разг. жучка, разг. моська, разг. полкан, разг., пренебр. шавка, разг. шарик, разг.-сниж., пренебр. кабыздох и разг.-сниж., пренебр. кабысдох, разг.-сниж. псина, разг.-сниж. собачара, разг.-сниж. сьяка*): *цербер* «Книжн. Злая сторожевая собака (от клички злого пса, **охранявшего вход в ад, в древнегреческих мифах**) (сфера «Живое существо», группа «Животные»).

Черты современных мифов, в которых моделирование действительности происходит по законам мифологического мышления и его ментальных структур или мифологизируются культурные явления современного мира, также находят отражение в словаре синонимов. В словарной зоне иллюстраций репрезентируются некоторые характерные черты современного мифологического мышления.

Так, примеры к словам (членам различных синонимических рядов) акцентируют следующие характеристики современных мифов: «мифы массовой культуры зачастую создаются писателями», что отражается в примерах в лексеме *борзописец* «Разг. Ирон. Писатель или журналист, пишущий много, быстро, но плохо». **В массовом сознании обитает немало мифов, которые, однажды возникнув в голове**

у мечтающего прославиться борзописца, оказываются на редкость живучими и со временем превращаются в непреложные истины (газ.); «работать много и напряженно не значит получать достойную зарплату», признак получает экспликацию в иллюстрациях к лексеме *костоломить* «Разг.-сниж. Горбатить, а также вообще работать». **Миф – будто стоит платить служащим приличную зарплату или поставить заработок в зависимость от успехов фирмы, как они от этого автоматически начнут активнее трудиться, – пока еще не изжил себя.** <...> *Всем известно: «От работы кони дохнут!» Кроме хозяина, редко кто согласен упираться рогом, уродоваться, горбатиться, ишачить, костоломить...* (Л. Словин) (оба примера относятся к группе «Трудовая деятельность», подгруппе «Общие понятия о трудовой деятельности и отдыхе»).

Кроме мифов современной массовой культуры, примеры-иллюстрации профилируют черты этнических мифов, связанных со стереотипами о доминирующих качествах представителей отдельных наций, что проявляется прежде всего в примерах-иллюстрациях к синонимам сферы «Нации» денотативно-идеографической группы «Названия наций, народов»: *еврейство* «То же, что евреи». *В течение двух последних столетий огромные массы еврейства жили в России, многие евреи более или менее активно участвовали в культурной и духовной жизни страны; зная это, утверждать, что они ничего не дали русской культуре, это не развеивание мифа о поголовной талантливости, а созидание мифа о поголовной бездарности целого народа* (в данном случае, русского еврейства), *что, конечно же, есть дикая, до абсурда доходящая ложь* (С. Резник); *иваны, ед. иван* «Разг. Русские, русский (обычно в речи иностранцев о наивном простоватом мужчине, воспринимаемом в качестве типичного представителя русского народа); от распространенного славянского мужского имени, которое перешло в нариц.» *И что характерно – главный герой не пьяница, развенчивая сам миф («злых американцев») о сильно пьющих «иванах»* (газ.).

Идеографический анализ показал, что мифологические смыслы как универсальный символический код, используемый для постижения культуры, отображается в следующих денотативных сферах: «Религия», «Основные понятия религии, религиозные догматы» (*ад, рай, троица*), «Универсальные представления, смыслы и отношения» (*судьба*), «Эмоции» (*коварство*), «Время» (*праздник*), «Неживая природа», «Огонь и его признаки» (*огонь*), «Особенности волосяного по-

кровя живого существа» (*белокурый*), «Сельское хозяйство», «Отрасль» (*земледелие*), «Общественно-государственная сфера», «Человек по социальному статусу» (*персона*), «Животные» (*цербер*).

Указания на мифологические признаки содержатся в словарных статьях синонимов денотативных сфер «Речевое воздействие», «Интеллект» («Процесс определения», «Особенности протекания процесса понимания»), «Трудовая деятельность» («Общие понятия о трудовой деятельности и отдыхе»), «Нации» («Названия наций, народов»).

В качестве основного вывода можно утверждать, что синонимическая картина мира отражает процесс мифологизации социальной, интеллектуальной и эмоциональной жизни человека, а по отношению к современным мифам – историко-культурной реальности и этнических стереотипов.

Литература

Бабенко Л.Г. Концепция, структура и основные лексикографические параметры словаря // Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. С. 13-26.

Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике: пер. с пол. М.: Индрик, 2005.

Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008.

Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: ок. 160000 слов. В 3 т. М.: АСТ: Астрель, 2006.

Косарев А.Ф. Философия мифа. Мифология и ее эвристическая значимость. М.; [СПб.]: ПЕР СЭ: Университетская книга, 2000.

Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Умеренкова А.В. Концептуальная интеграция как когнитивная база мифотворческой деятельности // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXX. С. 196-198.

Шелепова Н.В. О соотношении понятий «концепт» и «мифологема» // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXX. С. 202-205.

Яковлева Е.Л. Игровая природа мифа и современная культура. Казань: Познание, 2011.

Wayland Barber E. When they severed earth from sky. How the human mind shapes myth. Princeton; Oxford: Princeton Univ. Press, 2004.

Hendy A., von. The Modern Construction of Myth. Bloomington: Indiana UP, 2002.

Wilton D. Word Myths: Debunking Linguistic Urban Legends. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004.

I.K. Mukhina (*Yekaterinburg, Russia*)

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

**MYTHOLOGICAL MEANINGS
AS A CULTURAL COMPONENT
IN THE IDEOGRAPHIC DICTIONARY OF SYNONYMS**

The article is devoted to the identification of the zones of the ideographic dictionary of synonyms which illustrate mythological meanings and lexical representations of mythological ideas existing in Russian national consciousness. The paper provides an ideographic analysis of the synonyms of mythological representations contained in the dictionary entries.

Key words: myth, mythologeme, prototype, synonymic group, ideographic dictionary, denotative-ideographic group.

Е.И. Роголёва (*Псков, Россия*)

*Псковский государственный университет
cambala2007@yandex.ru*

**ЭТИМОЛОГИЗАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЕТАТЕЗЫ
В УЧЕБНОМ СЛОВАРЕ**

В статье на примере фразеологической метатезы раскрыты некоторые технологические аспекты конструирования этимологической парафразы для учебного словаря. Показаны возможности использования с этой целью материала культурологических комментариев «Большого фразеологического словаря русского языка» под редакцией В.Н. Телия и других авторитетных фразеологических источников. Подробно рассматриваются интерпретационные и текстоорганизующие приемы учебной этимологизации фразеологи-

ческих метатез. Приводятся примеры словарных статей из разных авторских фразеографических проектов.

Ключевые слова: фразеология, фразеоморфизм, учебная фразеография, лексикографические техники, словарная статья, этимологическая парафраза.

Долгое время разработка этимологического параметра в детских фразеологических словарях осложнялась сложившимся противоречием между необходимостью научной трактовки историко-этимологической версии и невозможностью использования в данных словарях современных средств этимологизации фразеологизма, адекватных восприятию взрослого адресата, но не приемлемых для младших школьников, в частности, метаязыка словарного описания внутренней формы фразеологизма [Баранов, Добровольский 2008, 2009] и интерпретационной модели значения фразеологизма [Телия 1996; Ковшова 2009].

Согласно нашей концепции конструирования учебных фразеологических словарей научная версия происхождения фразеологизма является «текстом-основой» [Ионова 2006: 142], на базе которого создаются вторичные культурологически значимые тексты посредством интерпретации этимологической версии и адаптации ее к восприятию адресата-ребенка. К информации, представленной в достоверных источниках историко-этимологических версий с их развернутыми культурологическими комментариями, вытекающими из предварительной многоэтапной реконструкции исходных образов русских фразеологизмов [Фелицына, Мокиенко 2002; ИЭС 2005; БФСРЯ 2006], мы применяем авторский лексикографический метод дискурсивного гипертекстового конструирования. Данный метод позволяет использовать в детских словарях речевую тактику этимологического парафразирования, включающую разнообразные собственно этимологизирующие (интерпретационные) и сюжетно-композиционные (текстоорганизующие) приемы [Роголёва 2014].

Цель данной статьи – раскрыть некоторые технологические аспекты конструирования этимологической парафразы для младших школьников на материале культурологических комментариев двух фразеографических источников [ИЭС 2005; БФСРЯ 2006].

Так, авторы «Большого фразеологического словаря» под редакцией В.Н. Телия [БФСРЯ 2006], комментируя с культурологической точки зрения фразеологизм *без году неделя*, соотносят образ данного фразеологизма с временным кодом культуры, являющимся «ключевым звеном в интерпретации фразеологизмов, которая представляется как

процесс восприятия языкового знака сквозь призму культурного знания» [Ковшова 2008: 60]. В комментарии отмечается, что «в образе фразеологизма отражено ироническое противопоставление столь крупного временного отрезка, как **год**, столь относительно краткому и обозримому по делам, как **неделя**» [БФСРЯ 2006: 29].

В следующем фрагменте данного культурологического комментария подчеркивается эталонный компонент семантики фразеологизма, что позволяет говорить о нем как о «сжатом» тексте культуры, «разворачивающемся» в речи, помимо языковой семантики, свои дополнительные, культурные, смыслы [Ковшова 2009: 487]: «фразеологизм в целом выполняет роль эталона, т.е. меры, неполноты и недостаточности срока, причём то, чего недостаёт для обретения необходимых знаний, умений, навыков и т. п. в каком-либо деле, значительно превышает уже имеющийся опыт» [БФСРЯ 2006: 29].

Наша концепция интерпретации процессов фразеообразования и культурологического потенциала фразеологизмов опирается на положение В.Н. Телия и ее коллег о том, что в этимологической справке словарной статьи должна содержаться лингвистически релевантная информация, связанная с образной мотивацией фразеологизма и содержащая сведения, проясняющие тропеические механизмы, которые далеко не всегда элементарны [ТББД 1990: 23].

В этом плане этимологическая репрезентация фразеологизма *без году неделя* в историко-этимологическом словаре «Русская фразеология» А.К. Бириха, В.М. Мокиенко, Л.И. Степановой как раз и раскрывает соотношенность фразеологического образа с видами тропов, как-то: «фразеологизм создан на основе нелогичного сочетания, необычной комбинации слов, отражающей ироническое осмысление явления. Это каламбурная переработка сочетания *без недели год*» [ИЭС 2005: 144].

Для фразеологизмов, образованных в результате фразеологического каламбура как обобщенного обозначения различных тропеических механизмов, «рассчитанных на игру ума» [Татарина 2006], мы ввели термин «фразеоигрема», отражающий и способ образования оборота (с помощью языковой игры), и результат этого процесса (фразеологический продукт).

Логико-семантический механизм фразеоигремы *без году неделя*, репрезентирующей образ «эмпирически невозможных событий или объектов» [Левин 1981: 159], основывается на метатезе (следует отметить, что наша фразеографическая концепция основывается на широком понимании тропов).

Большинство фразеоигрем данной модели восходит к жанрам парадоксально-игровой поэзии – народным потешкам, стишкам-перевертышам – «метатетическим и контрарным небывальщинам, где привычные отношения в буквальном смысле переворачиваются» [Левин 1981: 147].

В отличие от алогизма фольклорного слова, который художественно оправдан, но пока не объяснен [Хроленко 2010: 32], декодирование игрового парадокса фразеологической метатезы становится возможным благодаря различным лексикографическим техникам (операторам и приёмам), разработанным специально для учебной этимологизации фразеологизма.

Эффективность использования различных операторов при эксплицитной технике лексикографирования внутренней формы фразеологизма была доказана А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским [Баранов, Добровольский 2008: 190], однако этимологизацию фразеоигрем осложняет «отсутствие операторов языковой игры» [Шаховский 2005: 17].

Учитывая новые задачи учебной репрезентации фразеологизма и фактор адресата-ребенка, в процессе интерактивного развертывания информации о происхождении фразеоигрем, построенных на метатезе, мы используем семантический и в то же время этимологический маркер (слово) *перевертыши*.

Целесообразность использования данного маркера в этимологической парафразе детского словаря подтверждается и определением В.П. Москвина, который понимает под перевертышем «разновидность небыллицы, основанной на игровой инверсии: *Ехала деревня мимо мужика, Вдруг из-под собаки залаяли ворота*» [Москвин 2007: 546].

Кроме маркера *перевертыши*, «запускающего» экспликацию фразеомообразовательного механизма и показывающего фольклорную логико-семантическую модель языкового парадокса, в процессе декодирования фразеоигремы *без году неделя* мы также используем собственно этимологизирующий (интерпретационный) прием **«перестановки компонентов фразеоигремы»**, раскрывающий тропеическую природу внутренней формы фразеологической метатезы.

Проиллюстрируем реализацию данного приема фрагментом нового занимательного словаря «Фразеологические головоломки», подготовленного к печати Экспериментальной лабораторией учебной лексикографии Псковского университета:

БЕЗ ГОДУ НЕДЕЛЯ

фразеологическая головоломка № 1, для разгадки которой потребуется всего один акробатический трюк, да и то не в цирке.

Без году неделя – это фразеологизм-акробат со значением «очень непродолжительное время, совсем недавно». Смотри, как он образовался.

Але оп! И слова **год** и **неделя** поменялись местами. Что теперь получилось? Правильно, **без недели год** – то есть почти год – а это очень много. А как, используя эти же слова, сказать об очень небольшом сроке?

Але оп! И вновь слова **неделя** и **год** поменялись местами. И что у тебя получилось на этот раз? **Без году неделя**. Так это и есть наш веселый фразеологизм-перевертыш. Говоришь, все равно так не бывает – неделя без года? А это как раз и усиливает выразительность оборота. Не случайно прием «перевертыша» используется при создании многих шуточных поговорок, потешек, небылиц. Помнишь, «ехала деревня мимо мужика, вдруг из-под собаки лают ворота...»? Вот и всё. Головоломка решена!

В приведенном примере игровая этимологическая интерпретация метатезы **без году неделя** достигается за счет того, что наряду с интерпретационным приемом «перестановки компонентов фразеонгемы» мы используем и сюжетно-композиционный (текстоорганизующий) игровой прием «использования метафоры на уровне учебного этимологического гипертекста», реализуя потенциал композиционной (развернутой) метафоры, носителем которой является группа ассоциативно связанных единиц [Москвин 2007: 607]. В рамках нашей этимологической парафразы ассоциативно-тематически связанными являются компоненты **год** и **неделя**, названные в статье «акробатами» (это метафорическое наименование, в свою очередь, тематически сближается с маркером *перевертыш*).

Многообразие разработанных нами интерпретационных и текстоорганизующих приемов этимологизации позволяет избежать лексикографических штампов, отнестись к фразеологизмам как к «штучному товару» [Баранов, Добровольский 2008: 472] и сконструировать различные варианты разножанровых этимологических гипертекстов.

Приведем пример этимологической разработки фразеонгемы **без году неделя** в еще одном проекте Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии – «Веселом фразеологическом словаре “Сами с усами”» [Рогалёва, Никитина 2018: 9-12], где используется текстоорганизующий лексикографический прием «персонаж-рассказчик». В данном случае персонажи-рассказчики – это отрывной и электрон-

ный календари, пытающиеся в режиме диалога выяснить происхождение фразеонигремы.

*<...– Здравствуй, давай знакомиться! Я – отрывной календарь. Извини, что у меня такой неопрятный вид. Это я так своими листочками-мозгами шевелил, пока с фразеологизмом **без году неделя** разбирался. Вот и поистрепался...>* (Рисунок календаря).

Далее в доступной для ребенка форме осуществляется контекстная лингвокультурологическая семантизация компонентов фразеонигремы – анализируется соотношение современного объема значений слов *неделя* и *год*:

*<...Сначала я решил узнать, сколько же в году недель. Конечно, можно поступить просто: 365 дней в году разделить на количество дней в неделе, то есть на семь, и получится примерно 52. Для начала я так и сделал, а потом решил себя проверить. Долго шелестел своими страничками, считал недели: всё сошлось – в году их, действительно, 52. Если прошла 51 неделя, то можно сказать, что это без недели год... А как же может быть **без году неделя** – неделя без года? Непонятно...>*

В следующем фрагменте дается этимологическая информация о компонентах фразеологизма:

<...Пока я своими листками шуришал, много чего интересного вспомнил. Вот, например, до 1700 года неделя на Руси состояла не из 7, а из 9 дней: понедельник, вторник, третийник, четверг, пятница, шестница, седмица, осьмица. А девятый день, когда отдыхали и ничего НЕ ДЕЛАЛИ, так и назывался НЕДЕЛЕЙ...> (Рисунок листов календарей).

Также в этимологический гипертекст вводятся сведения из истории русских единиц времени:

*<...В XVIII веке Петр I ввел новый календарь, и неделя стала семидневной, как в Европе. Вот тут-то с некоторыми словами произошли удивительные превращения: **седьмицей** стал называться не день недели, а вся неделя целиком – это понятно, ведь она теперь была семидневной. Выходной официально стал **воскресеньем** (в честь христианского праздника – Воскресенья Иисуса Христа), но слово **неделя**, которое раньше обозначало этот нерабочий день, не ушло из употребления. Оно стало соперничать со словом **седмица** и скоро вытеснило его. **Неделей** теперь официально именовали семидневку (может быть, по самому любимому дню – выходному?), но это не значит, что все семь дней недели никто ничего **не делал**...>*

Декодирование тропеического механизма фразеологизма-метафоры *без году неделя* происходит в процессе игры в «перевертыши», которую календарь-рассказчик решил использовать в «исследовательских целях»:

*<...Про все эти словесные перестановки я рассказал моему другу, электронному календарю. И поставил вопрос: не связано ли всё это как-то с происхождением фразеологизма **без году неделя**? Но мой приятель, электронный календарь, не стал развивать научную тему, а сразу же предложил поиграть «в перевертыши». Вот такие они, электронные устройства, – у них только игры на уме.*

Не успел я это подумать, как электронный календарь уже задал мне первую задачку: понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, воскресенье. Я должен быстро перечислить дни недели в обратном порядке: воскресенье, суббота, пятница, четверг, ... эээ... среда, вторник, понедельник. Теперь мой ход: двадцать, сорок, шестьдесят, восемьдесят, сто. «Электроник» за две секунды выдает свой «перевертыш»: сто, восемьдесят, шестьдесят, сорок, двадцать. Конечно, он выиграл – скорость-то у электронного календаря в тысячи раз больше, чем у меня, да и объем памяти – ого-го! Он назвал меня динозавром (на возраст намекал, что ли?) и гордо удалился, отсчитывая свои электронные секунды.

*А я так увлекся игрой, что решил «метод перевертышей» и к исследованию фразеологизма **без году неделя** применить. Давай рассуждать вместе...>.*

В данном варианте этимологической парафразы с помощью маркера *перевертыши* организуется резюмирующая часть истории происхождения фразеологизма, а также вводится комментарий коммуникативно-прагматического характера:

*Попробуем переставить местами слова **год** и **неделя**. Что получается? – Правильно, без недели год – то есть почти год назад, а значит, очень давно. А теперь снова всё переворачиваем: без году неделя, а вместо «очень давно» – «совсем недавно». И что у нас получилось на этот раз? А вот и получился наш веселый фразеологизм-перевертыш **без году неделя** – совсем недавно. Говоришь: все равно так не бывает – неделя без года? А это как раз и усиливает выразительность оборота. Не случайно прием «перевертыша» используется при создании многих шуточных поговорок, потешек, небылиц (вспомни: ехала деревня мимо мужика, вдруг из-под собаки лают ворота ...).*

Таким образом, конструирование учебной, адресованной младшим школьникам этимологической парафразы с опорой на культурологические и историко-этимологические комментарии академических словарей обеспечивает реализацию принципа научной достоверности с учетом фактора адресата. Интерпретационные и текстоорганизующие приемы учебной этимологизации фразеологизмов подбираются с учетом типа лексикографируемого фразеологизма и характера разрабатываемого учебного словаря: этимологического справочника, словаря в рассказах, словаря-квеста и др. Так, при построении этимологической парафразы для фразеонигремы-метатезы целесообразно использовать интерпретационный прием перестановки компонентов, текстоорганизующий игровой прием использования метафоры на уровне учебного этимологического гипертекста. Экспликацию фразеологизмобразовательного механизма может запускать маркер *перевертыши*, задающий фольклорную логико-семантическую модель фразеологизма, а раскрыть ее читателю помогают персонажи-рассказчики. Все это определяет специфику этимологизации фразеологической метатезы в словарных проектах Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии ПсковГУ.

Литература

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.

БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка: Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.

Ионова С.В. Аппроксимация содержания вторичных текстов. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006.

ИЭС – Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005.

Ковшова М.Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009.

Ковшова М.Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2008. Т. 67. № 2. С. 60-65.

Левин Ю.И. Логико-семиотический эксперимент в фольклоре // Семиотика и информатика. Вып. 16. М.: ВИНТИ, 1981. С. 145-162.

Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007.

Рогалёва Е.И. Современная учебная фразеография: теория и практика. Псков: ООО ЛОГОС Плюс, 2014.

Рогалёва Е.И., Никитина Т.Г. Сами с усами. Весёлый фразеологический словарь. М.: Издательский Дом Мещерякова, 2018.

Татарина О.И. Семинар первый: категория формы, содержательность формы // Кипарисовый ларец. Литературная мастерская Ольги Татариновой. 2006. URL: <http://www.tatarinova.org/text/19> (дата обращения: 09.08.2011).

ТББД – Телия В.Н. Компьютерная фразеография и ее концептуальные оппозиции / В.Н. Телия, А.Н. Баранов, Е.Г. Борисова, Д.О. Добровольский // Фразеография в Машинном фонде русского языка. М.: Наука, 1990. С. 10-31.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Фелицына В.П., Мокиенко В.М. Школьный фразеологический словарь русского языка. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.

Хроленко А.Т. Введение в лингвофольклористику. М.: Флинта: Наука, 2010.

Шаховский В.И. Реализация эмотивного кода в языковой игре // Эмотивный код языка и его реализация. Волгоград: Перемена, 2005. С. 7-18.

E.I. Rogaleva (Pskov, Russia)

Pskov state University

ETYMOLOGIZATION OF PHRASEOLOGICAL METATHESIS IN THE EDUCATIONAL DICTIONARY

The article uses the example of phraseological metathesis to reveal some technological aspects of constructing an etymological paraphrase for an educational dictionary. The article shows the possibilities of using the material of cultural commentaries of the “Big phraseological dictionary of the Russian language” edited by V.N. Telia and other authoritative phraseographic sources for this purpose. Interpretive and text-organizing methods of educational etymologization of phraseological

metatheses are considered in detail. Examples of dictionary entries from various author's phraseographic projects are given.

Key words: phraseology, formation of phraseological units, educational phraseography, lexicographic techniques, dictionary entry, etymological paraphrase.

Д.А. Романов (Тула, Россия)

*Тульский государственный педагогический университет
имени Л.Н. Толстого
kafrus@rambler.ru*

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ СИМВОЛИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ АНТРОПОМОРФНОГО КОДА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ (из материалов к словарю)¹

Исследование представляет выделенные на основе рассмотрения паремического фонда русского языка символические значения девяти антропоморфных образов русской культуры: *борода, брюхо, горло, грудь, зуб, кость, кровь, лоб, нога*. Методами наблюдения и анализа определены основные векторы символизации названных культурных образов и функциональные сферы их использования.

Ключевые слова: культура, язык, культурная семантика, символические значения, антропоморфизм, паремические и фразеологические единицы.

Тексты культуры, как их понимала В.Н. Телия, по самой своей природе формируют большое количество символических единиц. Разумеется, это касается и составляющих антропонимического кода, которые, даже будучи несимволическими изначально, постепенно приобретают такой статус в культурных текстах. Устное народное творчество, национальная литературная традиция, устойчивые в общественном бытии речевые практики – все это, закрепляя в использовании те или иные антропонимические детали (соматизмы, характеристики физиологической и душевной организации человека, особенности поведения и черты характера, социальные роли и т. д.), тем самым наделяет их символическим статусом. Огромную роль играют здесь когнитивные процессы, потому что культурные тексты всех типов появля-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-512-18008.

ются в результате осознания человеком самого себя, окружающего мира и своего места в нем, т. е. создания «норм, образцов, ориентиров, которые выстраивают иерархию ценностей в конкретной культуре» [Телия 1995: 204].

Подобные символы становятся единицами культурно-языковой картины мира и отражают «культурно обусловленные процессы категоризации и концептуализации мира, которые оказывают влияние на носителей языка в процессах познания и интерпретации мира и служат формированию мировоззрения, основанного на общности этнической культуры» [Ковшова 2015: 362].

Рассмотрим отдельные символические единицы антропоморфного кода русской культуры, выявив системы их значений, опираясь в основном на паремический фонд языка, но привлекая и фразеологические единицы (в узком понимании), и наиболее показательные явления авторской (не народной) литературы. Попытаемся вскрыть механизмы формирования их символической семантики настолько, насколько диакхрония ее складывания прочерчивается в настоящее время. Логической основой символики всех культурных образов является, разумеется, уподобление. На его креативный семантический потенциал справедливо указывала Н.Д. Арутюнова: «Возможности уподобления безграничны и предопределены особенностями изменчивого восприятия действительности разными субъектами, с одной стороны, и неисчерпаемостью признаков воспринимаемых объектов – с другой» [Арутюнова 1998: 295].

Образ-опора формируется в онтологии и проходит стадию переосмысления и символизации с дальнейшим наделением символа этической, эстетической или другой оценкой. Под символическими значениями в данной работе понимаются широкие пласты семантических переносов, лежащие в основе паремических и фразеологических единиц, и сопутствующие им коннотации. Разумеется, такое понимание является предельно обобщенным и имеет значительные теоретические «погрешности» масштаба (принимая во внимание разработанность таких понятий, как эталон, мифологема, стереотип и др.). Однако данный подход диктуется неразрывностью в сознании носителя языка и культуры различных (порой весьма несхожих по сущности) процессов переосмысления, «ментальной обработки» образа, закрепляемых в языке за словом-репрезентантом, и необходимостью показать целостность культурных проекций данного образа.

Источниками языкового материала станут ведущие классические паремические своды (В.И. Даля, М.А. Рыбникова, В.П. Жукова, В.И. Зими́на), а опорой семантических трактовок – работы ученых школы В.Н. Телия. Выбор материала далеко не случаен: он отвечает главным принципам лингвокультурологических исследований. «Культура воплощается в различные языковые сущности, однако фразеологизмы (особенно идиомы) и паремии, выросшие из ритуалов, обычаев, мифов, обрядов, наиболее насыщены культурно-этимологической и исторической информацией; в образах фразеологизмов, пословиц, поговорок запечатлено выделение событий из контекста действительности и выдвигание их на мировоззренческий план» [Ковшова 2019: 27].

Единица антропоморфного культурного кода БОРОДА имеет следующие символические значения: 1. Символизирует почтенный, преклонный возраст. *Борода выросла, а ума не вынесла. Дожил до седой бороды. Седина в бороду – бес в ребро.* 2. Символизирует длительность существования чего-либо. *Анекдот с бородой.* 3. Символизирует внешний яркий атрибут, противопоставленный внутренним качествам (как правило, весьма скромным или негативно оцениваемым). *Борода и у козла есть. Борода Минина, а совесть глиняна. Борода с ворота, а ума и на калитку нет. Борода длинна – ум короток.* 4. Символизирует основательность, уверенность в своих силах. Символизирует мужественность, стойкость в борьбе и т.п. *Борода лопатой. Окладистая борода.* Сюда входят такие культурные типы, как *борода в образах охотников, лесничих, партизан* (на жанровых картинах, в художественных произведениях, кинофильмах). 5. Символизирует неблагородное происхождение, простоватость, мужиковатость. *В бороде капуста. Куряне – те же дворяне, лишь капуста в бороде.* 6. Символизирует многоженца и тайного ненавистника женщин. (Интеркультурный символ). *Синяя борода.*

Формирование символических значений у данного образа связано с многовековыми наблюдениями за характером и этапами человеческой жизни, в которой мужчины, обладатели этого внешнего атрибута (маскулинность здесь акцентирована), относились либо к определенным сословиям (крестьянство, купечество, духовенство), либо к определенной возрастной группе людей (средний и старший возраст). Символические значения формируются на основании тех или иных переосмыслений вышеназванных характеристик: в виде эмоционального одобрения или осуждения, поощрения или иронии и т.д. Выделенные

символические значения употребляются преимущественно для характеристики человека.

Культурный образ БРЮХО символизирует: 1. Животное насыщение, склонность к пресыщенности, душевной и умственной косности. *Набить брюхо. Постись духом, а не брюхом. Сытое брюхо к ученью глухо.* 2. Голодное состояние. *Брюхо подвело. В брюхе бурчит.* 3. Благополучие, стабильность, устойчивый социальный статус, благополучие. *Брюхо купца, попа, барина.* 4. Самоуверенность, чванливость, спесивость. *Сидеть (стоять), вывалив брюхо. Брюхо вперед. «Помнишь, как, бывало, // Брюхом шел вперед, // И крестом сияло // Брюхо на народ»* (А.А. Блок «Двенадцать»). 5. Заискивание, самоуничижение, рабскую покорность. *Приползти (ползть) на брюхе.* 6. Беременность (чаще – с негативной эмоциональной окраской). *Нагулять брюхо. Натискать брюхо.* Сюда же входят экспрессивные дериваты: *обрюхатить, забрюхатеть.*

Формирование символических значений у этого образа определяется преимущественным негативным отношением к людям, имеющим лишний вес, так как этот признак всегда связывался с имущественной достаточностью, принадлежностью к обеспеченным слоям общества, а следовательно – праздностью, ленью, спокойной и благополучной жизнью. Отдельную группу, как очевидно из приведенных выше примеров, составляют символические значения, обусловленные невысокой ценностью (в народном представлении) тех физиологических органов, которые находятся в животе. Здесь ощутимо четкое противопоставление, с оценочной точки зрения, кровообращения и пищеварения. Второе относится к сфере низкого, отсюда семы „докорность“, „самоуничижение“, „рабство“. Исконное представление о беременности (при всей сакральности процесса порождения новой жизни) могло иметь и отрицательную оценочность, например в отношении беременности, возникшей вне брака; также негативные коннотации присутствуют в снижено-бытовом, обиходном и обывательском представлении о появлении детей. Именно в таких случаях использовался символ БРЮХО и производные от него. Следует заметить, что в таком случае актуализировалась потенциальная сема „животное, низменное“. Такое понимание, взятое из народных представлений, «поздний» Л.Н. Толстой включил в свои повести «Крейцера соната», «Дьявол» и «Отец Сергей».

Элемент антропоморфного культурного кода ГОРЛО обладает следующими символическими значениями: 1. Символизирует сильные

переживания, потрясения. *Слёзы стоят в горле / подступили к горлу. Ком подкатил к горлу. Кусок в горло не лезет. Кусок застрял в горле.*

2. Символизирует самоограничение, волевые усилия. *Наступить на горло собственной песне.* 3. Символизирует настойчивость агрессивных действий в чей-либо адрес. *Брать за горло. Хватать за горло. С ножом к горлу пристать. Наступить на горло.* 4. Символизирует громкий крик. *Брать горлом. Во всё горло. Драть горло.* 5. Символизирует нежелательные препятствия, преграды, затруднения. *Поперёк горла. Стать колом в горле. Как кость в горле.* 6. Символизирует внезапную потерю способности говорить. *Слова застряли в горле. Горло перехватило. В горле пересохло.* 7. Символизирует предел терпению. *Сыт по горло.* 8. Символизирует качественный и количественный показатель приема пищи. *Промочить горло. В три горла (есть, пить).*

Наблюдения показывают, что символические значения у этого образа преимущественно амбивалентны: связаны с участием горла в говорении и приеме пищи. Соответственно, они развиваются в направлениях ассоциативных связей с голосом и пищеварением. Важную роль в функционировании символического образа ГОРЛО играют смысловые операторы *высокая – низкая степень* качества, проявления чего-либо и *свободная (полноценная) – ограниченная (неполноценная)* реализация свойства, признака. Данный символ используется главным образом для характеристики положения дел.

Культурный образ ГРУДЬ имеет следующую систему символических значений: 1. Символизирует самоуверенность, бравоирование собственными достоинствами, молодцеватость, гордое бесстрашие. *Грудь вперед. Грудь колесом. Пойти грудью. Встречать грудью опасность. Проложить грудью дорогу. Грудь в крестах, а голова в кустах.* 2. Символизирует здоровье, физическое состояние и физические возможности человека. *Принять на грудь. Надорвать грудь. В груди оборвалось. Ёкнуло в груди.* 3. Символизирует упорную защиту, заботу, опеку. *Стать грудью за кого-либо/что-либо. Защищать грудью. Грудью лечь. Пригреть змею на груди.* 4. Символизирует самоутверждение. *Бить себя в грудь. Рвать на груди рубаху.* 5. Символизирует заслуженную славу. *Грудь в орденах.* 6. Символизирует упорное стремление говорить громко и быть понятым. (С неодобрительной оценкой). *Надсаживать грудь. «Французик из Бордо, надсаживая грудь, // Собрал вокруг себя род веча...»* (А.С. Грибоедов. Горе от ума). 7. Символ смерти. *Сложить руки на груди.* 8. Символизирует свободу. *Вздохнуть полной грудью.*

Символические значения строятся на физических особенностях строения человеческого тела: в груди сосредоточены важнейшие для жизни органы, человек идет грудью вперед, это центральная зона тела и т.д. Не исключено, что изначально символические значения представляли гендерно маскулинный образ, но постепенно в дискурсе потеряли эту маркированность. Западной и восточной культурным традициям, как известно, характерны различные оценки символических значений груди и живота. Русская культура в этом отношении близка западным оценкам и предполагает возвышенно-патетичное восприятие образа ГРУДЬ.

Символ используется достаточно широко: для характеристики положения дел, ситуаций, фрагментов действительности, свойств людей.

Компонент антропоморфного культурного кода ЗУБ развивает такие символические значения: 1. Символизирует агрессию. *Волка зубы кормят. Показать зубы. Иметь на кого-то зуб. Точить зуб. Не по зубам. Обломать зубы. Зубами не вырвать.* 2. Символизирует большое количество. *Вооружен до зубов.* 3. Символизирует терпение, сдержанность. *Держать язык за зубами. Стиснуть зубы.* 4. Символизирует сплетничество, безудержную болтовню. *Чесать зубы. Заговаривать зубы. Попасть на зуб.* 5. Символизирует злую насмешку. *Скалить зубы.* 6. Символизирует недовольство, гнев. *Скрежетать зубами. Говорить сквозь зубы.* 7. Символизирует небольшое количество еды, скудную трапезу. *На один зуб. Щелкать зубами. Серый волк – зубами щелк! Нечего на зуб положить. Положить зубы на полку. Видит око, да зуб неймет.* 8. Символизирует стойкость, упорство. *Держаться зубами. Зубами выгрызть.* 9. Символизирует отличное качество. *Знать назубок.* 10. Символизирует предосторожность. *Попробовать на зуб.* 11. Символизирует опасность. *Лезть к черту в зубы.* 12. Символизирует быструю реакцию. *Хвост в зубы.* 13. Символизирует навязчивость, надоедливость. *Навязнуть в зубы.* 14. Символизирует соматический символ как ценность. *Око за око, зуб за зуб.* 15. Символизирует замерзшее состояние, дрожь. *Зуб на зуб не попадает. Отбивать зубами дробь.*

Один из самых разнообразных и богатых по семантике символов русской культуры. Формирование символических значений связано с осмыслением роли зубов в животном мире (при добывании пищи, защите, схватке с соперником или конкурентом и т.д.). Определенное влияние на структуру символических значений оказывает и участие зубов в пищеварительном процессе.

Используется для характеристики человека, положения дел, предметного мира и др.

Культурный образ КОСТЬ характеризуется следующими символическими значениями: 1. Символизирует крепость, основательность, твердую основу чего-либо. *Мужицкая кость. Кость тонка. Язык без костей.* 2. Символизирует происхождение, социальное положение, статус. *Белая кость. Черная кость. Военная косточка. Кость от кости. Торговая кость наложилась в горсть – сидит и нюхает.* 3. Символизирует организм, человеческое тело в целом. *Кости ломает. Кости бросить. Пересчитать кости. Кости переломать. Пар костей не ломит. Греть кости.* 4. Символизирует худобу. *Кожа да кости. Греть костями. Одни кости. Мешок с костями.* 5. Символизирует жертву, гибель, смерть. *Лечь костями. Костей не соберешь. Стоять на костях.* 6. Символизирует детали, подробности, что-то, не предназначенное для чужого глаза. *Перемывать кости. Разбирать по косточкам.* 7. Символизирует препятствие. *Кость в горле.* 8. Символизирует что-то редкое, экзотичное, не доступное широким массам. (Интеркультурный символ). *«Башня из слоновой кости»* (Ш.О. Сент-Бёв. Августовские мысли).

Формирование символических значений обусловлено представлением о твердости, особенностях роста и развития костей у человека здорового, взрослого, выполняющего все свои основные функции. Кости, костная система, скелет – опора, каркас, надежная поддержка человеческого организма. Как отмечают этнолингвисты, именно с оценки и осмысления кости началось в народном сознании проникновение в сущность человека (по принципу: от внешнего к внутреннему). Большинство паремий с компонентом КОСТЬ – реликты далекого прошлого, помогающие реконструировать русской национальной картине мира ранние средневековые представления о человеке [см.: Белова, Толстая 1999].

Символические значения культурного образа КОСТЬ используются для характеристики человека, его свойств, особенностей, положения в окружающем физическом и социальном мире.

Культурный образ КРОВЬ символизирует: 1. Родство, происхождение, социальный статус. (Интеркультурное значение). *Узы крови. Одной крови. «Мы с тобой одной крови»* (Д.Р. Киплинг «Книга джунглей»). *Кровь от крови. Плоть и кровь. Голубая кровь. Кровь заговорила. Чистых кровей.* 2. Красные оттенки цвета. *Кровинки в лице нет. Наливаться кровью. Кровь с молоком. Кровь бросилась в лицо.* 3. Не-

легкий труд, большие усилия. *Достается (дается) кровью. С кровью. Кровью и потом. До кровавого поту.* 4. Сильное волнение, переживания. *Кровь бросилась (кинулась) в голову. Кровь в голову ударила. Кровь закипела (вскипела). Сердце кровью обливается. Писать кровью сердца.* 5. Самопожертвование, гибель во имя чего-либо, кого-либо. *Заплатить кровью. До последней капли крови. Проливать кровь.* 6. Насилие, убийство, смерть. *Пахнет кровью. Жажда крови. Обагрить руки в крови. Испачкать руки в крови. Кровь на руках. Льется кровь. Утопить в крови. Искупать в крови. Смыть кровью. Кровь за кровь. Истечь кровью. Умыться кровью. Спас-на-Крови.* 7. Притеснения, мучения, истязания. *Сосать кровь. Пить кровь. Портить кровь.* 8. Символизирует избыток энергии, сил. *Кровь разыгралась. Кровь бурлит. Кровь играет в жилах. Разгонять кровь. Разбередить кровь. Горячая кровь.* 9. Ужас, сильный страх. *Кровь леденеет. Кровь стынет в жилах.* 10. Что-либо неотъемлемое, органично присущее. *В крови. Входить в плоть и кровь.* 11. Воплощение, осуществление задуманного. *Облекаться в плоть и кровь.* 12. Что-либо тяжело достающееся, выстраданное. *Хоть кровь из носу. Стоит много крови. Малой кровью.* 13. Непреходящую ценность, истинную сущность. *Клясться на крови. Связать кровью.*

Формирование символических значений определяется восприятием крови как основы жизни человека, как характеристики его принадлежности к живым существам. Потеря крови, ее истечение, изменение скорости обращения и т.д. свидетельствуют о серьезных изменениях, происходящих с человеком. Это касается в равной мере его телесного и душевного мира. Значительное влияние на символический спектр значений оказывает цвет человеческой крови (яркий, насыщенный), ее температура, свойства. Используется преимущественно для характеристики человека.

Культурный образ ЛОБ имеет следующие символические значения: 1. Символизирует безвыходную ситуацию, смерть. *Хоть пулю в лоб. Подставить лоб под пулю. Пустить себе пулю в лоб.* 2. Символизирует прямолинейность, неотвратимость. *В лоб. Лоб в лоб.* 3. Символизирует большие усилия, зачастую напрасные. *Хоть лоб расшиби. Стену лбом не прошибешь. Биться лбом о стены. Заставь дурака богу молиться – он и лоб расшибет. Пробивать лбом дорогу.* 4. Символизирует удивление, а также очевидность, неотвратимость (в том числе открывшуюся внезапно). *Глаза на лоб полезли. Шары на лоб вылезли. На лбу написано.* 5. Символизирует умственные усилия,

вообще ум. *Морщить лоб. Постучать пальцем по лбу. Хлопнуть себя по лбу. Лоб что лопата, а ума небогато. Семи пядей во лбу. Что в лоб, что по лбу. Медный лоб. «Поп, толоконный лоб»* (А.С. Пушкин «Сказка о попе и о работнике его Балде»). 6. Символизирует человека. *Брить лбы. Здоровый лоб (о подростке мальчишке).*

При формировании символических значений осмысливается лоб как главная, показательная, основная, передняя часть головы человека. В равной мере лоб ассоциируется с внешними и внутренними (интеллектуальными) свойствами человека. Голова и лоб выполняют антропорепрезентирующую символическую функцию. Как утверждают современные паремиологи, лексема *лоб* является одной из наиболее продуктивных в плане пополнения корпуса паремий новыми единицами (см., например, целый «куст» поговорок 1990-х гг. с пейоративным производным *лобешник* [Зимин 2010: 246]). Символические значения антропоморфного элемента ЛОБ используются, главным образом, для характеристики человека и его качеств.

Культурный образ НОГА имеет следующие символические значения: 1. Символизирует средство, способ, вид передвижения, его интенсивность, целенаправленность, регулярность, упорядоченность. *Одна нога здесь, другая – там. Давай бог ноги. Со всех ног. Брать ноги в руки. Кинуться со всех ног. Волка ноги кормят. Быстрый на ногу. Делать ноги. Уносить ноги. Сбиться с ног. Скор на ногу. Не чуют под собой ног. Едва волочить / таскать ноги. Еле ноги несут. Ноги заплетаются. Пока ноги несут. Земля горит под ногами. Хромать на обе ноги. В ногах правды нет. Как собаке пятая нога. Идти в ногу со временем. Баба Яга – косяная нога. Сам чёрт ногу сломит. «Вся рота идет не в ногу, один поручик шагает в ногу»* (А.И. Куприн. Поединок). 2. Символизирует перемещение в пространстве, времени, бытии. *Приделать ноги. Ни ногой. Куда ноги несут. Чтоб ноги (твоей) не было. Одной ногой в гробу. Стоять одной ногой в могиле. Протянуть ноги.* 3. Символизирует опору, ее качество, тип, изменчивость. *Без ног. На ватных ногах. Едва стоять на ногах. Валиться с ног. Сшибить с ног. Едва держаться на ногах. На ногах не стоит. Спать без задних ног. Встать на обе ноги. Твёрдо / крепко стоять на ногах. Почва / земля уходит из-под ног. Выбить почву из-под ног. Переминаясь с ноги на ногу. Поставить на ноги. Поднимать на ноги. Колосс на глиняных ногах.* 4. Символизирует положение в пространстве. *Ползть в ногах. Бросаться / валиться в ноги. Валяться в ногах. Кланяться в ноги. Пустаться под ногами. Под ногами не валяются. Подняться на ноги.*

Вставить на ноги. С головы до ног. 5. Символизирует неожиданные или неблагоприятные изменения, неудачное или непривычное (необычное) положение дел. *Вставить с левой ноги. Встать не с той ноги. Перевернуть / поставить вверх ногами. Перевернуть / поставить с ног на голову. Выдвигать ногами кренделя. Открывать дверь ногой. Ни в зуб ногой. Нога за ногу.* 6. Символизирует качество жизни. *На холостяцкую ногу. На широкую ногу. На барскую ногу.* 7. Символизирует близость между людьми. *На приятельской ноге. На дружеской ноге. На короткой ноге.* 8. Символизирует препятствие, помеху. *Подставить ножку.* 9. Символизирует полноту, всеохватность, исчерпанность. *Связать по рукам и по ногам. Отбиваться руками и ногами. Вооружённый с ног до головы. Оторвать с руками и ногами. Держаться руками и ногами.* 10. Символизирует плохое обращение с человеком. *Вытирать ноги о кого-то. Поддать (дать) ногой.* 11. Символизирует человека, его характер. *Из ноги ломить. «Чего моя левая нога захочет»* (А.Н. Островский. Грех да беда на кого не живет). 12. Символизирует внешний облик человека. *Длинные ноги, кривые ноги, красивые ноги, стройные ноги. «О закрой свои бледные ноги!»* (В.Я. Брюсов. О закрой свои бледные ноги!). *«Ходит маленькая ножка, Вьется локон золотой»* (А.С. Пушкин. Город пышный, город бедный...).

Формирование символических значений определяется важностью для человеческого существования функции перемещения в пространстве. Эта функция интернационально осмысливается как признак полноценной жизни во всем ее разнообразии. Ряд символических значений связан с осознанием ноги как основного репрезентанта действий человека (наряду с рукой), причем, если у символа РУКА это в первую очередь трудовые действия, то символ НОГА связан с действиями в целом. Символические значения появляются, во-первых, как переосмысление физических движений и действий. Во-вторых, в них осознается движение в широком смысле: перемещение в пространстве, движение по жизненному пути, продвижение по лестнице успеха, карьеры, благосостояния и т. д. Конкретные символические значения появляются как разного рода характеристики подобных движений (и шире – действий), препятствий на пути и способов их преодоления. Символические значения этого культурного образа используются для характеристики человека, его физического и духовного бытия, положения дел, ситуаций.

Приведенные наблюдения, разумеется, представляют собой самый общий очерк символических значений избранных культурных образов. Эти значения получены «вслед за» паремиями и фразеологизмами

и нуждаются в дальнейшей научной обработке, включающей 1) систематизацию их иерархии, 2) уточнение дефиниционных параметров, 3) качественно-количественную корректировку с учетом более широкого круга текстов культуры.

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998.

Белова О.В., Толстая С.М. Кости // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 627-631.

Бирих А. Фольклор как источник русской фразеологии // Фольклорная фразеология: проблемы лингвокультурологического и лексикографического описания. Грайфсвальд; СПб.: ЛЕМА, 2018. С. 27-34.

Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: Аст-пресс книга, 2010.

Ковшова М.Л. Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры. М.: Гнозис, 2015.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. М.: ЛЕНАНД, 2019.

Теля В.Н. О методологических основаниях лингвокультурологии // Логика, методология, философия науки. М., Обнинск: Макс Пресс, 1995. С. 102-104.

D.A. Romanov (Tula, Russia)

Tula State L.N. Tolstoy Pedagogical University

ON SYMBOLIC UNITS BELONGING TO THE ANTHROPOMORPHIC CODE OF RUSSIAN CULTURE (materials for the dictionary project)

The study presents the symbolic meanings of nine anthropomorphic images of Russian culture identified on the basis of the plethora of Russian paroemias: *beard, belly, throat, chest, tooth, bone, blood, forehead, leg*. By methods of observation and analysis the main symbolization vectors of the named cultural images and the functional areas of their use are determined.

Key words: culture, language, cultural semantics, symbolic meanings, anthropomorphism, paroemias and phraseological units.

Г.Н. Скляревская (Санкт-Петербург, Россия)
Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена
gsklyarevskaya@mail.ru

**ЛЕКСИКОГРАФИЯ НА СЛУЖБЕ
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ:
ОПИСАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛЕКСИКИ
В СЛОВАРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА XXI ВЕКА¹**

В статье в качестве объекта лингвокультурологии рассмотрена лексика основных неправославных религий современной России по материалам Словаря русского языка XXI века, разрабатываемого в РГПУ им. А.И. Герцена под редакцией автора данной статьи.

Ключевые слова: лексикография, лингвокультурология, теолингвистика, русский язык, религиозная лексика.

Активный интерес лингвистики к языку религии пока что реализуется только в отношении православия. Православная лексика к настоящему моменту достаточно хорошо (хотя и несколько односторонне) изучена (о чем свидетельствует обширная литература), описана лексикографически в специальных словарях [Скляревская 2000, 2008, 2016] и, можно сказать, единодушно признана составляющей современного русского языка и объектом лингвокультурологии. Более того, в исследованиях обобщенные термины *религиозный язык* и *религиозный стиль* привязаны обычно именно к православию, как если бы в России не было других конфессий (см., например, [Купина, Матвеева 2013] и другие работы). Лексика, связанная с другими религиями современной России, представляет собой абсолютно новую, можно сказать, нетронутую область для исследователей, при том что она все более активно упоминается в СМИ, широко представлена в новейших вузовских учебниках [Мечковская 1998; Шахнович 2008] и уже стала достоянием толковой лексикографии, в частности, описана в Словаре русского языка XXI века (далее – Словарь).

Из списка довольно разнородных терминологических определений («богослужбная лексика», «сакральная лексика», «церковная лексика», «церковно-религиозная лексика», «религиозная лексика» и др.)

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00122.

мы, вслед за А.К. Гадамским, используем термин *религиозная лексика* как наиболее точно соответствующий сути этого феномена [Гадамский 2017: 215-217].

Религиозная лексика, именуя все сферы бытия – от имени Бога до предметов обихода, – имеет глобальный характер и наполняет современные культуры важнейшими для человечества категориями и отношениями (происхождение мира, отношения человека с Творцом, жизнь как биологический и как духовный феномен, смерть как атрибут жизни и т.д.).

Интерес к языку религий формируют три взаимосвязанные фундаментальные проблемы: язык и культура, язык и религия, религия и культура.

Взаимодействие языка и культуры обосновано и развито в рамках новой научной дисциплины лингвокультурологии, теоретическая база которой (постулаты, базисные понятия, ключевые характеристики, закономерности, методы и методологические принципы) была разработана В.Н. Телия. Лингвокультурология как «часть этнолингвистики, которая посвящена изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в их синхронном взаимодействии» [Телия 1996: 217], имеет вполне определенный объект, который «изучается на “перекрестке” двух фундаментальных наук: языкознания и культурологии» [Там же: 222]. На наших глазах возникает и другая, близкородственная лингвокультурологии, дисциплина – теолингвистика, которая формируется на стыке богословия, религиозной антропологии и лингвистики [Гадамский 2007, 2010, 2017; Постовалова 2012]. В рамках новой дисциплины исследуются религиозные концепты как культурные и филологические феномены [Постовалова 2013: 85].

Проблема «язык и религия», сформулированная и выдвинутая для исследования в конце прошлого века Н.Б. Мечковской, очень быстро завоевала научную популярность как одно из перспективных направлений культурологии: «потому что в религии и языке коренятся все начала человеческой культуры» [Мечковская 1998: 5].

Что касается соотношения «культура и религия», то оно базируется на утверждении, что сама культура имеет не только, по Г. Фроловскому, «божественный компонент», но и божественное происхождение. Здесь уместно привести ставшее хрестоматийным высказывание Н.А. Бердяева: «Культура связана с культом, она из религиозного культа развивается, она есть результат дифференциации культа, разворачивания его содержания в разные стороны. Философия, научное по-

знание, архитектура, живопись, скульптура, музыка, поэзия, мораль – все заключено органически целостно в церковном культе, в форме еще не развернутой и не дифференцированной. Древнейшая из культур – культура Египта началась в храме и первыми ее творцами были жрецы. Культура связана с культом предков, с преданием и традицией. Она полна священной символики, в ней даны знаки и подобию иной, духовной действительности» [Бердяев 1990: 66]. С этим положением как нельзя лучше соотносится идея В.Н. Телия о кодах культуры, наиболее сильными из которых она считает те, которые «зафиксированы как пре-скрипции в сакральных (религиозных) текстах» [Телия 1996: 219].

Обратимся к материалам Словаря. Словарные статьи религиозной лексики состоят из семи обязательных зон: вокабула (с вариантом, если таковой имеется), грамматическая характеристика, этимологическая справка, помета *Рел.*, комментарий, указывающий на конкретную конфессию, толкование и примеры употребления:

бодхисаттва и **бодхисатва**, *ы, м.* [< санскр. bodhi просветление, просветленный ум + sattva сущность]

Рел. В буддизме: наставник, достигший высшего совершенства и ведущий людей по пути внутреннего совершенствования и освобождения от земных страданий. *Культ бодхисаттв. Каждый б. верен идеалу альтруизма. Состояние бодхисатвы – ступень на пути достижения нирваны. Практика бодхисаттвы – превращение своих страданий в радость, а страданий других – в свои страдания.*

В многозначном слове структура каждого значения повторяется:

Тора, и **Тора**, *ы, ж.* [др.-евр. tōrāh учение, доктрина]

Рел. 1. Первые пять книг Священного Писания иудаизма, составляющие по своему содержанию и концепции единое целое; Пятикнижие. *Текст Торы был записан Моисеем со слов Всевышнего. Комментарии к Торе. Изучение Торы является одной из основ иудаизма. Годовой цикл чтения Торы в синагогах. Согласно традиции, в Торе 613 заповедей.*

2. Совокупность Божественных предписаний в Пятикнижии и всей Библии, традиционный закон иудаизма в целом. *Т. указывает человеку цель, к которой тот должен стремиться в своем духовном и физическом существовании в мире. Жить по Торе.*

3. = Сефер-Тора. *Папирусная, пергаментная Т. Уникальные Торы хранятся в фондах Государственной публичной библиотеки, музея Оксфорда.*

Помимо обязательных зон словарная статья может содержать факультативные зоны.

Зона правописания:

брахма́ны² [Б прописное или строчное] <...>

су́нна<...>

Рел. 1. [С прописное или строчное] В исламе: Священное Предание, повествующее о деяниях и словах пророка Мухаммада <...>

2. [С строчное] В исламе: правило, которое требуется исполнять постоянно, пропуская лишь в крайних случаях <...>

Зона устойчивых словосочетаний (за графическим знаком «треугольник» с толкованием, но без примеров):

ага́да <...>

Δ Пасхальная агада (описание последовательности домашней пасхальной службы, включающее повествование об исходе евреев из Египта, пасхальные истории, объяснения символов и обрядов пасхального застолья, песен, молитв и славословий).

Зона синонимов (в конце толкования за точкой с запятой):

та́лес <...>

Рел. В иудаизме: специальное молитвенное облачение в виде белой шерстяной шали с синими или черными полосами по краям; талит. *К каждому из четырех углов талеса прикреплены специальные кисти. За основу государственного флага Израиля взят т. Накинуть т. при входе в синагогу. Завернуться в т.*

Синоним разрабатывается на своем алфавитном месте посредством отсылки и подтверждается примерами:

тали́т <...>

Рел. = Талес. *Т. обычно делают из овечьей шерсти. С верхней стороны талита вытканы две полосы. Молящиеся надевают т. во время утренней молитвы и чтения Торы. В сефардских общинах т. надевают впервые после совершеннолетия.*

Если семантика слова в языке разных конфессий совпадает, эта информация обобщается в комментарии:

бире́тта <...> *Рел.* В католичестве и англиканстве: четырехугольный головной убор священника <...>

тантри́зм <...> *Рел.* В индуизме и буддизме: религиозно-философское учение <...>

Массив религиозной лексики в Словаре сформирован на базе наших источников, к которым относятся Электронный лексический фонд русского языка, созданный авторами специально для Словаря

и насчитывающий более 22 млн словоупотреблений, НКРЯ и материалы Интернета. Объем статьи заставляет ограничиться только перечнем лексических единиц, представленном в рубрикации, тематически отражающей ключевые понятия и категории каждой религии. В целях экономии места толкования не приводятся, за исключением случаев омонимии и полисемии: если омонимы или лексико-семантические варианты многозначного слова попадают в разные рубрики, приводится фрагмент толкования или обобщенное толкование.

- Наименование конфессий, деноминаций: *буддизм, индуизм, ислам, иудаизм, католицизм, католичество, мусульманство, протестантизм.*

- Именования Бога; божественные сущности: *Аллах (ислам); Будда (буддизм); аватара, Брахман, Вишну, Кришна, Тримурти, Шива (индуизм).*

- Основные понятия вероучения, догматика: *индугенция, филиокве, чистилище (католицизм); джанна, джаханнам, закят, шариат (ислам); галаха, геенна (иудаизм); бодхичитта, дхарма, карма, мокша 'слияние со всем сущим', нирвана, паранирвана, триратна (буддизм); Йога, карма, мокша 'освобождение от круговорота рождений и смерти', пракрити, прана, пуруша, реинкарнация, сансара (индуизм).*

- Священные книги, тексты; предания; богослужбные книги: *бrevиарий, вульгата, миссал (католицизм); Коран, Сунна 'Священное Предание', сура, хадис, Шахада (ислам); агада, Септуагинта, Сефер-Тора, сидур, Талмуд, Танах, Тора (иудаизм); тантра 'сборник индуистских текстов' (буддизм); брахманы², веданта 'совокупность текстов, завершающих Веды', Веды, смрити, сутра, тантра, упанишады, ирути (индуизм).*

- Религиозные законы, системы правил, документы: *бреве, булла, интердикт, энциклика (католицизм); кашрут, кошерный, ктуба, мишна (иудаизм); дхарма (индуизм).*

- Учения, направления, школы, религиозные системы: *адвентизм, англиканство, баптизм, кальвинизм, лютеранство, методизм (протестантизм); джафаризм, зейдизм, имамизм, исмаилизм, мазхаб, маликизм, суннизм, суфизм, ханафизм, ханбализм, ханифизм, хариджизм, шафиизм, шиизм (ислам); каббала, караизм, раввинизм, хасидизм (иудаизм); ваджраяна, гелуг-па, дзен, дзен-буддизм, кагью-па, ламаизм, махаяна, сакья-па, тантризм, тхеравада, хинаяна*

(буддизм); *брахманизм, вайшнавизм, веданта* ‘совокупность религиозно-философских школ’; *вишнуизм, кришнаизм, шайвизм, шиваизм* (индуизм).

• Последователи направлений, школ, религиозных систем: *адвентисты, англикане, баптисты, кальвинисты, лютеране, методисты* (протестантизм); *джафариты, зейдиты, имамиты, исмаилиты, маликиты, сунниты, суфии, ханафиты, ханбалиты, хариджиты, шафииты, шииты* (ислам); *караимы, хасиды* (иудаизм); *ламаисты, тантристы* (буддизм); *вайшnavы, вишнуиты, кришнаиты, шайвы, шиваиты* (индуизм).

• Священнослужители, лица, организующие духовную жизнь верующих, осуществляющие священнодействия или прислуживающие им; духовные наставники: *аббат, аббатиса, декан* ‘глава капитула’; *декан* ‘глава Коллегии кардиналов’; *каноник, кантор* ‘певчий, исполняющий соло’; *капеллан, капитул, кардинал, кустод, легат, нунций, Папа, понтифик, прелат, примас, приор, пробст* ‘настоятель кафедрального собора’ (католицизм); *кантор* ‘дирижер хора или органист’ (протестантизм); *алим, дервиш, имам, мулла, муфтий, муэдзин, мюрид, улем, факих, халиф* (ислам); *миньян, раввин, ребе, цадик* (иудаизм); *бодхисатва, гуру, далай-лама, тара* (буддизм).

• Религиозные организации, общины: *конгрегация, конклав, консистория* ‘совещание кардиналов’, *кустодия* ‘объединение монастырей’; *прелатура, приория, терциарий* (католицизм); *имамат, умма* (ислам); *сангха* (буддизм).

• *Культовые сооружения (храмы, молитвенные здания) и их части: исповедальня, капелла, киворий* ‘сень над престолом’; *костёл* (католицизм); *мечеть, минарет, минбар, михраб* (ислам); *синагога* (иудаизм); *дацан, хурул* (буддизм); *мандир* (индуизм).

• Религиозные праздники, установленные религией особые дни: *адвент* (католицизм); *Ид аль-мирадж, рамадан, Ураза-Байрам* (ислам); *бар-мицва, бат-мицва, Йом-Кипур, Песах, Пурим, Рош-ха-Шана, Ханука, Шабат* (иудаизм).

• Молитвы: *коллекта, литания, розарий* ‘молитва, читаемая по четкам’ (католицизм); *амида, кадиш, кидуш, шма* (иудаизм).

• Предметы богослужения, символы вероисповедания: *ампула, гостиарий, гостия, киворий* ‘священный сосуд’; *корпорал, кустодия* ‘богослужебный сосуд’; *монстрация, пасхал, патена, пурификатор, реликварий, розарий* ‘четки’; *табернакль* (католицизм); *мусалла*

(ислам); *мезуза, менора, миква, ханукия, хупа* „навес, под которым происходит обряд бракосочетания“, *шофар* (иудаизм); *мандала* (буддизм); *мандала* (индуизм).

- Священнические облачения и их части; символические предметы одежды верующих: *альба, биретта, казула, колоратка, скапулярий, стола, сутана* (католицизм); *изар, хиджаб, химара* (ислам); *кипа, талес, талит, тфилин, цицит* (иудаизм).

- Богослужения: *месса* (католицизм); *хутба* (ислам).

- Обряды, ритуалы; символические действия: *конфирмация сакраменталии* (католицизм); *суннат* (ислам); *гиюр, кабалистика, седер, хупа* „обряд бракосочетания“ (иудаизм); *мантра* (буддизм); *мантра, мокша* „священный танец“ (индуизм).

- Правила веры, требования религиозной жизни: *целибат* (католицизм); *джихад* „внутреннее самоусовершенствование“, *джихад* ‘война против иноверцев’, *кибла, намаз, саадака, салят, саум, сунна* ‘правило, которое требуется исполнять постоянно’, *умра, ураза, фидия, фикх, хадж* (ислам); *кошерный цдака* (иудаизм); *коан, мантра, смрити, тантра* (буддизм); *тантра* (индуизм).

- Религиозные учебные заведения: *медресе* (ислам); *ешива, хедер* (иудаизм).

В наши задачи не входил детальный анализ иноверческой и инославной лексики в современном русском языке, была лишь сделана попытка привлечь внимание лингвокультурологов (в первую очередь теолингвистов) к этому неисследованному и пока еще экзотическому материалу.

Литература

Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990.

Гадомский А.К. Религиозный язык или стиль: попытка систематизации терминологии теолингвистики // Ученые записки ТНУ им. В.И.Вернадского. 2006. Т. 19 (58), № 2. Филология. С. 186-193.

Гадомский А.К. Религиозный язык – теолингвистика – языкознание // Ученые записки ТНУ им. В.И.Вернадского. 2007. Т. 20 (59) 1. С. 287-293.

Гадомский А.К. Русская теолингвистика: история, основные направления исследований // Стил. № 9. Београд, 2010. С. 357-374.

Гадомский А.К. Теолингвистические исследования в славянском языкознании. Симферополь: Форма, 2017.

Купина Н.А., Матвеева Т.В. Стилистика современного русского языка: учебник для бакалавров. М.: Изд-во Юрайт, 2013.

Мечковская Н.Б. Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов. М.: ФАИР, 1998.

Постовалова В.И. Теолингвистика в современном гуманитарном познании: истоки, основные идеи и направления // «Magister Dixit». Научно-педагогический журнал Восточной Сибири. 2012. № 4 (12). С. 54-101.

Постовалова В.И. Символ и реальность в православном богослужении // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. статей. Вып. 46. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 83-103.

Скляревская Г.Н. Лексика современного русского православия: толково-энциклопедический словарь. СПб.: Контраст, 2016.

Скляревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. СПб.: Наука, 2000.

Скляревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. М.: Астрель, 2008.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Шахнович М.М. (ред.) Религиоведение: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2008.

G.N. Sklyarevskaya (St.-Petersburg, Russia)
Herzen State pedagogical University of Russia

**LEXICOGRAPHY FOR THE PURPOSES
OF LINGUACULTURAL STUDIES: DESCRIPTION
OF RELIGIOUS VOCABULARY IN THE RUSSIAN LANGUAGE
DICTIONARY OF THE 21ST CENTURY**

The paper deals with the vocabulary of major non-Orthodox religions in modern Russia as the object of linguacultural studies. The article is based on the materials of the Russian Language Dictionary of the 21st Century that is being compiled by the author's team at Herzen State Pedagogical University of Russia, St.-Petersburg.

Key words: lexicography, linguacultural studies, theolinguistics, the Russian language, religious lexicon.

VIII. ВОПРОСЫ ВАРИАТИВНОСТИ И ВОСПРОИЗВОДИМОСТИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

М.М. Вознесенская (Москва, Россия)
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
voznesh-masha@yandex.com

СКАЗКА О ЗОЛУШКЕ: МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ИМЕНИ¹

В статье анализируется употребление precedentного имени *Золушка* в современном русском языке. Описывается метафорическая модель ЗОЛУШКА: признаки, ситуации, относящиеся к области источника, и результаты семантических преобразований в области цели. Делается вывод о высоком метафорическом потенциале precedentного имени *Золушка*, у которого выделяются два значения, характеризующие его современное употребление.

Ключевые слова: precedentное имя, *Золушка*, значение, метафора, метафорическая модель.

Полы подметены, на скатерти – ни крошки,
Как детский поцелуй, спокойно дышит стих,
И Золушка бежит – во дни удач на дрожках,
А сдан последний грош, – и на своих двоих.

Борис Пастернак «Пирры»

В научном наследии В.Н. Телия одно из центральных мест занимают работы, посвященные проблемам языковой номинации (прямой и косвенной), коннотативным и лингвокультурологическим аспектам семантики языковых единиц [Телия 1981, 1986, 1996]. Именно поэтому предметом рассмотрения в настоящей статье являются precedentные имена (ПИ) – культурно «нагруженные» языковые единицы, с одной

---

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 19-012-00396.

стороны, как имена собственные, представляющие собой номинацию «в чистом виде», а с другой стороны, могущие выступать как знаки вторичной, косвенной, номинации.

Состав ПИ, как и всех онимов, чрезвычайно разнообразен. Это могут быть антропонимы, топонимы, зоонимы, теонимы, мифонимы, литературные онимы и т.п. Как и другие прецедентные феномены (ПФ) – прецедентные тексты (ПТ), прецедентные ситуации (ПС) и прецедентные высказывания (ПВ), ПИ различаются по степени известности среди носителей языка. Принято выделять следующие уровни прецедентности: социумно-прецедентный (в масштабах группы), национально-прецедентный (в масштабах одного лингвокультурного сообщества) и универсально-прецедентный (в масштабах всего человечества) [Гудков 1999: 96; Красных 2002: 50-58]. ПИ могут выступать в своей первичной функции, индивидуализируя и идентифицируя именуемый объект, а также подвергаться процессу апеллиативации, в своем пределе приводящему к переходу ПИ в разряд имен нарицательных с их фиксацией в толковых словарях. При апеллиативации ПИ испытывают разнообразные семантические трансформации, происходит актуализация различных дифференциальных, коннотативных, ассоциативных признаков, присущих ПИ и стоящим за ними ПТ и ПС, в результате чего они приобретают вторичное, переносное значение (иногда несколько) и начинают выступать в роли стереотипов, символов, характеризующих определенные свойства, качества, ситуации. Встречаясь в составе фразеологических единиц, ПИ «оттачивают» эти новые культурные смыслы [Ковшова 2019: 246-277]. Набор признаков, лежащих в основе образного переосмысления ПИ, может различаться в разных национально-лингво-культурных сообществах, меняться с течением времени в рамках одного языка, а также зависеть от возраста и лингвокультурной компетенции представителя того или иного национально-лингво-культурного сообщества. [Красных 2002: 89-90; Попадинец 2006].

Рассмотрим основные вопросы, связанные со структурой и функционированием ПИ, на материале одного ПИ *Золушка*, отсылающего к широко известной европейской сказке, в основе которой лежит «бродячий сюжет», рефлекс которого исследователи находят даже в древнеегипетских преданиях [Михельсон 1896-1912]. Европейскому читателю известны две основные версии сказки. Это пересказ сказки Шарлем Перро в сборнике «Сказки матушки гусыни, или Истории и сказки былых времен с поучениями», впервые изданном в 1697 году,

и вариант братьев Гримм в их сборнике «Детские и семейные сказки», изданном в 1812 г. На русский язык сказка Шарля Перро была впервые переведена в 1768 г. Львом Воиновым, в дальнейшем было осуществлено еще множество переводов. Интересно, что перевод имени заглавной героини претерпел при этом метаморфозы (почти сказочные); см. более подробно [Власов 2015]. Отметим только, что в XIX в. в русском языке использовалось прямое заимствование из французского *Сандрильон(a)*, а к началу XX в. героиня сказки «обрусела» и стала *Золушкой*. *Золушка* – калька с французского; своей прозрачной внутренней формой имя отсылает к *золе*, как отсылают и «европейские сестры» данного имени – франц. *Cendrillon*, исп. *Cenicienta*, итал. *Cenerentola*, нем. *Aschenbrödel* или *Aschenputtel*, англ. *Cinderella*. Таким образом, ПИ *Золушка* употребляется в русском языке с начала XX в., до этого оно существовало в варианте *Сандрильон(a)*. В последующем мы будем использовать примеры употребления обоих вариантов. В русском языке ПИ *Золушка* отсылает к сказочному сюжету в версии Шарля Перро, также в русском языковом сознании присутствует апелляция к известному кинофильму «Золушка» (1947), снятому по сценарию Е. Шварца, созданному по мотивам сказки Шарля Перро.

ПИ *Золушка* достаточно давно фиксируется в словарях русского языка (как толковых, так и в словарях крылатых слов), что свидетельствует об апеллировании этого имени и превращении его в имя нарицательное, обладающее переносным значением на основе семантического переосмысления [Михельсон 1896-1912; Ушаков 1994; Ашукин, Ашукина 1955; Кузнецов 2000; Берков, Мокиенко и др. 2005; Шведова 2007]. Метафорически переосмыслиется такое качество Золушки, как ее трудолюбие (‘трудолюбивая, выполняющая большую работу’ [Кузнецов 2000: 370], ‘выполняющая всю черную домашнюю работу’ [Ашукин, Ашукина 1955: 214]). Также в словарных дефинициях получает отражение такой признак ПТ и ПС, к которым отсылает ПИ *Золушка*, как пренебрежительное, несправедливое отношение к героине со стороны мачехи и сводных сестер (‘в пренебрежении содержимая, в черном теле’ [Михельсон 1896-1912]; ‘содержимая родителями хуже прочих сестер и притесняемая ими’ [Ушаков 1994: 1115]). Словарные толкования ПИ *Золушка* в указанных словарях демонстрируют тенденцию к усилению абстрактности (сужению интенционала) и тем самым расширению экстенционала обозначаемого понятия. Так, если в словарях Михельсона и Ашукиных говорится о ‘девушке’, в словаре Ушакова

о нелюбимой дочери’, то в словаре Кузнецова уже содержится уточнение обычно о девушке’, а в словаре Шведовой и в «Большом словаре крылатых слов русского языка» указание на женский пол определяемого субъекта отсутствует: Тот, кого не любят, постоянно незаслуженно обижают’ [Шведова 2007: 282]; Об угнетаемом, презираемом и обижаемом человеке’ [Берков, Мокиенко и др. 2005: 188-189]. В «Большом словаре крылатых слов русского языка» у ПИ *Золушка* выделяется и второе значение: О явлениях, предметах, государствах, видах искусства, производствах и т.д. недооцениваемых, притесняемых’ [Там же]. Данное значение образовано путем семантической деривации цепочечного типа от первого значения на основании изменения таксономического класса определяемых субъектов.

Таким образом, в словарях русского языка на сегодняшний день ПИ *Золушка* имеет одно значение (если не разделять одуш. и неодуш. субъекты), которое в самом общем виде (на основе всех словарных толкований) можно представить как О ком-л./чем-л. незаслуженно недооцененном, притесняемом, обижаемом’. Это значение *Золушки* присутствует в русском языке на протяжении двух веков – с XIX в. (когда, как уже указывалось выше, употреблялся вариант *Сандрильона*) по первые десятилетия XXI в. [НКРЯ]: *Мать приказывала, а дочка отменяла приказание, не для того, что считала свое распоряжение лучшим, а для того, чтобы поставить на своем. Чего не терпели от нее две **Сандрильоны**, ее меньшие сестры! Покупка и выбор для них материй на платья, покрой этих платьев, прическа, выезды, даже рукоделья, все что могло радовать и утешать этих бедных жертв, зависело от домашнего властелина, все получалось от каприза или великодушия его. Сестры не могли любить Лукерью Павловну, но боялись ее и льстили ей из надежды щедрых ее милостей.* (И.И. Лажечников. Беленькие, черненькие и серенькие); *Кроме этих трех личностей, в семье была еще младшая дочь и два сына. Младшая дочь скорее на новорожденного галчонка, чем на канарейку (так ее и по имени звали: Галочка (Галина), а старшую дочь звали Прозерпиночкой) похожа была, и потому домашние смотрели на нее, как на **Сандрильону**. Но она была девушка добрая, преданная семье и бодрая, и, несмотря на то, что ею, как горничной, помыкали и каждым куском попрекали, горячо любила и родителей, и сестру, и братьев.* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Чижиково горе); *Игра проходит в два тайма по 35 минут каждый с десятиминутным перерывом между ними. Долгое время хоккей на*

траве являлся в нашей стране *золушкой*. А ведь это один из самых старых олимпийских видов спорта, мужской хоккей входит в программу Олимпийских игр вот уже целое столетие, начиная с 1908 г. («Зеркало мира», 2012).

Вместе с этим употребление ПИ *Золушка* в современном русском языке демонстрирует гораздо большее разнообразие семантических переосмыслений. Метафорический потенциал этого ПИ определяется разнообразными признаками, которые в «свернутом» виде содержатся в нем, отсылая к ПТ – сказке «Золушка», к ПС, связанным с основными персонажами и событиями сюжета, а также к дифференциальным признакам и атрибутам как самой Золушки, так и других действующих лиц сказки. Можно говорить о том, что в современном русском языке присутствует метафорическая модель (М-модель) ЗОЛУШКА, разнообразно реализованная и активно функционирующая. М-модель ЗОЛУШКА представляет собой пересечение двух М-моделей – М-модели ЛИТЕРАТУРА и М-модели ДЕТСТВО, являясь частным случаем проявления обеих М-моделей [Баранов 2014; Вознесенская 2016]. Область источника этой М-модели удобно представить в виде фрейма, слоты которого содержат отсылки к субъектам, объектам, ситуациям ПТ «Золушка». Далее для описания М-модели ЗОЛУШКА приводится таблица, в левом столбце которой содержатся названия частей-слотов фрейма ЗОЛУШКА, а справа помещены иллюстративные контексты употребления ПИ *Золушка*, в которых реализовано метафорическое переосмысление соответствующих частей фрейма области источника.

Фрейм-источник ЗОЛУШКА	Иллюстративные контексты употребления
Золушка трудолюбивая, безответная, невзрачная, плохо одетая, притесняемая, угнетаемая	<i>Пришлось скрепя сердце передать роль моей сестре З.С. Алексеевой (Соколовой). Она была у нас на положении Золушки, которой поручалась только черная работа, то есть она готовила костюмы, монтировку, декорации, она выпускала актеров на сцену, но в качестве артистки появлялась лишь в самых экстренных случаях, и то в небольших ролях. (К.С. Станиславский. Моя жизнь в искусстве); Однако книжка – двоюродная сестра «Охранной грамоты» и «Шума времени» должна возникнуть. Боюсь, что по сравнению со своими роскошными кузинами она будет казаться замарашкой, простушкой, золушкой и т.д. (А.А. Ахматова. Автобиографическая проза)</i>

VIII. Вопросы вариативности и воспроизводимости языковых единиц

Фрейм-источник ЗОЛУШКА	Иллюстративные контексты употребления
Злые мачеха и сводные сестры	<i>Все это время Зура выполняла прихоти своей «хозяйки» Айке: обстирывала всю семью, готовила, сидела с ее детьми. Соотечественница обращалась с Зурой, как мачеха с Золушкой.</i> («Комсомольская правда», 2010.05.25)
Фея-помощница, чудесные превращения: красивое платье, хрустальные туфельки; тыква, мыши, крыса, карета, лошади, кучер	<i>В Мюнхенбурге сохранилась коллекция подлинных дворцовых экипажей. Карета Людвига II выглядит среди них так, словно ее создала та же добрая волшебница, что помогла Золушке отправиться на бал.</i> (В.В. Овчинников. Своими глазами); <i>Девочка попросила у премьер-министра в подарок на Новый год «платье, как у Золушки». В ответ Путин пригласил Дашу, ее сестру-восьмиклассницу и бабушку в Москву.</i> («Комсомольская правда», 2008.12.06); <i>Ну или фею-крестницу, которая взмахнет волшебной палочкой и обещает нам хрустальные туфельки от Маноло Бланик, гардероб платьев и принца на белом «Феррари». И хотя нынешние золушки уже давно научились сами зарабатывать и на дорогую обувь, и на не менее дорогие авто, спрос на фей-крестных по-прежнему велик. Принцев-то всем хочется!</i> («Комсомольская правда», 2013.03.28)
Бал во дворце, прекрасная незнакомка, принц	<i>Яна вошла. Ей стало странно и страшно, будто Золушке, попавшей во дворец.</i> (Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен); <i>«Если Золушка не нашла своего принца, она продолжает работать». Когда-то придет и ваш бал.</i> («Огонек». № 1 (3311), 1991)
12 часов ночи, побег с бала, потеря туфельки	<i>– Я хотела поговорить с тобой, – выпалила Варвара, понимая, что сказка кончается, скоро начнут бить часы на городской башне, карета превратится в тыкву, а кучер в крысу. Золушка осталась Золушкой, так и не побывав принцессой.</i> (Татьяна Устинова. Подруга особого назначения); <i>Но мы исчезали столь же внезапно, как появлялись. Ибо, подобно Золушке, должны были вернуться к 23.45, то есть быть в училище за четверть часа до полуночи.</i> (В.В. Овчинников. Калейдоскоп жизни); <i>По дороге на сцену Ирада Зейналова, подобно Золушке, теряет обувь и выскакивает на сцену босиком.</i> («Труд», 2006.11.30)

Фрейм-источник ЗОЛУШКА	Иллюстративные контексты употребления
<p>Примерка туфельки, маленькая ножка Золушки. Счастливое завершение – свадьба с принцем</p>	<p>«Чье это? Кто-то потерял туфлю. Кто ее потерял? Кто у нас тут Золушка? Ну точно, ее Золушка потеряла. Ладно, я ее возьму с собой, а потом будем применять», – говорит улыбающийся президент Грузии, показывая туфлю всем окружающим. («Новый регион 2», 2009.09.15); Еще несколько лет назад она преспокойно работала официанткой в популярном парижском ресторане, куда случайно заглянул Клуни. Дальше – все как в сказке о Золушке: принц пригласил ее на бал и буквально на следующем свидании поинтересовался, не переедет ли она к нему в Голливуд. Разве может Золушка отказать принцу? («Здоровье», 1999.03.15); Ее жизнь здорово напоминала ту самую сказку о Золушке. Только начинало ей казаться, что все плохо, безысходно, как происходило что-то неожиданное, заставляющее поверить в свою счастливую звезду. («Труд», 2006.12.23); История Эльвиры чем-то напоминает историю «нижегородской Золушки» Натальи Водяновой, которая сумела потеснить самых именитых моделей. (Комсомольская правда, 2008.02.16); Мы не чужие на этом празднике жизни. Наша «золушка-сборная» заставила восторгаться собой всю Европу. («Советский спорт», 2008.06.27)</p>

Наибольшее количество примеров (помимо уже обсуждавшегося выше значения ПИ *Золушка*, относящегося к переосмыслению комплекса признаков первого слота фрейма) апеллирует к счастливому финалу сказки, чудесному превращению Золушки в принцессу. Регулярность и частотность этого метафорического переосмысления в современном русском языке позволяет выделить у ПИ *Золушка* еще одно значение: О ком-л./чем-л., с которым неожиданно произошли кардинальные изменения к лучшему (в жизни, карьере, социальном статусе, функционировании, внешнем виде и т.п.)⁶, находящееся с первым значением в отношениях энантиосемии. По данным НКРЯ, появление этого значения у ПИ *Золушка* приходится на вторую половину XX в. Наиболее типично для ПИ *Золушка* в этом значении употребление в таких словосочетаниях, как *сказка о Золушке*, *история Золушки*, *тема Золушки*. Также *Золушка* часто используется с определениями типа *современная Золушка*, *Золушка XXI века*, *датская Золушка* и др. Мож-

но предположить, что в процессе формирования находятся еще два новых значения. Одно основано на маленьком размере ноги Золушки (ср. французскую идиому *pied de Cendrillon*, букв. «нога Золушки»), другое отсылает к ПС, связанной с необходимостью покинуть бал к определенному времени.

Дополнительным доказательством того, что описанные разнообразные метафорические переосмысления ПИ *Золушка* присутствуют в когнитивной базе русского национального сознания, являются случаи трансонимизации ПИ *Золушка*, а именно – использование его при назывании различных организаций, учреждений, артефактов. Это многочисленные клининговые агентства, чистящие средства, свадебные салоны, брачные агентства, обувные магазины, модели обуви, косметические маски, имеющие название «Золушка». [НКРЯ]: *Старательно загладив посуду остатками жареной свинины, мы поставили ее на огонь – до тех пор, пока носы не учуяли запаха палененького. Бороться решили пятью средствами: Fairy, «Санлайт», «Прилл», «Капля Сорти» и «Золушка». Разлив жидкости по посудинам, добавили холодной воды и оставили на час. Затем взялись за губки.* («Комсомольская правда», 2002.07.25); *По части же новинок моды всех забила малоизвестная актриса, которую создатель туфель «Золушка» кутюрье Стюарт Вейцман выпустил на красный ковер с ансамблем туфли-сумочка стоимостью почти полтора миллиона долларов – и то, и другое сделано было из платины.* («Труд», 2002.03.26).

В заключение кратко остановимся на маркерах апелляции. О том, что ПИ *Золушка* переходит в разряд нарицательных существительных, свидетельствует его употребление во множественном числе, написание со строчной буквы и способность характеризовать субъекты, выраженные существительными как женского, так и мужского рода: – *Пошли, кошка, – сказал я, – кофе пить. Ты, рожка, позавтракала, а я стираю целое утро, как золушка...* (Александр Кабаков. Последний герой); *Но, увы, не всем удастся уберечь свои романтические надежды от краха. Не всем суждено родиться Золушками.* (Андрей Ростовский. По законам волчьей стаи).

Таким образом, мы рассмотрели функционирование ПИ *Золушка* в современном русском языке. Было показано, что метафорический потенциал ПИ *Золушка* – разнообразные признаки, присущие этому ПИ, формируют М-модель ЗОЛУШКА, активно представленную в русском языке, характеризующуюся сигнификативным (признаки, относящиеся к области источника М-модели) и денотативным (результатом)

таты метафорических переосмыслений, отраженные в области цели М-модели) разнообразием. На основе наиболее регулярных семантических преобразований у ПИ *Золушка* в современном русском языке выделяется два значения. Представляется, что дальнейшее развитие рассматриваемой М-модели способно привести к формированию у ПИ *Золушка* новых значений. Также полученные результаты могут быть использованы при сравнительно-сопоставительном изучении функционирования этого ПИ в других европейских языках, позволяя выделить в нем как универсальные признаки (присутствующие во всех языках и, соответственно, в когнитивных базах носителей этих языков), так и национально-специфические характеристики, относящиеся к осмыслению мира представителями того или иного национально-лингвокультурного сообщества.

Литература

Аишукин Н.С., Аишукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. М.: Государственное издательство художественной литературы. 1955.

Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М.: АСТ: Астрель: Русские словари, 2005.

Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.

Власов С.В. От «Корчаги» до «Золушки» (история переводов названия сказки Ш. Перро «Cendrillon») // XLIV Международная филологическая научная конференция, Санкт-Петербург, 10-15 марта 2015 г.: тезисы докладов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. С. 699-700.

Вознесенская М.М. Метафора детства в русской фразеологии // Prostor in čas v frazeologiji, – 1. izd. – Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, 2016. S. 87-101.

Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: Изд-во МГУ, 1999.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. М.: ЛЕНАНД, 2019.

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. ИТДГК «Гнозис», 2002.

Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1-2. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). СПб.: Тип. Ак. наук, 1896-1912. URL: <https://rus-michelson-tolk-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 31.03.2020).

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 31.03.2020).

Перро Шарль. Золушка, или Хрустальная туфелька // Сказки зарубежных писателей. М.: Правда, 1986. С. 36-44.

Попадинец Р.В. Прецедентные имена в сознании носителя современного русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2006.

Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М.: Наука, 1981.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Русские словари, 1994. Т. 1.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007.

M.M. Voznesenskaya (Moscow, Russia)

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences

THE TALE OF ZOLUSHKA (CINDERELLA): METAPHORIC POTENTIAL OF A PRECEDENT NAME

The paper analyzes the usage of the precedent name *Zolushka* (Cinderella) in modern Russian. The metaphoric model of ZOLUSHKA is described, namely features, situations related to the source domain, and the results of semantic transformations in the target domain. The article concludes that the precedent name *Zolushka*,

the modern use of which is characterized by two meanings, has a high metaphoric potential.

Key words: precedent name, *Zolushka* (Cinderella), meaning, metaphor, metaphoric model.

Д.Б. Гудков (Москва, Россия)

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

dmi-gudkov@rambler.ru

ВОСПРОИЗВОДИМЫЕ ЕДИНИЦЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Речь в работе идет о регулярно повторяющихся дискурсивных единицах, обладающих идиоматичностью значения и связанных с культурной памятью языкового коллектива. Особое внимание уделяется прецедентным феноменам разного типа и фразеологизмам. Рассматривается связь этих единиц с кодами русской культуры.

Ключевые слова: воспроизводимость, фразеология, прецедентный феномен, культурная память, культурный код.

Воспроизводимость – «это следствие инкорпорации в формах естественного языка таких сущностей, знаковый смысл которых принадлежит культуре и ее «языку», оставляя свой след в культурной коннотации языковых знаков» [Телия 2005: 5].

Мы говорим о воспроизводимости, сталкиваясь с единицами курса, которые, помимо регулярной повторяемости, обладают еще и идиоматичностью значения, т.е. при их употреблении то, что говорится, и то, что имеется в виду, не совпадают. Традиционно к таким единицам причислялись фразеологизмы в «узком смысле» [Ожегов 1957], различного рода паремии и прецедентные феномены различных типов [Телия 2005: 11]. Хотелось бы коснуться динамики в изменении функционирования этих единиц в настоящее время.

Остановимся коротко на таком относительно новом явлении современной речи, как мемы. Ограничимся при этом интернет-мемами, т.к. именно они составляют большинство интересующих нас единиц. Мы сразу же сталкиваемся со сложностью их четкого и непротиворечивого определения. Среди характерных черт могут быть выделены: воспроизводимость, идиоматичность, широкая распространенность

и безусловная кратковременность. Мемы посвящены самым актуальным событиям и мгновенно «умирают», как только эта актуальность теряется, уступая место другим, обладающим аналогичными характеристиками. Подавляющее их большинство являются поликодовыми, многие интертекстуальны, почти все оказываются вовлечены в семиотическую игру, направленную на создание комического эффекта. Рассмотрим пример, который взят из курсовой работы Е.С. Куракиной «Интернет-мем как новая форма сетевой коммуникации», защищенной на кафедре общей теории словесности в МГУ им. М.В. Ломоносова в 2019 г. [Куракина].

В приведенном примере мы видим отсыл к прецедентному феномену. Но, видимо, для поколения старше 50 лет необходим соответствующий комментарий. В его основу «положено высмеивание фразы, произнесенной героиней телепередачи Первого канала «Пусть говорят», вышедшей в декабре 2016 года. Выпуск этой телепередачи быстро собрал рекордное количество просмотров в интернете и побил все рейтинги на телевидении (в сумме с Дианой Шурыгиной вышло 5 эфиров передачи) в силу скандальности и спорности обсуждаемого ведущим и участниками программы. На тот момент каждый день в течение нескольких недель появлялось множество мемов с участием героини телепередачи, мгновенно ставшей интернет-знаменитостью. (...) Одной из самых известных фраз, произнесенных девушкой, стала «На доньшке», когда героиня описывала количество выпитого ею на вечеринке. (...) Большинство зрителей и пользователей интернета не поверили, что Дианой Шурыгиной выпито было «на доньшке», предполагая, что в действительности девушке было налито гораздо больше. (...)

Актуальность интернет-мемов заключалась не столько в содержании, сколько в самом факте упоминания скандально-известной личности и произнесенной ею фразы» [Куракина]. В примере наглядно видны поликодовость, интертекстуальность, злободневность, семиотическая игра. Очевидна и кратковременность существования мемов.

Интернет-мемы свидетельствуют о важной тенденции. Речь идет о складывающихся социальных разрывах, определенном разрушении социальности, которую можно наблюдать в самых разных формах. В-первых, как никогда глубок генерационный разлом. Безусловно, непонимание друг друга «отцами» и «детьми» – проблема, существующая уже не одно тысячелетие, но сегодня она стоит особенно остро. Поколения «50-летних» и «20-летних» (обозначения условные) разделяют две революции: социальная и коммуникативная, приведшие к серьезнейшим когнитивным и культурным изменениям. Мы присоединяемся к мнению тех, кто считает, что человечество переживает пятую коммуникативную революцию, которая приведет к глобальной перестройке всей жизни. Линейно-текстовое мышление все активнее замещается иными ментальными способами восприятия и создания текстов (в широком понимании последних). Различные поколения по-разному работают с информацией, используют разные коммуникативные потоки.

Во-вторых, резко меняют как форму, так и содержание общественные связи, все больше расшатывается то, что может быть названо «навязанной социальностью», т.е. невольное объединение индивида с теми, кого он практически лишен возможности выбирать: школьный класс, курс в вузе, рабочий коллектив, жители одного поселка и т.п. В данных случаях неизбежно складываются социальные и, соответственно, коммуникативные связи, общиe пресуппозиции. С переходом на дистанционные работу и образование реальное общение заменяется виртуальным, индивид взаимодействует не с миром, а с отражением этого мира в социальных сетях, объединяясь с другими в относительно небольшие группы, зачастую сектантского типа. Общациональная когнитивная база почти не задействуется, что ведет к ее заметному сужению.

Конечно, это тема для отдельного разговора, мы рассматриваем лишь аспект, имеющий непосредственное отношение к воспроизводимости, т.е. регулярно повторяющемуся обмену уже знакомой культурной информацией между представителями одного лингво-культурного сообщества.

Сужение когнитивной базы наглядно видно и на примере функционирования таких важных ее составляющих, как прецедентные феномены. Мы уже писали об этой проблеме (см.: [Гудков, Рассказов 2010]) и можем заметить, что за прошедшее десятилетие все активнее развивается тенденция по переходу прецедентных феноменов, до недавнего времени обладавших статусом национально-прецедентных, в разряд социумно-прецедентных, генерационный разрыв увеличивается, кажущееся «само собой разумеющимся» старшему поколению незнакомо молодым. Примеры этого можно наблюдать повсюду. Интересно, скажем, обратиться к такой речевой единице, как никнейм (имя, используемое тем или иным лицом при общении в Интернете). Никнеймы весьма разнообразны, мы не касаемся вопроса об их возможных классификациях, обратимся лишь к тем, которые обладают прецедентностью того или иного типа. Здесь легко заметить доминацию имен, восходящих к голливудской продукции (некоторые из них имеют и литературный источник, но известность они получили прежде всего благодаря кино): *Дарт Вейдер, Чубака, Нео, Фродо, Гэндальф, Гермиона, Волдеморт* и т.п. Встречающиеся на этом фоне *Чапаев* или *Полиграф Полиграфович* выглядят исключениями.

Приведем один из многих (правда, весьма яркий) случай из собственной практики. На занятиях с магистрантами филологического факультета МГУ было предложено провести семиотический анализ демотиватора с изображением крейсера «Аврора». Ровно половина слушателей не знали, какой корабль был на нем изображен. Когда им было сказано, что это крейсер «Аврора», одна студентка сказала, что знает такую песню. На вопрос о том, чем же известен этот крейсер, что о нем поют песни, она ответить не смогла.

Мы хорошо понимаем, что данные примеры (а привести можно много больше) доказательствами в строгом смысле не являются, но об указанной тенденции они свидетельствуют, на наш взгляд, достаточно убедительно.

В наименьшей степени изменения коснулись фразеологического и паремиологического фондов языка. Кое-что меняется, конечно, и в этой области. Одни единицы теряют свою актуальность, становятся мало прозрачными для современных представителей русского лингвокультурного сообщества. Соответственно, они либо перестают употребляться, либо изменяют свою семантику (см., например, судьбу таких единиц, как *семи пядей во лбу* и *медный лоб*) [Полный словарь си-

нонимов русского языка]. Но в этом нет ничего нового, подобные процессы характерны для языка, наверное, на большинстве этапов его существования. С осторожностью можно предположить, что в последнее время активизировалось появление новых фразеологизмов в таком социолекте, как сленг. Эти единицы весьма активно функционируют в речи современных носителей языка. Из многочисленных примеров ограничимся двумя; иллюстрации приводятся по корпусу примеров автора статьи.

С ДУБА РУХНУТЬ – обезуметь, сказать или сделать что-л. в высшей степени неуместное, нелепое, глупое.

Ольга, чуть смущаясь, но не отрывая язык от пустой тарелки, проговорила: «Ну, если мне вкусно», а потом добавила: «Я блокадница». И если вид вылизывающей грязную тарелку Бузовой подписчиков не особо смутил, то сравнение с блокадницей их очень возмутило. – Совсем что ли **с дуба рухнула**? Ничего святого. Приравняла себя к ленинградцам военных лет, – вскипела одна из подписчиц девушки (Комсомольская правда, 2019). Президент Украины заявил: «Польша и польский народ первыми почувствовали на себе сговор тоталитарных режимов. Это привело к началу Второй мировой войны и позволило запустить смертоносный маховик Холокоста». То есть, он вину за Холокост, походя, на СССР повесил. Порошенко сейчас смотрит телек, разинув рот: «А шо, так можно было?» Что-то Зеленский совсем **с дуба рухнул** (Махпарк, 2020). Глава Кремля напомнил, что МРОТ в России составляет 11 тысяч рублей. «Чтобы получить эту справку, человек ползарплаты должен отдать? Чушь какая-то!» – возмутился глава государства. Путин удивился, что авторы такого решения согласовали все инстанции в правительстве. «Минтруд хотя бы должен был посмотреть, что это такое? **Как с дуба рухнули!**» – заявил Путин (ЦарьградТВ, 2019).

ПО ПОЯС ДЕРЕВЯННЫЙ (-АЯ, -ЫЕ) – тупой (-ая, -ые), очень глупый (-ая, -ые).

Но Пашка с первых дней, усердия и талантов в работе не проявлял. И как это помягче сказать? Был слегка туповатым. За что получил в цехе прозвище «**По пояс деревянный**». Максим Степанович, видя интеллектуальные способности Пашки, на ответственные участки его не посылал (С. Тутубалин. По пояс деревянный, 2015). – Да, хреново, если в этой конторе и все остальные такие же, как ты, **по пояс деревянные**. Тупоголовые, я хотел сказать! (А. Тамонников. Боевой рас-

чет, 2017). Она тут сидит... глазами своими хлопает... Я смотрю на нее, хочу разглядеть что-то... нет, по **пояс деревянная**. Пока молчала еще ничего, но начала вопросы свои задавать, я понял – она вся деревянная (А. Шевченко. Откровение А4, 2017).

При всей новизне эти единицы несут традиционные для русского сообщества культурные смыслы.

Дуб в одном из своих значений выступает как воплощение дерева как такового, оказывается «самым настоящим из всех деревьев». В русской мифопоэтической картине мира он исполняет роль *arbor mundi*, связывает земное (мирское, обыденное) с небесным (сакральным, магическим), ср.: «У Лукоморья дуб зеленый...»; дуб в «Выхожу один я на дорогу...» и др. В акциональном коде резкое падение символизирует крах, неудачу, позор (*катиться под гору, ударить в грязь лицом*), реализуя архетипическую оппозицию «верх – низ». *Деревянное* как нечто статичное, неподвижное, не способное к развитию противопоставляется живому, динамичному, соответственно, с деревянным связывается представление о глупости, интеллектуальной неполноценности (см. у В.И. Даля: *деревянная башка, болван* – в первоначальном значении *обрубков бревна*. Возможно, связано с противопоставлением истинного Бога деревянным языческим идолам, истуканам, болванам) [Даль].

Неизменными и общими для всех представителей русского (в нашем случае) лингво-культурного сообщества остаются коды культуры, т.е. «те источники окультуренного мировидения (живые существа, артефакты, ментефакты), которые явились предметами культурного осмысления и оценивания в контексте культуры и которые служат своего рода обозначаемыми собственно культурных знаков, которые и лежат в основе тропеического осмысления языковых сущностей, представляя собой подоснову культурной интерпретации явленного в языковой оболочке языкового образа» [Телия 2005: 38].

Наиболее полно и ярко единицы этих кодов являют себя во фразеологизмах и поговорках, имеющих образно-метафорическую основу. Семантика культурных кодов базируется на архетипических оппозициях «свет – тьма», «право – лево», «жизнь – смерть» и др. Это обуславливает их постоянные актуализации во вновь появляющихся воспроизводимых единицах динамично развивающегося языка. Сказанное позволяет сделать следующий основной вывод: несмотря на существ-

венные изменения на поверхностном уровне, глубинный уровень окультуренного мировидения остается неизменным.

Литература

Гудков Д.Б., Рассказов А.С. Динамика русского лингво-культурного пространства (на примере прецедентного имени) // Язык, сознание, коммуникация: сборник научных статей, посвященных памяти Ю.А. Сорокина. Вып. 40. М.: МАКСПресс, 2010. С. 61-67.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://www.slovardalja.net>

Куракина Е.С. Интернет-мем как новая форма сетевой коммуникации (рукопись). URL: <https://istina.msu.ru/diplomas/coursework/124843472/>

Ожегов С.И. О структуре фразеологии (в связи с проектом фразеологического словаря русского языка) // Лексикографический сборник. Вып. II. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1957.

Полный словарь синонимов русского языка. URL: <https://словарь-синонимов.рф>.

Теля В.Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 30. М.: МАКС-Пресс, 2005. С. 4-42.

***D.B. Gudkov** (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University*

REPRODUCIBLE UNITS IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

This paper deals with regularly repeated speech units that have idiomatic meaning and are associated with the cultural memory of a language group. Special attention is paid to precedent phenomena of various types and phraseological units. The connection of these units with the codes of Russian culture is considered.

Key words: reproducibility, phraseology, precedent phenomenon, cultural memory, cultural code.

П.С. Дронов (Москва, Россия)

Институт языкознания Российской академии наук
dronov@iling-ran.ru

**БИТЬ СЕБЯ ПЯТКОЙ В ГРУДЬ И МОЛЧАТЬ
КАК РЫБА ОБ ЛЕД:
ОБРАЗОВАНИЕ ВАРИАНТОВ ИДИОМ
И ЭКСПРЕССИВНОСТЬ¹**

Статья посвящена экспрессивности при лексико-грамматических изменениях идиом. На примере русских идиом *бить себя в грудь*, *биться как рыба об лед*, *молчать как рыба* и контаминации *молчать как рыба об лед* рассматриваются механизмы изменения экспрессивности в результате изменения мотивационных, оценочных и эмотивных компонентов значения (в соответствии с макрокомпонентной структурой значения по В.Н. Телия) при образовании их вариантов.

Ключевые слова: фразеология, экспрессивность, идиомы, жестовые идиомы, фразеологические компаративы, лексико-грамматические изменения, варьирование, контаминация, макрокомпонентная структура значения.

Как известно, экспрессивность – это совокупный продукт и выражение итога целого ряда субъективно ориентированных и эмоционально окрашенных отношений субъекта речи к означаемому [Телия 1991б: 6]. По В.Н. Телия, характерными чертами экспрессивности являются: не-нейтральность, остранение (стилистические приемы, интенсивность, расчет на образно-ассоциативное восприятие), деавтоматизация; все это приводит к тому, что сигнал, передаваемый языковым выражением, усилен и выделен из общего потока [Там же: 7]. Подытоживая рассуждения Б.А. Серебренникова об экспрессивном значении слов [Серебренников 1983: 247], В.А. Маслова пишет, что истоки экспрессивности лежат в некотором языковом искажении действительности, хотя чаще всего такие искажения не являются единственно достаточными для принятия экспрессивности [Маслова 1991: 199]. Очевидно, что экспрессивность постоянно сопровождает лексико-грамматические изменения идиом, как в контексте игрового употребления, так и в контексте вариантов идиом – ср. определение экспрессивной функции языка как способа, «каким устанавливается отноше-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00736а.

ние между интенциями субъекта речи, отражающими формы оценочной, мотивационной эмотивной деятельности сознания, и знанием субъекта речи о действительном положении дел, о правилах языкового кодирования и о стилистическом узусе употребления языковых средств» [Телия 1991а: 63]. Ср. также замечание А. Ланглотца об «идиоматической креативности»: «Idiomatic creativity reveals intelligent human behaviour that is based on general cognitive principles and processes. <...> It emerges as the speaker's figurative competence to manipulate an idiom as a cognitive micro-model» («За идиоматической креативностью скрывается осознанное поведение человека, основанное на общих когнитивных принципах и процессах. <...> Она возникает как метафорическая компетенция говорящего, способность манипулировать идиомой как когнитивной микромоделью») [Langlotz 2006: 289]. Очевидно, что вывод А. Ланглотца перекликается с определением экспрессивной функции языка, данным В.Н. Телия.

В данной работе механизмы экспрессивности рассматриваются на материале русских идиом – одной жестовой идиомы и двух фразеологических компаративов (устойчивых сравнений), а также одной компаративной контаминации.

Первая анализируемая идиома – *бить себя в грудь*.

Выражение *бить себя в грудь* служит номинацией жеста скорби и покаяния: например, в Евангелии от Луки: «Мытарь же, ударя себя в грудь, говорил: Боже! будь милостив ко мне грешнику» (Лк. 18:13); ср. также примеры 1а, 1б. Кроме того, данное выражение является номинацией жеста – ударять себя в грудь во время спора (1с). Ср. [НКРЯ]:

(1) **а.** (номинация жеста скорби) Все шутишь! – Нет, я плакать должен! – огрызнулся Стас. – Рыдать и *бить себя в грудь*! [А. Макеев, Н. Леонов. Эхо дефолта (2000–2004)]. **б.** (номинация жеста покаяния) *Покаянно бия себя в грудь*, а может быть, и плача – в темноте не разобрать, – он хрипло, вполголоса заговорил: – Из-за меня, всё из-за меня. Недаром рыбаки у нас приметам верят [Э. Г. Казакевич. Звезда (1946)]. **с.** (номинация жеста во время спора) – Ни за что не обману. Мне только моих проведать. – И Петя *бил себя в грудь*. [Даниил Гранин. Зубр (1987)].

В результате семантического переноса образуется жестовая идиома со значением страстно убеждать кого-л. в чем-л. (2) (см. УБЕЖДЕНИЕ как однословная характеристика семантики *бить себя в грудь* в [Крейдлин 2002: 301]). Ср. [НКРЯ]:

(2) **а.** Покупатели спрашивали: «Виноград импортный?» Конкуренты рядом тарасили глаза и *били себя в грудь*: виноград краснодарский... Хотя откуда в апреле виноград? А Саша соглашался: да, импортный [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002].
б. Наверное, владелец любого из них *будет бить себя кулаком в грудь*: он развивает малый бизнес, дает рабочие места. [Василий Дубовский. Шалман судьбы (2013.05.07) // «Новгородские ведомости», 2013].
с. Чиновники и депутаты *бьют себя кулаком в грудь* и призывают поддержать отечественный автопром, вводя запретительные пошлины на недорогие иномарки. Сами же ездят на дорогущих машинах, обычно BMW и Audi последних моделей, стоимостью в десятки тысяч долларов. Кстати, эти машины приобретены на деньги российских налогоплательщиков [Александр Богомолов. Государственная машина. У российских депутатов угоняют только дорогие автомобили // «Известия», 2003.01.09].

На основе примеров употребления идиомы ее можно схематически записать как *бить себя <кулаком> в грудь <, что> P / и P*. Здесь необходимо учитывать макрокомпонентную структуру значения [Телия 1991а: 40-66]. В рамках этой структуры выделяются макрокомпоненты [Г] (грамматический, на поверхностном и глубинном уровнях), [Д] (денотативный; [Г] и [Д] обязательны для знаменательных наименований), [О] (оценочный, который можно выразить с помощью оператора внутренней формы *считай, что P*), [М] (мотивационный, связанный с ассоциативными механизмами мышления – *представь себе P, представь себе [Д] ≈ [М]*), [Э] (эмотивный, указывающий на чувство-отношение говорящего к обозначаемой реалии – *испытай P*), [С] (стилистически маркированный). Компоненты [Г] и [Д] обязательны для знаменательных наименований, а компонент [С] «обрамляет» знак вместе с компонентом [Г]. План содержания идиомы состоит из двух основных пластов – денотативной составляющей и образной составляющей, соотносимой или не соотносимой с денотацией. Рассмотрим компоненты [О] и [Э] идиомы *бить себя в грудь*. По контекстам (2а–с) видно, что говорящие употребляют эту идиому с иронией и некоторым неодобрением; описываемое идиомой речевое поведение (чересчур эмоциональная попытка убедить кого-либо в чем-либо, сопровождаемая жестикulyацией), оценивается отрицательно, особенно в ситуации, когда тот, кто пытается убедить, явно лжет или лицемерит (2а, с).

В окказиональных употреблениях идиомы *бить себя в грудь* обнаруживается именной компонент в косвенном падеже, модифицирующий внутреннюю форму; ср. [НКРЯ]:

(3) **а.** Все это произошло позавчера, так что я все еще живу на чемоданах и коробках. Университет – очень милый, дел уйма, надо везде бегать, *бить себя пяткой в грудь*, рассказывать какой ты умный, и хороший, дабы занять хорошую репутацию в своей области. Пока я добегалась до того, что устроилась на работу в исследовательском отделе от Национальных Архивов – Acquisitions Department (Search and Order Unit); Government Documents – короче это какая-то работа с государственными документами и иже с ними. [Письмо младшим подругам (1996)]. **б.** Когда коснулось реальной помощи – все, размахивающие некогда руками и *бывшие себя пяткой в грудь*, моментально испарились... [Александр ГРИШИН. Хотите попросить политического убежища в Европе? // Комсомольская правда, 2013.02.07].

По данным примерам видно, что денотат идиомы не меняется. Не меняется и компонент [О]. Ввод нового слова в состав идиомы приводит к изменению ее компонента [М]: активная жестикуляция переосмысливается как утрированный, заведомо неправдоподобный жест. Иными словами, образ в основе идиомы доводится до абсурда, и возникает комический эффект. Это приводит к изменению компонента [Э]. Очевидно, что фразеологическое значение не меняется, поэтому *бить себя пяткой в грудь* следует отнести к вариантам идиомы *бить себя в грудь*. При этом экспрессивность варианта *бить себя пяткой в грудь* явно больше, чем у идиомы *бить себя в грудь*. По-видимому, причиной ее увеличения является изменение компонентов значения [М] и [Э].

Рассмотрим механизмы экспрессивности также на примере двух устойчивых сравнений с зооморфными метафорами – идиом *биться как рыба об лед* ‘тщетно, безрезультатно прилагать усилия, чтобы выбраться из бедственного положения (говорится с неодобрением). Обычно подразумевается бедственное материальное положение’ [СОВРЯ 1995: 163] и *молчать как рыба* ‘абсолютно (т.е. совсем ничего не говоря, не произнося ни единого слова, звука)’ [БФСРЯ 2006: 310]. Очевидно, что *как рыба* – это интенсификация значения *молчать* (Magn в терминах теории лексических функций [Мельчук 2012]), основанная на стереотипном представлении о рыбах как о существах, не способных издавать звуки (т.е. компонент [М] может быть описан как *представь себе, что X молчит, как рыба, которая всегда молчит*). Ср. также очень редкие (2 документа) окказиональные примеры расширения компонентного состава *молчать как рыба в пирожке* (4). В них очевидно

изменение компонента [М]: *представь себе, что Х молчит как рыба, которая всегда молчит, и как существо, умерщвленное и приготовленное в пищу* (см. также *молчат как мороженые рыбы* у Горького). Ср. [НКРЯ]:

(4) **а.** – А этот шуруп вообще какие-нибудь вопросы задавал? Или сидел молча? – Молчал, *как рыба в пирожке!* – с чувством сообщил Виталий. – Даже с соседями не шептался. [Владимир Васильев. Шуруп (2013)]. **б.** Интересно, что директор МУП «Дороги Владивостока» Александр Гуснов, открывая свою страничку в ЖЖ, объяснил это тем, что современной системе строительства и ремонта дорог не хватает прозрачности. Между тем с 8 апреля *молчит, как рыба в пирожке*. Нечего сказать горожанам? [Елена АСТАФУРОВА. Игорь Пушкарев: Пока не пнешь, не полетит // Комсомольская правда, 2011.05.13].

Образ следующего выражения – *биться как рыба об лед* связывают с поведением рыбы, которая подо льдом страдает от нехватки кислорода и беспокойно бьется о лед, чтобы проломить его, или с тем, что пойманные и брошенные на лед рыбы бьются (см., например [Бирх, Мокиенко, Степанов 1998: 508]).

На основе данных сравнений образовалась компаративная контаминация *молчать как рыба об лед*; как самостоятельная идиома она зафиксирована в [АСРФ 2015: 734]. Идиома есть в 6 контекстах основного подкорпуса НКРЯ и 3 контекстах журналистского (впрочем, поиск в системе «Google» выдает в сумме – с учетом грамматических форм глагольного компонента – около ста тысяч примеров употребления). Эта контаминация появилась в начале XX в.: первое употребление датируется 1932 г., однако в контексте (5а) описан еще более ранний период. Ср. [НКРЯ]:

(5) **а.** Комиссар отмяк, расчувствовался и велел мне передать, что «искусство действительно имеет за собой» и что я могу провезти все, что мне нужно, – он будет *«молчать, как рыба об лед»*. Больше я комиссара не видала. [Н.А. Тэффи. Воспоминания (1932)]. **б.** – Дней пять мы сидели с ним в камере вдвоём. *Молчит, как рыба об лёд*. Я ему говорю: «Курам на смех – два еврея, оба пожилые, проводят совместно вечера на хуторе близ Лубянки и молчат» [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960)]. **с.** Лиза отметила только его оплошность со скрипом кипятка в заварочном чайнике – и поняла, что кто-то в доме есть. И уж понятно кто, если *молчит, как рыба об лед*. «Наплевать. Сейчас наежу ему со дна пятьдесят граммук, благо, что Рита уснула. [Дарья Симонова. Шанкр (2002)]. **д.** Он что-то знает или подозревает. Но *молчит, как рыба об лед!* Или у него самого рыло в пуху, или

его запугали до полуобморочного состояния, но что-то тут есть! [Марианна Баконина. Школа двойников (2000)].

Эта контаминация может также считаться прецедентным текстом (ср. цитату из фильма «Свадьба в Малиновке» 1967 г.: [Попандопуло (актер М. Водяной)] *Это еще что за статуя? Шо ты молчишь, как рыба об лед?*). Заметим, что половина контекстов в НКРЯ относится к периоду после 2000 г.

Очевидно, что денотат контаминации совпадает с денотатом *молчать как рыба*, т.е. *как рыба об лед* является Magn'ом. Контаминация приводит к изменению компонента [М]; из-за приема *non sequitur*, отсутствия логической связи между молчанием и битьем рыбы об лед возникает комический эффект, т.е. изменяется компонент [Э]. Похожие изменения, но на основе доведения до абсурда в образе, происходят с *молчать как рыба в пирожке* (4); механизм изменения мотивации здесь ближе к *бить себя пяткой в грудь* (3). Судя по примерам (5a, 5b, 5d), молчание «как рыба об лед» оценивается говорящим с некоторой иронией, тогда как у *молчать как рыба* такой оценки нет. Таким образом, изменяется и компонент [Э], и компонент [О].

На основе данных идиом и примеров их лексико-грамматических изменений можно сделать несколько выводов. Приводимые случаи лексико-грамматических изменений – *бить себя пяткой в грудь*, *молчать как рыба об лед*, *молчать как рыба в пирожке* – следует отнести к вариантам, поскольку по своему фразеологическому значению они аналогичны основным идиомам: *бить себя в грудь* и *молчать как рыба*. В то же время, хотя значение идиом остается прежним, усиливается экспрессивность. Это обусловлено изменением мотивационного компонента значения, образной составляющей, путем доведения образа в основе фразеологизма до абсурда (*бить себя пяткой в грудь*, *молчать как рыба в пирожке*), в том числе с помощью *non sequitur* (компаративная контаминация *молчать как рыба об лед*); тем самым, в рассмотренных случаях изменение мотивационного компонента влечет за собой изменение компонента эмотивного и усиливает экспрессию идиом.

Литература

АСРФ – Баранов А.Н., Вознесенская М.М., Добровольский Д.О., Киселева К.Л., Козеренко А.Д. Академический словарь русской фразеологии / под ред. Баранова А.Н., Добровольского Д.О. 2-е изд., испр. и доп. М: ЛЕКСРУС, 2015.

Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.

БФСРЯ – Большой фразеологический словарь / под ред. В.Н. Телия. Авт.-сост.: Брилева И.С., Гудков Д.Б., Зыкова И.В., Кабакова С.В., Ковшова М.Л., Красных В.В., Телия В.Н. М.: АСТ-Пресс, 2006.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>. (дата обращения: 31.03.2020).

Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

Маслова В.А. Параметры экспрессивности текста // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1991. С. 179-204.

Мельчук И.А. Язык: от смысла к тексту. М.: Языки славянской культуры, 2012.

Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к языковым явлениям. М.: Наука, 1983.

СОВРЯ – Словарь образных выражений русского языка / под ред. В.Н. Телия. Авт.-сост.: Аристова Т.С., Ковшова М.Л., Рысева Е.А., Телия В.Н., Черкасова И.Н. М.: Отечество, 1995.

Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке Языковые механизмы экспрессивности / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1991а. С. 36-66.

Телия В.Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке Языковые механизмы экспрессивности / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1991б. С. 5-35.

Langlotz A. Idiomatic Creativity: A cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2006.

P.S. Dronov (Moscow, Russia)

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

BIT' SEBĀ PĀTKOJ V GRUD' AND MOLČAT' KAK RYBA OB LĒD:
EXPRESSIVENESS IN IDIOM VARIANTS

The paper deals with expressiveness of lexical and grammatical changes of idioms. Being a case study of Russian idioms *bit' sebĀ v grud'* – to publicly and

strongly express emotions of views [that one may not actually feel or support]' (cf. *beat one's chest*), *bit'sâ kak ryba ob léd* _to desperately try to better one's desperate standing and move out of misery, with little to no result' (literally, ~~to~~ make like a fish bunting the ice"), *molčat' kak ryba* _to be completely silent' (lit. ~~to~~ be as silent as a fish"), and the blend of the latter figurative units, the article focuses on changes of expressiveness correlated with altering motivational, evaluative, and emotive components of the figurative meaning in idiom variants (in accordance with Veronika Teliya's concept of the macrocomponential structure of meaning).

Key words: phraseology, expressiveness, idioms, gesture idioms, comparative figurative units, lexical and grammatical changes, idiom variants, blends of figurative units, macrocomponential structure of meaning.

Л.П. Дядечко (Киев, Украина)
eptonim@ukr.net

ВОСПРОИЗВОДИМОСТЬ VS ПОВТОРЯЕМОСТЬ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ И СМЕЖНЫХ С НЕЮ ОБЛАСТЯХ

В статье анализируется категория воспроизводимости, рассматриваемая в истории лингвистики то как интегрирующее, то как дифференцирующее свойство единиц языка – речи – общения; раскрывается специфика воспроизведения фразеологизмов, принципиально отличного от повторения (цитации, репликации, тиражирования) иных речеобразований.

Ключевые слова: воспроизводимость, повторяемость, фразеологизм, цитата, эпоним (крылатое выражение), мем, произведения малых жанров.

Лингвистическая категория воспроизводимости периодически оказывается в фокусе внимания, который во многом зависит от смены научных парадигм.

В языкознании и фразеологии как самостоятельной дисциплине в русле доминирующего тогда системно-структурного подхода, воспроизводимость – в ее укоренившемся понимании – как свойство единиц не создаваться в процессе коммуникации, а использоваться в качестве готовых средств для оформления сообщения (см.: [Шанский 1985: 21]), рассматривалась то как глобальное, то как специфицирующее свойство языковых образований. В первом случае ученые полагали, что воспроизводимыми являются все единицы языка, во втором – только фразеологические.

На последнем упорно настаивал Л.И. Ройзензон, что не лишено оснований. Если в истолковании воспроизводимости затушевывается тот компонент смысла, который указывает на их сиюминутное конструирование из единиц низшего уровня, тогда, действительно, воспроизводятся и фонемы, и морфемы, и – в абсолютном большинстве – лексемы (исключение составляют новые слова, образуемые в момент речепорождения, значение которых адресатами устанавливается благодаря известным им словообразовательным моделям). Если же воспроизводимость трактовать более определенно, учитывая все существенные признаки понятия, то очевидно, что, в отличие от всех других, только фразеологические единицы, состоящие из слов-компонентов, могли бы быть сконструированными. Однако в речи никакого составления из частей не происходит: каждый фразеологизм извлекается из памяти как одно целое – со своей формой и с закрепленным за ней своим собственным содержанием, которое не выводится по более или менее типичным моделям, как это происходит со значением новых производных лексем, – носители языка либо знают данный, образованный по уникальной модели устойчивый оборот, либо нет. Л.И. Ройзензон, подчеркивая дихотомичность воспроизведения фразеологизмов, писал: «...новые ФЕ, созданные в процессе речи и понимаемые носителями языка именно как новые единицы фразеологического фонда, невозможны», – поясняя: «Чтобы вновь созданные единицы стали ФЕ, они должны стабилизироваться таким образом, чтобы носители языка начали их воспринимать как нечто цельное, как готовые языковые единицы, а это возможно только после процесса речи, а не в процессе самой речи» [Ройзензон 1973: 104]. Сходные мысли высказывали и другие исследователи: «...–воспроизводимость» <...> – предварительное, дотекстовое бытие языковых сочетаний, выбор которых при создании текста возможен лишь в пределах имеющихся в языке вариантов» [Копыленко, Попова 1978: 15]. Практическое подтверждение этому находим в справочной литературе: в комментариях к сочинениям того или иного писателя констатируются цитаты, всевозможные переключки с другими авторами, но никогда – те обороты, которые, выйдя со страниц описываемой книги, превратились в крылатые или фразеологические (в узком смысле), – для того, чтобы это произошло, требуется время.

Можно воочию наблюдать, как формируются фразеологизмы, восходящие к крылатым выражениям или непосредственно к текстам. Показательна в этом отношении судьба отрывков из кинореплики за

державу обидно и из песни *за себя и за того парня*. Кинофраза еще в первой половине 1980-х годов использовалась как цитата: «О какой плодотворной беседе и разумных решениях в таких условиях может идти речь? А ведь обсуждается судьба изобретения! Вот уж поистине, как говорил герой фильма «Белое солнце пустыни», за Державу обидно» (Лит. газета, 26.09.1984). Во второй половине – уже как крылатое выражение, см. примеры в: [Дядечко 1993: 134-135]. Правда, в словаре [Елистратов 1999: 71], где впервые в лексикографии фиксируется данный оборот, он, скорее, представлен как цитата-реминисценция – в еще не устоявшейся форме *Мне за державу обидно*, полностью дублирующей высказывание киногероя. Ср.: в Национальном корпусе русского языка (далее – НКРЯ) ни в одном из тех 28 контекстов, в которых отсутствует указание на прямую цитацию, выражение с таким компонентным составом не обнаружено. Во всех последующих эптографических изданиях дается только сокращенный, реально функционирующий в речи вариант крылатой кинофразы – *за державу обидно*. В таком же виде выражение включено в [Толковый словарь... 2011: 192], где оно квалифицируется уже как фразеологизм. Более коротким путем фразеологизации был у песенной строки *за себя и за того парня*: вначале она, став девизом трудовых вахт в честь 30-летия Победы над фашизмом, выступила в статусе цитаты-реминисценции, полностью еще не оторвавшейся от текста-источника, написанного от лица участника войны, а затем превратилась во фразеологизм (преимущественно с иронической коннотацией), зарегистрированный в словаре неологизмов, причем даже без отсылки к автору, в отличие, например, от другого фразеологизма *человек со стороны*, имя создателя прототипа которого раскрывается [Новые слова и значения... 1984: 482, 773]. Особенно примечательно в этих историях то, что именно в толковых словарях недавно возникшим устойчивым оборотам литературного в своей основе происхождения придается статус фразеологизмов и что описание таких выражений нередко остается без источниковедческой справки.

Подобные факты можно множить и множить, если к анализу подключить единицы, которые толкуются учеными двояко и включаются как во фразеографические (точнее – в словари идиом), так и в эптографические (в словари крылатых слов) издания. Учитывая это, а также то, что фразеологизмы-идиомы, как неоднократно отмечала В.Н. Телля, представляют собой «свернутые тексты», есть все основания считать обязательным наличие претекста у любого фразеологизма, а не

только у того, который восходит к литературно-книжному, или кинематографическому, или под. источнику. Конечно, эти претексты разнятся: литературно-художественный претекст материально закреплен, а значит – жестко детерминирован, в то время как претекст «нелитературного» фразеологизма в целом зыбок, он известен лишь по отдельным деталям, которые, однако, содержат важнейшие для национально-языкового сознания характеристики. Следует заметить, что данное различие более принципиально в историко-диахроническом аспекте: реально существующий текст в качестве источника фразеологизма, как полагают современные исследователи, обычно закрепляется в лингвокультуре в редуцированном, стереотипизированном виде.

Сказанное позволяет с современных позиций посмотреть на специфику воспроизведения идиом, которая проявляется не только в дихотомичности, присущей в целом и другим единицам языка, но прежде всего – в прецедентности (в ее общезыковом, а не терминированном Ю.Н. Карауловым значении). Данное свойство легко верифицируется с помощью простого теста на цитируемость, в основе которого лежат речевые факты; ср. [НКРЯ]: «В этом запахе было что-то сладострастно-запретное... <...> Не скрою, у меня даже немножко *«крыша поехала»*, как говорит Шура Плоткин» (В. Кунин. Кыся). Вообще оформление фразеологизмов как цитат весьма частотно: «Неволить не буду, никаких преград. *Как говорится, скатертью дорога...*» (О. Павлов. Карагандинские девятины...); «—Я написал заявление в ЦК (копия в Правду), и там Вас научат отвечать авторам вовремя”. *Как говорится: без комментариев*» (А. Мильчин. В лаборатории редактора Лидии Чуковской). По данным НКРЯ, имеется не менее пяти тысяч вхождений интродуктивной части *как говорится*, прямо не называющей автора «текста». Данное указание на цитацию невозможно при отдельных словах, неправильными являются употребления: * *я, как говорится, написал*; * *я написал, как говорится, заявление*. Исключение составляют высказывания, в которых говорящий подчеркивает необычную и / или преобладающую в значении лексемы коннотацию; ср. [НКРЯ]: «...резкий он, грубый или, наоборот, вежливый, обходительный, *как говорится, народный?*» (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей); «За кофейком Рита с Полиной Ивановной по душам разговаривали, *как говорится, “делились”*» (И. Грекова. «Скрипка Ротшильда»); «...он взглянул на дверь в кабинет Берлиоза, бывшую рядом с передней, и тут, *как говорится, остолбенел*» (М. Булгаков. Мастер и Маргарита). Следует также отметить, что в сфере, традиционно именуемой

фразеологической, тест имеет свои ограничения: он неприменим к единицам, не являющимися «свернутыми текстами», т.е. к аналитическим лексическим коллокациям, своеобразие которых убедительно доказано в: [Телия 1996: 64-71].

В последние десятилетия XX века обостренный интерес к теории номинации, а также экстенсификация фразеологических исследований, вовлекающих в свою орбиту устойчивые выражения, которые ранее находились на периферии сознания ученых, и прикладные задачи, связанные с созданием национальных языковых корпусов, вновь актуализировали вопрос о категории воспроизводимости. Теперь лингвисты, единогласные в том, что устойчивые выражения, эквивалентные слову (фраземы), воспроизводимы, как и другие единицы эмического типа, обсуждали проблему, какие еще типы речеобразований обладают таким свойством. По сути, это был новый виток дискуссии об объекте фразеологии, но с участием не только фразеологов, а также и представителей других направлений в языкознании.

Уточняя перечень средств, с которыми связан номинативный аспект речевой деятельности, Е.С. Кубрякова утверждала: «...человек черпает такие стереотипы из своей памяти точно так же, как обычные единицы номинации», – называя стереотипами «предложения-клише и фразеологические единицы типа пословиц, поговорок, афоризмов, сентенций и т.п.» [Кубрякова 1986: 131, 43]. В.Н. Телия выводила такие речевые произведения за рамки собственно языковых единиц [Телия 1996: 75], хотя в своей первой монографии рассматривала часть из них – пословицы, крылатые слова, литературно-публицистические штампы и клише – как один из структурных типов фразеологических оборотов [Телия 1966: 46, 56-57] и на практике всячески поддерживала молодых ученых в их исследованиях «цитатных» зон фразеологии. Убежденная, что «признаки идиоматичности и воспроизводимости сами по себе и даже в комбинации не могут служить гарантом принадлежности выражений к единицам номинативного инвентаря языка», она совершенно справедливо предостерегала лингвистов: «...придавать статус единиц языка всем тем выражениям, которые воспроизводятся в готовом виде, – это, если быть последовательными, включить в лексико-фразеологический состав и такие «цитации», как общеизвестные стихотворения, анекдоты, даже молитвы...» [Телия 1996: 75]. О недостаточности критерия воспроизводимости в последние годы пишут и в отношении устойчивых оборотов, принадлежащих в классификации Н.М. Шанского к разряду фразеологических выражений,

которые состоят из слов со свободными значениями: «...по данному ... определению фразеологическими выражениями являются и такие частотные сочетания слов в их прямых значениях, как *звонить по телефону* (более 300 употреблений в НКРЯ)», или *хорошая погода* (более 500), или *громко кричать* (более 200) [Баранов, Добровольский 2016: 68].

Приведенные примеры, казалось бы, демонстрирующие принцип *ad absurdum*, тем не менее симптоматичны. Во-первых, при них исключается интродукция *как говорится*, что подтверждает правомерность применения предложенного теста для разграничения фразеологической воспроизводимости и других ее разновидностей и что немало важно в учебно-методическом плане, ибо помогает показать обусловленность взаимовстречаемости слов в сочетаниях типа *хорошая погода* прежде всего, если не исключительно, экстралингвистическими факторами. Во-вторых, в современном научном дискурсе существует мнение, что любой афоризм, который как литературный жанр может быть приравнен стихам, анекдотам и проч., – это фразеологическое явление, ибо он, отысканный с конкретной целью в специальном сборнике, всегда может быть воспроизведен.

Чтобы полностью не размыть границ объекта фразеологии, необходимо вернуться к тому периоду в науке, когда проходила терминологизация общелитературного слова, синонимы к которому подбирались не только в стилистических целях, но и для семантизации, как в типичной и закономерной на этом этапе дефиниции: воспроизводимость «представляет собой регулярную повторяемость, возобновляемость в речи той или иной единицы» [Жуков 1978: 9].

Развести члены данного синонимического ряда, как представляется, помогают наблюдения, сделанные выдающимся паремиеологом прошлого: «Многие из них <пословиц> таятся в разных его <народа> слоях, в некоторых семействах, и высказываются только в редких случаях жизни пред лицом событий. Спросите у Русского человека, крестьянина или посадского: какие он знает пословицы? он тотчас не припомнит и не перечтет их; но в живой, страстной речи он вымолвит их много» [Снегирев 1848: IV]. Из этих наблюдений можно сделать, по крайней мере, два вывода, значимых для уяснения сущности **фразеологической воспроизводимости**: первый – пословицы непреднамеренно, естественно включаются в речь (и в этом они похожи на отдельные слова, формирующие сообщение); второй – они извлекаются из памяти, причем несколькими (многими) носителями языка, что

предполагает соответствие паремийных структур психофизическим возможностям человека.

В противоположность пословицам, стихотворения и проч. тексты обычно специально заучиваются, афоризмы предварительно еще и разыскиваются в соответствующих сборниках. Эти тексты именно **повторяются**, в основном точно **копируются** в изначально определенных для них обстоятельствах: стихи, анекдоты, частушки и другие произведения малых жанров **исполняются**, молитвы **читаются** при отправлении религиозных обрядов и под.

Кроме того, произведения анализируемого типа бывают весьма развернутыми: даже афоризмы, вопреки своему определению, в сборниках нередко занимают несколько строк. Очевидно, что, чтобы воспроизводиться массово и непринужденно, количество слов в таких речеобразованиях не должно превышать «магического числа семь плюс минус два» Ингве – Миллера, в противном случае они лишь продуктивный ресурс воспроизводимых в речи единиц. Так, главная в христианстве молитва стала источником идиом: *хлеб насущный*; *знать, как «Отче наш»* и не зафиксированной словарями, менее распространенной *повторять / твердить, как «Отче наш»* – *произносить как заклинание*; *произносить невнятно, не задумываясь*⁴, ср. [НКРЯ]: «*Как «Отче наш», он повторял перед сном несколько тайных слов, смотрел на фото и засыпал успокоенный*» (В. Аксенов. Коллеги); «*Твердила, как молитву, как «Отче наш...»* – «империалисты наши враги», а когда приготовилась над этим поразмыслить – империалисты стали нашими друзьями» (И. Грошек. Легкий завтрак в тени некрополя); «*Дети сидели за столами, когда вошла Тракторина Петровна. Привычно, как «Отче наш», проговорила: – Пионеры к борьбе за дело коммунистической партии большевиков будьте готовы!*» (С. Василенко. Дурочка). См. также описание оборотов, возникших в учебно-научном дискурсе, которые развили новое, фразеологическое, значение: *вещь в себе; от перестановки слагаемых сумма не меняется; уж замуж невтерпех* [Дядечко 2019: 61, 335, 468].

Пока научные характеристики и правила, как и фрагменты других случайно осевших в памяти или специально заучиваемых текстов, обращаются в исходной для них среде и их денотативная соотносительность, в отличие от языковых единиц цитатного происхождения, остается неизменной, нецелесообразно говорить об их воспроизводимости в лингвистическом аспекте. Во избежание омонимии можно использовать общеупотребительное слово *повторение* в строгом терминологи-

ческом смысле или его квазисиноним *репродуцирование*, в психологии обозначающее любое воспроизведение сохраненного в памяти, а в данном случае – намеренное, обусловленное внеязыковыми факторами.

В XXI веке, когда существенно раздвинулись границы лингвистики, ученые увеличили диапазон воспроизводимых феноменов языка – речи – общения, сосредоточив свое внимание именно на последнем члене триады. Важной вехой в этом плане стал проведенный на филологическом факультете МГУ в 2007 г. круглый стол «Между языком и дискурсом: воспроизводимость как феномен лингвокультуры», участники которого причисляли к воспроизводимым и кванты (по терминологии Б.М. Гаспарова), и роман Толстого «Война и мир», оговаривая, впрочем, размывание объекта лингвистических исследований при столь широком подходе к решению обсуждаемого вопроса и подчеркивая иницилирующую роль смысла для воспроизведения собственно языковых единиц в речи [Материалы Круглого стола 2007: 31-35].

В настоящее время одним из способов воспроизведения смысла стали интернет-мемы, по отношению к которым в рассматриваемом аспекте более подходит термин *репликация*. Мем как любая идея, символ, образ действия и под. включается в один ряд с другими популярными в сети визуальными или визуально-вербальными формами («фотожабы» и проч.), а также с переиздаваемыми сочинениями, копируемыми целиком или частично текстами, вставками в жанре «цитата дня», переносимыми из одного органа СМИ в другой, – всеми теми феноменами, которые предъявляются адресату в результате **целенаправленного тиражирования**, что, даже если они представляют собой максимально компактные словесные структуры, принципиально отличает их повторяемость от воспроизведения слов, идиом, пословиц. Мемы-слова и мемы-выражения, однако, могут приобретать свойство воспроизводимости единиц языка, как используемые и вне интернет-комментариев: *Капитан Очевидность* [Дядечко 2019: 205]; *превед; афтар жжот; Как тебе такое, Илон Маск?*

Воспроизведение культурных смыслов – центральный предмет фразеологических исследований, выполненных в лингвокультурологическом ключе. Убедительные образцы такого анализа даны в [Большой фразеологический словарь 2006; Ковшова 2012]. В предисловии к Словарю, отмечая, что благодаря образности фразеологизмов, запечатленной «во внутренней форме или в форме содержания «буквального» их значения, которое просвечивает через материальную <...> оболочку фразеологизмов и служит для них обозначающим знаком,

языковая память фразеологизмов не только хранит, но и традиционно воспроизводит от поколения к поколению живое наследие культуры», В.Н. Телия на примере фразеологизма *выводить на чистую воду* поясняет: содержание фразеологизма не исчерпывается ассоциацией с рыбной ловлей, оно отсылает к мифологическому представлению воды как символа очищения («в данном случае – прояснения истинного положения дел») [Большой фразеологический словарь 2006: 6]. Присутствие знаков «языка» культуры в языковых знаках ограничивает свободу комбинаторно-лексического выбора, проявляясь, на чем акцентируют внимание ученые, не просто в «несвободной», а в «**культурной связанности**, воспроизводимости фразеологизированных выражений» [Телия, Дорошенко 2010: 9]. Отсюда следует, что в лингвокультурологической парадигме своеобразие воспроизводимости фразеологизмов-идиом можно усматривать в ее трихотомичности.

Возвращаясь к проблематике, поднятой на упоминавшемся круглом столе, нельзя обойти вопрос о ранге воспроизводимости [Материалы Круглого стола 2007: 36], имеющий первостепенную важность для лексикографии и нового научного направления – корпусной лингвистики. По сути, он распадается на два подвопроса: первый – как часто та или иная единица должна встречаться в речи, чтобы считаться воспроизводимой; второй – может ли индивидуальный опыт носителя языка являться решающим аргументом в споре о ее статусе.

Во фразеографии в докомпьютерную эпоху в словарях был принят нижний порог – три фразеопотребления. На одной из конференций В.Н. Телия рекомендовала повысить его до семи. Сейчас в эптографической практике он обычно составляет от семи до десяти, что оправдывает себя при условии сочетания количественного критерия отбора единиц словарного описания с качественным (см. в начале статьи квалификацию оборота *за себя и за того парня* как цитаты-реминисценции, несмотря на то, что, будучи девизом популярного движения, он стократно приводился в периодике за 1975 г.).

Подтвердить новый статус не просто повторяемой (цитируемой), а поистине воспроизводимой единицы – основная цель лексикографа, достичь которую позволяют современные базы данных. Без них сделать это было бы нелегко: каждый из нас, свободный в своих предпочтениях, создает уникальную культурную среду, любой индивид общается с представителями далеко не всех социальных групп. Эти обстоятельства объясняют, почему неисполнимо часто предъявляемое требование обязательного знания того или иного крылатого выражения все-

ми: явление агнонии присуще эпонимическому фонду так же, как и лексическому, и идиоматическому, и паремиологическому.

В целом, изучение истории вопроса о воспроизводимости феноменов языка – речи – общения свидетельствует о постоянном явном или неявном лексикографическом факторе, удерживающем в разумных пределах разброс мнений лингвистов о данной категории и способствующем вычленению идиом сначала из лексического массива, а затем фразеологизмов (в широком смысле) – из конгломерата часто конструируемых сочетаний слов, больших и малых речевых произведений. В связи с этим представляется необходимым размежевание понятий воспроизводимости и повторяемости (или репродуцируемости в узком смысле, реплицируемости, тиражируемости) на основе естественности протекания процесса в первом случае и экстралингвистической обусловленности, заданности – во втором, помогающее, в частности, более жестко очертить круг устойчивых оборотов, которые надлежит отражать в общезыковых словарях.

Литература

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии: краткий курс: учебное пособие. 3-е изд., стереотип. М.: Флинта: Наука, 2016.

Большой фразеологический словарь. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.

Дядечко Л.П. О фразеологизации выражений, восходящих к тексту-источнику // Диалектические процессы во фразеологии. Челябинск: ЧГПИ, 1993.

Дядечко Л.П. Словарь крылатых слов и выражений нашего времени. М.: Словари XXI века, 2019.

Елистратов В.С. Словарь крылатых слов (русский кинематограф). М.: Русские словари, 1999.

Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. М.: Просвещение, 1978.

Ковшиова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М.: ЛЕНАНД, 2012.

Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии (проблемы, методы, опыты). Воронеж: Изд. Воронежского ун-та, 1978.

Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986.

Материалы Круглого стола «Между языком и дискурсом: воспроизводимость как феномен лингвокультуры». Мир русского слова. 2007. № 3. С. 30-39.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / под ред. Н.З. Котеловой и Ю.С. Со-рокина. М.: Русский язык, 1984.

Ройзензон Л.И. Лекции по русской и общей фразеологии. Самарканд: Самаркандский государственный университет имени Алишера Навои, 1973.

Русские народные пословицы и притчи, изданные И. Снегиревым с предисловием и дополнениями. М.: Университетская типография, 1848.

Телия В.Н. Что такое фразеология? М.: Наука, 1966.

Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Телия В.Н., Дорошенко А.В. Лингвокультурологическая гипотеза воспроизводимости языковых выражений // Живодействующая связь языка и культуры: материалы конф., посвященной юбилею проф. В.Н. Телия. Тула, 2010. Т. 1. С. 5-13.

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2011.

Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1985.

L.P. Diadchko (Kyiv, Ukraine)

REPRODUCIBILITY VS REPEATABILITY IN PHRASEOLOGY AND RELATED AREAS OF STUDY

The article analyses the category of reproducibility, which historically was viewed by linguists as either an integrating or a differentiating feature of language – speech – communication units. The author sets forth the specificity of reproducing phraseological units, which is markedly different from repetition (quotation, replication, circulation) of speech units.

Key words: reproducibility, repeatability, phraseological unit, quotation, ep-
tonym (winged expression), meme, saying.

Е.В. Рыжкина (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
phraseologinya@mail.ru

**МОДЕЛИ ВАРИАТИВНОСТИ АНГЛИЙСКИХ ИДИОМ
БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
С КОМПОНЕНТОМ-АНТРОПОНИМОМ:
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В статье рассматривается вопрос о том, как культурное знание, формирующее семантику идиом, влияет на их функционирование и, в частности, вариативность – как в синхронии, так и в исторической перспективе. Исследование выполнено на материале английских идиом библейского происхождения с антропонимическим компонентом. Проведенный анализ свидетельствует о том, что любое структурное и семантическое варьирование фразеологизмов следует сложившимся лингвокогнитивным моделям. При этом антропоним в составе фразеологизмов играет ключевую роль в определении вектора и форм их вариативности.

Ключевые слова: английская фразеология, идиома, библеизм, антропоним, вариативность, моделирование, лингвокультурологический подход.

Одной из аксиом лингвокультурологического подхода во фразеологии является положение о том, что фразеологическая единица (ФЕ) формируется и функционирует в пространстве определенной культуры, являясь носителем различных типов информации (см., например [Телия 1996; Ковшова 1999, 2012]). Именно поэтому в современной теории языка фразеологизм нередко трактуется как «свернутый текст», «микротекст», «текст в тексте» (В.Н. Телия) или «информационный текст» (М.Л. Ковшова), который прочитывается и понимается носителями данной лингвокультуры с позиций характерного для нее видения мира. Более того, при восприятии фразеологизма в коммуникации его смысловое содержание проходит «сквозь фильтр ментальности говорящего и слушающего» и интерпретируется в ментальном пространстве «социального и культурного знания, активизируемого субъектом речи в момент общения» [Ковшова 1999: 164].

Основной тезис, который выносится на обсуждение в рамках настоящей работы, состоит в том, что культурное знание, которое кодируется фразеологизмом и получает отражение в его семантике, задает вектор и формы вариативности данной единицы в ходе ее повседневного

функционирования, а также возможное направление ее эволюции в исторической перспективе.

На когнитивном уровне культурное знание, лежащее в основе фразеологической номинации, организуется в определенную концептуальную схему, которая, с одной стороны, формирует инвариант фразеологизма и обеспечивает его тождество в ходе функционирования, а с другой стороны, благодаря своей пластичности определяет саму возможность творческого использования фразеологизма и потенциальные преобразования, допустимые для него. Например, такая схема обычно определяет ассоциативный потенциал лексических компонентов ФЕ и, как следствие, устанавливает параметры варьирования данных компонентов, в том числе их возможную замену. Так, шекспировский оборот *to out-Herod Herod* со значением перестараться, переусердствовать положил начало открытой серии кореферентных единиц с варьирующимися именными компонентами с символьным или эталонным значением. Сам авторский оборот при его первоначальном использовании в трагедии «Гамлет» непосредственно отражал знание, связанное с компонентом *Herod*, а именно историю царя Иудеи Ирода, который, желая погубить новорожденного Иисуса Христа, приказал убить всех младенцев мужского пола близ города Вифлеема:

Hamlet: I would have such a fellow whipp'd for o'erdoing Termagant; it *out-Herods Herod* <...> («Я бы отдал высесть такого молодчика за одну мысль переиродить Ирода. Это уже какое-то сверхсатанинство») (пер. Б. Пастернака).

Используемый Шекспиром образ Ирода как символ беспрецедентной жестокости апеллирует, прежде всего, к знанию соответствующего библейского текста. Но при этом происходит обобщение данного знания, и образующаяся ментальная структура фокусируется на признаке *непревзойденности* какого-либо свойства, в данном случае – иродовой жестокости. Соответственно авторский оборот *to out-Herod Herod*, построенный по принципу парадокса, фигурально передает идею абсурдности всякой попытки превзойти нечто исключительное, не имеющее подобия. Примечательно, что у Шекспира этот актуальный смысл буквально эксплицируется посредством глагола *to overdo* переборщить, перестараться.

В процессе фразеологизации происходит дальнейшее абстрагирование от обоих прецедентных текстов – и библейского, и шекспировского, а соответствующее знание конденсируется, так что сложившийся фразеологический знак обладает лишь относительной семантической

прозрачностью. Тем не менее, компонент *Herod* в составе ФЕ сохраняет свой ассоциативный потенциал, причем в обыденном сознании он связывается не столько с историческим персонажем, сколько с эталонным образом определенного качества, которое потенциально может получить иной десигнат, релевантный в конкретных дискурсивных условиях (*to out-Judas Judas, to out-Plato Plato, to out-Byron Byron* и т.д.). Важно подчеркнуть, что, с каким бы качеством ни ассоциировалось имя в той или иной модификации данного фразеологизма на уровне внутренней формы, обобщенный смысл выражения, так или иначе, будет – «переусердствовать, довести до абсурда». Таким образом, на базе ФЕ *to out-Herod Herod* сформировалась абстрактная концептуальная схема, которая была приложена к образцу языковой конструкции:

Verb (*to out-Anthroponym_1*) + Object (*Anthroponym_1*), где антропоним выступает в качестве переменной.

В результате в английском языке возникла регулярная фразеобразовательная модель, порождающая окказиональные варианты ФЕ *to out-Herod Herod* с прогнозируемым значением. Причем величина отклонения окказионального смысла от конвенционального фразеологического значения определяется эталонным значением антропонима. Так, одним из недавних новообразований такого рода является окказионализм *to out-Trump Trump* – по ассоциации с характерной манерой общения, поведения или политической линией президента США Дональда Трампа.

К примеру, в приводимой ниже цитате из статьи о переговорах с правительством Канады по тарифам на молочную продукцию автор саркастически призывает прибегнуть к политическому экстриму, буквально «быть Трампом более, чем сам Трамп»:

How to *out-Trump Trump* in dairy negotiations.

It is time to *out-disrupt the disrupter* and be more Trumpian than Donald Trump. (<https://www.theglobeandmail.com/business/commentary/article-how-to-out-trump-trump-in-dairy-negotiations/>)

Приведенный пример интересен еще тем, что во втором случае употребления идиомы пара ее именных компонентов замещается не антропонимами, а иными знаками: глагол *disrupt* ‘срывать, нарушать’ и его дериват-существительное *disrupter* фактически эксплицируют эталонное значение антропонима *Trump*, передающего непревзойденное качество именуемого субъекта, а именно его склонность вести переговоры с позиции силы, нарушать общепринятые стандарты, этические нормы и т.д. Таким образом, несмотря на формальное отсутствие в структуре окказионализма значимого элемента – антропонима, в данном контексте ак-

тивизируется основополагающая схема, обеспечивающая актуализацию релевантного знания и, следовательно, тождество фразеологизма. Это происходит главным образом благодаря тому, что воспроизводится конструкция, создающая языковой «каркас» фразеобразовательной модели. Вместе с тем конкретизация ее смыслового наполнения осуществляется с опорой на семантику антропонима, который в данном случае фигурирует в ближайшем окружении идиомы.

Антропоним во фразеологии не просто частное имя человека. Это, как правило, имя прецедентное, которое приобрело в данной лингвокультуре особый, обобщенный смысл. Антропонимический код русской культуры подробно исследован на материале русских идиом и поговорок, в состав которых входит имя собственное [Ковшова 2019]. За антропонимом стоит образное представление о конкретной личности, реальной или вымышленной, черты которой складываются в отличительную характеристику, эталон или, более того, символ определенного явления, свойства или типа личности [Рыжкина 2013: 113]. Например, имя английского поэта-романтика Байрона (*Byron*) не только дало название направлению в мировой поэзии, но и в обыденном сознании стало эталоном гордости и романтических наклонностей человека. Устойчивость ассоциаций, вызываемых данным именем, в английской лингвокультуре позволяет всем ее носителям декодировать внутреннюю форму сложных знаков, включающих этот компонент, таких как окказионализм *to out-Byron Byron*.

Большинство антропонимов в составе ФЕ служат отсылкой к определенному культурно значимому феномену, поэтому они, как правило, обладают выраженной национально-культурной спецификой. Даже антропонимы, восходящие к универсальным прецедентным явлениям, в разных лингвокультурах соотносятся с неидентичными структурами знаний. Такими являются антропонимы библейского происхождения, например прецедентное имя *Иов*, отсылающее к ветхозаветной Книге Иова. Так, в немецкой культуре это имя ассоциируется, главным образом, с испытанием (*der hartgeprüfte Hiob* – букв. «испытанный на прочность»), а в русской – с тяжким страданием (*Иов многострадальный*), смирением и бедностью (*бедный как Иов*). В английской лингвокультуре антропоним *Иов* связан с наибольшим числом концептов, что следует среди прочего из наличия в английской фразеологии таких единиц, как *poor as Job / Job's turkey* (букв. «бедный как Иов / индейка Иова»), *patience of Job / as patient as Job* (букв. «терпение Иова; терпеливый как Иов»), *Job's news* «очень плохая новость» и *Job's post* («человек, прино-

сящий дурные вести⁴), а также *Job's comforter* (‘ложный друг, который под видом сочувствия злорадствует по поводу бедствий другого’).

Соответственно имеющиеся межъязыковые фразеологические аналогии, возникшие по аллюзии на один и тот же библейский текст, нередко демонстрируют разницу в лексико-грамматическом построении и/или семантике, а кроме того, обычно следуют различным моделям варьирования.

В качестве иллюстрации рассмотрим гнездо английских фразеологизмов, базирующихся на конструкции *son/daughter/child of A* (anthroponym). Данные единицы или заимствованы непосредственно из Библии, или этимологически связаны с ней. Так, оборот *son of Adam* (букв. «сын Адама»), обозначающий человека вообще, «колена адамово» [Бен-Лев 2000], возник по аналогии с ФЕ *son of man* (чаще во мн. ч. *sons of men* – «человечество, род людской» [Кунин 2006: 898]) как кореферентная единица. В Святом Писании упоминается, в частности, что при сыне патриарха Сифа, Еносе, стали различать его благочестивых потомков – «сынов Божьих» (*sons of God*) – и потомков Каина, которых именовали «сынами человеческими» [Библейская энциклопедия 1990: 683]. Следует отметить, что такая, перифрастическая модель именования отдельных персоналий или целых народов очень характерна для Библии (*son/child/children of Israel* ‘сын/дети Израиля’; *son of David* ‘сын Давидов’; *son of Abraham* ‘сын Авраамов’ и т.д.). Она органично вошла в плоть и кровь английского языка и послужила основой для формирования обширного гнезда фразеологизмов, их дериватов, уже не связанных непосредственно с Библией, и многочисленных окказионализмов.

Начнем с того, что по контрасту с выражением *son of Adam* возник его гендерный аналог, оборот *daughter of Eve* (букв. «дочь Евы», ‘жена, женщина’). Имена в данном случае выступают как эталоны человеческой природы: *Adam* – истинный человек, мужчина; *Eve* – истинная женщина. Как следствие, в семантике обоих фразеологизмов отражен важный концептуальный признак наследственной, генетической связи потомков с прародителями, т.е. любой представитель рода человеческого унаследовал от Адама всю полноту человеческой природы, а любая женщина в этом же смысле является истинной дочерью Евы, ее наследницей и носителем женской природы. Этот концептуальный признак образует своего рода стержень, вокруг которого выстраивается концептуальная схема, лежащая в основе всех последующих фразеологизмов и перифраз нефразеологического характера типа *son of Abraham*

(истинно верующий, праведник⁴). К примеру, такую характеристику получает в Евангелии от Луки мытарь Закхей, имевший репутацию человека неправедного. Но, увидев Иисуса Христа, Закхей уверовал, раскаялся и пообещал загладить причиненные им людям обиды:

And Zacchaeus stood, and said unto the Lord: Behold, Lord, the half of my goods I give to the poor; and if I have taken any thing from any man by false accusation, I restore him fourfold. And Jesus said unto him, This day is salvation come to this house, forsomuch as he also is *a son of Abraham* [Luke 19: 8-9] (Закхей же, став, сказал Господу: Господи! Половину имущества моего я отдам нищим, и, если кого чем обидел, воздам вчетверо. Иисус сказал ему: ныне пришло спасение дому сему, потому что и он сын Авраама.)

Закхей поступает как *истинный наследник* Авраама, являющегося ветхозаветным эталоном веры и праведности.

По этой же модели построен фразеологизм *son of Belial* – букв. «сын Велиала», воплощающего нечестие и порочность, т.е. нечестивец (этим. Judges XIX, 22) [Кунин 2006: 67].

Примечательно, что фразеологизмы, созданные на основе конструкции *son/daughter/child of A* (anthroponym) уже в отрыве от Библии и ее сакральных смыслов, продолжают воспроизводить указанную схему с концептуальным признаком «истинный наследник/последователь А». Так, в английской фразеологии имеется ряд аналогичных обозначений профессиональной деятельности: *son of Mars* военный⁵ («сын Марса»); *son of Neptune* моряк⁶ («сын Нептуна, моряк»); *son of Muses* питомец муз, поэт⁷ [Кунин 2006: 898]. Антропоним в этой серии выступает в качестве символического обозначения рода деятельности. Расширением данной фразообразовательной модели можно считать вариант с нарицательным существительным, имеющим подобное же символическое значение: *son/child of the soil* крестьянин⁸ («сын земли», ср. также *a daughter of the soil* крестьянка⁹), *son of the spigot* – шутл. кабатчик, трактирщик¹⁰ [Кунин 2006: 904] и т.д.

Кстати, подобную модификацию оборотов можно встретить и в текстах Библии: *son of the morning* (Isaiah 14: 18) – о Люцифере; *son(s) of the light* (Luke 16: 8; John 12: 36) сын(ы) света¹¹; *son of perdition* (John 17:12) сын погибели¹² и т.д.

В конце XVIII в. на базе этой популярной модели возникает английский эвфемизм *child of love* («дитя любви»), который служит деликатным обозначением незаконнорожденного ребенка. В последующий

период ФЕ *a child/son of love* повсеместно используется в литературе, в том числе подвергается окказиональным преобразованиям. Например, в романе О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» встречается такой окказионализм:

So that was the story of Dorian Gray's parentage. <...> A beautiful woman risking everything for a mad passion. A few wild weeks of happiness cut short by a hideous, treacherous crime. Months of voiceless agony, and then a child born in pain. The mother snatched away by death, the boy left to solitude and the tyranny of an old loveless man. <...> There was something fascinating in this *son of Love and Death* (O. Wilde, *The Picture of Dorian Gray*, III).

Добавление компонента *Death* расширяет внешние границы идиомы *child/son of love* и создает на базе возникшего переменного словосочетания аллегорический образ, который активизирует в сознании читателя одновременно два концепта: «незаконное рождение» и «сиротство». По сути, при интерпретации окказионального образа создается комбинированная концептуальная структура: «дитя роковой любви». Ее посредством автор дает понять, что Дориан Грей фигура романтическая и одновременно трагическая. Романтизация этого образа достигается, в том числе, благодаря капитализации лексем *Love* и *Death*, что возводит их в ранг онимов. Таким образом, формально и концептуально здесь воссоздается первоначальная фразообразовательная модель *son/daughter/child of A* с антропонимом, концептуальным основанием которой является идея соответствия некому эталонному образу.

В данном случае полная семантизация смысловой структуры созданного О. Уайльдом окказионализма происходит в контексте всего произведения. Попытка освободиться от нравственного закона приводит героя к полной деградации его личности, гибели души и, как следствие, к самоубийству. В этом смысле авторское выражение *son of Love and Death* перекликается с библеизмом *son of perdition* (сын погибели), которое в Евангелии относится к Иуде Искариоту. Будучи, как и все люди, сыном Адама, рожденный в любви и для любви, он сознательно выбирает для себя путь, ведущий к гибели. Имея лишь относительное сходство лексического состава со своим библейским прототипом *son of Adam*, окказионализм, тем не менее, является творческой репрезентацией регулярной номинативной модели, сложившейся в данном сегменте английской фразеологической системы. Несмотря на значительное отклонение от инварианта, данный индивидуально-авторский оборот воспринимается именно как модификация, вариант системно за-

крепленной единицы, образованной по указанной модели, поскольку он отвечает параметрам допустимой вариативности, заданным этой моделью.

Все это служит подтверждением исходного тезиса о том, что вариативность фразеологизма во многом определяется культурным знанием, которое участвует в формировании семантики ФЕ и обуславливает особенности ее функционирования, включая возможности преобразования ее формы и/или значения. Как показал анализ, наличие в структуре ФЕ антропонима обеспечивает относительную прозрачность и функциональную гибкость фразеологизма в целом, и, значит, способствует реализации его творческого потенциала.

Литература

Бен-Лев С. Англо-русский толковый словарь библейско-религиозной лексики. СПб.: ООО ОПЦ «КАРО», 2000.

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. В русском переводе. М.: Российское Библейское Общество, 1995.

Библейская энциклопедия. Репринтное издание. М.: ТЕРРА, 1990.

Ковшова М.Л. Как с писаной торбой носиться: принципы когнитивно-культурологического исследования идиом // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 164-173.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М.: URSS, 2012.

Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры. М.: ЛЕНАНД, 2019.

Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. 5-е изд., перераб. М.: Русский язык-Медиа, 2006.

Рыжкина Е.В. Прецедентность имени в английской фразеологии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. Вып. 20 (680). Языкознание. С. 112-123.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.

The Holy Bible Containing the Old and New Testaments. Authorized King James Version. NY: Bible society, printed in GB.

E. V. Ryzhkina (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

**ON VARIATION MODELS OF ENGLISH BIBLICAL IDIOMS
WITH AN ANTHROPONYMIC COMPONENT:
A LINGUACULTURAL STUDY**

The article highlights the way cultural knowledge underlying the semantics of idioms affects their normal functioning, including their possible discursive renovation both in synchrony and in the historical perspective. The study is carried out on the material of English idioms of biblical origin with anthroponymic components. The analysis provided shows that any kind of structural or/and semantic variation of idioms follows particular cognitive and linguistic patterns that are formed on the basis of relevant culture-related knowledge. The idioms' anthroponymic components (that are in fact precedent names representing the culture-filtered knowledge as accepted standards and stereotypes of behavior) appear to play a crucial role in forming the variation patterns of the idioms.

Key words: English phraseology, idiom, biblical phrase, anthroponym, variation, modeling, linguacultural approach.

К.Я. Сигал (Москва, Россия)
Институт языкознания РАН
kjseagal@yandex.ru

**УСТОЙЧИВАЯ ФРАЗА
КАК АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ЗНАК¹**

Статья посвящена описанию русской устойчивой фразы «Начал за здравие, а кончил за упокой» как аксиологического знака. Внесены уточнения в ее этимологию и семантическое представление. Рассматриваются приемы варьирования этой устойчивой фразы в дискурсе. Кроме того, автор делится своими воспоминаниями о профессоре В.Н. Телия.

Ключевые слова: устойчивая фраза, аксиология, этимология, семантика, дискурсивное варьирование, В.Н. Телия.

---

¹ Работа выполнена по гранту РФФИ № 19-012-00609\19 «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода» в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина.

Веронике Николаевне Телия – с благодарностью

Судьба распорядилась так, что более 30 лет назад в нашем педагогическом институте (ныне – МПГУ) курс «Введение в языкознание» читала профессор Вероника Николаевна Телия (далее – В.Н.). В.Н. стала первым моим наставником в лингвистике, научившим не только любоваться языком и благоговеть перед ним, но и разбираться в тончайших его механизмах.

В.Н. читала лекции негромко и неизменно начинала говорить, не дожидаясь прекращения гула в большой поточной аудитории. Своей речью В.Н. приводила в восторг: каждая лекция являлась безупречным речевым спектаклем, после которого мы выходили очарованными, счастливыми, иными. Разве забудешь то, как В.Н., представляясь нам, назидательно предупредила: «Я – Телия. И меня склонять не надо!», или грузинское выражение «Бакаки цхалши кикинебс» («Лягушки квакают в болоте»), приведенное, чтобы дать отповедь приверженцам монолатеральной концепции языкового знака?! Помню, как, завершая лекцию о полисемии, где говорилось, в частности, о многозначном глаголе «идти», с его более чем двадцатью значениями, В.Н. бросила взгляд в раскрытое окно, откуда доносились трамвайные звонки, и четко произнесла: «Трамвай идет в депо, а я иду на кафедру пить кофе». К подобным высказываниям с метаязыковой направленностью иногда внимание студентов привлекалось евангельской цитатой: «Кто имеет уши слышать, да слышит!».

Языковая личность В.Н. была отмечена фиксированной установкой (по Д.Н. Узнадзе) на употребление фразеологизмов и рефлексию над ними. Помню, как В.Н. разъясняла, чем отличается «олух царя небесного» от «железного лба». Студент, не вполне справившийся с тем или иным заданием, получал в свой адрес архаичный, но от этого не менее колкий фразеологический упрек – «погибоша аки обре». Надо сказать, что благодаря привычке к лаконичному и вместе с тем исчерпывающему выражению своего аксиологического взгляда В.Н. была склонна создавать такие сентенции *ad hoc*, которые могли бы стать (а со временем, может быть, и станут) устойчивыми фразами (далее – УФ). Сквозь одну из них – «Мужчины познают, а женщины знают» – проступает образ самой В.Н., отличавшейся умением добывать новые знания и желанием щедро делиться результатами своего научного труда. Подобные сентенции *ad hoc*, как кажется, не были для В.Н. семантическим экспромтом. В них запечатлено то, как речевым волеизъяв-

лением В.Н. знание теории УФ [Архангельский 1964; Sinclair 2008] претворялось в продуктивные (по модели) и действенные (по прагматическому эффекту) речевые формулы, представляющие сложившиеся, т.е. пережитые и прочувствованные, мнения о ценностях.

Целью настоящей статьи является анализ этимологии, семантики и типов дискурсивного варьирования давно закрепившейся и широко употребляемой в русской речи УФ – пословицы *Начал за здравие, а кончил за упокой* – как аксиологического знака, специализирующегося на образном описании неожиданного перехода агенса от первой фазы действия, оцениваемой положительно, к последней его фазе, оцениваемой отрицательно.

УФ, в том числе пословицы, представляют собой образные суждения и умозаключения, созданные на основе употребления моделей предикативных и полипредикативных конструкций в той или иной дискурсивной практике. «Память» дискурса в УФ (в том числе в пословицах) аккумулируется как в их номинативном составе, так и – реже – в их семантико-синтаксической структуре. В.Н., с одной стороны, отказывала пословицам в языковом статусе, ибо «то, что пословицы... характеризуются двуплановостью, т.е. не являются просто «необходимыми» выражениями, – следствие не внутриязыковых закономерностей, а условий жанра – его притчевого характера. Воспроизводимость же обеспечивается «цитацией» этих выражений как народного мнения о ценности» [Телия 1996: 73], а с другой стороны, считала их ведущим «ресурсом идиоматики» [Там же: 77]. Действительно, УФ, в особенности пословицы, выступают как языковые знаки с непреодоленной в полной мере «привязкой» к породившему их дискурсу, хотя в функциональном плане (например, в типах варьирования) они включены в собственно языковые преобразования, характерные для устойчивых составных знаков. В прагматическом аспекте УФ, в том числе пословицы, прямо или косвенно отображая то или иное ценностное представление, способны не только осуществлять оценочную предикацию, но и демонстрировать значимую для их образной гештальт-структуры динамику разных по знаку («+» или «-») оценочных предикаций.

Такая УФ, как пословица *Начал за здравие, а кончил за упокой*, создана на основе моносубъектной полипредикативной конструкции с сопоставительно-противительными отношениями (маркер – союз *а*) между однородными глагольными сказуемыми (в исходном свободно-синтаксическом построении – фазисными связками при эллиптированном инфинитиве). Употребляя этот аксиологический знак, говорящий,

во-первых, напоминает ценностное представление о должном соответствии хорошего начала хорошему концу, а во-вторых, сдвигая фокус внимания с должного на наблюдаемое, констатирует неожиданный переход от хорошего начала к плохому концу. Важно отметить, что эта УФ, построенная по часто встречающейся в пословицах синтаксической модели, крайне востребована в русской речевой аксиосфере.

Этимологи утверждают, что это «выражение собственно русское, видимо, от обычаев провозглашения тостов, которые предлагались обычно за здоровье (*за здравие*) присутствующих и реже в память (*за упокой души*) умерших» [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 247]. Как представляется, данное этимологическое истолкование пословицы вступает в противоречие с семантикой ее синтаксической модели. Ведь если тосты произносятся как «за здравие», так и «за упокой», то более предпочтительным было бы установление соединительных отношений между предикациями. В пословице же благодаря союзу *a* как маркеру сопоставительно-противительных отношений актуализируется синтаксическая сема *ограничение*¹, приводящая к оттенку неожиданности и даже неправильности смены одного другим. Кроме того, в ситуации произнесения тостов не возникает оценочного переосмысления тостов «за здравие» («+») и «за упокой» («-»), обязательного для смысловой организации пословицы. Отсюда следует, что генезис пословицы происходил в иной дискурсивной практике, где указанные семантические условия с необходимостью осуществлялись. Скорее всего, такой дискурсивной практикой было православное богослужение.

Священник М. Ардов рассказывает: «Я полагаю, многие знают старую русскую пословицу – *Начал за здравие, а кончил за упокой*». Но только священнослужитель, т.е. человек, которому приходится приглашать то живым *«многая лета»*, то покойникам – *«вечную память»*, может вполне оценить прямую актуальность этой поговорки (sic! – *К.С.*). Ошибиться здесь очень просто, и вот почему. *«Многолетие»* и *«вечная память»* – это как бы две самостоятельные дороги, но в одном месте они сходятся – в момент, когда называется конкретное лицо. Вот для наглядности нечто вроде схемы.

1. *Благоденственное и мирное житие...*
  2. *Во блаженном успении вечный покой...*
- Далее следует общая часть:
... подаждь, Господи, рабу Твоему (имярек)...
- После чего дороги опять расходятся:
1. ... и сохрани его на многая лета.

2. ... и сотвори ему вечную память.

Тут важно, что называется, не проскочить развилку – после того, как произнес имя, не ошибиться, какое слово дальше – «оохрани» или «твори».

Так вот на том памятном мне обеде, который устроил в день своих именин Митрополит Иоанн, соборный протоиерей Александр Пижичский чуть было не возгласил ему «вечную память». Во всяком случае «развилку», «стрелку», о которой я упомянул, отец Александр уже проскочил. Начал он как полагается:

– Благоденственное и мирное житие, здравие же и спасение, во всем благое поспешение подаждь, Господи, рабу Твоему Высокопресвященнейшему Иоанну, Митрополиту Ярославскому и Ростовскому, и сотвори...

В этот момент секретарь Владыки ударил протоиерея по руке:

– Сохрани!

– ... и сохрани, – поправился тот, – его на многая л-е-е-т-а-а-а!» [Ардов 2004: 398-399].

Адекватность приведенного этимологического истолкования объясняется, во-первых, тем, что непреднамеренный переход от «многочетия» к «вечной памяти» подлечит сопоставительно-противительной интерпретации; во-вторых, тем, что путаница, состоящая в смешении правильного (ожидаемого) с неправильным (неожиданным), задает оценочную перспективу – от «+» к «—»; в-третьих, тем, что в описанной дискурсивной ситуации потенциальная УФ (поговорка) могла выступать как речевая реакция, обладающая прямым референтно-денотативным содержанием. В образно-обобщенной семантике УФ этимологический денотат превращается в «квазиденотат, соотносимый не с обозначаемым» поговорки, «а с его подобием» [Телия 1996: 201].

В лексикографических описаниях поговорка *Начал за здравие, а кончил за упокой* предстает как моносемичная УФ, обладающая значением разной степени обобщенности. Ср.: *Начал говорить о ком-чем-н. хорошо, а кончил плохо* [ТСРЯ 2007: 275] и *О несоответствии хорошего начала плохому концу (в словах, делах и т.п.)* [Жуков 1991: 196]. Речевые факты свидетельствуют о полисемии этой УФ. В 1-м значении, совпадающем с семантическим толкованием в ТСРЯ, поговорка осуществляет анафорическую оценку сообщения, принадлежащего говорящему или – чаще – его собеседнику. Ср.: *А что ж ты, друг сердечный, начал за здравие, а кончил за упокой?* (В. Астафьев. Последний поклон) [НКРЯ]. Во 2-м, производном, значении

Начал делать что-н. хорошо, а кончил плохо – представлен эффект расширения, вызванный меной конкретно-акциональной семы *‘говорить’* на отвлеченно-акциональную сему *‘делать’*. Во 2-м значении пословица не может употребляться в роли метатекстового оператора, осуществляющего анафорическую оценку сообщения. Ср.: *Минувший четверг, 19 февраля, американский фондовый рынок начал за здравие, а кончил за упокой* (РБК Daily, 20.02.2004) [НКРЯ]. Подобная семантическая дифференциация отражается на характере субъекта-подлежащего: если 1-е значение ограничивает замещение этой позиции исключительно обозначениями лиц, то 2-е значение не имеет подобного ограничения.

Пословица *Начал за здравие, а кончил за упокой* обычно сопровождается стилевой пометой «разг.» и стилистическими пометами «неодобр.» и / или «шутл.» [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 247; ТСРЯ 2007: 275]. Однако во 2-м значении эмоционально-оценочные коннотации, лежащие в основе стилистических помет, ощущаются как экспрессивно более выделенные.

Довольно частая встречаемость УФ в речевом узусе и возможность опознавать ее при некоторых отступлениях от привычной речевой формы, не препятствующих семантическому отождествлению УФ, способствуют ее дискурсивному варьированию. «Изменение пословицы... возможно до тех пор, – пишет В.Т. Бондаренко, – пока не нарушается коммуникация, что предполагает в качестве обязательного условия допустимости и «законности» варианта сохранение его соотносительности с соответствующей исходной формой как структурно-семантическим образцом (инвариантом)» [Бондаренко 2009: 89]. Такая УФ, как пословица *Начал за здравие, а кончил за упокой*, характеризуется разнотипным дискурсивным варьированием, охватывающим почти все ее компоненты и способы построения.

1-й тип дискурсивного варьирования связан с синонимической заменой глагола в постсоюзной части: *кончил – свел*. В.П. Жуков рассматривал *вел* не как результат синонимической субституции, а как принадлежность узуальной речевой формы пословицы [Жуков 1991: 196]. Ср.: *А глупо! Я начал за здравие, а свел за упокой* (И. Гончаров. Письма) [НКРЯ]. Надо отметить, что прецеденты подобного варьирования всецело относятся к XIX в., когда глагол *свести* в значении *‘вести к одному концу’* [Даль 2007: 152] был идеографическим синонимом глагола *кончить* и был способен управлять предложно-

падежной словоформой «за + Вин. п.». Ныне этот тип варьирования пословицы принадлежит диахронии.

2-й тип дискурсивного варьирования состоит в замене союза *а* на бессоюзную связь. Ср.: *Чего ты несешь? Начал за здравие, кончил за упокой? А дальше что?* (Разг. речь). Эллипсис союзного маркера никак не устраняет сопоставительно-противительных отношений, которые поддерживаются благодаря интонации противопоставления и двойной антонимической связи частей пословицы (*начал – кончил, за здравие – за упокой*). Резкая противительная пауза, компенсирующая отсутствие союза *а*, в письменной речи фиксируется не только запятой, но и более сильным пунктуационным знаком – тире. Ср.: *Стоп машина! Я начал за здравие – свел за упокой* (Н. Пирогов. Дневник старого врача) [НКРЯ], где представлен также 1-й тип варьирования.

3-й тип дискурсивного варьирования относится к субституции предлога либо предлога и падежа в форме одного из зависимых именных компонентов. Ср.: *Мне могут сказать: начал во здравие, кончил за упокой!* (Г. Адамович. Судьба Иннокентия Анненского) [НКРЯ]; *А перестав себя понимать, рассердился и, начав со здравия, кончил за упокой* (В. Катаев. Время, вперед!) [НКРЯ]. Употребляя с формой Вин. п. предлог *во* вместо предлога *за*, говорящий несколько иначе выражает ту же самую семантику цели. Кроме того, предложно-падежная словоформа *во здравие* является устойчивой, что объясняет фразеологическую обусловленность субституции. Предложно-падежная форма «*со + Род. п.*» обладает фазисным значением начинательности, хотя в ней сохраняется в качестве оттенка значения и семантика цели. Если в предложно-падежной словоформе «*во + Вин. п.*» предлог семантически прикреплен в большей мере к падежной форме имени, с которой он образует устойчивое сочетание, то в предложно-падежной словоформе «*со + Род. п.*» – к глаголу (у В. Катаева – в форме деепричастия), вместе с которым предлог включен в обозначение начальной фазы действия. Показательно, что 3-й тип варьирования тяготеет к взаимодействию со 2-м, причем как в конструкции независимого, так и особенно зависимого таксиса, где бессоюзная связь является структурно обязательной (ср.: **начав со здравия, а кончил за упокой*).

4-й тип дискурсивного варьирования связан с перестановкой компонентов пословицы. Однородные глагольные сказуемые, обозначающие начальную и конечную фазы одного и того же действия, остаются на своих местах, тогда как зависящие от них именные компоненты переставляются. Подобное варьирование вызвано оценочной инверсией:

плохое начало сменяется хорошим концом, т.е. намеренно маркируется оценочная перспектива от «–» к «+». Ср. эксплицитное представление подобной метатезы оценок в следующем употреблении пословицы: *Прежде чем начать это письмо, я еще раз взглянул на Ваши строки; и, взглянув, вспомнил поговорку (sic! – К.С.) «начал за здравие, а свел за упокой». Вы наоборот – начали за мой упокой, а свели за мое здравие!* (К. Леонтьев. Культурный идеал и племенная политика) [НКРЯ]. В этом прецеденте, относящемся к концу XIX в., имеется также архаичный для нашего времени 1-й тип варьирования. Кроме того, имитация диалога привела к атрибутивно-согласовательному распространению именных компонентов формами лично-притяжательного местоимения *мой*, способствующими персонально-дейктической конкретизации пословицы в речи. Ср. еще один пример: – **Начал за упокой, а кончил за здравие?** – спросил Разметнов (М. Шолохов. Поднятая целина) [НКРЯ]. Этот риторический вопрос обращен к деду Щукарю, который начал свою речь на открытом партийном собрании с того, что Кондрат Майданников, как мелкий собственник, недостоин быть в партии («–»), а закончил тем, что этот работающий казак в партии быть достоин («+»). Понятно, что перестановка компонентов пословицы вызвана не чем иным, как приведением анафорических оценок в соответствие с реальной последовательностью фрагментов речи, противоположных по характеру оценки.

5-й тип дискурсивного варьирования представлен усечением союза *а* вместе с вводимой им предикацией. Ср.: *Замначальника управления жилкомхоза Москвы по ремонту и содержанию дорог Владимир Ушаков начал за здравие* (Известия, 06.02.2002) [НКРЯ]; *Шшишкин, Сычев, Булыкин... Много тех, кто начал «за здравие»...* (Советский спорт, 17.03.2009) [НКРЯ]. Усеченные варианты пословицы подвергаются дифференциации по степени интонационной завершенности, отражаемой при пунктуационном оформлении в выборе между точкой и многоточием. Используя точку, подчеркивают, что усечение основано на «освобождении от избыточных и несущественных в плане содержания элементов» (относительная интонационная завершенность); используя многоточие, отмечают «преднамеренную авторскую недоговоренность» (интонационная незавершенность) [Бондаренко 2009: 92]. В примере из газеты «Советский спорт» для обозначения того, что усеченная пословица берется не в 1-м значении, применены кавычки. Интересно отметить, что усечение нередко сопровождает 4-й тип варьирования. Ср.: *Как и Южный в главном матче парижского фина-*

ла, Николай (Давыденко. – К.С.) **начал за упокой**, проиграв первый сет 1:6 (Комсомольская правда, 10.02.2003) [НКРЯ]; **Заметно помолодевший «Аквариум» концерт начал «за упокой»**, с одной из депрессивных песен – «Луна, успокой меня» (Комсомольская правда, 30.01.2008) [НКРЯ]. Усечение связано сугубо с квантитативным варьированием, вопреки которому пословица осознается как целостный составной языковой знак. Этому способствуют противительная интонация и антонимическая предсказуемость компонентов усеченной части.

6-й тип дискурсивного варьирования состоит в замене союзной части пословицы прямым и / или косвенным описанием ухудшения ситуации. Этому типу варьирования обычно сопутствуют другие – 2-й или 5-й. Ср.: *Мол, та же история – форвард сборной России в топ-овом европейском чемпионате начал за здравие, потом снизил обороты...* (Советский спорт, 07.04.2009) [НКРЯ]; *В этом же году в аутсайдеры себя записал «Гамбург». Сменивший Франка Арнесена на посту главного тренера, успешно поработавший в швейцарском «Базеле» Торстен Финк начал за здравие. Однако в трех последних турах «Гамбург» набрал всего два балла, а в последнем туре с треском провалил домашний поединок с дортмундской «Боруссией»* (Советский спорт, 27.01.2012) [НКРЯ]. При этом сопоставительно-противительные отношения, конструктивно значимые для пословицы, переосмысляются либо как отношения временной последовательности (наречие *потом* в присоюзной позиции), либо как собственно противительные (союз *однако* в функции текстового коннектора). 6-й тип варьирования сдерживается отрицательно-оценочным ореолом союзной части, но при этом позволяет включать в речевую «ткань» пословицы любое необходимое говорящему конкретное предметно-ситуативное содержание. Этот тип варьирования показывает единство и взаимодействие оценочной и дескриптивной информации, а также тенденцию к разрушению тождества пословицы в свободном речетворчестве.

Нужно отметить, что 2-й – 6-й типы варьирования пословицы в дискурсе принадлежат синхронии. Они участвуют в модификации пословицы как по отдельности, так и в комплексах. По данным НКРЯ, имеется тенденция к предпочтению некоторых синхронических типов варьирования пословицы в определенных дискурсивных практиках. Например, 5-й и 6-й типы варьирования встречаются преимущественно в спортивной журналистике. Типы дискурсивного варьирования пословицы *Начал за здравие, а кончил за упокой* обнаруживают, что своеобразными константами в ней служат инициальный компонент

Начал, зависимый от него именной компонент с семантикой цели (за *здравие* чаще, чем за *упокой*) и интонация противопоставления. Половина типов варьирования (4-й, 5-й и 6-й) напрямую обусловлены намерением преобразовать, подчеркнуть или разъяснить ту оценочную структуру, которая создает поговорку как форму представления аксиологического знания.

В заключение принципиально важно сказать о том, что такая УФ, как поговорка *Начал за здравие, а кончил за упокой* является аксиологическим знаком, благодаря которому передается ценностное представление и выражается оценочное содержание. Категория оценки, играющая в этом фразовом знаке конституирующую роль, выступает как объяснительный «императив» при уточнении именуемых данных об этимологии, семантике и ряде приемов дискурсивного варьирования УФ. Новое описание УФ предназначено, во-первых, для нужд лексикографии, в особенности аспектной, а во-вторых, для обсуждения насущной во фразеологии «проблемы семантического синтеза своих единиц в текст», «интеграции ее результатов в общее описание языка в действии» [Телия 1996: 53].

Литература

- Ардов М.* Монография о графомане. М.: Захаров, 2004.
- Архангельский В.Л.* Устойчивые фразы в современном русском языке: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1964.
- Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. 3-е изд. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005.
- Бондаренко В.Т.* О варьировании пословично-поговорочных выражений в речи // Русский язык в школе. 2009. № 5. С. 88-92.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. IV. 4-е изд. М.: Русский язык, 2007.
- Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. 4-е изд. М.: Русский язык, 1991.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 17.01.2020).
- Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007.

Sinclair J. The phrase, the whole phrase, and nothing but the phrase // *Phraseology: An interdisciplinary perspective* / Ed. by S. Granger, F. Meunier. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008. P. 407-410.

K.Ya. Seagal (*Moscow, Russia*)

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

FIXED PHRASE AS AN AXIOLOGICAL SIGN

The article is devoted to the description of the Russian fixed phrase «Nachal za zdravie, a konchil za upokoj» (‘Started on a merry note, but finished on a sad one’) as an axiological sign. It is proposed to clarify its etymology and semantic representation. Some techniques of the fixed phrase variation in discourse are considered. In addition, the author shares his memories of Professor V.N. Teliya.

Key words: fixed phrase, axiology, etymology, semantics, variation in discourse, V.N. Teliya.

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ ВЕРОНИКИ НИКОЛАЕВНЫ ТЕЛИЯ

Диссертации

Кандидатская, защищена в 1968 г.

Типы преобразований лексического состава идиом. Автореф. дисс. М.: Институт языкознания АН СССР, 1968. 22 с.

Докторская, защищена в 1982 г.

Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке. Автореф. дисс. М.: Институт языкознания АН СССР, 1982. 48 с.

Монографии

1. Что такое фразеология? М.: Наука, 1966. 86 с.

2. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М.: Наука, 1981. 269 с.

3. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.

4. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

Словари

5. (в соавт. с Е.М. Вольф, А.К. Жолковским, И.А. Мельчуком) *Друг* // Мельчук И.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь русского языка: Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. 2-е изд., испр. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. С. 211-214, 215.

6. (в соавт. с Е.М. Вольф, А.К. Жолковским, И.А. Мельчуком) *Дружба, дружен, дружеский, дружественный, дружить, дружный* // Мельчук И.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь русского языка: Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. 2-е изд., испр. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. С. 215-223.

7. (в соавт. с Е.М. Вольф, Л.Н. Иорданской) *Предлагать, предлагаться, предложение* // Мельчук И.А., Жолковский А.К. Толково-

комбинаторный словарь русского языка: Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. 2-е изд., испр. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. С. 380-384.

8. (в соавт. с Е.М. Вольф, Л.Н. Иорданской) *Приглашать, приглашение* // Мельчук И.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь русского языка: Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. 2-е изд., испр. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. С. 387-390.

9. Словарь образных выражений русского языка / авт.-сост. Т.С. Аристова, М.Л. Ковшова, Е.А. Рысева, В.Н. Телия, И.Н. Черкасова / под ред. В.Н. Телия. М.: Отечество, 1995. 367 с.

10. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Авт.-сост. Брилева И.С., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Зыкова И.В., Кабакова С.В., Ковшова М.Л., Красных В.В., Телия В.Н. / отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.

Статьи, тезисы

11. Некоторые вопросы фразеологической синонимии // Вопросы изучения русского языка. Ростов-на-Дону, 1962.

12. О многозначности фразеологических единиц русского языка // Доклады научной конференции аспирантов Ростов-на-Дону пед. института. Ростов-на-Дону, 1962. С. 162-169.

13. Виды преобразований фразем в слова // Вопросы изучения русского языка. Ростов-на-Дону, 1963.

14. О термине «фрагема» // Тезисы научной конференции аспирантов ИЯз АН СССР. М.: Наука, 1963.

15. О количественных преобразованиях фразеологических единиц // Тексты докладов научной конференции аспирантов. Ростов-на-Дону, 1964.

16. О фразематике как лингвистической дисциплине // Актуальные проблемы современного языкознания. Самарканд, 1965. С. 91-93.

17. (в соавт. с Ф.Д. Ашниным, Н.П. Дебец, М.Г. Ижевской, В.Ф. Дубровиной, Х.Ф. Исхаковой, А.М. Сабениной, А.В. Супруном, К.Г. Филоновой) Общее языкознание. Библиографический указатель литературы, изданной в СССР с 1918 по 1962 г. / отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1965. 276 с.

18. (в соавт. с Ф.Д. Ашниным, Н.П. Дебец, М.Г. Ижевской, Р.Д. Равич, А.М. Сабениной, А.В. Супруном, К.Г. Филоновой) Струк-

турное и прикладное языкознание. Библиографический указатель литературы, изданной в СССР с 1918 по 1962 г. / отв. ред. А.А. Реформатский. М.: Наука, 1965. 195 с.

19. О термине «фразаема» (в связи с описанием вариантности фразеологизмов) // Проблемы лингвистического анализа (Фонология, грамматика, лексикология). М.: Наука, 1966. С. 188-190.

20. О лексических компонентах фраземы как элементах ее структуры // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1967. С. 210-220.

21. Фразеология // Теоретические проблемы советского языкознания. М.: Наука, 1968. С. 257-287.

22. О вариантности лексического состава идиом. (В связи с проблемой соотношения «формы» и «содержания» лингвистических единиц. К постановке вопроса) // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума. Ноябрь 1968 г. / отв. ред. В.Л. Архангельский. Тула, 1968. С. 140-147.

23. О вариантах протяженности идиом // Система и уровни языка. М.: Наука, 1969. С. 198-211.

24. О вариантности слов и вариантности идиом // Вопросы фразеологии. Самарканд, 1970. С. 172-188.

25. Об одном виде фразообразования в области словообразовательных отношений // Вопросы семантики фразеологических единиц. На материале русского языка. Ч. 1. Тезисы докладов и сообщений. Новгород, 1971. С. 84-92.

26. Вариантность идиом и принципы идентификации вариантов // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Тула, 1972. С. 30-69.

27. Фразеология // Общее языкознание. Внутренняя структура языка / отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1972. С. 456-515.

28. О типах и способах фразообразования в его коммуникативно-функциональном аспекте описания // Проблемы русского фразообразования. Тула, 1973. С. 25-44.

29. Семантическая структура группы слов со значением отношения (типа *дружить*) // Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов четвертой лингвистической конференции «Слово в языке, речи и тексте». 7-8 мая 1974 г. Новосибирск, 1974.

30. Коммуникативно-функциональное описание несвободной сочетаемости слов // Всесоюзная научная конференция по теоретическим

проблемам языкознания, 11-16 ноября 1974 г.: тезисы докладов и сообщений пленарных заседаний. М.: Наука, 1974.

31. Семантический аспект сочетаемости слов и фразеологическая сочетаемость // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 244-267.

32. (в соавт. с А.А. Уфимцевой, Э.С. Азнауровой, Е.С. Кубряковой) Лингвистическая сущность и аспекты номинации // Языковая номинация. Общие вопросы. М.: Наука, 1977. 7-98 с.

33. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (виды наименований) / отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. М.: Наука, 1977. С. 129-221.

34. О номинативном аспекте лексической семантики // Проблемы значения в современной лингвистике. М.: Наука, 1977.

35. Идиома // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. С. 90.

36. Идиоматичность // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. С. 90-91.

37. Номинация // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. С. 162-163.

38. Фразеологизм // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. С. 381-383.

39. Фразеология // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. С. 384-385.

40. Экспрессивность // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. С. 403-404.

41. Семантика связанных значений слов и их сочетаемости // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980. С. 250-319.

42. О регулярности процессов фразеобразования // Словообразование и фразеобразование. Тезисы докладов научной конференции. М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1981.

43. О роли коннотативного компонента в семантике слова и предложения // Семиотические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Тезисы докладов Всесоюзной школы-семинара. [Телави, 1983]. М.: ВИНТИ, 1983. С. 240-242.

44. О соотношении фразеобразования и идиообразования // Вопросы общей и дагестанской фразеологии. Махачкала, 1984. С. 38-47.

45. Коннотативный аспект семантики языковых сущностей и его роль в формировании семантики предложения // Всесоюзная научная конференция «Коммуникативные единицы языка». Тезисы докладов. М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1984. С. 120.

46. Семантика экспрессивности // Семантические категории языка и методы их изучения. Уфа, 1985. С. 85-86.

47. О специфике отображения мира психики и знания в языке // *Сущность, развитие и функции языка*. М.: Наука, 1987. С. 67-75.
48. Лексические модулы экспрессивности // *Памяти Г.В. Колшанского*. Уч. зап. МГПИИЯ им. М. Тореца, 1987. Вып. 284. С. 14-20.
49. Семантическая структура фразеологизмов-идиом и принципы их фразеографической обработки // *Фразеологизм и его лексикографическая разработка*. Минск: Наука и техника, 1987. С. 98-101.
50. (в соавт. с Е.Г. Борисовой, Е.И. Дибровой, Д.О. Добровольским, Т.З. Черданцевой) *Фразеографические параметры и их описание в словаре (на материале русской идиоматики)* // *Материалы междунар. симпоз.* Минск: Наука и техника, 1987. С. 9-18.
51. Метафора как проявление принципа антропоцентричности в естественном языке // *Язык и логическая теория: сб. научных трудов. Материалы Междунар. конгресса по логике и методологии науки*. М.: Наука, 1987. С. 86-192.
52. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // *Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира* / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1988. С. 173-204.
53. Предисловие // *Метафора в языке и тексте* / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1988. С. 3-10.
54. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // *Метафора в языке и тексте* / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1988. С. 26-51.
55. (в соавт. с А.Н. Барановым, Е.Г. Борисовой, Д.О. Добровольским) *Введение // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для Машинного фонда русского языка. Материалы к методической школе-семинару. Сб. статей* / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Научный совет по лексикологии и лексикографии. Ин-т русского языка АН СССР, 1988. С. 4-10.
56. *Природа и сущность знаковой функции идиом // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для Машинного фонда русского языка. Материалы к методической школе-семинару. Сб. статей* / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Научный совет по лексикологии и лексикографии. Ин-т русского языка АН СССР, 1988. С. 11-16.
57. *Функционально-параметрическая модель значения идиом // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для Машинного фонда русского языка. Материалы к методической школе-семинару. Сб. статей* / отв. ред. В.Н. Телия. М.: На-

учный совет по лексикологии и лексикографии. Ин-т русского языка АН СССР, 1988. С. 18-35.

58. Структура и состав словарной статьи для идиом в Автоматизированном словаре // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для Машинного фонда русского языка. Материалы к методической школе-семинару. Сб. статей / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Научный совет по лексикологии и лексикографии. Ин-т русского языка АН СССР, 1988. С. 50-58.

59. (в соавт. с Е.Г. Борисовой, Д.О. Добровольским) Типология фразеологических словарей (на базе ФПМФ) // Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для Машинного фонда русского языка. Материалы к методической школе-семинару. Сб. статей / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Научный совет по лексикологии и лексикографии. Ин-т русского языка АН СССР, 1988. С. 192-195.

60. Коннотация // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 236.

61. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 336-337.

62. Фразеологизм // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 559-560.

63. Фразеология // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 560-561.

64. Введение // Фразеография в Машинном фонде русского языка / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1990. С. 3-9.

65. (в соавт. с А.Н. Барановым, Е.Г. Борисовой, Д.О. Добровольским) Компьютерная фразеография и ее концептуальные оппозиции // Фразеография в Машинном фонде русского языка / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1990. С. 10-31.

66. Семантика идиом в функционально-параметрическом отображении // Фразеография в Машинном фонде русского языка / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1990. С. 32-33.

67. Динамический потенциал экспрессивно окрашенных наименований // *Dynamické tendencie v jazykovej komunikácii: materiály z vedeckej konferencie konanej v Smoleniciach, 23.-25. mája 1988* / zostavil Ján Bosák. Bratislava: Jazykovedný ústav Ľudovíta Stúra SAV, 1990.

68. Lexicographic description of words and collocations. Feature-functional model // *Proceedings of EURALEX, Malaga, 1990*. P. 315-320.

69. Постулаты теоретической и компьютерной фразеологии // Современная русистика. М.: Наука, 1990.
70. Предисловие // Языковые механизмы экспрессивности / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1991. С. 3-4.
71. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Языковые механизмы экспрессивности / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1991. С. 5-36.
72. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Языковые механизмы экспрессивности / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1991. С. 36-66.
73. (в соавт. с Д.О. Добровольским) Предварительные замечания // Макет словарной статьи для Автоматизированного Толково-идеографического словаря русских фразеологизмов. (Образцы словарных статей) / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1991. С. 3-6.
74. Макет словарной статьи для Автоматизированного Толково-идеографического словаря идиом (АТИСИ): идеология и технология // Макет словарной статьи для Автоматизированного Толково-идеографического словаря русских фразеологизмов. (Образцы словарных статей) / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1991. С. 18-38.
75. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) // Славянское языкознание. XI Международной съезд славистов. М.: Наука, 1993. С. 302-314.
76. «Говорить» в зеркале обиходного сознания // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Индрик, 1994. С. 93-98.
77. Номинативный состав языка как объект лингвокультурологии // Национально-культурный компонент в тексте и в языке. Тезисы докладов Межд. науч. конф. В 2 ч. Ч. 1. Минск: «Універсітэцкае», 1994. С. 15.
78. (в соавт. с Н.Г. Брагиной, Е.О. Опариной, И.И. Сандомирской). Идеографический принцип и его роль в словарном описании лексических коллокаций // Идеографический и историко-этимологический анализ славянской фразеологии. Псков, 1994. С. 89-97.
79. (в соавт. с Н.Г. Брагиной, Е.О. Опариной, И.И. Сандомирской). Словарь устойчивых словосочетаний русского языка. Мир человека: идеи, чувства, свойства личности, межличностные отношения и культурные конструкты // Словарь и культура. Материалы междунар. науч. конференции. М., 1995. С. 106-108.
80. О методологических основаниях лингвокультурологии // Логика, методология, философия науки. Тезисы докладов. М.-Обнинск, 1995. С. 102-104.

81. Предисловие // Словарь образных выражений русского языка / авт.-сост. Т.С. Аристова, М.Л. Ковшова, Е.А. Рысева, В.Н. Телия, И.Н. Черкасова. / под ред. В.Н. Телия. М.: Отечество, 1995. С. 5-9.

82. Основные особенности значения идиом как единиц фразеологического состава языка // Словарь образных выражений русского языка / авт.-сост. Т.С. Аристова, М.Л. Ковшова, Е.А. Рысева, В.Н. Телия, И.Н. Черкасова / под ред. В.Н. Телия. М.: Отечество, 1995. С. 10-16.

83. (в соавт. с Г.А. Мартыновой) Как пользоваться словарем // Словарь образных выражений русского языка / авт.-сост. Т.С. Аристова, М.Л. Ковшова, Е.А. Рысева, В.Н. Телия, И.Н. Черкасова / под ред. В.Н. Телия. М.: Отечество, 1995. С. 17-22.

84. К проблеме связанного значения слова: гипотезы, факты, перспективы // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М.: Наука, 1995. С. 25-36.

85. О различии рациональной и эмотивной / эмоциональной оценки // Функциональная семантика: Оценка, экспрессивность, модальность. In *memoiam* Е.М. Вольф. М.: Институт языкознания РАН, 1996. С. 31-38.

86. Активные зоны в Автоматизированном толково-идеографическом словаре русских идиом (система АТИСИ) // Лингвистическая прагматика в словаре: виды реализации и способы описания. СПб.: ИЛИ РАН, 1997. С. 74-76.

87. Идиома // Русский язык: Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия: Дрофа, 1997. С. 145.

88. Идиоматичность // Русский язык: Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 145

89. Коннотация // Русский язык: Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия: Дрофа, 1997. С. 193-194.

90. Номинация // Русский язык: Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия: Дрофа, 1997. С. 269-270.

91. Фразеологизм // Русский язык: Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия: Дрофа, 1997. С. 605-607.

92. Фразеологические словари // Русский язык: Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия: Дрофа, 1997. С. 607-608.

93. Фразеология // Русский язык: Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия: Дрофа, 1997. С. 608-609.

94. Экспрессивность // Русский язык: Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия: Дрофа, 1997. С. 637-638.

95. *Phraseological Entities as a Language of Culture (Methodological Aspects)* // Eurofras 95. *Europäische Phraseologie im Vergleich: gemein-*

sames Erbe und kulturelle Vielfalt / W. Eismann (Hrsg.). Bochum: Brockmeyer, 1998. S. 28-41.

96. (Bragina N., Oparina E., Sandomirskaja I.) Phraseology as a Language of Culture: It's Role in the Representation of a Cultural Mentality // Phraseology. Theory, Analysis, and Applications / ed. by A.P. Cowie. Clarendon Press, Oxford, 1998. P. 55-75.

97. Деконструкция стереотипов окультуренного мировидения во фразеологических знаках // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. Материалы к коллективному исследованию. Тезисы докладов / отв. ред. Т.М. Николаева. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1999. С. 83-94.

98. Рефлексы архетипов сознания в культурном концепте «родина» // Славянские этюды: Сб. к юбилею С.М. Толстой. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1999. С. 466-476.

99. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13-24.

100. Основные постулаты лингвокультурологии // Филология и культура: материалы II междунар. конф. 12-14 мая 1999 г.: в 3 ч. / отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ, 1999. Ч. III. С. 14-15.

101. Коммуникативная функция языка и проблема культурно-языковой компетенции (к постановке проблемы) // Коммуникативная лингвистика и коммуникативно-деятельностный подход к обучению языкам. Сб. памяти Г.В. Колшанского. М.: ИЯз РАН, МГЛУ, 2000. С. 20-34.

102. Концептообразующая флуктуация константы культуры *родная земля* в наименовании *родина* // Язык и культура. Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 409-420.

103. Эпидигматическое измерение – ключ к культурной интерпретации фразеологических знаков // Третьи Шмелевские чтения. М.: Ин-т русского языка РАН, 2002.

104. Объект лингвокультурологии между Сциллой лингвокреативной техники языка и Харибдой культуры (к проблеме частной эпистемологии лингвокультурологии) // С любовью к языку. Посвящается Е.С. Кубряковой. М.-Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский гос. ун-т, 2002. С. 89-97.

105. Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов – знаков-микротекстов // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сборник статей в честь Н.Д. Арутюновой. М., 2004. С. 674-684.

106. От редактора // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 9-15.

107. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 19-30.

108. Живодейственное наследие культуры в лексикографическом формате «Толково-культурологического словаря фразеологизмов современного русского языка» // Проблемы русской лексикографии. Тезисы докладов международной конференции. Шестые Шмелевские чтения. 24-26 февраля 2004 г. М.: РАН, ИРЯ им. В.В. Виноградова, 2004. С. 102-105.

109. Концепт «товарищ»: камо грядеши? (социолингвистические перепоутья) // Семиотика. Лингвистика. Поэтика. К столетию со дня рождения А.А. Реформатского. М., 2004. С. 466-478.

110. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык. Сознание. Коммуникация: Сб. статей. Вып. 30. М.: МАКС Пресс, 2005. С. 4-42.

111. Предисловие // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. С. 6-14.

112. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. С. 776-782.

113. (в соавт. с А.В. Дорошенко) Лингвокультурология – ключ к новой реальности феномена воспроизводимости несколькихсловных образований // Язык. Культура. Общение: Сборник научных трудов в честь юбилея С.Г. Тер-Минасовой. М.: Гнозис, 2008. С. 207-216.

114. (в соавт. с А.В. Дорошенко) Лингвокультурологическая гипотеза воспроизводимости языковых выражений // Живодействующая связь языка и культуры. Материалы конф., посвященной юбилею проф. В.Н. Телия. Тула, 2010. В 2-х тт. Т. 1. С. 5-13.

115. (в соавт. с Е.О. Опариной) Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак // Культурология. 2011. 1 (56). С. 145-148.

Составил с уточнением и добавлением данных П.С. Дронов.

Научное издание

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 2 (45)

ЗНАКИ ЯЗЫКА И СМЫСЛЫ КУЛЬТУРЫ

**Сборник научных трудов,
посвященный памятного юбилею
Вероники Николаевны Телия**

Главный редактор
Болдырев Николай Николаевич

Ответственный редактор выпуска
Ковшиова Мария Львовна

Компьютерная верстка *С.Г. Павловой*

ISBN 978-5-00078-450-1

9 785000 784501 >

Подписано в печать 14.04.2021 г. Дата выхода в свет 29.04.2021 г. Формат 60×84/16.
Физ. печ. л. 40,45. Тираж 500 экз. Заказ 21054. Цена свободная

Учредители:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
Общероссийская общественная организация
«Российская ассоциация лингвистов-когнитологов»
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт языкознания Российской академии наук

Адрес редакции и издателя: 392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Издательский дом «Державинский»
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г
Отпечатано в типографии Издательского дома «Державинский»
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

**Книги, вышедшие в научной серии
«КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА»,
представляют интерес для студентов, аспирантов,
преподавателей, ученых, занимающихся исследованиями
в области когнитивной лингвистики**

Вып. I: Концептуальный анализ языка: сб. науч. трудов / гл. ред. серии Е. С. Кубрякова. М.; Тамбов, 2009.

Вып. II: Проблемы репрезентации в языке: сб. науч. трудов / гл. ред. серии Е. С. Кубрякова. М.; Тамбов, 2009.

Вып. III: Типы знаний и проблема их классификации: сб. науч. трудов / гл. ред. серии Е. С. Кубрякова. М.; Тамбов, 2008.

Вып. IV: Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. / гл. ред. серии Е. С. Кубрякова. М.; Тамбов, 2009.

Вып. V: Исследование познавательных процессов в языке: сб. науч. трудов / гл. ред. серии Е. С. Кубрякова. М.; Тамбов, 2009.

Вып. VI: Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. материалов / гл. ред. серии Е. С. Кубрякова. М.; Тамбов, 2010.

Вып. VII: Типы категорий в языке: сб. науч. трудов / гл. ред. серии Е. С. Кубрякова. М.; Тамбов, 2010.

Вып. VIII: Проблемы языкового сознания: материалы Международной научной конференции 15–17 сентября 2011 г. / гл. ред. серии Е. С. Кубрякова. М.; Тамбов, 2011.

Вып. IX: Взаимодействие когнитивных и языковых структур: сб. науч. трудов / гл. ред. серии Е. С. Кубрякова. М.; Тамбов, 2011.

Вып. X: Категоризация мира в языке: коллектив. моногр. / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2012.

Вып. XI: Международный конгресс по когнитивной лингвистике 10–12 октября 2012 года: сб. материалов / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2012.

Вып. XII: Теоретические аспекты языковой репрезентации: сб. материалов / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2012.

Вып. XIII: Ментальные основы языка как функциональной системы: сб. науч. трудов / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2013.

Вып. XIV: Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы: материалы Всероссийской научной конференции 11–12 апреля 2013 г. / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2013.

Вып. XV: Механизмы языковой когниции: сб. науч. трудов / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2013.

Вып. XVI: Языковое сознание и когнитивное моделирование: сб. науч. трудов / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2014.

Вып. XVII: Актуальные проблемы взаимодействия мыслительных и языковых структур: сб. науч. трудов / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2014.

Вып. XVIII: Язык, познание, культура: методология когнитивных исследований: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике 22–24 мая 2014 года / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов; Челябинск, 2014.

Вып. XIX: Когнитивное варьирование в языковой интерпретации мира: сб. науч. трудов / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2014.

Вып. XX: От когнитивной лингвистики к когнитивному терминоведению: сб. науч. трудов / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2015.

Вып. XXI: Проблемы современной лингвистики: на стыке когниции и коммуникации: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием 25–26 июня 2015 г. / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2015.

Вып. XXII: Язык и сознание в междисциплинарной парадигме исследований: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике 30 сентября – 2 октября 2015 г. / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов; СПб, 2015.

Вып. XXIII: Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях: сб. науч. трудов / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2015.

Вып. XXIV: Личность. Язык. Сознание: сб. науч. трудов / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2016.

Вып. XXV: Язык и человек: проблемы когниции и коммуникации: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием 16 мая 2016 г. / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2016.

Вып. XXVI: Когнитивные технологии в теоретической и прикладной лингвистике: материалы Международной научной конференции 22–24 сентября 2016 г. / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов; Тюмень, 2016.

Вып. XXVII: Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике: сб. науч. трудов / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2016.

Вып. XXVIII: Антропоцентрический характер языка: коллектив. моногр. / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2017.

Вып. XXIX: Когниция и коммуникация в лингвистических исследованиях: сб. науч. трудов / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2017.

Вып. XXX: Когнитивная лингвистика в антропоцентрической парадигме исследований: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 20–22 сентября 2017 г. / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов; Белгород, 2017.

Вып. XXXI: Когнитивно-функциональная грамматика: тенденции и перспективы: сб. науч. трудов / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2017.

Вып. XXXII: В поисках смыслов языка: сб. науч. тр. в честь 90-летия Е. С. Кубряковой / отв. ред. выпуска О. К. Ирисханова. М.; Тамбов, 2018.

Вып. XXXIII: Когнитивные исследования в гуманитарных науках: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 17–18 мая 2018 г. / отв. ред. вып. Л. В. Бабина. М.; Тамбов, 2018.

Вып. XXXIV: Cognitio и Communicatio в современном глобальном мире: материалы VIII Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 10–12 октября 2018 г. / отв. ред. вып. Л. А. Манерко. М., 2018.

Вып. XXXV: Взгляд в будущее: новые перспективы когнитивных исследований языка: материалы Круглого стола. Московский государственный лингвистический университет. 2 ноября 2018 года / гл. ред. вып. О. К. Ирисханова. Тамбов, 2018.

Вып. XXXVI: Понимание. Интерпретация. Когнитивное моделирование: сборник научных трудов в честь 70-летия В. З. Демьянкова / отв. ред. выпуска М. Л. Ковшова. Тамбов, 2019.

Вып. XXXVII: Интегративные процессы в когнитивной лингвистике: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 16–18 мая 2019 г. / отв. ред. вып. Т. В. Романова. Нижний Новгород, 2019.

Вып. XXXVIII: Языки, культуры, модальности: Интеграция методов когнитивных исследований языка: материалы Круглого стола. Московский государственный лингвистический университет. 1 ноября 2019 года / гл. ред. вып. О. К. Ирисханова. Тамбов, 2019.

Вып. XXXIX: Репрезентация специальных знаний в языке: сборник научных трудов / гл. ред. вып. Т. А. Клепикова. Тамбов, 2019.

Вып. № 1 (40): Гуманитарное знание и ответы на вызовы XXI века: когнитивно-дискурсивные стратегии: материалы Международной научной конференции. Российский государственный гуманитарный университет. 21–22 марта 2019 года / гл. ред. вып. В. И. Заботкина. М., 2020.

Вып. № 2 (41): Когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике и смежных науках: современные проблемы и методология исследования: материалы X Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 17–20 сентября 2020 г. / отв. ред. вып. А. П. Чудинов. Екатеринбург, 2020.

Вып. № 3 (42): Взаимодействие мыслительных и языковых структур: собрание научной школы: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. г. Тамбов. 9 октября 2020 года / отв. ред. вып. Л. А. Фурс. Тамбов, 2020.

Вып. № 4 (43): Когнитивные доминанты языкового сознания: коллектив. моногр. / отв. ред. вып. С. Г. Виноградова. Тамбов, 2020.

Вып. № 1 (44): Когнитивные исследования естественной коммуникации: Qs&As: материалы Круглого стола. Московский государственный лингвистический университет. 29 октября 2020 года / гл. ред. вып. О. К. Ирисханова. Тамбов, 2021.

Вопросы КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Журнал «Вопросы когнитивной лингвистики» индексируется в Международной базе данных SCOPUS и включен в Международную базу журналов ERIN PLUS.

Журнал «Вопросы когнитивной лингвистики» и серия книг «Когнитивные исследования языка» входят в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Научную литературу можно приобрести через

ИНТЕРАКТИВНЫЙ ЦЕНТР ЗАКАЗОВ

www.ralk.info

поможет Вам легко и быстро:

- ▶ оформить заказ на приобретение научной литературы;
- ▶ оформить заказ на любой номер журнала «Вопросы когнитивной лингвистики» (2004–2021 гг.);
- ▶ получить бланк с реквизитами для оплаты членского взноса.

Общероссийская общественная организация
«Российская ассоциация лингвистов-когнитологов»
392000, Россия, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33.
E-mail: sekretar@ralk.info, ralk@tsu.tmb.ru

